

Кирилл ФРОЛОВ

С В Я Т Ы Е
и П Р О Р О К И
БЕЛОЙ РУСИ

Москва • Книжный мир • 2018

Фролов К.А.

Святые и пророки Белой Руси. – М.: Книжный мир, 2018. – 784 с.

ISBN

Книга «Святые и пророки Белой Руси» призвана открыть глаза нашим современникам на тот очевидный для серьезных историков, филологов и православных богословов факт, что и в Москве, и во Владивостоке, и в Бресте, и в Гродно, в Полоцке и Витебске, и в Киеве с Ужгородом живет один православный русский народ. Все усилия тоталитарной русофобской пропаганды, призванные насадить в умах и сердцах русских людей Белой и Малой Руси противоположное, будут сведены на нет, если обманутым «геббельсовской» русофобской пропагандой людям привести документы, факты их собственной истории «от Адама до Потсдама» и выстраданную, научно и богословски выверенную позицию великих людей Белой Руси, многие из которых прославлены Русской Православной Церковью в лике святых, а те, кто из описанных в книге еще не прославлен, являются великими национальными пророками и светочами Белой и Малой Руси. И личности, мысли, аргументы, слова и дела этих великих светочей и подлинных национальных героев описаны в книге, где раскрывается эпопея Православного Русского Сопротивления и русского гражданского общества, православных братств и интеллектуальных центров Белой и Малой Руси, которые эффективно противостояли попыткам лишить народ Белоруссии и Малороссии своей религиозной (православной) и национальной (русской) идентичности, насадить вместо них «негативные идентичности» (автор термина – известный православный аналитик А.В. Щипков) «змагарства» и «мазепинства», выдать их за «национальное возрождение». Но святые и национальные пророки Белой, Малой и Подкарпатской Руси насмерть стояли за свои Православную веру и русское национальное самосознание. Следовательно, вышеупомянутые искусственные, сфабрикованные могильщиками Православия и русского народа «негативные идентичности» являются не национальным возрождением, не «национализмом», а их уничтожением.

О том, что бывает, когда у обманутых русских людей открываются глаза на обман, свидетельствует приводимая в книге история святого брестского игумена Афанасия (Филипповича). Когда этот образованнейший белорусский юноша узнал о том, что литовский канцлер Лев Сапега использовал его против России, сделав воспитателем готовившегося канцлером марионеточного правителя оккупированной России, Филиппович стал монахом и добрался до русского царя Михаила Федоровича Романова, рассказал ему о готовящемся против него и России заговоре и оккупации. Затем, вернувшись в Брест, посвятил свою жизнь борьбе с унией и за воссоединение Великой, Малой и Белой России, стал идейным вдохновителем православного русского восстания во главе с гетманом Богданом Хмельницким, за что три раза арестовывался, подвергался страшным пыткам и в итоге был расстрелян оккупантами. Описанные в книге борьба и подвиг «святого белорусского партизана» игумена Афанасия и многих таких, как он, святых и пророков Белой Руси откроют глаза и станут примером для многих обманутых антиправославной антирусской (следовательно – антибелорусской) пропагандой и позволят остановить готовящийся в Белоруссии «украинский» сценарий, а также приблизят час неизбежного воссоединения Великой, Малой и Белой Руси, важным шагом к которому станет реальное строительство Союзного Государства Белоруссии и России.

© К.А. Фролов, 2018
© Книжный мир, 2018

Часть I.

«ПРАВОСЛАВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ», РУССКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ЗАПАДНОЙ РУСИ И РУССКОЕ ВОССОЕДИНЕНИЕ

Когда говорят о пользе российско-белорусского Союза, справедливо отмечают его взаимные экономические и геополитические выгоды. Это, конечно, важно правильно. Но следует знать и помнить, что самое главное в нашем Союзе – это воссоединение единого русского народа, осуществляющееся сейчас в форме Союзного Государства Белоруссии и России, которое необходимо наполнить реальным содержанием. Основой дальнейшего воссоединения разделенного русского народа является целостность и неделимость Русской Православной Церкви Московского и всей Великой, Малой и Белой России Патриархата (такой титул справедливо усвоил себе идеолог воссоединения Патриарх Никон). Воссоединение разделенного народа именуется в политическом лексиконе «ирредентой». Ближайший прецедент «ирреденты» – недавнее воссоединение Западной и Восточной Германии. Проиллюстрировать на основе исторических этнографических данных факт единства белорусов великороссов,

показать, что духовная и культурная элита Западной Руси осознавала себя русской, принимала полноценное участие в выработке русского литературного языка, развитии русской культуры и, безусловно, стремилась к национально-государственному единству России, показать, что между великороссами белорусами не существует никаких этнических границ (Тверская епархия ранее входила в Полоцкую, св. Кирилл Туровский духовно окормлял и направлял владимирского князя Андрея Боголюбского), является актуальной задачей, так как многочисленные внешние и внутренние противники воссоединения лихорадочно ищут свои аргументы, не гнушаясь никакой демагогией. В частности, постулируются разного рода псевдонаучные «теории», призванные поставить под сомнение очевидный факт: на протяжении столетий русский народ, живущий на пространстве от Бреста до Тихого океана, был единым и неделимым. Противники воссоединения утверждают, что белорусы исторически являлись отдельным народом (взаимопротиворечащие «балто-славянская», «литвинская» и «кривичская» теории), а затем якобы были оккупированы Россией подавлялись ей. Наиболее радикальные противники русского единства пытаются навязать русскому народу т. н. «литвинскую идею»: попросту переименовав белорусов в литвинов, они пытаются убедить нас в существовании «литвинской нации», якобы ведущей свою историю со времен Литовско-Русского государства.

Почему в книге так много Малой, Червонной и Подкарпатской Руси?

Потому что Московский собор 1620 года, который рассматривал все, что происходило в южной и западной Руси в период «дна» – с 1612-го по 1620 г., когда в южной и западной Руси после смерти двух не принявших унию православных епископов не осталось православной церковной иерархии (это указывает на то, что и на востоке, и на западе Руси считали Малую Белую Русь канонической территорией Московского Патриаршего Престола), – всех православных подданных Речи Посполитой от Вильны до Львова называл «белорусцами».

Потому что великое движение «Православного Сопротивления» и русского гражданского общества – движение православных братств началось во Львове, там было создано первое православное братство – Успенское и все православные братства Белой Руси – Виленское, Минское, Оршанское, Могилевское – должны были ориентироваться на него. Чтобы у читателя не возникло иллюзий и заблуждений насчет Львова, в книге описано, что этот великий православный русский центр стал униатским и антирусским путем первого в двадцатом веке геноцида, когда Галицкая Русь была физически уничтожена «мазепинским» агрессивным меньшинством. Если зло не остановить, то же самое будет и в Белой Руси.

Великое могилевское Богоявленское братство, из которого Патриарх Никон сотнями активных православных людей черпал кадры для воссоединения Великой,

Малой и Белой Руси, было основано св. митрополитом Киевским и Малой России Петром Могиллой – великим русским иерархом, из которого фальсификаторы истории делают антирусского, как из Малой России – анти-Россию. Если зло не остановить, то же самое будет и в Белой Руси.

О грандиозной роли православных братств как центров русского гражданского общества свидетельствует тот факт, что на ежемесячном обязательном собрании каждого братства обязательным пунктом повестки дня был вопрос о защите и состоянии православных веры Церкви и прав и свобод русского народа.

Поскольку никаких этнических границ внутри исторической Руси (по-гречески – «России») не было и быть не могло и термины «Великая», «Малая», «Белая» Русь являются условными, а символические границы между ними – искусственными и динамичными, многие исторические действия «Православного Русского Сопротивления» Северо-Западной Руси происходили по всей Южной и Западной Руси, поэтому Малороссия представлена не менее, чем Белоруссия. Нельзя, например, отрицать тот факт, что великий русский малоросс Лаврентий Древинский впервые подробно описан русским белорусом Михаилом Кояловичем, а западнорусская митрополия включила и Малую, и Белую Русь. Почему так много места уделено «Карпатороссии»? Да потому что православный русский литовский князь Федор Кориатович спасал Православие и себя от унии, бежав от Ягайлы именно в Закарпатье, и фактически основал государственность Подкарпатской Руси, создав там автономное русское православное княжество. Федор – сын новгородского князя Кориата (в крещении – Михаила) Гедиминовича. Согласно базовой и наиболее аргументированной версии, один его сын – Дмитрий Боброк, князь Волынский, сражался за единство и независимость Руси на Куликовом поле, его брат Федор (по всем версиям, он – Кориатович)

основывал Карпаторусское православное государство, считавшее себя неотделимой частью России. Аксиоматично одно: и в Литовской, и в Подкарпатской, и в Московской Руси жил один народ – русский. Правду о литовско-русском и, одновременно, карпаторусском, по сути, равноапостольном князе Федоре Кориатовиче донес до современников великий русский карпатовед, близкий друг великого национального пророка Белой, Карпатской и всей Руси Антона Будиловича проф. Федор Федорович Аристов. Подробное описание истории Федора Кориатовича от Литовской до Подкарпатской Руси он составил в первом томе своего фундаментального труда «Карпато-русские писатели» с подробным описанием жизни, творчества и библиографией выдающихся карпато-русских просветителей: о. Иоанна Наумовича, А. Добрянского-Сачурова, Д. Зубрицкого, Якова Головацкого, о. Иоанна Раковского и многих других, а также самого великого русского карпатооведа.

Этот фундаментальный труд не оставляет камня на камне от украинской «самостийнической» мифологии, и поэтому он много лет замалчивался и не переиздается. Ленинские большевики, поддерживавшие украинских и «литвинских» сепаратистов, боялись правды об общерусском единстве и намеренно уничтожили как подготовленные к печати второй и третий том «Карпато-русских писателей», так и собранный проф. Аристовым Карпато-русский музей в Москве с тысячами уникальных документов загубленного «поляками, австрияками, большеви-

Профессор Ф. Ф. Аристов

ками и выпестованными ими «мазепинцами» великого карпато-русского возрождения.

Кстати, о Гедиминовичах. Когда я пишу о том, что если бы не «Кревская уния», то православные этнические литовцы стали бы русскими, как чудь и меря, или как потомки Мамаю, крестившись, стали боярами Глинскими, я совершенно не хочу обидеть нынешний литовский народ. Добровольное православное обрусение «жемайтов», «жмуди» – это исторический факт, как и веками служившие России русские литовские княжеские династии «Гедиминовичей», например, Лаппо или Хованские. «Кревская уния» означает «русская», «кревы» – это не только кривичи, а все русские. Следовательно, выделение из кривичей белорусов как отдельной нерусской нации – это и униатский, и неоязыческий проект «раскрещивания» Руси, нового распада на кривичей, древлян, полян и т. д., которые благодаря «Владимирову» крещению стали православным русским народом. А «Кревская уния», когда литовские князья Ягайло, Свидригайло, Кейстут, Витовт приняли католицизм, с одной стороны, породила феномен окатоличенной и отрекшейся от Православия Литвы как «Антируси», с другой – «Гедиминова» Православного Русского Сопrotивления, когда православная Литва стала Русью.

Современная православная русская исследовательница Неонилла Пасичник констатирует: «А, как мы знаем, сам Гедимин происходит от Рюрика, о чем есть запись в «Бархатной книге»: “Род князей Хованских

Князь Гедимин

происходит от Гедимана Великого Князя Литовского. В родословной князей Полоцких и Литовских, находящейся в Бархатной и других родословных книгах, показано, что сей Гедиман, или Едиман, произошел от Российского Великого князя Владимира Святославича, который крести Русскую землю, и посади сына своего Изяслава на Полоцк...» «...Сие доказывается, сверх Истории Российской, бархатною книгою и родословною князей Хованских, хранящеюся в Герольдии”».

Это свидетельствует о том, что «Жмудь» становилась Русью.

**Куликовская битва –
праздник единства Восточной
и Западной России, Руси Московской,
Руси Волынской и Руси Литовской!**

Об этом подробно повествуется в великом памятнике русской литературы – поэме «Задонщина великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича», главным героем которой является литовско – русский псковский князь Андрей Ольгердович, а автором, по сведениям исследователя Полоцкой Руси А.А. Черемина, – брянский боярин Софроний*. В пользу версии А. Черемина о том, что Софроний был брянцем, а не рязанцем, свидетельствует сам сюжет «Задонщины» с его упором на литовско-русского князя Андрея Ольгердовича и роль Западной Руси в великой общерусской Куликовской победе. Брянск, как и вся Северская Русь (нынешняя Слобжанщина (Харьковщина), Сумщина, Новгород-Северский, Чернигов),

А.А. Черемин

находился в составе Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского и воссоединился с Московской Русью еще в 1503 г. Текст «Задонщины» свидетельствует о многовековой воле не только Северской, но и всей Южной, Западной и Северо-Западной Руси

* А.А. Черемин, Полоцкое княжество 9-14 века, Минск, Белорусский дом печати, 2013 год, стр. 236.

к воссоединению с Русью Московской. Демонстрация этой воли была особенно актуальной после походов литовского князя Ольгерда (в результате православного крещения ставшего русским по идентичности) на Москву, когда на его стороне были Смоленск и Тверь. Если верить фантазиям малороссийских и белорусских «самостийников», придумывающих в русских междоусобных и гражданских войнах напрочь отсутствующий в них национально-этнический характер, то Смоленск и Тверь – не русские города и живет в них испокон веков не русский, а какой-то другой народ. Но автор «Задонщины» напрочь опровергает эти болезненные фантазии и исторические фальсификации. Вот как он цитирует обращение ставшего русским сына Ольгерда (в крещении Александра) брянского и стародубского князя Дмитрия Ольгердовича к его родному брату князю псковскому Андрею, также выступившему на стороне Москвы: «И сказал ему Дмитрий: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю Русскую, и за веру христианскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже, брат, и стук стучит, и гром гремит в белокаменной Москве! То ведь, брат, не стук стучит, то стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами... Выведем, брат, в чистое поле и сделаем смотр своим храбрым полкам, сколько, брат с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами семьдесят тысяч латников... О соловей, летняя птица, вот бы тебе, соловей, пением прославить великого князя Дмитрия Ивановича (Московского св. Дмитрия Донского. – КФ) и брата его князя Владимира Андреевича, и из земли Литовской двух братьев Ольгердовичей, Андрея и брата его Димитрия, да Дмитрия Волынского»*.

* А.А. Черемин. Полоцкое княжество, 9-14 вв. Минск, Белорусский Дом Печати, 2013 г., стр. 236-7.

Вся Южная, Западная и Северо-Западная Русь выступили на стороне Московской Руси в битве на поле Куликовом, вся православная Литовская Русь, которая была против изменника Православия и русского выбора великого князя литовского Ягайло Ольгердовича, поменявшего Истину Православия на заблуждения латинства и Святую Русь на польскую корону.

Пойдя с противниками Ягайлы Андреем Псковским и Дмитрием Брянским Гедиминовичами на стороне Москвы, все остальные продемонстрировали свое принципиально негативное отношение к Ягайле и антиправославному антимосковскому выбору. Кто эти «все»? Дмитрий Михайлович (Кориатович) Волынский, внук Гедимины, Роман Михайлович Брянский (Дмитрий Ольгердович с брянского княжения перешел на прямое служение московскому князю), Иван Константинович Оболенский, Симеон Константинович Оболенский, Роман Семенович Новосильский с тридцатью пятью тысячами воинов, князь Лев Андреевич Друцкий с полком, участвовали полки из Полоцка, Стародуба, Трубчевска, участвовали полки из городов тогдашнего Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского – Друцк, Новосиль, Оболенск, Полоцк (Андрей Ольгердович, помимо Псковского полка, привел с собой более сотни псковских ратников), Смоленск, Стародуб, Таруса, Трубчевск. С этих русских земель было более пятидесяти пяти тысяч ратников. От Московской Руси – более 20 тысяч*.

Таким образом, Куликовская победа – это победа всея Руси, она доказала москвоцентричность русского государства, а приход к власти предателя Литовской Руси Ягайлы и развернутое им гонение на Православие сделало воссоединение русских земель с Москвой вопросом сохранения православной веры и русской идентичности. Участие волынского и полоцкого пол-

* А.А. Черемин, Полоцкое княжество, 9-14 вв. Минск, Белорусский Дом Печати, 2013 г., стр. 235-6.

ков и князей Малой, Белой и Черной Руси в Куликовской битве на стороне Москвы опровергает все построения «мазепинских» и псевдобелорусских «самостийников» о нерусском («украинском», «белорусском») характере Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского, русских княжеств (Полоцкого, Волынского) и городов, бредни о «нерусских» Брянске, Стародубе, Смоленске, Пскове, Тарусе и т. д. Эти города можно называть Белой Русью, Северной Русью, исходя из аксиомы о том, что это русская земля, а отделение от великороссов белорусов, северских русских и малороссов является злом, неоязычеством и «политическим униатством» одновременно и исторической фальсификацией одновременно.

Ягайло – «демон русской истории»

Он предал и отца и братьев, и Литву и Русь, объединился с Мамаем против Московской Руси и Православия, и верные Вере и Руси литовско-русские князья не дали им соединиться на поле Куликовом и уничтожить Православную Русь. Затем, в 1385 году, он женится на польской королеве Ядвиге и становится королем Владиславом, устраивает жестокие гонения на Православие в Западной Руси. Так и хочется попросить знатоков русского фольклора выяснить, имеет ли такой

Князь Ягайло

сказочный персонаж, как Баба-яга, какое-либо отношение к Ягайле? Говорят, что имеет. В Московской Руси так могли звать польскую королеву Ядвигу, супругу Ягайлы, соблазнившую его в католичество, на «Кревскую унию» и уничтожение Литовской Руси. Таким образом, «Баба-яга» – это символ современной литовской русофобии.

Все «мазепы» и «бандеры» – продолжатели «дела Ягайлы» – «сжечь Москву и насадить унию». Как они все похожи с XIV века по XXI, от Ягайлы до Порошенко...

Православный русский князь Андрей Ольгердович – «Антиягаило»

Неслучайно князь Андрей Ольгердович стал главным героем «Задонщины». Этот этнический жемайт стал настоящим православным русским. Он не просто выступал на стороне Московской Руси, но и деятельно покаялся в походах на Москву, в которых он участвовал со своим отцом князем Ольгердом, будучи псковским князем. Он прямо отстаивал великое дело построения центра-

**Князь
Андрей Ольгердович**

лизованного русского государства с центром в Москве и из-за этого вошел в конфликт с прозападными проуниатскими «олигархами» из псковского веча и пошел служить святому благоверному князю Дмитрию Донскому. А с целью организации Православного Русского Сопротивления и легитимного восстания против Ягаилы и «Кревской унии» с согласия Дмитрия Донского и по благословению святого митрополита Киевского, Московского и всея Руси Киприана он переходит на Западную Русь, становится Полоцким князем и вместе со св. Киприаном борется за Православие и единство Русской Церкви, блокирует проекты отдельной от Москвы западнорусской митрополии вместе со св. Кипри-

аном. Князь Андрей прямо пишет о Ягайле: «Ягайло... хочет, желает и жаждет принять веру католическую святой Римской Церкви» и «... обещает земли свои литовские и русские на вечные времена к короне Королевства Польского присоединить»*. За это Андрея арестовывает Скиргайло, ставленник Ягайлы. Этот арест за защиту православной веры и единства Руси является актом исповедничества. Раз уж прославили в лике святых киево-московского митрополита Киприана, то логично и подумать о прославлении его соратника, исповедника князя Андрея Ольгердовича.

О реальности единства Руси свидетельствует тот факт, что во времена князя Андрея власть Галицко-Волынского раскольнического митрополита Романа одно время распространяется до Твери (это неканонично, на всей Русской земле единственно каноническая церковная власть – власть киево-московских митрополитов, затем Патриархов Великой, Малой и Белой России, но этот факт тоже разоблачает мифологию «украино-мазепинских» и «белорусских» самостийников: от Галича до Твери было одно – русское самосознание). А великий святой митрополит Московский и Киевский Алексей ясно и канонично пресек все попытки создания отдельной западнорусской митрополии и при полной поддержке тогдашних православных константинопольских Патриархов восстановил свою каноническую церковную власть над Киевской и Литовской Русью.

* https://ru.wikipedia.org/wiki/Андрей_Ольгердович

Великие ревнители единства Русской Церкви митрополиты Киевские, Московские и всея Руси Киприан и Фотий

Киприан – этнический болгарин, друг преподобного Сергия Радонежского, ревнитель единства всея Руси от Галича до Владимира и Москвы. Тогда Константинопольские Патриархи ставили на Москву как на преемника Византии.

Особенно сильной была связка Патриарха Филофея и черниговского боярина святого киевского и московского митрополита Алексия (Бяконта). Алексей был сторонником крещения Орды и ее обрусения. Литовская Русь была на грани унии и поглощения Польшей и молодой Киприан делал все от себя зависящее, чтобы «в зародыше» не допустить «проект Ягайло», который уже тогда в Варшаве и Кракове активно прорабатывался. Ключевым шагом к унии с Латинской Церковью должно было стать создание отдельной от Киево-Московской западнорусской митрополии в Вильно. Киприан соглашается стать западнорусским митрополитом при одном условии – после смерти киево-

**Святой ревнитель
воссоединения Руси
митрополит Киевский,
Московский и всея Руси
Киприан**

**Константинопольский
Патриарх Филофей
«поставил» на Москву
как «Северный Катехон»**

московского митрополита Алексия (Бяконта) его преемником становится он и единство Русской Церкви восстанавливает. И он добивается этого с помощью своего друга и единомышленника великого святого и примирителя русских князей (Рязанское и Тверское княжества были не менее строптивы, чем Литва) преподобного Сергия Радонежского кстати, происхождением из черниговских бояр. Сергей мирит и подчиняет Москве восточных русских князей (Рязань), а Киприан мирит Ольгердовичей с Москвой и вместе с Сергием готовит русскую национально-освободительную борьбу, совместную Куликовскую победу, одержанную Западной и Восточной Русью. Сергей убеждает Дмитрия Донского признать Киприана и утвердить единство Русской Церкви от Галича до Орды и отказаться от планов создания отдельной восточнорусской митрополии. И именно во имя единства Русской Церкви Сергей, будучи авторитетнейшим фактическим «соправителем» Руси отказывается от предложенного князем Дмитрием епископства.

При этом он не только не против крещения Орды, он устанавливает в Москве почитание идеолога антизападного разворота Руси на Восток – святого благоверного князя Александра Невского, который делал этот разворот по благословию своего духовника, гали-

ческого митрополита Алексия (Бяконта) его преемником становится он и единство Русской Церкви восстанавливает. И он добивается этого с помощью своего друга и единомышленника великого святого и примирителя русских князей (Рязанское и Тверское княжества были не менее строптивы, чем Литва) преподобного Сергия Радонежского кстати, происхождением из черниговских бояр. Сергей мирит и подчиняет Москве восточных русских князей (Рязань), а Киприан мирит Ольгердовичей с Москвой и вместе с Сергием готовит русскую национально-освободительную борьбу, совместную Куликовскую победу, одержанную Западной и Восточной Русью. Сергей убеждает Дмитрия Донского признать Киприана и утвердить единство Русской Церкви от Галича до Орды и отказаться от планов создания отдельной восточнорусской митрополии. И именно во имя единства Русской Церкви Сергей, будучи авторитетнейшим фактическим «соправителем» Руси отказывается от предложенного князем Дмитрием епископства.

чанина митрополита Киевского, Владимирского и всея Руси Кирилла III. После Куликовской победы Киприан делает следующий шаг к укреплению москвоцентризма – переносит из Владимира в Москву Владимирскую икону Божией Матери, которая таким образом завершает своей объединяющее Русь паломничество из Киева в Москву. Киприан делает следующий решительный шаг по воссоединению Западной и Восточной Руси униатских антирусских планов

Строитель антизападного «фронта единства Руси святой благоверный князь Александр Невский
(фрагмент картины Ю. Пантюхина)

и готовит с князем Андреем Ольгердовичем деятельный проект «ликвидации» «Кревской унии». В итоге он срывает ее и поднимает в Западной Руси «Православное Русское Сопротивление».

Более того, митрополит Киприан фактически создает нынешнюю каноническую территорию Московского Патриархата: он не только укрепляет единство Русской Церкви от Галича до Востока Руси, но и канонично восстанавливает свою церковную власть в Галиции и устанавливает ее в Молдо-Влахии.

В итоге Русская Церковь прославилась в лике святых всех сторонников воссоединения Руси: и сторонников крещения Орды, и, одновременно, борцов с зависимостью от нее, и борцов за воссоединение Руси, коими были все люди Русской Церкви: и князя Александра Невского, и митрополита Алексия (Бяконта), сторонника крещения и «обрусения» Орды св. Московского митрополита Алексия, и князей Михаила Тверского и

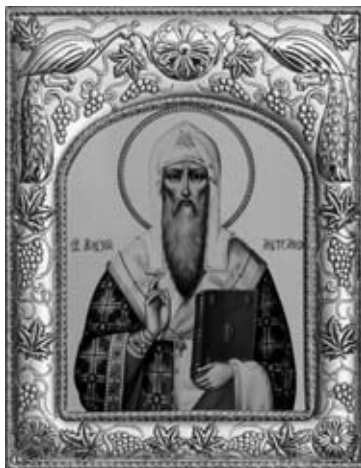
Духовник св. Александра Невского, идеолог поворота Руси на Восток митрополит Киевский и всея Руси русский галичанин Кирилл Третий
(фрагмент картины Семирадского)

Дмитрия Донского, и игумена Сергия Радонежского, и общерусского митрополита Киприана. «Тактики» этих святых не противоречат, а взаимно дополняют друг друга (и Орду крестить и «привить» к великой русской культуре, и «Жмудь»). Русская Церковь продемонстрировала позицию «интегрального» миссионерства и русского «ирредентизма», воссоединения. Отстаивая русское единство, митрополит Киприан в своих многочисленных переговорах с Ватиканом, польским королем и литовским князем называет Белую и Литовскую Русь по греческому произношению

«Россией».

Преемник митрополита Киприана святой митрополит Киевский, Московский и всея Руси Фотий жестко отстаивает единство Русской Церкви и Москву как русский центр, пресекает попытки кузена Ягайлы, принявшего в итоге католицизм литовского князя Витовта создать отдельную от Москвы западнорусскую литовскую митрополию как первый шаг к унии.

Вызов Витовту, как агрессивному насадителю католицизма и почти покорителю Руси, покорившему Тулу, Можайск и земли будущей Новороссии, после его предательства Православия и Руси и ликвидация его проекта антирусской криптоуниатской литовской

**Сторонник Крещения
и «обрусения» Орды
св. Московский
митрополит Алексей**

соединение Руси, оформленное как «венеч Куликовской победы всей Руси», «православную унию Москвы и Вильны», сорвать проект католического «Крестового похода на Русь» и развернуть Витовта против Польши, сделать его «Антягайлом» под ручательство митрополита Киприана, «организовавшего» этот брак, и выполненном условии принятия Витовтом Православия. Сначала все «шло по плану»: Витовт выступает против «проклятого Ягайлы и его дела», демонстративно рвет с католицизмом, крестится в Православной Церкви, разрывает «Кревскую унию», выры-

**Святой князь Михаил
Ярославович Тверской**

**Святой благоверный
князь Дмитрий Донской**

вает от Ягайлы признание автономии и фактической независимости Литвы, управляемой тестем московского князя, от Польши. Но смерть Киприана и Василия Дмитриевича рушит эти планы. Василий под влиянием жены делает роковой шаг, будучи уверенным в православном русском выборе Витовта, – пишет завещание, в котором отдает ее и сыновей под защиту Витовта, после чего по смерти мужа Софья официально передала Московское княжество под руку Витовта, который примерно в это же время заключил договоры с князьями тверским, рязанским и пронским, согласно кото-

рым они становились его вассалами. К счастью, в первую очередь благодаря исповеднической позиции Русской Церкви, Витовту не удалось «дефакто» вступить в управление Москвой.

Сам Витовт, лишившись духовного влияния митрополита Киприана, предает Православие и Россию, возвращается к политике искоренения православной Руси, третий раз крестится, на это раз снова в католицизм (он крестился в католицизм под влиянием Ягайлы, затем в Православие под влиянием митр. Киприана, затем снова в католицизм под влиянием короля Германии (Римского короля) и будущего императора Священной Римской империи Сигизмунда, который пытается организовать его католическую коронацию в короля Литвы и покоренной Руси на съезде в Луцке,

на котором присутствовали легататы Папы римского, князя рязанские, одоевские, новгородские, псковские, а также посланники великого князя московского и тверского князя). Русь была на грани падения и унии. Противоречия между поляками и германцами, конкуренция амбиций Ягайлы и Витовта помешали этой коронации. Если бы она состоялась, то «европейская католическая «единая Русь» короля Витовта была бы русскоязычной пародией на воссоединенную Русь. Да, в такой «единой Руси» тоже не было бы никакого украинского и белорусского «самостийничества» по причине отсутствия оно, но не осталось бы сути – Православия. Но поклонникам «европейского русского проекта Витовта» пора понять: Русь берет в «европейский проект» только ценой отречения от собственной религиозной православной идентичности и основанного на ней собственного цивилизационного и геополитического проекта. Впрочем то, что Витовт оторвал Литовскую Русь от Польши на полтора века, позволило Русской Церкви Московской Руси организовать в Южной и Западной, Малой и Белой Руси грандиозное Православное Русское Сопротивление и приблизить час Восоединения. А твердая позиция Русской Православной Церкви и святого митрополита Киевского, Московского и всея Руси Фотия (посланца Византии, из века в век, через Патриархов Цареградских от Филофея до Дионисия ставивей на Мо-

**Преподобный Сергий,
игумен Радонежский**

**Св. митрополит Киевский,
Московский и всея Руси
Фотий**

скую, как на «Северный Катехон») спасла Русскую Церковь, Православие, Русь и Москву как центр русских независимости и воссоединения. Иосковские князья больше не писали рискованных заветаний и твердо встали на путь преобразования в православных русских царей, а после падения Ромейской империи – в цивилизационных и правовых преемников Ромейских базилиевсов.

Отстаивая единство Русской Церкви и Руси, этнический грек Фотий крепит единство Русской Церкви и земель пастырским пребыванием

в Москве, Киеве и Литовской, Белой Руси, все более утверждаясь в безальтернативности Москвы как центра православного русского воссоединения, ибо Южная и Западная Русь все более впадали в зависимость от Польши и их освобождение от оккупации могло идти только от Москвы.

Вернемся к Литовской Руси. Если бы не «Кревская» и прочие унии, параллельно с обрусением могла бы состояться и православная литовская самоидентификация и православные литовцы были бы комплементарны России и русским, как, например, мордва и чуваша. Но Кревская, Люблинская и Брестская унии запустили процесс «латинской», антиправославной и антирусской самоидентификации «Литвы против Руси».

Но что точно не подлежит сомнению – это русская идентичность северо и юго-запада Руси, а попытки построить идентичность антирусскую – это не национализм, а национальное самоуничтожение.

Следует отметить и такой факт, что исторический термин «Белая Русь» не совпадает с территорией БССР и РБ. Он, скорее, распространяется на восточные области РБ, Смоленскую, Псковскую, Тверскую и Калужскую области РФ и Латгальский край нынешней Латвии, русские подвергаются этноциду, а исторический термин «Латгалия» вообще запрещен. Территории западных областей нынешней РБ исторически именовались «Черной Русью». Это говорит о том, что даже субэтническое деление русских на великороссов, малороссов, белорусов и карпатороссов – условно, между ними нет никаких четких этнических границ, а создание из малороссов и белорусов новых «негативных идентичностей», единственной основой которых является отрицание собственной, русской идентичности, является искусственным, сфальсифицированным и антибелорусским проектом.

Гетмана Мазепы в книге много потому, что в обмен на измену Православию и России он должен был получить от Карла XII княжество на территории нынешней Витебской области. Ему мало было продать под иноверную оккупацию Малую Россию, он захотел и Белую. Подробности об этом – в книге.

**Князь Литовский
Витовт**

Этническое единство восточных и западных русских

Начнем с небольшого экскурса в историю. Белорусская ветвь русского народа – это потомки племен кривичей и дреговичей, расселившихся вместе с другими славянскими племенами по Русской равнине. «Повесть временных лет» констатирует наличие у них единого языка. «А Словенский язык и Русский одно есть» – писал преподобный Нестор-летописец.

Кривичи жили по верховьям Волги, Западной Двины и Днепра, дреговичи заселили пространство между Двиной и Припятью. Из этого следует, что потомками кривичей являются также жители Смоленской, Тверской, Новгородской и Псковской областей. (Этот факт говорит о полной абсурдности теории об изначальной племенной обособленности белорусов). Племена эти быстро слились с остальными, образовавшими единый русский народ, и имя их уже к середине XII века совсем исчезло со страниц летописей.

Что же представляли собой княжеские уделы северо-западной Руси? Древнейший из них – Псков, основанный еще до призвания варягов. Псковская земля дала всероссийскую святую – равноапостольную Ольгу. Полоцк – сначала колония Новгорода, затем – важнейшее княжество Киевской Руси. В 1101 году из Полоцкого княжества выделяется Витебский удел.

В 1067 году – первое упоминание о Минске. Смоленская земля известна с X века, пик могущества – середина XII века. Все эти княжества – русские, активно участвующие в общерусской политической жизни. Духовное управление осуществляется Киевским митрополи-

том, вся Русь пользуется единым письменным языком. Однако междоусобные войны приводят к тому, что враждующие друг с другом русские княжества попадают под власть иноплеменных государств – северо-запад и часть юга – Литвы, восток – Орды, юго-запад – Польши. Внутрирусские противоречия приводят к колониальной зависимости, народ подвергается геноциду и ассимиляции. Вот, кстати, основной исторический и политический урок, который следует извлечь из этого периода истории. Подавляющее большинство «самостийных» русских княжеств не выжило.

Следующий этап – это национально-освободительная борьба русского народа за свою духовную, культурную и национальную идентичность и государственное воссоединение. Вехи этой борьбы: консолидация русских национальных сил в Москве, перенос святым митрополитом Петром, коренным волынянином, русской митрополичьей кафедры в Москву и окончательное становление Москвы как столицы всей Руси вследствие отпадения от Православия элиты Литовской Руси (в результате Кревской унии (династического брака литовского русского князя Ягайлы и польской королевы Ядвиги), Ферраро-Флорентийской унии и ее порождения – отдельной западнорусской митрополии, Люблинской государственной и Брестской церковной уний), воссоединение Северской Руси (территории от нынешнего Харькова до Чернигова) с Россией в 1503 году, усвоение Московским князем Иваном III правопреемства Российского Московского государства от империи Ромеев, учреждение в 1589 году Московского Патриархата и дарование ему Константинопольским Патриархом Иеремией II титула «Патриархата “Третьего Рима”», победа 1612 года, воссоединение Юга и Севера Руси в 1654 году, воссоединение Западной, иначе Белой Руси с остальными русскими землями в 1795 году.

После разгрома Киева татарами в 1240 году северо-западные княжества Руси оказались под властью Литвы – тогда еще языческого племени, не имевшего своих серьезных государственных и культурных традиций. Уже при князе Гедимине (1316-1341) Литовское государство состояло на 2/3 из русских областей, а при его преемнике Ольгерде присоединило к себе Чернигово-Северскую область, Брянск, Смоленск, Киев, Волынь и Подолию и даже Псков. Со времени Витовта (1392-1430) чисто литовский элемент тонул в массе русской народности (9/10 – русские и только 1/10 – литовцы). Само собой, незаметно, без всякого давления извне в литовском населении начался процесс обрусения. Обладая более развитой культурой, русские духовно подчинили себе литовцев. Русский язык, православная вера, русские обычаи, русские порядки все более и более проникали в литовскую среду. Показательно само название этого государства – Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское.

О «естественной монополии» русского языка на этих землях свидетельствует фундаментальный труд выдающегося русского лингвиста Я.Ф. Головацкого «Памятники дипломатического и судебно-делового языка русского в древнем Галицко-Волынском княжестве и в смежных русских областях в XIV-XV вв.». О едином русском самосознании в Виленском крае свидетельствует и работа другого замечательного южнорусского филолога Михаила Максимовича «О названии Киевской Руси Россией» («Киевские Епархиальные ведомости» № 1 за 1868 г.): «Не очень давно, – говорится в ней, – было толкование о том, будто Киевская и вся Западная Русь не называлась Россией до её присоединения к Руси Восточной... Чтобы уничтожить навсегда этот несправедливый и нерусский толк, надо обратить его в исторический вопрос: когда в Киеве и в других западнорусских областях своенародные имена Русь, рус-

ский начали заменять, по греческому произношению их, именами Россия, российский? Ответ: с девяностых годов XVI века, в правление короля Жигимонта III, то есть вскоре после того, как земля Киевская и всё княжество Литовское были присоединены к Польше на Люблинском сейме 1569 года.

Основанием такого ответа служат акты и книги того времени, печатанные в разных областях русских, присоединенных к Польше. Приведу свидетельства тех и других:

Вот первая книга, напечатанная в Киеве в типографии Печерской лавры, – Часослов 1617 года. В предисловии к ней иеродиакона Захарии Копыстенского сказано: «Се, правоверный христианине и всеи благоверный читателю, от нарочитых мест в России Кийовских, сиречь лавры Печерския...».

Обратимся к земле Галицкой. Там Львовское братство в своей типографии прежде всего издало «Граматику», 1591 года, в наставление «многоименитому российскому роду». В ней упоминается о пришествии Патриарха Иеремии «в страны Российския», митрополит Киевский и Галицкий Михаил (Рагоза) именуется «архиепископом всея России». Того же 1592 года Львовское братство обращалось в Москву к царю Фёдорову Иоанновичу с просительными посланиями, в которых именуют его «светлым царем Российским», вспоминают «святого князя Владимира, крестившего весь российский род». Такое же употребление имен «Россия», «Российский» было тогда на и Северо-западе Русском.

В столичном городе литовского княжества, Вильне, где была долго и резиденция митрополитов Киевских, Михаил Рагоза первый из них стал писать в своем титуле «всея России» – как это видно из подлинных актов 1590-1599 годов. Так писал и его преемник, униатский митрополит Ипатий Потей в 1600-1608 годах.

**Православный царь
Великой, Малой
и Белой России
Алексей Михайлович
Романов**

А прежние митрополиты Киевские, бывшие до Михаила Рогозы писали и «всёя Руси» или «всёя России». Так же писали в своём титуле и Московские митрополиты, бывшие до учреждения патриаршества в Москве. Первый патриарх Московский Иов писал уже «и всёя России» (в 1576-1589 годах)».

Сама историческая топонимика убедительно показывает, что русский народ Киевской Руси, спасаясь от междоусобиц

и половецких набегов, мигрировал на Северо-восток. Потомками переселенцев было основано Владимиро-Суздальское княжество и Новгород-Нижний и т. д. На русской земле, от Карпат и до Волги, при реке Трубуж существовало три города Галича (1 – на Западе: на Волыни, 2 других – на Востоке: в Костромской и Вологодской областях), два Владимира-Волынских, три Звенигорода, три Новгорода – Великий, Волынский и Нижний, три реки Лыбедь и три Припяти. Язык и фольклор Киевской Руси наиболее сохранился на северо-востоке, киевские святые канонизированы в Москве, Киевский митрополит, а именно, коренной галичанин св. Петр, указал на Москву как на будущую столицу и добровольно перенес в нее свою резиденцию.

Символом освобождения северо-западной Руси от «латино-польского ига», единства Великой, Малой и Белой Руси, правдивым историческим ответом на мем «литвинской» пропаганды об «оршанской битве», как якобы, доказательстве «отдельности белорусов

от великороссов» являются Озерицкая, Шкловская и Гомельская победы.

30 июля 1654 года в один день войска Алексея Михайловича одержали победы над войсками Речи Посполитой у Озерища, на Шкловке и под Гомелем.

*Царь Алексей Михайлович,
Восточнаго царствия дедич,
Идет Литвы воевати,
Свою землю очищати...*

(Деяния тех лет в народной памяти)

Гонения на Церковь и геноцид русского народа на западе Исторической России

Итак, Киев, Львов, Вильно, Москва – всё это Русь, в греческом произношении – Россия. Деловой и литературный язык этого пространства – русский, живет здесь – русский народ. Что касается Северо-западной Руси, то, если бы не польско-католическое вмешательство, процесс естественной русификации литовских племен был бы доведен до конца, и литовское племя было бы так же ассимилировано русскими, как и многие угро-финские племена: чудь, меря, весь, пермяки, которые естественным образом растворились в русском море. Однако династический брак литовско-русского князя Ягайлы с польской королевой Ядвигой и принятие им католичества в корне изменили ситуацию. Обратив в католичество правящую верхушку Литовской Руси, Речь Посполитая постепенно подчинила ее себе и перешла к геноциду православного русского большинства.

После Люблинской государственной и Брестской церковной уний этот геноцид начался в полную силу. Православные жители Литвы и Польши были лишены всех гражданских прав. Наиболее показательным деятелем антиправославного, антирусского террора стал полоцкий униатский архиепископ Иосафат Кунцевич. Кроме обычных в Речи Посполитой убийств и пыток противников унии, он запрещал хоронить православных на христианских кладбищах, приказывал разрывать могилы православных, выкапывать трупы и т. д. О страданиях, которые переносило православное на-

селение в Польше в XVII веке, свидетельствует речь волынского русского депутата Лаврентия Древинского, произнесенная в 1620 году на сейме в присутствии короля.

«... Каждый видит ясно, какие притеснения терпит этот древний русский народ относительно своей веры. Уже в больших городах церкви опечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях нет монахов – там скот запирают: дети без крещения умирают, тела умерших без церковного обряда из городов как падаль вывозят...

Не говоря о других городах, скажу, что во Львове делается: кто не униат, тот в городе жить, торговать и в ремесленные цехи принят быть не может. Монахов православных ловят на вольной дороге, бьют и в тюрьму сажают. В чины гражданские людей достойных и ученых не производят потому только, что не униаты. Простаками и невеждами, из которых иной не знает, что такое правосудие, места наполняют в поношение стране русской».

Тогда-то и появляется слой русских коллаборантов, перешедших на польско-униатскую сторону, таких как сын полоцкого сапожника Иосафат Кунцевич. Чтобы доказать свою лояльность полякам, они пуще других упражнялись в ненависти к православной вере и своему русскому народу. Это тоже исторический и политический урок.

Порождением Ферраро-Флорентийской унии стало появление отдельной западно-русской митрополии с титулом Киевской, но такое ее именование сущностно было некорректным, так как историческая киевская русская митрополия вслед за святителем Петром, кстати, коренным волынянином (что доказывает русское самосознание тогдашней Волыни) – «переехала» в Москву, сделав ее, таким образом, Духовной и политической столицей России и центром воссоединения разделенного русского народа. Когда решение об унии

было принято в Константинополе, Исидор был назначен русским митрополитом с целью ее насаждения и поставлен на Киевский престол для руководства епископами Черниговской, Полоцкой, Владимирской, Турово-Пинской, Смоленской, Галицкой, Перемышльской, Холмской, Луцкой и Брянской епархий (в Польше и Литве), Новгородской, Тверской и Рязанской епархий (в Новгородской республике, Великом княжестве Тверском и Великом княжестве Рязанском), Ростовской, Владимиро-Суздальской, Коломенской, Пермской епархий (в Великом княжестве Московском). 2 апреля 1437 г. он с ближайшим помощником монахом Григорием и двадцатью девятью родственниками в сопровождении Николая Гуделиса (императорского посла и посла великого князя) и рязанского епископа Ионы прибыл в Москву.

Избранный московским князем кандидат в митрополиты епископ рязанский Иона был вынужден довольствоваться обещанием, что будет поставлен на престол после Исидора. Причиной поспешного поставления Исидора была необходимость обеспечить поддержку Киевской митрополии и московского князя проведению Флорентийского собора.

То есть уже тогда ими в случае отказа Москвы принять унию предполагалось управление им Русской Церковью из Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского в надежде на то, что русские земли, объединившиеся вокруг Москвы, примут унию и отложатся от Москвы. И к унии многие были готовы. Гордившийся своим униатизмом Исидор «4-23 сентября был в Твери (где с честью был встречен князем Борисом Александровичем и епископом Илией, 7-14 октября в Новгороде (был еще перед Новгородом встречен с великой честью архиепископом Евфимием и посадниками), 6 декабря – 24 января в Пскове (где почтен и служил обедню в Троицком соборе), затем в Юрьеве (где наряду с католическими храмами были

две православные церкви), Володимере (где встретался с архиепископом Тимофеем и архимандритом Захарией). 4 февраля 1438 года прибыл в Ригу. 7 мая отплыл на корабле в Любек вместе с епископом суздальским Авраамием, тверским послом Фомой Матвеевичем, архимандритом Вассианом и неизвестным по имени автором «Хождения на Флорентийский собор» (митрополичий конный обоз ехал из Риги в Любек через Куршскую, Жемойтскую, Прусскую, Поморскую... и Висмарскую земли» (эта справка из «Википедии» научно достоверна и корректна).

Таким образом, Русская Церковь, благодаря святому митрополиту Ионе, не принявшая унию и из-за ее принятия Константинопольским Патриархом провозгласившая свою автокефальность, признанную сразу всеми противниками унии, и Московское Русское государство стали центром и знаменем борьбы за истину Православия. Соответственно, любой «русский» сепаратизм по отношению к Москве стал и сейчас является отречением от православного русского выбора святого равноапостольного князя Владимира. Ключевым и законным аргументом Москвы стало обретение правопреемства от православной империи Ромеев.

«Россия как “Третий Рим”
и “удерживающий”».
Историческая справка

Мы, как православные христиане, верим, что Господом нашим Иисусом Христом было дано обетование о неизбежном приходе антихриста и Своем Втором пришествии как о финальных стадиях мировой истории. Во Втором послании к Фессалоникийцам апостол Павел сообщает о важнейшем событии-условии, после которого совершатся события последних времен: должен быть взят от среды «удерживающий теперь» (по гречески – «katechon») (2-е Фес. 2:7). Таким образом, апостол Павел сообщает о важной земной силе, существование которой препятствует окончательному вхождению мира во зло и пришествию антихриста.

Что именно подразумевается под «удерживающим»? Изначально по этому вопросу были расхождения: под термином «удерживающий» понимали либо Святой Дух, либо земную римскую власть, либо принимались позже отвергнутые Церковью «хилиастические» толкования о грядущем перед Вторым пришествием предварительном «тысячелетнем царстве».

Великий святитель Церкви, Иоанн Златоуст, поставил точку в этих спорах и определил, что «удерживающим» следует считать именно римскую власть. А римская власть во времена Иоанна Златоуста – это христианская, православная Восточная Римская империя. Здесь даже нельзя сказать, что она эту власть унаследовала – это государство было подлинной Римской империей, поскольку столица империи была перенесена императором Константином из Рима в Константи-

нополь. Важно отметить, что подданные Византийской империи так свое государство никогда не называли. Они считали себя «ромеями» (римлянами) и называли свое государство Римской империей.

Но это уже была не языческая, а христианская империя. В Новой Римской империи был зафиксирован принцип непротиворечивого взаимодействия императорской и церковной власти, Церкви и государства – «симфония». Принцип «симфонии» властей утверждается Юстинианом Великим в его знаменитом Кодексе 534 года. Кстати говоря, именно при нем под властью Константинополя оказалось все пространство прежней Римской империи. Итак, принцип симфонии заключается в том, что имперская (светская) и церковная власти находятся в состоянии согласия и сотрудничества, и по аналогии с Божественной и человеческой природой Христа «нераздельны и неслиянны». Церковь находится на юридической территории Империи и участвует в решении всех проблем, которые ставит перед нею Империя. Главная задача Церкви в отношении Империи – давать идеологическое (богословское) обоснование существования Империи. Церковь в Империи обладает монополией в идеологической сфере, а Империя призвана охранять Церковь от внешних религиозных и политических врагов и предоставлять Церкви возможности как для развития внутри, так и для миссии за пределами Империи. При этом Империя не вмешивается в церковные дела.

Почему же власть Новой Римской Империи могла быть признана удерживающей зло, «катехонической»? Дело в том, что миссия этой Империи была не локальной, а вселенской – она была главным защитником вселенского Православия. Таким образом, удерживающая зло Новая Римская империя, это гарант максимального развития Православного Христианства и его миссии во всем мире, это геополитический проект по определению. Геополитическая экспансия Право-

славной Империи является логическим продолжением миссионерской экспансии Православной Церкви, и наоборот – миссия Церкви многократного усиливается благодаря пониманию и поддержке имперской христианской власти. Нация Империи существует не для себя, а для исполнения своей вселенской миссии и становится таким образом новым, новозаветным избранным народом – Новым Израилем.

Однако Второй Рим как известно, прекратил свое существование, во всяком

**«Виновник»
византийского преемства
Руси Софья Палеолог**

**Московский князь
Иван Третий, давший
Московской Руси
правопреемство
от православной империи
Ромеев**

случае, в качестве православной христианской империи. Но пришествие антихриста и апокалиптические события, к счастью, пока не состоялись. Миссия «Катехона», государственной власти, осознающей свою религиозную миссию, была передана новому носителю.

Что же является «Катехоном» теперь? Здесь следует обратиться к истории. Крещение Руси 988 года было и онтологически, и политически верным, актуальным выбором: Русь не только об-

**Двуглавый орел – символ
Византийского преемства
Московской Руси
и нынешней России**

ратилась в правую веру, но и совершила культурный прорыв, приобщившись к самой передовой культуре той эпохи – «ромейской».

К моменту падения Константинополя в 1453 году в мире было только одно сильное государство, где господствовало Православное Христианство, – Великое Княжество Московское, Московская Русь. Произошел ряд важнейших

событий, в ходе которых духовное наследие Византии, Новой Римской империи, полностью передается Московской Руси. В 1472 году Софья Палеолог, племянница последнего византийского императора Константина XII, венчается с московским Великим князем Иваном III. В 1454 году Московская Русь официально принимает государственный герб Византии – черного двуглавого орла на золотом фоне. В 1497 году на груди орла появляется герб Москвы – всадник Георгий Победоносец. В 1485-95 гг. итальянские архитекторы строят Московский Кремль по византийскому образцу. И в конечном итоге наследие Византии закрепляется не только в символических, но и в конкретных полити-

**Апологет «Третьего Рима»
инок Филофей**

**Первый русский Цезарь
Иоанн Четвертый**

ной империи Русь оформляется в 1547-1589 годах: в 1547 году Иоанн IV (Грозный) принял титул царя (цезаря), а в 1589, уже в царствование Бориса Годунова, на Руси учреждается патриаршество. Первым Патриархом Московским и всея Руси стал бывший московский митрополит Иов. В том же году, в Уложенной грамоте Московского поместного собора, была закреплена идея Москвы как Третьего Рима.

Таким образом, именно Россия переняла эстафету катехонической миссии и стала сама Новой Римской империей, «Третьим Римом» и Катехоном. И именно она, пока существует, должна удерживать мир от по-

ческих формулировках. В 1523 г. инок Псковско-Елеазаровского монастыря Филофей в своем третьем «Послании на звездочетцев» к псковскому великокняжескому дьякону Михаилу Мунехину, позже переадресованном к Великому князю Московскому Ивану IV, пишет: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не быть».

Окончательно в качестве Новой Православ-

**Первый Московский
и всея Руси
Патриарх Иов**

беды сил зла, хранить Православное Христианство и всемерно поддерживать его миссию. Программа-минимум «Третьего Рима» – удержание мира от зла, поддержание общества в нормальном состоянии. Программа-максимум – обеспечение победы Православия в мировом масштабе.

Именно после принятия миссии Римской империи Русь из региональной державы начинает мистическим образом превращаться в крупнейшего геополитического игрока. Если в XV веке тезис о Руси как о «Третьем Риме» выглядел для скептически настроенного внешнего наблюдателя скорее как амбициозная претензия развивающегося государства, то в XVIII-XX веках Россия вполне соответствовала образу мировой империи. Более того: Россия всегда, подчас совершенно непостижимым образом, избегала угрозы окончательной гибели и исчезновения с карты мира, которая в некоторые исторические периоды была вполне реальной – как, например, в годы Смутного времени. Также она столь же мистическим образом избегала угрозы уничтожения Православного Христианства.

Разумеется, после Московской Руси государство Российское многократно реформатировалось. Но Россия, так или иначе, выполняла свою катехоническую миссию. Вопреки попыткам нарушить принцип симфонии она выполняла ее и в т.н. «синодальный период» (здесь следует отметить, что любые попытки ликвидации Патриаршества мы считаем преступлением перед Церковью). Как это ни парадоксально звучит, она выполняла она ее и в период господства атеистической коммунистической идеологии – которое, как выяснилось позже, было временным. В период временного господства этой идеологии отчетливо проявилась уникальная роль Московского Патриархата, который стал единственной реальной альтернативой тоталитарной безбожной идеологии, не будучи и зависимым от геополитических оппонентов России.

Зримым подтверждением сохранения у России функции Катехона является победа СССР в Великой Отечественной войне, когда только СССР – наследник исторической России – смог остановить геополитическую экспансию германского нацизма. Нацизм был очевидным глобальным злом, угрожавшим существованию целых народов и утверждавшим антигуманистическую, неоязыческую идеологию. Более того, после победы над фашизмом стало возможным установление нового миропорядка. Именно Великая Победа 1945 года создала геополитический плацдарм, на котором сейчас происходит возрождение Русской Православной Церкви. Очень важный факт – перелом в ходе Великой Отечественной войны совпал по времени с переходом высшего советского руководства от радикального атеизма к пусть тактическому, но сближению с Русской Православной Церковью. Это обстоятельство – еще одно мистическое указание на то, что с приходом временного коммунистического режима миссия «Третьего Рима» не оказалась завершена. Это обстоятельство – и демонстрация миссионерской воли Русской Церкви, которая небезуспешно пыталась обратить в Православие его лютых врагов».

**Униатские корни проекта отдельной
от Москвы западнорусской митрополии
и проектов автокефалий
в Малой и Белой Руси.
Почему Вильна не стала русской столицей?**

Итак, именно верность Православию сделала Москву безальтернативной русской столицей, а измена Православию элиты Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского похоронила Вильну как альтернативную Москве русскую столицу. После изгнания из непокоренной униатами Москвы отступника Исидора, униатский Константинопольский Патриархат создает «альтернативную» Киево-московской православной «альтернативную» униатскую Киевскую русскую митрополию, в которую входили Малороссия, Белоруссия, Смоленск, Брянск... Ее главой становится Григорий (Цамблак). Как утверждает современный церковный историк игумен Виталий (Уткин), ее учреждение в принципе было неканоничным:

«И еще о канонических подлогах. В 1415 году католик литовский князь Витовт предпринял попытку вопреки Константинополю провести выборы особого, отдельного от Москвы православного митрополита для Киева и Литвы. 15 ноября 1415 года по его повелению в Новогрудке был собран церковный собор, на котором митрополитом Киевским и Литовским был выбран Григорий Цамблак. В аргументации использовалось подложное апостольское правило. Вот как звучали решения собора: «Мы, сошедшись в Новом граде Литовском в святой церкви Пречистой Богородицы, по благодати, данной нам от Святого Духа, поставили

митрополитом святой нашей Церкви Киевской и всей Руси Григория по преданию святых апостолов, которые в своих правилах пишут: «Два или три епископа рукополагают митрополита». Так прежде нас поступили епископы при великом князе киевском Изяславе, поставив митрополита по правилам. Так же поступили и родственные нам болгаре, прежде нас крестившиеся, и сербы, поставляя себе первосвятителя своими епископами, хотя Сербская земля гораздо менее Русской, находящейся во владениях великого князя Витовта, но что говорить о болгарях и сербах? Так установлено от святых апостолов. Благодать Святого Духа равно действует во всех епископах православных: поставленные от самого Господа, апостолы поставляли других, те – других, и таким образом благодать Святого Духа дошла и до нас, смиренных. И мы, как ученики апостольские, имеем власть после многих испытаний Собором поставлять достойного пастыря своему отечеству...».

На самом деле 1-е апостольское правило звучит так: «Епископа да поставляют два или три епископа». То есть в нем речь идет о епископе, а не митрополите.

Так что это решение основано на подлоге. Как при этом можно говорить о благодати Святого Духа?»*

Затем Цамблак после возвращения Константинопольского Патриархата в лоно Православия, разрыва Ферраро-Флорентийской унии, покаялся в униатстве, в западнорусской митрополии, реально в результате запустения Киева расположившейся в Вильне, были святые иерархи, священники и миряне, боровшиеся за Православие, но вышеупомянутая «каноническая червоточина» в ее создании, униатская природа самого проекта отдельной от Киево-московской западнорусской митрополии, политика католических властей Речи Посполитой привели к приятию епископатом Речи Посполитой Брестской унии 1596 года. Православное сопротивление ей в итоге привело к взрыву

* <http://history.pravorg.ru/2015/01/04/mozhet-li-pravoslavnyj-brit-borodu/>

православных миссии, апологетики, русского самосознания Западной Руси, восстанию против антиправославных властей Речи Посполитой, закончившемуся воссоединением части Западной Руси с Восточной на Переяславской Раде 1654 года. Дальнейшее воссоединение всей Малороссии и Белоруссии с Россией растянулось до 1795 года. На подавление Православия и русского самосознания Речь Посполитая и Римокатолическая Церковь тратят всю свою интеллектуальную и политическую мощь. Но воссоединение Руси 1795 года сделало неизбежным воссоединение Русской Церкви 1686 года, когда Константинопольский Патриарх Дионисий воссоединил своей грамотой Киевскую и Малой России митрополию с Московским, Великой, Малой и Белой России Патриаршим Престолом навечно, как указано в его грамоте.

Соответственно, любое противление великому воссоединению Русской Церкви 1686 года носило и носит антиправославный характер.

Отдельного разговора требует рассмотрение истоков идеи отдельной от Москвы западнорусской или украинской церкви. Собственно, идея отдельной от Москвы Западно-Русской митрополии с целью постепенного ее подчинения Ватикану была впервые выдвинута в XV веке отступником от Православия Московским митрополитом Исидором, изгнанным из России и возведенным в Ватикане в кардинальское достоинство.

В XVII веке в католических кругах разрабатывается новая идея, призванная не допустить консолидации русского народа и усиления влияния Русской Православной Церкви, что было бы губительным для с трудом сколоченной Брестской унии и трещавшей по швам Речи Посполитой.

Сами униаты признают, что проект создания «Киевского Патриархата» был изобретен в Ватикане. Имеется в виду именно католический Патриархат восточного

**Автор идеи «благочестивого
мошенничества», т. е.
«Киевского Патриархата»,
униатский митрополит
Иосиф Вениамин Рутский**

обрядя (Рим создал свои униатские «Патриархаты» в противовес Православным патриаршим кафедрам – Антиохийской и Иерусалимской и др.) – в 1996 г. на симпозиуме «400 лет Брестской унии. Критическая переоценка», состоявшемся в г. Нейменген, Голландия, доктор Фрэнсис Томпсон (Антверпенский университет, Бельгия) утверждал, что униатский митрополит В. Рутский направил в 1624 г. в Рим план создания униатского Киевского Патриархата. Согласно этому

плану, «после избрания Патриарха он и его епископы-коллеги принесут присягу Святому Престолу, а верующие постепенно приспособятся к новому положению. Эту схему, которую с известной долей справедливости прозвали «благочестивым мошенничеством», Рутский направил в Рим в 1624 г.»*. Все это как нельзя более актуально: всем должно окончательно стать ясно, откуда проекты «Украинской Поместной Церкви», «украинской автокефалии», «канонической», или «неканонической», «Киевского Патриархата» и т. д.

Уникальным документом, также подробно иллюстрирующим, кто стоит за проектом украинской автокефалии, является записка униатского митрополита Андрея Шептицкого, публикуемая ниже.

* 400 лет Брестской унии. критическая переоценка. М. Издание Библейско-Богословского ин-та. 1998.

В 1912 году, в преддверии Первой мировой войны, Шептицкий составил для австрийского императора записку следующего содержания:

«Как только победоносная Австрийская Армия вступит на территорию Русской Украины, нам предстоит решить тройную задачу – военной, правовой и церковной организации края... для того, чтобы эти области возможно полнее отторгнуть от России...

Церковная организация:

Эта организация должна бы преследовать ту же цель: возможно полнее отделить украинскую церковь от русской.

Не касаясь вероучений... следовало бы издать ряд церковных постановлений (например, украинская церковь изымается из ведения петербургского синода, запрещается молиться за царя, предписывается молиться за его Величество (австрийского императора. К. Ф.), соответственные (великорусско-московские) святые вычеркиваются из календаря...

Все эти декреты могли бы от имени «митрополита Галицкого и всей Украины» постановить все то, что было бы соответственным и согласным с основаниями восточной церкви, традициями митрополии и было бы одобрено военной администрацией.

Соавтор униатского проекта «Киевского патриархата», идеолог геноцида карпатских русских и проекта «Украины как антиРоссии» Львовский униатский митрополит Андрей Шептицкий

Как митрополит, я мог бы это сделать, так как, согласно постановлениям восточного церковного права и традициям моих предшественников, я имею право, одобренное Римом, осуществлять архипастырскую власть во всех этих областях...

Известную часть епископов, уроженцев Великороссии, а также тех, которые не подчинятся этим распоряжениям, можно будет устранить, заменив их другими, исповедующими украинские и австрийские убеждения.

Рим впоследствии согласился бы с этими постановлениями и назначениями. Одобрят их и восточные патриархи, оплаченные правительством...

Таким путем единство украинской церкви будет сохранено или создано, и отторжение ее от русской будет прочно и основательно установлено. Канонические основы для такого образа действий приемлемы с точки зрения католической, а с точки зрения восточно-православной – законны, логичны и не требуют объяснений (?! – К. Ф.).

Признание всего этого я мог бы провести в Риме, или, вернее, я уже в значительной степени все подготовил...»

В противовес униатским попыткам не допустить воссоединения Русской Церкви 1686-7 годов, Православное Соппротивление Брестской унии носит ярко выраженный русский национальный характер. Следует отметить, что идеология национально-политического единства Южной и Северной России была выработана в большей степени именно в Киеве. Венцом ее стал знаменитый киевский «Синописис», написанный предположительно Киево-Печерским архимандритом Иннокентием Гизелем (во второй половине XVII в.). Эта книга переиздавалась около 30 раз и стала первым учебным пособием по русской истории. Согласно «Синописису», «русский», «российский», «славянороссийский» народ – един. Он происходит от Иафетова

сына Мосоха (имя последнего сохраняется в имени Москвы), и он «племени его» весь целиком. Именно «Синописис» утверждает главенство суздальско-владимирских князей после разорения Киева татарами.

По «Синописису», Россия – едина. Ее начальный центр – царственный град Киев, Москва – его законная и прямая наследница в значении общего «православно-российского» государственного центра. Весь русский народ един, и временное отделение его части от России в другие государства (Польшу и Литву) «милостью Божией» завершается воссоединением в единое «государство Российское»*.

В результате воссоединения 1654 года уроженцы Киева и Львова, начиная с XVIII века, сделали положения на церковном, научном и литературном поприще России.

Еще более красноречиво участие северо-, и особенно юго-западной Руси в создании общерусского литературного, «книжного» языка. Смело можно сказать, что участие это – преобладающее: грамматика, лексика, орфография и первые церковнославянские и русские словари созданы во Львове, Киеве и Вильне.

Какова же была языковая ситуация в середине XVII в. в юго-западной Руси? Она обрисована в грамматике Иоанна Ужевича (1643 г.). В ней описывается «*Lingua sacra*», или «словенороссийский язык» (так именовался церковно-славянский) – высокий книжный язык, язык богослужения и богословия, *lingua slavonica* или «проста мова» – гражданский, светский литературный и деловой русский язык, и «*lingua popularis*» – диалектная речь**. В Киеве в 1627 г. «протосингел от Иерусалимского патриаршего престола и архитипограф

* И.И. Лаппо. Идея единства России в Юго-Западной Руси. – Прага, 1929.

** Б.А. Успенский. «Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX в. в.) М, 1994.

Российския церкви» ученый монах, подлинный энциклопедист того времени Памва Берында издает толковый словарь «Лексикон словенороссийский, или слов объяснение». В нем «русская» речь (в послесловии к Киевской Постной Триоди 1627 г. Берында называет «просту мову» «российской беседой общей»), противопоставляется народным диалектам – «волынкой» и «литовской» мове. Кодификация «словенороссийского» языка была произведена в основном в Киеве, Львове и Вильне. «Грамматика» Мелетия Смотрицкого стала учебником церковнославянского языка для всей Русской Церкви буквально на века. «Проста мова» стала основой общерусского литературного языка. «... Действительно, «проста мова» не оказала почти никакого влияния на современный украинский и белорусский литературные языки... Однако, на историю русского литературного языка «проста мова» как компонент юго-западнорусской языковой ситуации оказала весьма существенное влияние. Достаточно указать, что если сегодня мы говорим об антитезе «русского» и «церковнославянского» языков, то мы следуем именно югозападнорусской, а не великорусской традиции... Это связано с тем, что условно называется иногда «третьим южнославянским влиянием», т.е. влиянием книжной традиции Юго-Западной Руси на великорусскую книжную традицию в XVII в.: во второй половине XVII века это влияние приобретает характер массовой экспансии югозападнорусской культуры на великорусскую территорию»*.

«Говорят, что Петр Великий гражданскую печать выдумал, а, оказывается, он, просто-напросто, заимствовал ее у галичан и у прочих малорусов, которые употребляли ее еще в XVI в. Заголовки многих грамот и статутов, виденные мною в Ставропигии, начерчены чисто нашими гражданскими буквами, а текст, писан-

* Б.А. Успенский «Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX в.в.) М, 1994

ный в XVI в. – очевидный прототип нашей скорописи и нашей прописки елисоветинских и екатерининских времен»*.

Что касается диалектов – «волынской», «литовской» и многих других мов, то о «целесообразности» создания на их основе местных литературных языков лучше всего сказал замечательный галицко-русский историк Денис Зубрицкий в своем письме к М.А. Максимиовичу: «... Ваши мне сообщенные основательные и со систематической точностью изданные сочинения – откуда идет русская земля, и исследование о русском языке читал я с величайшим любопытством и вниманием. Вы опровергли сильным словом мечтательные утверждения писателей и выдумки как о происхождении народа, так и о русском языке, которые мне всегда не нравились... Что касается до наречий русского языка, то их бесчетное число) внимательный наблюдатель, странствуя по русской земле, найдет почти в каждом округе, даже в каждой деревне, хотя и неприметное различие в произношении, изречении, прозодии, даже в употреблении слов, и весьма естественно. По исчислению г-на Шмидель (*Litterarische Anreiger* 1882 г.) есть 114 наречий немецких столь одно от другого расстояющих, что немец друг друга никогда не понимает, но язык есть всегда немецкий, и невзирая на сие, ученые немцы в Риге, Берлине, Вене и даже в Страсбурге употребляют в книгах и общежитии лучших обществ одно словесное наречие. Я бы желал, чтобы и русские тем примером пользовались...»**.

Пропагандисты униатского проекта «белорусской автокефалии» сслаются еще на проект отдельной от общерусской «Новогрудской митрополии» князя Гедимины, «Эльдимана», но подобные местечкое про-

* «Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева, С-Петербур., 1868.

** Путиами истории, Т. 2. Изд. Карпато-русского литературного общества, Нью-Йорк, 1977

екты удельных русских князей не носили этнический характер и в итоге русские князья во имя единства Руси смирялись перед единой Русской Церковью. Так, например, святой благоверный князь Андрей Боголюбский отказался от подобной затеи и прислушался к своему духовному наставнику епископу Кириллу Туровскому, от аналогичной идеи отказался и святой московский князь Дмитрий Донской, послушавшийся прп. Сергия Радонежского и Киевско-московского митрополита Киприана. Соответственно, и современные попытки оторвать малороссийские и белорусские епархии от Русской Церкви являются шагом к новой унии, а попытки заставить малороссов и белорусов путем фальсификаций истории и создания новых «негативных идентичностей» – «бандероукраинцев» и «литвинов» (как этнонимы) являются «политическим униатством» и отречением от православного русского выбора святого благоверного равноапостольного князя Владимира. В Малороссии с целью отрыва Киевской и Малороссийской митрополии от Русской Церкви сначала путем «перестроечного шантажа» тогдашний Киевский митрополит Филарет (Денисенко) добился для нее автономии от Москвы. Автономия – шаг к автокефалии и Филарет совместно с тогдашним главой малороссийских униатствующих сепаратистов Кравчуком создает криминально-террористический раскол «Киевского Патриархата», адепты которого занимаются массовыми захватами православных храмов, убийствами и избиениями священников и мирян, вербовками необандеровских боевиков к Басаеву и во все «горячие точки» СНГ против России. Но главная цель раскола – служить инструментом шантажа Русской Церкви, чтобы любой ценой выбить из нее «каноническую автокефалию» – ключевой шаг к унии. Собственно, лидеры второй ветви раскола «УАПЦ», созданной Петлюрой, поддержанной ленинскими большевиками, затем на-

цистами, а потом ЦРУ, и не скрывают своего криптоуниатства, а один из лидеров «УАПЦ» «харьковский архиепископ» Игорь Исиченко прямо принял унию.

В Белоруссии под давлением большевиков в 1923 году была предпринята попытка сделать белорусские епархии автономными, но святой Патриарх Тихон умело отразил ее. Затем оторвать малороссийские и белорусские епархии при поддержке признавшего обновленческий раскол в СССР Константинопольского Патриархата пытались власти межвоенной Польши. Потом – нацисты.

В 2014-м году победивший путем переворота «бандеронацистский» режим Порошенко с помощью зависимого от США криптоуниатского Константинопольского Патриархата объявил Русской Церкви новую войну и заявил о намерении летом 2018 года (1030-летия Крещения с помощью Константинопольского Патриархата) победить Русскую Церковь.

Воодушевленная победой «бандеронацистов» в Киеве часть белорусской элиты в 2014-м году попытались навязать Белорусскому Экзархату Русской Церкви самоубийственную идею автономии Белорусской Православной Церкви, но как и святой Патриарх Тихон в 1923-м, так и Святейший Патриарх Кирилл в 2014 г. грамотно пресек этот униатский проект.

В 2018 году война с единой Святой Церковью Великой, Малой и Белой Руси разгорелась с новой силой.

Как сообщает Союз православных журналистов Украины, Патриарх Варфоломей заявил в своей проповеди 1 июля, что «Константинопольский Патриархат никому не передавал территорию Украины и Литвы», намерен «решительно действовать на этой территории», и в качестве прецедента он привел раскольнический Томос Патриарха Мелетия (Метаксакиса) об автокефалии Польской Церкви. Анализ проповеди Патриарха Варфоломея от 1 июля 2018 г. свидетель-

ствуует о том, что безграмотные и легко опровергаемые ее тезисы написаны «союзом писателей» в лице скандально известного архимандрита Кирилла (Говоруна), который до сих пор числится заштатным клириком Московской епархии Русской Православной Церкви, раскольника В. Лурье и пропагандиста из Киева К. Ветошникова, как говорят, трудоустроенного Говоруном в Фессалоникийский Университет и ставшего там и в Сорбонне профессором не благодаря своим знаниям, а благодаря политической воле могильщиков Русской Церкви и вероучительного Догмата о Церкви. Константин Ветошников отрицает на антицерковных сайтах РИСУ и «Кредо» общеизвестные бесспорные факты – перенос Киевской митрополии в Москву, передача Константинопольским Патриархом Дионисием Киевской митрополии Московскому Патриархату в 1686-м году безоговорочно, называемая Ветошниковым «концессией» (ничего подобного, никакой «концессионности» в Грамоте Патриарха Дионисия нет, есть безусловная передача Киевской и Малой России митрополии Московскому Патриархату), акт о даровании Иоанну IV царского титула он называет «подделкой». Метод в стиле «мазепствующих» фальсификаторов истории – отрицание фактов.

Чтобы убедиться в этом, нужно сравнить проповедь 1 июля п. Варфоломея и интервью Ветошникова*.

Повторим еще раз общеизвестные аргументы. Возможное вторжение Константинопольского Патриархата на Киевскую Русь является поправлением св. канон и Догмата о Церкви, это еще в 1920-е годы, когда Константинопольский Патриархат признал обновленческий раскол в СССР и захватывал епархии Русской Православной Церкви в Финляндии, Прибалтике, Западной Европе и США, показали ведущие церковные

* <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=3514>
https://risu.org.ua/ru/index/expert_thought/interview/65620

канонисты, такие, как проф. С.В. Троицкий. Недавно переиздан его сборник «Единство Церкви», как раз об этом*.

Сборник работ крупнейшего русского канониста XX века, профессора Сергея Викторовича Троицкого (1878-1972) посвящен осмыслению взаимоотношений православных поместных церквей, актуальным проблемам сравнительного богословия и канонического права.

«Церковь едина и потому, – писал профессор С.В. Троицкий, – что Она соборна, кафолична, то есть всеобъемлющая, обнимающая весь мир... И святость Церкви не связана с каким-либо местом (Ин. 4:21)... А если постановления всякой поместной Церкви вдохновляются Св. Духом, то как же она может быть подчинена какой-либо перманентной высшей инстанции? Посему «фактическое первенство Константинопольского Патриарха в Православной Церкви, никак нельзя считать ни канонически твердым, ни тем более неизменным». Проф. Троицкий ясно опровергает фантазии п. Варфоломея, Говоруна и Ветошникова о том, что «решение проблем украинского раскола является общецерковным делом». Нет, это является внутренним делом Московского Патриархата, чьей канонической территорией Киевская и Белая Русь являются с 1686 года.

**Книга проф. С.В. Троицкого
«Единство Церкви»**

* http://pravmagazin.ru/catalog/knigi/bogoslovie-istoriya/bogoslovskie-nauki/eklessiologiya/edinstvo-tserkvi_10197713/

Прот. Александр Мазырин – соавтор книги о поддержке Константинопольским патриархатом обновленческого раскола в СССР

делал даже попытку с помощью большевиков подчинить себе и всю Православную Церковь путем признания «Живой церкви» и отставки Патриарха Тихона... »

То, что поддержка Константинопольским Патриархатом обновленческого раскола не легитимировала последний, а делегитимировала Константинопольский Патриархат, подробно показано в сборнике «К истории взаимоотношений Московского и Константинопольского Патриархов в XX веке» (Авторы: священник А. Мазырин, А.А. Кострюков*).

В статье 1936 года «Папистические стремления у греков» писал:

«Сколь великие блага Константинопольская Церковь получала от Русской Церкви, и не только за время ее зависимости от Константинополя, но и позже? Однако все это не помешало Константинопольской Церкви, как только Русская Церковь попала в рабство большевикам, начать отнимать без всякого права ее епархии в Польше, Финляндии, Эстонии, Латвии и Западной Европе. А патриарх Григорий VII в 1924 году сделал

А. Кострюков, соавтор книги о поддержке Константинопольским патриархатом обновленческого раскола в СССР

* <http://pub.pstgu.ru/10886.html>

«В предлагаемой читателю книге рассматриваются проблемные стороны взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX в., в частности, поддержка Вселенской Патриархией обновленческого раскола в России в 1920-1930-е гг., простиравшаяся вплоть до евхаристического общения ее официально-го представителя в Москве с безблагодатным псевдо-церковным сообществом. Канонические нарушения Константинополя, совершенные из соображений политической конъюнктуры, привели к фактическому разрыву с ним Московской Патриархии и оттолкнули от него Русскую Зарубежную Церковь несмотря на то, что ее тогда возглавлял большой почитатель Вселенского Престола митрополит Антоний (Храповицкий). В дальнейшем в связи с ликвидацией обновленческого раскола каноническое общение Москвы и Фанара восстановилось, но былой авторитет греческих Патриархов в России оказался основательно подорванным».

**О визите делегации
Константинопольского Патриархата
к Порошенко и его жалких попытках
испортить великий праздник
Крещения Руси**

**Православное сопротивление Малороссии –
это реальность**

«Русский Православный Киев – жив! Православная Малороссия – жива!» – воскликнул известный русский тележурналист Михаил Тюренков, публикуя фотографии с грандиозного крестного хода верных чад УПЦ в Киеве, собравшего, по данным телеканала «Интер» более 250 тысяч участников, в основном – активного возраста*.

И он оказался прав, ибо попытки киевского режима сорвать крестный ход, запугать его участников и даже водителей, подвозивших верующих, были тотальными и не прекращались до самого крестного хода. Автобусы с участниками крестного хода ночью задерживались в Запорожье и многих других городах. 50 автобусов с участниками крестного хода стоят на Житомирской трассе: их не пускают в Киев якобы из-за «заминированной трассы». Задача провокации ясна – не пустить на крестный ход сотни тысяч едущих с Волынской и Подкарпатской Руси, с Подолии православных

* <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1978646012185907&set=pcb.1978646578852517&type=3&theater>, <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1978646295519212&set=pcb.1978646578852517&type=3&theater>, <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=197864578852596&set=pcb.1978646578852517&type=3&theater>, <https://www.facebook.com/Inter.ua/videos/2256932287655600/UzpfSTeWMDAyMzA2MTY2MDQ3NzoyNjQyOTAwODEwMTYzNzk/>

верных противников униатского проекта «Поместной украинской церкви», чтобы сказать, что «их нет».

Десятки автобусов из Одессы заблокированы, проврался только один из Ильичевска, но люди добирались на крестный ход «огородами». Противники УПЦ «роют могилу», духовную и политическую, себе, ибо уже получают обратный эффект.

На крестный ход собралось более 250 тысяч верных чад Церкви всея Руси – крестный ход входит в лавру, а его «хвост» еще не спустился с Владимирской горки.

Собрались вопреки бешеному сопротивлению режима. И эти препятствия заставили этих аполитичных (до того, как их начали «давить») людей думать, искать причины происходящего, находить униатские корни проекта «Поместной украинской церкви» и «Украины как Антироссии», вспоминать свою православную русскую историю, в том числе правозащитный, миссионерский и политический опыт православных братств Западной Руси – опыт Православного Русского Сопротивления.

Одновременно 27 июля митрополит Конст. Патриархата в США Иларион (Рудник) передал П. Порошенко письмо Патриарха Варфоломея, из которого следует, что «здесь и сейчас» искомого «Томоса» не будет, но Константинопольский Патриархат вмешивается на каноническую территорию Московского и конечной целью вмешательства является «автокефалия Украинской Церкви». Эти цитаты из письма п. Варфоломея к Порошенко являются поводом к ясным каноническим заявлениям Поместных Православных Церквей о том, что, согласно св. канонам, такие заявления п. Варфоломея являются глобальным расколом Православия и Константинопольский Патриархат не имеет никаких канонических прав на Украину, преодоление расколов – это внутреннее дело УПЦ, которая довольна своим статусом и ни в какой автокефалии не нуждается. По сути, такие заявления сделал 28 июля в Мо-

**«Судия Вселенной»
и великий африканский
миссионер
Александрийский Патриарх
Федор Второй**

скве Александрийский Патриарх Федор. Патриарх Кирилл и тезоименный Президент Владимир Путин в день Крещения Руси все ярко и точно сказали о св. Владимире и «триединстве» Руси. Более того Патриарх Кирилл прорывает информационную блокаду и открывает на телеканале «Интер» обманутым людям Малороссии, Новороссии и Подкарпатской Руси правду об их православной русской истории, которая актуальна, как никогда, о том, что русские – это не только граждане РФ. Россиянин – это

русский по гречески, русин – по латыни. Более того, Патриарх Кирилл, духовный лидер «Триединой» Руси выразил твердую уверенность не только в нашем общерусском «вчера», но и «завтра»: «... Я имею в виду русских в том смысле, как нас понимала древняя Византия, из которой мы и получили веру православную.

Византийцы называли «россами» всех, кто жил на просторах от северного берега Черного моря до берега Балтийского моря. Вот этот народ, который уже в то время был многонациональным, потому что разные были племена – и славянские племена, и норманнские племена – вот весь этот, еще раз хочу подчеркнуть, многоэтнический народ, византийцы называли «россами». В переводе на наш язык – «русскими». Сегодня ведь очень сложная ситуация на Украине. Сложная в том смысле, что враг рода человеческого пытается

посеять плевела и разделить Православие на Украине. И если посмотреть на то, что происходит даже чисто с социологической точки зрения, что происходит в этой сфере, то можно убедиться в том, что люди, глубоко укорененные в традиции Русской Православной Церкви, опять-таки в том понимании Русской, о котором мы только что сказали, эти люди ведь никуда из Церкви не уходят. Они исповедуют свою веру вплоть до того, что иногда это исповедание сопровождается физическим, духовным и моральным ущербом для людей. Но преданные чада Церкви нашей ревностно осуществляют свое служение. И для большинства из них, может, даже для всех тех, кто это исповедование сегодня несет, пример Киево-Печерской лавры, духовный опыт, который люди почерпают в монастыре святых Антония и Феодосия Печерских, является, несомненно, огромной духовной силой... Я, начиная с 2009 года до 2013 года, посещал Киев каждый год. И каждый год я служил в Киево-Печерской лавре. Перед моим взором стоит эта замечательная картина, как православный народ встречал Патриарха во вратах лавры, как сопровождала меня многочисленная толпа верующих людей, которые от всего сердца кричали: «Кирилл – наш Патриарх!». Это было тогда уже очень важным свидетельством нашего духовного единства.

Богослужения в Лавре всегда проходили для меня совершенно особенно. Я, во-первых, чувствовал свою сопричастность этой великой тысячелетней истории. Я понимал, на каком месте мы совершаем Литургию – на том самом, где воссияла вера Православная для всей Руси, в Киеве – матери городов русских, в Киево-Печерской лавре на берегу Днепра. И, конечно, молитва с епископатам Украинской Церкви, молитва с большим количеством монашествующих, духовенства, при огромном количестве людей – это очень сильный и глубокий духовный опыт.

Единственное, о чем я сегодня сожалею, – это о том, что я не могу приезжать по известным причинам в Киев и совершать богослужения в Киево-Печерской лавре. Но очень надеюсь, что эти времена пройдут, и мы снова сможем все вместе помолиться у этой великой общерусской святыни.»*

Но самой сенсационной была проповедь Александрийского Патриарха Федора о византийском преемстве России и о том, что великороссы, малороссы и белорусы – это один православный русский народ. Такие заявления именно от Александрийского Патриарха особенно важны, так как по канонам он является «судией Вселенной». Письмо п. Варфоломея к Порошенко является поводом для созыва подлинно Всеправославного Собора, который должен заниматься не Украиной (это внутреннее дело УПЦ), а осуждением откровенной ереси «папизма» Константинопольского Патриархата и рассмотреть все ее проявления, начиная от поддержки обновленческого раскола в СССР 1920-х годов.

Для Церкви важен голос святых. Великий малороссийский святой XX века архиепископ Иоанн (Максимович) на основе св. канонов не просто обличал незаконность «папизма» Константинопольского Патриархата и устроенный Константинопольским Патриархом Мелетием (Метаксакисом) грандиозный раскол православного мира по календарному вопросу, но и констатировал, что после антиканоничного вмешательства в дела Малороссии следующим его шагом будет захват, собственно, великорусских епархий**.

Святитель Иоанн (Максимович) – малоросс из малороссов, потомок выпускника Киево-Могилянской Академии св. архиепископа Иоанна (Максимовича) Тобольского, крестителя русской Сибири, и Михаила Максимова – выдающегося малороссийского филолога,

* http://ruskline.ru/news_rl/2018/07/27/patriarh_kirill_kogda_ya_govoryu_russkij_ya_ne_imeyu_v_vidu_rossijan/

** <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1765401066829499&set=pcb.1765402013496071&type=3&theater>

ректора Киевского университета св. Владимира, деятельно покаявшегося в «историсофской ереси украинства». Святой архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский Иоанн (Максимович) успешно проповедовал Истину Православия в Малороссии, Китае, на Филиппинах, в США и возрождавший православный «западный обряд» для облегчения перехода европейцев в Православие, как и все Максимовичи, был ревнителем общерусского единства. А в своих великих аскетических подвигах он был продолжателем святого Царьградского Патриарха Афанасия, дело которого и само Православие предают Константинопольские Патриархи последнего времени.

**Святой обличитель
«мазепинства» и «папизма»
Константинопольского
Патриархата»
Святитель Иоанн
(Максимович)**

**Св. Константинопольский патриарх
Афанасий (Палеолог)**

Этот великий Царьградский Патриарх из императорской династии, передавшей в лице Софии Палог преемство от Ромейской империи к «Третьему Риму», был «лоббистом» русского гетмана Богдана Хмельницкого в Москве, он вместе с Патриархом Никоном убеждал царя Алексея Михайловича воссоединить Малороссию с Великороссией и, как утверждают некоторые современные исследователи его эпохи, Патри-

**Святой Патриарх
Константинопольский
Афанасий «Сидящий»**

арх Афанасий прекрасно понимая, что является заложником османской империи, сам предлагал Патриарху Никону взять титул Вселенского Патриарха. Св.Афанасий скончался в Малороссии, в Лубнах, так и не успев осуществить свой императив о Вселенском титуле Московских, Великой, Малой и Белой России Патриархах.

Этот великий подвижник никогда не спал, и поэтому его святые и

нетленные мощи пребывают в сидящем состоянии в Благовещенском Соборе в Харькове. Его подвиг отказа от сна перенял в XX веке св.архиепископ Иоанн (Максимович), чьи нетленные мощи находятся в Сан-Франциско в соборе Русской Зарубежной Церкви.

Святой Патриарх Тихон бескомпромиссно обличал попытки отделения Украины от Русской Церкви:

«Грамота Патриарха Тихона в Константинополь, 12/25 марта 1922 г.

«Тяжелое время смуты и внутренних разделений переживает вновь многострадальная Православная церковь на Украине. Глубокою скорбью и болью объята сердца верных православных украинцев, видящих поругание своей веры и не желающих изменять историческому своему единению с Российской Церковью. Мы получаем от духовных чад наших с Украины заверения, что они сохраняют свою святую веру в чистоте и неприкосновенности, не пойдут за новыми лжеапостолами и лжеепископами, сеющими раскол и раздоры, не будут входить в общение с растлителями веры

православной. Нам заявляют, что народ православный на Украине умел не только жить исторически в святом православии, но и мученически умирать за Святую, единую, апостольскую православную веру отцов и дедов своих.

Почерпая в сем утешение и уверенность, что козни врагов Православия встретят со стороны верных чад Церкви подобающий отпор, мы не можем не предвидеть со всею скорбью угрожающих миру и единству церковному смут и сопряженных с ними испытаний православному народу. За открыто дерзновенными действиями украинских автокефалистов чувствуются сокровенные покушения более искусных и более грозных врагов Православия, давно упражняющихся в сеянии и политической и церковной смуты на Юге России. Украинский раскол и в своем зарождении, и в главных моментах своего развития оказывается, по всей видимости, в непосредственной связи с теми политическими переживаниями Украины, которые в последнее время ставили ее в ближайшее соприкосновение с Униатской Галичиною и открывали в Украину приток украинствующих и униатских деятелей из Галичины.

Уповаем, что наши скорби и опасения будут разделены сочувствием Великой Константинопольской Церкви, в коей Российская Церковь всегда чтит и чтит свою древнюю, по духу, мать и руководительницу к совершенству церковного благоустройства. Всегда сорадовавшись утешениям и соблезновав скорбям Великой Церкви-Матери, Российская Церковь ныне, претерпевая сама, по Божию попущению, многие скорби, обращает естественно взор свой туда, откуда, в силу духовного родства, чае иметь и молитвенную помощь, и утешение.

Воссылая неустанные молитвы Господу Богу о вразумлении заблуждающихся, из Украинского народа и о возвращении их в лоно Православной Церкви, усердно просим Ваше Высокопреосвященство с Архипастырями и пастырями Великой Константинопольской

Церкви подкрепить наши моления Вашими Святыми молитвами к единому Небесному нашему Пастыреначальнику о мире и единении чад Святой Церкви.

Затрудняясь по обстоятельствам настоящего нашего положения сноситься с прочими Патриархами Восточными, смиренно просим Ваше Высокопреосвященство осведомить относительно церковных нестроений в Украине Блаженнейших Патриархов Александрийского Фотия, Антиохийского Григория и Иерусалимского Дамиана, да изрекут они вместе с Вами слово осуждения новому раскольническому движению на Украине и кощунственной иерархии ея».

Теме служения св. Патриарха Тихона в Западной Руси посвящена отдельная глава этой книги.

Важно прокомментировать заметку историка Максима Медоварова о «рейдерстве» Константинопольского Патриархата. Наполеон и католические власти Речи Посполитой, которые в 1791 году почти уничтожили Православие в Западной Руси, блокируя деятельность единственного на тот момент тамошнего православного епископа Виктора (Садковского). Такие вот друзья Фанара...

А в 1448 году западнорусскую, отдельную от Москвы, митрополию, учредил принявший унию Патриарх Григорий Мамма, поставивший в Киев униата Григория Цамблака. Так что сама «отдельная от Москвы западнорусская митрополия», а теперь – «автокефалия УПЦ» – это изначально униатский проект:

«Продолжаю тему фанариотского рейдерства.

Все знают, что Константинополь после отделения Русской автокефальной Церкви с 1448 г. получил себе обратно земли Малороссии и Белоруссии в 1470 г., в общем-то, незаконно. Однако поскольку в 1686 г. он вернул их Московскому Патриархату, то обычно думают, что на этом история закончилась. Однако это не так.

В 1791 г. поляки добились от Константинополя согласие силой перевести в его управление все приходы РПЦ в Речи Посполитой. Поскольку ее саму в бли-

жайшие годы уничтожили, решение не успели провести в жизнь. Это первая попытка Фанара захватить Зап. Украину в Новое время.

В 1809 г. Наполеон отдал Холмщину полякам и оккупировал Галицию. Он также велел отдать приходы РПЦ в Холмщине Константинополю, но был разгромлен раньше, чем успел это сделать. Это была вторая попытка Фанара.

В 1920-24 гг. Константинополь, запятнавший себя общением с обновленцами и разрывом с РПЦ, попал под анафему, но именно в эти годы при Патриархемасоне Мелетии и его преемниках фанариоты путем разбойного захвата отрывают от РПЦ Финляндию, три страны Прибалтики и Польшу (которая тогда владела всей Зап. Белоруссией и Зап. Украиной с 7 миллионами русского православного населения). В 1924 г. Константинополь послал незаконный «Томос об автокефалии» для Польши. Издавший его патриарх Григорий VII в том же году умер в страшных мучениях.

Эта филькина грамота 1924 года не была признана каноническим Православием, с 1939 г. освобожденные территории вернулись в лоно РПЦ, а в 1948 г. Московская Патриархия предоставила законную автокефалию Польской ПЦ. Таким образом, в 20-30-е годы была третья попытка Фанара захватить Зап. Украину, причем даже с «Томосом». То есть прецедент есть.

Если сейчас Варфоломей попытается в четвертый раз, то итог также будет предсказуем».

Сказанного, согласно приведенным фактам и канонам святым, более чем хватает для суда над Константинопольским Патриархатом, который должен происходить на следующих канонических основаниях.

16-е, 34-е и 35-е Апостольские правила четко предписывают Православным Поместным Церквам собирать собор с 2 целями:

- 1) упразднение диптихов;
- 2) церковный суд над Стамбульским архиепископом.

Согласно церковным канонам, если обвиняемый не предстанет пред судом церковным после 3 обращений, не представив «благовидной причины», он может быть судим заочно.

О 6-м апостольском правиле я уже писал выше. Никаких архиерейских действий вне пределов своей епархии. Только с благословения местного правящего архиерея. И точка.

Святитель Григорий Великий, в силу известного недоразумения именуемый у нас «Двоесловом», услышав, что Иоанн Постник присовокупил к своему титулу «... и вселенский Патриарх» возмутился таким славолубием, и... добавил к титулу римских первосвятителей «*servus servorum Domini*», что может быть переведено двояко: «слуга слуг Божиих» или даже «раб рабов Божиих».

Ведь было же время, когда Рим был православнее даже тогдашнего Константинополя.

Проф. С.В. Троицкий писал о том, что на Пятом Вселенском Соборе папистские амбиции Константинопольского Патриархата были осуждены, авторитет Вселенских Соборов беспрекословен и это повод собрать Всеправославный Собор для суда над Константинопольским Патриархом, ересь его «папизма» уже осуждена Пятым Вселенским Собором.

Важная деталь о митр. Иларионе (Руднике), приехавшем к Порошенко в составе делегации Константинопольского Патриархата и передавшем ему разбираемое письмо. Кое что о митрополите Иларионе (Руднике), передавшему Порошенко письмо п. Варфоломея. Связи галицийской диаспоры, в том числе из Константинопольского Патриархата, а затем из т.н. «Киевского Патриархата», с международным терроризмом, секретом не является*.

«Иерарх из юрисдикции Константинопольского Патриархата, совершающий служение в Португалии, епископ Телмисский Иларион (Рудник), являющийся-

* sedmitza.ru/text/327044.html

ся гражданином Украины и украинцем по национальности, был задержан 9 июня турецкой полицией. Он провел в полицейском участке Стамбула несколько часов. Епископа обвинили в том, что путешествует по поддельным документам и является «чеченским повстанцем». Турецкие спецслужбы, проведя обыск, переправили епископа из аэропорта «Кемаль Ататюрк» в полицейский участок. Оттуда он был освобожден, благодаря вмешательству посольства Португалии в Анкаре и консульства Украины...»

Связям раскольнического «Киевского патриархата» с ичкерийскими террористами посвятил несколько работ выдающийся православный журналист, глава пресс-службы Украинской Православной Церкви Московского патриархата Василий Анисимов. Он раскопал кучу фактов, свидетельствующих о том, что через структуры «Киевского Патриархата» осуществлялась вербовка украинских боевиков в Чечню. Причем это происходило прямо в резиденции «патриарха» Филарета (Денисенко) на Пушкинской, 26. Более того, Денисенко сам покупал авиабилеты и военное обмундирование для боевиков, отправлявшихся в различные горячие точки, где велась война против России, в т. ч. и в т.н. «Ичкерия». Не случайно т.н. «независимая Ичкерия» была объявлена канонической территорией «Киевского Патриархата». А в конце 1990-х был пойман с поличным боевик, связанный с «Киевским Патриархатом».

«Отец современной православной журналистики «всея Руси» глава пресс-службы УПЦ Василий Семенович Анисимов

Успешный крестный ход УПЦ МП 27 июля является поводом к ее тотальному «духовному миссионерскому контрнаступлению», в том числе на «ересь фанариотского папизма». Необходимо также создать систему «всеобуча для мирян» – Киевского народного православного университета св.Владимира, проект которого предложен известными православными историками.

Жалкой пародией на этот великий крестный ход стало сборище Порошенко и Денисенко, осквернивших великий праздник Крещения Руси. Анафема на Филарета Денисенко распространяется и на Порошенко.

Это следует из текста анафемы, она наложена и на тех, кто с Филаретом. Сегодня они согнали 60 тысяч человек – в разы меньше, чем Церковь.

Это был паноптикум: согнанные за отгул бюджетники, нацисты, оравшие «слава нации – смерть врагам», раскольники и униаты – УГКЦ согнала всю Галицию. Что еще раз доказывает: автокефалия УПЦ – это уния*.

Как утверждают источники, 28 июля Блаженнейший митрополит Онуфрий был вызван в АП Порошенко, где его жестко «прессуют» поддержать аферу с «Томосом».

В ответ Церковь может, в соответствии с Основами социальной концепции, призвать верных к мирному гражданскому неповиновению власти, уничтожающей Церковь.

Как уже отмечено выше, попытки «папизма» Константинопольского Патриархата и его вмешательства в дела других Поместных Церквей были жестко пресечены еще Пятым Вселенским Собором. Об этом подробно пишет проф. С.В. Троицкий в «Единстве Церкви». Тогда Константинопольский Патриарх тоже пытался лезть и даже проводил «дехиротонии» епископов. Константинопольскому Патриархату была четко очерчена его каноническая территория, части которой, «Ски-

* http://ruskline.ru/analitika/2017/12/13/kanonicheskaya_avtokefaliya_upc_mp_eto_uniya.

фии», он в 1589 году сам не просто дал автокефалию, но и установил Московский, Великой, Малой и Белой России, «Третьего Рима» и всех Северных Земель Патриархат и сам в 1686 году канонично присоединил к нему Киевскую и Малой России митрополию.

Так что последние заявления п. Варфоломея по Киевской Руси и Македонии подпадают под суд Пятого Вселенского Собора и требуют Всеправославного Собора для суда над п. Варфоломеем, митр. Елпидифором и прочими пропагандистами «примата» Константинопольского Патриархата.

О незаконности «Польского Томоса» 1924 года говорил еще святой Патриарх Тихон и многие великие иерархи*.

Как известно, в ответ на вмешательство Константинопольского Патриархата в Польшу и учинение им там автокефалистского раскола и большевистской политики украинизации и насаждения раскола «УАПЦ» Святой Патриарх Тихон ликвидировал автономию УПЦ, данную Собором 1917-18 годов, и сделал Украину Экзархатом. Патриаршие экзархи Михаил (Ермаков) и Константин (Дьяков) стали святыми мучениками, большевиками и автокефалистскими раскольниками убиенными.

Раскольническая «Польская автокефалия» 1924-го года – это тоже униатский проект Шептицкого, который он осуществлял через контролируемого им С. Петлюру, который на штыках униатских галицких «сичевых стрельцов» устроил кощунственный раскол «УАПЦ» в Киеве, когда обновленческих взглядов поп Липковский с кучкой таких же авантюристов, как он, самих себя рукополагал в «епископы» (в епископы могут рукоположить только два других епископа) и арестовал законную православную иерархию Малороссии. Затем Петлюра «слил» «Западно-Украинскую народ-

* <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=271206860122937&set=p.271206860122937&type=3&theater>, <https://drive.google.com/file/d/0B001XDXp8X6qdVROUmJHZUd5eXc/view>.

**Ревнитель единства
Русской Православной
Церкви и «триединства»
Руси Святейший Патриарх
Московский и всея Руси
Кирилл**

ную республику» объединившуюся с армией русского героя А.И. Деникина, возрожденной Польше и остался в Варшаве, где по заданию Шептицкого и готовил униатскую авантюру «Польской автокефалии». Использовалась известная демагогия о том, что «отделение от Москвы под прогрессивный Константинопольский Патриархат спасет Православие». Это, естественно, оказалось обманом, и незаконная

«Польская Церковь» была переведена легитимировавшим обновленческий раскол в СССР Константинопольским Патриархатом на «новый стиль», но даже она подверглась гонениям: сотни православных храмов Западной Руси, вновь попавшей в «Речь Посполитую», были взорваны, приходы закрывались, мало- и белорусский народ принудительно «украинизировался». Вот так «Томос об автокефалии» и Константинопольский Патриархат «спасли» Православие!

Резко высказывался по «польскому» вопросу и архиепископ Финляндский и Выборгский Серафим (Лукьянов). Признание польской автокефалии Константинополем архипастырь считал незаконным. Архиепископ Серафим считал необходимым придерживаться постановлений Архиерейского Собора 1923 г., в соответствии с которым Русская Зарубежная Церковь высказалась против автокефалий в Польше, Финляндии, Эстонии, Латвии, Украине и Грузии.

Не видел оснований для польской автокефалии и епископ Забайкальский и Нерчинский Мелетий (За-

боровский). По его мнению, в Польше должна быть не автокефалия и даже не автономия, а обыкновенная епархия, подчиненная Патриаршему Местоблюстителю*. Вообще, поводом к незаконному вмешательству Фанара в вопрос польских епархий стала ситуация фактического уничтожения Русской Церкви и отсутствия нормальной связи с Московским Патриаршим Престолом. Сейчас такого повода нет. Кстати, вспомним, что под влиянием Константинопольского Патриархата незаконная польская автокефалия перешла на «новый стиль», а украинская покатится в унию потому что сам ее проект является униатским:

Глава ОВЦС Московского Патриархата митрополит Иларион (Алфеев) подвел итог попытки Константинопольского Патриархата оспорить великое воссоединение Русской Церкви 1686-87 годов.

Известный православный журналист Михаил Тюренков отмечает, что «в числе канонических преступлений нынешнего «Константинопольского» Патриарха Варфоломея не только экуменические связи с католиками, но и сегодняшнее активное участие в попытках оторвать каноническую Украинскую Православную Церковь от Московского Патриархата. Так, после развала Советского Союза эстонские власти именно при помощи Фанара создали раскольническую структуру – так называемую Эстонскую апостольскую православную церковь. Одновременно с этим Патриарх Варфоломей легализовал крупную украинскую националистическую секту – «УПЦ в США» (другую подобную секту – «УПЦ в Канаде» – легализовал еще его предшественник Патриарх Димитрий). В одном из своих недавних интервью греческому информагентству «Ромфеа» владыка Иларион особо подчеркнул:

«Мы в последнее время немало поработали в архивах и нашли всю имеющуюся документацию по этим

* <https://zapadrus.su/slavm/rlgsl/1577-russkaya-zarubezhnaya-tserkovi-avtokefaliya-polskoj-tserkvi.html>

**Глава ОВЦС МП
митрополит Волоколамский
Иларион (Алфеев)**

событиям – 900 страниц документов как на греческом, так и на русском языке. Они совершенно четко показывают, что Киевская митрополия была включена в состав Московского Патриархата решением Константинопольского Патриарха, и временный характер этого решения нигде не оговаривался, никакой срок не был поставлен.

Ни в одном из этих документов не сказано, что Киевская митрополия передается в состав Московского Патриархата на 10, 20 или 100 лет»^{*}.

Воссоединение Руси 1654 года, 1795 года, воссоединение Русской Церкви 1686-7 годов, как уже отмечалось, было подготовлено движением Православного Русского Сопротивления Брестской унии, охватившему Малую, Белую, Червонную и Черную Русь. Книга посвящена, преимущественно Белой и Черной Руси, но не упомянуть Православное Русское Сопротивление Малой и Червонной (Галицкой) России будет неисторично. Особую роль в национально-освободительной борьбе русского народа сыграли православные братства Западной Руси.

Православные братства – это корпоративные объединения православного духовенства и мирян, это массовое народное движение «Православного Сопротивления» создало настоящее русское гражданское общество. Потребность в теснейшем объединении была вызвана католическим геноцидом, попытками Ватикана и Речи Посполитой

^{*} https://tsargrad.tv/articles/fanar-atakuet-istoricheskij-podlog-protiv-edinstva-russkoj-cerkvi_143644

стереть с лица земли Православную Русь, а также разложением православной иерархии отделенной от Москвы западнорусской митрополии, полностью зависимой от польского правительства. Сама идея отдельной от Москвы западнорусской митрополии с целью постепенного его подчинения Ватикану была впервые выдвинута отступником от Православия Московским митрополитом Исидором, изгнанным из России и возведенным в Ватикане в кардинальское достоинство.

В этих условиях Православные братства получают от константинопольских Патриархов права на «чрезвычайное управление Церковью», на контроль за деятельностью шатающихся в вере архиереев, церковного суда и т.д. В 1606 г. Львовское Успенское Ставропигиальное братство получает право на управление Церковью на всех пределах России, вплоть до Москвы. Это происходит в пик русской Смуты, когда латинопольские оккупанты не допускают каноничного Московского Патриарха до управления Церковью.

Огромную роль сыграли братства в фактическом срыве ватиканского плана Брестской унии – в католичество перешла только большая часть иерархии, но без духовенства и народа.

Очень интересна переписка между отступниками от Православия во главе с Киевским митрополитом Михаилом Рагозой и ревнителями Православия – львовскими братствами, афонским иноком Иоанном Вишенским, Александрийским Патриархом Мелетием Пигасом. Отступники, прекрасно понимая, что у них нет богословских оправдательных документов своего предательства, обвиняют православных в «непослушании епископу» и т.д. Письма же Патриарха Мелетия, Иоанна Вишенского полны более чем резких выражений по отношению к вероотступникам, из которых «волки в овечьих шкурах», «прелюбодеи» являются самыми мягкими*.

* Архив Юго-Западной России, Киев., 1859-1911; издано в 37 томах.

Православные братства, монастыри (наиболее знаменитые на Западной Руси – Св. Почаевская лавра и Манявский скит) стояли и на страже Православия и на страже общерусского единства. Так, знаменитая Успенская Ставропигийская церковь во Львове построена на пожертвования русского царя Федора Иоанновича.

А галичанин, иеродиакон Захария Копыстенский написал в 1622 г. знаменитый труд «Палинодия», являющийся как антиуниатским богословским трактатом, так и фактически первым учебником русской истории. В «Палинодии» прославляется «мужество народа Российского», северная часть которого покорила Казань и Астрахань, а другая часть «яфето-росского поколения, в Малой России, выходече, «татары и места турецкие на море Чорном воюют»*.

Невозможно также пройти мимо Иоанна Вишенского (1550-1623), афонского инока, ревнителя веры православной, достойного скорейшей канонизации. На Афоне Иоанн Вишенский велел заживо «похоронить» себя в пещере у Эгейского моря, откуда беспощадно порицал отступников: Михаила Рагозу, Ипатия Потeya, епископа Брестского. Иоанн Вишенский написал множество ярких посланий, в которых прямо называет латинян не просто еретиками, а слугами дьявола (в своей знаменитой «книжке»). Отступников от веры он беспощадно бичует в «Послании к митрополиту и епископам, принявшим унию». Очень интересна и актуальна полемика Иоанна Вишенского с иезуитом Петром Скаргой. Оба придают церковнославянскому языку принципиальное значение. Для Иоанна Вишенского церковнославянский язык богодуховен, «его же дьявол ненавидит, Скарга же в своей борьбе с Православием дискриминацию и уничтожение церковно-славянского языка рассматривает как одну из важнейших задач.

Из всех произведений, несомненно написанных Иоанном Вишенским, до нас дошло 17: «Книжка» («тер-

* Б. Завитневич «Палинодия» Захария Копыстенского и ее место в истории западно-русской полемики XVI и XVII вв. С-Пб-1878.

мин о лжи»), сборник о десяти главах с вступлением и двумя предисловиями; послания Львовскому братству, Домникии, Иову Княгинскому, Михаилу Вишневецкому, знаменитая «Зачапка мудрого латынника с глупым русином» – полемика со Скаргой, вышеупомянутый «Краткословный ответ Петру Скарге», «Позорище мысленное».

«Книжка» была составлена Иоанном Вишенским в 1599-1600 гг. Специально для «Книжки» были написаны И. Вишенским главы: первая – «Обличение дьявола миродержца», седьмая – «О еретиках, написанная в дополнение к главе шестой – «Извещению краткому о латинской прелести», восьмая и девятая – «Загадка философам латинским» и «Спор краткий», глава десятая – повесть «Об обретении тела Валаама, архиепископа Охридского града». Крайне интересны глава вторая – «Послание благочестивому государю Василию, княжати Острожскому первым православным христианам Малой России» (1598-1599 гг.), – и пятая – «Писание к утекшим от православной веры епископам».

Отступникам Рагозе, Поцею и Терлецкому Иоанн Вишенский писал: «Спросил бы я вас – что такое труда очищения? Но вам и не снилось об этом: не только вы этого не знаете, но и ваши папы – Иисуса ругатели – так называемые иезуиты о том не пекутся и ответ дать не могут...

Постучись в лысую голову, бискуп Луцкий! Сколько ты во время своего священства человеческих душ к Богу послал? Его милость Коштелян Поцей, хотя и Коштеляном был но только по четыре слуги за собою волочил, а теперь, когда бискуп стал, то больше десяти сочтешь; так же и его Милость Митрополит, когда простого рогозиною был, то не знаю, мог ли держать двух слуг, а теперь больше десяти держит».

В послании к князю Острожскому Иоанн Вишенский пишет: «Латинская злоковарная душа, ослепленная и напыщенная поганским тщеславием и гордыми

догматами, Божьи премудрости, разума духовного, смирения, простоты и беззлобия вместить никак не может. Охраняйте, православные, детей своих от этой отравы; теперь вы явно пострадали, когда не латинскую и мирскую мудрость разлакались, вы не в папу крестились и не в королевскую власть, чтобы вам король давал волков и злодеев, ибо лутше сам без владык и попов, от дьявола поставленных, владыками и попами, не от Бога званными, в церкви быть, ей ругаться и Православие попить»*.

Другим важнейшим документом борьбы с латиноуниатами является «Перестрога», написанная неизвестным автором. В ней пламенный защитник Православной Церкви говорит об упадке Галицко-Русского княжества, об уничтожении русских книг фанатиками-доминиканцами, об отсутствии просвещения в Галицкой Руси и о произволе разнузданной шляхты над русским народом.

Очень важным является тот факт, что общерусский литературный язык кодифицирован в основном во Львове и в Киеве, что именно он всегда был книжным, литературным языком Львова, Вильны, Киева, Москвы, Ярославля – словом, всей Руси. Первая церковно-славянская грамматика «Адельфотес, или наука доброглаголивого эллино-славенского языка совершенного искусства осьми частей слова ко наказанию многоименитому Российскому роду» выпущена Львовским братством в 1591 г.

Выпускник Львовской православной братской школы, ученый монах, обладавший энциклопедическим образованием, Памва (Павел) Берында (ск. в 1632 г.) – «Протосингел от Иерусалимского Патриаршего престола и архитипограф Российской Церкви» является автором первого русского словаря – «Лексикон славяноурусский или Слов объяснение». А гражданский шрифт, разработанный Львовским братством на рube-

* Н. Воейков. Церковь, Русь и Рим. Джорданвилль, 1983.

же XVI-XVII вв. был введен Петром как гражданский алфавит для всей России.

О великом русском святом Иове, игумене Почаевском (1550-1651), написано довольно много.

Стоит также отметить, что галичанами были Киевский митрополит Иов Борецкий, ревностный защитник Православия, человек, который в 1624 г. впервые четко поставил вопрос о воссоединении разделенного русского народа, и патриарший местоблюститель Русской Православной Церкви митрополит Стефан Яворский (1652-1722).

Великому Виленскому братству будет посвящена отдельная глава. Но в этой можно и нужно сказать, что ставка на Москву как общерусскую столицу после падения Киева в 1240 году была сделана Матерью – Церковью, так что коренной волынянин св.митрополит Петр перенес киевскую кафедру всея Руси в Москву, тем самым перенеся в Москву и политическую русскую столицу, центр объединения и собирания русских земель. Поскольку проект отдельной от Москвы западнорусской митрополии, как мы показали, изначально был униатским, то и Вильна, где расположилась отдельная от Москвы западнорусская митрополия, хоть и была центром русского самосознания и православного сопротивления католической экспансии, в том числе, Брестской унии, стать общерусской духовной и политической столицей не могла. Если бы она такой стала, если бы не было Москвы, то вслед за династическим браком великого князя Литовского, Русского и Жемайтского Ягайло с польской королевой Ядвигой и его, а затем и большинства политической элиты Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского изменой православию – принятием католицизма и политической, Люблинской, унией с Речью Посполитой, а также церковной, Брестской, с католицизмом, Русь (по греческому произношению – «Россия») и русский народ исчезли бы из истории.

После Люблинской и Брестской уний уничтожение Православия и русского национального самосознания в Великом княжестве Литовском, Русском и Жемайтском стало планомерным, а борьба с Москвой – религиозной и цивилизационной. Соответственно, и борьба за воссоединение Западной Руси, Малороссии и Белоруссии, с Восточной, Московской, стала религиозной и национально-освободительной.

Современные униатские историки обычно любят противопоставлять униатскому фанатику, «злому следователю» И. Кунцевичу «просвещенного», «добротого следователя» канцлера Льва Сапегу. Однако следует помнить, что Сапега в Смутное время стоял во главе польско-литовских войск, бравших штурмом нашу великую святыню – Свято-Троицкую Сергиеву лавру. Если бы тогда они победили, подчинив себе всю Православную Церковь и Восточную, Московскую Русь, то русское самосознание было бы уничтожено. Первыми «попали бы под нож» жители Западной Руси, в том числе и предки нынешних «самостийников».

По мысли выдающегося белорусского историка М.О. Кояловича, Московская Русь – это вооруженный орден по защите Запада от азиатов и Западной Руси от воинствующего католицизма. Действительно, в период с середины XV по середину XVI в. 50 лет из ста Московское государство провело в войнах за свободу угнетаемых православных христиан Речи Посполитой, а в XVII в. – и того более. Результатом всех переговоров о мире с Речью Посполитой были обязательства Польши прекратить преследования православных, и по мирному договору 1686 года русское правительство оставляло в Польше доверенных лиц, призванных следить за соблюдением прав и свобод православных русских людей. Мысль о единстве Запада и Востока Руси всегда жила во всех ее частях.

Святые виленские мученики как символ и знамя общерусского единства

Вся Русская Церковь чтит святых виленских мучеников Антония, Евстафия и Иоанна, убитых при тогда еще не крещенном князе Ольгерде. Они были чиновниками при дворе Ольгерда, крещенные неким пресвитером Нестором и за это мучимые и в итоге убитые тогда языческими слугами князя Ольгерда с его, естественно, ведома.

Святые виленские мученики Антоний, Евстафий и Иоанн

Два брата, Антоний и Иоанн, «от страны литовской, огню служившие подобно единопольным их ... благочестие и христианство возлюбившие», были крещены пресвитером Нестором. Служили при дворе князя литовского Ольгерда. За православную веру Иоанн и Антоний были заключены в тюрьму. Через год Иоанн согласился на компромисс в вере и был освобожден. Спустя несколько дней освободили и Антония. Антоний на компромиссы в вере не шел и был отправлен в темницу во второй раз. Православная община Вильны презирала Иоанна за малодушие и спустя некоторое время он публично исповедал себя христианином. За это Иоанн вновь был посажен в темницу, где уже находился Антоний. Через несколько лет Антоний был осужден на смерть, и 14 апреля его повесили на дереве. 24 апреля повесили и Иоанна. Священники и некие благочестивые ночью тайно сняли его тело и погребли. После крещения Ольгерд выделил висельное место для строительства храма Святой Троицы.

В Рождественский пост (в декабре 1347 года) Евстафий на охоте с князем Ольгердом объявил себя христианином, за что подвергся трехдневным пыткам. Евстафию перебили ноги, срезали с головы волосы с кожей, отрезали нос и уши. Евстафия повесили, и его тело три дня не трогали звери. Новопросвещенные сыновья мучителя тайно сняли тело и через три дня доставили в Вильну, где погребли рядом с телами Иоанна и Антония.

Известны имена мучеников до их Крещения: Круглец, Кумец и Нежило. Имена русские, а не «отдельно белорусские». У этнического литовца Ольгерда была русская дружина, которая и привела его к православному русскому выбору.

Важным фактором принятия Ольгердом Православия и стремления преобразить Жмудь в Русь был его брак с витебской княжной Марией Ярославной. Это прагматическое намерение не противоречит аксио-

ме о Божьем Промысле в крещении Ольгерда, как не противоречит ему фактор желания князя Владимира жениться на ромейской принцессе Анне, ставший одним из факторов принятия решения Владимиром о православном крещении. До крещения и Владимир, и Ольгерд были лютыми мучителями христиан, Ольгерд – святых виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. После Крещения и тот, и другой преобразились. Но предательство Православия князем Ягайлом раскололо Литовскую Русь и приостановило преобразование Жмуди в Русь, что сделало Москву безальтернативной русской столицей.

В 1374 году мощи виленских мучеников были принесены в Константинополь иеромонахом Киприаном, будущим митрополитом Киевским, Московским и всея Руси, ревностным строителем единой Руси как преемницы Византии. Он и добился первой канонизации трех виленских мучеников и популяризации их жития и подвига. Благодаря их жертве Жмудь и ее князь стали Русью, и святитель Киприан делает виленских мучеников знаменем борьбы против католицизмом и за единство Руси. Его дело продолжает святой Московский митрополит Макарий, канонизировавший в 1549 году святых Великой, Малой и Белой Руси (в том числе виленских мучеников) и установивший праздник русских святых.

Борьба Вселенской Церкви за единство Церкви Русской

Православная Ромейская империя поставила на Московскую Русь как на своего преемника и поэтому возвращала и охраняла единство Русской Церкви и русской земли, в том числе и от униатского проекта отдельной западнорусской митрополии. Об этом писал великий русский историк нашего времени Владимир Леонидович Махнач:

«Преподобный Сергей Радонежский и святой благоверный князь Дмитрий Донской»

*(Радио «Радонеж», Москва. 1992 год.
Оттекстовка: Сергей Пилипенко, декабрь 2016.)*

Махнач: 25 сентября нашего православного календаря, а по западному календарю, которым мы пока пользуемся, 8 октября – память преставления преподобного Сергия, игумена Радонежского. У него два дня в календаре. Но даже если бы у преподобного Сергия

В.Л. Махнач

было двести два дня в календаре, то на каждый день нашлось бы, о чем поговорить – поговорить не просто о подвижнике, не просто о великом святом, ведь его современниками были многие святые, но о святом, именем которого по праву названа целая эпоха. С его эпохой, как вы все пом-

ните, связана куликовская победа. И даже все школьники теперь знают, что князь Дмитрий ездил к преподобному в неуверенности перед походом на Куликово поле, ездил за благословением на это побоище, на этот ратный подвиг, на эту победу. Куликово поле имело колоссальный христианский смысл. Оно было по сути дела подлинным рождением православной России, немислимым без Куликова поля. Но оно, естественно, также исторический факт, факт нашей культуры, факт нашей политической истории.

А сегодня мне хотелось бы вспомнить об еще одном участии преподобного в большой политике своего времени. В 70-е годы XIV века было значительным противостояние Великого княжества Владимирского, во главе которого тогда стоял Московский князь Дмитрий (и далее будут только московские князья), и Великого княжества Литовского, точнее, Великого княжества Литовского и Русского, как оно называлось, в княжение великого князя Ольгерда. Их противостояние было не всегда воинственным, чаще даже не воинственным, но то было все же соперничество.

Во многих книгах можно прочесть о попытках Литовских великих князей разорвать Русскую митрополию, создать себе отдельного митрополита. Русские святители тому противились, кто бы они ни были. А были они весьма разноэтничны. После русского Кирилла был грек, святой Максим. Святитель Петр был русский галичанин, с крайнего юго-запада Русской земли. Его преемник, святитель Феогност, – снова грек. Алексей был первым москвичом. Киприан – болгарин. Фотий – снова грек. Но в своем отношении к попыткам разделения Русской церкви они были как бы одним человеком. Их точка зрения, их политика не только не менялась, она не имела даже нюансов. Станным было бы предположить, что они все выполняли чей-то политический заказ. Тогда греки должны были бы выполнять константинопольский политический заказ,

галичане – заказ своих галицких правителей, в конце концов, литовский заказ, а Алексей должен был бы выполнять заказ Владимирской Руси. Но все было не так, ибо смысл политики митрополитов был выше политики даже самых лучших, самых благочестивых князей того времени. Князья выполняли свой долг, долг правителя. Святители же мыслили столетиями, они создавали будущее православное царство на смену угасающему Царьграду.

И вот в борьбе с этой линией Константинопольских Патриархов и Киевско-Владимирских митрополитов Литва стремилась заполучить своего, особого митрополита». То есть реализовывала униатский проект, закончившийся Люблинской и Брестской униями. Но с ними и за воссоединение с Русью Московской боролась православная Литовская Русь.

Говоря о Литовской Руси, о Великом княжестве Литовском, Русском и Жемайтском, невозможно не упомянуть о великом князе Ольгерде, которого «литвинская» пропаганда называет «собирателем белорусских земель». В действительности Ольгерд публично (это я специально отмечаю вопреки польским фальсификациям о якобы частном характере его веры) принимает Православие и русскую идентичность. Если бы процесс православизации и русификации литовской знати не был прерван активной католической миссией и экспансией Речи Посполитой, то литовский народ стал бы русским, как стали им народности меря, вест, чудь и многие другие. Соответственно, походы Ольгерда на Москву – это элемент русской междоусобной брани, «феодальной раздробленности Руси», в которых правда была на стороне Москвы, ибо Церковь сделала ставку на Москву, именно туда перенеся свою Киевскую общерусскую митрополицию кафедру.

Это иллюстрирует жизнеописание Литовско-русского князя Ольгерда – крестителя Литвы: «Литовская династия все более русела и крестилась по пра-

Князь Ольгерд

вославному обряду. Семейство Ольгерда почти сплошь было православное. Обе его супруги, княжна витебская Мария и княжна тверская Ульяна, воспитывали своих детей в православии, имели при себе православных священников и воздвигали в литовской столице Вильне (Вильнюсе)

храмы. Сам Ольгерд, был уже православным, когда находился в браке с витебской княжной и занимал Витебское княжение. Русская летопись свидетельствует, что в 1342 году, по просьбе псковичей, Ольгерд ходил к ним на помощь против немцев и, когда немцы были прогнаны, псковичи просили Ольгерда креститься и сесть у них на княжение. Ольгерд отвечал, что уже крещен. Вместо себя он предложил юного сына своего Вингольда, который был окрещен в Пскове под именем Андрея и посажен там князем...»*

Называть его белорусским князем некорректно, он был князем русским, православным, собирателем русских земель от Твери и Пскова, Чернигова и Брянска до Луцка и Галича, то есть земель Великой, Белой, Северной, Малой, Черной, Волынской и Червонной Руси, защитником православной Руси от тевтонов и польских католиков. Главная причина, по которой Ольгерд и православная обрусевшая литовская династия проиграли на первых порах, до уний, честную конкуренцию с Москвой за собиранье русских земель, при православном русском Ольгерде, проиграли Москве и Рюриковичам это то, что Вселенская Церковь уже тогда, при святителях Кирилле II, Петре, Феогносте, Алексии, Киприане и других киево-московских митро-

* <http://posmotrim.by/article/olgerd-velikiy-knyaz-litovskiy.html>

политах, сделала ставку на Москву. И эта ставка была понятной: ставка на Вильну как преемницу Константинополя была рискованной, поскольку Вильна была на православно-католическом пограничье и вероятность ее падения как «катехонического» имперского православного русского центра была слишком высока. Так оно, в итоге и произошло, а значит, опасения православных миссионерских геополитических стратегов были оправданными. Иное дело Москва с легитимной династией обрусевших варягов Рюриковичей – это надежный тыл и плацдарм для византийского имперского «катехонического» преемства. И, как показала история, ставка Церкви на Москву оказалась беспроигрышной. Ну а православный русский князь Ольгерд Гедиминович не забыт православной Россией, которой он служил, и он заслуженно попал на хорошее место в памятнике Тысячелетию России в Великом Новгороде.

О том, насколько оправданной оказалась ставка на Москву, свидетельствует кричащий факт: православный русский князь Свидригайло, сын Ольгерда, принял католицизм*. Так что, если бы не Москва, объединенная Вильной Русь уже в конце XIV в. стала бы католической, что стало бы и ее, и Вселенского Православия, концом: других преемников себе Ромейская православная империя не оставила, православные балканские страны не имели имперской миссионерской перспективы.

Русь Литовская и Русь Московская

Вновь приведем Владимира Махнача (отекстовки фонозаписей лекций «Будь Ольгерд таким же пламенным православным, как Симеон Гордый, столицей Руси стала бы Вильна»):

* <http://rushist.com/index.php/russia/2863-svidrigajlo-kratkaya-biografiya>

«Территория исторической Руси» – Белоруссия.

Намного короче мы будем рассматривать менее проблемную Белоруссию. Это, безусловно, историческая часть домонгольской Руси, включающая земли преимущественно племен кривичей и дреговичей. В составе того, что сейчас называется Белоруссией, была Белая Русь (это регион Витебска) и Черная Русь (это регион Полоцка). Почему они так назывались, никто уже не помнит. Есть только какие-то гипотезы. К Белой Руси относился и Смоленск, но я никогда не слышал, чтобы Белоруссия в XX веке хотела отхватить у нас еще и Смоленск. Но это город-то кривичей, потому, вообще говоря, Белоруссия могла бы апеллировать к X или XI веку, если бы там «кравчуки» водились в достаточном количестве.

Территория Белоруссии образовалась как часть внутреннего административного деления даже не Советского Союза, а Речи Посполитой, после Люблинской унии, когда Польша и Литва слились в одно государство – Речь Посполитую. Административная власть Великого княжества Литовского, тем не менее, частично сохранялась на этой территории, а само ВКЛ было подчинено, конечно, Кракову. Вот эта территория впоследствии и образовала белорусские земли.

Литва

Официальным государственным языком Великого княжества Литовского был русский, который не отличался значительно от нашего восточного русского диалекта, от наших диалектов, еще в XV веке. Попытки же различать староукраинский и старобелорусский языки не удаются даже в XVI столетии... Западнорусские тексты XIV, XV, XVI веков я читать могу, и читал. И отличий не обнаружил. Я, правда, не филолог, а историк,

но все равно никак не получается. Писали все на одном языке...

На Украине живут субэтноты, близкие белорусам. В самой же Белоруссии есть, помимо белорусов, еще очень самостоятельный субэтнос – полешуки. У них диалект совсем не тот же самый, что в Минске и Витебске.

Кстати, сразу напомню, это тоже очень интересно, что в Речь Посполитую через Великое княжество Литовское входила не только часть Руси, но также часть нынешней Латвии, причем еще с XIII века, – это Латгалия. Исторически Латгалия не часть Латвии. Она, может быть, в далеком прошлом была частью Литвы.

Литва была настолько связана с западнорусскими землями, что по крайней мере в XVI веке мы видим две русских державы: 1) Великое княжество Владимирское и Московское и 2) Великое княжество Литовское и Русское (до его поглощения Польшей). Государственным языком ВКЛ был русский. Иногда для составления важных документов, договоров с Польшей один из текстов составлялся на латыни, но вообще-то официальным языком был русский. А литовский язык оставался бесписьменным до XIX века. С середины XVI века в Великом княжестве Литовском русский язык вытесняется польским. Литовский остается языком мужиков, в лучшем случае семейным языком. Впрочем, подозреваю, что магнаты и шляхта Великого княжества переехали на польский прямо с русского языка, а литовский знали постольку, поскольку холопу своему надо было что-то сказать, а холоп мог польского не знать. То была великая держава. Я никогда в жизни не скажу, что Литва не имеет своей государственной истории.

Великое княжество Литовское было сильнейшим государством Восточной Европы в начале XV века. Оно ухитряется в первой четверти XV века менее чем на сто лет приобрести Смоленск по вине очень неудачной политики Московского князя Василия, сына Дмитрия Донского. Но в этом гигантском государстве

около 90% населения составляли русские. Они сами так себя называли, и вовсе не были ни порабощенным, ни угнетенным народом, потому что при вхождении в Великое княжество никакого национального угнетения не было. Об этом много писано, это подтверждено историками всех направлений. Попадая в Великое княжество, боярин оставался боярином, пахарь – пахарем, а кузнец – кузнецом. Династия там была, безусловно, литовской, была династия Гедимина, а знать была всякая. И когда эта знать оказалась ополяченной, то выяснилось, что уже в Польско-Литовском государстве огромное количество знатных фамилий литовско-русского, в том числе и просто русского, происхождения. В частности, как ни гордятся поляки самым знаменитым и самым великим своим поэтом Адамом Мицкевичем, вообще-то он шляхтич из-под Новогрудка, то есть белорус, правда, ополяченный.

Как я отметил уже, Великое княжество Литовское было вторым русским государством. Именно потому Россия, не сумев спасти Галичину от оккупации австрияками, все же настояла на том, чтобы литовские земли вместе с Латгалией перешли в состав Российской империи. Никто и не стал особенно сопротивляться, тем более что Австрия оставалась в меньшинстве, а Пруссия в конце XVIII века, после Семилетней войны, следовала строго в русле российской политики.

Не следует, вероятно, говорить о так называемых «трех разделах Польши», в крайнем случае можно говорить о Речи Посполитой, но не Польши. Мы не владели польскими землями. Впоследствии Литва получила две губернии – Виленскую и Ковенскую, то есть сейчас, соответственно, сказали бы «Каунасскую». А Латгалия вошла в состав Витебской губернии. Вот это очень интересно уже для описания лоскутной территории Латвии. Однако по непонятной причине Литва не предъявляет территориальных претензий к Латвии. А могла бы претендовать на Латгалию, как могли бы и мы. А Белоруссия могла бы претендовать

на два приграничных района, которые были подарены Литве Сталиным. А по большому счету, повторяю, я признаю самостоятельность, самобытность литовской культуры. Она существовала и существует, и была заметной также в советское время. Вспомните школу кинематографии. Кто из нас помнит эстонское кино? Думаю, никто. Да и латышское-то никто не помнит, только актеров помнят. А про Литву, о Летуве можно вспомнить очень многое, у нее значительный культурный уровень.

Таким образом, еще раз могу сказать, получаются некоторые странности. Три нынешних прибалтийских государства, бывшие республики СССР, заявили себя правопреемниками соответствующих государств в межвоенный период. Латвия и Эстония сомнительны и, несомненно, неисторичны. Но и Литва ведет себя странно. Дело в том, что если она правопреемница межвоенной республики Литвы, она тем самым должна отказать от Вильнюса, ибо не было у Литвы Вильнюса, город Вильно был в Польше, поляки его оккупировали после революции. Вильнюс подарил литовцам Сталин. А если нынешняя Литва – правопреемница того межвоенного государства, тогда, соответственно, их правопреемство не может распространяться на Вильнюс. Мемель (Клайпеда) оставался немецким городом, это единственный кусочек Литвы, который не входил в состав Российской империи. Более того, в межвоенный период литовское правительство заявляло, что оно несогласно с отторжением Вильнюса, но признавало, что Мемель не был литовским городом, что город этот немецкий, и потому не имеет претензий на него».

Какой же главный вывод из сказанного Владимиром Махначом можно сделать? Современная Республика Литва не может считаться правопреемником вообще, каким-либо преемником Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского, ибо оно было русским государством, с государственным русским языком и православным русским самосознанием его аристокра-

тии и народа. Русский народ и так стремился к воссоединению в единое централизованное русское государство, и измена Православию части литовской русской знати привела к противостоянию Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского с Московской Русью, а Кревская уния логично привела к Люблинской и Брестской униям. Не только русская, но и этнически литовская аристократия, не изменившая Православию, поняла безальтернативность Москвы как «Катехона», и православные Гедиминовичи, от Федора Кориатовича до Лаппо и Хованских, убежденно служили Русской Православной Церкви, русскому народу и его воссоединению в Российском государстве.

Соответственно, современные литовские Республика и русофобский национализм и в значительной степени современная литовская культура противоположны исторической Литве и являются плодом католической экспансии и большевистской политики «коренизации» и борьбы с православным русским национальным самосознанием. Если судить объективно, то в Вильнюсе должен быть памятник не только Ленину, но и Сталину. Современный Вильнюс – это противоположность исторической Вильне!

Литвин, это

а) не этноним, это подданный Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского, в том числе русский;

б) литовец – это не литвин, потому что Литва не может считаться преемником Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского.

Соответственно, и Вильнюс, и нынешние белорусские русофобские «литвины» – это антагонисты исторической Белой Руси.

Помимо Владимира Махнача, замечательный современный православный русский историк Алексей Топоров на портале «Царьград» сказал свое убедительное слово о русской Вильне.

Алексей Топоров
РУССКАЯ ВИЛЬНА.
Как мы забывали города свои*

«Более трех с половиной веков назад государь из рода Романовых – Алексей Михайлович – торжественно вошел в город, в котором теперь практически ничто не напоминает о его русской истории.

А ведь когда-то этот город носил вполне себе русское название – Вильна, а земля, на которой он был основан, и вовсе называлась Черной Русью. Нет, конечно, помимо собственно славян, там всегда жили и балты, но подобное в целом было характерно для всей Руси, где те же крови плюс финно-угры и тюрки когда-то и образовали великий русский суперэтнос.

Который, впрочем, со временем начал дробиться, да так порой успешно, что в некогда русском Львове само слово «русский» теперь считается уже чуть ли не оскорблением, а в когда-то русском – а ныне польском – Ярославле, например, вообще не осталось никакой памяти о его русском происхождении, даже наспех состряпанной антирусской украинской – памяти и той не осталось.

Началось все с предательства

Для Вильны, ставшей стольным градом Великого княжества Литовского, путь к забвению русского происхождения начался, как и во многих других русских землях, с принятия унии с папским Римом, а впоследствии и католичества. Хотя еще в XIV веке немецкий летописец Виганд Магдебургский называл этот город «*civitas Ruthenica*» – «Русский город». Что и понятно: православные русские на тот момент составляли большинство населения столицы, именуя себя по принадлежности к стране литвинами, а вот предки нынеш-

* https://tsargrad.tv/articles/russkaja-vilna-kak-my-zabyvali-goroda-svoi_79362

них литовцев в то время жили больше по селам, были в основном язычниками и называли себя жмудью.

Что интересно, долгое время русские горожане – литвины – посмеивались над своими сельскими соотечественниками, их грубыми манерами, сочиняя сатирические истории и анекдоты, где жмудь выступала аналогом советских чукчей и американских поляков. При этом Вильна была православным городом, в ней было множество церквей, которые потом были переданы униатам, здесь находилась резиденция Западно-Русского митрополита, а в XVII веке появился Свято-Духов монастырь, который действует и по сей день.

А за сто лет до этого первой книгой первой местной типографии легендарного Франциска Скорины, конечно же, неслучайно стали «Деяния и послания Апостольские» на русском языке.

Однако, повторимся, с момента предательства верухушкой Великого княжества Литовского родной православной веры и тесного сближения ее с поляками, по сути, был закрыт проект «альтернативной Руси» и начался необратимый процесс отказа западнорусских земель от своей русской сути. Вильна стала довольно быстрыми темпами окатоличиваться, со временем превратившись в центр римского епископства.

Православным какое-то время еще удавалось дышать вольно, поскольку, согласно дарованному королем городу Магдебургскому праву, им посменно руководили избранные местной радой бургомистры, представлявшие православную и католическую общины. Но постепенно все дававшиеся «схизматикам» права сводились на нет. Им было запрещено ставить новые храмы и подновлять имеющиеся, многие церкви были переданы униатам, а к XVII веку население Вильны сильно полонизировалось, город все чаще именовали на польский манер – Вильно, хотя его жители по-прежнему в основном использовали западный диалект русского языка, который ныне принято называть бело-

русским. Такова была «сила» их веры – никто силой не заставлял жителей Вильны менять православие на католичество, но они шли в русле конъюнктуры, и к XVII веку город стал, по сути, польским – православные составляли только 20 процентов его населения.

И тут довольно символично выглядит история виленского кафедрального митрополичьего собора во имя Успения Пречистой Божией Матери, сооруженного в первой половине XIV века. В XVII веке его передали униатам, собор горел, был заброшен, а в XIX веке польские власти передали его университету. Впрочем, помимо аудиторий, в его стенах расположились конюшни, кузницы, жилые помещения и торговые лавки... Эта мерзость запустения прекратилась в тот момент, когда в Вильно второй раз вернулись русские, но это будет спустя почти два столетия, а пока...

Возвращение русских

В 1655 году, сломив сопротивление гетмана Януша Радзивилла, русская армия под предводительством самого государя Алексея Михайловича, руководимая князем Яковом Черкасским и атаманом запорожских казаков Иваном Золоторенко, овладела Вильной. За всю войну с польско-литовскими врагами Православия, накопив к ним достаточно ненависти, русские ратники не стали сдерживать себя: город подвергся жестокому разграблению, католические костелы пылали как факелы, побежденное население истреблялось.

Однако вскоре в покоренную литовскую столицу вошел сам царь, которого ужаснула картина увиденного. Алексей Михайлович велел предать земле все тела, а также обратиться с воззваниями к успевшим убежать горожанам, гарантируя им неприкосновенность в случае возвращения домой. Именно после покорения некогда столицы вероотступников самодержец принял титул государя Полоцкого и Мстиславского. И что характерно, православное русское уже меньшинство Вильны встречало своего защитника хлебом и солью.

Шесть лет стоял русский гарнизон в городе. И нужно отметить, что эти годы выдались тяжелыми: Вильну два раза накрывала эпидемия чумы. А затем заметно поредевший гарнизон попал в осаду польских войск. Восемь месяцев воевода князь Даниил Мышецкий оборонял город, отказываясь сдаваться, пока не был выдан врагам предателями, после чего отказался принять милость короля – гонителя православия, поклониться ему, и был обезглавлен.

Снова вернется в город русская армия только в 1795 году. Вильна к тому времени переживет погром православного Свято-Духова монастыря, инициированный студентами местного университета и ревнителями католицизма из числа горожан, и, как мы уже говорили, передачу православного Пречистенского собора университету. Но городу повезло: под сенью русской монархии его губернатором стал знаменитый усмиритель польской крамолы – граф Михаил Николаевич Муравьев, который возродил подвергшиеся поруганию многочисленные древние православные храмы города и, собственно, сам кафедральный собор. А его брат – православный писатель и мыслитель Андрей Николаевич Муравьев – издаст труд «Русская Вильна», где подробнейшим образом опишет именно русскую и православную историю этого города.

*Над русской Вильной стародавной
Родные теплятся кресты,
И звоном меди православной
Все огласились высоты.
Минули веки искушенья,
Забыты страшные дела –
И даже мерзость заустенья
Здесь райским крином расцвела.
Преданье ожило святое
Первоначальных лучших дней,
И только позднее былое
Здесь в царство отошло теней.*

Так эмоционально и точно опишет православный ренессанс столицы, по сути, Черной Руси русский поэт и дипломат Федор Тютчев. В XIX – начале XX века Вильна вновь приобретала черты классического русского города, над которым разливался малиновый звон колоколов, сияли золотом восьмиконечные православные кресты, улицы пестрели вывесками и объявлениями на русском языке, повсюду слышалась русская речь.

Неоцененный подарок

Но и эта замечательная эпоха, к сожалению, закончилась. К власти на территории поверженной империи пришли одержимые, одной из целей которых была борьба с русскими и русскостью руками самих же одурченных русских. На окраинах же они делали ставку на этнические меньшинства.

После победы большевиков город то делали столицей Литовско-Белорусской Советской Республики, то он попадал под немцев, затем под поляков, затем щедрые советские войска отдавали его независимой Литве (этнические литовцы, по переписи 1868 года, составляли всего 2% жителей Вильны, в то время как русские – более 20%, преобладали же евреи и поляки), которая делала его своей столицей. Потом вновь приходили немцы, а после опять заходила Красная армия. После немцев выбивала оттуда жаждавших реванша поляков и вновь передавала город пусть советской, но все же Литве. И все это под аккомпанемент этнических чисток: поляки чистили литовцев, литовцы – поляков, немцы – евреев, а все вместе – память о русской Вильне, снося православные храмы и переименовывая улицы.

Например, Георгиевский сквер был переименован в честь польской писательницы Элизы Ожешко, а установленная там часовня в честь русских воинов, погиб-

ших при подавлении мятежа ляхов, заменена фонтаном, который, правда, редко когда работал.

Щедрости советской власти литовцы, переименовавшие Вильну в более известный нам по звучанию город Вильнюс, надо сказать, не оценили. До такой степени, что и памятник освободителю города от немецких оккупантов и польских реваншистов, которых заставили бежать из него в одних трусах, генералу Ивану Даниловичу Черняховскому, снесли, сразу как добились долгожданного «освобождения от оккупации».

И теперь в некогда русском городе мало что напоминает о русских. Хотя, конечно, стоит и действует Пречистенский собор, прихожанам которого в рамках воскресной школы преподают еще и русскую историю, стоит и действует и Свято-Духов монастырь. Но вот с легкой руки новых хозяев города школьников двух с горем пополам уцелевших русских школ – гимназии имени Василия Качалова и средней школы имени Софьи Ковалевской – два года преследовали по обвинению в шпионаже в пользу России за летний отдых в подмосковном лагере. И запретили безобидный мультик «Маша и Медведь», как «напоминание о русской агрессии».

Вдобавок совсем недавно литовская лидерша выступила с занятным публичным заявлением о том, что пока существует Россия, будет существовать и угроза Литве, после чего мелкое прибалтийское государство стало ускоренными темпами строить стену на границе с Калининградской областью...

Глядя на все это, лишний раз думаешь, как нам сейчас не хватает Алексея Михайловича, который, вопреки возмущениям Ватикана, агрессивным действиям Стокгольма, тем паче явному неудовольствию Варшавы и сдержанному неодобрению Стамбула, все-таки вернул Руси левобережную Малороссию.

Да, у него не получилось удержать Вильну, но полученной еще в те годы имперской инерции хватило

бы, чтобы вернуть городу первоначальный образ уже в просвещенном XIX веке. Теперь же, когда конфликт у небольшого участка земли вдоль границы России вокруг городов с русскими именами Донецк и Луганск некоторые оригиналы именуют не иначе как «внутри-украинским конфликтом», задаешься вопросом, что еще нам предстоит потерять в ближайшие сто лет.»

Не менее значимую апологию русской Вильны составил современный западнорусский историк Павел Лавринец на портале «Западная Русь»:

Русская Вильна*

«Особое место в виленском тексте русской литературы занимает идеологический комплекс русской Вильны и соответствующая формула. И идею, и формулу вызвало к жизни восстание 1863 г. в Литве, Белоруссии и Польше. Его усмиритель М.Н. Муравьев, виленский генерал-губернатор (1863-1865), не рассматривал подавление восстания единственной задачей. Попечитель Виленского учебного округа (1864-1868) И.П. Корнилов, сподвижник и единомышленник Муравьева, утверждал, что первостепенным тот считал не усмирение «в сущности, бессильного мятежа, но восстановление в древнем, искони Русском Западном и Литовском крае его коренных, основных, исторических русских начал».

Для Корнилова Литва – «древне-православная русско-литовская земля», поскольку Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское трактовалось как Литовская Русь, западнорусское государство**. Инерция

* <https://zapadrus.su/rusmir/istf/12>. Опубликовано: 21 июня 2010. Статья написана на основе работы, выполненной в 2000-2001 гг. при поддержке Государственного фонда науки и исследований Литвы (Lietuvos valstybinis mokslo ir studiju fondas, projektas A – 435).

** см.: И.П. Корнилов, Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем. Сборник статей (Посмертное издание), С.-Петербург: Тип. А.П. Лопухина, 1902, с. 431, 441.

таких представлений сохранялась в межвоенное двадцатилетие, о чем свидетельствует, например, название книги И.И. Лаппо *Западная Россия и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом* (Прага, 1924).

Из формулы русской Вильны вытекало понимание Вильнюса как столицы литовско-русской державы и древнего центра православия, «православно-русской Вильны». Такой она изображена в апологетической брошюре к открытию памятника Муравьеву: «В том самом городе, где он [т. е. М.Н. Муравьев. – П.Л.] жил и действовал, в древней русско-литовской столице, Вильне, в древнейшую, славную пору ее существования, было воздвигнуто [...] много православных храмов [...]»*. Знаменательно, что первая часть труда П.В. Кукольника вышла с названием «Исторические заметки о Литве» (1864), а его продолжение озаглавлено «Исторические заметки о северо-западной России» (1867). Тогда же вышла книга В.С. Ратча «Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России» (1867). Из ее вводной части «Северо-Западная Россия до падения Речи Посполитой» следует, что «русские обычаи, русский язык, русские законы» привили «полудикому дотоле племени стихии русской жизни», православие распространялось мирно, «без всяких насилий», и не случайно новая столица Литвы поднялась «под русским влиянием и при распространении Православия, на рубеже русского племени»**.

За четверть века до сочинения Ратча в романе Н.В. Кукольника «Альф и Альдона» показано, как один из героев участвует в легендарном основании

* Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева, искоренителя латино-польской крамолы в 1863 году и восстановителя русской народности и православной церкви в Северо-западном крае России. Ко дню открытия в г. Вильне памятника М. Н. Муравьеву. (Издание Виленского Свято-Духовского Братства). Вильна: Тип. Виленского Св. Духовского Братства, 1898, 63.

** Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России, собрал Василий Ратч, т. I, Вильна: Тип. Губернского правления, 1867, 15, 17, 19.

Вильнюса. Киевлянин и православный, он возводит для себя «хоромы», а «по соседству для отца Герантия церковь с домом»*. Таким образом, присутствие русского православного начала в городе относится к эпохе его возникновения. По роману, во времена Ольгерда (Альгирдаса) в городе насчитывается свыше дюжины православных церквей; они доминируют в панораме:

«Как звезды дневные, сверкали кресты деревянных церквей, блистал шпиль городской думы и медные широкие чашки башен на двух замках; да в кучах столпившихся хижин красовались простором и добрым строением: русский гостиный двор и боярские хоромы»**.

Уже в начале XX в. исконность русской Вильны подчеркивал Ф.А. Кудринский в предназначенной для детей брошюре («Всегда были здесь русские люди, русские интересы...»), в доказательство цитируя стихотворение П.В. Кукольника «Аделаиде Романовне Гейнрихсен (Воспоминания о Вильне)», написанное до восстания 1863 г. и формирования идеи русской Вильны:

«Недаром поэт сказал о Вильне, что здесь

*Прохожего пленяют взоры
Церквей прекрасные строения»***.*

Характерен ход аргументации: здания церквей свидетельствуют об исконности в Вильнюсе православия, отождествляемого с «русскими началами» и русским населением. Православные храмы толковались как памятники «русской народности» и в местной печати: «Всякий, даже случайный, посетитель Вильны благоговейно восхищается памятниками православия и русской народности, возобновленными и возобновляемыми в нашем городе»****.

* Н. Кукольник, Альф и Альдона. Исторический роман в четырех томах, Санкт-Петербург: Тип. И. Глазунова и К°, 1842, т. I, 60.

** Кукольник, 1842, т. II, 47.

*** Богдан Степанец [Ф. А. Кудринский], На Гедиминовой горе. (В Вильне). Рассказ, Вильна: Русский почин, 1905, 5.

**** В. Соколов, «Виленский старожил. Тихон Фролович Зайцев. (Краткий биографический очерк)», Виленский вестник, 1870, № 9, 24 января.

Соответствующая доктрине о «русско-литовском» государстве историографическая схема рисовала первоначальное благодатное состояние расцвета православия и доминирования «русского элемента», сменившегося засильем католицизма и господством поляков. Свою задачу администрация в Северо-западном крае видела в том, чтобы найти аргументы в пользу такой схемы и восстановить историческую справедливость, т. е. вернуть стране и ее столице утраченный было русский характер. В конце октября 1863 г., когда с разгромом восстания на первый план выдвинулись задачи русификации, Вильнюс посетил церковный писатель А.Н. Муравьев, младший брат генерал-губернатора. По свидетельству мемуариста, он «осмотрел все православные памятники древней Вильны» и был поражен величием заброшенного здания на месте построенного в XV в. собора Пречистой Божией Матери. Спустя несколько лет собор был заново отстроен благодаря «усердному вмешательству в это дело Андрея Николаевича Муравьева и его брата»*.

По поводу освящения восстановленного Пречистинского собора написал стихотворение И. К. Кондратьев, впоследствии известный московский литератор, автор романсов, дум, «русских песен», исторических романов и драм из народной жизни. Временные отношения в стихотворении соответствуют официальной доктрине: время бури, горя, былой тревоги прошло; «[...] плач, стон, / Над детьми, мужьями / Православных жен...» сменились покоем («Вилия [...] тиха внимает / Речи русских слов, / И с волной сливает / Гул колоколов»); «Колыбель страданий» Вильна «Снова зажила»; из развалин встали грандиозные храмы**.

* А.Н. Мосолов, Виленские очерки 1863-1865 гг. (Муравьевское время), Санкт-Петербург: Тип. А.С. Суворина, 1898, 80-82. Первоначально публиковались в журнале Русская старина (1883, №№ 10-12, 1884, № 1).

** Ив. Кондратьев, «Вильна 22-го октября 1968 г.», Виленский вестник, 1868, № 119, 24 октября.

Стихотворение «Вильна» варьирует тот же сюжет преобразования. Но здесь конкретизировано враждебное, чужое начало ушедшей эпохи засилья католичества, когда «Храмы русские пустели» и «Вильна томилась и стонала / Под рукой поляка»*.

Другим результатом посещения А.Н. Муравьевым Вильнюса стала книга «Русская Вильна», где «красноречиво описаны все памятники древнего православия в этом городе» Она разошлась «в большом количестве экземпляров» и была переведена на французский язык**. Вскоре после издания в Петербурге (цензурное разрешение 17 апреля 1864 г.) она с примечаниями «Свящ. А.П.», т. е. священника Антония Пщолко, вышла в Вильнюсе в начале 1865 г. (цензурное разрешение 12 ноября 1864 г.), затем включалась в переиздания книги А.Н. Муравьева «Путешествия по святым местам Русским».

У Муравьева представления о «сердце Литвы», о «древней Литовской столице» и центре литовского языческого культа в «долине некогда языческого Свенторога» не противоречат изображению Вильнюса как древнего центра православия и, следовательно, русского города, ибо «духовное историческое странствие по Русской собственно Вильне» на каждом шагу доказывает ему древность и исконность православия «в родном крае Литовском»***. Литовское, для Муравьева едва ли не тождественное русскому, отнюдь не обозначая самобытности и преимущества литовской нации, подчеркивало наносный и чуждый характер польской культуры и католической религии. В тех же целях традиционное перифрастическое название Вильнюса, отсылающее к его основателю, применил Виленский

* Ив. Кондратьев, «Вильна», Виленский вестник, 1869, № 43, 17 апреля.

** А.Н. Мосолов, 1898, 82.

*** [А.Н. Муравьев], Русская Вильна. Приложение к «Путешествию по Св. местам Русским», Санкт-Петербург: Тип. Второго Отдел. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1864, 1, 3, 24, 36.

полицейский листок в статье о преобразованиях внешнего вида города «в русском стиле», начатых М.Н. Муравьевым летом 1864 г.: «Древний град Гедимины растет и украшается не по дням, а по часам»*.

В Русской Вильне зарождение православия в Вильнюсе отнесено к княжению Ольгерда, а расцвет связан с деятельностью князя Константина Острожского. Возобладание католичества и церковная уния привели к упадку и запустению православных храмов; упразднение унии (1839 г.) и деятельность М.Н. Муравьева предстают «возрождением первоначального состояния»**.

Композиция описаний памятников православия подчинена этой схеме: рассказ о нынешнем плачевном состоянии храма («древнейшая православная церковь Литовской столицы» стала «полуобрушенным сараем» без крыши, бывшее святилище обращено в кузницу, на месте алтаря стоит наковальня***) сменяется повествованием о его строительстве и истории, заключааясь выражением надежды на скорейшее восстановление святыни. Русская Вильна пронизана лейтмотивами возрождения, обновления и возвращения (церковь св. Николая «обновляется вторично иным победителем, который [...] возвратил Литву и Белоруссию родной их России»****). Симптоматична подпись под одной из иллюстраций в вильнюсском издании книги: «Храм Пречистой Богородицы, возобновляемый в Вильне».

В Вильнюсе вынесенная в заглавие книги А.Н. Муравьева формула оказалась в широком ходу. В мае 1867 г. газета «Виленский вестник» поместила стихотворение, посвященное чудесному спасению императо-

* Цит. по: А. Миловидов, К 50-летию русской Вильны, Вильна, 1914 (Оттиск из Вестника Виленского Св.-Духова Братства за 1914 г. №№ 20-22), Вильна: Русский почин, 1914, 12.

** Роман Лейбов, «Стихотворение Тютчева и Русская Вильна А.Н. Муравьева», В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Сборник статей, Тарту: Тартуский университет, 1992, 144.

*** См. [А. Н. Муравьев], 1864, 8, 12.

**** [А. Н. Муравьев], 27.

ра Александра II при покушении на него поляка А. Безрезовского в Париже:

*Повторят мои слова
И граждане русской Вильны,
И священная Москва,
И Петрополь, в блеск обильный,
И вся Русь с конца в конец,
Все славянство без изъятья,
А для всех нас – Царь отец,
Повторят: «с таким отцом,
Да еще с таким народом,
Станем крепче с каждым годом
И славнее с каждым днем*».*

Анонимная статья в «Виленском вестнике» за июль 1868 г., так и озаглавленная «Русская Вильна», начинается с цитирования «одного из горячих русских патриотов», назвавшего «Вильну едва ли не более русскою, чем Москва». Автор замечает, что такое заявление «не свободно от преувеличения в отношении к Москве, но оно не далеко от истины в применении к Вильне», причем относится это соображение не к далекому прошлому города, а к той Вильне, «которая есть». По утверждению безымянного автора, хотя русское население города без войск составляет менее 10%, оно доминирует, а повсеместно звучащая русская речь, православные храмы и церковная жизнь суть «внешние явления, сообщающие Вильне русскую физиономию»**. Формула «русская Вильна» в описании города подспудно связана с представлениями об исконности и восстановлении его русского характера».

* А. Кр., «На спасение Государя», Виленский вестник, 1867, № 61, 30 мая.

** «Русская Вильна», Виленский вестник, 1868, № 76, 9 июля.»

Воссоединение Восточной и Западной России

Следует особенно подчеркнуть, что идеологическая база общерусского воссоединения разрабатывалась в одинаковой степени на Западе и на Востоке Руси. На Востоке – это, в первую очередь, выдающийся иерарх и богослов Патриарх Никон, благословивший национально-освободительную войну с Речью Посполитой за освобождение религиозно и национального угнетенных Малороссии и Белоруссии и утвердивший праздник всех Русских Святых. Патриарх Никон и ближайший советник царя Алексея Михайловича боярин Федор Ртищев создают в московском Андреевском монастыре «Ртищевское училище» для подготовки православной интеллектуальной и политической элиты и кадров для воссоединяемой России, куда Патриарх Никон приглашает из Киева ученых монахов Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского и Дамаскина Птицына. Затем Патриарх Никон отдает им Чудов монастырь Московского Кремля для перевода Библии с греческого языка на русский, ибо предыдущий был сделан св. архиепископом Геннадием Новгородским с латыни: греческий перевод считался более достоверным. Также Патриарх Никон строит под Москвой Новоерусалимский монастырь не только, как икону Святой Земли на Руси, но и как центр подготовки кадров ученого монашества для строящейся православной Российской империи, которая должна была не только воссоединить Русь, но и освободить весь православный Восток (Патриарх Никон сделал среди многочисленных престолов для православных Патриархов и ие-

рархов православного мира в Воскресенском Соборе Новоиерусалимского монастыря специальный для армян, которых он надеялся вернуть в Православие). Для уникальной отделки Новоиерусалимского монастыря, его многочисленных иконостасов «изразцом» (глиняными цветными скульптурами) и демонстрации общерусского единства Никон приглашает в Москву белорусского мастера Степана Иванова (Полубеса), который создает уникальный изразцовый иконостас «Нового Иерусалима», а затем его ученики строят из изразца резиденцию Крутицких митрополитов в Москве («Крутицкое подворье»). На Западе Руси подготовку к воссоединению осуществляли православные братства, киевская и виленская интеллигенция – ученое православное монашество. Так, около 1680 года вышеупомянутый Киево-Печерский архимандрит Иннокентий Гизель создает апологетический труд «Синописис, или повесть о начале словенского рода». «Синописис» выдержал более 30 изданий в России и использовался как единственное учебное пособие по русской истории вплоть до времени Ломоносова. Особенно следует подчеркнуть роль Южной и Западной Руси в формировании общерусского литературного языка. Основная лексическая, грамматическая и орфографическая база русского языка создана в Киеве. Это – «Лексикон словенско-росский» киевского монаха Памвы Берындры, первый русско-латинский словарь, составленный киевскими монахами Епифанием (Славеницким) и Арсением (Сатановским), церковнославянская грамматика, созданная архиепископом Мелетием (Смотрицким); первая «Русская риторика» создана белорусом Симеоном Полоцким. Из этого следует очевидный факт, что коренной язык для всей Руси, Великой, Белой и Малой – русский.

Также первые требования политического воссоединения с Московской Русью приходят именно с Западной Руси: в 1624 году в Москву отправляется посоль-

ство от Киевского митрополита Иова (Борецкого) во главе с Волынским епископом Иаковом с просьбой о воссоединении.

«Вот как происходило освобождение Литовской Руси (1654 год), – пишет Борис Ширяев, русский автор, принадлежавший «первой волне» эмиграции. – Стратегический штаб Москвы намечает главный плацдарм не на юге, а на Западе, на Белой Руси. Опиерирующими там главными силами руководит сам Царь и при нем его ближайшие политические советники: Морозов, Милославский, Одоевский, Ртищев...

Московская рать одухотворена религиозным порывом. Религиозно-этические цели освободительной войны полнозвучно высказаны в речах к войскам и народу самого Царя и Патриарха Никона. Столь же точно сформулированы освободительные цели войны и в грамотах Царя, разосланных подъяремной Литовской Руси. Самодержец призывает к миру и единству, но не к вражде и резне, гарантирует всему русскому и литовскому населению религиозную свободу, местное самоуправление (сохранение Магдебургского права), тем же, кто не желает принять русского подданства – беспрепятственный пропуск в Польшу. Все эти обещания были соблюдены, и результаты сказались в первые дни войны. Еще на пути к Вязме 4 июня Царь получил донесение о сдаче без выстрела пограничного Дорогобужа русскому передовому отряду; 11-го также без боя сдался Невель; за ним Полоцк, Рославль, Мстиславль, Гомель, Могилев.

«Москва воюет по новому образцу – доносят польскому королю Яну-Казимиру его воеводы, – занимает земли милостью и жалованием. Мужики нам очень враждебны, везде на царское имя сдаются и делают нам больше вреда, чем Москва».

Спервой попытки освободить Белую Русь не удалось: слишком силен был польский, шведский, крымско-татарский факторы. Но за несколько лет свободы твор-

ческий потенциал Белой Руси раскрылся во всю силу: в середине XVII в. каждый пятый житель Москвы – белорус, воспитатель царских детей Симеон Полоцкий – белорус. Великим памятником единства Западной и Восточной Руси стал дворец царя Алексея Михайловича в Коломенском, под Москвой, построенный белорусскими мастерами. Его называли «восьмым чудом света»: это было огромное здание из дерева, построенное без единого гвоздя и украшенное тончайшей резьбой. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович выписывают более трехсот мастеров – малороссов и белорусов, которые получают самые престижные заказы на строительство царских дворцов и знаменитого Новоиерусалимского монастыря под Москвой, который создавался Никоном как духовный центр всего Православного мира. Белорусы братья Полубесы считаются непревзойденными мастерами изразца.

Однако в результате вынужденного Андрусовского мира с Польшей окончательное освобождение Белоруссии затягивается еще на столетие. Вернувшаяся тогда Речь Посполитая мстит: ликвидируются православные братства, тяжкие удары наносятся по Православной Церкви, всегда бывшей главной защитницей русского народа, крестьяне подвергаются беспощадному закрепощению. Но, несмотря на это, православно-русская идея жива – святитель Георгий Конисский сражается за Православие. Когда в 1795 году Белая Русь воссоединилась с Россией, в ней сохранилось более 150 полуподпольных православных братств).

Идеологический реванш «как бы несуществующей Речи Посполитой»

Долгожданное воссоединение Белой, Западной Руси с Русью Восточной состоялось, наконец, в 1795 году. Однако наши исторические оппоненты – Ватикан и его миссионеры, польские реваншисты отнюдь не смирились с поражением. Все острие их деятельности было перенесено в гуманитарную сферу. По попущению Санкт-Петербургского правительства польские реваншисты вплоть до середины XIX века контролировали почти всю систему высшего образования на юге и западе Руси. Оплотами польско-католических идей стали Виленский университет, Кременецкий лицей, Харьковский университет (поразительно, что в Харькове, где никогда поляков не было, в открытом в 1805 году университете преподавание велось на польском языке!), базилианская школа в Умани. Именно в этих стенах были разработаны все антирусские теории, активно пропагандируемые и в наше время. Именно там была воспитана плеяда «самостийников» малороссийских, отрекшихся даже от своего национального имени – «русский». Показательно, что «отцы украинофильства» В. Гулак-Артемовский и Н. Костомаров были выпускниками Харьковского университета. Основатель Кременецкого лицея Фаддей Чацкий придумал даже теорию о неславянском происхождении всех русских субэтносов. Согласно этой теории малороссы, или, по новой терминологии, украинцы, произошли от тюркской орды «укров», великороссы – это смесь финно-угорских племен с татарами. В разра-

ботанном в последствии менее радикальном варианте эта теория допускает связь малороссов со славянскими корнями, но великороссы, в соответствии с нею, так и остаются неславянами. Последние обвиняются также в узурпации имени и наследства домонгольской Киевской Руси.

Антинаучные теории Чацкого и Франциска Духинского, преподавателя Уманского базилианского лицея, явились лукавым оправданием польских, а затем германских и австрийских программ расчленения России, и колонизации ее юга и запада. Согласно им, понятие о русском народе – фикция, а есть «украинцы», «литвины-белорусы» и «москали». Нет нации, нет и государства.

В этом историческом контексте весьма показательно суждение о народе Западной Руси ксендза Валериана Калинки, широко известного в польских реваншистских кругах XIX века: «...Поляком он не будет, но неужели он должен стать Москалем? Поляк имеет другую душу и в этом факте такую защитительную силу, что поглощенным быть не может.

Но между душой Русина и Москаля такой основной разницы, такой непроходимой границы нет. Была бы она, если бы каждый из них исповедывал иную веру, и поэтому уния была столь мудрым политическим ходом. Если бы Русь по сознанию и духу была католической, в таком случае коренная Россия вернулась бы в свои природные границы и в них осталась, а под Дном, Днепром и Черным морем было бы нечто иное. Каково же было бы это «нечто»? Одному Богу ведомо будущее, но из сознания племенной отдельности могло бы со временем возникнуть пристрастие к иной цивилизации и, в конце концов, к полной отдельности души. Раз этот пробуждающийся народ проснулся не с польским чувством и не с польским самосознанием, пускай останется при своих, но эти последние пусть будут связаны с Западом душой, с Востоком только формой.

С тем фактом (с пробуждением на Руси непольского сознания) мы справиться уже не в состоянии, зато мы должны позаботиться о таком направлении и повороте в будущем потому, что только таким путем можем еще удержать Ягайловские приобретения и заслуги, только этим способом можем остаться верными призыванию Польши, сохранять те границы цивилизации, которые были предначертаны.

Пускай Русь останется собой, и пусть с иным обрядом, будет католической – тогда она с Россией никогда не будет и вернется к единению с Польшей. И если бы даже это не было осуществлено, то все-таки лучше самостоятельная Русь, чем Русь Российская. Если Гриць не может быть моим, пускай он будет ни мой, ни твой».

В середине XIX века «украинствующая» и «литвинствующая» терминология еще не имела широкого распространения. Не употреблял ее и ксендз Калинка. Но противопоставление «Руси», под которой Калинка разумеет русский Юг и Запад России, каковой он обозначает великорусский Север, грубо выражаясь, «шито белыми нитками» и потому малоэффективно. Такая терминология, вероятно, хорошо звучит по-польски, но маловразумительна для русских. Русь есть Россия, Россия есть Русь – на том стоит, нормальное русское самосознание. Для целей, преследуемых о. Калинкой со товарищи, т.е. для раскола единого русского народа, на Юге и Западе России необходимо было насадить более радикальную мифологию, в первую очередь найти совершенно отдельное название. Оно и было найдено под именем «украинцев» и «литвинов». После чего остатки наукообразности были полностью растворены грубыми пропагандистскими приемами, которые больше никак не стыкуются с действительностью. Полезно также процитировать завещание польского повстанца генерала Милославского: «Бросим пожары и бомбы за Днепр и Дон, в самое сердце Руси. Возбудим

споры и ненависть в русском народе. Русские сами будут рвать себя собственными когтями, а мы будем расти и крепнуть».

Известный русский эмигрантский деятель В. Шульгин, в своей актуальной и поныне работе «Украинствующие и мы» дает меткие характеристики украинским «самостийникам-мазепинцам», которые в полной мере могут быть отнесены и к их «белорусско-литвинским» коллегам.

«Как и другие сектанты, «украинствующие» могут быть разделены на 3 категории:

Честные, но незнающие. Это те, которых обманывают.

Знающие, но бесчестные, призвание сих – обманывать «младшего брата».

Знающие и честные. Это маньяки раскола, они обманывают самих себя».

Что касается ничем не прикрытых исторических фальсификаций, прибегать к которым «украинствующие» и «литвинствующие» абсолютно не стесняются, то для человека, знакомого с историей Церкви и ролью иезуитского ордена в Речи Посполитой, в этом ничего удивительного нет. Известно и то, что теоретическое обоснование притязаний римского католицизма на лидерство в христианском мире и абсурдный с православной точки зрения догмат о папской непогрешимости основаны на откровенных подтасовках истории. От римских историков, к примеру, мы можем услышать о «Константиновом даре» (якобы существовавшем завещании св. равноапостольного императора Константина, об особых полномочиях Римских Пап). Подлинность этого документа более чем сомнительна. Также приходится слышать от них о «Лжеисидоровых декретах» (апологии папских притязаний на власть с вырванными из контекста цитатами из Святых Отцов) сочинённых в VII веке испанским епископом Исидором Севильским. С этого времени подобные приемы стали

традиционными для этики католицизма. Также, используя исторический подлог, иезуитский орден занимался «идеологическими диверсиями» для подрыва Православной России.

**«Низкопоклонство перед Западом»
и «европоцентризм» части российских элит
как фактор формирования украинского
и «литвинского» сепаратизмов**

Как уже отмечено выше, роль внешних факторов фабрикации малороссийского и «литвинского» «сепаратизмов» – польского, австро-венгерского описана достаточно подробно. Но есть и внутренняя причина – отказ части русской элиты от своей религиозной и национальной миссии, переход на компрадорские позиции «низкопоклонства перед Западом». Причины такой измены – в секуляризации, «расцерковлении» элиты. Именно расцерковляющаяся часть боярства выступала в XVII веке против того, что принять многочисленные петиции запорожских русских казаков о воссоединении Малороссии под предлогом того, что из-за Западной Руси «поссоримся с Западом», что «это экономическая обуза» и т.д. Эту демагогию активно поддерживали на Западе, дополняя ее «переводом с бжезинского на церковнославянский», антиправославных антирусских идей на русский язык о, якобы, «испорченном» Православии в Западной Руси. Эта же секулярная компрадорская элита скомпрометировала «на века» и свергла противника секуляризации и идеолога воссоединения Великой, Малой и Белой России Патриарха Никона.

Патриарх Никон именно ради воссоединения Руси проводил обрядовые реформы (Западная Русь крестилась тремя перстами), придя в итоге, к идее сосуществования двух обрядов в рамках

Поместной Русской Церкви. Проклял же старые обряды, и сверг Патриарха Никона собор 1666-67 годов, прошедший под «режиссурой» ставленника Ватикана и Речи Посполитой Паисия Лигарида, заданием которого было столкнуть Царя и Патриарха, расколоть Русскую Церковь и совать воссоединение Руси.

Патриарх Никон и помощник царя боярин Федор Ртищев основывают в московском Андреевском монастыре училище для подготовки кадров православной политической элиты и воссоединения Руси и приглашает туда малороссийских интеллектуалов: Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского, Дамаскина Птицына. А в основанный им не только, как икону Святой Земли на Руси, но и как Вселенский центр подготовки миссионерских кадров Новоиерусалимский монастырь Патриарх Никон приглашает туда для украшения изразцами белорусов во главе со Степаном Ивановым. Это тоже был символ синергии Западной и Восточной Руси. После основания Ртищевского училища Никон переводит команду Епифания в знаменитый Чудов монастырь в Московском Кремле, где ранее был заточен св. Патриарх Ермоген, который прямо из заточения руководил национально-освободительной борьбой русского народа. Патриарх Никон ставит перед иноком Епифанием ряд задач, в первую очередь – превращение Чудова монастыря в центр интеллектуального монашества, апологетики, образования, миссионерства

Тогда противники Церкви и России, агенты Речи Посполитой нашли и создали оппозицию Никону и поддержали «альтернативное православие», создав трагическую проблему, которая не решена до сих пор. Символично, что печально известный собор низложил и Никона, и старообрядцев... Другой важнейший проект патриарха Никона – воссоединение Малороссии и Белоруссии с Россией. Это целиком его заслуга. Патриарх Никон буквально заставляет московский Земский собор 1653 года принять петицию Богдана Хмельниц-

кого и начать войну с Польшей. Ревнитель канонизации патриарха Никона митрополит Антоний (Храповицкий) отвез в Новоиерусалимский монастырь епископскую делегацию собора 1917 года и привел им 143 засвидетельствованных случая молитвенной помощи оклеветанного агентурой Речи Посполитой идеолога воссоединения Великой, Малой и Белой России Патриарха Никона. Под влиянием этих фактов собор переломил сопротивление либералов-«февралистов» и принял решение о восстановлении Русского Патриаршества. Сам митрополит Антоний успешно боролся с «ересью украинства» как «политического униатства». Царь-мученик Николай II поддерживал Волынского архиепископа Антония (Храповицкого), премьера Петра Столыпина в активной поддержке карпатских русских и превращении архиепископом Антонием Волыни в русский форпост. Православная Волынь расцвела в начале XX века, во время митрополита Антония (Храповицкого), насаждавшего там ученое, миссионерское монашество. Прибыв на Волынь, архиепископ изменил ситуацию в Житомире, бывшем до него центром католицизма и ставшем благодаря вл. Антонию центром православной миссии. В Почаевской Лавре тогда еще архиепископ Антоний создает Миссионерское Типографское братство (на современном языке – это «Миссионерское медиа», «интернет братство»), возглавляемое архимандритом Виталием (Максименко). Занимаются не «малыми группами», но возделывают все миссионерское поле, охватывают весь народ! Братчики издают огромными тиражами «Почаевские листки» и обходят с миссией каждый населенный пункт Волыни. При этом они не скрывают своей гражданской позиции, и Волынь становится оплотом православных политических сил, выступающих за общерусское единство, категорически против «самостийнической» идеи. Количество членов общерусских общественно-политических сил на Волыни в период правления

вл. Антония (Храповицкого) достигло двух миллионов человек. Благочестивые православные миряне вместо того, чтобы бегать от «греховных» политики и экономики, создают Крестьянский банк, помогающий волынским крестьянам избавиться от экономической зависимости от богатых иноверных общин. Так что вл. Антоний доказал, что если есть воля, то массовая миссия выполнима и кадры найдутся.

После свержения Патриарха Никона Русская Церковь была расколота и парализована, вследствие этого политическая воля России ослаблена, и поэтому на Переяславской Раде удалось воссоединить с остальной Россией только часть Западной Руси. Но в 1686 году состоялось воссоединение Русской Церкви: согласно грамоте Константинопольского Патриарха Дионисия созданная для продвижения унии отдельная западнорусская митрополия окончательно возвращена Русской Церкви, а затем царь Петр I вводит институт правозащитников православного русского народа на русских землях Речи Посполитой, о которых мы расскажем в следующих главах.

Но в результате секуляризации и дерусификации российской элиты, которая просто была равнодушна в вопросе о границах расселения, в 1795 году по итогам раздела Речи Посполитой русские земли Карпатской Руси, вопреки просьбам ученых карпатороссов таких, как Иван Орлай, занимавших не последние места в Санкт-Петербурге, были переданы Австро-Венгрии, а Россия без всякого смысла забрала себе польские территории. Петербургская элита заискивала перед польской аристократией и «Добрый» Александр I поставил руководить образованием в Юго-Западном крае своего друга князя польского Адама Чарторыйского, который основал Уманский лицей, Харьковский коллегіум, десятки польско-католических «поветовых» училищ, где за деньги российских налогоплательщиков пестовали и зомбировали православных

русских, делая из них «украинцев». Все православное русское начало в Малороссии и Белоруссии подавлялось жестче, чем при Речи Посполитой. Одновременно Александр I и князь Голицын проводили политику насаждения «теории трех ветвей» – уравнивания Православия, католицизма и протестантизма, когда в храмах вывешивались таблички с еретической «теорией ветвей», а исповедание Православия как единственно спасительной веры запрещалось. Отечественная война лишь частично отрезвила «светское общество». Благодаря усилиям святого митр. Филарета (Дроздова), архимандрита Фотия (Спасского) и графа Шишкова Православие было восстановлено, в Белой Руси совершалось великое служение св. архиепископа Могилевского Георгия (Конисского) и «Моисея белорусского народа» митрополита Иосифа (Семашко), вернувший на великом Полоцком соборе 1,5 миллиона русских униатов в Православие. Однако тут православному русскому делу в Западной Руси помогло следующее несчастье – польское восстание, одним из организаторов и участников которого был министр иностранных дел Российской империи Адам Чарторыйский. Только в результате этого вызова в Санкт-Петербурге протрезвели и направили в Северо-западный край выдающегося русского народного губернатора Михаила Николаевича Муравьева-Виленского, перешли от «европейничанья» к Православию, самодержавию, народности. Автор этой триады ставит ректором Университета св. Владимира покаявшегося в «историсофской ереси украинства» ее идеолога выдающегося малороссийского филолога Михаила Александровича Максимовича. Его вымолил его святой предок, великий креститель русского Востока Иоанн (Максимович), архиепископ Тобольский, прославленный в лике святых усилиями царя-мученика Николая II, грамотно отвечавшего таким образом на изобретение «украинства». Св.Иоанн (Максимович) вымолил и другого своего

и Михаила потомка – великого святого XX века, также обличителя богоборческой «историсофской ереси украинства» святого архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского Иоанна (Максимовича), считавшего грехом хулу на православного русского императора Николай II и на православную Российскую империю. Покаявшись в «украинстве», Михаил Максимович пишет свою сокрушительную по убедительности работу «О наименовании Киевской Руси Россией»*. Эта книга должна быть настольной для всякого, кто хочет разобраться в вопросе «русского триединства» и «ересей» «украинства» и «литвинства». Как и необходимо переиздать знаменитую работу Пантелеймона Кулиша, покаявшегося вместе с Максимовичем столпа-основателя «украинства», его трехтомник и результат покаяния – «Историю воссоединения Руси». Кулиш был основателем Кирило-Мефодиевского братства и автором первой украинской грамматики, «кулишовка». Увидев, к чему привело «украинство», Кулиш заявляет, что так как созданная им «кулишовка» стала орудием литературно-политического раскола Руси, то он отказывается от нее и возвращается к общерусскому литературному языку. Пример М. Максимовича и П. Кулиша, разобравшихся во лжи «украинства», является доказательством того, что и сейчас в случае открытия глаз и популяризации исторической правды миллионы обманутых «украинством» и «литвинством» людей возвратятся в православное русское лоно.

Что же касается создания литературы на «киевополтавской мове», то здесь уместно процитировать Н. Костомарова: «Пока польское восстание не встретило умов и сердец на Руси... самое стремление к развитию малороссийского языка и литературы не только никого не пугало признаками разложения государства, но и самими великороссами принималось

* <https://rusmskii.livejournal.com/3168.html>

с братской любовью»*. Все это дало повод известному русскому философу Николаю Трубецкому утверждать, что «та культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры».

Откуда же и когда возникла идеология «украинофильства», а точнее – украинского сепаратизма? Исследуя генезис «самостийнического» движения, невозможно не отметить его эпигонский характер и зловещую роль идеологов польского реванша XIX века. Недаром церковный историк Георгий Флоровский метко называл полонофильскую и латинофильскую ориентацию части южнорусской шляхты «провинциальной схоластикой»**. Как отмечено исследователями, «настали разделы Польши, и вот тогда польские ученые заговорили об особой украинской национальности... В первой четверти XIX века появилась особая «украинская» школа польских ученых и поэтов, давшая таких представителей, как К. Свидзинский, И. Гощинский, М. Грабовский, Э. Гуликовский, Б. Залесский и др., которые продолжали развивать начала, заложенные гр. Потоцким, и подготовили тот фундамент, на котором создавалось здание современного украинства. Всеми своими корнями украинская идеология выросла в польскую почву»***.

Однако степень влияния «самостийнической» идеологии еще в первой четверти XX века была совершенно ничтожной. Об этом ясно свидетельствуют результаты единственного в те годы прецедента свободного волеизъявления граждан. Речь идет о муниципальных выборах на Украине летом 1917 года. На этих выборах в органы местного самоуправления было избрано:

* Н. Ульянов, «Происхождение украинского сепаратизма», М. 1996.

** Пути русского богословия. – Париж, 1937.

*** Труды подготовительной по национальным делам комиссии. – Одесса, 1912.

от общероссийских партий – 870 депутатов, от украинских федералистских партий – 128, от сепаратистов – ни одного*.

Итак, российская монархия, начиная с Николая Первого, стала русифицироваться и воцерковляться, «элита» становилась все большим противником российской государственности и в борьбе с ней поддерживала «украинство» (белорусского самостийничества тогда не было даже как секты, ибо его фундамент в виде униатства был ликвидирован великим митрополитом Иосифом (Семашко).

При императоре Николае II, когда Австро-Венгрия с подачи «австро-мазепинского» меньшинства развязала геноцид против карпатских русских с концлагерями, такими, как Галергоф, царь-мученик вступился по дипломатическим каналам и осудил геноцид. Освобождение Галицкой и Карпатской Руси в не меньшей степени, чем защита православной Сербии, было причиной вступления России в Первую мировую войну, победу в которой сорвали «февралисты». Царь-мученик не соглашался с П.Дурново, считавшим, что приобретя Галицию, Россия якобы потеряет империю. Царь-страстотерпец знал, что Галиция – русская, «мазепинцы» – это коллаборантское меньшинство (если бы Галиция не была тогда русской, зачем устроили геноцид?), а, помимо военных противников, ключевой штаб «ереси украинства» находился в либеральных кругах Санкт-Петербурга.

Выдающийся галицко-русский москвофил Осип Андреевич Мончаловский написал свое «Литературное и политическое украинофильство» как полемику с Санкт-Петербургскими либералами, поддержавшими нарождавшееся «украинство» с далеко идущими планами свержения православной монархии и падения ненавистной им Родины. В 1905 году, оформившись

* А. Дикий. Неизвращенная история Украины-Руси. Т. 2. – Нью-Йорк, 1961.

в партию «кадетов», они совершили чудовищное предательство. С их подачи РАН большинством в два голоса кадетов Корша и Ширинского-Шахматова поддержала составленную ими записку о признании малороссийского наречия отдельным языком, на основании которой в Галиции сажали, вешали и отправляли в концлагеря русофилов.

В частности, обвинение против св. Максима Сандовича и православных галицких русских студентов Семена Бендасюка и Максима Колдры базировалось на «записке» кадетов о признании малороссийского наречия отдельным украинским языком. Сандовичу, Бендасюку и Колдре инкриминировалось, что они продолжают защищать русский язык как родной для малороссов, в то время как Санкт-Петербург, под которым подразумевался не царь, а кадеты, их уже «сдал». Как же, кадетам нужно было любой ценой «доказать», что царь-«душитель». Записка была антинаучной и утверждала, что русский язык XVIII-XIX веков – это только великорусский язык, хотя факты свидетельствуют о прямо противоположном:

«Говорят, что Петр Великий гражданскую печать выдумал, а, оказывается, он просто-напросто заимствовал ее у галичан и у прочих малороссов, которые употребляли ее еще в XVI в. Заголовки многих грамот и статутов, виденные мною в Ставропигии, начерчены чисто нашими гражданскими буквами, а текст, писанный в XVI в., – очевидный прототип нашей скорописи и нашей прописки елисоветинских и екатерининских времен»*.

Сразу после февральского переворота новый министр иностранных дел России Милюков выступил с «обращением к украинцам», где впервые официально признал малороссов отдельным нерусским народом, а февралистская власть мгновенно выпустила на сво-

* «Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева», С-Петербург, 1868.

боду для продолжения антироссийской деятельности идеолога «украинства» униатского львовского митрополита Андрея Шептицкого и агента австрийского генштаба фальсификатора истории М. Грушевского – самозванного, избранного никем не избранной «Центральной Радой» «Президента Украины», закономерно перешедшего затем на службу к большевикам, также поддержавшим «ересь украинства» для того, чтобы ликвидировать триединый православный русский народ, защитником которого был царь-мученик Николай II.

Ну а большевики в интересах разгрома Русской Церкви и «великорусского шовинизма» внесли решающий вклад в создание самостийных «украинского» «белорусского» мифов и «негативных идентичностей».

От какой же черты следует отсчитывать «успехи» самостийничества? Тут надо сказать, что существует тема, о которой наши оппоненты знают, но предпочитают умалчивать. Широкая же публика о ней вообще не осведомлена. Речь идет, с одной стороны, о русском национальном возрождении Галицкой и Карпатской Руси в XIX-XX вв., а с другой – об австро-венгерском геноциде русских (политических процессах над «русофилами», концлагерях и массовых казнях, унесших более 60 тыс. жизней) и о роли «украино-австрийской партии» в вышеназванном черном деле.

О масштабах русского национального возрождения в Галиции красноречиво свидетельствует собранная более 100 тыс. подписей русских галичан петиция в Венский парламент: «Высокая палата! Галицко-русский народ по своему историческому прошлому, культуре и языку стоит в тесной связи с заселяющим смежные с Галицкой землей малоросским племенем в России, которое вместе с великорусским и белорусским составляет цельную этнографическую группу, то есть русский народ. Язык этого народа, выработанный

тысячелетним трудом всех трех русских племен и занимающий в настоящее время одно из первых мест среди мировых языков, Галицкая Русь считала и считает своим и за ним лишь признает право быть языком ее литературы, науки и вообще культуры. Доказательством этого является тот факт, что за права этого языка у нас в Галиции боролись такие выдающиеся деятели, как епископы Яхимович и Иосиф Сембратович, ученые и писатели Денис Зубрицкий, Иоанн Намович, Устианович, Дедицкий, Головацкий, Площанский, Добрянский, Петрушевич, Гушалевич, из младших же – Залозецкий, Свистун, Хиляк, Мончаловский, Иван Левицкий, Дудыкевич, братья Марковы, Вергун, Яворский, Святитский, Глебовицкий, Лушкевич, Полянский и многие другие. Общерусский литературный язык у нас в Галиции в повсеместном употреблении. Галицко-русские общественные учреждения и студенческие общества ведут прения, протоколы, переписку на русском литературном языке. На этом же языке у нас сыздавна издавались и теперь издаются ежедневные повременные издания, как: «Слово», «Пролом», «Червонная Русь», «Галичанин», «Беседа», «Страхопуд», «Издания Галицко-русской матицы», «Русская библиотека», «Живое слово», «Живая мысль», «Славянский век», «Издания общества имени Михаила Качковского», расходящиеся в тысячах экземпляров». Далее в петиции приводились требования свободы изучения и преподавания русского языка, истории и права на русских землях, входивших в состав Австро-Венгрии*.

Столь же динамично стал развиваться процесс возвращения униатов в Православие (на крупные церковные праздники до 400 крестных ходов прорывалось через австрийскую границу в Почаевскую лавру).

В ответ на рост русского возрождения в подвластных ей областях Австро-Венгрия развязала геноцид.

* Ф. Аристов. Карпато-русские писатели. Т. 1. – Москва, 1916.

Сначала было проведено несколько показательных процессов над священниками и мирянами, переходившими в православие и говорившими по-русски. Это так называемые «Процесс Ольги Грабарь» (1882), первый и второй Мармарош-Сигетские процессы (1912-1914) над закарпатскими крестьянами, целыми селами переходившими в лоно Православной Церкви (более 90 человек осуждены, тысячи же крестьян несколько лет жили на осадном положении), процесс Максима Сандовича и Семена Бендасюка (1914), процесс доктора богословия Ф. Богатырца и «Дело братьев Геровских» на Буковине (1912-1914).

Затем, когда разразилась Первая мировая война, начался массовый антирусский террор. Была создана сеть концлагерей. (Самый известный из них – Талергоф, близ г. Грац в Австрии.) В первое время было уничтожено более 60 тыс. человек, более 100 тыс. бежали в Россию, еще около 80 тыс. было уничтожено после первого отступления русской армии, в том числе уничтожено около 300 униатских священников, заподозренных в симпатиях к Православию и России. Эти сведения приводит польский депутат Венского парламента А. Дашинский. (Все русские депутаты этого парламента были расстреляны.)*

Вот что писал об этих событиях галицко-русский историк В. Ваврик: «Австро-мадьярский террор сразу на всех участках охватил Прикарпатскую Русь... Наши братья, вырекшиеся от Руси, стали не только прислужниками Габсбургской монархии, но и подлейшими доносчиками и даже палачами родного народа... они исполняли самые подлые, постыдные поручения немецких наездников. Достаточно взять в руки украинскую газету «Діло», издававшуюся для интеллигенции, чтобы убедиться в этом окончательно. Сокальский уезд был поленом в глазах «украинских патриотов», поэтому доносы с их стороны сыпались на русских людей,

* «Временник», Львов, 1938 г.

как град из черной тучи... Педагог Стенятинский выдавал видных, деятельных крестьян в окoliце... В селе Маковисках на своих прихожан доносил священник-униат Крайчик. В селе Сосница «мужи доверия» украинцы Михаил Слюсарь, войт Михаил Кушнир и другие донесли на своих односельчан, на основании их доноса крестьян повесили... Двоих – Николая Смигоровского и Андрея Гардого – мадьяры-уланы привязали к своим седлам и волокли четыре километра до села Задубровы и обратно, потом повесили на вербах. В Станиславской тюрьме на Дуброве расстрелы шли с утра до вечера... Талергоф... В дневниках и записках талергофских невольников имеем точное описание этого австрийского пекла. Первую партию русских галичан пригнали в Талергоф 4 сентября 1914 года. До зимы 1916-го в Талергофе не было бараков. Сбившийся в кучу народ лежал на сырой земле под открытым небом, выставленный на холод, мрак, дождь и мороз... Священник Иоанн Мащак под датой 11 декабря 1914 года отметил, что 11 человек загрызены вшами. По всей талергофской площади повбивали столбы, на которых довольно часто висели и без того люто потрепанные мученики, происходила «анбинден» – славная немецкая процедура подвешивания за одну ногу. Изъятий не было даже для женщин и священников... Но все-таки пако-сти немцев не сравнятся с издевательствами своих же. Немец не мог так глубоко влезть своими железными сапогами в душу славянина-русина, как этот же русин, назвавший себя украинцем, вроде официала полиции г. Перемышля Тимчука, доносчика и палача, который выражался о родном народе как о скотине. Он был правой рукой палача Пиллера, которому давал справки об арестантах. Тимчука, однако, перецеголял другой украинец – униатский попович Чировский, обер-лейтенант австрийского запаса... Все невольники Талергофа характеризуют его как профессионального

мучителя и палача»*. А вот свидетельство еще одного узника Талергофа, М.А. Марко: «Жутко и больно вспоминать о том тяжком периоде близкой еще истории нашего народа, когда родной брат, вышедший из одних бытовых и этнографических условий, без содрогания души становился не только на стороне физических мучителей части своего народа, но даже больше – требовал этих мучений, настаивал на них... Прикарпатские «украинцы» были одними из главных виновников нашей народной мартирологии во время войны**». Но все, что не доделали «поляки» и «австрияки», доделали большевики.

Интереснейшая, но малоизвестная страница истории – это советский период, совершенно превратно трактуемый историками-самостийниками. А между тем первые 20 лет «Радянської Влади» являются поистине золотым веком самостийщины. Тотальная украинизация, проводившаяся на фоне геноцида русского народа, разгрома русской культуры, Церкви, уничтожения интеллигенции, была важной составной частью ленинской национальной политики. На службу большевикам перешли многие члены ТУП (Товарищества украинских постепенцев – главной сепаратистской организации того времени), такие «столпы», как Грушевский и Винниченко. В 1923 году было выпущено знаменитое постановление ЦК ВКП(б) об обязательной украинизации. Согласно этому постановлению, условием трудоустройства, независимо от образования, научной степени и т.д., стала справка об окончании курсов «украинознавства». Тотальная насильственная «украинизация» охватила в эти годы пространство от Восточной Волыни до Кубани и Ставрополя. «Не сдавшихся врагов», как известно, уничтожали. В связи с этим стоит отметить, что человек, с именем которого неразрывно связан страшный голод 30-х годов, пред-

* В. Ваврик. Терезин и Талергоф. – Филадельфия, 1966 г.

** Галицкая Голгофа. – США, Изд. П. Гардый, 1964.

седатель СНК УССР с 1923 года Чубарь (именно он подписал печально знаменитое Постановление СНК УССР «О борьбе с саботажем в хлебозаготовках» от 6 декабря 1932 г.), одновременно являлся ярким большевистским «украинизатором». Очень поучительно также проследить географию большевистского геноцида. Он охватил в первую очередь зажиточные края – Волынь, Полтавщину и т.д., бывшие испокон веку оплотом именно русских консервативных, охранительных сил. Волынь практически не была затронута революцией 1905 года, в ней полностью отсутствовали сепаратистские настроения. Именно на Волыни, как это сегодня ни удивительно, проживало больше, чем где-либо, членов «Союза русского народа». Одним из главных духовных центров всей Руси, в том числе Волыни, была Почаевская лавра, а духовными вождями того времени – архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) – выдающийся православный богослов, и почаевский наместник архимандрит Виталий (Максименко), считавшийся неформальным «диктатором края». Без его благословения ни один депутат не мог быть избран в Госдуму. А Полтавщина? Именно здесь вспыхнуло некогда восстание Матфея Пушкаря против Выговского, пытавшегося повернуть Малороссию назад к Польше, именно полтавский полковник Искра обнародовал факт измены Мазепы. Полтавская земля дала миру великого русского писателя Гоголя. С историей этого края связан характернейший эпизод: когда на Полтавщину приехал с агитационными целями знатный «самостийник» П. Чубинский (автор гимна «Ще не вмерла Украина»), он был попросту избит полтавскими крестьянами. Советская власть продолжала политику «украинизации» и после Второй мировой войны. В те же годы в результате операции «Висла» было депортировано более 230 тыс. лемков – карпатской народности, традиционно русофильски ориентированной. Массовым репрессиям подверглись кар-

патороссы, обитатели западной части Карпат. А ведь закарпатские русины, несмотря на многовековые усилия по их ассимиляции и неоднократный геноцид, всегда были в авангарде русофильского движения. Так, в 1939 году на местном референдуме 82% населения высказались в поддержку русского языка. Однако карпаторусская элита была уничтожена при Сталине без всякой амнистии, а закарпатские русины переименованы в «украинцев». Отметим также, что именно советская историческая наука легализовала терминологический и понятийный аппарат «самостийной» школы, замалчивая, за редким исключением, подлинно национальную, общерусскую историко-культурную парадигму. Показательно: в СССР в каждом городе были памятники и улицы имени Тараса Шевченко, на пьедестал возводились откровенно антихристианские пророки украинства: это и вышеупомянутый Тарас Шевченко, средней руки поэт, разрекламированный за безбожие питерскими либералами и сосланный царем за клевету и поношение императрицы, Леся Украинка, «каменяр», то есть масон, Иван Франко, но в то же время талергофская трагедия, карпаторусская борьба, большевистская политика украинизации – все это оказалось наглухо закрыто в зоне умолчания.

Известный большевистский украинизатор из «петлюровцев» (петлюровцы-«эсеры», почти что большевики») Владимир Винниченко в манифесте советской украинизации – сборнике «Революция на Украине» (Киев, 1920) писал, что «главным врагом украинской мовы и украинства является тот, от имени которого украинизаторы выступают – украинский мужик. Его то и уничтожали голодомором». «Голодомор» – это геноцид. Но геноцид русских от Сибири до Волыни, а не надуманных «украинцев».

Невозможно не упомянуть и тот факт, что, как известно из исторических исследований С. Мельгунова («Золотой немецкий ключ большевиков») и В. Рома-

новского, в Первую мировую войну финансирование германского Генштаба с целью поражения России получали две организации: РСДРП (б) и «Союз освобождения Украины», а также такие персонажи, как ключевой фальсификатор истории М. Грушевский. И большевики, и самостийники отработали эти 30 у.е и Брестским миром, отдававшим Малороссию, и самим созданием УССР, и передачей в ее состав великорусских земель Новороссии, и запретом самих терминов «Малороссия», «Новороссия». Напомню, что фраза «Проект «Новороссия» закрыт» принадлежит видному большевистскому украинизатору Николаю Скрыпнику. Большевистская украинизация и уничтожение Русской Церкви – неразделимые понятия.

Мне хотелось бы сказать о св. новомучениках в контексте одного из главных вопросов Русской Церкви – украинского. Как относились святые новомученики к идее украинской автокефалии, ведь мнение последних, самых близких к нам святых, важно в наибольшей степени?

Как известно, большевики поддерживали насильственную украинизацию, особенно на территории Донбасса и Новороссии (огромное пространство от Екатеринослава до Тирасполя), которую большевики в борьбе с «великорусским шовинизмом» передали УССР. Большевики активно поддерживали украинский автокефалистский раскол, им было необходимо полностью уничтожить Русскую Православную Церковь. И святой Патриарх Тихон ликвидирует автономию, данную Украинской Церкви Всероссийским поместным собором 1917-18 гг. Св. Тихон устанавливает патриарший экзархат на Украине.

Мы можем определенно утверждать, что большинство, то есть собор новомучеников, были категорически против отделения Киевской митрополии Русской Церкви. Это владыки Никодим (Кротков), Константин (Льяков), Михаил (Ермаков), Онуфрий (Гагалюк), Ана-

толий (Грисюк), священномученик Роман (Медведь) и многие, многие другие. Их жития собраны в книге выдающегося исследователя житий новомучеников Крыма, Новороссии и Малороссии протоиерея Николая Доненко «Наследники Царства» (Симферополь, 2000 г.).

Приведем свидетельство о священномученике Новороссии протоиерее Иоанне Скадовском.

На допросе в НКВД на вопрос «Как вы относитесь к дореволюционной России?» он ответил следующее:

«Я националист и люблю Россию. Я люблю Россию в том виде, в каком она существовала до революции, с ее мощью, величием, с ее необъятностью, с ее завоеваниями. Происшедшее после революции дробление России и, в частности, выделение Украины, Белоруссии и т.д. я рассматриваю как явление политического упадка, тем более печального, что для этого дробления нет никаких оснований. Украинцы и русские всегда составляли единое целое. Украинцы и русские один народ, одна нация, и выделять Украину в какой бы то ни было форме из общего целого нет никаких оснований» (Цит. соч., стр. 273).

Первая жертва большевиков-митрополит Киевский Владимир (Богоявленский). Перед тем как его убили большевики, его травил братия Киево-Печерской лавры во главе с еп. Алексием (Дородницыным), распропагандированная автокефалистами.

Наш современник митрополит Омский Владимир (Иким) так описал страдания и смерть священномученика митрополита Владимира:

«В Киеве автокефалисты приняли законного архипастыря в штыки. Церковная Рада потребовала, чтобы святитель Владимир – ни к чему людина, как его называли раскольники, – покинул украинскую столицу в течение суток. Но святой митрополит отказался подчиняться беззаконникам. Так началось стояние святителя Владимира за православную Киевскую Русь.

В атмосфере травли, окруженный ненавистью, святой митрополит с терпением и лаской пытался вразумить заблудших. Ему уже угрожали смертью, и он понимал, что это не пустые слова. Но как и всю жизнь свою, так и мучительные месяцы в революционном Киеве святитель Владимир провел, всецело предавшись воле Божией. Я никого и ничего не боюсь, – заявлял он в ту пору, приближавшую его к славе святых страсто-терпцев, о которых говорит он в своих творениях:

«Мы просим, чтобы воля Божия и насельниками земли осуществлялась так же, как и насельниками Неба, так же полно и беспрекословно, так же непрестанно и добровольно, с таким же подданным детским сердцем, которое исполняет волю Бога, не спрашивая, почему это нужно, а исполняет только потому, что это воля Бога...

Последователи Христовы всякое поношение и гонение за имя Его почитают честью для себя. Они благодушно и с радостью переносят всякие нужды и лишения, лишения не только имущества и благ земных, но и самой жизни. Они благодушествуют и ликуют среди своих мучителей, которые подвергают их пыткам и убивают. Кровь Распятого Христа и их мученическая кровь делаются семенем Его Церкви».

Святой равноапостольный великий князь Владимир просветил святой верой диких язычников. Отстаивая Православие в России там, где оно началось, в городе своего Небесного покровителя, святой митрополит Владимир противостоял врагу гораздо более жестокому, чем языческое невежество. Идол национальной идеи, подобно древним Молоху и Ваалу, требовал кровавых жертвоприношений.

Однажды в покои святителя Владимира в Киево-Печерской лавре ночью явился член Церковной Рады иерей Фоменко вместе с каким-то человеком в военной форме и начал льстиво предлагать ему сан «Патриарха всея Украины». Святитель отклонил фальшивую

«честь» сделаться раскольничьим первоиерархом. Тогда ночные посетители сменили тон и, угрожая оружием, потребовали выдачи ста тысяч рублей из церковных средств. Чтобы избавиться от «идейных» бандитов, митрополит вынужден был обратиться к братии лавры. На этот раз иноки вступились за своего архипастыря. Увы! Вскоре их ревность была разъедена националистической пропагандой.

Глава раскольников архиепископ Алексей вселился в лавру и повел среди монахов-украинцев «национально-автокефальную» агитацию. Этот злой посев принес плоды: некоторые из братии стали недоброжелательно смотреть на святителя Владимира, грубить и всячески досаждают ему. Остальные не находили в себе мужества пресечь подобные выходки. В стенах монастыря, коего он, как все архипастыри Киевской митрополии, являлся настоятелем, святитель Владимир остался в одиночестве».

В январе 1918 года в Киеве по благословению Святейшего Патриарха Тихона был созван законный Всеукраинский церковный собор. При голосовании вопроса об автокефалии члены собора 150 голосами против 60 отвергли националистические притязания. Если бы время было мирным, вопрос был бы исчерпан. Но на Украине полыхало пламя гражданской войны.

23 января 1918 года революционные войска, составленные из большевиков, левых эсеров и анархистов, ворвались в Киев. Еще при штурме города революционеры обстреливали из пушек монастыри и храмы. После взятия Киева начался безудержный разбой, причем революционные банды поделили между собой городские районы. Киево-Печерская лавра досталась «на поток и разграбление» анархистам.

(Показательно, что палачами первомученика Русской Церкви XX века святителя Владимира, явились не большевики, которых ныне представляют единственными виновниками революционного кошмара,

а анархисты. Партия анархистов, выставяемая романтическими «народными повстанцами», сейчас снова вышла на политическую арену, издает свою газету, ведет пропаганду. Между тем в программе анархистов, с ее лозунгом «Анархия – мать порядка», содержался призыв к крайнему произволу и вседозволенности и более явственно, чем у большевиков, проступала демоническая разрушительная сущность. В российском обществе был представлен широчайший спектр революционных партий, и все они были в той или иной степени заражены безбожием и нацеливались на свержение православной монархии. Представители этих более умеренных, чем большевики, но также преступных течений затем заняли очень видное место в безоглядно восхваляемом ныне Белом движении, а потом оказались в эмиграции. Там же очутились и многие украинские националисты – настоящие убийцы святого Владимира, митрополита Киевского, тогда как бандиты-анархисты явились только его палачами. Вот что нужно понимать, чтобы с должной осторожностью относиться к церковным и политическим веяниям, как исходящим из-за рубежа, так и возрождающимся в современной России).

Киево-Печерскую обитель стал навещать отряд анархистов из пяти человек во главе с комиссаром в кожаной куртке и матросской бескозырке. (Матросская «братва», эта «гвардия революции», в начале все-российского мятежа принадлежала по большей части к анархистам.) Посетители ели в лаврской трапезной. Комиссар остался недоволен поданным на стол черным хлебом и бросил его на пол с криком: «Разве я свинья, чтобы есть такой хлеб?» Таковы были барские замашки «борца за народное счастье». Инок-трапезарь отвечал: «У нас, господа, лучшего хлеба нет, какой нам дают, тот мы и подаем». Потом «господа-товарищи» с деланным участием начали расспрашивать братию: нет ли жалоб на начальство? Один из иноков, распро-

пагандированный автокефалистами, стал указывать пальцем наверх, где находились покои митрополита, заявляя: «Народ несет в лавру тысячи и миллионы, а поедает их он!»

Знал ли иуда-националист, кому он приносит клеветническую жалобу на своего архипастыря? Не мог не знать. Еще в 1917 году пьяная революционная матросня кощунствовала в лаврских пещерах, подвергая надругательству честные мощи угодников Божиих. Вот и на этот раз «участливые гости», распоясавшись, начали угрожать монахам: «Скажите, отцы, что у вас в пещерах? Все оттуда вынесем и посмотрим: если ничего не окажется или окажутся воск и опилки – всех вас пережем». А один из «гостей» добавил: «Отец Серафим в Сарове был вторым лицом после царя, потому-то Серафим и святой. Вот и ваш митрополит Владимир будет святой». (В отношении святителя Владимира этот бандит невольно оказался пророком: так бесы иногда против своей воли выкликают истины Божии.)

Предательство и робость царили среди лаврской братии, и бандиты поняли, что любое преступление здесь останется безнаказанным. Уходя из трапезной, комиссар сказал своим спутникам: «Нужно сделать здесь что-нибудь особенное, замечательное, небывалое». «Замечательные» дела революционеров обычно заключались в насилиях, пытках, убийствах.

Вечером 25 января эти революционеры явились к святителю Владимиру. Запершись с ним в его спальне, они вымогали деньги, издевались, душили святого цепочкой от креста. Когда палачи выводили старца-святителя из комнаты, он жалобно обратился к стоявшим в сторонке епископу Феодору и наместнику лавры архимандриту Амвросию, сказав: «Вот, они уже хотят расстрелять меня, вот что они со мной сделали». Однако ни архиерей, ни архимандрит не нашли в себе мужества вступить за святого митрополита Киевского.

У крыльца лавры к окруженному убийцами святителю подошел под благословение его келейник Филипп. Комиссар оттолкнул его с криком: «Довольно кровопийцам кланяться! Кланялись – будет!» Тогда митрополит, сам благословив келейника, сказал: «Прощай, Филипп», – и прослезился. По свидетельству Филиппа, идя на казнь, святитель Владимир был уже совершенно спокоен, словно бы шел на служение Божественной литургии, и по пути напевал: «Благообразный Иосиф, с древа снем Пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив»...

Бандиты на автомобиле привезли семидесятилетнего старца-мученика на поляну, расположенную неподалеку от лавры. Случайно оказавшийся поблизости от этого места очевидец потом рассказал об обстоятельствах славной кончины святителя Владимира. Выйдя из автомобиля, страстотерпец спросил: «Вы здесь хотите меня расстрелять?» – и услышал в ответ: «А что ж, церемониться с тобой что ли?» Перед расстрелом святитель коротко помолился вслух: «Господи, прости мои согрешения вольные и невольные и прими дух мой с миром», – а затем крестообразно, обеими руками благословил своих палачей, промолвив: «Господь вас да простит».

Выстрелы слышали в лавре. При этом между иноками затеялся спор: владыку ли это расстреливали или для расстрела одного человека выстрелов было слишком много? Потом все отправились на покой, и обитель спала спокойно.

Только наутро от пришедших в лавру паломниц (эти женщины сыграли роль жен-мироносиц священномученика Владимира) братия узнала, где лежит изувеченное тело святого страстотерпца.

Медицинское освидетельствование тела святителя выявило картину изуверского убийства: святого Владимира кололи штыками, целясь в лицо, в грудь, в живот; один удар был так силен, что разворотил всю груд-

ную клетку; потом палачи, наслаждаясь зрелищем его страданий, «достреливали» мученика».

Принято лгать, что украинизацию проводили только Ленин с Троцким, а Сталин – нет. Факты говорят об обратном.

По окончании Великой Отечественной войны Сталин, если бы хотел, мог бы, имея огромную власть, строить Великую Россию, но он строит «великую Украину»: вводит УССР и БССР в состав «государств-учредителей ООН», создавая тем самым предпосылки для их дальнейшего отделения от России. Его защитники говорят, что этим он хотел увеличить количество голосов в ООН. Но если бы это было так, он ввел бы в состав учредителей ООН, например, Таджикистан с Киргизией. О том, что главной причиной этого шага была борьба с т.н. «великорусским шовинизмом», то есть православным русским самосознанием, свидетельствует цепь других шагов Сталина. В 1948-м году заканчиваются временные послабления в отношении Русской Православной Церкви и на 20 лет в ГУЛаг сажают архиепископа Вениамина (Новицкого) – малороссийского иерарха, сорвавшего в 1943-м году нацистско-бандеровский проект «объединения канонической Украинской Церкви Московского Патриархата и раскольнической «УАПЦ», то есть спасший единство Русской Церкви. Это нельзя расценивать иначе, как «церковное» приложение по введению УССР в ООН, создание предпосылок для будущей реализации главного в проекте Украины как Антироссии – отделения УПЦ от РПЦ, делающего его необратимым.

Другой шаг – массовая депортация антибандеровцев русинов-лемков, чей духовный лидер «Русской народной республики лемков» священномученик о. Максим Сандович был расстрелян по доносу «австро-мазепинцев» в 1918 году.

Еще одно преступление большевиков – передача Подкарпатской Руси, православного русского края,

в том числе белогвардейского, УССР – Сталин предвосхитил хрущевскую сдачу Крыма.

Карпаторусское национальное движение сразу же активизировалось при малейших послаблениях австрийской политики. Так, как только императрица Мария Терезия разрешила преподавать в униатских семинариях на русском языке и произносить проповеди по-русски, сразу же начали свою просветительскую деятельность знаменитые угрорусские «будители».

Когда Австрия распалась, Подкарпатская Русь была единодушна в своем желании воссоединиться с Россией. Но в России тогда уже хозяйничали большевики, на Подкарпатской же Руси поддерживали белых, стоявших, в отличие от интернационалистов-большевиков, на русских национальных позициях. Все это сделало невозможным воссоединение Подкарпатской Руси с Россией в то время.

Ей пришлось выбирать одну из четырех открывшихся перед ней возможностей и принять решение о своем будущем.

1. Войти в состав новосозданной Западно-Украинской народной республики (Галичины). Провозглашая ЗУНР, ее вожди провозгласили и вхождение в ее состав Подкарпатской Руси, не будучи никем уполномоченными и не имея на то ни морального, ни юридического права. Никакого волеизъявления на этот счет народа Подкарпатской Руси не было. Больше того: связать свою судьбу с правительством ЗУНР, состоящим из “украинцев”-русоненавистников, у карпатороссов не было и не могло быть никакого желания.

2. Остаться в составе Венгрии на положении федеративной Карпато-Русской республики или автономной области. К этому решению склонялась весьма незначительная и неавторитетная часть угрорусской интеллигенции – “мадьяроны”, и этот вариант был отброшен как непопулярный и бесперспективный.

3. Обрести полную независимость, создать государство “Подкарпатская Русь”. Карпатороссы, основываясь на провозглашенном тогда державами-победительницами принципе самоопределения наций, имели тогда и имеют сейчас на это полное право. Но практически это было невозможно, ибо Антанта-победительница фактически диктовала свою волю и кроила карту Европы, не особенно считаясь с самоопределением народов и руководствуясь собственными соображениями. По отношению к Подкарпатской Руси ставилась цель не допустить ни в коем случае ее самостоятельности, ибо было более чем вероятно, что она, став независимой, пожелает в той или иной форме соединиться с Россией.

4. Четвертый вариант решения будущего Подкарпатской Руси состоял в том, чтобы включить ее на положении субъекта федерации в состав вновь образованной Чешско-Словацкой республики. Этот вариант и был принят. Карпатороссы помнили москвофильство “младочешской” партии (вспомним “славянские съезды” в Праге), но Чехословакия жестоко обманула Подкарпатскую Русь.

Подкарпатская Русь была присоединена к Чехословацкой республике согласно международному договору, подписанному 10 сентября 1919 г. в Сен-Жермене Великой Антантой и присоединившимися к ней державами, с одной стороны, и представителями Чехословацкой республики – с другой. От имени Чехословакии договор был подписан д-ром Бенешем, ставшим потом президентом страны.

Сен-Жерменским договором Подкарпатской Руси была гарантирована «полнейшая степень самоуправления, совместимая с понятием единства Чехословакии» (ст. 10). Подкарпатской Руси должны были быть предоставлены свой собственный законодательный сейм (в ведение которого должны были входить все вопросы, касающиеся языка, школы и вероисповеда-

ний, местной администрации и все другие вопросы, определенные законами чехословацкого государства) и автономное правительство, ответственное перед сеймом (ст. 11); во главе администрации должен был быть губернатор, назначенный президентом республики и ответственный перед карпаторосским сеймом (ст. 11). Чиновники в Подкарпатской Руси должны назначаться, по возможности, из местного населения (ст. 12). Сен-Жерменский договор гарантировал Подкарпатской Руси право быть соответствующе представленной в чехословацком парламенте (ст. 14). Контроль за выполнением Договора вменялся Лиге Наций (ст. 14).

Все эти установления были проигнорированы Чехословакией. Вопреки договору Подкарпатская Русь была разделена между субъектами федерации: ее часть (так называемая Пряшевская Русь с 250 тысячами карпатороссами) была присоединена к Словакии. Никакого сейма создано не было. На основные должности в администрации назначались чехи.

Чехословацкое правительство начало проводить искусственную украинизацию Карпатской Руси, видя в этом средство для отсрочки предоставления автономии и ослабления движения карпатороссов. Правительство специально выписывало и командировало в Закарпатье галицийских «самостийников». Вплоть до 1937 г. было запрещено преподавание в школах на русском языке «Самостийники» имели в Чехословакии три учебных заведения, финансируемые правительством, карпатороссы – ни одного. Галицийские самостийнические издательства, культурные общества также финансировались за счет государства, в то время как проф. Геровский, крупнейший карпаторусский лингвист, находился в 1936 г. под домашним арестом.

Невзирая на систематическую двадцатилетнюю политику насильственной украинизации, осуществлявшейся силами чешского правительства, римско-католической церкви, социал-демократов и комму-

нистов, результаты украинизации к 1938 г. оказались ничтожными. Из 8 депутатов и сенаторов, представлявших русский народ в чехословацком парламенте, семеро были русские патриоты, и только один, избранный чешскими и мадьярскими избирателями, считал себя украинцем. В Пряшевской Руси, переданной Словакии, все население голосовало за русских депутатов. «Украинцы» даже не осмеливались выдвигать своих кандидатов. А на референдуме, проведенном в Подкарпатской Руси в 1938 г., 76 % опрошенных высказались за русский язык как язык официальный, язык преподавания и т. д. В политической жизни только те партии могли существовать в Подкарпатской Руси, которые поддерживали русскую идею. 8 мая 1919 г. была создана Русская народная рада. Количественно самой сильной русской партией был автономный «Земледельческий Союз», вождем которого был Андрей Бродий. Интересы карпатороссов отстаивала также «Аграрная партия».

В 1938 г. АЗС и «Аграрная партия» объединились в «Русский блок». В 1938-39 гг. перед лицом гитлеровского нашествия Чехословакия пошла на уступки – в мае 1938 г. была провозглашена автономия Подкарпатской Руси.

Было создано первое автономное правительство Карпатской Руси (октябрь 1938 г.), в котором А. Бродий стал председателем Совета министров и министром народного просвещения. К сожалению, впервые созданное, русское правительство совершило серьезную ошибку, включив в свой состав проукраинского политика Августина Волошина, ставленника гитлеровской Германии. Менее чем через три недели после образования карпаторосского правительства премьер-министр Бродий был арестован, а премьером назначен Волошин. Вот как описывает историю этого переворота карпаторосский лидер А. Геровский: «Я немедленно, тут же из президиума югославского министерско-

го совета позвонил в Прагу министру иностранных дел Хвалковскому. Его в министерстве не оказалось, и вместо него со мной разговаривал его заместитель д-р Масаржик. На мой вопрос, на основании какого права чешское правительство могло арестовать главу автономного карпаторусского правительства и назначить на его место человека, к которому большинство русских Карпатской Руси не имеет никакого доверия, д-р Масаржик ответил, что чешскому правительству пришлось это сделать потому, что ему «так было приказано свыше». Когда я выразил свое удивление по этому поводу, Масаржик прибавил: «Нам пришлось сделать еще и что-то другое, что нам было гораздо более неприятно». А на вопрос, что под этим следует подразумевать, он ответил: «Германии, должны были предоставить экстерриториальную дорогу, соединяющую Бреслау с Веной через нашу территорию».

Волошин переименовал Подкарпатскую Русь в «Карпатскую Украину» и возмечтал сделать из нее «Пьемонт» для создания «Великой Украины». Однако в 1938-39 гг. нацисты отдали Подкарпатскую Русь Венгрии. Для русинов был создан концентрационный лагерь в Рахове, где охранниками и палачами были галицийские «сичевые стрельцы».

Не менее ожесточенно происходила борьба за духовную свободу Подкарпатской Руси Согласно Сен-Жерменскому договору церковные отношения регламентировались карпаторусским правительством. Огромную роль в невыполнении Чехословакией Сен-Жерменского договора сыграла чешская римско-католическая клерикальная партия «Лядова Страна», возглавляемая кардиналом Шрамеком, словацкая католическая партия патера Тиссо, примкнувшая затем к Гитлеру. Шрамак поддерживал Масарика, а затем Бенеша – лидеров Чехословакии при условии, что правительство будет подавлять Православную Церковь и не предоставит автономию Подкарпатской Руси.

И им было нечего бояться. Склеенная насильно греко-католическая конфессия при ослаблении государственной поддержки начала разваливаться. Карпатская Русь начала сбрасывать униатское ярмо еще в конце XIX века. Даже австро-венгерский геноцид не смог остановить процесс. Православные христиане мадьярской части Австро-Венгерской империи находились в юрисдикции Сербской Православной Церкви. В 1920-е годы Сербия стала «второй Россией». Эта братская держава приютила и армию генерала Врангеля, и Высшее Церковное Управление Русской Православной Церкви за границей. Самую братскую поддержку оказала Сербская Церковь и Карпатской Руси: туда был направлен епископ Нишский Досифей, после многовекового ватикано-униатского гнета это был первый православный епископ в Подкарпатской Руси. В 1921 г., как только Досифей прибыл на Карпаты, около миллиона человек покинуло унию и вернулось в Православие. Опорой Досифея стал и архимандрит Виталий (Максименко) – бывший наместник Почаевской лавры, знаменитый миссионер и лидер правых русских партий, ученик митрополита Антония (Храповицкого), и архимандрит Алексей Кабалюк.

Подкарпатская Русь стала крепостью Православной веры. Здесь, на Ладомирове (т.е. св. Владимирской земле), архим. Виталий (Максименко) из Почаевской братии, основал новый монастырь Св. Иова, ставший миссионерским центром. Здесь начала издаваться газета «Православная Русь» – ныне официальный орган РПЦЗ. Монастырь Св. Иова переехал после Второй Мировой войны в Мюнхен.

Чешское правительство поддерживало унию, пытались спровоцировать раскол в Православной Церкви. Константинопольский Патриарх Мелетий (Метаксакис) и его преемники – сторонники «реформации», поддерживавшие советских обновленцев в борьбе с Па-

триархом Тихоном, пытались подчинить себе всех православных христиан Чехословакии, когда Константинопольским Патриархом Мелетием в 1923 г. был поставлен туда архиепископ Савватий (Врабец). Однако авторитет еп. Досифея, арх. Алексия (Кабалюка) и о. Виталия (Максименко), сплоченность карпатороссов и помощь братской Сербии позволили нейтрализовать эти действия.

Во время Второй мировой войны епископ Досифей попал в плен к хорватским усташам. Озверевшие католики таскали его за волосы по улицам Загреба. Владыка умер от пыток.

В 1939 г. Подкарпатскую Русь оккупирует Венгрия. Приведем свидетельство карпаторусского общественно-политического деятеля Михаила Проккопа: «Венгерские власти желали ликвидировать в самый короткий срок не только русский литературный язык, но и весь русский народ, живущий на южных склонах Карпатских гор, превратив его в мадьярский. И при этом они совершенно чистосердечно удивлялись тому сопротивлению, какое оказывал их планам русский народ... Разрушались памятники Пушкину, Добрянскому, Митраку, сжигались русские городские, сельские и общественные библиотеки, уничтожали русскую кооперацию. Русская молодежь протестовала. Мадьярские жандармы и полицаи брали учеников гимназий с уроков и избивали их...

В конце 1939 г. Польша была разделена между Германией и СССР. В Подкарпатской Руси началось брожение. Особенно вызывающе начала вести себя по отношению к мадьярским властям молодежь. Все были уверены, что в скором времени Россия освободит и наш народ от векового мадьярского ига. Слова «Советский Союз» у нас никто не употреблял, для нас СССР был Россией.

Теперь все еще более смело начали вести себя, а если кому угрожало преследование, арест, тот убегал

в Россию. Так постепенно, незаметно началось бегство нашего населения в СССР».

Тысячи карпатороссов, перейдя Советскую границу, попадали в ГУЛаг. Единственным избавлением от концлагеря по время Великой Отечественной войны для карпаторосса было вступить в чешскую армию генерала Свободы, формировавшуюся на территории СССР и состоявшую в значительной степени из карпатороссов.

По окончании Великой Отечественной войны Подкарпатская Русь, без всякого собственного волеизъявления была расчленена между Чехословакией и СССР (ныне Пряшевская Русь находится на территории Словакии).

В СССР карпатороссы были насильственно украинизированы, в паспортах в обязательном порядке ставилось «украинец». Теперь уже большевиками был создан концентрационный лагерь в Сваляве, где заключенные должны были проходить украинизаторские «курсы повышения квалификации». Было украинизировано около 500 русинских школ, в ГУЛаг отправлено 187 тыс. русинов. Готовилась полная депортация этого абсолютно прорусски настроенного народа, который, в отличие от галичан, практически не дал пронацистских формирований, но, наоборот, молодежь которого тысячами бежала в СССР, чтобы бить Гитлера... В связи с этим один из карпаторосских эмигрантов, иронизируя, заметил: «Папский Рим построил фундамент для украинского сепаратизма, а товарищ Сталин закончил дело Рима... Советское правительство создало украинскую державу при помощи лиц, поддавшихся галицкой папской украинской пропаганде, или авантюристов, стремившихся сделать карьеру на украинской авантюре, или в особенности таких, которые опасались восстановления какого-либо небольшевицкого порядка и по этой причине ненавидели Россию.

Окончательная заслуга создания Советской Незалежной Украины принадлежит тов. Сталину, во времена «царствования» которого была окончательно сформирована Советская Украина.

Итак, хай живе товарищ Сталин и хай живе святейший Лев XIII. Их портреты заслужили себе место в самом центре будущего украинского пантеона»*.

Всем известен подарок Хрущева Советской Украине – Крым, но почему-то забыли о другом подарке той же советской Украине, сделанном Сталиным, – о Закарпатье.

Подкарпатская Русь юридически и фактически вышла из состава Чехословакии в ноябре 1944 г. как суверенное государство. Первый съезд народных комитетов суверенной республики Закарпатская Украина избрал высший законодательно-исполнительный орган государства – Народную Раду республики Закарпатская Украина, которая и была обязана осуществить решения съезда о воссоединении с советской Украиной. Народная Рада конституировала государственность, создавая необходимые институты: например, ее постановлением от 18.11.44 г. был создан Суд Закарпатской Украины, декретом № 27 от 12.01.45 г. утверждена присяга госслужащего Закарпатской Украины и т. д.

Однако 25 июня 1945 г. СССР и Чехословакия подписали Договор «О Закарпатской Украине» (без какого-либо участия присоединяемого государства), согласно которому Закарпатская Украина присоединялась к СССР. Не успели стороны обменяться грамотами, как 22 января 1946 г. Президиум Верховного Совета Украины принял постановление «Об образовании Закарпатской области в составе УССР». Таким образом, суверенная русинская республика с президентом и органом законодательной власти – Народной Радой – без всякого волеизъявления народа была ликвидирована

* «Свободное слово Карпатской Руси». № 6. 1986 г.

и присоединена к советской Украине как обыкновенная область.

Выдающийся карпаторусский историк современности Валерий Разгулов так описывает сталинскую украинизацию карпатороссов:

«Для обывателя получается настоящая фантастика: Россия разгромлена, русская эмиграция рассеяна по всему миру. И вдруг в Карпатских горах – 20 русских православных монастырей, многочисленные русские партии, которые имеют массовую поддержку, десятки русских газет и журналов, русские писатели и интеллигенция, сотни тысяч людей, переходящих в Православие.

– Действительно, это чудо, которое, тем не менее, демонстрирует исконно русский характер Подкарпатской Руси. Великая княжна Мария Павловна в 1937 году посетила наш край. Под впечатлением от увиденного и услышанного она писала: «В среде карпатороссов я чувствовала себя – точно в России. Тот же обряд и та же сердечность приема. Кругом те же сочувственные русские лица... Живут просто, бедно, но не в утешение». Ей вторит известный русский эмигрантский писатель Иван Лукаш: «Синие Карпаты. Они клубятся высоко, как тяжелые тучи в грозовой синеве. Гоголя никогда не оставляло видение Карпат. Он был точно потрясен своим видением и нас потрясал с детства... Малый народ живет до Карпатских гор и на вершинах-полонинах, как в синеве облаков. Малое племя Руси князя Владимира и князя Ярослава... И все снится, снится веками народу в синих Карпатах сон о золотой Руси».

И, наконец, тоже прекрасно написал о нашем крае в 1937 году другой русский писатель, Анатолий Ладинский: «Есть в названии города Ужгорода что-то древнее, что-то еще от бревенчатых городов, от прославленных городищ, от благородных и печальных

интонаций «Слова о полку Игореве». И такая же река, через которую волны переходят вброд, течет по камешкам, мелководная и журчащая, стекающая с кудрявых Карпатских гор. Река, которую нельзя себе представить без зелено-красно-синей вышивки на девичьей славянской рубахе, без лесной тишины, без кукушки... О Русская Земля!»

Русское национальное и духовное возрождение на Карпатах в 1920-30-е годы является также демонстрацией того, на что способны русские, если они объединятся вокруг Православной Церкви. Ведь отец Алексей Кабалюк был не только строгим аскетом, молитвенником и миссионером, он был и великим политическим лидером карпатороссов. Именно Кабалюк стоял за такими организациями, как «Партия православных автохтонов Подкарпатской Руси», «Русская народная партия воссоединения», «Православный Русский блок», боровшийся с оккупационным режимом Волошина. Кабалюк создал также знаменитые Православные комитеты, которые в 30-е и 40-е годы боролись как за чистоту веры, так и за вхождение Подкарпатской Руси в состав РСФСР, резко протестовал против ее включения в состав УССР. Вспомним нашумевший визит делегации карпатороссов, которую возглавили архим. Алексей Кабалюк и профессор Петр Линтур в ноябре 1944 года. Последние резко высказались против присоединения Подкарпатской Руси к Украине. 17 ноября 1944 г. собрание народных комитетов Подкарпатской Руси обратилось с просьбой о вхождении этого края в состав РСФСР на правах автономии, а на следующий день православный съезд просил принять в СССР Карпато-Русскую ССР. Ныне эти факты, как и вообще вся история Подкарпатской Руси, замалчиваются или фальсифицируются.

Замалчивается и заявление Кабалюка и Линтура, сделанное на приеме у Патриарха Алексия: «Мы решительно против присоединения нашей территории

к Украинской ССР. Мы не хотим быть ни чехами, ни украинцами, мы хотим быть русскими и свою землю желаем видеть автономной, но в пределах Советской России». К великому сожалению, тогда «вождь всех народов» проигнорировал волеизъявление карпатороссов.

10 января 1947 года Алексей Геровский из Нью-Йорка посылает Сталину письмо. В нем он просил: «Не дайте в обиду самой западной окраины Земли Русской. Защитите ее. Не допустите, чтобы наше маленькое русское племя, удерживающееся в течение тысячи лет на юго-западных склонах Карпат, было стерто с лица земли в момент величайших побед русского оружия. Спасите русский край, который русские ученые (профессор Ключевский) считают колыбелью русского народа. Русская история Вам этого никогда не забудет».

Олег Александрович Грабарь, еще один карпаторосс, редактор сборника «Путями истории», по этому поводу уже в более позднее время писал: «Каким-то непостижимо нелепым кажется исторический акт уничтожения исконно русского облика населения Закарпатской Руси, насильственно обращенного в украинцев... Пусть Леонид Ильич Брежнев не будет в обиде на автора, что он напомним ему: произошло это в присутствии Мехлиса, Тюльпанова, Вайса, Иткина, Девидовича и других представителей советской власти, достаточно образованных, чтобы понять, чего они лишают край, лишая его многовековой традиции и выступая на ролях глушителей русскости...»

– По разным оценкам, в Подкарпатской Руси после революции нашли приют и душевный покой от 10 до 15 тысяч русских эмигрантов. Каково было их влияние на процессы, которые происходили в крае?

– Отмечу, что русская эмиграция, безусловно, внесла большой вклад в развитие Подкарпатской Руси, рост ее духовного богатства. Но главные силы русского возрождения на Карпатах находились изнутри – от ко-

ренного народа, который столетиями жил на этой благодатной земле.

– Так подкарпатские русины и карпатороссы – это одни и те же люди? Карпатороссы – это русские?

– Давайте разберемся, наконец, в понятиях «карпаторосс», «русин», «русский».

Первые попытки противопоставить идентичные понятия «русский», «россиянин» и «русин» были предприняты галицкими сепаратистами еще в XIX веке, однако еще тогда Добрянский посвятил этому вопросу целый труд. Он убедительно доказал, что «русский» – это славянизм, «россиянин» – это произношение слова «русский» по-гречески, «рутен» – по-латински, «русин» – это всего лишь имя существительное, а «русский» – это имя прилагательное от него. «Ты кто? Русин». «Ты чей? Русский». И в Архангельской области, как и в Карпатах, жители называют себя русинами. Все манипуляции на эту тему не более чем, как говорят простые люди, попытка навести тень на плетень!

Очевидно, что противники православного русского возрождения, будучи неглупыми людьми, прекрасно понимают, что русины никогда не примут галицко-бандеро-мазепинскую идеологию. Поэтому они выдумали так называемое «туташенство». В 30-е годы его поддерживало не более 2% населения нашего края, зато пытались яро внедрить в массы профессора Будапештского университета Годинка, Бонкало и Стрипский. В 1940 году на деньги венгерского правительства упомянутые господа создают в Подкарпатской Руси «Общество наук», которое, имея ряд изданий, пытались привить карпатороссам теорию (не выдерживающую никакой серьезной критики!) о том, что русины не имеют никакого отношения к русским. Уже в наше время эту идею продолжил профессор Торонтского университета (Канада) Пол Магочи. Но эта концепция является предательством святого дела карпаторусских просветителей, великого Кабалука и всех тех фунда-

ментальных ценностей, на которых стояла и стоит Подкарпатская Русь. Уместно здесь напомнить высказывание Раковского: «У нас нет и не было мысли об образовании какого-либо литературного языка». А лучше всех сказал Кабалюк со своими единомышленниками в знаменитом обращении к Сталину: «Наша русскость не моложе Карпат... Сам народ именует себя «карпаторусс», «русин», т.е. «Руси-сын», вера «русска», жена «русска», мама «русска» и т.д.»

После распада СССР в «независимой Украине» судьба древнего православного карпаторусского народа, более, тысячи лет имевшего свою культуру и государственность, сложилась трагически. Русинство жестко подавляется, карпаторусский народ лишен всех национальных прав. Даже права на свое национальное имя.

В Подкарпатской Руси 1 декабря 1991 г. был проведен референдум, на котором 78% населения высказалось за автономию в рамках Украины. Естественно, Украина проигнорировала результаты этого референдума.

В 1992 году Закарпатский областной совет вынес решение о признании русинской национальности и обратился в Верховную Раду Украины с просьбой решить этот вопрос на государственном уровне. Но ВР, вопреки собственным законам и международному праву, до сих пор не восстановила русинскую национальность, имя которой было ликвидировано украинскими коммунистами. Какой показательный пример советской национальной политики: на территории Великороссии была создана масса «автономных республик» и «автономных районов», а Украине передавались великорусские и карпаторусские земли без всяких прав не только на административную, но даже на национально-культурную автономию.

Исходя из вышесказанного, констатируем – подмена православного русского возрождения неомалевизмом спасет ложь украинства.

Аналогичная ситуация в Белоруссии. Только там не было своей Галиции, то есть территориально-религиозного плацдарма для «самостийничества», и поэтому всю работу по созданию отдельных от русских белорусских идентичности и языка взяли на себя большевики, причем и ленинские, и сталинские. Насаждали они их максимально жестко вместе с тотальным уничтожением Русской Православной Церкви: в одной только Витебской области не осталось ни одного православного прихода!

Мифология была придумана пожестче «мазепинской», вроде «Николай I запрещал слово «белорусский», а «Франциск Скорина писал на старобелорусском языке». В действительности при Николае I наконец-то стали освобождать русский народ Белой Руси от духовного и культурного закабаления польским католическим «панством» (см. выше), а Франциск Скорина писал на русском языке, мало чем отличающемся от языка Ивана Федорова.

«Историософские ереси “украинства” и “литвинства” существуют только благодаря молчанию и бездействию православной русской мысли и дела, продолжающегося компрадорского мышления, наследия либерального западничества и богоборческого большевизма. И поныне актуально писал в XIX веке прозорливый святитель Феофан Затворник: «Нас увлекает просвещенная Европа... Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли они и переходят и к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся, как помешанные, сами себя не помня. Но припомним двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? [...] Западом и наказывал, и накажет нас Господь, а нам и в толк не берется... Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо... Зло растет: зловерие и неверие поднимают голову, вера и Православие слабеют...»

Все процитированные здесь источники, как и сотни других опровержений «ереси украинства», есть в моей личной библиотеке, но никто не пытается переиздать их массовым тиражом, что открыло бы глаза миллионам «зомбированных» украинством русских людей. Считаю важным обратить пристальное внимание читателя на тот факт, что в информационной борьбе, «битве за историю» с антироссийским киевским режимом Россией не использован системный аргумент – переиздание и массовая популяризация фундаментальных исторических, филологических, богословских трудов как великорусских, так и, в первую очередь малороссийских и карпаторусских историков, филологов, богословов, убедительно, на основе источников и документов, доказывающих тот исторический факт, что проект отдельных от русской украинской и белорусской наций является грандиозной исторической фальсификацией, призванной демонтировать Российское государство и само русское национальное самосознание. Публикация самих их работ, источников, их популяризация путем написания статей, книг, снятия телепрограмм, документальных и художественных фильмов, создания системы эффективной пропаганды на основе этих трудов способны открыть глаза миллионам граждан Украины, обманутых, «зомбированных» нынешним киевским режимом. Открытие глаз на правду о своем историческом прошлом, при компетентной пропаганде, способно произвести «эффект разорвавшейся бомбы» и вызвать «священный гнев» против фальсификаторов и обманщиков – киевской хунты и всех идеологов «украинства». Именно люди, «которым открыли глаза», которые благодаря этому вновь обрели правду и свое исконное русское самосознание, станут наиболее пассионарными сторонниками России и русского мира.

В списке есть повторы, этот список далеко не полон, в него не вошли работы киевских профессоров

Д. Стороженко, И. Линниченко и многих других. Но те произведения, которые вошли, обладают грандиозной разоблачительной силой против самого проекта Украины и Белоруссии как «Антироссии», а этот проект является угрозой номер один для России.

Ряд работ посвящен теме геноцида галицких русских в начале XX в., идеологами которого было «австро-мазепинское» меньшинство, поддержанное Германией и Австро-Венгрией в ходе подготовки Первой мировой войны с Россией. Первые концлагеря в XX в., Терезин и Талергоф, где было уничтожено все карпаторусское образованное сообщество. Тема этого геноцида должна быть доведена до юридического завершения – признания его преступлением против человечества, подобно геноциду армян, происходившему в это же время. Необходимо использовать уроки Армении и Израиля, сделавших тему геноцида своих народов (а геноцид русских Карпатской Руси был именно по национальному признаку) важнейшим политическим, идеологическим и юридическим оружием.

Еще одной темой, не описанной в списке, но легко раскрываемой у ряда авторов русской эмиграции, является тема использования украинских самостийников во главе с М. Грушевским Германией в ходе Первой мировой войны через М. Парвуса, который финансировал деятельность Ленина, Троцкого и М. Грушевского, ВКП(б) и «Спилку визволення України», Центральной Рады Грушевского. Эта деятельность описана в книге Д. Одица «Неизвращенная история Украины-Руси» и одного из белоэмигрантских авторов «Золотой немецкий ключ большевиков».

Номера в списке повторяются, и труды иногда тоже. Но это уже редакторская работа. По ряду трудов и авторов дана краткая аннотация, к ряду отсутствуют выходные данные, но они легко восполняются через интернет. Ряд редких библиографических трудов, таких как третий том «Карпаторусских писателей» великого

русского карпатоведа Ф.Ф. Аристова и подшивка газеты по борьбе с украинской идеологией «Свободное слово Карпатской Руси» 1960-80-х, а также уникальный сборник с этой же идеологией «Путиами истории»*, имеются у авторов записками.

1. Украинство, украинский сепаратизм, по выражению известного карпаторусского священника Петра Коханина является «великой ложью XX столетия» (The biggest lie of the century) – «The ukraine and Ruthenia» by Peter G. Kohanik, Russian Orthodox Uergy Ass.or North America, Neu-York, 1952) .

2. Книга блестящего историка Галицкой Руси Василия Ваврика «Терезин и Талергоф» (Львов. 1928 г.). Творческую деятельность автор начал в качестве узника именно концлагеря Талергоф, подпольно выпуская лагерные журналы и листовки с описанием австрийских зверств. После крушения Австрии Ваврик проживал во Львове, принимая активное участие в издании «Талергофских альманахов» – подробных сборников, посвященных русскому геноциду, учиненному австро-венгерской властью. Он также написал немало исследований и монографий о галицко-русском возрождении, его героях и вождях: И. Наумовиче, О. Мончаловском, Д. Маркове и многих других.

3. Талергофский альманах, Львов, 1924 г.).

4. Квинтэссенцией этих исследований является его уникальная по полноте книга «Краткий очерк истории галицко-русской письменности» (Лувен, 1968).

5. Альманах Карпаторусского литературного общества (Путиами Истории, т. 1 и 2), нью-Йорк, 1974 г.

Дмитрий Андреевич Марков (1864-1938) – знаменитый публицист, автор работ «Австрия и Россия» (1910), «Россия и украинская идея в Австрии» (1910).

Иероним Луцык (1861-1935) – поэт, драматург, историк. Наиболее известна «История Руси в песнях».

* Издание Карпаторусского Литературного Общества, Нью-Йорк, 1977 год.

Дмитрий Николаевич Вергун (1871-1951). Писатель, поэт, наиболее известные труды «Немецкий Drang nach Osten» – переведен на многие языки, «8 лекций о Подкарпатской Руси».

Юлиан Андреевич Яворский (1873-1937) – поэт, критик, этнограф, ученый и общественный деятель. Во время Первой мировой войны – один из организаторов «Карпато-русского комитета» в Киеве. Наиболее известные работы: «Пушкин и Карпатская Русь» (1899), «Гоголь в Червонной Руси» (1904), «Галицкая Голгофа» (1924), «Значение и место Закарпатья в общей смете русской письменности» (Прага, 1930).

Семен Юрьевич Бендасюк (1877-1965). Узник австрийских лагерей. Поэт, историк, журналист. Наиболее изв. работы: «Первые памятники русской переписки Д.И.Зубрицкого» (1932) и «Общерусский первопечатник Иван Федоров» (1935). Автор воспоминаний: «Памяти о.Максима Сандовича» (1935), «Единство Руси» (1936). Известен как человек высокой духовной жизни, верное чадо Св.Православной Церкви.

Ф.Ф.Аристов. «Карпато-русские писатели», Москва, 1916 г.

«Об основных воззрениях А.И. Добрянского», СПб-1901.

А. Добрянский «Наименование автро-угорских русских» (1885 г.).

А. Добрянский «Проект политической программы для Руси Австрийской» (1871).

Екатерина де-Витте «Путевые впечатления. Буковина и Галичина». Киев, 1904 г.

Анатолий Степанович Петрушевич (1821-1913) крупнейший галицко-русский историк, этнограф, филолог, член русского Археологического общества в Москве, доктор Киевского университета Св.Владимира, член многих научных обществ в России. Автор фундаментальных, требующих скорейшего переиздания трудов: «Русь и Польша» (1849), «Львовская ле-

топись» (1867), «Акты Ставропигийского братства» (1879) и шеститомника «Сводная галицко-русская летопись» (1874-1897).

Яков Федорович Головацкий (1814-1888) стал одним из первых энциклопедистов-просветителей Галицкой Руси, он проявил сильный характер и выдержку в борьбе с латино-польским насилием в крае. Никакие преследования, даже лишение кафедры во Львовском университете не заставили его согнуться перед деспотом Галичины – наместником-поляком графом Анджеем Голуховским. Головацкого изгоняют из Галиции, он переселяется в Россию и, будучи униатским священником принимает Православие и присоединяется к Святой Церкви. Перечислим крупнейшие произведения Головацкого: «Три вступительные преподавания о русской словесности» (1849 г.), «Начало и действие Львовского ставропигийского братства» (1860), «Памятники дипломатического и судебно-делового языка русского в Галицко-Волынском княжестве» (1868), «К истории галицко-русской письменности» (1883), «О памятниках русской старины в Галичине и Буковине» (1871), «Этнографическая карта русского народонаселения в Галичине, Угрии и Буковине» (1876), «Народные песни Галицкой и Угорской Руси» (1878) и мн. другие.

Денис Иванович Зубрицкий (1777-1862), потомок галицко-русского дворянства. Был первым сознательным этнографом и историком Галицкой Руси. Его исторические труды имеют непреходящую ценность, ибо содержащиеся в них акты и документы раскрывают русскую и православную историю Галичины, служат убедительным аргументом против униатско-самостийной мифологии:

1. Повесть временных лет Червонной Руси, 1850.
2. Летопись Львовского Ставропигийного братства. Москва, 1850.

3. Начало унии. Москва, 1850.

4. История галицко-русского княжества, сродо-
словной картиной русских князей, галицких в особен-
ности. Львов, 1852-1855.

5. Галицкая Русь в 17 столетии. Москва, 1862 г.

Ф. Свистун, «Галицкая Русь под владычеством Ав-
стрии,

Петр Гардый – создатель уникального сборника
документов по австрийскому геноциду «Галицкая Гол-
гофа. Военные преступления Габсбургской монархии»,
«Военные преступления Габсбургской Монархии».

Н.Воейков, Церковь. Русь и Рим. Джорданвилль,
1983.

Архиепископ Серафим (Соболев), «Русская идеоло-
гия».

М. Максимович, «Об употреблении названий «Рос-
сия» и «Малороссия» в Западной Руси» (Киев, 1862).

И.И.Лаппо, «Идея единства России в Юго-Западной
Руси» (Прага, 1929).

П. Кулиш, «Воссоединение Руси».

М.О.Коялович, «Лекции по истории Западной Рос-
сии».

Прот. Иоанн Чернавин, «Истоки духовной деграда-
ции Тараса Шевченко» (СПб, 1908 г.).

Газета карпаторусских эмигрантов в США «Свобод-
ное слово Карпатской Руси», 1960-2000 гг.

С.Раневский. «Украинская автокефальная Цер-
ковь». Джорданвилль, 1948 г.

Здесь есть повторы. Но лучше еще раз перечислить
максимум:

1. Ф.Ф. Аристов «Карпаторусские писатели», Мо-
сква, 1916.

2. Ф.Ф. Аристов. «Литературное развитие Подкар-
патской Руси». М., 1993.

3 Ф.Свистун. «Галицкая Русь под владычеством Австрии». Нью-Йорк.

4. В.Р.Ваврик. «Краткий очерк истории галицко-русской письменности», Лувен, 1968 г.

5. С.Гардый. «Галицкая Голгофа. Военные преступления Габсбургской монархии». Нью-Йорк, 1968.

6. Н.С.Свенцицкий. «Материалы по истории возрождения Карпатской Руси (отношения Карпатской Руси с Россией в первой половине XIX века)». Львов, Печатня Ставропигийского института. 1905.

7. Евгений Недзельский. «Очерк карпаторусской литературы». Ужгород, 1932.

8. «Путевые впечатления. Буковина и Галичина». Киев, 1904 г.

9. Василий Кельсиев. «Галичина и Молдавия. Путевые письма». С.-Петербург, 1868

10. Екатерина де-Витте. «Русско-польский вопрос в Галичине. 1804-1909». Почаев, 1909 г.

11. Екатерина де-Витте. «Происхождение и развитие украинофильства». Шамордино, 1915 г.

12. "The biggest lie of the century – the Ukraine and Ruthenia" by Peter G.Kohanik.

13. «Галицкая Русь в европейской политике». Львов. 1886 г.

14. «Скит Манявский в борьбе за веру и народность». Львов, 1926.

15. Б.А. Дедицкий. «М. Качковский и современная галицко-русская литература». Львов, 1876.

16. О.А. Мончаловский. «Литературное и политическое украинофильство». Львов, Типография Ставропигийского института, 1898.

17. Иеромонах Тарасий (Курганский). «Великороссийское и малороссийское богословие». Киев, 1913 г.

18. Проф. Зызыкин. «Патриарх Никон и его государственные и церковно-канонические идеи». Варшава, 1928.

19. И.И. Лаппо. «Идея единства русского народа в Юго-Западной Руси в эпоху присоединения Малороссии к Московскому государству». Прага, 1929.

20. Проф.Одинец. «Возникновение русской государственности и идея русского единства». Париж, 1939.

21. «Акты Южной и Западной России». Киев. 1879.

22. Проф. В. Завитневич «“Палинодия” Захария Копыстенского и литературная полемика южнороссов с латино-униатами». С.-Петербург.

23. М.О. Коялович. «Западно-русские братства».

24. М.О. Коялович. «Лекции по истории Западной России».

25. Г. Карпов. «В защиту Богдана Хмельницкого». Москва, 1890.

26. Г. Карпов. «Критический опыт разработки главных русских источников до истории Малороссии относящихся». Москва, 1870.

27. «Южная Русь. Очерки, исследования и заметки». С.-Петербург, 1905.

Н. Ульянов. «Происхождение украинского сепаратизма» (журнал русской эмиграции «Возрождение», Париж, 1932 год).

В. Шульгин. «Украинствующие и мы». Белград, 1932 год.

Современные авторы.

Протоиерей Николай Доненко, Крым. «Наследники Царства», Симферополь, 2004 г. Книга о новомучениках (с их цитатами) Русской Церкви XX века, пострадавших на Украине. Все они были сторонниками русского самосознания, обличали украинство как таковое. Свидетельство святых Русской Церкви – важный аргумент в битве за умы.

Приведу и свою книгу «Сакральные смыслы Новороссии» (СПБ, «Алетья, 2015 г.). В книге прописаны

преступления украинизаторов от XIX века до XXI века, включая нынешний киевский режим, дается обзор, со ссылками на источники и факты, идеологии «украинства» как отречения от собственного, русского самосознания и православной идентичности, приводится картина уничтожения Православной Церкви прошлыми и нынешними украинизаторами.

Олесь Бузина. «Воскрешение Малоросии».

Олесь Бузина. «Вурдалак Тарас Шевченко». Популяризация этих ключевых трудов убитого киевской хунтой историка и писателя, который замахнулся именно на «пророков» украинства и именно за это убитого, позволит сказать, что, кроме террора, у строителей Украины и Белоруссии, как «Антироссии», других аргументов нет. Олесь Бузина в «Вурдалаке» развил идеи книги протоиерея Иоанна Чернавина ««Тарас Шевченко и его религиозно-политические идеалы» (СПб, 1908 г.), в которой сравниваются духовные пути А. Пушкина – от вольнодумства, масонства к Православию и патриотизму, И Т.Шевченко – наоборот. Переиздание этого труда также очень важно: бить нужно по основам, фундаменту и «святым» враждебного России проекта

В. Разгулов – выдающийся, ныне живущий в г. Берегово карпаторусский историк и писатель, автор уникальных книг по карпаторусской истории, таких, как «Яркий след братьев Геровских», «Ф. Аристов и Карпатороссия». Фигура проф. Аристова – великого русского исследователя Карпатской Руси, не только написавшего уникальный труд «Карпаторусские писатели», но и создавший в Москве Карпаторусский музей, уничтоженный большевиками, должна быть максимально востребована, труды переизданы, музей возрожден, к работе должна быть привлечена его дочь Ирина, проживающая в Москве.

Профессор П. Тулаев, автор трудов о выдающихся карпатороссах Ю. Венелине и И. Орлае. Труды надо переиздать, как и работы карпаторусских классиков.

О трудах великих «западнорусистов», отстаивавших Белую Русь как Западную Россию, мы подробно поговорим в этой книге.

Теперь о «белорусизации». Эта «младшая сестра» «украинизации» до русской катастрофы 1917 года была полностью провальной по причине успешного решения униатского вопроса митрополитом Иосифом (Семашко), отсутствия плацдарма типа Галиции и близости белорусского наречия к великорусским. Убедить белоруса в том, что его «ака-ющий» говор – не русский, намного сложнее, чем мало- или, тем более, червонноруса.

Коллаборантские, оккупационные проекты типа контролируемой Германией «Белорусской Народной Республики» имели скорее характер «вынужденной антибольшевистской независимости», поскольку пропаганда нерусскости белорусов имела ярко выраженный антинародный характер и была обречена на провал. Впрочем, «БНР» и провалилась как обреченный искусственный проект.

Самое жесткое насаждение мифа о нерусскости белорусов происходило в советский, как ленинский, так и сталинский периоды. Ленинская «коренизация» и «белорусизация» были направлены на уничтожение подлинно белорусской самобытности как самобытной, но неотделимой части русского народа, которую развивали «западнорусисты» во главе с Е.Карским, и ее насильственную замену на нерусскую «негативную идентичность». Подлинным штабом такой «белорусизации» стала Академия Наук УССР, точнее, ее гуманитарное подразделение, возглавляемое великим фальсификатором истории М.С. Грушевским, который от службы львовскому униатскому митрополиту Андрею Шептицкому перешел на службу к Ленину и Троцкому. И, вероятно, с Шептицким не порвал, ибо ничто так не сближает, как общий враг – Русская Право-

славная Церковь и триединый русский народ (может, Грушевский и был посредником между Шептицким и Троицким?). В качестве «гарного белоруса» Грушевский привлекает и спасает от репрессий проф. В.З. Завитневича, убежденного «западнорусиста», и использует его научную деятельность в привычном для себя стиле – берет факт или фигуру из общерусской истории Белой Руси и приписывает им антирусский характер. Приведем пример «советской белорусизации» на примере публикации письма «западнорусского» учителя с целью его шельмования и обоснования фабрикации антирусской «белорусской» «идентичности» по лекалам Грушевского.

Прямое соучастие только на первый взгляд «невозможной» коалиции ленинских большевиков-«белорусизаторов» и «птенцов гнезда Шептицкого» мы видим в мелкой авантюре по созданию униатского проекта «белорусской автономии», в котором приняли участие создатели германской оккупационной «БНР» и неистовый безбожник Я. Колас (известно письмо Янки Купалы в газету «Чырвоная Полаччына», где поэт призывает, чтобы «затихли звоны софийские и прочие монастырские звоны, которые звонили славу князьям, царям и острогам» («Ліст да палачан», «Чырвоная Полаччына», 1926, №54, 13 мая), и его подпись под «агиткой» о создании «Белорусской автономной церкви» совместно с Кульчицким, Бирулем, Громько и др.), возведенный в «белорусские» «национальные герои», как и Кастусь Калиновский, прямо писавший, что его восстание – антиправославное и униатское. Таким образом, дело графа М.Н. Муравьева-Виленского – это не только дело государственное, но и церковное, апостольское, «катехоническое». А «белорусизация», «автокефализация Белорусского Экзархата и УПЦ» – это не только их униатизация, но и богоборчество!

Приведем цитаты из Калиновского, свидетельствующие о том, что он поднял именно антиправославный

униатский бунт. Надо отметить, что в своих «агитках» он черное называет белым, ибо вера наших предков – Православная, которую уния подавляла путем геноцида Западной Руси. «...Такой верой для белорусского мужика является униатство. Не один уже, может, позабыл, что отец его был праведной униатской веры, и никогда уже не вспомнит о том, что обратили его в схизму, в православие, что он сегодня, как та собака, живет без веры и, как собака, сдохнет на радость чертям в пекле!!! – подчеркивал Калиновский. – Эх, ребята: беда такому человеку! А если мы будем так поступать с Богом, так что же Бог Всевышний с нами сделает? Пошлет в пекло на вечные муки, будут черти душу нашу на куски рвать, а смола в утробе кипеть будет. Узнаешь тогда, что такое лихо, но в аду поздно уже будет, не умолишь тогда уже справедливого Бога, и мукам твоим никогда конца не будет».

А далее Калиновский прямо указывал белорусским крестьянам на источник и причину будущих адских мук: «Наделал нам такой беды, ребята, царь московский. Это он, подкупив многих попов, велел в схизму записать нас, это он платил деньги, чтобы мы только переходили в православие, и, как тот антихрист, отобрал у нас нашу праведную униатскую веру и погубил нас перед Богом навеки, а сделал это для того, чтобы нас без конца грабить, а Бог справедливый не смилостивился над нами».

Но есть и выход: «Сказывают люди, что святой отец прямо из Рима прислал к нам свое благословение (но москаль его задерживает), говорят, что пришлет и ксендзов, которые будут принимать в униатскую веру. Тогда, ребята, кто только верит в Бога, Сына его и Святого Духа, пускай сразу же оставляет схизму и переходит в истинную веру дедов и прадедов. Потому что кто не перейдет в унию, тот останется схизматиком, тот, как собака, сдохнет, тот на том свете адские муки терпеть будет!».

Свою страстную проповедь в защиту униатской церкви, которая составила содержание шестого номера «Мужицкой правды» (декабрь 1862 г.), Калиновский подписал так: «Этого от души вам желает ваш брат, такой же самый от дедов-прадедов мужик, как и вы, но еще униатской веры – Ясько-гаспадар из-под Вильно».

К униатству Калиновский обращается и в следующем, седьмом и последнем, номере «Мужицкой правды», вышедшем в июне 1863 г. В нем он уверяет, будто бы уже появился «польский манифест», по которому «униатские костелы, отобранные москалями, отдаются назад униатам, и кто хочет, имеет право крестить детей по-униатски; к униатским ксендзам идти на проповедь и по-старому Богу молиться, как еще отцы наши молились»*.

Очень важен редакционный комментарий «Западной Руси» о методах фабрикации отдельной «белорусской мовы»: «Следует отметить, что белорусский язык двадцатых годов существенно отличался от варианта восьмидесятых годов прошлого века, а орфография постсоветского белорусского тоже «ушла вперед», во многом вернувшись к нормам «тарашкевицы», основанной на значительно полонизированных говорах Северо-Западной Белоруссии, которые оформились в вариант литературного языка стараниями литераторов «Нашей нивы», издававшейся в Вильно».

Теперь правдивая статья о сути «советской белорусизации», когда белорусскому народу от его имени навязывают «белорусский» язык, который он не понимает.

* Андрей Киштымов, «Униатство и белорусская национальная идея: от Кастуся Калиновского до наших дней». <http://www.istpravda.ru/bel/digest/1585/>

**«Артыкул (т.е. «статья»)
«Имеет ли белорусский народ
свой язык и свою культуру?»**

16 мая 1926 г.

В редакцию доставлен печатаемый ниже документ, исходящий из Полоцка, который мы по недостатку места помещаем с некоторыми сокращениями.

Вражда из-за языка

«Говори языком правильным».

Козьма Прутков

Язык белорусский стал злобой дня в Белоруссии... Казалось бы, что раз вводится в крае язык белорусский, то населению остается только радоваться – «благодарить и кланяться». А тут как раз наоборот: население на 75-80 % выражает свой громкий протест против своего языка, чтобы его не вводить в жизнь, в учреждения, в школы, чтобы его изъять из употребления...

И получилось у нас два враждебных лагеря; с одной стороны – правящие сферы, навязывающие язык населению, а с другой – белорусы, не принимающие в обиход свой язык...

Для того чтобы положительно выяснить, кто прав из спорящих, правящие ли сферы республики или жители Белоруссии, приведем конкретные примеры того, в каком виде проявляется белорусизация края и как к ней относится население:

1. Когда впервые здесь насильно, т. е. без всякого плебисцита, стали вводить в школы, в учреждения белорусский язык, то население отнеслось к этой реформе настолько отрицательно, что в деревнях стали раздаваться такие голоса:

– Сначала к нам пришли немцы, потом поляки, а теперь идут на нас... белорусы...

Т. е. население стало считать белорусизаторов своими... врагами.

2. Правящие сферы, проводя свои реформы в жизнь, стали доказывать, что население... любит свой язык, в большом количестве говорит на нем; на самом же деле население в общем, безусловно, давно уже утратило свой единый белорусский язык и говорит в разных местностях на одном из многочисленных белорусских наречий, причем эти наречия мало чем отличаются от чисто русского языка: на каком бы наречии белорус ни говорил – вы его поймете, и он вас поймет. От белорусского языка остался лишь известный акцент, в одних местах, наиболее близких к Польше, – польский акцент, в местах, граничащих с Украиной, – малороссийский, в районах, близких к русским губерниям, – русский.

3. Нигде вы не услышите среди простого населения тот язык, который якобы «воспроизводится» правящими сферами, которой они стараются сделать языком всех белорусов, т. е. тот язык, который дается в Минске по особой терминологии. В основу этого языка положено минско-полесское наречие, и в него введена масса польских слов (до 45-50 %). Вот почему, когда вы говорите с белорусом, вы прекрасно его понимаете и он вас понимает. А вот когда вы ему станете читать издаваемую в Минске на белорусском языке по новой терминологии газету «Савецкая Беларусь», то ваш собеседник только глаза пучит. «На каком это языке газета написана?» – недоумевает он.

Таким образом, население заставляют говорить, писать, читать, преподносят ему разные бумаги на этом языке, от которого оно отрешивается, который отошел в область преданий, на котором оно говорило, по характерному замечанию белорусов, во «времена царя Батура»? Белорусизаторы, составители белорусских грамматик, учебников, карт, словарей – за два года своей деятельности... приобрели капитал, выстроили

домики, а бедное забитое белорусское население за это время еще стало малограмотным, тупоумным... В самом деле, что может белорусский язык в школах и учреждениях? Куда деваться тому, кто окончил белорусскую школу, изучил большинство предметов (географию, арифметику, природоведение, историю) на белорусском языке? Ведь белорусский, не имеющий литературы (ибо нельзя же в самом деле считать большими литераторами таких «письменников», как Янка Купала, Якуб Колас, которых местные шовинисты ставят наряду с Пушкиным, Шекспиром), в сущности говоря, служит лишь для того, чтобы портить, извращать фонетику, стиль, грамматику чисто русского языка. Возьмем для примера некоторые выражения и отдельные слова белорусские (по новой терминологии): «Правленне рабочага каапэратыва», «пошта і тэлеграф адкрыты», «арытмэтыка – навука», «акадэмік – вучоны чалавек», «барада – бальшая», «варэньне – смашнае», «велесыпэд – дарагій», «расчет – рахунак», «взятка – хабар», «винт – шруб», «вор – злодзій», «речь – мова», «голубой – блакітны», «казна – скарб», «деревня – вёска», «жертвовать – афяраваць», «авторитет – аўторытэт», «вясна», «лета», «восень», «идеть», «вядеть», «нясеть».

Взяв для примера подобные выражения и отдельные слова, вы можете сделать такие выводы: 1) одни слова русские как бы нарочно коверкаются в угоду белорусскому («пошта», «наука», «рабочага»); 2) вместо «о» почему-то ставится «а» («барада», «дарагій»); 3) вместо «и» осьмеричного везде пишется «і» десятиричное; 4) вместо «е» ставится почему-то «я» («вясна»); 5) вместо твердого произношения «т» – «ть» («вядеть», «нясеть») и 6) наконец, целый ряд чисто русских слов заменены словами польскими («расчет – рахунак», «казна – скарб»). Прибавьте к этому изменение чисто русских имен на белорусский манер (Александр – Алесь, Михаил – Михась, Иосиф – Язэп)

и вставку новых слов – творений новой терминологии («сябра – таварыш», «гвоздь – цвік», «воздух – паве-тра») – и вы будете иметь в миниатюре белорусский «словник». А в общем вы можете сказать, что одни слова служат для извращения русского, другие – для его полонизации...

Вот уже теперь из разных округов Белоруссии подаются петиции в центр о том, чтобы Всесоюзный ЦИК затребовал сведения от Академии наук о том, насколько этот язык является жизненным и насколько необходимо эта скороспелая белорусизация края. Было бы очень отрадно, если бы высшая власть поскорей бы обратила внимание на это ненормальное явление в жизни пострадавшего народа белорусского и отменила бы особым декретом насильственное введение белорусского языка в школу и учреждения, так как нет к тому решительно никаких данных, оснований – ни исторических, ни политических, ни экономических, ни научных.

«Белорус»

(Эта правдивая статья была специально опубликована как повод к травле «западнорусизма». Образцы травли опубликованы «Западной Русью» – КФ):

ЗАПИСКА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЦБК БССР
А.Г. ЧЕРВЯКОВА В БЮРО ЦК КП(б)Б
О ПОДДЕРЖКЕ УЧИТЕЛЕЙ ПОЛОЦКОГО
ОКРУГА, КОТОРЫЕ ОТМЕЖЕВАЛИСЬ
ОТ СТАТЬИ «ВРАЖДА ИЗ-ЗА ЯЗЫКА»
24 мая 1926 г.

Предлагаю послать в Полоцкий окружной комитет партии такую директиву: «Предлагается использовать инициативу учителей по отмежеванию от «белоруса» в связи со статьей в «Звезде». Помогите собранием, собирайте резолюции, посылайте для печатания в га-

зетах. Делайте так, чтобы никто не мог обвинить, что это нами организовано и что резолюции принимаются под нажимом.

С коммунистическим приветом А. Червяков
*НАРБ. Ф. 4-п. Вон. Третья СПР.
Семнадцатый Л. 95-95adv.*

Докладная записка Заведующего Полоцкого окружного отдела народного просвещения Микулича и Председателя Союза Раб. просвещения Бобковича в Бюро Полоцкого ОКРУГКОМА КП(б) об отношении учителей к статье «Имеет ли белорусский народ свой язык и свою культуры?»

26 июня 1926 г., совершенно секретно

...Присоединяя к этому ряд резолюций, которые ярко свидетельствуют, что та группа учителей-шовинистов, которая принимала участие в разработке статьи, уже окончательно скомпрометирована и оставлять эту группу учителей при дальнейшей работе в школах Полоцка будет недопустимо...

Скомпрометированная группа учителей может быть заменена в то время, когда будут направлены другие учителя из Минска, о чем нужно поставить вопрос, чтобы заставить Наркомпроса направить более способных учителей в гор. Полоцк и частично в районы и этим уничтожить имеющееся еще влияние великодержавной интеллигенции. Приложение: 6 резолюций на статью «Вражда из-за языка».

Зав. Полоцкого Округкома Микулич
Председатель Союза просвещения Блбкович
с оригиналом согласно:
Управляющий делами Полоцкого АК КП (б)
Б. Борткевич
НАРБ. Ф. 4-п. Вон. 16 СПР. 33 Л. 65 Копия.

Примечание «Западной Руси»: В указанном документе прорвалась неприятная для белорусизаторов всех времен правда, что сельское население Белоруссии изначально не понимало «родной мовы» и просто-душно требовало ее уничтожить. В чем причина, что, казалось бы «источник» вдохновения для белорусских писателей – крестьяне, просили перевести с «родного» белорусского на русский язык? Дело в том, что на селе говорили на белорусском наречии русского языка, которое было гораздо ближе к русскому нежели к белорусскому литературному, с принятой тогда «классической» орфографией Тарашкевича, которую критиковал профессор Е. Карский из-за того, что она была составлена на основе северо-западных белорусских говоров со множеством полонизмов. Это крестьянское белорусское наречие, которое и можно называть белорусским языком, сохранилось в сельской местности до сих пор. Это наречие, хотя и сильно пострадал от стараний «аматараў роднай мовы», выжило, несмотря на жесточайшую белорусизацию села, которая там, в отличие от городов, не прекращалась ни на один год. Эти остатки натурального белорусского языка современные белорусизаторы презрительно называют «трасянкой». Любопытный читатель может удостовериться, что белорусское наречие ненамного отличается от «трасянки» и ближе к русскому, нежели к литературному «белорусскому», обратившись к сборникам белорусских песен, пословиц и к словарю белорусского наречия, составленными в конце XIX века Иваном Носовичем. Также можно привести слова Е. Карского: «Особенная близость народного белорусского языка к южновеликорусскому, вследствие чего, если опустить в напечатанном этимологически белорусском произведении дзеканье, цеканье, то получится почти общелитературное произведение, отличающееся только меньшей отделкой и, следовательно, менее достойное

внимания читателя» (Карский, 2006: 340). Т.е. известный филолог не видел серьезных препятствий к пониманию белорусами русского языка, мотивируя это похожестью того набора слов, которым пользовались белорусские крестьяне в быту, и того набора слов, который являлся русским литературным языком. После революции и до сих пор все школы в сельской местности только белорусскоязычные. И это всегда сильно тормозило приобщение к культуре сельских жителей, поскольку большинству приходилось после школы осваивать все науки заново на русском языке»*.

Итак, нет более антибелорусского явления, чем «белорусизация как дерусификация»!

Следует четко понять связку двух, а точнее, одного процесса – «белорусизации», фабрикация новой, искусственной, отдельной от русской, «негативной идентичности» (автор термина – А.В. Щипков), и атеизации, полного уничтожения Русской Православной Церкви, принятого решения о превращении БССР в «атеистическую республику». Представьте ситуацию – в БССР проводят «белорусизацию» и уничтожение Русской Церкви через автономизацию Белорусских епархий и построение «атеистической республики, а в западной Белоруссии, попавшей снова в «Речь Посполитую», Церковь уничтожают с помощью польского автокефалистского раскола и «украинизации» православного русского народа Черной и Холмской Руси. Поэтому святые новомученики и исповедники Церкви Русской, в том числе борцы с незаконной «польской автокефалией», спасли и веру Православную, и сам русский народ, ибо расчленение Русской Церкви – это смерть русского народа. Уничтожение Православия в межвоенной Польше – это такая же реальность, как «безбожные пятилетки» в СССР. Например, из 1579 приходов осталось только 169. После Великой Отечественной войны польский епископ Тимофей (Шреттер) пытался

* <https://zapadrus.su/bibli/arhbib/578--1920-.html>

восстановить единство западнорусских епархий с Русской Церковью (настолько в Холмской Руси сильно русское национальное самосознание), но польские советские власти и сторонники «Великой Украины» в советской элите не дали осуществиться законному воссоединению и в 1948 году Польская Церковь получила каноническую автокефалию.

Символом неразрывности процессов атеизации и «белорусизации» стали Постановления ЦК КП(б)Б по вопросу организации антирелигиозной работы 1937-1938 гг. и вытекающие из них жесткие карательные, пропагандистские и организационные мероприятия:

«31 мая 1937 г. состоялось Всебелорусское совещание руководителей отделов пропаганды РК, ГК и ОК КП(б)Б, на котором задача активизации антирелигиозной работы тесно увязывалась с усилением антисоветской агитации: “Маючы на ўвазе, што царкоўнікі і сектанты вядуць сваю падрыўную работу не столькі ў мэтах барацьбы за рэлігію, сколькі ў мэтах барацьбы супроць мерапрыемстваў партыі і ўраду і ў прыватнасці рыхтуюць глебу для ўплыва на адпаведныя найбольш адсталыя масы працоўных да выбараў у верхоўны савет і інш. органы савецкай улады, а па гэтаму асноўнай задачай партыйных арганізацый у правядзенні антырэлігійнай работы павінна быць найшы-рэйшае разгортванне агульнапалітычнай арганізацыі па пытанням міжнароднага і ўнутранага становішча СССР, папулярызацыі рашэнняў і пастановаў партыі і Ураду на кожным прадпрыемстве, у калгасе, саўгасе і сярод аднаасобнікаў. А сярод найбольш фанатычна-настроенных асобных груп працоўных асабліваю ўвагу звярнуць на правядзенне глыбокай антырэлігійнай прапаганды, усебакова разаблачаючы кіраўнікоў цар-коўных абшчын і сект” [7, л. 76]... Подобную сложную задачу, требующую значительных сил и средств, совещание ставило параллельно, констатируя, что большинство районов постановление бюро

от 3 апреля 1937 г. не выполнило в установленные сроки и в минимальном объеме. За летний период ситуация изменилась очень незначительно. В констатирующей части постановления бюро ЦК КП(б)Б “О состоянии антирелигиозной пропаганды в Беларуси” от 7 октября 1937 г. отмечалось, что партийные структуры на местах все еще не проводят работы по изучению “подрывной деятельности церковников и сектантов” и не способны выявлять вредителей, саботирующих антирелигиозную борьбу. Постановлением был намечен целый ряд мероприятий по данному вопросу. Снова указывалось на необходимость реанимирования структуры СВБ. Создавалось республиканское оргбюро СВБ, на которое возлагалась обязанность в двухмесячный срок провести перерегистрацию имеющихся членов союза и развернуть работу по вовлечению в организацию новых членов. Для этого необходимо было воссоздать ячейки на местах. Предполагалось создание оргбюро СВБ во всех городах и районах, которые должны были подготовить и провести окружные, районные и городские конференции безбожников. Также предполагалось

“...2. Абавязаць акруговыя, гарадскія і раенныя камітэты партыі стварыць там, дзе няма саветаў бязбожнікаў, оргбюро для аднаўлення арганізацый СВБ, вылучыўшы у склад оргбюро найбольш падрыхтаваных кіруючых работнікаў з партактыва і актыва бязбожнікаў... 4. Прапанаваць усім ГК, АК і РК КП(б) Б спецыяльна заслухаць на Пленумах партыйных камітэтаў пытанне аб становішчы антырэлігійнай прапаганды і прыняць меры к рашучаму паляпшэнню справы антырэлігійнай прапаганды. 5. Лічыць найважнейшай задачай усіх партарганізацый – аб’яднаць і сабраць расцэраныя кадры антырэлігійнікаў, выявіць новыя кадры бязбожнікаў з настаўнікаў, аграномаў і сельскай інтэлігенцыі” [8, л. 101]»*.

* <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/1611-postanovleniya-tsk-kp-b-b-po-voprosu-organizatsii-antireligioznoj-raboty-1937-1938-gg.html>

Мнимый триумф «украинства» и «литвинства» – это миф, 25 лет – ничтожный исторический срок, ГДР и ФРГ десятки лет были враждебными друг другу государствами, но ведь воссоединились. Единство Русской Православной Церкви создает предпосылки для грядущего воссоединения Великой, Малой и Белой Руси, только для этого нужно потрудиться в борьбе за умы и сердца обманутых историософской «ересью украинства» миллионов русских людей и не уклоняться от Православного русского пути ни в какие заблуждения. Поэтому мы написали обращение к духовному лидеру русского народа, смело свидетельствующего о «русском триединстве», Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу, прошение о прославлении западнорусских святых:

«Патриарху Московскому и всея Руси поступило прошение (входящий номер 1370 от 5 апреля 2017), текст которого полностью приводится ниже:

«Его Святейшеству Святейшему
Патриарху Московскому и всея Руси!

Ваше Святейшество!

Ассоциация православных экспертов обращается к Вам к просьбой рассмотреть вопрос об общецерковной канонизации исповедников, защитников Православия, борцов с униатством, расколом, нацизмом и фальсификациями исторической правды, великих просветителей, подвизавшихся на Малой, Червонной и Подкарпатской Руси. Изучение жизнеописаний и творений этих выдающихся людей Церкви, архипастырей, пастырей и мирян XVII-XX вв., убедительно показывает, что они защищали и Православную веру, и свое общерусское самосознание, считали, великороссов, малороссов и белорусов одним, русским народом и жизнь свою положили за веру Православную и его воссоединение.

Прилагаем список подвижников, достойных, на наш взгляд, рассмотрения вопроса об их общецерковном прославлении.

1. Митрополит Киевский и Малой России Иов (Борецкий) – первый Киевский и Малой России православный митрополит после Брестской унии. Тайно рукоположен Иерусалимским Патриархом Феофаном по благословению Московского Патриарха Филарета (Романова) в Киеве в 1620 году, боролся с проектом униатского «Киевского Патриархата», 14 раз просил московского царя взять Малороссию. Достоин канонизации и преемник митр. Иова митрополит Исайя (Копинский).

2. Гетман Петр Сагайдачный – покаявшийся в русофобии, ходивший жечь Москву, «АТОшник XVII века», которому в 1618 году явилась Божья Матерь и устыдила за борьбу с единоверными и единокровными братьями, в 1620 году он организует хиротонию митр. Иова и вместе с ним многократно просил московского царя взять Малороссию. Считаю, что история с деятельным покаянием мирянина Петра Сагайдачного ввиду актуальности особенно достойна экранизации.

3. Архимандрит Киево-Печерской лавры Никифор (Тур), духовник князя Константина Острожского, идеолог противостояния Брестской унии 1596 г. Не пустил в лавру униатов, выставил пушки. Считаю, что этот эпизод достоин экранизации.

4. Митрополит Коринфский Иоасаф, местоблюститель Иерусалимского Патриаршего престола, духовник Богдана Хмельницкого, убедивший его воссоединиться с Россией. Он же убеждал царя Алексея Михайловича взять Малороссию, предсказал ему рождение наследника, если он сделает это. Был взят в плен ляхами в битве под Берестечком и казнен по приказу польского короля, а его жезл и панагию польский король передал униатам.

5. Архимандрит Мелхиседек Значко-Яворский, игумен Матренинского монастыря, идеолог антипольско-

го восстания гайдамаков за воссоединение с Россией, «за матушку Екатерину». Это история особенно достойна экранизации.

6. Архиепископ Черниговский Лазарь Баранович, выдающийся богослов, ученик Патриарха Никона, идеолог перехода Киевской митрополии в Московский Патриархат.

7. Архиепископ Винницкий и Брацлавский Симон (Ивановский), идеолог борьбы с расколом «УАПЦ» и возвращения незаконной тогда автокефальной Польской Православной Церкви в Русскую Православную Церковь. В августе 1941 года провел в оккупированной нацистами Почаевской лавре Собор, на котором волынские архиереи приняли решение о переходе в Московский Патриархат, УАПЦ угрожали ему за это.

В 1943 году вместе с также достойным канонизации митрополитом Вениамином (Новицким) заставил митр. Алексия (Громадского) отозвать свою подпись под подготовленным нацистами документом об объединении УПЦ МП и УАПЦ. За отзыв нацисты и мельниковцы убили митр. Алексия. Все трое достойны скорейшей канонизации. Никакими пособниками нацистов они не были, молебны за Гитлера они не служили. Просто бандеровские противники их канонизации используют против них «антибандеровский» аргумент в демагогических целях. Между тем, эти святители не допустили реализации униатского антиправославного, поддерживаемого Гитлером и нацистами проекта автокефалии УПЦ МП, и это главное.

8. Архимандрит Киево-Печерской лавры Захария (Копыстенский), ученый, богослов, автор манифеста русского воссоединения – «Палинодии» 1623 г. Считаю, что «Палинодию» нужно срочно переиздать тиражом школьных учебников! Еще об о. Захарии: «Вот первая книга, напечатанная в Киеве, в типографии Печерской лавры – «Часослов», 1617 года. В предисловии к ней иеродиакона Захарии Копыстенского сказано:

„Се, правоверный христианине и всяк благоверный читателю, от нарочитых мест в России Кийовских, сиречь Лавры Печерския»...*

9. Иеромонах Памва (Берында) Киево-Печерской лавры. «В Киеве в 1627 г. протосингел от Иерусалимского патриаршего престола, а архитипограф Российской церкви», ученый монах, подлинный энциклопедист того времени. Памва Берында издает толковый словарь «Лексикон словенороссийский, или Словъ объяснение». В нем «русская» речь (в послесловии к «Киевской Постной Триоди» 1627 г. Берында называет «просту мову» «российской беседой общей»), противопоставляется народным диалектам – «волынкой» и «литовской» мове**.

10. Архимандрит Иннокентий (Гизель), автор учебников по высшей математике и русской истории. Следует отметить, что идеология национально-политического единства Южной и Северной России была выработана в большей степени именно в Киеве. Венцом ее стал знаменитый Киевский «Синописис», написанный Киево-Печерским архимандритом Иннокентием Гизелем (во второй половине XVII в.). Эта книга переиздавалась около 30 раз и стала первым учебным пособием по русской истории. Согласно «Синописису», «русский», «российский», «славянороссийский» народ – един. Он происходит от Иафетова сына Мосоха (имя последнего сохраняется в имени Москвы), и он «племени его» весь целиком. «Преславный верховный и всего народа российского главный град Киев» возник «по благословению и пророчеству изрядного заступника Российского, святого Андрея Первозванного». О Владимире Святом сказано так: «Это великий самодержец Российский... и Киевский и всея Российския земли народ святым крещением просвятил». Имен-

* <http://bratya-slaviane.narod.ru/2000/i2-00-3-r.html>

** <http://bratya-slaviane.narod.ru/2000/i2-00-3-r.html>

но «Синописис» утверждает главенство Суздальско-Владимирских князей после разорения Киева татарами. Куликовской битве отдано более четверти общего числа страниц «Синописиса». Для автора борьба Дмитрия Донского с Мамаем – общерусское дело, а не местное (Северо-Восточной Руси), после которого Москва законно становится российским центром. А что касается Киева, то «богоспасаемый... и первоначальный всея России царственный град Киев... аки на первое бытие возвращается, от древнего достояния царского паки в достояние царское приде – великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержце... искони вечную скипетроносных его прародителей его отчину, царственный той град Киев... яко природное царское его присвоение возврати...»*

Считаю, что «Синописис», как и «Палинодию», необходимо переиздать в епархиях Великой, Малой и Белой Руси тиражом школьных учебников!

11. Киево-Печерской лавры архимандрит Иоаникий (Голятовский), наместник черниговского Елецкого монастыря, создатель первого русского учебника по гомилетике-риторике, знаменитый миссионер-просветитель, ученик Патриарха Никона, доверенное лицо русского царя Алексея Михайловича по защите прав православных в Речи Посполитой. Можно сказать, что архимандрит Иоаникий – «Небесный покровитель» православных дипломатов, православных правозащитного, аналитического и экспертного служения.

12. Создатель русской Острожской Библии, совместный с о. Иоанном Федоровым сопечатник Острожской Библии, ректор и создатель первого русского православного вуза – Острожской академии – Герасим Смотрицкий. По просьбам также достойного канонизации князя Константина Острожского оставил королевскую

* <http://bratya-slaviane.narod.ru/2000/i2-00-3-r.html>

службу (был высокопоставленным судьей) и посвятил жизнь воспитанию православного русского юношества. Сам дьякон Иоанн Федоров – общерусский первопечатник, и то, что старообрядцы канонизовали его раньше канонической Церкви, является немым упреком ей.

13. Благочестивая благотворительница, отдавшая все свое богатое достояние на создание Киево-Братского монастыря и Киево-Могилянской Академии, ревнитель православного русского духовного образования Анна Гулевична Лозына. Основательница Киевского Богоявленского братства Анна Гулевична Лозына в своей записи о том в 1615 г. говорит, что она учреждает его – «правоверным и благочестивым христианам народу Российского, в поветах воеводств Киевского, Волынского и Брацлавского будущим»...*

14. Анна Гойская – строительница, благотворительница, мирская основательница Почаевской лавры.

15. Схиигумения Нина (Прокоп). Игумения Св. Никольского монастыря в Мукачеве. Святая исповедница, подвергалась пыткам и преследованиям со стороны австро-венгерских властей. Миссионерка, основательница женского православного монашества на Подкарпатской Руси**.

16. Равноапостольный победитель унии в Галицкой Руси, мученик о. Гавриил Костельник.

17. Равноапостольный просветитель Галицкой Руси о. Иоанн Наумович. Сын учителя начального училища, Иван Наумович родился 26 января 1826 года в Козлове Камень-Бугского уезда. Окончив Львовский университет, сначала проникся идеями полонофильства и даже пытался завлекать русскую крестьянскую молодежь в Польский легион. Однако крестьяне раз и навсегда выбили из головы Наумовича польские идеи.

* <http://bratyaslaviane.narod.ru/2000/i2-00-3-r.html>

** bratyaslaviane.narod.ru/2001/8/i8-01-1-r.html

– «Кажется, вы – русская детина. Вам приличнее держаться с родным народом, чем служить его врагам», – заявили односельчане*.

И всю свою жизнь Наумович посвятил своему народу. И.Н. – один из талантливых и плодовитых галицко-русских писателей. Как выразитель идейных стремлений галицко-русского народа, он видел его спасение от гибели и польской неволи – в единстве со всем русским этносом. В 1866 г. Наумович заявил в Сейме: «Панове, вам не уничтожить Руси, она была, есть и будет! Все ее племена составляют один могучий русский народ, сходства нашего языка с языком остальной Руси не уничтожит никто на свете: ни законы, ни сеймы, ни министры»**. Тогда же Наумович основывает многочисленные клубы трезвости, так как сознательное спаивание галицко-русского народа стало мощным экономическим рычагом лишения его земли. Винная монополия находилась в руках у иудеев, они же в основном содержали сельские корчмы и купали наделы спившихся крестьян. Это привело к тому, что в начале XX века на Буковине практически не осталось русских землевладельцев***. Наумович создает также просветительское «Общество им. М. Качковского», которое открыло более одной тысячи читален, библиотек и кооперативов. Девизом общества было: «Наука», в его задание входило распространение в народе правдивых знаний о русской Церкви, литературе, культуре, государстве. Венцом его деятельности стал открытый переход прихода о. Иоанна Наумовича в селе Гнилички в Православие в 1882 году. Сразу после этого австрийские власти устраивают политический процесс – «дело Ольги Грабарь». Наумович арестован и судим за государственную измену. Римский Папа персонально

* В.Г. Ваврик «Краткий очерк»

** Ф.Ф. Аристов. Карпато-русские писатели. Москва, 1916 г.

*** Екатерина де-Витте. Путевые впечатления. Буковина и Галичина. Киев, 1904 г.

отлучил Наумовича от костела. Вышедши из тюрьмы, Наумович, лишенный сана и прихода, присоединяется к Св. Православной Церкви и переселяется в Россию, в «мать городов русских» – Киев, где продолжал свою работу как писатель и журналист в духе Хомякова, Аксакова, Погодина, Киреевского, Данилевского и др. славяно-русских православных патриотов. Наумович разработал план эвакуации подвергающихся геноциду галичан на Кубань. Он внезапно скончался в Новороссийске, осматривая место будущих поселений. Есть версия, что он был отравлен иезуитами. Он был действительно более чем опасен для них, ибо стал настоящим народным вождем Галицкой Руси – тысячи людей шли к Наумовичу даже за житейскими советами. Похоронен он в знаменитой Аскольдовой могиле в Киеве, отданной нынешними «мазепинцами» униатам.

18. Мученики, убиенные «УАПЦ», раскольниками, нацистами и нацистскими коллаборантами. Архимандрит Александр (Вишняков). Практически неизвестной для современного читателя является тема массовых репрессий против духовенства и мирян Украинской Православной Церкви Московского Патриархата со стороны адептов украинского автокефалистского раскола. Во время Великой Отечественной войны сотни православных священников, в том числе митрополит Киевский Алексей (Громадский), были зверски замучены и убиты террористами из ОУН-УПА (организация, деятельность которой запрещена в РФ) с непосредственного благословения лидеров т.н. «Украинской автокефальной церкви». Данная статья представляет собой жизнеописание священномученика архимандрита Александра (Вишнякова), пострадавшего за верность Церкви*.

19. Митрополит Киевский Алексей (Громадский), убиенный бандеровцами в 1943 году за верность Рус-

* http://www.pravoslavie.ru/put/sv/arch_alexandr.htm

ской Православной Церкви и противодействие автокефалистскому расколу.

20. Епископ Мукачевский Мануил (Тарнавский), убиенный бандеровцами в 1944 году за верность Матери – Русской Православной Церкви и противодействие автокефалистскому расколу. Материалы к житиям этих священномучеников имеются у преподавателя Св. Тихоновского богословского института В.И. Петрушко и преподавателя МДА протоиерея Владислава Цыпина.

21. Митрополит Виленский Иосиф (Семашко) – великий, равноапостольный белорусский просветитель, приведший из унии в Православие ок. 1,5 миллионов белорусов, которых считал самобытной, но неотделимой частью русского народа. Максимальное количество материалов к житию равноапостольного митрополита Иосифа собрали преподаватель Белорусской духовной академии прот. Александр Романчук, преподаватель БДА Валентина Ивановна Теплова и руководитель просветительского проекта «Западная Русь» (www.zapadrus.su) Игорь Николаевич Зеленковский. Помимо сведений о личности и творений митр. Иосифа, они собрали жизнеописания и творения великих белорусских православных просветителей-«западнорусистов», стоявших на позициях общерусского единства, что сейчас особенно актуально, как и в случае с малороссийскими и карпаторусскими святыми. Речь идет о М. Кояловиче, В.П. Жуковиче, И. Григоровиче, В. Завитневиче, И. Чистовиче, К. Харламповиче.

Испрашивая Вашего Первосвященительского благословения и святых молитв.

*Глава Ассоциации православных экспертов
Кирилл Фролов**.

* https://news.rambler.ru/community/36542178/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Часть II.

СВЯТЫЕ И ПРОРОКИ ЗАПАДНОЙ РУСИ

Несмотря на титанические усилия по принуждению к отречению от Православия, насаждению унии, расколу с остальной Русью, денационализации и насаждению «негативных идентичностей» «мазепинского украинства» и «литвинства», православная Западная Россия жила и выпестовала своих святых и пророков. Жизнь и дела наиболее выдающихся из них мы рассмотрим подробнее.

Святитель Кирилл Туровский

Епископ XII века западнорусского белорусского города Турова. Аскет, подвижник, одно время взявший на себя подвиг столпничества (непрерывного стояния с молитвой на столбе), что гармонично дополняет аскетические подвиги, выдающийся русский миссионер, апологет и ревнитель единства Руси, в последний период своей жизни оставивший епископство ради

полного посвящения себя написанию апологетических трудов, разъясняющих народу богословские сотериологические смыслы церковных праздников. В числе прочих он написал «Слово на Пасху», развивающее для воцерковления русского народа знаменитое «Слово на Пасху» св. Иоанна Златоуста. Святой Кирилл является автором такой апологии монашества, как *«Сказание о черноризском чине от Ветхого Закона и Нового»*.

**Святитель Кирилл
Туровский**

Еще одним актуальным произведением св. Кирилла Туровского, посвященным Крещению Руси и апологии общерусского единства, является «Славословие равноапостольной княгине Ольге», зачитанное святителем в Софийском Соборе г.Киева.

**Св. Кирилл Туровский –
автор термина «русский мир»**

На авторство св. Кирилла Туровского актуального термина «русский мир» указывает выдающийся православный журналист современности, глава пресс-службы УПЦ МП Василий Семенович Анисимов:

«Об этом свидетельствует памятник нашей древней словесности второй половины XI века, который называют «Слово на обновление Десятинной Церкви». Как известно, первый каменный храм Руси – Церковь Богородицы (Десятинная) – был по-

строен св. равноапостольным князем Владимиром в 996 году, в соборе находились привезенные Владимиром из Херсонеса мощи святого Климента, папы Римского, в нем же был похоронен и сам князь. За два с половиной столетия своего существования храм несколько раз подвергался частичным разрушениям и после капитальных ремонтов в нем возобновляли службы.

На торжествах обновления и была произнесена клириком Десятинного храма упомянутая речь. В ней – похвала святому Клименту, киевскому князю (очевидно, Изяславу Ярославичу), и, конечно же, Киеву: «Так сотворил Христос Бог наш, чтобы это церковное солнце – угодник Его, а наш заступник святой священномученик Климент – из Рима пришел в Херсон, а из Херсона – в нашу Русскую страну для спасения нас, верных... Посему и мы славим, и хвалим, и кланяемся в Троице славимому Богу, благодаря верного раба Его, который умножил талант своего господина не только в Риме, но и в Херсоне, и **во всем русском мире**, и взываем: «Похвала мучеников, украшение святителей, присный заступник страны Русской, драгоценный венец славного и честного града нашего, великой митрополии, матери градов! Тобою русские князи хвалятся, святители ликуют, иереи веселятся, иноки радуются, люди добродушествуют, притекая с теплою верою к твоим христоносным костям и почерпая здесь святыню, возвращаются восвояси и освящают ею свои дома, храмы и тела... Поистине, славнее всех тот город, который имеет твое всечестное тело и весело играет, воспевая хвалу».

Автор «слова» неизвестен, как, впрочем, и точное время произнесения речи, поскольку обновления собора были и в XI веке, и в XII. Гипотезы разные, однако специалисты отмечают высокий уровень профессионального красноречия этой проповеди. Ака-

демик Е. Голубинский предполагал авторство св. Кирилла Туровского, Михаил Грушевский полагал, что «Слово» принадлежит митрополиту Киевскому Клименту Смолятичу.

Исследователи указывают на возможную полемическую подоснову этого текста. Спор о святости с Вышгородом, где прославились чудесами мощи первых русских святых – благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, перенесенных в Вышгород Ярославом Мудрым. Слава об исцелениях распространялась по Руси, а с ней и слава города. «Блажен по истине и высокъ паче всехъ градъ Русьскыихъ и вышии градъ, имыи въ себе таковое скровище...; по истине Вышегородъ нарече ся, вышии и превышии городъ всехъ», читаем в «Сказание о Борисе и Глебе» Якова Черноризца. «О граде честный, истинный бо нареченъ именемъ прозванъ еси: се бо всехъ вышьши градъ славою възнесенъ еси, заступника бо имяше, исцелителя всемъ, притекающимъ в тя!» – восклицает прп. Нестор Летописец в «Чтении о Борисе и Глебе».

Поэтому в Киеве в Десятинной церкви проповедник напоминает, что слава святого Климента весомей, поскольку он почитаем и в Риме, и в Византии (Херсонесе), и во «всем русском мире». Величие столицы непоколебимо: святыня киевская «подобно солнцу, просвещает вселенную», киевский князь «старейшенствующий в князьях», киевский архиерей – «старейшенствующий в святителях», а Киев – «старейшенствующий среди городов город». Нетрудно заметить и преемнический путь (Рим – Херсонес – Киев) христианской столицы Руси, на что указывал тот же М. Грушевский. Святой Климент «сопрестольниче апостолов, равночестный ангелам», «тобою бесы прогоняются, болезни врачуются, еретики посрамляются, а православная вера возрастает более и бо-

лее...». Киев – законный преемник и старого Рима, и нового, а также центр некой сложившейся общности, исторической и духовной, именуемой «русский мир»*.

Имя этого великого русского святого просветителя фальсификаторы «историософских ересей» «украинства» и «литвинства» пытаются противопоставить другому русскому святому князю Андрею Боголюбскому, который якобы был идеологом впавшего в ересь суздальского епископа Федора и его руками якобы пытавшемся отделить Северо-Восточную Русь от остальной Руси. Исторические факты полностью опровергают эти домыслы и свидетельствуют о прямо противоположном – св. Кирилл Туровский был сторонником св. благоверного князя Андрея, Западная и Восточная Русь были едины! Единство св. Кирилла Туровского и св. Андрея Боголюбского засвидетельствовано фактами той огромной личной просветительской работы, которую вел святитель Кирилл с князем Андреем, коего пытался дезориентировать своими еретическими заблуждениями владими́ро-суздальский епископ Федор, который для их защиты пытался отделиться от Русской Церкви, убедить князя Андрея поддержать его раскол и учредить отдельную от русской «митрополию». По всей видимости, Федор был продолжателем ересей ростовского епископа Леона, первого русского еретика. Н.М. Карамзин сообщает: «При Великом же князе Боголюбском открылась первая ересь в нашем Отечестве, важная по мнению тогдашних христиан. Ростовский Епископ Леон, изгнанный народом за его корыстолюбие и грабеж, утверждал, что ни в какие Господские праздники... не должно есть мяса. И далее: «Того же лета (в 1159) выгнаша Ростовци и Суждальци Леона Епископа... Леон в 1164 году завел ересь» ([69], кн. 1, комментарий 29 к т. 3, гл. 1, столбец 15).

* <http://pravoslavnye.org.ua/2016/06/o-русском-мире-замолвите-слово/>

Н.М. Карамзин: «Гораздо удивительнее и важнее то, что Летописцы рассказывают нам о другом Ростовском Епископе. Великий Князь (Андрей Боголюбский – Авт.), признав монаха Феодора достойным святительского сана, посылал его ставиться в Киев; но Феодор, уже приняв на себя звание Епископа, не хотел ехать к Митрополиту. Сего мало: будучи корыстолюбив и злобен, он мучил людей в подвластных Епископу селах, Иноков, Игуменов, Священников, даже распинал некоторых, выжигал глаза, резал языки... Князь терпел изверга, довольствуясь, может быть, одними угрозами. Еще более тем озлобленный, лжепастырь вздумал наконец запереть все церкви в Владимире, и взял от них ключи. Народ волновался. Великий князь, низвергнув Феодора, предал его на суд Митрополиту, который велел отрезать ему язык, отсечь правую руку и выколоть глаза: «ибо сей еретик... «злословил Богоматерь!»» ([69], кн. 1, т. 3, гл. 1, столбцы 21-22).

Но в житии св. Кирилла Туровского, составленном великим малороссийским святым Дмитрием Ростовским, ясно сказано, в отличие от труда великого, но увлекавшегося масонством, секулярного русского историка Михаила Карамзина, что св. князь Андрей Боголюбский был ревнитель единства Русской Церкви и очень прислушивался к св.Кириллу: «Сей нечестивый Феодор не захотел послушаться великого князя владимирского Андрея Георгиевича Боголюбского, приказывавшего ему идти ставиться к митрополиту в Киев. Князь был к Феодору расположен, хотел ему добра, а он не только не пожелал доставления от русского митрополита, но и церкви все во Владимире запер, и не было в них ни звона, ни служения»*. То есть еретичествующий Федор волюнтаристски добился епископской хиротонии от Константинопольского Патриарха Луки Хризверга, а Андрей Боголюбский, как ревнитель канонов, единства Русской Церкви и Святой Руси,

* <http://hram-derjavny.by/2014/05/13/sv-kirill-turovskij-zhitie/>

настаивал, чтобы Федор получил законную хиротонию от Киевского митрополита. В поучении святого Кирилла «О расслабленном» сохранилось не прямое осуждение лжеепископа Феодора, именно в словах: *«горе согрешающему по принятии священного сана! Горе не боящимся Бога в монастыре, иерействе и самом епископстве».*

Князю Андрею Боголюбскому святой Кирилл написал много посланий, в которых, вероятно, поучал князя и наставлял по поводу нестроений церковных в области Ростовской. Послания эти в настоящее время неизвестны.

Святитель Кирилл Туровский принимает самое активное участие в низложении Феодора и духовном окормлении Андрея Боголюбского, что свидетельствует о самом активном участии Запада Руси в делах ее Востока и наоборот. Это, в свою очередь, свидетельствует об их полном единстве и искусственности попыток разделить и противопоставить одну часть Руси другой.

Большое внимание он уделял борьбе за чистоту Православия.

В роли борца он присутствовал на соборе 1169 года, осудившем епископа Феодора, человека дурной жизни и дурных мыслей, «прославившегося» уклонением в ересь и многими злодействами. Святой лично участвовал в разоблачении Феодора. Согласно некоторым свидетельствам, он лично предал его архиерейскому проклятию.

Ключевым направлением деятельности епископа Кирилла были миссионерское служение и проповедь. Он активно проповедовал и в храме, и за пределами его ограды, через письменные сочинения, через духовное окормление всей Руси, и ее Запада, и ее Востока, в том числе Владимиро-Суздальских княжества и князя.

Произведения святого Кирилла пользовались огромной популярностью. Их любил читать сам

князь Андрей Боголюбский, известный влиянием на прочих князей и благочестием: поэтому часть посланий, составленных святым Кириллом Туровским, как уже отмечено выше, предназначались специально для Великого князя Андрея.

Я намеренно обращаю внимание на фактическое духовничество святого епископа Туровского Кирилла, его духовное руководство святым благоверным князем Владимирским Андреем Боголюбским, пытавшимся покончить с «феодальной раздробленностью» Руси и установить в ней православное самодержавие и Симфонию Церкви и государства по византийскому «юстинианову» образцу. И если бы ему это удалось, то древнерусское «конфедеративное» государство не пало бы перед Ордой, не подверглось бы многовековому подчинению Орде и более страшной, с попытками уничтожения Православия, оккупации «Западом», Тевтонским орденом и Речью Посполитой.

Поэтому сторонники расчленения Руси и ее оккупации до сих пор демонизируют находившегося под влиянием и духовным руководством святителя Кирилла Туровского и ставшего в итоге святым князя Андрея за то, что он присоединился к походу 11 русских князей на Киев. «Мазепинская» и «литвинская» сепаратистская мысль до сих пор фальсифицирует и придает несуществующее этническое содержание любым внутрирусским социальным, гражданским, внутриэлитным, внутрисословным конфликтам. Так можно придумать «этническое» содержание и казни московских стрельцов или забастовке путиловских рабочих.

В действительности раздробленность Руси – это величайшее зло в русской истории. Великий русский историк Василий Осипович Ключевский настаивал на том, что единство Руси в период «феодальной раздробленности» сохранялось единством церковной юрисдикции Русской Церкви, он насчитал более 80 русско-русских войн, в числе которых – и взятие и разорение

русского Киева коалицией 11 русских князей. Но в нем не было никакой национальной составляющей! А что же было?

«8 марта 1169 г. Взятие Киева князем Андреем Боголюбским и начало упадка древнерусского государства»*

По смерти князя Юрия Долгорукого его сын Андрей сделался великим князем, но не поехал в Киев княжить, а остался на княжении в Суздальской земле, где своей столицей сделал город Владимир. Этот город, прежде малонаселенный и небогатый, при нем разросся и населился. Андрей украсил новую столицу церквами, из которых самой большой и богатой была церковь во имя Успения Богородицы. Сюда была перенесена чудотворная икона из Боголюбова. Она стала известна под именем Владимирской иконы Божией Матери. Кроме этой церкви князь Андрей построил еще много других, как во Владимире, так и в других городах Суздальской Руси.

По своему благочестию и набожности Андрей Боголюбский напоминал своего деда – Владимира Мономаха. «Андрея, – говорил летописец, – можно было всегда видеть в храме на молитве, со слезами умиления на глазах; всенародно раздавал он убогим милостыню, чтил духовенство, монахов и за это слышал себе постоянные похвалы. Как дед, не любя войны, он, тем не менее, был готов постоять за Русскую землю против всякого врага».

Но одна черта сильно отличала Андрея от Владимира Мономаха.

Андрей Боголюбский был первым из князей русских, который задумал установить на Руси единодержавие. Он понимал, что постоянные усобицы губят землю, что Русь от этого все больше и больше беднеет и слабеет. Не делился он поэтому властью в Суздальской земле со своими младшими братьями, отстранил от себя и старых отцовских бояр, которые привыкли,

* www.pereklichka.livejournal.com/704346.html

слишком вмешиваться в княжеские дела, не любил советоваться с дружиной. Таким же «самовластцем» хотел он быть и во всей Русской земле: он задумал подчинить себе всех других князей.

В начале 1169 г. Андрей Боголюбский принимал посольства 50 русских городов с жалобами на произвол и несправедливость киевского князя Мстислава Изяславича, который своим поведением умудрился нажить себе множество врагов среди князей. Здесь стоит посмотреть на ситуацию подробнее.

Мстислав Изяславич любил совершать грабительские походы на половцев. После удачного похода в 1168 году он позволил своим слугам совершить еще несколько грабительских налетов на половцев, и эту добычу он решил оставить себе, не разделив со всеми князьями. Узнав про обиду князей, Мстислав Изяславич предложил в том же году совершить еще один налет на половцев. Однако это не помогло: два Ростиславича, Давид и Рюрик, поверили навету, что Мстислав Изяславич хочет их извести на ближайшем пиру. Они потребовали от него крестного целования, что их не тронут. Мстислав Изяславич же был оскорблен таким требованием, так как не знал за собой никакой вины. Он потребовал выдать ему тех людей, кто возводит на него клеветы и ссорит князей. Легко понять, что это требование не могло повысить к нему доверия.

Одновременно возник и конфликт с Владимиром Андреевичем, сыном Андрея Боголюбского, из-за пограничных владений. Владимир Андреевич не стал вступать в вооруженный конфликт с Мстиславом Изяславичем и уехал к себе в Дорогобуж, но у последнего появился еще один враг.

Последней каплей стало назначение на новгородский стол молодого князя Романа Мстиславича – сына Мстислава Изяславича, который откликнулся на просьбу Великого Новгорода о присылке князя. Дан-

ное назначение не было согласовано ни с одним другим князем Руси. Новая междоусобица стала неминуемой.

Против Киева выступали также четыре князя из дома Рюрика. Во Владимире был собран собор, на котором принято решение о войне против Киева. В работе собора приняли участие многие князья Руси:

- 1) Глеб Юрьевич (Переяславль);
- 2) Роман (Смоленск);
- 3) Владимир, сын Андрея Боголюбского (Дорогобуж);
- 4) Рюрик Ростиславич (Овруч);
- 5) Давид и Мстислав Ростиславичи (Вышгород);
- 6) Олег и Игорь Святославичи (Новгород-Северский);
- 7) Всеволод Юрьевич – Всеволод Большое Гнездо; (То есть на Киев пошли и князья будущих Галиции, Малороссии, Полесья, Северской Руси. – КФ).

Собор преподнес Андрею титул «Великий», которым именовался только киевский князь. Но Великий князь Владимирской Руси не пошел с объединенным войском на Киев, а отправил своего сына Мстислава в качестве руководителя.

К антикиевской коалиции князей не присоединился Чернигов. Святослав Всеволодович, князь черниговский, не признал старшинство Андрея Боголюбского, поэтому воевать против Мстислава Изяславича у него не было никакого резона. Час Чернигова в войне с Киевом придет позже.

Михаил Юрьевич, один из родных братьев Андрея Боголюбского, тоже отказался от участия в походе. Он предпочел выполнить поручение Мстислава Изяславича и отправился с «черными клобуками» в Новгород на помощь Роману Мстиславичу, но по дороге был перехвачен Рюриком и Давидом Ростиславичами возле Мозыря и взят в плен. Таким образом, Новгород оказался вне войны.

Поход на Мать городов русских был организован с математической точностью. Многочисленные отряды разных городов выступили по отдельности и шли своими дорогами. Пришли одновременно 5 марта и встали под стенами стольного града объединенным войском. Союзники Мстислава Киевского (Ярослав Осмомысл галицкий, Святослав Всеволодович черниговский и Ярослав Изяславич луцкий) не предприняли деблокирующего удара под осажденным Киевом.

Штурм продолжался 3 дня. Впервые в истории киевляне согласились выдержать осаду, а не вышли к осаждавшим, как, например, к Мстиславу, и не предложили ему княжение. Они сопротивлялись. Летописцы не сообщают ничего о причинах такого поведения киевлян. Любовь ли их к Мстиславу Изяславичу? Или их неприязнь к Андрею Юрьевичу? Неизвестно. Город был захвачен 8 марта 1169 г. и разграблен. Около 300 лет град Киев стоял неприступным, теперь пал под натиском объединенной армии русских городов. Русские летописи рассматривали это событие как заслуженное возмездие: «се же здеся за грехи их, паче же за митрополичью неправду». Город был взят приступом «на щит», чего прежде русские князья никогда не делали по отношению к Киеву. Мстиславу Изяславичу с частью дружины удалось вырваться из города в направлении на Василев и укрыться во Владимире Вольнском.

Город грабили избирательно. Среди победителей были специальные подразделения, которые не принимали участия в грабеже. Они оперативно вошли в город первыми и взяли под охрану все храмы и монастыри. Все христианские святыни, реликвии и церковная утварь были бережно упакованы и под строгой охраной организованно покинули город. Все, что имело отношение к Церкви, было перевезено во Владимир и встречено там с почетом и праздником.

12 лет назад Боголюбский тайно увез чудотворную икону Богородицы из киевского Вышгорода во Владимир. Икона Богородицы участвовала в походах князя на волжских булгар, в землю, где царили язычество и ислам. Теперь за Богородицей отправилось все церковное имущество города.

Отец Андрея, Юрий Долгорукий, настойчиво искавший великого стола, был отравлен киевлянами. Андрей участвовал в большинстве войн за Киев и видел, как много крови льется из-за желания обладать этим городом. По этой и по другим причинам, Андрей не сел в Киеве, а посадил своего брата Глеба, чем понизил статус стольного града. С этого времени падает значение Киева и главным городом становится Владимир.

После взятия Киева никто из русских князей не мог равняться с Андреем своим значением. Каждого кто сопротивлялся его приказаниям, он лишал власти. «Не велю тебе быть в Русской земле, ступай вон», – говорил он такому князю, и никто не осмеливался противиться Андрею. Но его попытка утвердить на Руси единодержавие не удалась. Из-за своей строгости Андрей был убит собственными боярами раньше, чем успел окончить начатое им дело.

После его смерти опять начались споры и ссоры между князьями... Мало-помалу Русская земля распалась на много независимых друг от друга областей, из которых в каждой были свои великие князья и младшие, которые теперь стали называться удельными. Все эти князья вели между собой усобицы, как и было раньше в Киевской Руси».

Итак, раздробленность Руси, с которой боролся великий русский святой Кирилл, епископ Туровский, и сейчас является ключевым фактором гибели Русской земли!

Святая Ефросинья Полоцкая как символ русского единства

Святая Ефросинья, до пострига – Предслава, из рода Рюриковичей, внучка русского князя Владимира Мономаха и дочь Полоцкого князя Георгия. Родилась ок. 1101 г. Собственно, древнерусское государство некорректно называть только Киевским. Оно было киево-новгородско-

**Святая Ефросинья
Полоцкая**

полоцким (показательно, что именно в Киеве, Новгороде и Полоцке святой князь Ярослав Мудрый инициировал строительство соборов св.Софии, сделав эти города «русскими царьградами»), а затем и владимирским. Полоцк был великим центром русского Православия, культуры, самосознания, образования, летописания. И сейчас он не должен быть просто «уездным» центром, а должен быть возрожден как одна из русских духовных и культурных столиц. Именно всей Руси, ибо история древнерусского государства убедительно демонстрирует всю относительность и условность деления на Великую, Малую и Белую Русь. В него входила и Северская, и не подчиненная Киеву Подкарпатская Русь: все эта была Русь, по греческому произношению – «Россия», по латыни – «Рутения», где жили и живут русские, по греческому произношению – «россияне», по латинскому – «русины».

Однако вернемся к святой Ефросинье. Эта молодая, красивая и образованная княжна с юности решает посвятить себя Богу и Церкви, и, несмотря на непонимание родни, считавшей, что в монахи уходят только несчастные, уже будучи сосватанной родовитому княжичу, в 12 лет тайно уходит в монастырь, где постригается с именем Ефросинья. Молиться и учиться ей просто было интереснее, чем светская жизнь. И она стала не просто молитвенной, но и ученой монахиней. Затем ей и полоцкому епископу Илие было одновременное видение Ангела, благословляющего Ефросинью основать собственный монастырь, и епископ Илия передает ей для устройства монастыря Преображенский храм и землю в селе Сельцо. Помимо женского, она стала и основательницей Богородского мужского монастыря. Основанные ей монастыри становятся центрами и непрестанной молитвы, и народного образования. Евфросинья сама пишет книги и поучения мирянам, следит за продолжением полоцкого летописания, не дает ему угаснуть. «Считается, что она участвовала в составлении Полоцкой летописи. При библиотеке Софийского собора Евфросинья организовала мастерскую по переписыванию книг. Вырученные от их продажи деньги раздавались нищим»*.

Так же бдительно она следит за регулярным пополнением библиотеки полоцкого Софийского собора. Игуменья Ефросинья занимается и непрестанной молитвой (по ее молитвам исполняются многие прошения, происходят исцеления), и православной русской политикой: она, как и многие другие люди Русской Церкви, мирит враждующих русских князей, пытаясь остановить раздробление Руси, результатом которого стала ее оккупация и с Запада, и с Востока. Постригшись в монахини, Ефросинья была «теневогой княгиней», выдающимся русским политиком, прими-

* В. Перхавко. Преподобная Ефросиния Полоцкая. Московский журнал, 2001 год.

рителем русских князей, в частности, полоцких с киевскими. Последние были наказаны, изгнаны из Руси киевским князем Мстиславом за отказ участвовать общерусском походе на половцев; святость, авторитет и русская политическая воля позволили Ефросинье избежать их судьбы.

Уже в семидесятилетнем возрасте игуменья Ефросиния Полоцкая предпринимает паломничество в Святую Землю, где заболевает и умирает 23 мая 1173 года. В 1187 году ее святые мощи переносятся в Киево-Печерскую лавру, а в 1910-м году святой император Николай II переносит их в Полоцк для укрепления православных русских начал в Западной Руси (по другой версии, под «паломничеством в Св.Землю» подразумевалось паломничество в «Новый Иерусалим» и «Святой град» Киев).

Чудотворный Крест Ефросиньи Полоцкой, великое произведение русского ювелирного искусства, созданный по заказу св. Ефросиньи Лазарем Богшей в 1161 году, попавший в Москву в результате воссоединения Смоленска с Россией в 1514 году, православный русский царь Иоанн IV взял с собой в военный поход по освобождению Западной Руси от иноверного ига и для воссоединения русских земель. Иоанн отдал Крест освобожденному им Полоцку, установив его в 1563 году в основанном св. Ефросиньей Спасском монастыре. То значение, которое он предавал именно этой святыне, свидетельствует о том, как сильно почитали святую полоцкую игуменью и на Востоке Руси. Собственно, канонизация святой Ефросиньи состоялась на Московском соборе 1547 года, созванном установителем праздника всех русских святых, куда вошли святые и Запада, и Востока Руси, митрополитом Московским Макарием.

Возвращение св. Ефросиньи своими святыми мощами в Полоцк в 1910 году действительно было триумфом «русского триединства». Православные добивались

этого возвращения со времени воссоединения Полоцкой Руси с Россией, но до великого полоцкого собора 1839 года, вернувшего белорусских униатов в Православие, и до справедливого подавления польского террористического восстания Полоцк и его святыни, в том числе основанный св.Ефросиньей Спасский монастырь, были в униатских руках. И даже после подавления восстания польско-католические «духовные оккупанты» делали все, что могли, чтобы не допустить возрождения православного русского Полоцка. И только в 1909 году царь-мученик Николай II проявил, наконец, православную миссионерскую и политическую волю и принял решение о перенесении мощей св.Ефросиньи на родину – в Полоцк. Это было сделано в рамках «канонизационной политики» царя-мученика Николая II, когда форсировались канонизации святых лидеров религиозной и национально-освободительной борьбы русского народа, таких как Патриарх Ермоген, креститель русской Сибири малоросс архиепископ Тобольский Иоанн (Максимович), святой Северной Руси, инициатор процесса воссоединения Русской Церкви, закончившегося каноническим присоединением Киевской и Малой России митрополии к Русской Православной Церкви в 1686 году, архиепископ Черниговский Феодосий.

И действительно, возвращение святой Ефросиньи в Полоцк стало грандиозным праздником единства Великой, Малой и Белой России, которое, несмотря на свои адские усилия, не смогут разрушить действительно сатанинские силы, над этим разрушением работающие:

«...Продолжительный спор двух древних городов за право хранения мощей преподобной Евфросинии закончился 3 июля 1909 года, когда Государь Николай II подписал резолюцию, в которой выразил свое

согласие на возвращение святыни в Полоцк. А 29 января 1910 года был издан Указ Императора, утверждавший порядок торжественного перенесения мощей из Киево-Печерской Успенской Лавры в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский женский монастырь. Святыню перевозили по Днепру на пароходе «Головачев» 737 км, а от Орши до Полоцка через Витебск окружным путем 201 км раку с мощами несли священнослужители, монахини и простые богомольцы. Это памятное событие вошло в историю под названием Свято-Евфросиниевских Торжеств.

Прощальные Торжества по случаю перенесения мощей преподобной Евфросиньи начались в Киеве во второй день Пасхи – 19 апреля 1910 года. На следующий день мощи угодницы Божией переложили в новый кипарисовый гроб, а старую раку, в которую поместили частицу мощей святой, оставили в лавре на прежнем месте. Затем святыню перенесли крестным ходом из Благовещенской церкви Дальних пещер в Великую Лаврскую церковь, где она пребывала почти двое суток. Все это время, днем и ночью, киевляне и паломники прикладывались к мощам преподобной.

22 апреля после Литургии раку с мощами перенесли крестным ходом на казенную пристань и поставили в носовой части парохода «Головачев» в специально устроенной для святыни часовне. Под звон колоколов и звуки военного оркестра Киев проводил полоцкую княжну.

Мощи преподобной Евфросиньи сопровождали духовенство, игумения Илариона с двенадцатью монахинями Спасской обители и представители светской власти.

Невозможно было не удивляться глубине веры народной. Увидев пароход еще издали, люди с благоговением вставали на колени, держа в руках зажженные свечи. Со слезами на глазах они взывали: «Преподобная мати наша Евфросиние, моли Бога о нас!» Священник Спасо-Евфросиниевского монастыря протоиерей Николай Черепнин так описывал встречи мощей преподобной жителями селений, мимо которых проплывал «Головачев»: «Ночь и дождь не считались препятствием к оказанию почтения и благоговения святым мощам преподобной Евфросинии. Массы народа не обращали внимания ни на какие стихийные препятствия. Когда пароход после непродолжительных

остановок продолжал плавание, стар и млад бежали по берегу за парохомом, перепрыгивая огороды, ручьи и канавы, хватали в бутылки воду из волн от парохода, промывали ею себе глаза... Можно было подумать, что к берегам Днепра стеклась вся Русь Православная». Такие трогательные картины можно было видеть по всему пути следования парохода.

К этому радостному событию готовился каждый город, село, местечко, расположенные от Киева до Полоцка. Пароход совершал остановки только в крупных населенных пунктах: Любече, Речице, Жлобине, Рогачеве, Быхове, Могилеве. Храня в душе простую и искреннюю веру, люди старались встретить мощи угодницы Божией самым почетным образом. Улицы украшали флагами, гирляндами, коврами, арками из ветвей и цветов. В некоторых местах верующие устилали путь, по которому должны были пронести мощи преподобной, хвоей, цветами, полотнами, полотенцами и платками. Окна домов, балконы, а нередко и крыши были заполнены людьми, желавшими видеть святыню.

На Торжества собралось множество богомольцев со всех концов необъятной России. В одном только маленьком Рогачеве мощам святой поклонилось около 50 тысяч человек, в Могилеве – 75 тысяч, в Орше – 40 тысяч. В местах остановок преподобную встречали крестным ходом под звон колоколов и пение величания. В сельских и городских церквях совершались праздничные богослужения: всенощные бдения, Литургии и молебны преподобной Евфросинии. Нередко из-за огромного стечения народа службы проходили и под открытым небом.

20 мая 1910 года крестный ход с мощами святой прибыл в Полоцк, который «никогда не видел в стенах своих такого скопления народа, пришедшего не только из Витебской и соседних губерний,

но и из Твери, с берегов Волги и других отдаленных мест...». Святыню принесли в Николаевский кафедральный собор, где было отслужено всенощное бдение, а на следующий день, 21 мая, – Божественная Литургия. Верующие имели возможность прикладываться к мощам и днем и ночью.

Все прибывавшие в город прежде всего спешили поклониться мощам святой подвижницы. Князья и простолюдины, правители и подчиненные, богатые и бедные, святители и пасомые – все в эти дни были объединены одним желанием: еще раз припасть к нетленным мощам преподобной и проникнуться духом ее заветов, чтобы жить и умереть подобно ей.

В те дни даже погода благоприятствовала тому, чтобы святая игуменья со славой вступила в свой родной город и свою родную обитель. «На небе весело сияло солнышко, ни одного облачка не было видно – все они теперь убежали куда-то вдаль, чтобы не мешать солнышку смотреть на дивный праздник, чтобы не омрачать великого торжества. А на лицах встречавших светилась другая, духовная, радость; эта радость про-

никла глубоко в душу и там разгоняла душевные тучи. «Что теперь горе, нужда, житейские невзгоды и несчастья? Все надо забыть! Теперь с нами преподобная, и мы около нее. Она нас защитит, поддержит, наставит, помолится за нас!»» – так, несомненно, думалось многим, участвовавшим в Торжестве.

Город с особым усердием подготовился к встрече своей небесной покровительницы. Все улицы были красиво украшены цветами и флагами; полочане устроили изящные арки, через которые проходила торжественная процессия. В праздничном шествии приняли участие Высочайшие Особы, специально прибывшие на Торжества, – Великий Князь Константин Константинович Романов с сыновьями Игорем и Олегом, Королева Эллинов Ольга Константиновна и Великая Княгиня Елисавета Феодоровна. Крестный ход проходил по Витебской улице (проспект Франциска Скорины), где находилась великолепная арка с гербом города (воин-всадник) и надписью на полукружии: «Благословен Грядый во Имя Господне».

22 мая после совершения Литургии в соборе процессия со святыней направилась в Спасскую обитель. Перед въездом в березовую аллею, которая вела к воротам монастыря, инокини устроили арку с надписью: «Гряди, Радость Наша, Преподобная Мати Евфросиние». Со слезами радости на глазах и зажженными свечами в руках вышли сестры обители навстречу возвращавшейся к ним преподобной. Земным поклоном

приветствовали монахини прибытие святой игумении. Так исполнились пророческие слова полоцкой княжны о возвращении ее в родной край.

23 мая, по окончании Божественной Литургии, под пение молебна и звон колоколов мощи преподобной поставили в Спасской церкви в освященную серебряную раку, средства на изготовление которой жертвовали все епархии Северо-Западного края. В настоящее время мощи угодницы Божией почивают в Кресто-Воздвиженском соборе под резной сенью в новой серебряной раке, сделанной по образцу раки 1910 года. Промыслительно, что нетленные мощи преподобной перенесены в Спасо-Евфросиниевский монастырь именно в день ее блаженной кончины. Теперь Православная Церковь празднует не только преставление праведницы, но и перенесение ее святых мощей из Киева в Полоцк (день празднования – 6 июня – установлен Синодом Белорусского Экзархата Русской Православной Церкви в 2007 году).

Поистине, событие перенесения мощей преподобной Евфросиньи навсегда осталось в памяти всего белорусского народа. По воспоминаниям одного из участников Торжеств 1910 года, *«это был великий, чи-*

сто духовный, но в высшей степени отрадный и знаменательный праздник Белоруссии... Нет, более чем Белоруссии, – всей Русской земли... Этот праздник показал, что жив Бог, жива в народе и вера в Него, что народ любит Бога и ищет Его, что народ хочет и жаждет духовных радостей и Божьей правды».*

* <http://spas-monastery.by/history/articles/?id=3973>

Полоцкая Русь до Твери. Святитель Симеон Полоцкий

Этот седьмой по счету епископ Полоцкой епархии жил в конце XII – начале XIV в. В Полоцкую епархию тогда входила нынешняя Тверь, что снова и снова свидетельствует о весьма условном разделении Руси (греч. – «России») на Великую, Белую и Малую. Все это – одна Русская земля, все границы внутри ее являются искусственными. Епископ Симеон был образованнейшим иерархом своего времени и на всем

**Святитель Симеон
Полоцкий**

пространстве от Полоцка до Твери насаждал образование. Чтобы обрисовать образ полоцко-тверского миссионера, процитируем летопись: «смыслен зело и силен в книгах Божественнаго Писания, учителен, добродетелен, нищия и сироты и вдовицы жаловаше, и обидимых заступляше, и насилуемых избавляше».

Был он последовательным сторонником Симфонии церковной и государственной власти:

«История сохранила для нас разговор святого Симеона с полоцким князем Константином, который пригласил однажды Симеона на пир. Желая укорить пред епископом своего тиуна (городского судью, который

назначался князем), Константин спросил: «Где будут тиуны на том свете?» Симеон ответил: «Тиуны будут там, где и князь». Князю это не понравилось, и он спросил: «Но ведь тиун творит несправедный суд, берет мзду, людей продает, мучит и лиходейничает; при чем же здесь я?»

Владыка пояснил: «Если князь добрый и богобоязненный, людей милует, любит правду да поставит тиуна – человека доброго и богобоязненного, умного и правдолюбивого, то князь будет в раю и тиун его будет с ним. Если же князь не имеет страха Божьего, не жалеет христиан, не думает о сиротах и вдовах и поставит начальника злого, не ведающего закона Божьего, творящего несправедный суд, заботящегося лишь о том, как князю товар добывать, а людей не щадящего; такой князь все равно, что на людей напускает безумца, дав ему меч, ибо наделяет властью человека злого и тем самым губит людей; такой и князь будет в пекле, и тиун его с ним».

Святитель Симеон обращался к знатным людям того времени со словами: «Говорю вам, князьям и наместникам: утешайте печальных, избавляйте слабых из руки сильных. Богатые обижают их, и они к вам приходят как к защитникам добрым. Вы же, князья и наместники, подобны дождевой туче, пущающей воду над морем, а не над землей жаждущей. Вы тем даете и помогаете, у которых много серебра и золота, а не тем, которые не имеют ни пенязя; бедных отдаете в рабство, а богатых наделяете щедро»*.

В результате очередной княжеской смуты в Полоцке Симеон в 1263 году переселяется в Тверь. Это еще одно важное обстоятельство: Русь расширялась на Восток из-за смут и интриг в своих изначальных исторических центрах, поэтому и перетекание столицы из Ки-

* <http://orthoobraz.by/svyatyte-mesta/svyatyte/svyatiteli-simeon-polotskii>

ева во Владимир и Москву было не «интригой Андрея Боголюбского», а закономерным процессом. В Твери Симеон «кует» православный русский образованный политический и культурный класс, принимает участие в церковном Соборе во Владимире, утверждает «принцип Симфонии» и утверждение этого принципа Симфонии «юным князем Михаилом Ярославичем» (+ 22 нояб. 1318 г.). Воздвиг святитель Симеон в Твери и Преображенский собор и, чувствуя приближение смерти, устроил в нем временный престол, чтобы молиться в нем с любимым им народом. Святитель Симеон скончался в 1289 г., а в 1290 г. собор был закончен и освящен.

Святой Симеон скончался 3 февраля 1289 года, в летописи под 1289 г. записано: «Преставися блаженный епископ Симеон Тверский... и положиша тело его в церкви св. Спаса на правой стороне, февраля в 3-й день» Память его совершается 16 февраля*».

География Полоцкой епархии, включавшей в себя нынешнюю Тверскую область, опровергает фальсификации псевдобелорусских «самостийников» о Полоцком княжестве как «первом белорусском государстве» и Полоцке как «матери городов белорусских». Полоцкое княжество – одно из русских и междоусобные войны погубили древнерусское Киево-Полоцко-Новгородско-Черниговское государство, закономерно возродившееся во Владимире и Москве вследствие переноса туда киевской русской митрополии.

* По материалам сайта blagobor.ru

**Первый идеолог разворота Руси
от Запада и евразийской интеграции
Киевский и всея Руси
митрополит Кирилл III**

Могла ли Орда стать православной? Честолюбивый интерес золотоордынских ханов к Православию совпадал с миссионерской и геополитической стратегией великого сына Русской Церкви митрополита Галицкого, Киевского и всея Руси Кирилла, духовника святого благоверного князя Александра Невского. Сама фигура митрополита Кирилла свидетельствует,

**Митрополит
Кирилл Третий**
(фрагмент картины
Семирадского)

что в то время Галицкая Русь считала себя частью Руси, – следовательно, «историософская ересь украинства» является ложной, искусственно насажденной прозападной идентичностью. Более того, митрополит Кирилл боролся с прозападными галицкими русскими князьями и новгородскими боярами. Латинский Запад был для него главным врагом Руси, и именно митрополит Кирилл сформулировал проект разрыва Руси с Западом, ее поворота на Восток, крещения Орды, что и на-

чал осуществлять св. Александр Невский в XIII в., а в XXI делает Владимир Путин. Великой целью было именно решение глобальной миссионерской задачи – крещение Золотой Орды, это было бы грандиозной и бескровной победой Руси, «глобальной бескровной Куликовской победой». Об этом прямо писал выдающийся православный русский историк XX в. Владимир Махнач, которого я считаю своим учителем и полагаю необходимым полностью привести его манифестационную апологию Крещения Орды, в которой он прямо писал:

«Как ни славна Куликовская победа, много большую небесную славу нам принесло бы крещение Орды».

Безусловно, митрополит Киевский и всея Руси благословил святого князя Александра «побрататься», то есть духовно породниться, с несторианином ханом Сартаком. Конечно, не с целью «догматического релятивизма», а с целью принятия Сарматом Православия и Крещения Орды, чтобы она стала Русью!

Митрополит Кирилл III, духовник св.князя Александра Невского, галичанин – поборник единства Руси, перенесший после разорения Киева монгольскими завоевателями Киевскую русскую митрополию во Владимир и первым поставивший задачу крестить монголов и по факту переноса киевской общерусской кафедры во Владимир он же – обличитель «историософской ереси украинства», великий миссионер – геополитик, вдохновитель разворота Руси на Восток и Крещения и обрусения Орды, должен быть вслед за своим духовным чадом – святым благоверным князем Александром Невским – прославлен!

Волынянин создает Москву как столицу.

**Святой митрополит Киевский,
Московский и всей Руси Петр**

Митрополит Киевский, Владимирский и Московский Петр – русский волынянин, который 700 лет назад перенес древнерусскую главную православную кафедру в Москву и убедил московского князя Ивана Калиту собирать русские земли вокруг Москвы. Таким образом, Русская Православная Церковь и святой митрополит Петр являются идеологами и организаторами переноса центра древнерусской государственности из Киева во Владимир и Москву и самой Московской Руси, что превратило Русь в величайшую державу.

**Святой митрополит
Киевский, Московский
и всея Руси Петр**

Патриарх Кирилл на «Крестной манифестации» – грандиозном крестном ходе к основанному св.Петром Высоко-Петровскому монастырю в Москве, прошедшем по ул.Петровка (Москва – это сплошная Волянь, Малороссия и Белоруссия, об этом и книга), – отметил, что святитель Петр все свои силы положил на сохранение единства Русской земли, он примирял удельных князей, сохранял единство Русской Церкви, «и потому

мы, вспоминая его святое имя, в первую очередь вспоминаем подвиг хранения единства Руси, исторической России».

«Не случайно мы вспоминаем его как митрополита Киевского, Московского и всея Руси, потому что этот титул объединяет всю Русь, этот титул безусловного исторического и духовного авторитета бросает вызов всем, кто сегодня, идя по пути междоусобицы удельных княжеств, пытается разделить народ, столкнуть его в междоусобной брани, кто осмеливается одну часть Руси называть своим врагом и мобилизовывать людей на борьбу с единокровными, единоверными братьями», – подчеркнул Патриарх.

Волынь породила святителя Петра потому, что стояла на страже русского самосознания. Волынский князь Дмитрий Боброк поддержал Москву в Куликовской битве, и его засадный полк стал важным фактором победы. Волынские святые, такие как Иов Почаевский, считали себя русскими, и никак иначе.

Важнейшим документом борьбы с латино-униатами является «Перестрога», написанная на Волыни неизвестным автором. В ней пламенный защитник Православной Церкви говорит об упадке русского Волынского русского княжества, об уничтожении русских книг фанатиками-доминиканцами, об отсутствии просвещения на Волынской Руси и о произволе разнузданной шляхты над русским народом.

На Волыни, в Остроге, была основана знаменитая православная Острожская академия.

Русская православная Волынь расцвела в начале XX в., во время митрополита Антония (Храповицкого), насаждавшего там ученое, миссионерское монашество. Прибыв на Волынь, архиепископ изменил ситуацию в Житомире, бывшем до него центром католицизма, и ставшим благодаря вл. Антонию центром православной миссии. В Почаевской лавре тогда еще архиепи-

скоп Антоний создает Миссионерское Типографское братство (на современном языке – это «Миссионерское медиа», «интернет-братство»), возглавляемое архимандритом Виталием (Максименко). Занимаются члены братства не «малыми группами», но возделывают все миссионерское поле, охватывают весь народ! Братчики издают огромными тиражами «Почаевские листки» и обходят с миссией каждый населенный пункт Волыни. При этом братчики не скрывают своей гражданской позиции и Волынь становится оплотом православных политических сил, выступающих за общерусское единство, категорически против «самостийнической» идеи. Количество членов общерусских общественно-политических сил на Волыни в период правления вл. Антония (Храповицкого) достигло двух миллионов человек. Благочестивые православные миряне, вместо того чтобы бегать от «греховных» политики и экономики, создают Крестьянский банк, помогающий волынским крестьянам избавиться от экономической зависимости от богатых иноверных общин. Так что владыка Антоний доказал, что если есть воля, то массовая миссия выполнима и кадры найдутся.

Откуда же «ересь украинства» появилась на Волыни? В соседней Галичине русское самосознание было уничтожено геноцидом, когда православное русское большинство было уничтожено во время Первой Мировой Войной в концлагерях, таких как Талергоф. На Волыни же «ересь украинства» была насаждена в 1930-е годы, когда русская Волынь попала в Польшу, а галицийские нацистские организации сразу после прихода Гитлера к власти были вскормлены и стали филиалом нацистских спецслужб. О «Волынской резне» написано много, а о нацистско-бандеровско-мельниковском геноциде православных Малороссии и Волыни известно только специалистам. А масштабы этого геноцида огромны! Практически неизвестной для современно-

го читателя является тема массовых репрессий против духовенства и мирян Украинской Православной Церкви Московского Патриархата со стороны адептов украинского автокефалистского раскола. Во время Великой Отечественной войны сотни православных священников, в том числе митрополит Киевский Алексей (Громадский), были зверски замучены и убиты террористами из ОУН-УПА с непосредственного благословения лидеров т.н. «Украинской автокефальной церкви». Речь идет о более чем 800 священниках, которых убивали, пытали, сбрасывали вниз головой в колодцы. Все это описано в книге С. Раневского «Украинская автокефальная церковь» (Джорданвилль, 1948 г.). Затем украинство как нацистский проект на Волыни продолжает насаждать главный либерал и борец с Русской Православной Церковью Н. Хрущев, который в 1940-е годы отвечал за Украину. Благодаря ему Кременецкий район Волыни с Почевской лаврой передается в Галицию и блокируются реальные действия СМЕРШ по борьбе с бандеровщиной (одновременно бандеровская сеть после разгрома нацизма переходит под управление ЦРУ США).

В 1948 году «хрущевская партия» начинает новый разгром Русской Православной Церкви и, нелегально взаимодействуя с США, срывает проект возвышения Московского Патриархата как первого по значению в православном мире и созданное для этого Московское всеправославное совещание 1948 года, к работе над которым были привлечены и выдающиеся умы Русской Зарубежной Церкви, готовившие ее воссоединение с Московским Патриархатом, которое должно было состояться уже тогда. В 1948 году хрущевцы добиваются ареста и посадки на двадцать лет выдающегося мало-российского митрополита Вениамина (Новицкого), который в 1943 году сорвал нацистский план создания «Украинской поместной церкви» путем насильствен-

ного объединения УПЦ Московского Патриархата и УАПЦ. Так что Порошенко продолжает нацистскую политику по созданию т.н. «поместной украинской церкви». А духовный пастырь русского мира Святейший Патриарх Кирилл собирает 6 сентября грандиозный крестный ход в честь 700-летия святительского служения митрополита Петра как символа русской Волыни, как фигуры святого, свидетельствующего о лжи украинства, доказывающего, что никакой отдельной от русских «украинской нации» «не было, нет и быть не может»!

Галичане и волыняне начинают,
а «северские русины» продолжают
«евразийский разворот» Руси.
Митрополит Алексей, Северская Русь
и «черниговская православная
группировка» в Москве

Кто такие карпатороссы и что такое Западная Русь, хоть немного, но знают. А вот то, что Северская Русь – Чернигов, Новгород-Северский, Слобожанщина, – это самобытная отрасль Руси, отмеченная еще в «Повести временных лет» преподобного Нестора, русская земля, где более других сохранилась домонгольская архитектура, а выдающийся вклад в восстановление «домонгольского» Чернигова внес восстановивший храм св.Параскевы Пятницы великий русский архитектор XX в. Петр Дмитриевич Барановский, известно намного хуже. Северская Русь освобождалась от власти Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского и Речи Посполитой постепенно. При первой возможности она воссоединилась с Московской Русью в 1503 году. Но в результате реванша Речи Посполитой, чуть было не захватившей всю Русь, Северская Русь и Смоленск в 1618 году вновь были захвачены Речью Посполитой, но в ее составе были недолго. Вскоре Северская Русь и Левобережье Днепра не просто вернулись в Россию по результатам Переяславской Рады, но именно Черниговские архипастыри были инициаторами воссоединения Русской Церкви и перехода Киевской и Малой России митрополии в состав Московского Патриархата – преемника древнерусской Киевской митрополии, «переехавшей» из разгромленного Кие-

ва во Владимир и Москву. Таковым был выдающийся православный русский интеллектуал архиепископ Лазарь (Баранович), которого Патриарх Никон видел киевским митрополитом Московского Патриархата, но оклеветание и свержение Патриарха Никона отложили святое дело воссоединения Русской Церкви до 1686 года. Учеником архиепископа Лазаря и доверенным лицом Патриарха Никона и царя Алексея Михайловича был киево-могилянский выпускник архимандрит Елецкого черниговского монастыря Иоаникий (Голятовский), идеолог полного воссоединения Руси с восхождением на престол польского короля православного русского царевича, «Лжедмитрия наоборот». А преемник архиепископа Лазаря святой архиепископ Феодосий прямо ставит вопрос о необходимости воссоединения Русской Церкви, ущербности нахождения Киевской и Малой России митрополии вне Московского Патриархата и необходимости ее перехода в его состав.

И в XX в. св. Феофан Затворник непримиримо обличал «ересь украинства»: «Нас увлекает просвещенная Европа... Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли они и переходят к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся, как помешанные, сами себя не помня... Западом наказывал и накажет нас Господь, а нам в толк не берется... Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим; и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас!»*.

Малороссия-Белоруссия-Россия – Святая Русь

«Как нельзя разделить Святую Троицу Отца и Сына и Святого Духа – это Един Господь Бог, так нельзя раз-

* Святитель Феофан 1815-1894), затворник Вышенский.

делить Россию, Украину и Белоруссию – это вместе – Святая Русь» (преподобный Лаврентий Черниговский). Преподобный Лаврентий Черниговский 22 августа 1993 года Освященным Архиерейским Собором Украинской Православной Церкви Московского Патриархата схиархимандрит Лаврентий Черниговский был причислен к лику святых в чине преподобного).

«Еще Батюшка о. Лаврентий, беседуя с архимандритами Феофаном и Никифором и своими близкими, говорил настойчиво и строго с предупреждением: “... что наши родные слова – «Русь» и «русский». И обязательно нужно знать, помнить и не забывать, что было Крещение Руси, а не Крещение Украины. Киев – это второй Иерусалим и мать русских городов. Киевская Русь была вместе с великой Россией. Киев без великой России и в отдельности от России немыслим ни в каком и ни в коем случае”».

«...Поляков понуждали завоевывать Русь. Когда поляки завоевали часть Руси (России), то отдали ее в аренду, в том числе и православные монастыри, церкви и священников. Священники и православные люди не могли самостоятельно никаких совершать треб. Православных теснили и притесняли со всех сторон, покровительствуя Польше, католичеству и униии. Очень не нравились слова: «Русь» и «русский», поэтому назвали завоеванные поляками русские земли сначала Малороссией. Потом опомнились, что здесь есть слово «Рос», и перезвали Окраиной. «Окраина» – это позорное и унижительное слово! Какая окраина?! Чего и почему окраина, когда за этой мнимой окраиной находятся другие страны и государства?! И позже узаконили нам слова «Украина» и «украинцы», чтобы мы охотно забыли свое название «русский» и навсегда оторвались от Святой и Православной Руси».

«Наши родные слова Русь-русский, и обязательно нужно знать, помнить и не забывать, что было креще-

ние Руси, а не Украины. Киев – это второй Иерусалим и мать русских городов. Киевская Русь была вместе с Великой Россией. Киев без Великой России и в отдельности от России, немислим ни в каком и ни в коем случае» (Старец Лаврентий).

«Весь мир удивится беззаконию
Киевского митрополита и устрашится»
(Речь идет об отступничестве
Киевского митрополита Филарета (Денисенко))

«Любвеобильный Батюшка говорил нам, что когда появится малая свобода, будут открываться церкви, монастыри и будут их ремонтировать, все лжеучения выйдут наружу вместе с бесами и безбожниками тайными (католики, униаты, украинцы самосвяты и другие) и сильно на Украине ополчатся против Православной Русской Церкви, ее единства и соборности. Эту еретическую группировку будет поддерживать власть безбожная, а поэтому будут отнимать у православных церкви и верных избивать. Тогда Киевский митрополит (недостойн сего звания) вместе со своими единомышленными архиереями и иереями сильно поколеблет Церковь Русскую. Весь мир удивится его беззаконию и устрашится. Сам уйдет в вечную погибель, как и Иуда. Но все эти наветы лукавого и лжеучения в России исчезнут, а будет Единая Церковь Православная Российская» (Лаврентий Черниговский).

«Преподобный Феодосий, игумен Киево-Печерский, писал, чтобы мы не хвалили чужую веру и ни в коем случае не соединялись с католиками и не оставляли Православную Веру. Архиепископ Лазарь и Святитель Феодосий, его же и мощи перед нами (говоря это, Батюшка положил земной поклон в сторону Кафедрального Собора), и Святитель Иоанн митрополит Тоболь-

ский, они всеми силами старались по слову Господа Иисуса «да вси будут едино» быть с Православной Россией, чтобы вместе составить Святую Русь. И чтобы навсегда освободиться из польского владычества и избавиться от чуждого нам католичества и унии душепугубной, введенной и насажденной угрозами, пытками, насилием и смертью. Знайте! Помните! И не забывайте!

В г. Киеве никогда не было Патриарха. Патриархи были и жили в Москве. Берегитесь самосвятской группы (церкви) и унии». Киево-Печерской лавры наместник о. Кронид Батюшке возразил, что уже самосвяты и униаты на Украине исчезли. Батюшка ответил грустно и печально: «Бес в них войдет, и они с сатанинской злобой ополчатся против Православных Веры и Церкви, но их будет позорный конец, а их последователи понесут небесную кару от Господа Царя Сил».

«Уходят в раскол и в ересь только недостойные милости Божией и великие грешники, которые не хотят знать: «Верую во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь!» И что Православная Церковь есть Тело Христово (разве можно Тело Христа разделять?), и, наконец, Церковь есть нешвенный хитон Господень, (который, подобно Арию, нельзя разрывать). И не помнят, что Един Бог, едина вера и едино крещение. Господь Иисус Христос создал одну Церковь (а не церкви), которую не одолеют и врата адовы. Одна только Церковь Православная Святая, Соборная и Апостольская. Другие, называющие себя церквами, не церкви, а плевелы дьявола среди пшеницы и скопища дьявола».

Батюшка при этих словах помолился обо всех заблудших и отступивших от правоверия, заплакал и сказал: «Нет, не призовет их Господь к покаянию, не спасутся, ибо недостойны милости Божией. Сие мне открыто Царицей Небесной и Святым Ангелом-Хранителем... В них, заблудших и отступивших от пра-

воверия, нет благодати Святаго Духа, спасения и получения Царствия Небесного. Нам, православным, ничего не надо, а только Православной Веры, спасения души и получения Царствия Небесного, а у нашей Матери Русской Православной Церкви все это есть. Благодарение Господу! И откалываться, и отходить от нее – величайший и непростительный грех и в сей жизни, и в будущей – это хула на Духа Святаго». И Батюшка озарился светом неземным, окончив свою беседу словами: «Слыши и виждь!» – так Святое Евангелие гласит, – и добавил: – Будут глухи и слепы!» Лаврентий Черниговский.

Преп. Лаврентий предостерегал о том, что т.н. «поместная украинская церковь» не будет православной:

«Время такое придет, что вы будете причащаться в катакомбах. Надо подготовить к этому времени кагор, просфоры, муку. Ни одной русской церкви не будет. Католики будут загонять в храмы насильно, а на тех, кто не пойдет, начнутся гонения. Входить в эти храмы нельзя. А если зайдешь, то надо много слез пролить, чтобы Господь простил» (Соль Земли (Фильм 2), Схиархим. Христофор, 1:55).

О «православных» агитаторах «Поместной украинской церкви» вроде Драбинко и Говоруна преп.Лаврентий говорил:

«Засилье окатоличенных очень скоро будет полным, они приведут Церковь к мерзости запустения. Наступила уже их пора. Православные рясы они носят, только чтоб совратить стадо, а не сохранить» (о. Антоний в кн.: А.Краснов, с. 296).

«И видел я, какие потуги делает мировое зло, дабы опорочить Церковь Святую, непорочное Тело Христова! Прежде всего ее будут шельмовать во всех газетах, по радио и телевизору. Иудеи со славянскими фамилиями всячески будут выставлять духовенство, православных на публичное посмешище, издеваться над обрядами, постами, образом жизни, всем тем, что всегда

являлось основой жизнеспособности народа. В самую Церковь, в среду духовенства будут засылаться тысячи и тысячи окатоличенных разрушителей Православия, при кажущемся их благочестии, дух у них – другой, чужой, и народ покинет их храмы. Будут они стоять восстановленные и построенные, но – пустые, где не будет светиться огонек истинной святости и приверженности духу отеческой веры. Но кто хочет, тот найдет. Никто не сможет оправдаться, сказав: «Господи, искал я и не нашел!» Среди тьмы безверия и безбожия по всей земле горят огоньки истины. И будет праведное духовенство гонимо и теснимо, подвергаться всяческим хулениям, не будут слуги дьявола останавливаться и перед убийствами, если будет Богом попущено праведнику принять мученический венец. Много их будет, праведных мучеников последнего времени!

А те, духа чуждого, дождутся властелина, антихриста. Но и им еще будет возможность спастись, т.е. распознать, кто он, да власть и деньги закроют большинству глаза. Страшное время!» (о. Антоний в кн.: А. Краснов, с. 36-37).

**Православие в окатоличенной Украине
и обличение униатского проекта
«поместной украинской церкви»**

«Среди тьмы безверия и безбожия по всей земле горят огоньки истины. И будет праведное духовенство гонимо и теснимо, подвергаться всяческим хулениям, не будут слуги дьявола останавливаться и перед убийствами, если будет Богом попущено праведнику принять мученический венец. Много их будет, праведных мучеников последнего времени!» (о. Антоний в кн.: А. Краснов, с. 36-37).

«...для мирянина много проще будет подыскать себе убежище на последние годы. Духовенство же –

это как солдаты на войне, не их дело прятаться, но следует быть на передовой борьбы с сатанизмом. Все мы принимали присягу, и все клялись нести крест Христов, вот и надо нести, а не пытаться переложить его на рамена другого.

Да, будут избранные с призванием на несение креста Литургического ради тех немногих верных, которые еще останутся, будет совершаться Евхаристия. Хотя и для них мученичество не заказано, большинство венцов сподобятся» (о. Антоний в кн.: А. Краснов, с. 152-153).

«Ты говоришь, где служить? «Аще где прилучится», как поступало духовенство во времена открытых гонений.» (о. Антоний в кн.: А.Краснов, с. 153).

«Отцы же, посаженные в тридцатые, рассказывали, как и в погребях совершали службы. Господь Россию хранит во всем и готовит для служб во время антихристово. Поэтому и чисто русское нововведение – подшитие части мученических мощей к Антиминсу, письменное благословение его для службы архиереем, также служит спасению верующих во времена жесточайших гонений последнего времени» (о. Антоний в кн.: А. Краснов, с. 155).

«Истинное Священство всегда неразрывно связано с мученичеством, и тогда, и сейчас. Всегда!» (о. Антоний в кн.: А. Краснов, с. 289).

На вопрос: «А что будет с Украиной и Белоруссией?» старец ответил, что все в руках Божиих. Те, кто в этих народах против союза с Россией – даже если они считают себя верующими – становятся служителями дьявола. У славянских народов единая судьба, и еще скажут свое веское слово преподобные Отцы Киево-Печерские – они вместе с сонмом новомучеников Российских вымолят новый Союз трех братских народов» – Старец Серафим (Тяпочкин).

«Среди тьмы безверия и безбожия по всей земле горят огоньки истины. И будет праведное духовен-

**Преподобный Лаврентий
Черниговский**

ство гонимо и теснимо, подвергаться всяческим хулениям, не будут слуги дьявола останавливаться и перед убийствами, если будет Богом попущено праведнику принять мученический венец. Много их будет, праведных мучеников последнего времени!» (о. Антоний в кн.: А. Краснов, с. 36-37).

Крупнейшей фигурой, на века определившей москвоцентричное развитие Северной Руси, является митрополит Киевский, Московский и всея России Алексий (Бяконт), из черниговских бояр. Святой митрополит Алексий осознанно занял миссионерско-геополитическую позицию крещения, воцерковления и русификации Золотой Орды. Более того, его предшественники и он практически добились своей цели, и только приход к власти в Орде хана Узбека, ставшего насаждать в ней ислам, сделал необходимым освобождение от ее власти путем русской национально-освободительной борьбы. Митрополит Алексий, действовавший после Узбека, не считал «агарянский фактор» непреодолимым препятствием к «крещению Орды», тем более что Узбек помогал Руси сдерживать натиск Запада и даже сорвал католическое крещение Гедимины, чем облегчил православную русскую миссию в Литовской Руси. Земляки св.Алексия черниговские князь Михаил и боярин его Федор шли путем православной русской национально-освободительной борьбы* и приняли мученическую смерть за Русь Свя-

* <https://azbyka.ru/days/saint/1639/2493/group>

тую и Веру Православную. В Москве действует храм в их честь, расположенный в Черниговском переулке, свидетельствующем о влиянии черниговского боярства в Москве. В действительности и метод св. Алексия, и метод святых Михаила и Федора едины в стратегии, в зависимости от ситуации реализовывалась та или иная тактика. Если бы св. Алексей выполнил свою миссию и крестил Орду, то ордынцы стали бы православными русскими так же, как чудь, меря, весь и другие племена, ставшие Русью, и великая православная русская евразийская империя была бы построена задолго до Петра I, а вся Русь была бы воссоединена еще в XV в. На эту тему великий русский историк XX в. Владимир Махнач писал, что как бы ни велика была Куликовская победа, крещение и обрусение Орды были бы еще значительнее. Как же черниговец московский митрополит Алексей крестил Орду? А вот как:

Святитель Алексей

Инцидент между ханом Джанибеком и святителем Феогностом был, вероятно, единственным черным пятном в их отношениях. В целом Джанибек занимал такую же благосклонную позицию по отношению к Русской Церкви, как и его отец Узбек. В Никоновской летописи сказано: «Бе же сей царь Чанибек Азбякович добр зело ко христианству, многу льготу сотвори земле русской». При его правлении, благодаря святителю московскому Алексею еще более утвердилось влияние Церкви в Сарае.

Святителя Алексия (1354-1377 гг.) не миновала участь путешествовать в Орду. Первую поездку он совершил в 1354 году, еще не будучи официально поставленным на митрополию Константинопольским Патриархом. Он получил на свое имя ярлык – подорожную грамоту на проезд через Золотую Орду в Константино-

**Святой
митрополит Алексей**

поль. Грамота гарантировала его личную безопасность и предписывала ханским чиновникам не задерживать его и на всем пути предоставлять ему постой. В этом ярлыке святитель Алексей был назван уже митрополитом.

Следующая поездка была совершена им в 1357 году, уже не по собственной воле, а по приглашению самого хана Джанибека. Жена ханова, Тайдула, три года была крайне больна и лиши-

лась зрения. Никакие лекари и никакие лекарства ей не помогали. Между тем слухи о святой жизни русского первосвятителя и о силе его молитвы достигли татарских улусов. Джанибек написал князю Московскому Иоанну Иоанновичу, прося его выслать в Орду архиерея Божия, и в то же время просил самого Алексея посетить болящую царицу. Просьба сопровождалась угрозами: за неисполнение хан грозил войной. Отказать было невозможно, и святитель отправился в Орду, не зная, что его ожидает. Если бы Тайдула не выздоровела, ему могла реально угрожать смерть. Митрополит жертвовал собой ради того, чтобы отвести угрозу нового татарского нашествия на Русь.

Об этой поездке сообщалось в Московском летописном своде конца XV века: «Тогда же прииде посол от царицы Таидулы из Орды к митрополиту Алексею, зовущи его в Орду, да, пришед, посетит нездравие ея. Он же нача яже на путь потребнаа готовити, и се тогда

загоревшись свеча сама собою у гроба чудотворца Петра августа 18. Митрополит же, пев молебен со всем клиросом, и свещу ту раздробил и раздасть народу на благословение. И того же дни поиде в Орду и, пришед там, болящу царицу исцели. И паки вскоре отпущен бысть с великою честью. А в Орде тогда заматня бысть велика». После исцеления ханши святитель Алексей приобрел еще больший авторитет в Орде. Тайдула же была женщиной большого ума и, испытывая глубокую признательность Митрополиту, располагала хана в его пользу.

Святитель Алексей вернулся в Москву с почетом, в благодарность за исцеление Тайдулы ему был подарен татарский двор в Московском Кремле. Подобные дворы имелись в каждом крупном городе Руси и являлись центрами административного контроля татар над русскими княжествами. На месте двора в 1365 году в память о чуде исцеления, случившемся 6 сентября, Святитель заложил каменный храм во имя Чуда архангела Михаила в Хонех и основал при нем Чудов монастырь, в котором впоследствии и был, согласно своему завещанию, погребен. Сохранился ярлык, выданный в ноябре 1357 года Тайдулой святителю Алексию, традиционный по содержанию. Согласно ему, Русская Церковь, молящаяся за ханов, освобождалась от всех дани, поборов и насилий со стороны светских властей.

Согласно житию, митрополит Алексей вел в Орде в присутствии хана прение о вере. Святитель Алексей всемерно содействовал объединению Руси вокруг Москвы, получил наибольшее количество правовых и экономических льгот от золотоордынских ханов и пользовался наибольшим их уважением*.

* Вера Королева, «От Золотой Орды до Верного»,
<http://www.pravoslavie.ru/38349.html>

**Литовский русский князь –
основатель Подкарпатской Руси.
Князь Федор Кориатович**

Пока Литовская Русь не была подкошена Кревской и уничтожена Люблинской унией, пока ее элита не предала Православную веру и русское самосознание, литовские русские князья Гедиминовичи поднимали православные русские восстания против поработителей на всем пространстве расселения русского народа. Таким был князь Федор Кориатович – русский «властелин Карпат»:

«Федор Корятович (иначе – Теодор Кориатович) был сыном великого князя новгородского Михаила Кориата и происходил из династии Гедиминовичей – великих князей Литовских. Право на правление в Подолии семья Корятовичей получила от своего дяди – великого князя Литовского Ольгерда (1345-1377). После Кревской унии 1385 года (династического объединения Польши и Литвы в единое государство) их положение резко ухудшилось, в первую очередь из-за того, что они исповедовали Православие. Другой же причиной ослабления их семьи стали амбиции нового литовского князя Витовта (будущего героя Грюнвальдской битвы с Тевтонским орденом), который стремился к абсолютной централизации власти в Литве. Витовт незамедлительно начал военные действия и спустя несколько лет изгнал семьи Ольгердовичей и Корятовичей из их родовых владений.

Сам князь Федор Корятович был в 1393 году побежден в сражении войсками Витовта, пленен им, а затем содержался некоторое время в темнице горо-

да Вильно, откуда ему удалось бежать, выказав при этом необыкновенные хитрость и смекалку. Однажды, когда князь уже совсем пал духом и смирился со своей участью, к нему неожиданно пришла помощь. Глубоко преданный Корятовичу верный его слуга сумел каким-то неведомым нам способом проникнуть в темницу, где томился узник. Князь поменялся с ним одеждой, и многократно рискуя жизнью, ухитрился, не обратив на себя внимания, пройти весь путь от дверей камеры до ворот тюрьмы. На

**Князь
Федор Кориатович**

улице его уже ждали оседланные лошади, а в соседнем с городом лесу – жена, слуги и небольшой отряд дружинников, которые отказались покинуть своего повелителя...

Но куда было деваться князю-беглецу? Долго размышлять времени не было, и, наконец, приняв решение, Корятович отправился в соседнюю Венгрию к своему старому союзнику и родственнику – королю Сигизмунду Люксембургскому. Тот гостеприимно принял изгнанника, но военной помощи оказать ему не смог, так как сам был занят непрекращающейся борьбой с баронской вольницей. Вместо этого король Сигизмунд предложил Корятовичу остаться в его стране навсегда, в качестве вассала венгерской короны. Князь Федор принял это предложение (других-то вариантов все равно не было) и в 1396 году получил в ленное вла-

дение Мукачевскую доминию (область) Закарпатья вместе с городом и мощным замком. С этого момента и начинается настоящий взлет Мукачева как центра политического влияния, религии и торговли в регионе, и всему этому город, несомненно, обязан нашему герою.

Главной резиденцией князя Корятовича стал Мукачевский замок... «Надо отметить, что на так называемой, Чернечьей (монашеской) горе близ Мукачева уже с XI в. начала складываться православная иноческая община, куда приходили люди со всей Руси. В XIV же столетии здесь возник довольно крупный по тем временам Свято-Николаевский монастырь, и князь Корятович вместе со своей женой Ольгой приложили немало усилий для его укрепления. Даровав обители богатые земельные угодья, герой нашего повествования создал тем самым как бы островок Православия, посреди окружающих Мукачево католических областей! В стенах обители не только велась хроника и переписывались книги, но и создана была обширная библиотека, где монахи собирали редкие инкунабулы. Кроме того, здесь действовала школа, которая поддерживала связи с балканскими и восточноевропейскими центрами Православия. Скончался он в 1414 году уже в пожилом возрасте, оставив Мукачевский замок во владение своей жене, – княгине Ольге»*.

Федор Кориатович не просто бежал «куда глаза глядят». Он знал, куда идет, – на Угорскую Русь. Историческое имя карпатской ветви русского народа – угоруссы. Угры (мадьяры), будучи еще язычниками, пришли на Тиссо-Дунайскую равнину ок. 896 г., где попали под культурное влияние православного прарусского народа, поселившегося на южных склонах Карпат по меньшей мере с VI в. и являющегося старейшим, «материнским» субэтносом. Первые угорские короли полностью признавали за угоруссами их религиозные, национальные и политические права до тех пор,

* http://www.varvar.ru/arhiv/slovo/feodor_koriatovich.html

пока в Угрии преобладало православное (византийское и русское) влияние над латино-немецким. Оказав важные услуги мадьярам при завоевании Угрии, угоруссы занимали ключевые должности в венгерском королевстве. Исследователь Карпатской Руси проф. Ф. Аристов отмечает, что самые должности при угорском дворе носили славяно-русские названия, например: «воевода», «стольник» и проч. Принципиально важным является тот факт, что соединенный в одну область угрорусский народ имел также национальное самоуправление, избирая ежегодно своих старшин под названием князей и крайников.

Угроруссы были крещены в течение IX в., раньше, чем остальная Русь, и после отпадения от Православия Римского Патриархата в 1054 году оставались верны Православной Церкви. Первое давление на православных угроруссов было осуществлено мадьярским королем Стефаном. В ответ на притязания католиков, отнимавших у православных храмы и насильно перекрещивающих угроруссов в латинство, разгорелось первое угрорусское восстание под предводительством Купы Стренчаника, Уйки и Киамы, которое было жестоко подавлено. После татарского нашествия в 1241 году Угорская Русь долго находилась в запустении, но пришествие православного литовского русского князя Федора Кориатовича стало мощнейшим импульсом ее возрождения и поводом к тому, чтобы подробнее остановиться на Подкарпатской Руси в этой книге.

После Федора Кориатовича Угорскую Русь не могла уничтожить даже Ужгородская уния середины XVII в. (аналог Брестской), а в XVIII-XIX вв. начинается процесс православного и русского национального возрождения Подкарпатской, Угорской Руси. Там великим русским национальным просветителем является А.В. Духнович (1803-1863) («Русь едина – одна мысль в душе» – был девиз Духновича). Гимн Подкарпатской

Руси «Подкарпатские русины» написан Александром Духновичем в середине XIX в., в начале XX в. эта песня была гимном Карпатской Руси – региона, входившего в состав сначала Австро-Венгрии, а затем – Чехословакии. Текст гимна (орфография и пунктуация сохранены):

*Подкарпатские русины,
Оставьте глубокий сон.
Народный голос зовет вас:
Не забудьте о своем!
Наш народ любимый
да будет свободный
От него да отдалится
неприятелей буря
да посетит справедливость
уж и русское племя!
Желание русских вождь:
Русский да живет народ!
Просим Бога Вышняго
да поддержит руссаго
и даст века лучшаго!*

Александр Васильевич Духнович был непримиримым противником создания «украинского» языка, особенно на основе галицкого наречия, которое, как Духнович писал своему единомышленнику галицкому русскому историку Денису Зубрицкому, «у нас и мужик не терпит», что, в свою очередь, побудило Зубрицкого убедить Михаила Максимовича отказаться от попыток измышлять отдельный от общерусского «украинский» язык. «...Ваши мне сообщенные основательные и с систематической точностью изданные сочинения – откуда идет русская земля, и исследование о русском языке читал я с величайшим любопытством и вниманием. Вы опровергли сильным словом мечтательные утверждения писателей и выдумки как о происхожде-

нии народа, так и о русском языке, которые мне всегда не нравились... Что касается до наречий русского языка, то их бесчетное число: внимательный наблюдатель, странствуя по русской земле, найдет почти в каждом округе, даже в каждой деревне, хотя и неприметное различие в произношении, изречении, прозодии, даже в употреблении слов, и весьма естественно. По исчислению г-на Шмидель (*Literarische Anzeiger*, 1882 г.) есть 114 наречий немецких столь одно от другого состоящих, что немец друг друга никогда не разумеет, но язык есть всегда немецкий, и, невзирая на сие, ученые немцы в Риге, Берлине, Вене и даже в Страсбурге употребляют в книгах и общежитии лучших обществ одно словесное наречие. Я бы желал, чтобы и русские тем примером пользовались...»*.

Духовное становление будителей

Нашим будителям более всего были близки русские славянофилы. Многие из них поддерживали личные связи с Аксаковым, Погодиным, Хомяковым, Шевыревым и другими сторонниками славянского единства.

Было время, когда будители, надеялись на непосредственное вмешательство России в славянские дела Австрии и Венгрии. Вот почему А. Добрянский сразу же стал гражданским комиссаром при русских войсках Паскевича-Эриванского, который прибыл в 1849 году в Венгрию. После ухода русских войск из Венгрии эти надежды рухнули. Что же осталось делать будителям? Они должны были думать только о том, как приспособить свои действия к условиям места и времени. Заявляя о своих верноподданнических чувствах австрийской короне, они в то же время мечтали о духовном,

* Путиами истории, Т.2. Изд. Карпато-русского литературного общества, Нью-Йорк, 1977.

культурно-литературном единении славян между собой и, прежде всего, с Россией.

Большое влияние на формирование славянофильских взглядов будителей, на направление их культурно-просветительской деятельности оказало чешское и словацкое национальное возрождение, идеи «апостолов» славянства И. Добровского и Яна Коллара, произведения Ф. Палацкого и П. Шафарика, а также зарождающееся русское национально-просветительское движение в братской тогда Галиции, у истоков которого стояла «Русская троица», когда три студента богословского факультета Львовского университета Яков Головацкий, Маркиан Шашкевич и Иван Вагилевич впервые в Галичине открыто заявили: «Как на небе Бог в Троице Един, так на земле Русь триединая: Великая, Малая и Белая Русь – одна Русская земля». Уместно тут вспомнить и о связях с русскими учеными-славистами. В частности, А.В. Духнович был знаком с профессором Харьковского университета И.И. Срезневским, который в 1842 году, после встречи с Л. Гаем, посетил также и А. Духновича*. На память об этой встрече А. Духнович подарил известному ученому-слависту два автографа своих стихотворений.

Осторожно, боясь вызвать подозрение у австрийских и венгерских властей, будители, в своей литературной деятельности пропагандировали те идеи, с которыми была связана их борьба за русскость. Правда, делалось это, по словам И. Раковского «еще весьма слабо... У писателей... это происходит не только от добровольного уклонения от правил русского языка, сколько от недостатка совершенного знания и обладания богатством его. Но можем ли мы иметь притязания на совершенное усвоение литературного русского языка? Где, в каких училищах изучали мы его? Давно ли занимаемся распространением народного просвещения? Чисто русского училища с преподаванием наук на русском

* В. Микитась «О. В. Духнович», Ужгород, 1959. стр. 24.

языке у нас доселе нигде нет. Все, что в некоторых училищах находим, для пользы нашего русского языка, ограничивается преподаванием русской грамматики, далее закона Божия и некоторых немногих учебных предметов на русском языке; но при всем этом вовсе не употребляются учебники, составленные на литературном русском языке».

«Отцом русской школы и русской литературы в Угорской Руси, – писал К. Кустодиев, – был А. Духнович, человек «глубокого классического образования и «глубоко преданный своему народу и любивший меньшую братию до самоотвержения». Все свои силы, все свое время, все свои средства А. Духнович посвятил единственной цели – пробуждению народного сознания и развитию народной литературы».

РУССКИЕ КОРНИ ДУХНОВИЧА (1803-1865)

С малых лет, как сын священника небольшого провинциального прихода, оставшись сиротой в 12 лет, Александр проводил время со сверстниками, простыми крестьянскими детьми, поэтому с детства проникся сочувствием и состраданием к простым русинам. А еще его связывали с ними общий язык и школа. И конечно, семейное предание, услышанное от деда, выводившее род Духновичей из Руси. Через несколько дней после смерти отца, как писал будитель в своих автобиографических «Записках», его призвал к себе дед и торжественно объявил ему: «Я должен теперь передать тебе, что отец и дядя, мой завещали мне передать наследникам касательного нашего рода. Предок наш происходил из Москвы... из фамилии Черкасских. Когда царствовал император Петр Великий, то настал там бунт и мятеж... Зачинщиками бунта были стрельцы, и в числе капитанов их был наш предок Черкасский.

Наш предок спас свою жизнь бегством... ушел через Польшу в Угорщину и явился в Тополу уже с именем Духновича». Его дед закончил свое напутствие такими словами: «Сын мой! Не забывай Бога... и люби свой русский род, и хоть не будешь через то богат, но будешь счастлив».

Безусловно, это семейное предание заронило в сознание подростка Духновича чувство приверженности к своему «русскому роду». В гимназии он столкнулся с чуждой и гнетущей обстановкой, оставившей неизгладимый след в его душе. Как писал Ф.Ф. Аристов: «Русский букварь был заменен мадьярской азбукой, причем учитель с нескрываемым злорадством объявил, что все предыдущее обучение было напрасным трудом и поэтому ничего не стоит. Не отставали в шовинизме от своего учителя и воспитанники школы, которые издевались над Духновичем за его привязанность к русской речи».

Все это не заставило Александра Духновича стать «стыдящимся рода своего». Способный юноша вскоре хорошо изучил и мадьярский язык, но не забыл и не отказался от родного языка, а, наоборот, с жадностью читал и изучал произведения классиков русской литературы Державина, Пушкина, Лермонтова, Аксакова, Гоголя...

В автобиографии он рассказывает, как ночами в библиотеке консистории читал русские книги и причислял себя к русскому народу: «Тогда я понял, что я русский, тогда поминул слова моего діда и я душею да тілом стался русским, думы носились над Сывером, и мні пришла жажда видіть... Єрусалим».

Букварь Духновича

Заслуга А.В. Духновича заключалась, прежде всего, в его многогранной культурно-просветительской

деятельности, выразившейся в издании им школьных учебников на родном языке и «полезных для народа книг». Друг и соратник Духновича, известный русинский церковный деятель, писатель Анатолий Федорович Кралицкий (1835-1894), характеризуя эту сторону деятельности Духновича, писал: «Духнович не был гений, поэт высоких дарований или литератор европейской славы; он был только скромный «будильник», так называемый *tumfas*. Нужен был календарь – Духнович составил и издал календарь. Оказалась потребность в школьных учебниках – Духнович написал и издал на собственные издержки: букварь, грамматику, землепись, народную педагогию и проч.».

Он являлся автором и издателем следующих учебников для народных школ: «Букварь, книжица для начинающих» (1847), «Краткий землепись для молодых русинов» (1851), этим изданием автор удовлетворил давнее детское желание стать географом; «Грамматика русского литературного языка» (1853); «Народная педагогика в пользу училищ и учителей сельских» (1857). Эти учебные пособия в условиях того времени сыграли большую положительную роль. Они содействовали распространению грамотности, прививали национальное самосознание русинов, противодействовали антинародной, ассимиляторской политике Габсбургов.

«Букварь» В.А. Духновича, написанный «речью мерною», пользовался огромной популярностью и выдержал четырехкратное переиздание. Эта книга, писал В. Крайняница, благодаря «чистоте и ясности языка, легкости стиля, пестроте и богатству содержания... быстро распространилась не только под Карпатами, но и за Карпатами. По ней училось грамоте не одно поколение, с благодарностью вспоминая о ее составителе».

«Грамматика» и «Краткий землепись» А. Духновича, являлись первыми школьными пособиями этого рода. «Из них долгие годы черпала молодежь познания на понятном и родном языке», – отмечал тот же автор.

«Грамматика русского литературного языка» А.В. Духновича была быстро распродана и имела огромное значение для поднятия престижа родного языка. По словам Ф. Ф. Аристова, она была написана «...на местном карпаторусском наречии, но В.М. Войтовский и И.И. Раковский, которому автор послал в Будапешт свое сочинение для напечатания, изменили первоначальный язык грамматики на общерусский лад и в таком виде выпустили ее в свет». Исследователь и путешественник В. Терлецкий в уникальной книге «Угорская Русь и возрождение сознания народности между русскими в Венгрии» отмечал, что Духнович поначалу страшно возмутился, но со временем примирился и даже был доволен исправлениями Войтовского и Раковского.

Ревностные проповедники карпаторусского литературного языка

По исключительной энергии и неуклонности, по смелости и прямоте выступлений на защиту русского единства, бесспорно, наиболее выдающееся место принадлежит о. Иоанну Раковскому.

Еще в начале, когда пробудилось в галицко-русском обществе национальное самосознание и под влиянием воззвания «Рады народной русской» («Одозва до русского народу», от 10 мая 1845 г.), призывавшей к подъему и развитию чувства народности, совершенствованию языка и утверждению его в школе, в печати, в книге этим вопросам большое внимание уделяет «Вестник для русинов Австрийской державы». Журнал выходил в Вене с 1850 года под редакцией И. Головацкого, публиковалось множество статей «о галицко-русскомъ языкеѢ», «о развитіи нашего языка», «Гадки о образованіи и развиваніи письменного русского языка» и другие. На страницах издания в дискуссиях

активное участие принимал и Раковский. Он, подписывал свои статьи псевдонимом «Панноніянин». В публикациях неоднократно касался вопроса об основах развития литературного языка в письменности, а главное, высказывал свою позицию по отношению литературного языка к народным наречиям и говорам. Надо отметить, что корреспонденции Раковского редакция ценила высоко и охотно их публиковала. Так, была дана оценка его писем, затрагивающих животрепещущие вопросы и потому особенно интересных, хотя и не всегда отвечавших взглядам редакции.

И. Раковский вовсе не был противником народного языка, он признавал всю важность изучения его, на него тоже, влияла народная «бесида», но он высказывался против введения ее в литературный процесс. «Ибо, – говорил он, – ежели бы мы себе во всемъ простонародному языку приспособляти хотѣли, тогда майже толико словесностей имѣли бы есме, колико областей и селъ находитца... И где изобрѣтается народъ, иже бы повседневній свой языкъ равен имѣлъ съ обдѣланнымъ и ученымъ языкомъ?» Поэтому, по словам Раковского, нет смысла и нужды стремиться к тому, чтобы создавать и утверждать письменность на простонародном языке. Эту мысль за двадцать лет до Раковского высказал с той же категоричностью М. Лучкай (Михаил Поп), в своей «Грамматике церковнославянского и русского языков» (1830 г.), написанной по-латински. Он осудил вообще стремление славян приобщать к литературе различные говоры и диалекты. В этом отношении надо опираться, прежде всего, на язык церковнославянский, на его богатство и высокое развитие. Михаил Лучкай не одобрял переход россиян с церковнославянского на современный русский литературный язык, «поскольку из-за этого возникли определенные расхождения между Подкарпатской Русью и остальной Россией». Автор грамматики считал: «Подкарпаторусский диалект так близок цер-

ковнославянскому языку, что ему не нужна собственная грамматика, отличающаяся от грамматики церковнославянского языка». И предполагал, что «подкарпаторусский диалект произошел непосредственно от церковнославянского языка, а церковнославянский язык является собственно лишь подкарпаторусским диалектом в его старом, первоначальном виде».

Иван Раковский считал, что русины Угорской Руси и Галиции только тогда сумеют успешно отстаивать свою русскость, народность, когда они овладеют «оружием поразительным» (разящим), то есть богатейшею русской культурой и могучим русским языком.

Если же этого не будет, то «мы не сделаем ни в чем никакого успеха, будем попораны, призрены и не обратит никто на нас никакого внимания».

Такой же языковой концепции придерживался и А.В. Духнович. Корреспондент «Вестника» из Пряшева (вероятно, Духнович), решительно выступает против стремлений «нѣкоторых галицких сродниковъ» создать литературный язык из одного народного говора и осуждает тех, «каторіи увѣряти всѣх хотятъ, что языкъ простонародный округа, в котором они уродилися или теперъ живутъ, повиненъ бути языкомъ книжнымъ всѣх русиновъ Австрійскихъ». И горячо убеждает читателей: «Нѣтъ, Братія, сіе бути не можетъ, бо такимъ способомъ въ четырехъ милліонахъ Австрійскія державы русиновъ будутъ 1000 діалекты, будетъ непрестанна распря, будетъ междоусобная брань, что самое может русинамъ послѣднее принести уничтоженіе». Далее он писал: «А мненіе наше такое: что народный наш языкъ в союзе с библейскимъ или церковнославянскимъ языкомъ есть; мы желаемъ к нему приблизитися, и нашу народность на немъ образовати».

Некоторые исследователи творчества А.В. Духновича, в том числе и Ф.Ф. Аристов, отмечали большую заслугу будителя в том, что он являлся первым просветителем Угорской Руси. Очищая народный язык

от устаревших и не свойственных ему лингвистических форм, Духнович, шаг за шагом, подготовлял почву для постепенного возвышения и приближения народного языка к литературному.

На страницах галицийских изданий «Зоря Галицкой» (1854-1856) и «Семейная Библиотека» (1855), в местных изданиях «Свет», «Новый свет», «Карпат», в «Месяцесловах» размещал свои материалы и И. Раковский. Он последовательно отстаивал идею культурного объединения всех ветвей восточных славян, прежде всего на основе принятия единого русского литературного языка. Всеми доступными способами противодействовал он денационализации подкарпатских русинов, борясь за распространение грамотности и устранение тяжелой культурной отсталости и темноты простого народа. По этому поводу он говорил: «Наша Угорская Русь никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствие к литературному единению с прочею Русью. У нас, так сказать, никогда и вопроса не было по части образования какого-нибудь отдельного литературного языка. Все наши писатели с самого выступления на поприще распространения народного просвещения руководились одною мыслию, имеющею целью литературное объединение. Сия мысль столь овладела нашими писателями, что они, можно сказать, были постоянными подвижниками великой идеи о всеславянском литературном соединении, получившей торжественное освящение в славянском мире».

Энергично высказывались в этом смысле в той же «Зоре Галицкой» и другие ее корреспонденты из Угорской Руси. От анонимного автора из Пряшева (очевидно от А.В. Духновича, который и раньше помещал тут свои материалы на эту тему) редакция получила письмо по поводу вышедшего еще в 1849 году во Львове перевода «на языкъ руській» трагедии Хомякова «Ермак». Это курьезное и совершенно ненужное упражне-

ние галицкого литератора Келестина Долинянского, перелицевавшего произведение Хомякова, вызвало замечания пряшевского корреспондента («Зор. Галл.» 1852, № 50, стр.498). Они касались исключительно языка перевода: «Кой то у вас несчастник «Ермака» Хомякова не только изуродоваль? Якій то языкъ? Якая грамматика? Не выйдемъ ли мы никогда изъ экспериментовъ, найпаче столь соблазнительныхъ? У нас больше людей начали тое дѣло читати, но я самъ дошелъ до третяго дѣйствыя, далѣй не было возможно...» Автор письма высказывается решительно против таких переделок, против уродования утонченного литературного языка. Он спрашивает читателя: «Такъ то намъ салоны исключити въ образованіи нашего языка? И трудам прочей русской словестности и жизни для насъ мертвыми оставатися?». Переводчику прямо ставилось в укор пренебрежение русским литературным языком. И таких публикаций множество.

«Церковная газета» в одном из номеров за 1857 год, ставила Духновичу в заслугу в его литературной деятельности сочетание элементов народного языка с достижениями прошлого, столетиями общего русского литературного развития: «Наш заслуженный писатель, желая постепенно приучать народ к книжному русскому языку, старается в сочинениях своих пользоваться отчасти церковнославянским, отчасти же народным русским слогом. Он не перекручивает русских или церковнославянских слов, сохраняет их неповрежденно, старается ими облагораживать простонародные выражения».

В 1929 году карпаторусский литератор Павел Федор об этом писал: «Этот отзыв, – (в «Церковной газете» – В.Р.), – и поныне является ценным. Духнович, действительно указал путь для развития общерусского литературного языка на Подкарпатье, он, на основании общерусской грамматики, пользовался словарем

и выражениями местными, чтобы тем самым народ, лишенный русской школы, постепенно приучить к общему русскому литературному языку».

«Церковная газета» И. Раковского

Заветной мечтой всей жизни И. Раковского было стремление приобщить своих земляков к русской культуре, русскому языку. Самую возможность сохранения русинами своей народности и самобытности, возможность культурного единения славян Австрийской империи он рассматривал только в плане культурного и языкового единения с русским народом: «Наша Угорская Русь никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствие литературному единению с прочей Русью».

В вопросе сохранения чистоты русского языка Раковский проявлял всю страсть, непримиримость и фанатизм протопопа Аввакума; его «заклятые враги» – все, кто покушался на русский язык. Это был человек, который, по выражению Духновича, «за ребро даст себя повесить за русчизну».

Своей последовательностью в борьбе за чистоту русского языка он отличался от других будителей. Духнович тоже был сторонником русского языка и русской культуры, и в то же время он призывал подкарпатских русинов к взаимным уступкам в области языка с русской основой, но с большим количеством славянизмов и элементов местных наречий. Добрянский, чтобы прекратить языковые распри в Закарпатье и в Галиции, предлагал «пусть пишет каждый как умеет» и прибавлял по поводу языкового разъединения: «Разъединение сие ненавижу, тем менее хочу в нем участвовать».

Раковский же в языковом вопросе, не шел ни на какие уступки, ни на какие компромиссы. Давая согласие прислать корреспонденцию в «Зорю Галицкую», он выставлял как неперемное условие, «чтобы не изме-

няли в слове ни буквы». Конечно, его корреспонденция была на русском языке.

Обращаясь к своим колеблющимся единомышленникам, Раковский писал: «Если будем думать, что не можно у нас внести в употребление русский язык, то он и не будет введен во время нашем, но как мы иначе станем рассуждать, то он и может быть учрежден у нас в настоящее время». Таким образом, усвоение русского языка и русской литературы Раковский считал единственным средством в деле «литературного единения» австрийских славян и в деле борьбы подкарпатских русинов за сохранение «русскости», то есть своей народности.

С этой же целью Раковский взялся за издание «Церковной газеты». «Моя цель, – писал он по поводу издания «Церковной газеты», – не иначе как вести у нас в употребление русский язык и упрочить оное в народе нашем. Этой цели же нельзя иначе достигнуть как поддержание газеты (то есть «Церковной газеты») публикой».

Я русинъ былъ,
есмъ и буду

Наиболее ярко безграничное чувство любви к своему многострадальному народу выражено А.В. Духновичем в его стихотворении «Вручаніе», опубликованном в альманахе «Поздравленіе Русинов на год 1851». Автор в годы насильственной мадьяризации русинской интеллигенции и духовенства, в годы гонения всего русского мужественно заявляет: «Я русинъ былъ, есмъ и буду»; это стало «народным гимном» и «патриотическом катехизисом карпатороссов», как выражались некоторые современники.

И если другие стихи в альманахе А. Духнович подписывал криптограммой «А. Д.», то это подписал полным именем «Александр Духнович». Приведем

его полностью по изданию «Избранныя сочиненія Александра Духновича», Унгварь-Ужгородъ, 1941», которое сохранялось в собрании карпаторусского писателя И.Ф. Комловши.

*Я Русинъ былъ, есмь и буду,
Я родился Русиномъ
Честный мой родъ не забуду,
Останусь его сыномъ;
Русинъ былъ мой отецъ, матери,
Русская вся родина
Русины сестры и братья
И широка дружина;
Великій мой родъ и главный
Міру есть современный
Духом и силою славный,
Всѣмъ народамъ пріемный.
Я свѣтъ узрѣлъ подъ Бескидомъ,
Первый русскій воздухъ ссалъ
И кормился русскимъ хлѣбомъ,
Русинъ мене колысалъ.
Коль первый разъ отворилъ ротъ,
Русское слово прорекъ,
На азѣбуцѣ первый мой потъ
Съ молодого чела текъ.
Русскимъ потомъ я питанъ былъ,
Русскимъ ишелъ расходомъ
Въ широкой свѣтъ, но не забылъ
Съ своимъ знатися родомъ.
И теперь, кто питаетъ мя?
Кто кормитъ, кто мя держитъ?
Самое русское племя
Мою гордость содержитъ!
Прото тобъ, роде мой,
Кленуся живымъ Богом,
За печальный потъ и трудъ твой
Повинуюся долгомъ.*

Пожалуй, это были самые счастливые годы в жизни А.В. Духновича: на его глазах проходило пробуждение национального самосознания карпатороссов. Он восклицал: «Да то и радость, когда молодцы наши и девочки рускїи поют песни! Радостные слезы точились мне, бывшему в Торисках на посвящение, як молодежь запела: «Я Русинь былъ, есмь и буду», также и ины рускїи пісни».

... В начале 1865 года, незадолго до смерти, Александр Духнович, подводя итоги своей жизни, писал: «Я радуюся из сердца, что наши забытые русины ожили духовно. Я трудился день и ночь и боролся со многими препятствиями, я терпел муки, битвы и много біди за мой народ, чтобы он жил и счастлив был».

Уже в начале XX в. языковой спор разгорелся с новой силой. Форпостом русскости, защитником карпаторусского языка стало русофильское Общество им. Александра Духновича, но это тема отдельной публикации.

А закончить мне хочется словами почетного председателя этого общества, Евминия Ивановича Сабова, сказанные им на открытии памятника А. Духновичу в Севлюше (Виноградове) в 1925 году: «Я учился по букварю А. Духновича и еще малым мальчиком отвечал: «Я русин был», «Дай нам, Боже, добрый час»; Адольфа Добрянского я видел гимназистом в Ужгороде; а у отца Ивана Раковского с сошкольниками богословим был в Изе, и его благосклонные слова, много испытывшего труженника – пленили нас, и успокаивали. Мои товарищи! не дождались того дня, когда я, наймолодший их товарищ, излагаю благодарность всем, кому мы должны, кроме материнського молока, своему русскому духу».*

* <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2014-g/karpatskie-i-galitskie-rusiny/1146-aleksandr-dukhnovich-i-ivan-rakovskij-poborniki-russkogo-literaturnogo-yazyka.html>

**Александр Духнович –
поборник карпато-русского
литературного языка**

В самом начале пятидесятих годов XIX столетия ревностным проповедником идеи распространения русского литературного языка среди славян Австрийской империи выступает Александр Васильевич Духнович. Это было время, когда под влиянием воззвания «Русской Народной Рады», оглашенного 10 мая 1848 г. и призывавшего к подъему и развитию чувства народного самосознания, совершенствованию языка и утверждению его в школе, в печати, книгоиздании, «Вестник для русинов Австрийской державы» открывает острую дискуссию. На его страницах можно найти немало статей и «о развитии нашего языка».

Александр Духнович

Александр Духнович не остался в стороне: под псевдонимом «А. Д.» он опубликовал ряд статей, в которых неоднократно касался вопроса об основах развития литературного языка в письменности «австрийских русинов». Уже тогда он совершенно ясно определяет отношение языка литературного к народным наречиям и говорам.

В «Вестнике»* А.В. Духнович решительно выступил против стремления «нѣкоторыхъ галицкихъ сродни-

* 1850 г. № 62, стр. 247.

ковъ» создать литературный язык из одного народного говора и судил тех, которые «увѣрять всѣхъ хотять, что языкъ простонародный округа, въ которомъ они уродилися или теперъ живутъ, повиненъ бути языкомъ книжнымъ всѣхъ русиновъ Австрійскихъ». Он протестует против этого и горячо убеждает читателей: «Нѣтъ, братія, сіе быти не можетъ, бо такимъ способомъ въ четырехъ милліонахъ Австрійскія державы у русиновъ будутъ 1000 діалекты, будетъ непрестанна распря, будетъ междоусобная брань, что самое можетъ русинамъ послѣднее принести уничтоженіе». Духнович выступает за взаимодействие в литературном процессе церковно-славянского языка и русского в «гражданской письменности», ибо язык церковнославянский не всем карпаторусским крестьянам понятен, но не желает и совсем отойти от него, а, напротив, признает, что необходимо «всегда имѣти предъ очима богатое и мудрое, нами доселѣ еще не достигнутое совершенство старославянской грамматики».

А.В. Духнович в этих первых своих выступлениях в прессе разумно высказался за сближение угрорусских писателей «съ галицкою братією» и возлагал на это надежду на взаимное познание и понимание культурных задач русинов по обе стороны Карпат, так как, считал он, объединенными силами вопрос о литературном языке получил бы более скорое и прочное решение. Как будет ясно ниже, под литературным единением Духнович имел в виду единение на основе общерусского литературного языка.

Но, как показало дальнейшее развитие обеих литератур в Галичине и Угорской Руси, эти ожидания не оправдались. Однако мысль Духновича встретила сочувствие по ту сторону Карпат – в лагере старорусской, иначе говоря, москвофильской партии. В корреспонденции «Зори Галицкой» (1854, №8) выражено было желание, чтобы «для ближайшего литературного сообщенія и для образованія и соединенія разли-

чающихся немного русских нарѣчій, Литературное Пряшевское Общество соединилось съ посестримою Галицко-Русскою Матицею». Таким образом, имелась в виду организованная общая созидательная литературная работа. Автор письма предвидел трудности, ожидающие впереди, и требовал, чтобы галичане приняли «глубоко до сердець» слова пряшевского корреспондента той же «Зори Галицкой» Александра Духновича, который призывал их делать в языке «для угорскихъ братій таковыи уступленія, якіи они всегда дѣлали для насъ и якіи необходимо потребны суть для поддержанія братерского согласія и взаимного порозумленія». Путь, намечавшийся Духновичем, привел бы галицких писателей к более тесному общению с русской литературой и ее языком.

Несколько позже, непрерывно следя за развитием спора о языке, выступает со своими смелыми и решительными суждениями другой карпаторусский будитель Иван Раковский. На страницах галицких изданий: в «Зоре Галицкой» (1854-1856 гг.) и в «Семейной Библиотеке» (1855 г.), в закарпатских изданиях «Свет», «Новый свет», «Карпат», «Месяцесловы» он последовательно отстаивал идею культурного объединения всех ветвей восточных славян на основе принятия единого русского литературного языка, противодействовал денационализации карпатороссов, борясь за распространение грамотности и устранение той тяжелой культурной отсталости и темноты простого народа. По этому поводу он говорил: «Наша Угорская Русь никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствие к литературному единению с прочею Русью. У нас, так сказать, никогда и вопроса не было по части образования какого-нибудь отдельного литературного языка. Все наши писатели с самого выступления на поприще распространения народного просвещения руководились одною мыслию, имеющею целью литературное объединение. Сия мысль столь овладела нашими пи-

сателями, что они, можно сказать, были постоянными подвижниками великой идеи о всеславянском литературном соединении, получившей торжественное освящение в славянском мире».

Энергично высказывались в этом смысле в той же «Зоре Галицкой» и другие ее корреспонденты из Угорской Руси. От анонимного автора из Пряшева (очевидно от А. Духновича, который и раньше помещал тут свои материалы на эту тему), редакция получила письмо по поводу вышедшего еще в 1849 году во Львове перевода «на языкъ руській» трагедии Хомякова «Ермак». Это курьезное упражнение галицкого литератора Келестина Долинянского, перелицевавшего произведение Хомякова, вызвало следующие замечания пряшевского корреспондента*, касающиеся исключительно языка перевода: «Кой то у васъ несчастникъ «Ермака» Хомякова не только изуродоваль? Якій то языкъ? Якая грамматика? Не выйдемъ ли мы никогда изъ экспериментовъ, найпаче столь соблазнительныхъ? У насъ больше людей начали тое дѣло читати, но я самъ дошелъ до третяго дѣйствія, далѣй не было возможно...» Автор письма высказывается решительно против таких переделок, против уродования утонченного литературного языка. Он спрашивает читателя: «Такъ то намъ салоны исключити въ образованіи нашего языка? И трудамъ прочей русской словесности и жизни для насъ мертвыми оставатися?» Переводчику прямо ставилось в укор пренебрежение русским литературным языком.

К попыткам выделения малороссийского наречия в отдельный язык и, тем более, противопоставлению его русскому, что культивировалось тогда австрийскими властями, Александр Духнович относился резко критически. Относительно новой украинской орфографии, искусственно вводимой властями в Галиции, Духнович настаивал, чтобы в Подкарпатской Руси такая орфография не употреблялась, а книги не писались:

* «Зори Галицкие» 1852, №50, стр. 498.

«по новой немецко-галицко-русской орфографии, бо у нас тую орфографию и мужик не терпит». В венском «Вестнике» за 1863 год он писал: «...я считаю своим долгом сказать, что в украинских новеллах не нахожу признаков хорошего вкуса...», а по поводу лингвистических экспериментов, осуществляемых тогдашними литературными «мазепинцами», карпаторусский будитель писал в этой же статье: «Я не могу понять, каким это образом чисто русская речь могла так вдруг превратиться в украинскую».

«Церковная Газета» в одном из номеров за 1857 год ставила Духновичу в заслугу в его литературной деятельности сочетание элементов народного языка с достижениями прошлого, столетия общего русского литературного развития: «Наш заслуженный писатель, желая постепенно приучать народ к книжному русскому языку, старается в сочинениях своих пользоваться отчасти церковнославянским, отчасти же народнорусским слогом. Он не перекручивает и не обезображивает русских или церковнославянских слов, а сохраняет их неповрежденно, старается ими облагораживать простонародные выражения». В 1929 году карпаторусский литератор Павел Федор об этом писал: «Этот отзыв и поныне является ценным. Духнович, действительно, указал путь для развития общерусского литературного языка на Подкарпатье, он, на основании общерусской грамматики, пользовался словарем и выражениями местными, чтобы тем самым народ, лишенный русской школы, постепенно приучить к общему русскому литературному языку»*.

Для благородной цели просвещения народа А.В. Духнович признавал полезным издание книг на простонародном языке, но не причислял их к настоящей литературе. В экземпляре его сочинения «Добродетель превышает богатство» (Перемышль, 1850 г.),

* П. Федор «Очерки Карпаторусской литературы». / Издание культурно-просветительского О-ва им. А. Духновича. Ужгород, 1929.

хранившемся в библиотеке Народного Дома во Львове, автор собственноручно дописал следующие строки: «Въ книжицѣ сей не внимай слога, ни правописи. Бо та для простого писана народа, – и не для литературы, но для пользы народной издана была. Духнович»*.

Свой взгляд на литературный язык галицких писателей А.В. Духнович высказал еще раз в корреспонденции, опубликованной в «Зоре Галицкой»** по поводу изданий «Весна» и др., полученных им из Львова. Расхождение во взглядах на путь развития литературного языка в Галицкой и Угорской Руси было весьма существенным, и Духнович по адресу галицкого литературного процесса вновь высказал свои недоброжелательные замечания: «И не вообразите себѣ, на колико наши нелюбо смотрять на предпріятія нѣкоторыхъ вашихъ писателей, употребляющихъ для высшихъ науковыхъ предметовъ простонародный язык или лучше – смѣшеніе простонародного съ польскимъ. Ихъ сочиненія несовсѣмъ вразумительны для нашихъ, бо, якъ извѣстно, розличается подкарпатское нарѣчіе от галицкого, к тому же по польски рѣдко кто у нас говорити знаетъ... Мы стараемся съискати нѣкую-то середнюю мѣру въ русскомъ слозѣ и пишемъ обыкновенно такъ, чтобы насъ и Галичане срозумѣли». Позднее в полемике с В. Бирчаком внук Добрянского ученый-филолог Георгий Геровский по этому поводу писал: «Этот особый галицкий язык действительно был неприятен и непонятен Духновичу... Им овладевала тревога за чистоту и самую судьбу русского языка не только литературного, но и народного от наплыва таких чужеродных слов, которые для угрорусского слуха, не воспитанного на польской речи, являются ужасными. Автору галичанину это неприятно, но едва ли уместно своему галицкому чувству давать волю на страницах книги («Літературні стремління Підкарпатської

* Левицкий И.Е. Галицко-русская библиография. Т. I. №615. С. 54.

** 1853. № 32. С. 368.

Руси»), изображающей историю угрорусской литературы, и на этой основе производить отрицательную оценку литературного прошлого этого края. И нужно удивляться находчивости автора, который после всего сказанного считает возможным говорить, в заключительных словах, об «украинских чувствах» Духновича («почуття єдності з українським народом»)*.

Элементарная научная добросовестность требует объективно описывать жизнь и взгляды того или иного деятеля. Когда фальсификации раскрываются, их авторы выглядят крайне неприглядно. Также неприглядно выглядят те, кто пытается назвать Духновича «карпатоукраинцем»**. На эту тему еще в 1926 году красочно высказался последователь Александра Духновича председатель карпаторусского общества имени великого будителя, известный карпаторусский филолог (автор знаменитой карпаторусской грамматики) архидиакон Евмений Сабов в своем докладе на ежегодном собрании Общества им. Духновича:

«А сего года читал я в украинской газете, что следовало бы стереть память А. Духновича. Это желание, конечно, смешное, ибо на нашей области как не было, так и не будет «Подкарпатской Украины», а была Угорская Русь, да и будет навеки Карпатская Русь».

Попытки замолчать карпаторусскую историю смешны и грустны. Слава Богу, состоялось великое торжество – прославление Алексия Кабалука, карпаторусского исповедника. Но бросается в глаза то, что зачастую святого Алексия «страха ради иудейска» пишут как «Алексия Карпатского». Но ведь прп. Алексей подчеркивал, что он – карпаторосс. И скрывать это – означает извращать его житие.

* Г. Геровский «Исторія Угро-русской литературы в изображении Володимира Бирчака». Ужгород, 1943. С. 31.

** Олена Рудловчак: Усі наші будителі, в тому числі Духнович, відносили себе до малоросів, у сучасному трактуванні – українців//.«Срібна Земля-фест» 2003 №16. (<http://www.pravoslavie.ru/archiv/duhnovic.htm>)

Закончить мне хотелось бы строками из стихотворения нашего прекрасного поэта Андрея Карабелеша, написанного в 1928 году и посвященному светлой памяти Александра Духновича:

*Блажен, кто в жизни до конца
Остался верен назначенью,
Внимая вечному ученью,
Всевышней сущности Творца;
Кто истину проповедаю,
Трудился в рати боевой,
От ложных миссий охраняю
Свой незабвенный край родной
Он – нашей правды путь широкий
Во мраке мира отыскал,
И, как спасенья свет далекий,
Заблудшим братьям показал
Когда сей мрак на мир спускался,
Сей мрак смятений и крови, –
На все Духнович отзывался
Учитель правды и любви!
От сна и мертвого застоя,
Он старых братьев подымал,
И слово русское – святое –
В святой любви провозглашал!*

Вместе и вслед за Духновичем и Раковским поднимается целая плеяда угрорусских просветителей – энциклопедист, писатель **Иван Сильвай (1834-1904)**, писатель, униатский священник Иван Раковский (1815-1885), зачинатель православного движения на Угорской Руси, **Юрий Иванович Венелин (1802-1837)**.

Венелин не только угрорусский просветитель, но и вождь болгарского национального возрождения. С его диссертации «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и рели-

гиозном отношении к России» началась болгарская национально-освободительная борьба.

Немало трудов посвятил Венелин и вопросу единства России. Полемизируя с украинскими сепаратистами, он писал: «Дивный Русский язык, единая Русь носит первоисточник в Южной Руси, и только позже вследствие перемещения политического центра переменялся и центр культурный, чем, впрочем, до некоторой степени оба центра выровнялись в заслугах о великую русскую литературу и Великую Россию.» Венелин по протекции Михаила Погодина переселяется в Москву и становится учителем в семье Аксаковых. Именно он воспитал братьев Аксаковых славянофилами. Таким образом, идеология русского православного славянофильства зародилась в подъяремной Подкарпатской Руси и оттуда была перенесена в Москву.

Крупнейшим карпаторусским деятелем
был Адольф Иванович Добрянский-Сачуров
(1817-1901)

Добрянский – политический лидер угроруссов, писатель и историк. Он составил «Проект политической программы для Руси Австрийской» (1871 г.), был корреспондентом К.П. Победоносцева, императора Александра III.

В предисловии к «политической программе» Добрянский четко пишет, что «русский народ, живущий в Австрии, является только частью одного и того же народа русского – имеет одну с ним историю, одни предания, одну литературу и один обычай народный». В «Программе» Добрянский еще в 1871 году предупреждал о неизбежности войны России с воссоединившейся Германией и справедливо указывал, что только сильная единая неделимая Россия в союзе с православно-

славянским блоком способна противостоять германизму. Добрянский в своей работе «О западных границах Подкарпатской Руси, со времен Св.Владимира» (1880 г.) указал на западные этнографические границы русского народа. Следует отметить, что в 1882 году вместе с Иоанном Наумовичем за веру Православную была судима дочь Добрянского – Ольга Грабарь (фамилия по мужу), и сам он был на

**Адольф Иванович
Добрянский-Сачуров**

скамье подсудимых, однако был оправдан. Далее Добрянский в ответ на иезуитско-австрийские попытки раскола русского народа, проявлявшиеся в запрете Православия и русского языка, в переименовании русских в «рутенгов», пишет работу «Наименование австроугорских русских» (1885 г.). Эта работа является уникальным памятником русского национального самосознания, в которой поставлены все точки над «і» в вопросе об имени нашего народа, разбиваются польские теории о неславянском происхождении великороссов и т.д. А.И. Добрянский был замечательный богослов. Живя на православно-католическом пограничье (формально оставаясь в лоне униатства), он полемизировал с Толстым, написав по просьбе российского Синода труд «Календарный вопрос в России и на Западе» (1894 г.), полностью разгромив сторонников «нового стиля». Общую характеристику взглядов Добрянского приводит его друг и зять проф. А.С. Будилович: «Добрянский был горячим поборником сохранения языка

церковнославянского в богослужении славян, а отчасти и в духовной их литературе, по историческому его значению и по близости к этико-логическим основам славянской речи»*.

В постепенном же распространении между латинствующими славянами кирилловской графики он видел одно из важнейших условий их сближения с письменностью славян православных, а вместе с тем как бы внешний барьер против слияния с народами Запада, аналогичный юлианскому стилю в счислении времени (Добрянский предлагал православное контрнаступление на Запад, которое должно предваряться русской культурной экспансией, основой которой является церковнославянский язык. – К.Ф.).

По этим же причинам с крайним скептицизмом относился Добрянский к старым и новым попыткам испортить традиционную кирилловскую орфографию, усматривая в этом козни врагов Православия и славянства – иезуитов и польской шляхты, проявившиеся при насильственном введении в галицкие школы чтения и письма по запутанной и невежественной фонетической системе.

Добрянский был непримиримым врагом и языческого раскола в среде ветвей русского народа. Возникновение и распространение у малороссов и червонороссов особого образованного языка, как бы плеонастического дублета для языка Пушкина и Гоголя, он считал предательской изменой и вековым преданием русского народа, и кровным интересам как самого этого народа, так и всего греко-славянского мира. Добрянский считал, что южно-русский литературный сепаратизм мог стать причиной гибели некоторых окраинных ветвей славянства, ослабил бы его русский центр и, следовательно, стал бы как бы авангардом германизма в борьбе с грекославянским миром.

* «Об основных воззрениях А.И. Добрянского», СПб-1901; Ф.Ф. Аристов «Карпато-русские писатели», Москва (1916).

О. Иоанн Раковский

О. Иоанн Раковский, выдающийся карпаторусский просветитель.

Иван Раковский более других угрорусских писателей и народных деятелей потрудился над распространением в Угорской Руси общерусского литературного языка. По этому вопросу он высказался следующим образом:

«Наша Угорская Русь никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствие к литературному соединению с прочей Русью. У нас никогда и вопроса не было по части образования какого-нибудь отдельного литературного языка» (Газета «Свет», Ужгород, 1868 г.).

Другая великая заслуга Раковского – это возрождение Православия. Сам он, будучи священником-униатом, не решился открыто порвать с Ватиканом,

О. Иоанн Раковский

однако воспитал свой приход в преданности восточному христианству и русскому национальному самосознанию. После его смерти жители села Иза, где служил Раковский, в открытую перешли в православие, вслед за чем, собственно, и начался крестный путь Подкарпатской Руси. Против крестьян Изы было возбуждено два политических процесса (так называемые Мармамош-Сигетские процессы).

А впереди подкарпатских патриотов России ждали бессудные убийства, тюрьмы, ссылки и концлагеря – такие, как Талергоф и Терезин. Люди, зомбированные укронацистской пропагандой, будут говорить: «Этого не может быть, какие еще русины, карпатороссы за Карпатами?» Может, еще как может. И венцом карпаторусского духовного и русского национального возрождения является фигура св.Алексия (Кабалюка).

Житие священноисповедника
Алексия (Кабалюка)
и других исповедников Подкарпатской Руси

Одним из зачинателей православного движения в Угорской (Карпатской) Руси был униатский священник Иван Раковский, настоятель прихода села Иза (1885 г.). Выдающийся литератор, русский патриот, воспитавший свой приход в любви к Православию, однако сам он порвать с Ватиканом не решился. После смерти Раковского воспитанное им поколение стало думать об открытом переходе в Православие. Хотя в Венгрии по конституции была обеспечена религиозная свобода, на практике либеральное законодательство «просвещенной Австро-Венгерской монархии» не распространялось на православных. Так, можно было переходить из римо-католичества в какую угодно религию, даже в иудейство, но только не в Православие. Поэтому, когда жители села Иза заявили властям о своем возвращении из унии в Православную веру, начался их крестный путь. В 1903 году крестьяне села Иза в одно из воскресений пропели в церкви Символ Веры, исключив из восьмого члена слова «и от Сына». Этим прихожане фактически заявили о своем переходе в Православие. Тотчас село было наводнено венгерскими жандармами. Начались поголовные обыски, конфисковали

**Св. схиархимандрит
Алексий (Кабалюк)**

все богослужебные книги и даже иконы. Жандармы простояли в Изе несколько месяцев, бесплатно отби-рая у крестьян провизию, всячески притесняя их и глумясь над женщинами. Долго терпело беззащит-ное население всевоз-можные обиды. Наконец, доведенные до отчаяния, некоторые ста-ли пого-варивать: «Пора прийти к русским и вы-гнать ма-дьяр!» Этого стало доста-точно, чтобы возбудить дело о государ-ственной измене. Многих крестьян арестовали, а

22 человека были привлечены к суду.

Дело, названное «Первый Мармарош-Сигетский процесс», слушалось в 1904 году, при этом обвинение в «государственной измене» было заменено на нео-пределенное обвинение в «подстрекательстве против мадьярской национальности». Крестьян Иоакима Ва-карова, Василия Лазаря и Василия Камея приговорили к 14 месяцам тюрьмы и, сверх того, к уплате огром-ного денежного штрафа. Кроме того, им присудили огромные судебные издержки. Все эти меры разорили крестьян, хозяйство которых и так было сильно подор-вано жандармским постоем и административными штрафами, взимавшимися, когда главы семейств на-ходились в заключении. С молотка были проданы за бесценок земля, дома, скот, домашняя утварь. Кре-стьяне вышли из тюрьмы нищими, их семьи ютились у односельчан и жили на средства православной об-щины села Иза. Но Иоаким Вакаров и его товарищи

не пали духом и занялись поденным трудом. Несмотря на то, что село Иза находилось всего в пяти верстах от города, правительство распорядилось на средства крестьян построить в селе жандармскую казарму. Вскоре Иоаким Вакаров был схвачен жандармами и умер под пытками. Крестьяне погребли его без священника, с пением «Святой Боже».

Смерть Вакарова только усилила православное движение. В Православие перешли многие села: Лучки, Теревля и другие. Крестьяне занялись поиском священника, и с этой целью обратились к сербскому епископу Богдановичу в Будапешт. Богданович испугался конфликта с властями и не принял делегацию. Тогда крестьяне отправились в Карловцы к сербскому патриарху Бранковичу (тогда все православные венгерской части империи находились в юрисдикции Сербской Церкви). О русских священниках нельзя даже было и думать. Только позже юрисдикции Русской Церкви над Карпатами добился архиепископ Антоний (Храповицкий), но для этого потребовались вся энергия и талант этого выдающегося архиерея. Патриарх Бранкович так описывал этот визит: «Явились ко мне крестьяне из села Иза, просили принять их в лоно Православной Церкви и прислать священника. Я долго с ними беседовал, наконец, сказал им, что ввиду правительственного террора не решусь дать им священника. Потупились русские крестьяне, затем, очнувшись от горя, громко и твердо сказали мне: «Ты православный святитель, но мы вызываем тебя на Страшный суд и ты дашь ответ Господу Иисусу Христу». Тут я уж смутился духом и решил исполнить свой долг. Призвал к ним священника Петровича и... обещал послать его к ним. Но тем временем мукачевский униатский епископ, узнав, что село Иза получит православного священника, поспешил в Вену и доложил императору, что если появится в той местности православный священник, то он, епископ, останется без епархии, так как народ немедленно

перейдет в Православие. И король-император повелел передать мне, что он не желает назначения православного священника в село Иза. В Австро-Венгрии, где конституция – всего лишь фикция, желание короля – закон, и я священника не послал, и теперь суди меня Бог на Страшном суде».

Жители Изы сами совершали требы, а детей тайком посылали в Буковину к румынскому священнику, который их крестил. Построенный крестьянами молитвенный дом был разрушен жандармами, а самим верующим запретили собираться на общие молитвы. Однако вслед за Изой целые села стали переходить в Православие.

В 1910 году Угорская Русь получила, наконец, своего религиозного вождя в лице иеромонаха Алексия (Кабалюка). До сих пор существует предание, которое передается из поколения в поколение, как весной 1910 года по приглашению местных жителей в село тайком, в телеге, накрытой сеном, прибыл о. Алексий Кабалюк. Этот подлинный исповедник Православия родился 12 сентября 1877 года в карпато-русской деревне Ясенье, в семье лесоруба Ивана Кабалюка. Мальчика назвали в честь св. благоверного князя Александра Невского. В детстве он поступил послушником в униатский монастырь Кишь-Баранья, но его чуткая душа не могла примириться с ложью унии; он бросил униатский монастырь, перешел в Православие и бежал на Афон, где нашел пристанище в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре, где и принял Православие. Оттуда его направляют в Россию, где он становится послушником Яблочинского монастыря на Холмщине. Тамшний архиепископ Евлогий рукополагает его в иеромонахи 15 августа 1910 года. Слух о нем дошел до крестьян Изы, и они обратились к о. Алексию с просьбой стать у них священником. Никакие препятствия, муки, гонения не могли остановить о. Алексия перед тем, куда звала его горячая вера и же-

вание дать своему народу духовную опору. Работая точильщиком, о. Алексей не хотел жить на средства прихожан, он обходил все села, перешедшие в Православие, совершал требы и таинства, наставлял и укреплял в вере. В селе Иза он в один день крестил 200 детей и причастил более тысячи верующих, а в течение двух дней крестил 400 крестьян из соседних сел. По данным венгерской газеты «Оз ешт» («Вечер»), за это время только в одной Мараморошине перешло в Православие более 14 тыс. человек. Эти цифры наглядно свидетельствуют о размахе православно-русского возрождения в Угорской Руси. В ответ усилились гонения. Жандармы окружали церкви, обыскивали дома, отбирали книги, образа, крестики и молитвенники. На крестьян налагали непосильные денежные штрафы, во все села были введены жандармы, закрывались молитвенные дома. Всех, перешедших в Православие, сажали в тюрьмы. Но в ответ все новые села переходили в Православие. На о. Алексея началась настоящая охота, и он был вынужден бежать в Америку, где находилась большая карпато-русская колония. Там он, вместе с священномучеником Александром Хотовицким, продолжал свой миссионерский подвиг, и сотни тысяч карпатороссов вернулись к вере отцов. Отец Алексей вел обширную переписку со своей карпаторусской паствой, и австро-венгерские власти стали арестовывать каждого, кто получал письма с американской маркой. В тюрьму были брошены несколько сот человек, в том числе все родственники отца Алексея.

Жандармы прибегали и к пыткам. Православных подвешивали к дереву так, чтобы ноги не доставали до земли. Через час такого висения из носа, горла, ушей текла кровь. Если несчастный начинал терять сознание, его поливали водой и продолжали истязания. В селе Лежие под пыткой умерла женщина. Многие прошли «мучилищное дерево», но от Православия не отреклись. Другие искали спасения в лесах и горах.

Так, одиннадцать девушек, которых наставляла сестра о. Алексия, Василиса, тайно приняли постриг, удалились в горы, построили в лесу дом и жили там по монашескому уставу. Жандармы, узнав об этом, нашли их, сорвали одежды и в одних рубашках загнали в реку, продержали в ледяной воде два часа, а затем бросили в тюрьму. Вот имена этих святых исповедниц: Мария Вакарова, Пелагея Смолик, Анна Вакарова, Мария Мадор, Пелагея Тусть, Пелагея Щербань, Параскева Щербань, Юлианна Азай, Мария Прокун, Мария Довганич, Анна Камень. В 1910 году православные люди, оставшиеся без священника, обратились за содействием к России. В русский Яблочинский монастырь Холмской епархии были отправлены кандидаты для рукоположения: Василий Камень, Василий Вакаров и другие. Архиепископ Евлогий (Георгиевский) и граф В.А. Бобринский с любовью их приняли и устроили в монастыре.

Жители села Иза собирались на молитву у крестьянина Максима Прокопа, а его племянница, Иулиания Прокоп, в 1913 году пострадала за Христа и стала святой исповедницей. Совсем юной девушкой она организовала в селе православную женскую общину, которая жила по монашескому уставу. Это было в 1913 году. 23 июля 1913 года начался второй Мармарош-Сигетский процесс – венгерский королевский прокурор Андор Иллеш в Мараморошском-Сигете передал суду акт за №5919/1913, в котором говорилось: «Мною обвиняются: Александр Кабалюк (в иночестве Алексий), 36 лет, униатского вероисповедания, лесной рабочий (русский монах), родившийся и живущий в Ясинях». Далее перечислялись еще 94 обвиняемых, в том числе православные священники о. Григорий Грицак и о. Николай Сабов, остальные – крестьяне Изы. Отец Алексий (Кабалюк) добровольно вернулся из США. «Означенные лица, – писал прокурор, – находятся в сношениях с графом Владимиром Бобринским, русским подданным, председателем «Русского

Национального Союза», членом Думы и Синода, с Евлогием Холмским, Антонием Житомиро-Волынским, православными русскими епископами, с афонскими, холмскими, киевскими, почаевскими и яблочинскими монахами и получают от них денежную поддержку. С этими лицами, кроме того, с врачом Романом Геровским, адвокатом Алексеем Геровским и инженером Георгием Геровским в Черновцах (Буковина), они вошли в соглашение с целью обратить униатских жителей государства, живущих в Марамороше, Угоче и Переи, в православную русскую веру... Все это делалось с целью присоединения означенных территорий к русскому государству и подчинения их скипетру русского царя. Руководствовались они отчасти соображением материальной выгоды, отчасти же любовью к православной русской вере, которая служит национальной русской идее». Специально прибывший на процесс граф Бобринский дал достойный ответ, подловив обвинителей на элементарной нелепости обвинений: «... Указывается, что в двух корчмах православные предъявляли «копейки и рубли», это свидетельствует, что движение поддерживается из-за границы. Какая наивность! Неужели бы мы не сумели разменять рубли на кроны ранее, чем раздавать их угророссам?.. Прокурору хорошо известно, что не материальной выгоды ищут православные, не богатеют они. Они разорены штрафами, постоем войск и тюремным заключением. Но прав, вполне прав прокурор, когда он говорит, что его жертвы «руководствовались любовью к православной русской вере». За это, конечно, их и держали в тюрьме, за это их ныне и судят...»

Последнее слово взял о. Алексей Кабалюк. Он торжественно заявил: «Где правду ищут, то место святое, как Церковь. Здесь предстоят верующие и я, как священник. Я в этом храме присягаю, что я – невинный и ничего не делал против отечества. Все то, что мы совершали, делали во имя религии, а потому в этом деле

последнее слово скажет Христос». Обвиненные зарыдали, тронутые этими словами. Председатель сената нетерпеливо закричал на о. Алексия. Кабалюк продолжил свою речь: «Какой ни будет приговор, мы его примем, Если нам придется страдать, мы будем страдать за святое дело. Я прошел три части земного шара, был в Америке, когда узнал об обвинении, и немедленно поспешил домой, тянула меня любовь к отечеству. Если стадо страдает, место пастыря среди страдающих.. Там, горе (он поднял руки к небесам), там знают, что нами руководит только религиозная правда, а не противогосударственная деятельность...» («Русский народный голос», Ужгород, 29 декабря 1933 года.)

Разбирательство длилось два месяца, 3 марта 1914 года был оглашен приговор: о. Алексей Кабалюк был осужден к 4 годам и 6 месяцам и штрафу в 100 крон от шести месяцев, отец Николай Сабовок – к 3 годам, остальные – от 2, 5 лет до 6 месяцев. Сразу же после окончания суда царь-мученик Николай II демонстративно даровал Алексею Кабалюку золотой наперсный крест за его исповедный подвиг, а в православных храмах России были проведены молебны во славу его подвига.

Во время процесса ночью жандармы ворвались в село Иза и схватили Иулианию Прокоп с сестрами. Их отправили в казармы, где долго пытали, заставляя отречься от Православия. Затем, облив на морозе водой, жандармы вывели девушек на улицу для устрашения селян. Здесь их обнажили и долго нещадно били. Они выводили исповедниц босыми, с неприкрытой грудью, долго водили их по селу, издевались, надеясь на отречение от Православия. Однако улицы села были пусты, а жители с негодованием отнеслись к беззаконию, хотя помочь ничем не могли. Униатский священник Андрей Азарий, который вызвал полицию, велел привести к себе Иулианию. Он снова пытался убедить ее отречься от Православия, обещал заступничество,

если она, хотя бы притворно, отречется от «московской веры», говорил: «Мне жаль тебя, зачем ты, такая юная, обрекла себя на истязания?». Однако Иулиания осталась непоколебимой, и пытки продолжались еще три месяца. Никто из сестер Иулиании также не отрекся от Православия.

В начале 1914 года из России в село Иза прибыли иеромонахи о. Амфилохий (Василий Камень), о. Матфей (Василий Вакаров) и о. Серафим (впоследствии он был убит на войне). Они сразу же были арестованы и отвезены в город Хуст. Первых двух выпустили из тюрьмы и отправили под домашний арест, а отца Серафима отправили в армию. Когда началась Первая мировая война, был арестован о. Амфилохий и сорок крестьян. Он был приговорен к 4 годам тюрьмы. Иулианию с сестрами тоже арестовали и под конвоем отправили в город Хуст. Перед вступлением в этот город русской армии тюремщики отпустили сестер. После отступления русских сестры остались верны Православной вере, собираясь для молитв ночью. За духовным руководством Они ходили к о. Амфилохию в Кошицкую тюрьму. В 1917 году – снова домашний арест всех сестер, на этот раз строжайший. Они должны были являться по три раза в день в жандармерию для допросов и истязаний. В 1918 году жандармы избили Иулианию до полусмерти. Все тело ее было покрыто ранами, разбита голова, сломан нос. Все эти пытки сопровождалась угрозами отказаться, хотя бы внешне, от исповедания Православной веры и монашеского образа жизни. Но Иулиания не отреклась. Ее, окровавленную и обезображенную, жандармы отнесли в подвал и засыпали песком. К подвалу поставили служанку, чтобы никто не мог туда проникнуть. На четвертый день Иулиания очнулась. Жандармы, не ожидавшие, что Иулиания выживет, отнесли ее к отцу и вызвали врача. Однако Иулиания отказалась от врачебной помощи и была исцелена чудом Божиим.

Когда в Венгрии произошла революция, православных русских оставили в покое. Отец Амфилохий продолжал служить в Изе, потом отыскал остальных священников-изян. И проповедь Православия в Карпатской Руси продолжилась.

После падения Австро-Венгрии Подкарпатская Русь оказалась в составе Чехословакии. Прокатолическое чешское правительство продолжило борьбу с русскостью и Православием в Карпатской Руси. Предусмотренная Сен-Жерменским договором 1918 года автономия Карпатской Руси не была дарована, продолжалось насаждение унии и «украинизация» – культурная униатская экспансия; и то, и другое, впрочем, быстро провалилось. В 1939 году 83% карпатороссов проголосовало на референдуме за русский язык. У молодого чехословацкого государства не было мощного репрессивного аппарата, без которого оно не могло подавить возрождение Православия. Иулиания-исповедница была в 1924 году пострижена в монахини с именем Параскева и стала игуменьей женского монастыря города Мармарош. Похоронена она в Св. Никольском монастыре в Мукачево.

Вернувшись из заключения, отец Алексей (Кабалюк) до конца жизни оставался в основанном им Св. Никольском монастыре села Иза, созданном возле храма, в котором служил отец Иоанн Раковский, и продолжал свою миссионерскую деятельность. Уже в 1920-м году в Мармарошском округе в селах Иза, Быстрый, Горинчево, Уйбарово, Липча, Селище, Терембля, Кошелево в Православие перешло все население. В 1921 году, 19 августа, отец Алексей открывает собор Карпаторусской Православной Церкви. На него съехались делегаты (более 400 человек) со всех православных сел края. Делегаты приняли Устав и официальное название «Карпаторусская Восточная Православная Церковь». Еще со времен Австро-Венгрии Подкарпатская Русь находилась в юрисдикции Сербской Церкви,

Из-за гонений на Православие в России съезд решил остаться в сербской юрисдикции, к тому же Сербская Церковь наиболее близка Русской, ее тогдашнее руководство – выпускники российских духовных школ, в Сербии также располагался центр русской церковной эмиграции. Ее лидер, митрополит Антоний (Храповицкий), серьезно помогал карпатороссам, в Пряшевскую Русь был отправлен знаменитый миссионер архимандрит Виталий (Максименко), бывший до революции начальником типографии Почаевской лавры. Он основал монастырь св. Иова Почаевского на Пряшевщине, пригласил туда старцев с Валаамского монастыря, начал издавать газету «Православная Карпатская Русь», ставшую потом официальным изданием Русской Зарубежной Церкви «Православная Русь». Также Подкарпатской Руси помогала знаменитая Битольская духовная семинария в Сербии, в частности, такие ее выдающиеся представители, как святитель Иоанн Максимович и преподобный Иустин Попович, который некоторое время служил на Пряшевщине. Подкарпатская Русь приняла у себя около 11 тыс. русских белых эмигрантов, среди которых отец Василий Пронин, ставший старцем-схиархимандритом и написавший уникальный труд по истории Карпаторусского Православия (скончался в 1996 г.).

Тем не менее, возрожденное в Карпатах Православие получило еще одно испытание – попытку раскола. Константинопольский Патриарх – обновленец и экуменист Мелетий (Метаксакис), «прославившийся» поддержкой советских обновленцев и жестокими гонениями на валаамских монахов, державшихся старого стиля и не признававших обновленчества, в противовес Сербской Церкви назначает в Карпатскую Русь епископа Савватия (Врабеца). Делается это при поддержке чехословацкого правительства, И вновь отец Алексей Кабалюк стоит на страже церковных канонов. Карпаторусскую Церковь удалось отстоять

от претензий Константинополя, однако окончательно эта проблема была решена только в 1946 году, когда отец Алексей возглавил движение за присоединение обеих юрисдикций к Русской Православной Церкви, которое увенчалось успехом, и таким способом разделение было преодолено.

Схиархимандрит Алексей (Кабалюк) был убежденным приверженцем идеи национального единства карпатороссов с русским народом и присоединения Подкарпатской Руси к России.

4 декабря 1947 года архимандрит Алексей (Кабалюк) отошел ко Господу.

В 1998 году Сербской Православной Церковью в лике святых был прославлен владыка Досифей, столь много сделавший для Православия в Подкарпатской Руси.

Летом 1999 г. обретенны мощи отца Алексея (Кабалюка). Практически полностью сохранилось тело и мантия, истлели только стопы и кисти рук. Из могилы была извлечена положенная туда при погребении икона Иверской Божией Матери, которую отец Алексей привез с Афона. На ней, пролежавшей в более чем влажном грунте вместе со святыми мощами духовного отца Подкарпатской Руси, даже не потускнели краски.

Хочется верить, что состоявшаяся в УПЦ МП канонизация сонма карпаторусских святых станет началом духовного возрождения Угорской, Подкарпатской Руси, а Св. Никольский монастырь в Изе станет лаврой.

Ввиду тесной связи Подкарпатской и Западной Руси история карпаторусской государственности и безбожной украинизации карпатороссов дана в первой главе книги.

Русский первопечатник Франциск Скорина

Писать о первом русском первопечатнике Франциске Скорине необходимо, ибо имя и дело этого великого русского просветителя и интеллектуала стало субъектом циничных фальсификаций на тему его национального самосознания и языка его творений.

Франциск Скорина

Это самосознание и это язык – русские и никакие иные! Франциск Скорина родился в Полоцке ок. 1490 г., образование он получил в католическом монастыре бернардинцев, потом – в Краковском университете, где, кстати, учился и второй русский первопечатник – о.Иоанн Федоров. Там Скорина изучал «вольные искусства» и медицину, экзамен по которой он отлично сдал в Падуанском университете.

Первое издание Скорины на церковнославянском языке – Псалтирь, издана в 1517 году в Кракове. Писать, что она издана на некоем «старобелорусском языке», – занчит лгать. Это обычный церковнославянский язык XVI в. После этого он издает 23 библейские книги. В 1520 году он переезжает в Вильну, где создается его, первая на Западной Руси, типография, которая расположилась в доме виленского бургомистра Якоба Бабича. Его меценатом выступает великий православный просветитель и исповедник Западной

Руси князь Константин Острожский, который также поддержал о.Иоанна Федорова, когда он вынужденно перебрался на Западную Русь.

Изданная Скориной «Книжица подорожная» была осуждена костелом, но о ее осуждении Православной Церковью ничего не известно. Более того, в «Малой подорожной книжице» приведены святцы, основанные на православном календаре; в них упоминаются православные святые (русские и некоторые сербские), но нет ни одного католического (в том числе святого Франциска Ассизского, в честь которого, видимо, он и был назван)*.

Главное просветительское дело Франциска Скорины – издание им самостоятельно переведенной «Русской Библии». Она не является точнее переведенным и утвержденным Церковью текстом, но, как уже отмечалось, деятельность Скорины активно поддерживалась ревнителем Православия князем Константином Острожским и эта поддержка и молчание Православной Церкви насчет осужденной Костелом «Книжицы подорожной» является важным аргументом в до сих пор до конца не выясненном вопросе о вероисповедании Скорины: *раз ревнители Православия, такие как основатель первой православной русской Академии князь Константин Острожский, поддерживали деятельность Скорины, значит, она принадлежит русскому Православию (хотя Скорина одно время жил и издал первую книгу в Праге, бывал там после этого, мог знать Яна Гуса и увлекаться его лжеучением). Принципиально и то, что Скорина издал и наименовал так именно «Русскую Библию», а не «старо-» или «ново-белорусскую», «украинскую», «польскую».*

Что касается эпизода с его единичным неприятием в Москве, то его причина кроется не в вероисповедном или национальном вопросе (здесь дерусификаторы

* <http://2mir-istorii.ru/lichnosti-novaya-istoriya/6065-francisk-skorina.html>

русских снова лгут), она банальна: первопечатники (и Скорина, и Федоров) оставляли без работы целую привилегированную корпорацию переписчиков книг, ибо они их оставляли безработными так же, как цифровые технологии оставят без работы очень многих людей в XXI в. Поэтому переписывателям проще было скомпрометировать печатников, чем переучиваться, а вера и национальность здесь ни при чем!

Скончался Скорина, ориентировочно, в 1551 году.

Как только фабрикатеры антирусского «псевдобелорусизма» и «литвинства» не фальсифицируют наследие Франциска Скорины! Разберем их демагогию «по полочкам». Сначала «их» цитата, затем мое опровержение:

«Тогда, в начале XVI века, Библия в католических костелах читалась во время проповедей на латинском языке, а в православных церквях – на старославянском. Оба языка были абсолютно непонятны простому народу».

Сравнение церковнославянского языка с латынью и заявление о его «непонятности простому народу» не выдерживают критики. О том, что церковнославянский и русский языки нерасторжимы, свидетельствует малороссийский православный филолог XVII в. Иоанн Ужевич и многие другие выдающиеся лингвисты: «Какова же была языковая ситуация в середине XVII в. в Юго-Западной Руси? Она обрисована в грамматике Иоанна Ужевича (1643 г.). В ней описывается “Lingua sacra”, или «словенороссийский язык» (так именовался церковнославянский), – высокий книжный язык, язык богослужения и богословия, “lingua slavonica”, или «проста мова», – гражданский, светский литературный и деловой русский язык, и “lingua popularis” – диалектная речь»*. В Киеве в 1627 г. «протосингел от Иерусалимского патриаршего престола и архи-

* Б.А. Успенский «Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX в.в.) М., 1994.

типограф Российския церкви» ученый монах, подлинный энциклопедист того времени Памва Берында издает толковый словарь «Лексикон словенороссийский, или слов объяснение». В нем «русская» речь (в послесловии к Киевской Постной Триоди 1627 г. Берында называет «просто мову» «российской беседой общей»), противопоставляется народным диалектам – «волынской» и «литовской» мове. Кодификация «словенороссийского» языка была произведена в основном в Киеве, Львове и Вильне. «Грамматика» Мелетия Смотрицкого стала учебником церковнославянского языка для всей Русской Церкви буквально на века. «Проста мова» стала основой общерусского литературного языка «...Действительно, «проста мова» не оказала почти никакого влияния на современный украинский и белорусский литературный языки... Однако на историю русского литературного языка «проста мова» как компонент юго-западнорусской языковой ситуации оказала весьма существенное влияние. Достаточно указать, что если сегодня мы говорим об антитезе «русского» и «церковнославянского» языков, то мы следуем именно югозападнорусской, а не великорусской традиции... Это связано с тем, что условно называется иногда «третьим южнославянским влиянием», т.е. влиянием книжной традиции Юго-Западной Руси на великорусскую книжную традицию в XVII в.: во второй половине XVII века это влияние приобретает характер массовой экспансии югозападнорусской культуры на великорусскую территорию*». Если внимательно читать все написанное, переведенное и изданное Франциском Скориной, то мы увидим, что он пользовался не «литовским диалектом» русского языка, не мифическим «старобелорусским языком», а «простой мовой», «российской беседой общей», то есть русским литературным языком, к которому вполне принадлежит и сло-

* Б.А. Успенский «Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX в.в.) М, 1994.

во и термин «посполитый» (некрепостной): «Библия Руска выложена доктором Франциском Скориною из славного града Полоцъка, Богу ко чти и людем посполитым к доброму научению. (Книга Исход. Прага, издание доктора Франциска Скорины из Полоцка, около 1519. 76 лл. Тит. л., 1а, заглавие: «Книги вторыи Моисеевы, зовемыя Исход, зуполне выложены на русский язык доктором Франъциском Скориною с Полоцъка, Богу в Троици единому и пречистой Матери Его ко чти и людем посполитым к науце»)*.

Разбираем фальсификат дальше:

«...в противовес ей (Москве – КФ) жители Великого княжества Литовского стали подчеркивать существование Руси Литовской... Своих соседей они начали называть «московитами», «москалями», «москвой», а себя, соответственно, «литвинами», «литвинами», «литвой». «Руськими людьми» по-прежнему именовали себя лишь жители современной восточной Беларуси и Смоленщины. И это не имело ничего общего с современным смыслом слова «русский»**.

Истина прямо противоположна лжи фальсификаторов. Термин «Русь Литовская» появился не в противовес Московской Руси, а как символ единства всей Руси, он означал, что Литва – это не Речь Посполитая, не Жмудь, а, как и Москва, – Русь. Термины «московитяне», «литвины», «украинцы», «сибиряки», «поморы», «рязанцы» – это географические, а не этнические термины, о чем блистательно написал покаявшийся в «историософской ереси украинства» великий знаток малороссийских песен, ректор Киевского императорского университета святого Владимира Михаил Александрович Максимович в своем историческом сокрушительном по аргументации и убедительности труде «О наименовании Киевской Руси Россией»***.

* <https://zhenziyou.livejournal.com/30194.html>

** <http://www.istpravda.ru/digest/8309/>

*** <https://rusmskii.livejournal.com/3168.html>

**Петр Тимофеевич Мстиславец
как символ единства
Восточной и Западной Руси**

Сподвижник первопечатника Московской Руси о.Иоанна Федорова Петр Мстиславец родился в городе Мстиславле, и сведения о его жизни до знакомства с о.Иоанном Федоровым отсутствуют. В 1564 году он печатает вместе с диаконом Иваном Федоровым первую печатную книгу в Московской Руси – «Апостол», в 1565 году они вместе, как символ единства Запада и Востока Руси, печатают «Часовник», причем – два издания. После этого они по указу царя Иоанна IV в 1568 году они покидают Москву и направляются на Западную Русь, в Заблудово, где им покровительствовал православный гетман Ходкевич; в его заблудовском имении они совместно выпускают «Учительное Евангелие». В их исходе на Западную Русь виден Божий Промысел: перед угрозой унии и дерусификации православные апологеты и миссионеры были особенно нужны именно там. Собственно, митр. Макарий и царь Иоанн IV, очевидно, так и планировали, а версия гонений на них в Москве является и русофобской пропагандой, и, одновременно, «легендой», без которой «гонимых москалями» в Речи Посполитой не приняли бы. Именно православные, потому что вероисповедание Франциска Скорины не вполне ясно. А может быть, Божий Промысел совпал с намерением дьякона Иоанна, Петра и их московских православных друзей сознательно отправиться защищать Православие в Западной Руси.

Иоанн и Петр далее решают разделиться, чтобы каждому основать именно православную миссионер-

скую типографию в ключевых центрах Западной Руси. О. Иоанн Федоров отправляется во Львов, а Петр Мстиславец – в Вильно, где с помощью богатых православных русских горожан Ивана и Зиновия Зарецких, а также православных предпринимателей Кузьмы и Луки Мамоничей создал новую типографию. Там он выпустил три книги – «Евангелие»

**Петр Тимофеевич
Мстиславец**

(1575 год), «Псалтирь» (1576 год) и «Часовник» (между 1574 и 1576 гг.). Затем с Мамоничами возник конфликт (предполагаю, из-за авторских прав на шрифт и типографское оборудование), и Петр перебирается в Острог, «под крыло» защитника Православия русского князя Константина Острожского и его единомышленников. Дата смерти Петра Мстиславца неизвестна, но он в Остроге создал школу печатников и то ли им, то ли уже ими в Остроге были напечатаны «Книга о постничестве» Василия Великого в 1594 году и «Часослов» в 1602 году, а также в 1598 году титульный лист «Азбуки». Дело русского книгопечатания неразрывно связано с таким ревнителем воссоединения Западной и Восточной Руси, как св. митрополит Макарий, и с такими великими защитниками Православия и русскими политиками и чиновниками Западной Руси, как князь Константин Острожский и гетман Ходкевич.

Православный русский гетман Литовской Руси Григорий Ходкевич

Гетман Ходкевич, сын новгородского воеводы Алексея Ходкевича, пройдя карьерный путь, начиная с середины XVI в., от витебского воеводы, затем трокского каштеляна, затем каштеляна виленского и, в итоге, великого гетмана Литовского, будучи высокопоставленным членом высшей элиты, был вынужден подчиняться ее системе и поэтому принял участие в Ливонской войне с Россией. Но, одновременно, будучи православным христианином и русским человеком, он прекрасно понимал последствия Люблинской унии с Речью Посполитой и нашел в себе силы выступить против нее, отказавшись в знак протеста от всех своих административных должностей. Однако католическое политическое влияние было столь велико, что

Григорий Ходкевич

остановить подчинение Литовской Руси Речи Посполитой не мог. Но он «до последнего», чтобы сохранить в Западной Руси Православную веру, Русскую идентичность и идею воссоединения Руси, поддерживает печатную и миссионерскую деятельность о. Иоанна Федорова и Петра Мстиславца, организует им типографию в своем

холмском имении Заблудово, где они печатают православную литературу «великорусского извода». Именно в Заблудове о. Иоанн Федоров и Петр Мстиславец договорились о дальнейших действиях: в Холмской Руси, на самой западной русской окраине, католицизм давил особенно сильно, и сначала Петр уезжает в Вильну создавать православную русскую миссию, а диакон Иоанн Федоров «до последнего» остается в Заблудове, но когда давление стало невыносимым, переезжает во Львов, где развивает православную русскую миссию в огромных масштабах..

Однако в 1570 году католическая сторона вынуждает Ходкевича закрыть типографию, и ему не помогло положение «элитария» и «магната»: все православное, все русское было в Речи Посполитой приговорено. Смирились ли с этим православные русские? Конечно же, нет! Ведь Ходкевич только сделал вид, что «закрыл лавочку», на самом деле он перебросил православных русских первопечатников – диакона Ивана Федорова и Петра Мстиславца – в тогдашние эпицентры борьбы за православное русское дело – в Вильну и Львов.

Диакон Иоанн Федоров – «москаль во Львове»

Иван Федорович Москвитин родился в Москве ок. 1520 года. По некоторым источникам, он имел западнорусские корни и учился в Ягеллонском университете в Кракове. Он освоил и печатное, и инженерное, пушечное дело – позже Иван Москвитин создаст «многоствольную мортиру». Ему покровительствовал митрополит Московский Макарий, который готовил активных людей, думал о книгопечатании, военно-промышленном комплексе и воссоединении Руси. Вероятно, он и познакомил великоросса Москвитина и белоруса Мстиславца и вместе, как символ единства Руси, под предлогом «притеснений» в Москве отправил их в Западную Русь для связи с защитниками Православия князем Константином Острожским, гетманом Ходкевичем и другими. В Речи Посполитой могли принять только диссидентов из Москвы, вот, видимо, митр. Макарий с царем и инсценировали «гонения» на печатников. Иван Москвитин на Западной Руси стал известен как Иван Федоров, а Мстиславец – это не фамилия, а указание на место рождения.

В 1552 году царь Иоанн IV принимает личное решение о книгопечатании в Москве и приглашает датского печатника Ганса Мессингейма, который начинает дело со своим русским учеником Василием Никифоровым, закупает в Речи Посполитой печатные станки и литеры, открывает государственный Печатный двор. Дякона Ивана Москвитина подключает к делу митрополит Макарий. В 1563 году Печатный двор открывается, а 1 марта 1564 года тиражом 2000 тысячи экземпляров, печатается, уже о. Иоанном Москвитиным-Федоровым

и Петром Мстиславцем, при активной поддержке митр. Макария, первая книга в Московской Руси – «Апостол», затем «Часослов». Корректнее называть Ивана Федорова первым православным русским книгопечатником так как православное исповедание первого русского книгопечатника Франциска Скорины сомнительно.

**Диакон
Иван Федоров**

Да, конкуренция и недовольство со стороны переписчиков книг и попытки сжечь Печатный двор были, но они были и во Львове, из-за них до появления князя Константина Острожского Федоров прозябал, и поэтому утверждать, что «мракобесная» Москва была против духовного просвещения и книгопечатания, нет никаких оснований. Иван Федоров и Петр Мстиславец перебираются в 1568 г. в Западную Россию по указу царя, книгопечатание в Москве продолжается тем же Никифоровым, а вот если православную миссию и русское книгопечатание не развить в Западной Руси, то Православие и русское самосознание могли быть подавлены. В Заблудове, в Холмской Руси, в имении православного гетмана Ходкевича Федоров и Мстиславец в 1568 г. Федоров и Мстиславец успевают издать «Учительное Евангелие», но в 1569 году Ходкевич не смог сорвать Люблинскую унию Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского и Речи Посполитой. Очевидно, что православная русская элита Западной Руси, как могла, сопротивлялась унии – вероятно, это была часть великой миссии о.Иоанна Федорова и Петра Мстиславца, – но Речь Посполитая тогда была сильнее. Последствия

Люблинской унии сказались мгновенно и гетман Ходкевич был вынужден закрыть свою православную русскую типографию, но Петра Мстиславца он заранее отправил в Вильну продолжать миссию, а потом о. Иоанна Федорова – во Львов – «вооружать» печатным словом «Православное русское сопротивление». Но во Львове переписчики книг также увидели в Федорове опасного конкурента (и это перед лицом угрозы полного поражения Православия и русского самосознания!) – он перебивается мелкими печатными изданиями и ему удается издать «Псалтырь» только в 1570 году. Он чуть не расстался с книгопечатанием, но в 1577 году на помощь приходит великий защитник Православия, православный мирянин, политик и управленец князь Константин Острожский; на его финансы о.Иоанн Федоров создает собственную мощную типографию. Федоровская типография в Остроге выпустила ряд образовательных книг: «Азбука», «Букварь» (дополненное и переработанное издание «Азбуки») и «Греческо-русскую церковнославянскую книгу для чтения». В 1580 году Иван Федоров издал Новый Завет с Псалтырью и указатель к нему «Книжка собрание вещей нужнейших», а в 1581 году вышло издание Острожской Библии – первой полной печатной русской Библии, издание которой было подготовлено на средства князя Острожского группой православных русских интеллектуалов во главе с Герасимом Смотрицким, образцом для нее была русская Библия, переведенная с Вульгаты (латинского перевода) в XV в. святым Новгородским архиепископом Геннадием, что свидетельствует об ориентации православных Западной Руси на Русскую Церковь. «Острожскую Библию», московские митрополиты огромными партиями закупают и распространяют в России. Всего в Остроге вышло 5 изданий. О.Иоанн Федоров становится известным в Европе, приглашаемым во многие университеты деятелем русского Православия. Отмечу, что во Львове

той эпохи и близко не было никаких признаков «украинства», намеков на него, – о.Иоанн Федоров ведет просветительскую деятельность по русски, среди русских людей. В начале 1583 г. о.Иоанн Московитин-Федоров вернулся во Львов, где в трудах над устройством новой «друкарни» (типографии) скончался.

Диакон Иоанн Федоров – символ православного единства Руси и «ходячее опровержение» «историко-софской ереси украинства». У старообрядцев он прославлен как святой. И действительно, его апостольские труды являются поводом для того, чтобы поставить вопрос о его канонизации в Русской Православной Церкви!

**Князь Константин Острожский
(1526-1608):**

**«С волками жить – по-волчьи выть».
Вынужденный коллаборационизм
как цена за спасение русских
Церкви и народа**

Князь Константин родился и провел детство в Пинске. Он был крупнейшим магнатом Речи Посполитой, воеводой Киевским, старостой Владимирским и маршалком Волынским. Его владения насчитывали более 300 городов и сел: как и другие магнаты Речи Посполитой, он имел собственную армию (Речь Посполитая

**Князь Константин
Константинович
Острожский**

была «олигархическим» государством). В молодости был «системным» и карьерным олигархом Речи Посполитой, активно выступал за подавление Православия, за унию с католицизмом и денационализацию русских. Неизвестно, кто и что оставило его, но Константин Острожский становится исповедником Православия и свои огромные средства начинает тратить на спасение Православной Церкви и русского народа, что было риском не только для положения

и состояния, но и для жизни. Многие состоятельные и «системные» православные русские шли на вынужденные компромиссы – гетман Ходкевич, пытается противостоять Люблинской унии, но силы были неравны и он закрывает созданную им православную русскую типографию Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Но при этом не «сдает» их, а отправляет одного – в Вильну, другого – во Львов, к Константину Острожскому, поднимать православное русское просвещение, спасти православную Русь от ассимиляции. Более того, Ходкевич и Острожский обеспечили Ивану Федорову и Петру Мстиславцу политическое прикрытие от мощного инквизиционного репрессивного аппарата Речи Посполитой, выставив их «гонимыми» (якобы) в Москве. А государственная и религиозная репрессивная машина Речи Посполитой была огромной. Этот «каток» мог бы полностью «раскатать» Западную Русь, если бы не православное сопротивление одиночных магнатов, таких как Константин Острожский. Поэтому «мазепинская» «литвинская» пропаганда тщетно пытается «приватизировать» Константина Острожского и выставить его «своим», «борцом с Москвой», в качестве «аргумента» используя его участие в битве под Оршей и общении с «Лжедмитрием». Но эти демонстрации лояльности наступающей и усиливающейся Речи Посполитой, чуть не победившей Московскую Русь (не только в Западной, но и в Московской Руси значительная часть элиты предала Православие, русское дело и присягнула католицизму и Речи Посполитой), были неизбежной платой за возможность развивать православную русскую миссию в условиях оккупации Западной Руси Речью Посполитой. Если бы не поддержка Константином Острожским миссионерских и печатных усилий о. Иоанна Федорова, Г. Смотрицкого (создание «Русской Библии» на основе московского русского перевода Библии св.архиепископа Новгородского Геннадия), не предоставление им возможности находить

и обучать учеников и не финансирование и создание первой православной русской Академии в Остроге, то Православное русское сопротивление в Западной Руси было бы подавлено в зародыше. А если бы не коллаборационизм и обман Речи Посполитой созданием видимости лояльности, то Константин Острожский как «агент Москвы» был бы физически уничтожен вместе со всем финансируемым им Православным русским сопротивлением. Таким образом, компромиссы Константина Острожского проложили дорогу к православному русскому восстанию Богдана Хмельницкого и воссоединению православного русского народа на Переяславской раде. И даже в своем коллаборационизме Константин Острожский пытался перехитрить духовных и политических угнетателей из Речи Посполитой, пытаясь обратить в Православие «Лжедмитрия». При этом в Москве с пониманием относились к ситуации, в которой действовал Константин Острожский и активно поддерживали его, закупаая тиражи «Острожской Библии», нужной и в Московской Руси; московский царь, ревнитель Православия, местночтимый святой Федор Иоаннович финансирует Львовское Успенское православное братство и строительство знаменитой Успенской «Ставропигийной» Церкви во Львове, которую ныне занимают раскольники из «УАПЦ». А другие раскольники из «Киевского Патриархата» канонизовали Константина Острожского как «святого благоверного князя». В этом-то и подлог. Церковь не может прославить как святого благоверного князя пусть вынужденного, но коллаборанта: раскольники, как онтологические последователи дьявола, канонизируют грех, прославляют зло как добро. Сам раскол, «альтернативное Православие», онтологически, – сатанизм. Именно поэтому св.Киприан Карфагенский писал, что «грех раскола не смывается даже мученической кровью». Но тему канонизации Константина Острожского

раскольникам тем более отдавать нельзя, О том, почему он достоин канонизации как святой равноапостольный миссионер и защитник Православия, срывавший такое преступление века, как Брестская уния, человек русских самосознания и культуры, убедительно показывает крупнейший представитель современной западнорусской мысли, преподаватель Белорусской духовной академии Валентина Анатольевна Теплова: «Для того, чтобы понять смысл событий, происходящих в Бресте в октябре 1596 г., еще раз обратимся к ситуации, сложившейся в Киево-Галицкой митрополии в 90-е гг. XVI века, суть которых состояла в том, что все до единого епископы, в том числе и митрополит Михаил Рогоза, вступили в тайный сговор с католической церковью и правительством Речи Посполитой с целью перейти в юрисдикцию Рима. Фактически церковь осталась без епископского возглавления. Когда это положение дел стало известным, начались народные волнения, ответом на которые стало послание князя Константина Острожского к православному народу от 24 июня 1595 г. В нем говорилось: «Я научен и убежден благодатию Божией, что кроме единой истинной веры, насажденной в Иерусалиме, нет другой веры истинной, но в нынешние времена, злохитрыми кознями вселукавого дьявола, сами главные участники нашей истинной веры, прельстившись славою света сего и помрачившись тьмою сластолюбия, наши мнимые пастыри, митрополит с епископами, претворились в волков, и, отвергшись единой истинной веры святой восточной Церкви, отступили от наших вселенских пастырей и учителей и приложились к западным, прикрывая только в себе внутреннего волка кожей своего лицемерия, как овчиною лени, тайно согласились между собой, окаянные, как христопродавец Иуда с жидами, отторгнуть благочестивых христиан здешней области без их ведома и принудить с собою в погибель, как и сами сокровенные писания их объявляют.

Дело идет не о тленном имении и погибающем богатстве, но о вечной жизни, о бессмертной душе, которой дороже ничего быть не может. Потому, опасаясь, как бы не остаться виновным перед Богом и перед вами, и, узнав достоверно о таких отступниках и явных предателях Церкви Христовой, извещаю о них всех вас, как возлюбленную мою во Христе братию. И хочу вместе с вами стоять заодно против врагов нашего спасения. В самом деле, что может быть постыднее и незаконнее? Шесть или семь злонравных человек злодейски согласились между собою и, отвергшись пастырей своих, святейших Патриархов, из которых поставлены, осмеливаются властью, по своей воле, отторгнуть всех нас, православных, будто бессловесных, от истины и низвергнуть в пагубу...»

Согласно этому документу, князь Константин Острожский от имени церковного народа, со ссылкой на святейших Патриархов, отвергает епископов, объявляет их «врагами нашего спасения» и призывает весь православный народ объединиться и выступить против них, как и против прочих врагов Православия. Свершился исключительно редкий и в истории Церкви случай, когда мирянин противостоит целой группе иерархов, справедливо обличая их в неправославии.

По всей вероятности, в составлении этого воззвания принимали участие православные богословы Острожской школы, однако всю ответственность князь Острожский взял на себя. Встает вопрос: имел ли право князь поступать таким образом? С католической точки зрения, протест князя Острожского, по существу, не имел никакого значения, поскольку вопросы веры должны решать иерархи и судить действия епископов может только Папа. Именно так понимал дело король Сигизмунд III.

Но, согласно православному учению о соборности, действия князя Константина являлись не только оправданными, но и необходимыми. Это был голос

церковного самосознания. По словам современного богослова протоиерея Николая Афанасьева, «Народу Божьему принадлежит рассуждение и испытание того, что совершается в Церкви. Это есть особое служение свидетельствования, вытекающее из царственно-священнического служения народа Божьего. Согласие народа на то, что происходит в Церкви, указывает, что предстоятели действовали в среде народа, а не отдельно от него... Народ управляется епископом не пассивно, активно, через полное ведение того, что совершается в Церкви».

Но Церковь не может существовать без епископата. И что бы ни утверждал князь Константин Острожский, что бы ни требовал народ – вопрос иерархии является решающим. Отсутствие православных епископов среди противников унии на самом деле означало бы победу католической политики и могло бы быть расценено как свидетельство утраты благодати в Православной Церкви Киевской митрополии.

Однако произошло событие, которое можно считать историческим чудом: два епископа – Гедеон Львовский и Михаил Перемышльский – вернулись в Церковь. Казалось, что Православная Церковь Западной Руси целиком лишилась своих епископов, в полном составе изъявивших согласие на заключение унии, и тем самым потеряла свою каноническую полноту. Но решительный протест мирян, возглавляемый князем Острожским, против униатского заговора епископов показал,

Гедеон Львовский

что Православие в Киевской митрополии живо, и, следовательно, Православная Церковь не может уйти в небытие. Заслуга в деле того, что епископы, первыми подавшие идею церковной унии, решительно отказались от нее, перейдя на сторону Православия, принадлежит К.К. Острожскому: именно князь примирил епископа Гедеона Балабана с братством и инициировал переговоры с епископом Перемышльским Михаилом. И сегодня, отмечая память Константина Острожского, мы должны помянуть и этих выдающихся деятелей Церкви, особенно Гедеона Львовского, 400 лет со дня кончины которого приходится также на нынешний год. В каноническом плане возвращение двух епископов в лоно Православной Церкви означало, что Церковь в Западной Руси сохранена во всей полноте. Даже если бы князь Острожский ничего не успел сделать, кроме этого дела, его заслуга перед Церковью была бы неоценимой. Окружное послание князя Острожского в итоге определило радикальное размежевание православных Речи Посполитой на сторонников и противников Брестской унии»*.

* <https://zapadrus.su/zaprus/tradbl/48-2010-07-07-10-50-49.html>

Русский «коллаборант» Адам Кисель

«Православное русское сопротивление» в Западной России состояло из православного русского аналога «Шинн Фейн» (легальное сопротивление) и ИРА – «казаков-русских ирредентистов».

«Православный русский Шинн Фейн» – это православные русские аристократы, работавшие в государственных структурах Речи Посполитой, но использовавшие свое служебное положение в интересах грядущего воссоединения Великой, Малой и Белой России.

В белорусской газете «Телескоп»^{*} я нашел материал киевского историка Неониллы Пасичник о таком православном русском «коллаборанте», как Адам Кисель, русский аристократ из Рюриковичей, тесно родственно связанный с Гедиминовичами и этим – с Северо-Западной Русью. Именование православного русского политического деятеля Адама Киселя «украинцем» является исторической фальсификацией.

Кисель из потомства Рюрика

Древний Свято-Успенский Низкиничский мужской монастырь – тихая благословенная обитель всегда отличалась особой благодатной атмосферой, царившей здесь – в одном из живописнейших уголков Волыни. Расположенный на холме монастырь создан

^{*} <http://teleskop-by.org/2018/07/02/neonilla-pasichnik-pamyatnik-russkoj-diplomatii/>

в XVII в. православным сенатором Речи Посполитой (Польша), киевским воеводой Адамом Григорьевичем Киселем.

Кисель и казачество

Родовое поместье Киселей на Волыни отдаленно напоминает несохранившийся замок киевского воеводы (статус, сопоставимый в Российской империи с должностью военного губернатора) на горе Киселевке в столице нынешней Украины. В замке у Адама Григорьевича бывал гетман Богдан Хмельницкий. Отношения Киселя и Хмельницкого во все время их переговоров, начиная 1649 годом и впоследствии, носили дружественный характер, о чем свидетельствует сам тон их переписки, хотя она имела значение официальное, т.е. велась между главным комиссаром Речи Посполитой и гетманом войска Запорожского и предназначалась поэтому для сведения не только адресатов, но и многих других лиц с обеих сторон. Об этом свидетельствует и то безграничное доверие, которым пользовался у каза-

Адам Кисель

ков польский православный государственный деятель Кисель из потомства Рюрика. Несмотря на то, что польские власти часто осуществляли попытки подорвать авторитет перед казаками единственного заметного лица из своей среды, которое могло им пользоваться! Речь идет о казни еще в конце 1630-х годов предводителя казаков Павлюка, якобы за «присвоение им самостоятельной царственной

власти над всей Украиной» – так в Речи Посполитой называли земли Малой Руси, включая и территорию Галицко-Волынского княжества, отторгнутые ею от Московского царства. Именно Адам Григорьевич убедил храбрых повстанцев вступить в переговоры с польским правительством, прекратить сопротивление и, поверив шляхте, сложить оружие взамен на сохранение жизни. Ведь жизнь – это самая большая ценность, дарованная человеку Творцом: так учит христианство, а не только его Восточная ветвь – Православие. Увы, шляхетство проигнорировало обещания своего православного парламентаря... Предводители казачества были казнены... Публично... Виновным оказался Кисель...

Авторитет Адама Григорьевича среди православного казачества все-таки оставался незыблем и по той причине, что род Киселей – потомков Рюрика, – в отличие от носивших княжеский титул некоторых Рюриковичей на Левобережной Украине, не перешел в католичество для сохранения и приумножения своего богатства в польском государстве. Не имея выдающихся знатностью предков за время принадлежности края Литве и Польше, Адам Григорьевич бережно хранил родовое предание о своем происхождении из русских бояр киевского великокняжеского периода. Поначалу, как представитель небогатого рода, он занимал низшие военные должности в польском королевском войске. Со смертью отца в 1631 г. и вовсе покинул армию и отбыл в родовое имение Низкиничы для устройства наследственных дел. Но, будучи представленным лично королю Владиславу IV, как потомок Рюрика, уже через год получил звание королевского ротмистра, что означало его переход в королевское подчинение в чине кавалерийского офицера.

Далее, выполняя королевское поручение, Адам Григорьевич отправляется на охрану границ Речи Посполитой со стороны Путивля (1632-33 гг.). Затем следует

на юг, в Запорожье, где собирает на королевскую службу около 20 тысяч казаков. Православие предписывает человеку быть законопослушным, чего придерживался Адам Григорьевич, состоя на службе в польском государстве, главе которого вынужден был присягнуть, следуя своим плененным еще в XI веке предкам. Позднее, уже в XX веке, мы узнаем, что во время русско-японской войны святитель Николай Японский – прославленный во святых Русской Православной Церковью – в кафедральном соборе Токио вынужден был возносить молитвы о победе японского оружия, в то время как келейно молился о русских воинах, погибавших на театре военных действий.

Предки Киселя в польском государстве

Но это станет известно потом, а тем временем Адам Григорьевич Кисель, выполняя законы государства, появившегося на землях его предков – Галицко-Волынской Руси, – тем не менее, гордился упоминанием своего рода в древних русских летописях. А именно, как мы уже сказали, в начале века XI, через 30 лет после принятия христианства государственной религией Киево-Новгородской Русью, летопись зафиксировала повесть о том, как храбро сражался Светольд (или Светольдич) – родоначальник Киселей. Светольд защищал Киев в 1018 году от войск польского короля Болеслава Храброго – союзника Святополка Окаянного против Ярослава Мудрого: «Прежде чем потомки (Рюриковичей) покорились Болеславу, до этого сам предок (родоначальник Киселей старейшина Светольд-Светольдич), сраженный, пал в воротах стольного (великокняжеского) Киева». Попутно заметим, что Светольд пал в сражении с тем самым Святополком, зятем короля Болеслава Храброго, что умертвил своих сводных братьев, ставших первыми русскими святыми, – благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Напомним, что Пясты (польск. Piastowie) –

первая польская княжеская и королевская династия, представителями которой были и Болеслав, и Казимир. Легендарным основателем династии считается крестьянин Пяст. Объединить Польшу Пясты не сумели, и государство распалось на несколько удельных княжеств. Старшая, владевшая Краковом, линия Пястов пресеклась в 1370 году со смертью короля Казимира III, после чего престол перешел к представителю Анжуйской династии Людовику I Великому.

Происхождение Киселей от Светольда признавалось и в королевской грамоте от 5 февраля 1646 года, возводящей Адама Григорьевича в звание киевского каштеляна: «именитый и стародавний род Светольдичей-Киселей, ведущий начало от русской княжеской фамилии и подчинившийся польскому государству еще при короле Болеславе Храбром». Летопись Лаврентьевская подтверждает факт пленения Болеславом русских бояр перед уходом из Киева: «возьме имение и бояры Ярославе и сестры его... и людей множество веде с собою». А четверть века спустя, когда женился в 1043 году на сестре Ярослава король Казимир, то «вдасть за вено людей 8 сот, еже бе полонил Болеслав, победив Ярослава». Вполне возможно, что среди этих плененных, а позднее сопровождавших в качестве приданого за русской княжной – невестой польского короля, были дети Светольда по прозвищу Кисель, павшего при защите Киева.

В прибавочном прозвище Светольдича не отказывали Адаму Григорьевичу даже столь скупые на всякие титулы и величания московские бояре в своей с ним переписке. Это отражено в многочисленных письмах Адама Григорьевича к Путивльскому воеводе князю Юрию Долгорукому, одному из самых знатных князей Рюриковичей, а также иным московским боярам. Перешло это прозвище и связанное с ним предание, пусть даже в несколько нелепой форме, и в малороссийские хроники XVIII в.: «Адам Кисель, славного

рода Светольда, бывшего в лето 1128 (sic) русского гетмана, фамилиант» («Краткое описание Малороссии»). Включено оно и в польские геральдические сочинения тех же времен, к примеру, автора Несецкого: «Киевский староста Кисель погиб во время осады поляками этого города, когда он был подчинен еще русским князьям. Позже, когда завоевали русский край короли польские, Кисели всегда выступали в качестве верных защитников этого (т.е. польского) отечества».

Сведения о личных отношениях Адама Григорьевича с Богданом Хмельницким довольно скудные, скорее всего, по причине незнатного происхождения будущего малороссийского гетмана, воссоединившего Запорожское казачество с Московским государством в то время как Адам Григорьевич был государственным человеком не столько высокого положения, сколько знатного происхождения. Как потомок Рюрика, принят в качестве посла в Москве. В переговорах с казачеством настаивал на избрании, по древней традиции, в главные начальники (гетманы) и полковники исключительно из людей знатных.

Дипломатическая служба

В десятилетие 1638-48 гг. общественная деятельность Адама Григорьевича получает новое направление, которое можно охарактеризовать как дипломатическое. К середине 40-х годов у короля Владислава IV возникает мысль о союзе христианских держав против мусульман, об изгнании турок из Европы, разгроме татар. В 1645 г., с приездом в Польшу венецианского посла Тьеполо, слух об этом намерении пронесся даже по Украине. Необходимо было возобновить дружеские отношения с Москвой, униженной не так давно в Смутное время и потому, естественно, настроенной враждебно. Планировал король Владислав закрепить дружбу с Москвой и, если окажется возможным, заключить наступательный или хотя оборонительный

союз против иноверных, набеги которых были опустошительны для обоих государств одинаково. Способным для переговоров с Москвой оказался Адам Григорьевич, человек русский и православный, что должно было обеспечить ему хороший прием. Ведь он долго прожил на пограничье, где занимался разграничением между польским и московским государствами. Знал причины, поводы и сущность порубежных споров. Мог, по старой памяти, сохранять известное влияние на казачество в целом и на Запорожье в частности, без деятельного участия коего немислимо было никакое предприятие против татар.

В конце 1645 года король Владислав IV пригласил Адама Григорьевича с целью, которая стала известна высшему киевскому духовенству, а вскоре и на Москве, по такому случаю. Поскольку сразу послал митрополит Киевский Петр Могила посланцев в Москву, с игуменом Печерским Иринархом во главе, просить царской милости на монастыри, а также уведомить о прибытии Адама Григорьевича: «решено-де отправить послом в Москву Адама Киселя, для того чтобы Великому Государю Московскому с Литовским Королем соединиться на Крым, и о том у Литовского будет сойм большой на 6 недель, ныне вскоре в Великом посте. И о Запорожских черкассах договорено будет на сойме. Слышно, что немецкие короли согласились уже между собою против турок, а друг с другом не воевать им 6 лет, папа приглашает к тому же союзу и Литовского. На сойме же будет докончанье о спорных порубежных делах с Москвою. Король хочет, чтобы литовские люди ни в чем с Великим Государем расколы не чинили». Посольство Киселя в Москву осуществилось лишь через год, по кончине митрополита Киевского Петра Могилы, поскольку шляхта провалила замысел Владислава IV против турок. Зная щепетильность московского правительства относительно чина прибывающих к нему послов, король повысил Адама Григорьевича до звания

каштеляна киевского, т.е. сенатора Речи Посполитой.

Обширные сведения о посольстве в Москву зафиксированы в переписке 1647-48 годов. С Киселем, человеком русским и православным, хорошо владевшим, как видно из его писем, русской письменной речью того времени и книжно-церковной, московским боярам не трудно было разговориться и сговориться, а потому принято было посольство очень хорошо, о чем можно заключить из письма Киселя к севским воеводам. Со своей стороны Адам Григорьевич старался быть любезным и выхлопотал важное для православия дело. Еще в Смутное время поляками увезены из Москвы мощи одного из русских князей и содержавшая их мраморная гробница (или только надгробие) с надписью золотом. Скорее всего это были мощи святого благоверного князя Михаила Черниговского, принявшего мученическую кончину в Орде. Великий князь причислен к лику святых на соборе 1547 года. Матерью Великого князя Михаила Всеволодовича была дочь польского короля Казимира. Хотя в XIX веке существовало предположение, что увезены в Варшаву были мощи святого царевича-страстотерпца Димитрия Угличского – последнего наследника престола правившей Русью 700 лет династии Рюрика, мы считаем это предположение ошибочным, поскольку прославление святого царевича Димитрия в 1606 году совпало с изгнанием из Москвы польского ставленника Лжедимитрия I. Первый Патриарх Московский и Всея Руси Иов составил обличительные грамоты, в которых Лжедимитрий назван своим настоящим именем беглого монаха Григория Отрепьева, обманщика и самозванца. Эти грамоты отрезвили многих, но Лжедимитрий успел заручиться поддержкой Польши и Ватикана, обещая ввести в России унию. В январе 1605 года Патриарх Иов предал анафеме Лжедимитрия и поддерживающих его изменников. В том же 1605 году скоропостижно скончался раскаявшийся в истреблении правящей

династии Рюриковичей царь Борис Годунов, принявший перед кончиной монашество с именем Боголеп. В Москве вспыхнул бунт, город был сдан самозванцу и полякам. Патриарх Иов отказался присягнуть Лжедмитрию. Слуги Лжедмитрия ворвались в Успенский собор Кремля, чтобы убить патриарха. Святитель молился в это время перед Владимирской иконой Божией Матери. Сторонники самозванца сорвали с Патриарха архиерейское облачение и не дали окончить Литургию. Он претерпел множество поношений и был сослан в Старицкий Успенский монастырь. В конце дней своих благословил на патриаршество митрополита Казанского Ермогена, прославившего во святых страстотерпца царевича Димитрия Угличского.

Лжедмитрию II – «тушинскому вору» – занять Москву не удалось, поэтому похитить святые мощи новопрославленного страстотерпца царевича Димитрия он не мог, равно как и вывезти их в Варшаву. Кем по происхождению был Лжедмитрий II, точных сведений не существует. По одному из предположений – некрещеный еврей. Похищение мощей не могло произойти и во время Семибоярщины, признавшей королевича Владислава IV из шведской династии Ваза, того самого, кто позднее призовет Адама Григорьевича к себе на службу и поручит примирение с Москвой. 15-летний королевич принял присягу московского правительства и людей как новый русский царь. По договору 4 февраля 1610 года, который был заключен под Смоленском между королем Сигизмундом II и московским посольством, королевич Владислав должен был занять Русский престол после принятия Православия. С низложением Василия Шуйского летом 1610 года московское правительство (Семибоярщина) признало Владислава царем и чеканило от имени «Владислава Жигимонтовича» монету. Владислав Православия не принял, в Москву не прибыл и венчан на царство не был. В октябре 1612 года в Москве было низложено

боярское правительство королевича Владислава. Четыре месяца спустя царем избран Михаил Федорович Романов. Попутно отметим, что согласно «Повести о Земском соборе 1613 года», было восемь претендентов на Российский престол из русских бояр, в их числе князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, Иван Михайлович Воротынский и Дмитрий Михайлович Пожарский.

До 1634 года – всего год после своей коронации в Речи Посполитой – король Владислав продолжал пользоваться титулом Великого князя московского. Считается заслугой Адама Григорьевича добровольное отречение короля Владислава от титула «нареченного царя московского».

Долг православного христианина

Кисель хорошо знал о последствиях Смутного времени и понимал важность возвращения в Москву надгробья, в котором хранилась рака с мощами. Посему об увезенных в Варшаву мощах писал в письмах ко многим боярам: «Мощи честные... в свою отчину перенесенные, *отеческим* гробом пресветлых великих царей и государей древних совокупишася». Святые мощи были впоследствии возвращены, но «камень мрамуровый» оставался в Варшаве. По просьбе Адама Григорьевича надгробие было отослано в Москву с его помощью: окружным путем через Киев, далее через черниговское имение Киселя Кобыщу, а оттуда через Путивль. Адам Григорьевич писал по этому случаю князю Юрию Долгорукому, прямому потомку святого князя Михаила Черниговского: «Камень з надписом, принадлежащим мощем, з Варшавы до столицы принесенным». А в письме к севским воеводам: «камень мрамуровый, золотом писанный, о нем же было Его Царского Пресветлого Величества желание, чтобы был *отданный*, да и сия крайняя *перших раздоров* не зоставала бы *паметка*, когда вечный союз братства-дружбы есть закрепленный».

Преемник Петра Могилы митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси, Экзарх Константинопольского Патриарха Сильвестр Коссов был активным противником восстания Богдана Хмельницкого и объединения Гетманщины с Русским царством. Поэтому в его лице Адам Григорьевич не находит союзника и действует через глубоко православных русских аристократов, чаявших возвращения русских казаков Речи Посполитой в лоно Матери-Церкви, понимая, что папская уния фактически подчинила Риму ослабленный турками Константинополь.

Потомок святого равноапостольного князя Владимира, воевода киевский не только размышлял о судьбе Православия, подвергавшегося притеснениям, но и активно выступал в сенате в защиту православных граждан Речи Посполитой. Хмельницкий не мог не понимать, что в вопросе Православия Кисель для него не комиссар правительства, а прямой и вполне надежный союзник. Он не мог не ценить по достоинству и не воздавать справедливой дани уважения гражданскому мужеству, с каким боролся Кисель за свои религиозные убеждения, за свободу их выражения и право исповедания, навлекая на себя даже обвинения в измене. Эта сторона деятельности Адама Григорьевича была оценена и государственными людьми Москвы, которые в свою очередь указывали на нее Хмельницкому.

В своих владениях, полученных от Государя Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим, на порубежье с Московским царством Адам Григорьевич подошел к Трубчевскому уезду нынешней Брянской губернии, вотчине князей Гедиминовичей – Трубецких. А также к Недрыгайловскому уезду, ныне в Сумской области, где земли до революции принадлежали князьям Щербатовым (Рюриковичам).

Вокруг рождения Адама Григорьевича завязались споры, завершившиеся признанием этой датой

1600 года, обозначенного на памятной мраморной доске в храме-усыпальнице. Десятилетием ранее, 23 января 1589 г., при участии Патриарха Константинопольского Иеремии состоялось наречение, а 26 января – торжественное поставление митрополита Иова в Патриарха Московского и всея Руси. Отныне центр Православия переместился из Царьграда в Москву, полтора века спустя после разорения Константинополя турками в 1453 году и падения Православной Византийской империи, созданной святым равноапостольным Константином Великим в 324 году и просуществовавшей более 1000 лет.

Оба – Кисель и Хмельницкий, люди глубоко православные – ощутили необходимость воссоединения защитников Православия в польском государстве – казачества – с каноническим Православием, сохранившимся в Русском царстве. К концу XVI в. уже и на древнерусских землях, вслед за греческими, стала осуществляться церковная уния с папством – Брестская 1596 года части православного западнорусского населения Речи Посполитой в митрополии Киевской, Галицкой и всея Руси, бывшей в юрисдикции Константинопольского Патриархата. Появилась Русская Униатская Церковь. Чаяния о сохранении чистоты Православия в Москве после падения Константинополя, поддержал и Иерусалимский Патриарх Паисий, прибывший по приглашению воеводы Киселя в Киев одновременно с царским посольством из Москвы, чтобы молитвенно укрепить Богдана Хмельницкого. На этом Адам Григорьевич счел свою дипломатическую миссию выполненной.

Воссоединение Запорожья с Московским государством состоялось в 1654 году, через год после кончины Киселя, спустя 200 лет после падения Константинополя. Ныне ставшая по завету монастырем родовая его усыпальница возвышается словно цитадель.

В одной из древнейших православных епархий – Владимир-Волынской, возникшей на землях по пути святого равноапостольного князя Владимира из Киева в Грецию и Византию, находится Низкиничский монастырь – этот уникальный памятник европейской эпохи Ренессанса. Внутри храма-усыпальницы хранится уже 350 лет уникальный «музейный экспонат». *Ныне он демонтирован и увезен на консервацию и реставрацию польским Фондом культурного наследия.* Это бюст, т.е. скульптурный посмертный портрет Адама Григорьевича Киселя, выполненный из мрамора и алебастра, не поддающихся воздействию копоти свечей и каждения – привычным условиям православного храма. «Скульптурная эпитафия» для православной церковной традиции, безусловно, несколько чужда. Ибо, как мы знаем, «скульптура в храме есть кумир» и поэтому, в Православии принято иконопочитание. Икона – это окно в мир горний. К примеру, каменное надгробье, выполненное в традиционной манере широко распространенных католических надгробий единственного на Правобережье православного князя-Рюриковича Константина Острожского, не сохранилось. А вот святые мощи дедушки князя – преп. Феодора князя Острожского, в схиме Феодосия, почитают в дальних пещерах Киево-Печерской Лавры. Позднее в Российской империи возродилась дохристианская традиция посмертных барельефов и горельефов.

Усыпальница
Адама Киселя
(фото А. Казберук)

Усыпальница Адама Киселя уникальна тем, что воевода киевский оказался единственным после кончины князя Константина Острожского защитником Православия в польском государстве, которому достался опустевший киевский престол Рюриковичей. Древнерусская правящая династия переместилась в Москву после опустошения Киева монголо-татарским нашествием. По мнению историков, если бы не это нашествие, скорее Киеву, а не Москве предстояло быть столицей Российской империи, включившей позднее в свои пределы и Царство Польское на правах широчайшей автономии с сохранением аутентичного названия государства (в отличие от иных двух империй, присоединивших к своим территориям земли бывшей Речи Посполитой).

Памятник русской дипломатии

Гробница-саркофаг Киевского воеводы в крипте храма (существует версия, что гробница принадлежит его брату) сохранилась в первозданном виде: серебряный ее опоясок – это тонкой ювелирной работы (подобно скифской пекторали) батальные сцены изображающие те сражения, в которых принимал участие талантливый военный. Воеводе довелось командовать артиллерией, ибо гробница украшена, словно криптограммой, изображениями пушек. Также видим на опояске палаточный лагерь витязей. Шатровая форма палаток саркофага напоминает шлем древнерусского воина-витязя. Именно такой то ли шатер, то ли шлем украшает и герб воеводы киевского, и возвышается над скульптурным его портретом в храме. Но не только это свидетельствует о древнерусском происхождении рода Киселей.

Следует пояснить происхождение этого прозвища. Летописный боярин Светольд, родоначальник Киселей, возглавлял дружину святого равноапостольного князя Владимира и проявил себя в защите Белгоро-

да во время его осады печенегами в 997 году, десятилетие спустя после принятия древнерусским государством христианской религии. Во времена Киево-Новгородской Руси закваску, всквашивающую тесто, называли «кисель». Прозвище Кисель боярин Светольд получил, применив кисель, т.е. закваску, в военном искусстве! Преподобному Нестору, насельнику Киево-Печерской лавры, сто лет спустя показалась история с киселем важной и с христианской точки зрения, потому и записал ее инок. Когда истощались уже у осажденных съестные припасы, научил их один «старец» (т.е. один из старейшин города) вырыть два колодца. В один поставили кадь с «цежею» (жидким сырым тестом), а в другой – с медовой сытью. Пригласили 10 представителей печенегов в город и сказали им: «Что можете сотворити нам? Имеем бо кормлю от земле: еще ли не веруете, да узрите своими очима». Затем при них черпали из колодцев цежь и сыту, готовили кисель, угостили им приглашенных, отослали еще через них «корчагу цежи и сыты» печенежским князьям. Это убедило их в бесплодности осады Белгорода, от которого они отступили. Так были сохранены жизни тысяч русских людей после того, как христианство стало государственной религией на Руси.

Род Киселей не носил княжеский титул Рюриковичей, в отличие от князей Черниговской или Владимир-Волынской ветви. Но это обстоятельство никак не является препятствием считать Киселей потомством Рюрика, поскольку летописный старейшина Светольд (Густынская летопись), боярин Великого князя Владимира, мог вступить в брак с дочерью одного из князей Рюриковичей. Потомки такого брака не имели княжеского титула, но считались потомством Рюрика. Эти сведения, наряду с летописными свидетельствами, передавались из поколения в поколение, покуда не стали фиксироваться в родословных книгах. Впрочем, древнейшая русская родословная книга, т.н. «Бархатная»,

род Киселей не включает. Но это свидетельствует лишь о том, что род присягнул Московским правителям позднее, во время правления династии Романовых, что мы и видим в жизнеописании Адама Григорьевича. И действительно, в наиболее полной и самой поздней справочной книге «Потомство Рюрика», появившейся в России накануне Первой мировой войны (первый том) и сразу после революции 1918 г. (второй том) и включившей самые обширные сведения о потомстве Рюрика, род Киселевых (российская редакция) и Кисловских (польская редакция) упомянут. В XVII в. был брак княжны из рода Рюрика Ксении Никифоровны Белой-Оболенской с Тимофеем Ивановичем Кисловским. Этот брак стал возможен по причине доказательства дворянином Т.И. Кисловским своей принадлежности к потомству Рюрика. Впрочем, доказать эту принадлежность было несложно, поскольку родовой герб Киселей содержит элементы, присущие гербу Гедимина – основателя польско-литовской династии. В частности – разновидность трезубца в виде замковых башен с «трезубыми» наконечниками. А, как мы знаем, сам Гедимин происходит от Рюрика, о чем есть запись в «Бархатной книге»: «Род князей Хованских происходит от Гедимана Великого Князя литовского. В родословной князей Полоцких и Литовских, находящейся в бархатной и других родословных книгах, показано, что сей Гедиман, или Едиман, произошел от Российского Великого князя Владимира Святославича, который крести Русскую землю, и посади сына своего Изяслава на Полоцк...»; «...Сие доказывается сверх Истории Российской, бархатною книгою и родословною князей Хованских, хранящеюся в Герольдии».

В обители Киселей в крипте в левой части храма находится усыпальница супруги киевского воеводы Анастасии Григорьевны, установившей, по-видимому, своему супругу столь уникальный, не свойственный ни православной, ни католической традиции посмерт-

ный скульптурный портрет! Имеем все основания предположить, что мастер, выполнивший из камня уникальную фигуру и вписавший ее в традиционное, характерное для того времени обрамление, опирался на образцы из часовни окатоличенного венгерского рода Боимов во Львове, сооруженной на полвека раньше. Искусствоведы нарекли скульптуру «Джокондой в камне», поскольку соотнести ее с традиционным надгробием можно с большим трудом, а для привычной европейской скульптуры фигура чересчур статична и лишена экспрессии, привнесенной в камень (даже в надгробия!) гением Микеланджело. Каменное изваяние воеводы настолько схематично и умозрительно, что изображение будто бы на иконе. *Впрочем, в отрыве от храма-усыпальницы скульптура сохраняет свои редкие художественные достоинства. На этом основании появился замысел изготовить копию скульптуры в бронзе и установить в Варшаве, Москве и Киеве – как памятник успешной дипломатии!* А отреставрированный оригинал должен вернуться на прежнее место в храм-усыпальницу.

Напомним, что через 30 лет после кончины Киселя из потомства Рюрика, Киевская митрополичья кафедра возвратилась в лоно Матери Церкви. Вспомним как это было. Малороссия, связанная с Москвой политически, в церковном отношении была подчинена Константинопольскому Патриарху, склонявшемуся к унии с Римом. Патриарх Московский болезновал душой о возвращении Киевской митрополии в лоно той Матери Церкви, которую святой равноапостольный Великий князь Владимир принял в качестве государственной религии. С 1683 года Патриарх Московский Иоаким настойчиво советовал избрать в Малороссии митрополита, поскольку Киевская кафедра пустовала уже более десяти лет. Было решено, что подходящим кандидатом мог быть епископ Луцкий Гедеон из княже-

ского рода Рюриковичей Святополк-Четвертинских – старший сын князя Захария Григорьевича Святополк-Четвертинского (ум. 1649 г.), старосты Рациборского, подсудка Луцкого.

В 1685 году в Киеве состоялся собор для избрания митрополита, и в июле был избран Гедеон. В октябре новоизбранный митрополит с большой делегацией отправился в Москву. 8 ноября 1685 года Патриарх Иоаким возвел Гедеона в сан Киевского митрополита. 15 декабря митрополит Гедеон выехал из Москвы с царскими дарами и грамотой, по которой ему подчинялись Черниговский архиепископ и архимандрит Печерской лавры, до того находившиеся в подчинении Константинопольскому Патриарху и, фактически, принявшие папскую унию. Киевская кафедра была признана **первоначальной** в России. В мае 1686 года благословил на переход Киевской митрополии под омофор Московского Патриарха и Константинопольский Патриарх Дионисий. Цари Иоанн и Петр Алексеевичи и царица София подарили владыке Гедеону саккос и митру, усыпанную драгоценными камнями. Так осуществились справедливые чаяния православного польского дипломата Киселя из потомства Рюрика о соборности русского Православия. Митра владыки Гедеона (князя Святополк-Четвертинского) хранится в Историческом музее в Москве.

Документальные источники:

Князь М.М. Щербатов «История Российская от древнейших времен», т.1, СПб, 1770.

«Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографической Комиссией». СПб., 1861. Т. 3.

«Архив Юго-Западной России (1322-1648)»:

Ч.1. Т.6: акты о церковно-религиозных отношениях в Юго-Западной Руси (1322-1648. Киев, 1883)

Ч. 3. Т.1: акты о казаках (1500-1648). Киев, 1863

Ч. 6. Т.1: акты об экономических и юридических отношениях крестьян в XVI-XVIII веках. Киев, 1876.

Кисель Адам Григорьевич. Русский биографический словарь, СПб., 1897

«Древний помянник Киево-Печерской Лавры в конце XV – начале XVI веков. Чтение в историческом обществе Нестора Летописца». Киев, 1892. Кн.6.

«Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложениями. Краткое описание Малороссии». Киев, 1878.

«Киевские Губернские Ведомости». 1870 г., №57
Лаврентьевская и Троицкая Летописи. СПб., 1846.
Полное собрание русских летописей. СПб., 1841-1921

Власьев, «Потомство Рюрика, справочная книга для составления родословий». СПб., 1904-1918 г.

Новицкий И. «Адам Кисель, воевода Киевский (историко-биографический очерк)». Киевская старина, т. XIII, 1885

Niesiecki Kasper. «Kisiel herb. Herbarz Polski, t. 5». Lipsk, 1840.

План и контрплан.
Создание Московского
«Третьего Рима», Великой,
Малой и Белой России
и всех Северных Земель Патриархата,
воссоединение Руси и строительство
«катехонической» Православной империи
и «контрплан» – Кревская, Люблинская,
Брестская унии, Смута в России
и ликвидация Православной Руси

Как известно, Константинопольская Мать-Церковь и Ромейская православная империя еще с тех пор, когда падение империи было не очевидным, а когда стало очевидным – тем более, возвращали себе преемника, «Северного Катехона» – Русь, по-гречески – «Россию». После падения Киева Ромейская Церковь поддержала «переезд» русской митрополии во Владимир и Москву и все усилия русских митрополитов по собиранию русских княжеств в единое русское государство с центром в Москве, которое после падения православной Ромейской империи стало единственным независимым православным государством в мире. Поддерживали они и собирание всех русских земель, в том числе попавших в оккупацию Речи Посполитой, где им грозил запрет Православия и полная национальная ассимиляция. Империя поддерживала настолько, что передала Москве свое правовое и династическое преемство. В разговоре о передаче византийского цивилизационного и государственно-правового наследия в Россию речь идет и о византийском Херсонесе, где крестился кре-

ститель Руси святой князь Владимир, и о последнем плацдарме борющейся Византии – княжестве Феодоро (Мангуп), сражавшемся еще более двадцати лет после падения Константинополя, чей князь Константин сопровождал носительницу византийского преемства Софию Палеолог, сестру Мангупской княжны Марии, в Москву, к князю Ивану III, сделавшему своим браком с Софьей Россию не только духовным, цивилизационным, но и правовым преемником Византии. Мать-Церковь не отстает. Сначала она создает Московский Патриархат: Константинопольский Патриарх Иеремия II определяет Московскому Патриарху быть «Патриархом “Третьего Рима”». Таким образом, идея Москвы как «Третьего Рима» – это не привилегия и не самозванство, это Предание Церкви, это послушание Церкви, это обязанность и историческая миссия Российского государства – быть помощником Церкви в хранении и всемирной миссии Православия. Отсюда все трагедии России в попытках уклонения от этой обязанности: отмена Патриаршества в итоге привела к падению православной империи и национальной катастрофе 1917 г. Но Российское государство не погибло и, вопреки богоборческой идеологии, оставалось Катехоном – государственной силой, сдерживающей зло. «Осечки» были результатом активной деятельности противной стороны: именно принявший унию Константинопольский Патриарх Григорий Мамма создает по просьбе все более окатоличивающихся после «Кревской унии» (династического брака литовско-русского князя Ягайлы и польской королевы Ядвиги с принятием Ягайлой католичества) литовских русских князей западно-русскую митрополию, чей шатающийся епископат принимает в 1596 году в Бресте унию с Латинской Церковью. Нынешние Константинопольские Патриархи, предающие Православие и заигрывающие с унией и униатским проектом «Единой поместной церкви» – это преемники Патриархов-униатов, таких,

**Константинопольский
Патриарх Иеремия
Второй, установивший
Московский и всей Великой,
Малой и Белой России
Патриархат, даровавший
ему титул «Третьего
Рима», благословивший
православные братства
Западной Руси**

как Григорий Мамма, а не православных Патриархов – таких, как Иеремия Второй.

Русская Церковь и русское государство после оккупации Западной Руси исполняли свой долг по воссоединению русских земель – упоминания всех, в том числе оккупированных, русских княжеств, присутствовали в титуле русских царей, а святитель Московский митрополит Макарий канонизирует всех русских святых, в том числе – Западной Руси.

Нынешние мало-российские раскольники откровенно фальсифицируют историю,

утверждая, что два века автокефалии Русской Церкви от ее провозглашения святым митрополитом Ионой с целью недопуска на Русь Ферраро-Флорентийской унии до установления Московского Патриархата не признавались Восточными Патриархами. Это ложь, в этот период в Русской Церкви просияли такие великие святые, как преп. Пафнутий Боровский, Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, св. митрополиты Макарий и Филипп Московские, преп. Максим Грек, прибывший с Афона (если бы там не признавали Русскую Церковь, он не смог бы в Москве служить). Многочисленные делегации Восточных Патриархов постоянно бывали в Москве и сослужили, сослужили и много раз сослужили с московскими иерархами. Русская автокефалия

– это символ борьбы за Православие и непризнания унии, а «украинская» – отречения от Православия и принятия унии!

Противная сторона – в данном случае Ватикан и Речь Посполитая – осуществляют свой «контрплан»: с помощью уний подчиняя себе западнорусские епархии, окончательно оторвать их от Русской Церкви путем создания униатских «Патриархатов» и уничтожения русской идентичности Западной Руси, путем смуты дестабилизировать московское Русское государство, затем ликвидировать его и Московский Патриархат, а после сажают Московским «лжепатриархом» Игнатия, который после восстановления законной Патриаршей власти в Москве открыто переходит в унию.

Лучшие люди павшей Ромейской империи стояли у истоков Православного русского сопротивления Западной Руси и создания Московского Патриаршества и спасения России в «Смутное время». Таким был св. епископ Арсений Элассонский.

Не все греки «лукавы суть». Святитель Арсений Элассонский

Не все греки «лукавы суть»: идеолог создания Московского Патриархата святой епископ Арсений Элассонский (1550-1625) поднимал русское знамя от Львова до Суздаля.

Первая часть жизни святителя достаточно обычна: родился, учился, постригся в монахи. Самое интересное началось, когда в конце 1579 г. тот самый Патриарх Иеремия, который затем от имени Константинопольского Патриаршего Престола провозгласил Москву «Третьим Римом», вызвал Арсения в Константинополь и поставил священником Патриаршего храма Паммакарistos. 21 февраля 1584 г. он был избран архиепископом Димоника и Элассона, в XVI в. входивших в Ла-

рисскую митрополию, и с февраля 1584 г. до марта-апреля 1585 г. жил в Элассоне, после чего Патриарх Иеремия отправляет архиепископа Арсения в Россию. Это направление в 1584 году, за 5 лет до установления Московского Патриаршества, опровергает построения русофобских пропагандистов о том, что Иеремия якобы «вынужденно» согласился на установление Московского и всей Великой, Малой и Белой России Патриаршества. Нет. Патриарх Иеремия и лучшие люди павшей Ромейской православной империи сознательно выращивали из Московской Руси преемника, «Северного Катехона» и убеждали православных русских людей на оккупированных Речью Посполитой землях идти под «Третий Рим». И св.Арсений всю свою жизнь и «жизненную географию и миграцию единства Руси» посвящает этому.

В мае 1585 года Патриарх Феолипт II направляет архиепископа Арсения в Москву, он туда отправляется в 1586 году, но по дороге делает двухлетнюю остановку во Львове, где все свои силы тратит на православное русское образование и укрепление православного Успенского братства. Именно там Арсений создает первую грамматику русского языка: «Адельфотес,

**Мощи епископа Суздальского Арсения Элассонского
в Успенской церкви г. Суздаля**

или Наука о восьми частях слов в наказание многоименитому Российскому роду». «Российскому», никакого «украинского» не было и быть не могло! Подняв православное братство и русскую школу во Львове (что было подкреплено строительством на средства московского царя Федора Иоанновича знаменитой Успенской «Ставропигийской» церкви во Львове), архиепископ Арсений присоединяется к вернувшемуся на Патриарший престол своему наставнику Иеремии и вместе с ним (Иеремия ехал через Западную Русь, даже маршрутом символизируя ее единство с Москвой) едет в Москву устанавливать Московский, Великой, Малой, Белой России, «Третьего Рима» и Северных Земель Патриархат. И устанавливает: лично доставляет царю Федору акт избрания, остается в Москве, участвует в хиротонии и интронизации первого русского Патриарха Иова. Более того, он пишет поэму-апологию Московского Патриаршества «Труды и странствования смиренного Арсения, архиепископа Елассонского, и Повествование о создании Московского Патриархата» и шлет Восточным Патриархам депеши с констатацией того, что только Россия способна освободить Православный Восток и, вероятно, в результате этого освобождения Московский Патриархат в диптихе должен переместиться с пятого места на первое. Арсений переходит в клир Русской Церкви как титулярный архиепископ Архангельский и становится хранителем святынь Архангельского собора Московского Кремля – усыпальницы русских царей, строителем Андроникова монастыря и многих московских храмов. Но в Смутное время Арсений из-за своего богатства – ему было, что материально терять – стал коллаборантом и это легло тенью на его биографию. Его падение было не окончательным и именно Арсений возглавляет московское духовенство, встречавшее русскую армию К.Минина и Д.Пожарского, и принимает активное участие в избрании царя Михаила Романова, а также в визите в Москву

Иерусалимского Патриарха Феофана и разработке совместного с ним плана восстановления прерванной Брестской унией западнорусской православной иерархии, что Феофан и осуществляет в Киеве в 1620 году. За деятельное участие в восстановлении Православного русского дела на Западной Руси Арсению прощается его коллаборационизм в Смутное время. На соборе 1620 года Арсений поддержал повторное крещение русских Западной Руси без исследования, где они были крещены, в Православии или латинстве. Это решение было продиктовано тем, что в период после смерти двух епископов, не принявших унии, и до 1620 года, когда была восстановлена православная иерархия Западной Руси, большинство русских там оказалось крещенными в унии. Собор постановил креститься «белорусцам, приходящим от Польского и Литовского государства в Православную веру греческого закона». Термин «белорусец» относился не только к жителям Белой, но и всей Западной Руси от Малороссии до Латгалии. Последняя кафедра св.Арсения – Суздаль, где в 1688 году обретены его мощи, там они находятся и поныне и должны стать местом паломничества и для русских Западной Руси, их «дезомбирования» от «бандероукраинства» и «литвинства». Ну а деятельность св. Арсения во Львове принесла грандиозный плоды.

**«Православное
миссионерское контрнаступление»
на Запад,
карпаторусское москвофильство
XIX века.**

Важнейшей частью миссии Православного контрнаступления является освобождение от заблуждений униатства стран Кирилло-Мефодиевского ареала: Западной Руси и Восточной Европы.

Православная традиция знает блистательные примеры такого «контрнаступления». Речь идет как о мо-

сковском славянофильстве, так и о феномене карпаторусского духовного и национального возрождения. Православная миссия осуществлялась через воспитание и поддержку галицких, закарпатских, холмских и белорусских униатов мощных культурных сил, которые подготавливали возвращение в лоно отеческой Православной веры не отдельных личностей, а целых областей и народов, возвращение отторгнутых западнорусских территорий в лоно материнского государства Российского.

Именно таким образом были возвращены белорусские и холмские униаты. Однако национальная катастрофа России 1917 года приостановила процесс возвращения Галицкой и Карпатской Руси. Между тем, карпаторусские просветители-энциклопедисты внесли огромный вклад в нашу культуру. Галицко и карпаторусское возрождение было искусственно подавлено в Австро-Венгрии путем первого в XX в. геноцида, когда на Галичине в концентрационных лагерях и прямо в городах и селах было уничтожено более 60 тыс. человек, идентифицировавших себя как русские и симпатизировавших Православию. Идеологическое обоснование этого геноцида было осуществлено марионеточной «австро-украинской» партией во главе с униатским митрополитом Андреем Шептицким – идейными предтечами нынешних «руховцев». Однако это тема для отдельной статьи. Данная же публикация является попыткой приоткрыть занавес молчания над выдающимися учеными и публицистами своего времени, определявшими духовный климат на галицко- и карпаторусских территориях. Их наследие является прямым опровержением всякого рода сепаратистских теорий, ставших идеологией нынешнего украинского государства.

Галицко-русские просветители, подготовившие
Православное возрождение в крае

1. **Денис Иванович Зубрицкий** (1777-1862 гг.), крупнейший историк православных братств Западной России, историк Галичины, видный деятель московфильского лагеря.

Крупнейший галицко-русский историк Денис Зубрицкий родился в 1777 году в селе Батятичи Жолковского уезда нынешней Львовской области.

Систематическое изучение галицко-русской истории Зубрицкий начал с исследований в области карпаторусского фольклора, опубликовав в 1823 году свою статью «О галицких народных песнях». В 1829 году Зубрицкий становится членом Ставропигийского института во Львове, выросшего из знаменитого Успенского православного братства, бывшего средоточием русской культуры.

В 1830 году он становится управляющим Ставропигийской типографией, упорядочивает архив ставропигии. Первый исторический труд Зубрицкого «Греко-кафолическая Ставропигиальная церковь во Львове и соединенный с ней Институт» был напечатан по-немецки во Львове в 1830 году. На то время это была уникальная работа, в которой было собрано все, что только было известно о Ставропигийском братстве и вообще о Галицкой Руси. В 1836 году на польском языке выходит книга Зубрицкого «Исторические исследования о русско-славянских типографиях в Галичине».

**Денис Иванович
Зубрицкий**

Тогда же начинается и активное научное и общественное сотрудничество Зубрицкого с Россией. В 1838 году в «Журнале Министерства народного просвещения» выходит его работа «О славяно-русских типографиях в Галиции и Лодомерии». Речь идет, в первую очередь, о типографии Свято-Успенского православного братства во Львове, основанной Иваном Федоровым, издавшей только на рубеже XVI-XVII вв. более 300 наименований православной апологетической литературы. В 1837 году выходит «Очерк истории русского народа в Галичине и церковной иерархии в том же королевстве».

В то же время выходит знаменитая «Летопись Ставропигийского братства», появившаяся в России в «Журнале министерства народного просвещения». Работа является уникальным описанием истории создания и деятельности крупнейшего церковного Свято-Успенского братства по защите Православия и русской культуры от latino-польского геноцида.

В 1843 году Зубрицкий заканчивает работу над «Хроникой города Львова», однако австрийская цензура не пропустила рукописи, вычеркнув из нее те места, на примере которых Зубрицкий показывал факты угнетения галицких русских под польской властью. (Невозможно скрыть тот факт, что петербургская цензура зачастую выступала на стороне либералов и сепаратистов. Так, запрещались труды А.С. Хомякова – они впервые были опубликованы на русском языке только после его смерти.) Работа Зубрицкого была отпечатана с купюрами. В 1862 году по просьбе его друга проф. М. Погодина дочь Зубрицкого Станислава выслала ему в Москву «Хронику» с рукописными добавлениями. По неизвестным причинам Погодин не издал полный вариант «Хроники». После смерти Погодина данный экземпляр был куплен петроградской Публичной библиотекой*.

* И.Е. Левицкий. Галицко-Русская библиография. т.1 стр. 24.

Московское общество истории и древностей Российских сделало все от себя зависящее для популяризации трудов Зубрицкого в России. В 1845 г. в Москве вышла «Критико-историческая повесть временных лет Червонной, или Галицкой, Руси до конца XV столетия», а в 1847-48 гг. – «Начало унии». В 1852-55 гг. создан главный труд Зубрицкого «История древнего Галичско-Русского княжества».

В письме в Московское общество истории и древностей Российских от 6 января 1853 года Зубрицкий изложил свои взгляды по главным проблемам галицко-русской истории:

«...Между тем думал я о составлении народной, для галичан понятной истории, и первым вопросом было: на каком наречии писать ее? Писать на галиматьи из польского и простонародного говора был ужас, было то же, что упрочать разладье в Русском языке; употребить церковно-славянское нельзя было... Следовательно решил я в первый раз в своей жизни писать на звучном, в российской литературе употребляемом и единственно чистом Русском языке, хотя впрочем еще и сам дурно на нем изъясняюсь. Я рассуждал, что лучше плоховато, как вздорно. И так начал я писать в 1849 тогда, когда едва 10 человек находилось в Галиции, которые разумели настоящее русское слово. Но я должен однако прибавить, что теперь уже и студенты пытаются писать чисто по-русски, хотя впрочем есть еще и партия старых невежд, осуждающих это стремление...

Вторым вопросом было: Откуда начать и как изложить эту историю так, чтобы она ответствовала потребностям и известным понятиям Галичских читателей...

Почти общее было мнение у менее образованных моих соотчичей, что наш Русский, и так называемый ими Московский или Российский народ есть два чуждые, различные между собой народы. Надо было разрушить этот предрассудок, надо было доказать, что в древние времена, невзирая на множество княжеств вся

Русь составляла одну только целость, что князья того же самого рода господствовали и в Москве, и в Новгороде, в Киеве и Галиче. В том намерении необходимо было мне представить своим читателям родословную картину князей Рюрикова поколения, обладавших всей Русской землею, и тем способом предложить им, так сказать, на глаза происхождение и Русских вообще, и Галичских князей в особенности от одного и того же родоначальника... принялся я за составление Родословной, к первой части приложенной карты успел по крайней мере удостоверить Галичан, что их князья были одного рода с Московскими и другими Рюриковичами...»*.

В 1852 году вышли первые два тома «Истории древнего Галичско-Русского княжества». В 1862 году в «Чтениях» Московского общества истории и древностей Российских» вышла «Галицкая Русь в XVI столетии» Зубрицкого.

«История древнего Галичско-Русского княжества» была запрещена в Австрии, подписчики подвергались давлению властных структур. Однако трудности с распространением «Истории» возникли и в Петербурге, где активно действовали немецкое и польское лобби, открыто «сдававшие» русское движение в Галиции. Зубрицкий был членом многих научных обществ в России: членом-корреспондентом Петроградской Археографической комиссии, почетным членом Киевской временной комиссии для разбора древних актов, почетным членом Московского общества истории и древностей Российских.

Зубрицкий вел обширную переписку с российскими учеными: Погодиным, Максимовичем, Бодянским и т. д., пересылал для публикации в Россию большое количество документов из архивов Ставропигийского института во Львове, Львовской униатской консистории.

Переписка Зубрицкого представляет огромный интерес. Наиболее близким его респондентом в России

* Ф.Ф. Аристов «Карпаторусские писатели», М., 1916, стр.36-37.

был Михаил Погодин. В письмах Погодину Зубрицкий много пишет о политике австрийских властей по уничтожению русского самосознания и культуры. Например, в письме от 5 мая 1852 г.* Зубрицкий пишет: «Я писал, сколько сумел, на чисто русском языке, а этот язык подозревают у нас как симпатизирование с Московщиной. Сам тихий и смиренный журналец «Галицкая Зоря» получил увещание, чтобы он не осмеливался употреблять московских слов под угрозой запрещения...» В письме к В. Ганке Зубрицкий писал: «Вы одобряете употребленный мною в «Галичской истории» язык. Я писал по-русски, ибо как Немецкий, так и Русский один только есть Литературный язык».

Скончался Зубрицкий 4(16) января 1862 года на 85-м году жизни. Считается одним из самых выдающихся историков, в том числе и церковных, Галицкой Руси. Его работа по исторической апологетике православной и русской автохтонности Галицкой Руси положила начало «москвофильскому» движению, следующим этапом которого стало массовое возвращение карпатороссов в Православие.

Его исторические труды имеют непреходящую ценность, ибо содержащиеся в них акты и документы раскрывают русскую и православную историю Галичины, служат убедительным аргументом против униатско-самостийной мифологии:

1. «Повесть временных лет Червонной Руси», 1850.
2. «Летопись Львовского Ставропигийного братства». Москва, 1850.
3. «Начало унии». Москва, 1850.
4. «История Галичско-Русского княжества, с родословной картиной русских князей, галицких в особенности». Львов, 1852-1855.
5. «Галицкая Русь в XVII столетии». Москва, 1862 г.
(Обратим внимание, сколько же книг было издаваемо в Москве, в первую очередь Михаилом Погоди-

* Письма к М. П. Погодину из славянских земель. Москва, 1880, вып.3, стр. 587 и Ф. Ф. Аристов Цит.соч., стр.41.

ным! Это к вопросу о подлинном отношении великороссов к истории и культуре Юго-Западной Руси.)

Зубрицкий был последовательным сторонником монополии общерусского языка в Галицкой Руси. Очень актуально его письмо М.А. Максимовичу: «... Ваши мне сообщенные основательные и со систематической точностью изданные сочинения – откуда идет русская земля (полный заголовок: «Откуда идет русская земля? По сказанию Несторовой летописи и по другим старинным писаниям русским». Киев, 1837 г.) и исследование о русском языке* читал я с величайшим любопытством и вниманием. Вы опровергли сильным словом мечтательные утверждения писателей и выдумки как о происхождении народа, так и о русском языке, которые мне всегда не нравились. По моему мнению, народ русский от берегов Тисы и Паннонии до берегов Волги, от берегов Вислы до Русского моря столь строго гонимый и истребляемый и могущественный в Европе, есть народ коренной в этом крае, а не пришелец, и я это по возможности в введении к «Истории Червонной Руси» изложить старался. Что касается до наречий русского языка, их есть бесчисленное число, внимательный наблюдатель, странствуя по русской земле, найдет почти в каждом округе, даже в каждой деревне... различие в произношении, изречении, даже в употреблении слов, и весьма естественно. По исчислении г-на Шмидель (Litterarischer Anzeiger, 1882 года), есть 114 наречий немецких, столь одно от другого состоящих, что немец друг друга никак не понимает, но язык есть всегда немецкий, и, невзирая на сие, ученые немцы в Риге, Берлине, Вене и даже в Страсбурге употребляют в книгах и общежитии лучших обществ одно словесное наречие. Я бы желал, чтобы и русские тем примером пользовались. Относительно наименования русского народа многие полагают, что оно от варягов произошло. Для меня это не совсем понятно. Сомни-

* «Критико-историческое исследование о русском языке». С.-Петербург, 1836.

тельно, чтобы руссы галицкие или закарпатские в IX или X столетии слышали когда-либо о варягах. Каким образом был бы в состоянии, царь в Новгороде или Киеве владычествующий, принудить народ, рассеянный на таком обширном пространстве, оставить свое прежнее какое-либо прозвище и принять чужое, совсем неизвестное? Мы в Галиции уже 500 лет под иностранною властью, имя русское во время польского ига было предметом ругательства и поношения, но все напрасно, мы гордились своею назвою и происхождением и остались русскими. Это самое разумеется и о венгерских руссах...» (Путиами истории т-2, издание Карпаторусского дитературного общества, Нью-Йорк, 1977 г).

Русская троица (1834-1837). Три студента богословского факультета Львовского университета, Маркиан Семенович Шашкевич, Иван Николаевич Вагилевич и Яков Федорович Головацкий, назвав себя «русской троицей», впервые в Галичине в открытую заявили: как на небе Бог в Троице един, так на земле Русь триединая: Великая, Малая и Белая Русь – одна русская земля (В.Г. Ваврик. «Краткий очерк истории Галицко-Русской письменности», Лувен (Бельгия), 1968 г).

Эта мысль удивительно пересекается со словами преподобного Сергия Радонежского: «Дабы воззрением на Святую Троицу преодолевать ненавистную рознь мира сего».

2. **Н. Л. Устианович** (1811-1885 гг.)

3. **А.И. Добрянский-Сачуров** – «патриарх» карпаторусского возрождения, крупнейший историк, публицист, респондент А.С. Хомякова и К.П. Победоносцева. Национальный вождь галицко-русского движения, зачинатель движения за возвращение в Православие в Галицкой Руси.

4. **А. С. Петрушевич** (1821-1913 гг.).

Анатолий Степанович Петрушевич (1821-1913) крупнейший галицко-русский историк, этнограф, филолог, член Русского археологического общества в Москве,

доктор Киевского университета св.Владимира, член многих научных обществ в России. Автор фундаментальных, требующих скорейшего переиздания трудов: «Русь и Польша» (1849), «Львовская летопись» (1867), «Акты Ставропигийского братства» (1879) и шеститомник «Сводная галицко-русская летопись» (1874-1897).

«Будители Православия» в Галицкой Руси

1. **Яков Федорович Головацкий** (1814-1888 гг.). Крупнейший историк, филолог, этнограф, церковный деятель. Спасаясь от австрийских репрессий, переехал в Россию, где принял Православие как мирянин, будучи униатским священником.

2. **Иоанн Григорьевич Наумович** – духовный отец Галицкой Руси, историк, богослов, писатель. Изгнан из Австрии, переселился в Россию, приняв Православие как мирянин, будучи униатским священником.

Головацкий и Наумович закончили свою жизнь в Литовской Руси – в Вильне, и поэтому им будут посвящены отдельные главы.

Мученики и исповедники Галицкой Руси

1. **Отец Максим Сандович**. Ревностный проповедник Православия среди карпаторусской народности лемков. Расстрелян австрийскими властями в 1914 году. Также были расстреляны все лемковские священники.

2. **Семен Юрьевич Бендасюк**. Церковный писатель. Вместе с о. Максимом Сандовичем был осужден австрийскими властями за одну только приверженность Православию.

3. **Василий Романович Ваврик**. Православный церковный историк Галичины, автор знаменитых «Талергофских альманахов», повествующих о массовых репрессиях австрийских властей против православных верующих и т.н. «москвофилов».

Галицкие и киевские православные апологеты XVII века: Памва Берында, Захария Копыстенский.

**Карпаторусские просветители,
«будители» национального
и православного самосознания**

1. **А.В. Духнович** (1803-1865) – знаменитый карпаторусский просветитель, историк, литератор.

2. **И.И. Раковский** (1815-1885). Священник в селе Иза. Оставаясь в лоне униатства, он подготовил свой приход к переходу в Православие. Знаменитый писатель, сторонник распространения русского языка в Подкарпатской Руси

4. **Архимандрит Алексей (Кабалюк).**

5. **Игуменья Нина (Прокоп).** Настоятельница Свято-Никольского монастыря в Мукачево. Святая исповедница, подвергалась пыткам и преследованиям со стороны австро-венгерских властей.

6. **Схиархимандрит Василий (Пронин)** (+1987 г.) Старец-подвижник Свято-Никольского монастыря в г. Мукачево и одновременно ученый-энциклопедист, автор уникальной работы «История Православия на Закарпатье от начала до наших дней».

7. **Братья Алексей и Георгий Геровские.** Известные деятели Карпаторусской Православной Церкви. Георгий – знаменитый карпаторусский филолог и историк, Алексей – политический деятель, юрисконсульт Сербской Церкви, защищавший религиозные и политические права карпатороссов.

От какой же черты следует отсчитывать «успехи» самостийничества? Тут надо сказать, что существует тема, о которой наши оппоненты знают, но предпочитают умалчивать. Широкая же публика о ней вообще не осведомлена. Речь идет, с одной стороны, о русском национальном возрождении Галицкой и Карпатской

Руси в XIX-XX вв., а с другой – об австро-венгерском геноциде русских (политических процессах над «русофилами», концлагерях и массовых казнях, унесших более 60 тыс. жизней) и о роли «украино-австрийской партии» в вышеназванном черном деле.

О масштабах русского национального возрождения в Галиции красноречиво свидетельствует собранная более 100 тыс. подписей русских галичан петиция в Венский парламент: «Высокая палата! Галицко-русский народ по своему историческому прошлому, культуре и языку стоит в тесной связи с заселяющим смежные с Галицкой землей малоросским племенем в России, которое вместе с великорусским и белорусским составляет цельную этнографическую группу, то есть русский народ. Язык этого народа, выработанный тысячелетним трудом всех трех русских племен и занимающий в настоящее время одно из первых мест среди мировых языков, Галицкая Русь считала и считает своим и за ним лишь признает право быть языком ее литературы, науки и вообще культуры. Доказательством этого является тот факт, что за права этого языка у нас в Галиции боролись такие выдающиеся деятели, как епископы Яхимович и Иосиф Сембратович, ученые и писатели Денис Зубрицкий, Иоанн Намович, Устианович, Дедицкий, Головацкий, Площанский, Добрянский, Петрушевич, Гушалевиц, из младших же – Залозецкий, Свистун, Хиляк, Мончаловский, Иван Левицкий, Дудыкевич, братья Марковы, Вергун, Яворский, Святитский, Глебовицкий, Глушкевич, Полянский и многие другие. Общерусский литературный язык у нас в Галиции в повсеместном употреблении. Галицко-русские общественные учреждения и студенческие общества ведут прения, протоколы, переписку на русском литературном языке. На этом же языке у нас сыздавна издавались и теперь издаются ежедневные повременные издания, как: «Слово», «Пролом», «Червонная Русь», «Галичанин», «Беседа», «Страхо-

пуд», «Издания Галицко-русской матицы», «Русская библиотека», «Живое слово», «Живая мысль», «Славянский век», «Издания общества имени Михаила Качковского», расходящиеся в тысячах экземпляров». Далее в петиции приводились требования свободы изучения и преподавания русского языка, истории и права на русских землях, входивших в состав Австро-Венгрии*.

Столь же динамично стал развиваться процесс возвращения униатов в Православие (на крупные церковные праздники до 400 крестных ходов прорывалось через австрийскую границу в Почаевскую лавру).

В ответ на рост русского возрождения в подвластных ей областях Австро-Венгрия развязала геноцид.

Сначала было проведено несколько показательных процессов над священниками и мирянами, переходившими в православие и говорившими по-русски. Это так называемые «Процесс Ольги Грабарь» (1882), первый и второй Мармарош-Сигетские процессы (1912-1914) над закарпатскими крестьянами, целыми селами переходившими в лоно Православной Церкви (более 90 человек осуждены, тысячи же крестьян несколько лет жили на осадном положении), процесс Максима Сандовича и Семена Бендасюка (1914), процесс доктора богословия Ф. Богатырца и «Дело братьев Геровских» на Буковине (1912-1914).

Затем, когда разразилась Первая мировая война, начался массовый антирусский террор. Была создана сеть концлагерей. (Самый известный из них – Талергоф, близ г. Грац в Австрии.) В первое время было уничтожено более 60 тыс. человек, более 100 тыс. бежали в Россию, еще около 80 тыс. было уничтожено после первого отступления русской армии, в том числе уничтожено около 300 униатских священников, заподозренных в симпатиях к Православию и России. Эти сведения приводит польский депутат венского парла-

* Ф.Аристов. Карпато-русские писатели. Т. 1. – Москва, 1916.

мента А. Дашинский. (Все русские депутаты этого парламента были расстреляны*.)

Вот что писал об этих событиях галицко-русский историк В. Ваврик: «Австро-мадьярский террор сразу на всех участках охватил Прикарпатскую Русь... Наши братья, вырекшиеся от Руси, стали не только прислужниками Габсбургской монархии, но и подлейшими доносчиками и даже палачами родного народа... они исполняли самые подлые, постыдные поручения немецких наездников. Достаточно взять в руки украинскую газету «Діло», издававшуюся для интеллигенции, чтобы убедиться в этом окончательно. Сокальский уезд был поленом в глазах «украинских патриотов», поэтому доносы с их стороны сыпались на русских людей, как град из черной тучи... Педагог Стенятинский выдавал видных, деятельных крестьян в окoliце... В селе Маковисках на своих прихожан доносил священник-униат Крайчик. В селе Сосница «мужи доверия» украинцы Михаил Слюсарь, войт Михаил Кушнир и другие донесли на своих односельчан, на основании их доноса крестьян повесили... Двоих – Николая Смигоровского и Андрея Гардого – мадьяры-уланы привязали к своим седлам и волокли четыре километра до села Задубровы и обратно, потом повесили на вербах. В Станиславской тюрьме на Дуброве расстрелы шли с утра до вечера... Талергоф... В дневниках и записках талергофских невольников имеем точное описание этого австрийского пекла. Первую партию русских галичан пригнали в Талергоф 4 сентября 1914 года. До зимы 1916-го в Талергофе не было бараков. Сбившийся в кучу народ лежал на сырой земле под открытым небом, выставленный на холод, мрак, дождь и мороз... Священник Иоанн Мащак под датой 11 декабря 1914 года отметил, что 11 человек загрызены вшами. По всей талергофской площади повбивали столбы, на которых довольно

* «Временник», Львов, 1938 г.

часто висели и без того люто потрепанные мученики, происходила «анбинден» – славная немецкая процедура подвешивания за одну ногу. Изъятий не было даже для женщин и священников... Но все-таки пако-сти немцев не сравнятся с издевательствами своих же. Немец не мог так глубоко влезть своими железными сапогами в душу славянина-русина, как этот же русин, назвавший себя украинцем, вроде официала полиции г. Перемышля Тимчука, доносчика и палача, который выражался о родном народе как о скотине. Он был правой рукой палача Пиллера, которому давал справки об арестантах. Тимчука, однако, перещеголял другой украинец – униатский попович Чировский, обер-лейтенант австрийского запаса... Все невольники Талергофа характеризуют его как профессионального мучителя и палача»*. А вот свидетельство еще одного узника Талергофа, М.А. Марко: «Жутко и больно вспоминать о том тяжком периоде близкой еще истории нашего народа, когда родной брат, вышедший из одних бытовых и этнографических условий, без содрогания души становился не только на стороне физических мучителей части своего народа, но даже больше – требовал этих мучений, настаивал на них... Прикарпатские «украинцы» были одними из главных виновников нашей народной мартирологии во время войны»**.

«Православное русское сопротивление»
«Брестской унии» как религиозно-национально-
освободительная борьба русского народа

Брестская уния в Западной Руси и Ужгородская в Подкарпатской с латинской Церковью были и актом предательства православного вероучения и Церкви, и актом фактического геноцида русского народа, ког-

* В.Ваврик. Терезин и Талергоф. – Филадельфия, 1966 г.

** Галицкая Голгофа. – США, Изд. П.Гардый, 1964.

да речь шла не только о запрете на Православную веру и русское национальное самосознание, но и об уничтожении русских по религиозному и национальному признаку – именно так термин «геноцид» описывается в Конвенции ООН о геноциде 1948 г. Действия как проводников униатства (Полоцкий католический архиепископ Иосафат (Кунцевич), униатский львовский митрополит Андрей (Шептицкий) и все «австро-мазепинские» организаторы массовой религиозно-этнической чистки карпатских русских 1882-1916 гг., так и всех (и большевистских, и бандеровских) «украинизаторов» и «белорусификаторов» XX и XXI вв. подходят под определение Конвенции ООН о геноциде и должны быть юридически признаны преступлением против человечества, как, например, геноцид армян 1915-18 гг.

Сопротивление этим униям стало актом массового православного исповедничества и русского национального героизма. Уния имела и «обратный эффект»: притеснения привели к взрыву православного русского самосознания как в интеллектуальной (огромное количество православных вероучительных и русских воссоединительных апологий), так и в политической сфере – православному русскому восстанию гетмана Богдана Хмельницкого и воссоединению православного русского народа на Переяславской раде в 1654 году, продолжению православной русской религиозно-национально-освободительной борьбы на русских землях, оккупированных Речью Посполитой, закончившейся их воссоединением с Россией в 1795 году.

Поэтому остановимся на борцах с Брестской унией и ликвидаторах ее последствий.

Святой игумен Афанасий (Филиппович) – символ Православного русского сопротивления

Игумен Афанасий родился то ли на Брестщине, то ли на Гродненщине, был выходцем из кругов западно-русской аристократии. Получил блестящее образование в иезуитской коллегии в Вильне. Затем был приглашен канцлером Львом Сапегой быть воспитателем, как потом оказалось, сына «Лжедмитрия», которого Речь Посполитая готовила на роль коллаборационистского правителя Руси (готовился новый поход на Москву). Узнав об этом, будущий игумен был потрясен. Его покаяние было столь сильным, что позже, уже став монахом, Афанасий заявил, что ему было видение о том, что «куратор» сына Лжедмитрия канцлер Лев

**Игумен Афанасий
Брестский**

Сапега, папский легат и король Сигизмунд «горят в пятом адском огне» за изгнание православных из Дубойского монастыря в Пинске. В знак покаяния в том, что он, хотя и по неведению, был использован против св. Православной Церкви и России, он принимает монашество в Виленском Св.-Духовом монастыре и становится еще большим борцом за Православие, укрепляет Церковь в Ку-

теинском монастыре под Оршей, Межигорском под Киевом и других. Афанасий ставится св.Петром Могиллой игуменом монастыря св. Симеона в Бресте и объезжает Белую Русь с антиуниатской проповедью, а затем добирается до Москвы, до царя Михаила Федоровича Романова. Афанасий посетил с миссией Копысь, Могилев, Шклов. Затем Афанасий прибывает в Москву, где останавливается на Большой Ордынке (вот бы где ему памятник поставить), попадает к царю Михаилу Федоровичу и описывает результаты миссии в своем фактическом манифесте воссоединения Руси и борьбы с «партией измены», который актуален и сегодня и поэтому требует переиздания. Этот документ 1638 года называется «История путешествия в Москву». В этом манифесте-поэме описано нелегкое положение в Речи Посполитой православных жителей Малой и Белой Руси. Афанасий умоляет русского царя заступиться за православных Белоруссии и Малороссии, убеждает Михаила Федоровича начать войну с Речью Посполитой для защиты Православной веры и пишет, что ему явилась Богородица, сказавшая ему: «О Афанасий! Иди до царя Михаила и скажи ему: победи неприятелей наших, ибо уже время пришло». Святой Афанасий призывал православного русского царя сделать изобращение на хоругвях Купятицкой Божией Матери, чей образ вместе с запиской был передан царю. Принятый в Посольской избе, Афанасий «бьет в набат» о подготовке в Речи Посполитой нового самозванца.

Царь Михаил Федорович сначала отказал гетману Петру Сагайдачному в воссоединении Малороссии и Белоруссии, затем святому игумену Афанасию, ограничился щедрыми пожертвованиями. Причина – слишком сильна в Москве была прозападная «боярская партия», не хотевшая ссориться с «просвещенной Речью Посполитой», «боявшаяся санкций». Впрочем, игумен Афанасий и царь Михаил, вероятно договорились о том, что игумен будет готовить православное русское

воссоединение, которое надолго затянулось из-за саботажа вышеупомянутой компрадорской партии.

Игумен Афанасий вернулся в Брест, создает здесь православное братство Рождества Пресвятой Богородицы, полемизирует с унией и срывает подготовку нового похода на Москву. Филиппович обратился к московскому послу князю Львову, который расследовал дела о самозванцах, в немалой степени – по результатам поездки игумена Афанасия в Москву. Во время встречи Афанасий рассказал послу о серьезных разоблачающих фактах из жизни Яна Фаустина Лубы (сына Лжедмитрия), передав, среди прочего, одно из последних его посланий, предоставив тем самым русскому послу необходимые для предъявления Речи Посполитой «вещдоки». Игумен Афанасий арестовывается и подвергается жестоким пыткам за исповедание Православия. В заключении пишет он свои основные антиуниатские тексты: «Новины» (с духовными песнопениями – стихами, положенными на собственную музыку), «Фундамент непорядку костела рымского», «Приготоване на суд», «Порада побожная». Прямо из заключения Афанасий пишет письма королю Владиславу, в которых обосновывает антигосударственный характер унии и прямо призывает к союзу с Россией. Митрополит Петр Могила добивается временного освобождения Афанасия из тюрьмы под собственный надзор в Киево-Печерской лавре, где Афанасий собирает все свои антиуниатские трактаты в единый том: «Диариуш». Могила ранее спас Афанасия, восстановив его в священном сане, которого он был неканонично лишен под давлением Речи Посполитой. Затем Афанасий прикидывается юродивым, что позволяет Луцкому православному епископу Афанасию Пузыне вернуть Афанасия Филипповича в Брест. Игумен был идейным вдохновителем православного русского восстания Богдана Хмельницкого, ревностным сторонником воссое-

динения Великой, Малой и Белой Руси. Но то, что он не поставлял порох восставшим в битве под Берестечком, он доказал в суде по обвинению в поставках пороха восставшим. Это, однако, не спасло его от третьего и последнего ареста и новых «пытках огнем», во время которых он проповедовал: «...Чтобы настоящая греческая вера всемерно почиталась, проклятая же уния была унижена и обращена в ничто», «Проклята теперешняя ваша уния. И знайте о том наверняка, если ее из панства своего не выкорчуете, а Православную Церковь Восточную не успокоите, гнев Божий над собой наживете».

18 сентября 1648 года после пыток св. Афанасий был расстрелян «латино-польскими оккупантами». Он проклинал унию, даже стоя над своей могилой.

Знамя св. Афанасия, несмотря ни на какие гонения, народ Белой Руси нес до победы – воссоединения с остальной Россией. Это знамя несли такие выдающиеся православные иерархи, как Климент Тризна, Сильвестр Волчанский, Гедеон и Сильвестр Четвертинские, Арсений Берло, епископ Виктор Садковский, проведший годы в польских застенках и освобожденный только под давлением России, святитель Георгий Конисский (уже канонизированный Русской Православной Церковью). Но наиболее выдающимся борцом за Православие на Западе Руси был архиепископ Иосиф Семашко. Этот человек, по сути, равен святому равноапостольному князю Владимиру, и мы, православные христиане, просто обязаны ходатайствовать о его канонизации.

«Неполиткорректный» русский святой Иоанн Вишенский

Невозможно также пройти мимо Иоанна Вишенского (1550-1623), афонского инока, ревнителя веры Православной, прославленного УПЦ МП в 2016 году. На Афоне Иоанн Вишенский велел заживо «похоронить» себя в пещере у Эгейского моря, откуда беспощадно порицал отступников: Михаила Рагозу, Ипатия Потeya, епископа Брестского. Иоанн Вишенский написал множество ярких посланий, в которых прямо называет латинян не просто еретиками, а слугами дьявола (в своей знаменитой «книжке»). Отступников от веры он беспощадно бичует в «Послании к митрополиту и епископам, принявшим унию». Очень интересна и актуальна полемика Иоанна Вишенского с иезуитом Петром Скаргой. Оба придают церковнославянскому языку принципиальное значение. Для Иоанна Вишенского церковнославянский язык богодуховен, «его же дьявол ненавидит», Скарга же в своей борьбе с Православием дискриминацию и уничтожение церковнославянского языка рассматривает как одну из важнейших задач.

Из всех произведений, несомненно написанных Иоанном Вишенским, до нас дошло 17: «Книжка» («Термин о лжи»), сборник о десяти главах с вступлением и двумя предисловиями; послания львовскому братству, Домникии, Иову Княгинскому, Михаилу Вишневецкому, знаменитая «Зачапка мудрого латынника с глупым русином» – полемика со Скаргой, вышеупомянутый «Краткословный ответ Петру Скарге», «Позорище мысленное».

«Книжка» была составлена Иоанном Вишенским в 1599-1600 гг. Специально для «Книжки» были написаны И. Вишенским главы: первая – «Обличение дьявола миродержца», седьмая – «О еретиках», написанная в дополнение к главе шестой – «Известию краткому о латинской прелести», восьмая и десятая – «Загадка философам латинским» и «Спор краткий», глава десятая – повесть «Об обретении тела Валаама,

Св. Иоанн Вишенский

архиепископа Охридского града». Крайне интересны глава вторая – «Послание благочестивому государю Василию, княжати Острожскому первым православным христианам Малой России (1598-1599 гг.) и пятая – «Писание к утекшим от Православной веры епископам».

Отступникам Рагозе, Поцею и Терлецкому Иоанн Вишенский писал: «Спросил бы я вас – что такое труда очищения? Но вам и не снилось об этом: не только вы этого не знаете, но и ваши папы – Иисуса ругатели – так называемые иезуиты о том не пекутся и ответ дать не могут...

Постучись в лысую голову, бискуп Луцкий! Сколько ты во время своего священства человеческих душ к Богу послал? Его милость Коштелян Поцей, хотя и Коштеляном был, но только по четыре слуги за собою волочил, а теперь, когда бискуп стал, то больше десяти сочтешь; так же и его Милость Митрополит, когда простого рогозиною был, то не знаю, мог ли держать двух слуг, а теперь больше десяти держит».

В послании к князю Острожскому Иоанн Вишенский пишет: «Латинская злоковарная душа, ослепленная и напыщенная поганским тщеславием и гордыми догматами, Божьи премудрости, разума духовного, смирения, простоты и беззлобия вместить никак не может. Охраняйте, православные, детей своих от этой отравы; теперь вы явно пострадали, когда не латинскую и мирскую мудрость разлакались, вы не в папу крестились и не в королевскую власть, чтобы вам король давал волков и злодеев, ибо лучше сам без владык и попов, от дьявола поставленных, владыками и попами, не от Бога званными, в церкви быть, ей ругаться и Православие попирать»*.

Очень интересна переписка между отступниками от Православия во главе с Киевским митрополитом Михаилом Рагозой и ревнителями Православия – Львовскими братствами, афонским иноком Иоанном Вишенским, Александрийским Патриархом Мелетием Пигасом. Отступники, прекрасно понимая, что у них нет богословских оправдательных документов своего предательства, обвиняют православных в «непослушании епископу» и т.д. Письма же Патриарха Мелетия, Иоанна Вишенского полны более чем резких выражений по отношению к вероотступникам, из которых «волки в овечьих шкурах», «прелюбодеи» являются самыми мягкими**.

Другим важнейшим документом борьбы с латиноуниатами является «Перестрога», написанная неизвестным автором. В ней пламенный защитник Православной Церкви говорит об упадке Галицко-Русского княжества, об уничтожении русских книг фанатиками-доминиканцами, об отсутствии просвещения в Галицкой Руси и о произволе разнузданной шляхты над русским народом.

* Церковь, Русь и Рим. Н.Воейков, Джордавилль, 1983.

** Архив Юго-Западной России, Киев., 1859-1911; издано в 37 томах.

Православные братства Западной Руси

Особую роль в национально-освободительной борьбе русского народа сыграли православные братства Западной Руси.

Православные братства – это корпоративные объединения православного духовенства и мирян. Потребность в теснейшем объединении была вызвана католическим геноцидом, попытками Ватикана и Речи Посполитой стереть с лица земли Православную Русь, а также разложением православной иерархии, полностью зависимой от польского правительства. Сама идея отдельной от Москвы Западно-Русской митрополии с целью постепенного ее подчинения Ватикану была впервые выдвинута отступником от Православия Московским митрополитом Исидором, изгнанным из России и возведенным в Ватикане в кардинальское достоинство.

В этих условиях православные братства получают от Константинопольских Патриархов права на «чрезвычайное управление Церковью», на контроль над деятельностью шатающихся в вере архиереев, церковного суда и т.д. В 1606 г. Львовское Успенское Ставропигиальное братство получает право на управление Церковью во всех пределах России, вплоть до Москвы. Это происходит в пик русской Смуты, когда латинопольские оккупанты не допускают каноничного Московского Патриарха до управления Церковью, пытаются навязать лжепатриарха-коллаборанта Игнатия.

Огромную роль сыграли братства в фактическом срыве ватиканского плана Брестской унии: в католи-

чество перешла только большая часть иерархии, но без духовенства и народа. Православные мещане, состоятельные миряне финансировали самоорганизацию и деятельность всего православного русского народа Южной и Западной Руси: миссию, высшее и среднее образование, политику, социальную сферу, медицину, братства были центрами религиозной, политической и экономической консолидации и самоорганизации русских. Православным братствам посвятили значительную часть своих трудов великие столпы «западно-русизма», такие как проф. Коялович, Чистович и др. Опыт православных братств должен быть востребован в современных условиях религиозной и национально-освободительной борьбы православного русского народа против тоталитарного насаждения «киевской хунтой» «новой унии» – т.н. «Поместной украинской церкви», попыток вовлечь в этот неоуниатский проект зависимый от США Константинопольский Патриархат и уничтожить историческую русскую национальную идентичность малороссов, заменив ее тоталитарными методами на антинациональную «бандероукраинскую» «негативную идентичность», смыслом и единственным содержанием которой является русофобия и уничтожение того, что Южная и Западная Русь создавали веками. Более мягкими, но от этого не менее опасными методами подобная антинациональная «литвинская» «негативная идентичность» насаждается прозападной частью элиты в Белой Руси. Эту «негативную идентичность» некорректно называть национализмом, ибо, как уже отмечено выше, она уничтожает идентичность Западной Руси – православную русскую. Поскольку книга в большей степени посвящена Западной, чем Юго-Западной Руси, остановимся на Виленском братстве.

Виленское Св.-Троицкое православное братство создано идеологом «Третьего Рима»

Виленское православное братство было создано по благословию Киевского митрополита Онисифора (Девочки) под «дистанционным руководством» того самого Константинопольского Патриарха Иеремии II, который установил Московский Патриархат и назвал его «Патриархатом “Третьего Рима”» после длительного инспекторского посещения Западной Руси, совместного со св. Арсением Элассонским. Это ясное свидетельство того, что и установление Московского Патриаршества, и спасение Православия в Западной Руси, и возвращение Русской Церкви Киевской и Малой России митрополии в 1686 году являлись реализацией долгосрочной стратегии взращивания из Руси с центром в Москве преемницы Православной Ромейской империи. Следовательно, разрушительная политика Константинопольского Патриархата в XX в. – это предательство веры Православной и своего великого наследия! Именно тогдашним Константинополем, видимо, были придуманы (или придуманы русскими, но им активно поддержаны) православные братства. Они стали формой эффективного сопротивления с властями Речи Посполитой, их политикой ликвидации Православия и ассимиляции русских. Это православное гражданское общество, и его структуры поначалу невозможно было запретить, подобно Магдебургскому праву городов с их «цеховыми корпорациями». На первых порах власти Речи Посполитой регистрировали уставы братств и создаваемых ими миссионерских

и образовательных проектов – «еллино-словенских училищ» и типографий. Так же было и с Виленским Свято-Троицким братством. Братство, помимо типографии, учредило училище для изучения греческого и русского языков, осуществляло и печатало русские переводы святых отцов и западнорусских проповедников, таких как св. архим. Леонтий (Карпович), апологии Православия Стефана и Лаврентия Зизаниев. В результате Брестской унии в нее отпадает Свято-Троицкий монастырь в Вильне и часть братчиков и новым центром братства становится Свято-Духов монастырь – соответственно, братство становится Свято-Духовским. Его и братского училища главой становится о. Мелетий Смотрицкий, которого после восстановления в 1620 году Иерусалимским Патриархом Феофаном IV православной иерархии Западной России духовник братства и исповедник Православия св. Леонтий вместо себя продвигает в сан епископа Полоцкого. И действительно, в самые тяжелые годы после Брестской унии, когда Западная Русь осталась без православной иерархии, православные были лишены гражданских прав, к 1620 году в до этого православной русской Вильне не осталось православных храмов, кроме Св.-Духова монастыря. На фоне этих репрессий и измен Мелетий Смотрицкий выглядит «орлом»: он пишет и издает апологетическо-правозащитный «Фринос, или Плач Восточной Церкви» и «Граматику церковно-славянского языка», которая становится официальным учебником Русской Церкви вплоть до XX в.

Ярчайшими фигурами Западной Руси, в том числе Виленского братства, являются братья Зизании.

Стефан и Лаврентий Тустановские (Зизании)

Стефан Зизаний родился, вероятно, в Корце, начинал в Острожской академии и в условиях униатской пропаганды его апологии Православия, такие как

Братья Зизании

«Изложение о Православной вере», «Казанье святого Кирилла...», в том числе изданный Виленским братством «Катехизис», играли огромную роль в битве за умы. В полемике с католицизмом Стефан Зизаний отрицал учение о частном суде, которое он отождествлял с католическим лжеучением о чистилище, и другой великий западнорусский святой Димитрий (Туптало) затем подправил богословские ошибки великого православного западнорусского полемиста. Вместе со св.Арсением Элассонским принимал участие в написании первой русской грамматики «Адельфотес, или Наука о восьми частях слова в назидание многоименитому Российскому роду». Стефан Зизаний принял постриг в Свято-Троицком виленском монастыре. Его проповеди были настолько убедительными, что власти Речи Посполитой запрещали ему проповедовать.

Характерны обвинения властей Речи Посполитой в адрес Стефана: «На своих старших, как духовных, так и светских, дерзко направляешь язык; о нашем господине короле и митрополите плохо отзываешься в своих

проповедях. Проклинаешь латинников. Подстрекаешь Русь к бунтам и раздорам...»* [5. с.135] Погиб великий полемист и апологет Православия, будучи зарублен во время паломничества во Львов в 1600 году.

Младший брат Стефана – Лаврентий.

Учился в Острожской академии, преподавал во Львовской братской школе, затем в Бресте, от униата митр. Михаила (Рагозы) бежал в Вильну. В Виленской братской школе издает терминологический церковнославянско-русский словарь: «Лексис, сиреч Речения, въкратце събранны и из словенскаго языка на простый русский диялект истолкованы» и церковнославянскую грамматику: «Грамматика словенска съвершенна искусства осми частей слова».

Затем Лаврентий пишет «Большой Катехизис» или «Оглашение», но ни в Вильне, ни Киеве издать его не может вследствие новой волны гонений на православных после убийства униатского архиепископа Иосафата Кунцевича. Лаврентий отправляется в Москву, где Патриарх Филарет (Романов) требует от него исправить догматические ошибки в вопросе отношений Лиц Святой Троицы. Зизаний соглашается при условии отказа от авторства – при публикации «Большой Катехизис» выходит не под его именем.

У Зизания была еще одна проблема: сначала тайно унию принял крупнейший апологет Православия архиепископ Мелетий Смотрицкий, для которого компрометация такого мощного оппонента унии, как Лаврентий Зизаний, стала уже профессиональной задачей.

Да, история борьбы за Православие и русское воссоединение – это не только история побед. Это и история предательств. Серьезный удар по Виленскому братству нанесли измены Православию таких его активных фигур, как Кирилл Транквиллион-Ставровецкий и архиепископ Мелетий Смотрицкий. Если Кириллом руководила обида за осуждение «латинозависимости» его со-

* https://studopedia.ru/6_29657_stefan-i-lavrentiy-zizanii.html

чинений, то Мелетия, вследствие его реальных заслуг перед Церковью, никто не «обижал». Предательство Мелетия Смотрицкого напоминает антицерковный разворот ряда современных бывших апологетов Церкви, таких как протодьякон Андрей Кураев или архим. Кирилл (Говорун). Мелетий тоже не сразу открыл свое униатство, вышеперечисленные же наши современники, формально находясь в лоне Церкви, воинствуют на Нее. Ни их, ни Мелетия Церковь не «обижала» и, каковы ни были бы их мотивы, их предательство является фактом. Лаврентий Зизаний принимает участие в Киевском соборе 1628 года, осудившем Мелетия Смотрицкого. Последние годы жизни протопоп Лаврентий Зизаний проводит в Корце. После этих событий центр церковной жизни Западной Руси перемещается в Киев – Виленское братство постепенно сходит на нет и возрождается уже только «Моисеем белорусского народа» митрополитом Иосифом (Семашко).

Приведем заголовки изданий Виленского братства, чтобы убедиться, что языком Западной Руси был русский, а не «староукраинский», «старобелорусский» или какой иной: «Евангелие учителное, албо Казаня на кождую неделю и свята урочистыи Каллиста, Патриарха К-польского» (Евье, 1616), «Духовныи беседы о доконалстве христиан православных» прп. Макария Египетского (Вильна, 1627), «На Отче наш выклад з грецкого на русский» (Вильна, 1620) архим. Леонтия (Каровича), Мелетия Смотрицкого «Грамматики славенския правильное синтагма» (Евье, 1619), «Грамматика, албо Сложение письмени, хотящим ся учити славенского языка малолетним отрочатом» того же автора (Вильна, 1621), «Киновион, или Изображение евангелского иноческого общего жития, от святых отец вкратце собранно» (Евью, 1618; возможно, представляет собой устав братского Свято-Духова монастыря), «Казание двое: одно на Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, другое на Успение Пречи-

стое и Препоблагословенное Владычицы наше Богородицы Приснодевы Марии» (Еввье, 1615), а также два «Слова» на погребение архим. Леонтия: «Лямент у света оубогих на жалосное преставление... отца Леонтия Карповича» (Вильна, 1620) и сочинение архиеп. Мелетия (Смотрицкого) «Казанье на честный погреб... Леонтия Карповича, номината епископа Володимирского и Берестейского, архимандрита Виленского»* (Вильна, 1620).

Виленское братство практиковало как миссионерско-полемиические, так и правовые политические методы борьбы с унией – иски в суды с требованиями защиты прав Православной Церкви. Братство столь же эффективно занималось «фаундрайзингом» и, по свидетельству униатского митрополита Иосифа-Вениамина Рутского, собирало среди православного русского народа немалые средства на антиуниатскую «контрмиссию». Говоря о русском языке православных западнорусских братств, необходимо описать языковую ситуацию в Западной Руси. Она обрисована в грамматике Иоанна Ужевича (1643 г.). В ней описывается «Lingua sacra», или «словенороссийский язык» (так именовался церковнословянский) – высокий книжный язык, язык богослужения и богословия, «lingua slavonica» или «проста мова», – гражданский, светский литературный и деловой русский язык, и «lingua popularis» – диалектная речь**. В Киеве в 1627 г. «протосингел от Иерусалимского патриаршего престола и архитипограф Российския церкви» ученый монах, подлинный энциклопедист того времени Памва Берында издает толковый словарь «Лексикон словенороссийский, или Слов объяснение». В нем «руская» речь (в послесловии к Киевской Постной Триоди 1627 г. Берында называет «просту мову» «российской беседой общей») противопоставляется народным диалектам – «волынкой»

* <http://www.pravenc.ru/text/158638.html>

** Б.А. Успенский «Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX в.в.) М, 1994.

и «литовской» мове. Кодификация «словенороссийского» языка была произведена в основном в Киеве, Львове и Вильне. «Грамматика» Мелетия Смотрицкого стала учебником церковно-славянского языка для всей Русской Церкви буквально на века. «Проста мова» стала основой общерусского литературного языка: «...Действительно, «проста мова» не оказала почти никакого влияния на современный украинский и белорусский литературный языки... Однако на историю русского литературного языка «проста мова» как компонент юго-западнорусской языковой ситуации оказала весьма существенное влияние. Достаточно указать, что если сегодня мы говорим об антитезе «русского» и «церковнославянского» языков, то мы следуем именно югозападнорусской, а не великорусской традиции... Это связано с тем, что условно называется иногда «третьим южнославянским влиянием», т.е. влиянием книжной традиции Юго-Западной Руси на великорусскую книжную традицию в XVII в.: во второй половине XVII века это влияние приобретает характер массовой экспансии югозападнорусской культуры на великорусскую территорию»*.

«Говорят, что Петр Великий гражданскую печать выдумал, а, оказывается, он просто-напросто заимствовал ее у галичан и у прочих малорусов, которые употребляли ее еще в XVI в. Заголовки многих грамот и статуттов, виденные мною в Ставропигии, начерчены чисто нашими гражданскими буквами, а текст, писанный в XVI в. – очевидный прототип нашей скорописи и нашей прописки елисоветинских и екатерининских времен»**.

Что касается диалектов – «волынской», «литовской» и многих других мов, – то о «целесообразности» создания на их основе местных литературных языков лучше всего сказал замечательный галицко-русский

* Б.А. Успенский «Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX в.в.) М, 1994.

** «Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева, С-Петербург., 1868.

историк Денис Зубрицкий в своем письме к М.А. Максимовичу: «...Ваши мне сообщенные основательные и со систематической точностью изданные сочинения – откуда идет русская земля, и исследование о русском языке читал я с величайшим любопытством и вниманием. Вы опровергли сильным словом мечтательные утверждения писателей и выдумки как о происхождении народа, так и о русском языке, которые мне всегда не нравились... Что касается до наречий русского языка, то их бесчисленное число; внимательный наблюдатель, странствуя по русской земле, найдет почти в каждом округе, даже в каждой деревне, хотя и неприметное различие в произношении, изречении, прозодии, даже в употреблении слов, и весьма естественно. По исчислению г-на Шмидель (*Literarische Anzeiger*, 1882 г.) есть 114 наречий немецких столь одно от другого состоящих, что немец друг друга никогда не понимает, но язык есть всегда немецкий, и, невзирая на сие, ученые немцы в Риге, Берлине, Вене и даже в Страсбурге употребляют в книгах и общежитии лучших обществ одно словесное наречие. Я бы желал, чтобы и русские тем примером пользовались...»*.

Что же касается создания литературы на «киевско-полтавской мове», то здесь уместно процитировать Н. Костомарова: «Пока польское восстание не встревожило умов и сердец на Руси... самое стремление к развитию малороссийского языка и литературы не только никого не пугало признаками разложения государства, но и самими великороссами принималось с братской любовью»**. Все это дало повод известному русскому философу Николаю Трубецкому утверждать, что «та культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры».

* Путиами истории, Т.2. Изд. Карпато-русского литературного общества, Нью-Йорк, 1977.

** Н. Ульянов, «Происхождение украинского сепаратизма», М. 1996.

**Православный русский политик
и правозащитник
Лаврентий Древинский**

Лаврентий Древинский был «чашником» Волынского воеводства. Чашник – это ключевой боярин, который занимается поставками вина к королевскому столу. И эта специфическая должность позволила Лаврентию Древинскому добиваться того, чего не могли добиться другие. Лаврентий Древинский является примером миссионерского служения и правильного православного карьеризма как метода служения Церкви и русскому делу в любой ситуации, но в условиях оккупации – в особенности. «Чашник» – доходная должность, но эти доходы Лаврентий тратит на православные братство – становится попечителем Виленского братства и основывает Луцкое. На Виленском братском съезде 1599 года официально становится братским правозащитником, «смотрящим» за нарушениями прав православных русских на всей территории Речи Посполитой, становится депутатом Сейма Речи Посполитой. Надо сказать, что православные русские люди Западной Руси, особенно в условиях гонений, активно и успешно занимались не только миссионерской, но и политической и правозащитной деятельностью. Например, «в феврале-марте 1597 года в Варшаве собрался Генеральный сейм Речи Посполитой, на котором православные выразили решительный протест против Брестского униатского беззакония. Православные послы сейма заявили, что не приступят к обсуждению каких-либо вопросов до тех пор, пока не будут гарантированы свобода исповедания Право-

славной веры и права не подчинившихся Риму священнослужителей. Особенно решительно выступили на сейме православные магнаты – князь Острожский и Гулевич»*. Но такие великие «адаманты» православной русской правозащиты, как князь Острожский, умирают. Православная иерархия отдельной от Москвы западнорусской митрополии слаба и склонна к унии, и даже те архиереи, кто унию не принял – Гедеон Балабан и Михаил Копыстенский, слабы и не способны к какому-то серьезному «Православному сопротивлению». В 1612 году умирает последний не принявший унию архиерей Западной Руси Михаил Копыстенский. Западная Россия остается вообще без православной иерархии. Москва оккупирована, Патриарх Ермоген – умирает в темнице, но не сдается и поднимает православных мирян, таких как Дмитрий Пожарский и Косьма Минин.

«Мининым и Пожарским» Западной Руси становится Лаврентий Древинский. Его православная русская национально-освободительная борьба проходит в форме политического и правозащитного служения в сейме Речи Посполитой. И многие годы он ярко выступает там в защиту «диссидентов» – так называли гонимых православных русских в Речи Посполитой. После Переяславской рады Россия по мирному договору с Польшей назначает своих официальных представителей в Польше для наблюдения за защитой прав православных на русских землях, которые не удалось освободить и воссоединить с остальной Россией в 1654 году. И дорогу к этому проложил Лаврентий Древинский. Наиболее яркой, с наибольшим КПД считается речь Лаврентия Древинского в Сейме в 1620 году:

«Боже живый! какие великие гонения и невыносимые оскорбления терпит за свою веру этот древний народ русский» [1, с. 76-77]. «Уже в больших городах

* https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/kurs-lektsij-po-istorii-russkoj-tserkvi/5

церкви запечатаны, церковные имения расхищены, в монастырях нет монахов, там теперь запирают скот. Дети мрут без крещения». Далее он перечисляет поругания православных святынь от униатов, преследования духовенства за исполнение обрядов и смело укоряет короля за нарушение старинных прав и привилегий православных. Но так как подобные требования не раз уже были предъявляемы и не выполнялись, то заканчивается речь угрозой: «Если же не последует на этом сейме совершенного успокоения народа и уврачевания таких тяжелых его язв, то мы принуждены будем воскликнуть с пророком: суди ми, Боже, и разсуди прю мою!» [1, с. 77]...»*

Лаврентий был изворотлив в интересах Церкви и русского народа, и далее в речи он предлагает королю разрешить восстановить православную иерархию в Речи Посполитой, Киевскую и Малой России митрополию под предлогом того, что иначе не удастся мобилизовать русскую половину населения Речи Посполитой на готовящуюся войну с Московской Русью. Король «заглатывает наживку» и такое разрешение дает. Приехавший из Москвы в Киев Иерусалимский Патриарх Феофан IV, заручившись вооруженной поддержкой православного русского гетмана Петра Сагайдачного, рукополагает Киевского митрополита Иова (Борецко-го) и еще шестерых православных епископов. Перечислим: Смоленский Исаия (Копинский), Полоцкий Мелетий (Смотричский), Луцкий Исаакий (Борискович), Переяславский Исаия (Конисский), Холмский Паисий (Ипполитович), Владимиро-Волынский Иосиф (Курцевич)** . Цена за эту возможность была заплачена немалая: Сагайдачный вместе с Войском Запорожским вынужден был пойти в поход на Москву, в ко-

* Коялович М.О. Лаврентий Древинский, защитник западно-русского православия в XVII столетии // «Странник», 1861 г. – С. 69-83. (<http://www.uspenie.by/лаврентий-древинский>)

** <http://www.uspenie.by/лаврентий-древинский>

тором он, впрочем, перехитрил «заказчиков» – власти Речи Посполитой: вместо того, чтобы Москву сжечь, он в ней договаривается с находившимся там Иерусалимским Патриархом Феофаном о восстановлении иерархии Западной Руси (очевидно, что Древинский и Сагайдачный договорились о взаимодействии каждого «на своем участке работы»). Распознав «православную русскую хитрость», Речь Посполитая отозвала признание и права православной иерархии Западной Руси, но дело было сделано! Тогда власти Речи Посполитой и униатский митрополит Иосиф-Вениамин Рутский придумывают свое «благочестивое мошенничество» (термин Рутского) – проект униатского «Киевского Патриархата», куда десятилетиями пытаются загнать православных и даже удачно вербуют в унию православного архиепископа Мелетия Смотрицкого. И всему этому противостоит, пользуясь возможностями депутата Сейма и местных сеймиков, Лаврентий Древинский.

Если Лаврентий Древинский защищал Православие и русское дело в сеймах и судах, то запорожские русские казаки не были столь тактичны: автора «брэнда» «Киевский Патриархат» униатского митрополита Иосифа-Вениамина Рутского они искупали в Днепре и он был вынужден покинуть Киев.

«Покаявшийся АТОшник XVII в.» гетман Петр Сагайдачный

Бездарная хунта Порошенко придумала «государственный праздник» – в октябре 2018-го года праздновать 400-летие похода гетмана Петра Сагайдачного на Москву. Понятно, что сам факт похода на Москву застилает им глаза и они по своей глупости вспоминают имя своего принципиального, сущностного врага. Они жалки потому, что любые их попытки ухватиться хоть за какую-то «соломинку» в истории обречены, ибо в истории не было «украинцев» или «литвинов» как нации, поскольку история Западной Руси – это русская история. И пусть пример Петра Сагайдачного откроет глаза нынешним «АТОшникам» и всем «зомбированным» «бандероукраинством» и «литвинством» на ложь той «историософской ереси», которой они обмануты: «АТОшник XVII в. гетман Петр Сагайдачный был русским и неоднократно просил Москву о воссоединении.

Гетман Петр Сагайдачный

«АТОшник XVII в. гетман Петр Сагайдачный был русским и неоднократно просил Москву о воссоединении.

«АТОшник XVII в.» гетман Петр Сагайдачный пришел жечь Москву, но на Покров, услышав перезвон московских церквей, вспомнил, что он православный русский, покаялся в войне с единоверными и единокровными русскими, по-

мог восстановить православную иерархию в Малороссии и неоднократно просил московского царя Михаила Федоровича воссоединить Малороссию с Великороссией. Поэтому именно на Покров, который нацисты пытаются приватизировать, мы говорим, что новая Переяславская рада – впереди и бывали времена похуже, чем сейчас, но воссоединение православных русских, вопреки, казалось бы, необратимым ситуациям, состоялось!

В качестве иллюстрации мы воспроизводим текст одного из выдающихся современных православных историков Малороссии заместителя главы «Союза православных братств» Владислава Пустового. Его лексика стеснена оговорками, ибо он живет в условиях гонений, но суть его послания ясна: Сагайдачный и не собирался жечь Москву, участие Войска Запорожского в походе на Москву было платой за последующее разрешение короля восстановить православную иерархию Западной Руси и Петр воспользовался походом на Москву с целью достижения договоренности об этом с находившимся в Великороссии Патриархом Феофаном. Более того, Петр Сагайдачный и все православное русское Войско Запорожское смиренно перенесло наложенное на него Патриархом Феофаном трехлетнее отлучение от Церкви за участие в походе еретиков на единовенную и единокровную Москву. Эта отлучение было справедливым: несмотря на вынужденность участия Сагайдачного в походе на Москву и его тайные задачи по встрече с Патриархом Феофаном, среди казаков было много таких, кому было все равно, с кем воевать и кого грабить, и они убивали и грабили своих – русских. И надо прямо сказать, что конечной целью договоренности с Патриархом Феофаном было воссоединение Великой, Малой и Белой Руси и все «игры» с польским королем русских гетманов Петра Сагайдачного и Богдана Хмельницкого были тактическими ходами, стратегией же было воссоединение

России и русского народа. Об этом свидетельствует тот факт, что рукоположенный под вооруженной защитой Петра Сагайдачного и русского Войска Запорожского митрополит Киевский, Галицкий и Малой России Иов (Борецкий) и его преемник Исайя (Копинский) 14 раз просили московского царя о воссоединении Западной и Восточной России, идеологическую базу которого на основе исторических источников и своего собственного русского национального самосознания готовили преподаватели основанной митрополитом Иовом (Борецким) Киево-Братской «эллино-словенской школы», такие как Епифаний Славинецкий и Памва Берында. О русском национальном самосознании запорожских казаков свидетельствует история (вне зависимости от степени ее подлинности) о купании ими в Днепре автора «бренда» «Киевского Патриархата» униатского митрополита Иосифа-Вениамина Рутского. О русском самосознании и воле к воссоединению Петра Сагайдачного свидетельствует и факт направления им в 1620-м году посольства во главе с Петром Одинцом к царю Михаилу Федоровичу Романову с мольбой о воссоединении. Почему же царь не взял Войско Запорожское к себе и ограничился благодарностью и выплатой единовременного жалования? Ведь это выглядело как форменное предательство: ведь в случае успеха в 1620 году можно было воссоединить гораздо большие русские территории, чем воссоединились в 1654. То ли это был трезвый расчет сил в условиях тогда еще сильной Речи Посполитой, то ли влияние московского боярства, сдавшего Москву полякам несколькими годами ранее и не хотевшего «конфликта с просвещенной европейской Польшей», ведь Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович потом с 1648 (времени подачи обращения гетмана Богдана Хмельницкого о воссоединении) по 1653 год (когда Земский собор, наконец, принял давно назревшее и перезревшее *решение*) будут «дожимать» эту «компрадорскую элиту» в вопро-

се православного русского воссоединения. Бог ему судья, и Сагайдачный с пониманием отнесся к ситуации, установил в Киеве симфонию с митрополитом Иовом, основал Богоявленное братство, где в братской школе ковались кадры православных апологетов, миссионеров и воссоединителей Руси.

Подлинная история гетмана Петра Сагайдачного

В последнее время участились попытки подвергать ревизии отечественную историю в угоду современной политической конъюнктуре. Даже гетмана Петра Сагайдачного пытаются протащить в предтечи современных украинских евроатлантистов! Это было бы смешно, если бы отмирание исторической памяти не стало печальной реальностью жизни нашего общества. Всегда могут найтись люди, у которых в школе по истории были плохие отметки, – они могут и не в такое поверить. Но забывать историю вредно, так как она имеет свойство повторяться...

Петр Кононович Конашевич-Сагайдачный является уникальной фигурой в нашей истории. Будущий кошевой атаман Войска Запорожского родился в прикарпатском селе Кульчицы в дворянской семье. С детства был воспитан в Православной вере. Его мать, рано овдовев, ушла в монастырь и приняла постриг с именем Макрина. Образование он получил в Острожской академии, затем несколько лет учился во Львовской братской школе, где познакомился с преподобным Иовом Княгиницким и дворянским сыном Иваном Борецким – будущим Киевским митрополитом Иовом. В юности он посвятил себя борьбе за права православных граждан польского государства и даже написал полемический трактат «Пояснение об унии». Это сочинение получило известность среди его современников. В частности, пытаясь остудить рвение фанатичного Полоцкого уни-

атского епископа Иосафата Кунцевича, на него ссылается литовский канцлер Лев Сапега.

Но подлинное признание Петр Сагайдачный приобрел как выдающийся дипломат и полководец. Избранный гетманом Запорожской Сечи в 1605 году, он то смещался казачьей радой, то возвращался ее же волей на прежнюю должность. Так, в 1610 году на его место был избран Григорий Тискиневич, в 1617 – Дмитрий Барабаш, в 1620 – Яков Бородавка. Во всех случаях П. Сагайдачный молча уступал свое место и продолжал служить Запорожскому Войску под началом своего очередного преемника. Но именно под его руководством запорожское казачество не ведало поражений. Под его началом запорожцы взяли Перекоп, Килию, Измаил, Очаков, Ахтияр, Аккерман, Трапезунд. В 1614 году на сорока чайках две тысячи запорожцев во главе с П. Сагайдачным вступили в бой с турецкой эскадрой, взяли на abordаж 15 галер, а затем пошли на Трапезунд и Синоп. В 1616 г. они захватили Кафу, где истребили турецкий гарнизон в 14 000 человек и освободили множество невольников. А в 1618 году сожгли половину Стамбула. Киевский митрополит Иов Борецкий писал об этих подвигах запорожцев как о свидетельстве преемственности ратной славы казаков от древнерусских богатырей: «Это же от нашего рода войско при Олеге князе русском по морю плавало и Царьград осаждало».

Но не только желанием защитить христианскую веру и освободить невольников были продиктованы действия Сагайдачного. Он уклонялся от военных походов против турок когда они нападали на Польшу. Не водил он казаков ни под Бушу в 1617 г., ни под Цецору в 1620 г., не хотел вести и под Хотин, но не смог отказать Иерусалимскому Патриарху Феофану. Целью частых походов Сагайдачного на турок было во-первых, получение военного опыта тысячами крестьян, убежавших на Сечь от польских панов, а во-вторых, ослабле-

ние Речи Посполитой войнами, которые она вынуждена была вести с турками, которые нападали на нее в от-местку за казачьи набеги.

После каждой такой войны турки требовали у польского короля уничтожить Запорожскую Сечь. И король, желая установить над казаками контроль, вынужден был их брать на содержание, устанавливая реестр. Этот реестр редко превышал тысячу человек. Но для Сагайдачного было важно, что с запорожцами польские власти заключали официальный договор как с воюющей стороной. Эта тысяча казаков становилась легальным военным соединением, состоящим на королевской службе. Реестровые казаки могли жить на королевских землях, заниматься промыслами, становиться землевладельцами. Таким образом происходил перенос казачьей администрации на «городовую Украину». В 1616 году в Корсуне, Каневе, Черкасах, Ирклиеве, Стеблеве, Бобровице, Готве казаки составляли уже семьдесят процентов населения. Расширение казачьих землевладений было залогом установления на этих территориях их автономной администрации и судопроизводства. В результате этих процессов город Киев стал фактически неподконтрольным польскому королю. Униатам удалось овладеть только одним лишь Выдубицким монастырем, находящимся на окраине города. Игумен этого монастыря Антоний Грекович, наместник униатского киевского митрополита, в 1610 году попытался было захватить древнюю кафедру киевских митрополитов – Святую Софию. Но запорожцы пустили его под днепровский лед «ловить карасей».

В 1616 г. П. Сагайдачный, со всем Войском Запорожским, вступил в киевское православное Богоявленское братство. Это братство было основано с целью создать в Киеве православную школу, которая могла бы давать юношам достойное образование, не подвергая их угрозе католического прозелитизма. Землю и первоначальные средства для школы пожертвовала супру-

га Мозырского маршалка Стефана Лозки, Анна (Елизавета) Гулевичивна. Но поскольку в Киеве не было влиятельных и богатых людей, желающих вступить в братство, некому было и добиваться его признания польским правительством, что грозило уничтожением братства. И тогда Петр Сагайдачный, сам получивший образование в братской Острожской школе, вступил в киевское братство со всем Войском Запорожским. Вскоре король Сигизмунд III утвердил киевское Богоявленское братство своим указом от 19 февраля 1629 года. Впоследствии братская школа превратилась в Киево-Могилянскую академию, в которой получили образование тысячи церковных и государственных деятелей, среди которых многие прославлены в лике святых. Среди ученых мужей-выпускников Киево-Могилянской академии – Михаил Ломоносов и Гавриил Державин.

Условия Ольшанского договора 1617 года, ограничивавшего количество реестровых казаков одной тысячей и стоившего Сагайдачному гетманства, казакам, впрочем, исполнять не пришлось.

В 1618 году польский король просил их выступить в поход, чтобы водворить своего сына, королевича Владислава на московский престол. История этого вопроса такова.

В 1610 году король Сигизмунд III разбил армию, возглавляемую воеводой Дмитрием Шуйским, и занял Смоленск. Царь Василий Шуйский был отстранен боярами от власти и выдан полякам. Временное правительство («семибоярщина») пригласило на московский престол сына короля Сигизмунда – Владислава, которому в то время едва исполнилось 15 лет. Сигизмунд юного сына в Москву не отпустил, прислав туда лишь свой гарнизон. Но в 1612 году русские ополченцы выбили поляков из Кремля. Был создан Земский собор, который в сентябре 1613 года призвал на царство Михаила Романова. Возмущенный Владислав прислал

в Москву гневное письмо, в котором напоминал, что все эти бояре, в том числе и сын боярский Михаил Романов, присягнули ему. В апреле 1617 года юный королевич двинулся на Москву. В его обозе ехал изгнанный москвичами Патриарх Игнатий.

В 1605 году, после убийства Лжедмитрия, московский Патриарх Игнатий, венчавший самозванца на царство, был заточен в Чудов монастырь. Но в 1611 году он был освобожден Сигизмундом и отправлен в Вильну к униатскому киевскому митрополиту Иосифу Рутскому, где тайно принял униатство, после чего возвратился в Москву. В 1612 году Игнатий был вынужден вторично бежать в Польшу. Теперь благодаря армии королевича Владислава он рассчитывал вновь занять московский патриарший престол.

Однако Владислав Москву не взял и был с 11 000 солдат блокирован русскими ратниками в Тушине. Нуждаясь в провианте и деньгах, он слал Сигизмунду письма с просьбой прислать на помощь казаков. Петр Сагайдачный долго не отвечал на призывы короля идти на Москву. Он настаивал на расширении территории контролируемой казаками и признании на ней прав административной и судебной автономии. Наконец король пообещал Сагайдачному разрешить легальное исповедание Православной веры и реестр в 20 тысяч казаков. Папа Римский не препятствовал королю давать обещания Сагайдачному, так как ему надо было повязать казаков с Польшей кровью православных московитов. В августе 1618 года Сагайдачный двинулся на Москву для соединения с армией Владислава. По пути казаками были захвачены города: Путивль, Рыльск, Курск, Елец, Скопин, Ряжск; разбиты войска воевод Пожарского и Волконского. Затем под натиском казаков пали Ярославль, Переяславль, Кашира, Тула, Касимов. 20 сентября П.Сагайдачный вошел в Тушино и соединился с войсками королевича Владислава.

Подойдя к Москве, поляки стали готовиться к штурму. 30 сентября отряд подрывников во главе со шляхтичем Надворским пытался установить заряды и подорвать бочонки с порохом, заложенные в подкопах под Тверскими и Арбатскими воротами. Однако в подкопе поляки были встречены дружным огнем московских стрельцов, предупрежденных накануне перебежчиками. Штурм был назначен на вечер первого октября, но когда в московских церквах раздался благовест ко всеобщей накануне праздника Покрова, прослезившийся гетман перекрестился и дал отбой штурму. Очень многое зависело от этого решения запорожского гетмана. Не для того он пришел под Москву, чтобы разорить ослабленную пятнадцатилетней Смутой Россию, возвести на московский патриарший престол униата Игнатия и лишить свой народ единственного союзника в вековой борьбе с польскими поработителями в лице великой единой державы...

Сейчас историки срыв штурма Москвы объясняют отсутствием у Владислава денег для платы казакам. Но зачем казакам была эта плата, когда перед ними почти беззащитным стоял богатейший город – столица московского царства? Более вероятным является другое объяснение: Сагайдачный не собирался штурмовать Москву. Поэтому и перебежчики своевременно сообщили защитникам города о местонахождении польских подкопов, и полк атамана Ждана Конши с шестью сотнями казаков не случайно перешел к московскому царю. О том, что Ждану Конше перейти к москвитам велел Сагайдачный, писал королю в Варшаву шляхтич Загурский. Вероятно, на первое октября этот несостоявшийся штурм тоже был не случайно назначен. Штурмовать город казаки в этот день не стали бы ни за что, так как именно на первое октября, четырнадцатое число по современному календарному стилю, приходился престольный праздник Запорожской Сечи –

Покров Пресвятой Богородицы. Чудо избавления было праздничным подарком запорожцев русским единоверцам.

У Сагайдачного в Московии были дела, о которых полякам знать не следовало. В занятой казаками Туле в то время находился прибывший в московское царство для сбора пожертвований Иерусалимский патриарх Феофан. П. Сагайдачный рассказал ему о бедственном положении православного населения в польском королевстве и просил рукоположить православного митрополита для Киева и епископов на епархии, занятые униатами.

1 декабря 1618 года между московским царством и Польшей было заключено Деулинское перемирие сроком на 14 лет. Согласно его условиям к Польше отходили Смоленск, Чернигов и северские города. Из польского плена был освобожден отец царя Михаила Романова митрополит Филарет, ставший впоследствии Московским Патриархом. Уходя из Московии, гетман Сагайдачный мог быть доволен достигнутыми результатами. Ему удалось провести успешные переговоры с Иерусалимским Патриархом Феофаном. Он доказал польскому королю, что без запорожских казаков его армия не способна достигнуть военных успехов, а московского царя побудил задуматься о том не лучше ли ему принять запорожцев в свое подданство чем воевать с ними. Но мысль о пролитой крови сотен русских единоверцев не давала ему покоя. По пути Сагайдачный не стал разорять пограничного Курска и послал туда двух казаков, чтобы они успокоили население города.

Как и следовало ожидать, после похода король Сигизмунд не сдержал слова, данного П. Сагайдачному. По Раставицкому соглашению из реестра были исключены казаки, записанные туда в течение последних пяти лет. Все они должны были вернуться к своим помещикам. Не была также обеспечена свобода вероисповедания. Недовольные соглашением, подписанным

Сагайдачным, казаки вместо него избрали гетманом Дмитрия Барабаша. Тем временем Сагайдачный с верными ему пятью тысячами казаков совершил поход на Крым, взял Перекопскую крепость и освободил томящихся в ней невольников.

В феврале 1620 года Сагайдачный направил в Москву посольство во главе с атаманом Петром Одинцом с посланием, в котором писал царю Михаилу Федоровичу о том, что запорожские казаки «помня, как предки их прежним великим государям, царям и великим князьям Российским повиновение оказывали и им служили, и за свою службу царское милостивое жалование имели, так же и они царскому величеству служить готовы, против всяких его царского величества неприятелей». Необходимо подчеркнуть, что в то время Речь Посполитая из-за претензий королевицы Владислава на московский престол не признавала Михаила Романова законным царем и находилась с Россией в состоянии временного перемирия. Следовательно, фраза «служить готовы против всяких его царского величества неприятелей» свидетельствовала о том, что Сагайдачный не только признавал Михаила Федоровича законным русским царем, но и заявлял о своей готовности воевать не только против турок, но и против поляков. Царь велел передать послам Сагайдачного благодарность за готовность ему служить и выдать казакам триста рублей жалования. Но Запорожскую Сечь и другие подконтрольные казакам территории в свое подданство не принял. Сагайдачный хорошо понимал, что ослабленное войнами и междоусобицами Смутного времени московское государство не готово принять казаков под свое покровительство и тем самым втянуться в кровопролитную войну с Польшей. Он посылал Сигизмунду сигнал о том, что если в Польше не прекратят притеснять казаков и не обеспечат православным свободу вероисповедания, то запорожцы перейдут на службу к русскому царю.

Но главной целью приезда атамана Одинца в Москву было завершение переговоров с находящимся там Иерусалимским Патриархом Феофаном о посвящении митрополита и епископов для православного населения Речи Посполитой.

Православное меньшинство было проблемой для польской власти. Осознавая свою религиозную идентичность, русские на протяжении столетий сохраняли национальное самосознание и упорно сопротивлялись проводимой властью политике ассимиляции. Тем не менее, в начале XVII в. русская знать, сократившись количественно вследствие перехода значительной части ее представителей в католичество и утраты ими своей национальности, прекращает свою деятельность в защиту Православия. То же самое можно сказать и о братствах, сила и влияние которых в значительной мере зависели от присутствия в их среде русского дворянства. В 1610 году после смерти Перемышльского епископа Михаила Копыстенского в Речи Посполитой оставался единственный православный епископ Иеремия Тиссаровский во Львове, являвшийся местоблюстителем Киевского митрополичьего престола. С его смертью Православие в Речи Посполитой было бы ликвидировано как Церковь без епископа.

Перед приездом в Киев Патриарх Феофан обратился к коронному гетману Жолкевскому с просьбой о получении королевского позволения на проезд по территории Речи Посполитой. Король в своем универсале от 30 июля 1620 года дал Патриарху Феофану свое согласие на его проезд в свое королевство, называя его «преподобным и любезным во Христе отцом». При этом гетман Жолкевский в письме киевскому воеводе Томашу Замойскому пишет, что в случае путешествия Иерусалимского Патриарха к епископу Иеремии во Львов там его было бы удобно арестовать.

В марте 1620 года П. Сагайдачный с несколькими тысячами казаков встречал Иерусалимского Патри-

арха Феофана на русско-польской границе. Летописец писал, что казачьи полки, плотными шеренгами окружившие кортеж Патриарха: «охраняли Святейшего Отца словно пчелы матку».

Накануне Успения 1620 года в Киево-Печерской лавре состоялась тайное совещание представителей духовенства, православной знати и братств. Убедившись, что патриарх Феофан имеет грамоту, подписанную Константинопольским Патриархом Тимофеем и несколькими митрополитами, которой он был уполномочен осуществлять надзор и исправление недостатков в церковной жизни на территориях Речи Посполитой, находящихся в юрисдикции Константинопольского Патриархата, а также учитывая, что Иерусалимского Патриарха в Киеве сопровождал экзарх Константинопольского Патриарха архимандрит Арсений и прибывшие несколько лет назад в польское королевство митрополит Софийский Неофит и епископ Страгонский Авраамий, участники совещания постановили просить Патриарха Феофана о посвящении митрополита и епископов для всех епархий Речи Посполитой. Было также отмечено, что это не будет противоречить положениям конституции Речи Посполитой, принятой на сеймах в 1607 и 1618 гг.

Вероятно, решение о восстановлении православной иерархии в Киеве было принято во время встречи Патриарха Феофана с Константинопольским Патриархом Тимофеем в Стамбуле, куда он заезжал по дороге в Москву. Об этом свидетельствует целый ряд фактов, а именно:

1. Патриарх Феофан поехал в Москву не обычным путем через Болгарию, Румынию и Украину, а решил ехать через земли татар – по Волге.

2. В свите Феофана очень кстати оказались прибывшие в Речь Посполитую за несколько лет до этого два необходимых для совершения епископской хиротонии

архиерея: митрополит Софийский Неофит и епископ Страгонский Авраамий, а также экзарх Константинопольского Патриарха, архимандрит Великой церкви Арсений.

3. По прибытию в Киев Феофан обратился к православным с грамотой, в которой призывал их избрать себе епископов, не опасаясь последствий со стороны католических властей, «как некогда родители Моисея не убоялись приказа фараона, а святые апостолы суровых пилатов и иродов».

4. По его благословению в Киеве и Буше были созваны церковные соборы.

Все эти действия Иерусалимский Патриарх не мог совершать иначе, как с личного согласия Патриарха Константинопольского. Экзарх, архимандрит Арсений, мог лишь контролировать точность исполнения уже ранее достигнутых договоренностей.

К концу сентября 1620 года были посвящен в сан митрополита Киевского и Галицкого игумен Михайловского монастыря Иов Борецкий. В сан архиепископа Полоцкого, управляющего Витебской и Мстиславской епархиями, – иеромонах Мелетий Смотрицкий, епископа Перемышльского и Самборского – игумен Межигорского Преображенского монастыря Исаия Копинский, епископа Владимирского и Брестского – архимандрит Трахтемировского монастыряIZEкииль Курцевич, епископа Луцкого и Острожского – игумен Черчицкого монастыря Исаак Борискович, епископа Холмского и Бельского – игумен Милецкого Николаевского монастыря Паисий Ипполитович-Черковский.

Проводив Патриарха Феофана до границы с турецкими владениями, гетман Сагайдачный обратился к нему с просьбой о разрешении Войска Запорожского от греха братоубийственной войны против православных москвитов. Патриарх прочел над коленопреклоненными запорожцами молитву и дал им разрешительную грамоту, впрочем, после сурового назидания.

Мелетий Смотрицкий писал, что этом, так: «Патриарх бранил казаков за то, что они ходили на Москву, говоря, что они подпали проклятию, потому что москвиты – христиане». В октябре 1620 года Патриарх Феофан отбыл в Палестину.

Тем временем по требованию папского нунция, король Сигизмунд III резко осудил восстановление православной иерархии, которое угрожало унии: «Легкомысленные люди престонародного происхождения осмелились против прав его величества и без ведома его королевской милости принять посвящение на митрополию и епархии живых владык (ред.: имеется в виду униатских) у подозрительного чужеземца, подданного турецкого императора, который во владениях его королевской милости не имел никакой юрисдикции». В своем универсале король пытался утверждать, что Феофан был не Патриархом, а обычным шпионом турецкого султана, а рукоположенные им епископы являются изменниками, перешедшими на сторону султана, дабы под прикрытием религии осуществлять коварные происки против польской короны. Далее: даже если бы Феофан и оказался настоящим Патриархом, он не имел права совершать рукоположения в Речи Посполитой, так как Киевская митрополия принадлежит юрисдикции Константинопольского, а не Иерусалимского Патриарха. Если бы даже Константинопольский Патриарх дал полномочия Иерусалимскому Патриарху совершать рукоположения на своей канонической территории, этого недостаточно для их законности в Речи Посполитой, так как для этого в первую очередь необходимо официальное позволение короля. И в любом случае это было изменой Короне и оскорблением его королевского величества как подателя церковных достоинств и бенефиций.

В ответ на столь серьезные обвинения, православные опубликовали грамоту Константинопольского Патриарха Тимофея, которой он делегировал Патри-

арху Феофану полномочия осуществлять канонический надзор и отправлять все священнодействия на время его пребывания на территории Речи Посполитой. Были также обнародованы универсалы короля Сигизмунда III и коронного гетмана Жолкевского, предписывавшие обеспечить Патриарху Феофану беспрепятственный проезд по территории государства, и личные письма короля к Иерусалимскому Патриарху, из которых следовало, что до посвящения православных архиереев король Сигизмунд отнюдь не считал Патриарха ни самозванцем, ни шпионом. Относительно того, что на хиротонию не было согласия короля православные отвечали, что, согласно тексту присяги, произнесенной Сигизмундом III на коронационном сейме в декабре 1587 года, король поклялся нерушимо сохранять права и установления православной церкви, к которой принадлежит значительная часть его подданных. Важнейшей частью этих прав является право иметь свою иерархию, что было неоднократно подтверждено конституциями сейма и различными королевскими привилегиями. Что касается мнимого нарушения православными прав короля на «презентацию» кандидатов на архиерейские кафедры, то православные категорически протестовали против навязывания польским правительством Православной Церкви канонического права Церкви католической. Согласно католическим канонам, право избрания епископов принадлежит верховной власти Римского Папы, который делегирует это право католическим королям, выступающим в роли исполнительного органа папской власти. Эту трактовку королевского «права подавания церковных хлебов» польское правительство пыталось навязать православной церкви. Православные же, отвергая королевских претензий, объясняли, что Православная Церковь трактует это королевское право иначе, чем католическая, а именно как привилегию

короля представлять государственной власти избранного Церковью и уже рукоположенного епископа. Но в случае короля Сигизмунда III это оказалось невозможным ввиду того, что он сам уже нарушил этот порядок и собственную присягу, презентовав без ведома Константинопольского Патриарха, духовенства и своих православных подданных Киевского митрополита Михаила Рогозу и прочих епископов, уклонившихся в унию, – чуждому и иноверному пастырю, Папе Римскому.

Конечно, все доводы православных были бессильны против последнего довода королей, каковым, как известно, являются пушки. Но вскоре стало известно о вторжении в Польшу турецкой армии во главе с султаном Османом. Несмотря на отчаянные призывы Сигизмунда к европейским монархам выступить единым христианским фронтом против магометан, – все они отказали ему в военной помощи. Папа также не прислал королю ничего, кроме заверения в своих молитвах. В связи с этим письма короля Сигизмунда и Краковского архиепископа Мартина Шишковского к «самозванцу и турецкому шпиону» Патриарху Иерусалимскому Феофану с просьбой уговорить православных казаков выступить на стороне польской армии в предстоящей войне против Турции выглядят довольно пикантно. В частности, Краковский архиепископ писал: «Зная, что Ваша Экселенция имеет большое влияние на казаков, просим Вас наставить их чтобы в это тяжелое для Речи Посполитой и всего христианского мира время они охотно стали на службу своему королю, защищая целостность своей веры и отечества». Чтобы добиться поддержки Патриарха Феофана и запорожцев, король Сигизмунд пообещал полную свободу православного вероисповедания в Речи Посполитой и официальное признание рукоположенных Патриархом архиереев. И Патриарх Иерусалимский, и гетман отлично

знали цену обещаниям Сигизмунда. Тем не менее, на Рождество 1621 года в Запорожскую Сечь прибыл посланник с грамотой Патриарха Феофана, в которой он благословлял запорожских казаков выступить против Османа: «За эту услугу вы также достигнете того, что восстановленную мной в вашей Церкви иерархию, митрополита и епископов, король своими привилегиями утвердит». Султан Осман II также послал посольства к царю Михаилу Федоровичу и на Сечь к гетману Якову Бородавке, предлагая заключить военный союз против Польши. Запорожским казакам султан обещал автономию в составе Османской империи.

По благословению Патриарха Феофана казаки в июне 1621 года создали раду с участием духовенства. На казачьей раде было решено поддержать польского короля в войне с Турцией и направить к нему для переговоров об условиях, на которых запорожцы согласны поддержать Речь Посполитую в этой войне, Петра Сагайдачного.

Гетман Яков Бородавка двигался к Хотину очень медленно, выражая явное нежелание вступать в битву со 160-ти тысячной турецкой армией. Растянувшись на десятки километров, казачьи войска под предлогом нужды в провианте и фураже для лошадей разоряли имения польской шляхты. В это время П.Сагайдачный вел переговоры с королем Сигизмундом. В состав делегации входил епископ Владимирский и Брестский Иезекииль Курцевич и еще два казака.

Применив во время переговоров свои дипломатические способности, Сагайдачный добился от короля удовлетворения требований казаков:

1. Предоставить православному населению свободу вероисповедания и признать канонические полномочия поставленной Патриархом Феофаном православной иерархии.

2. Признавать власть гетмана, избранного на казачьей раде, на территориях, подконтрольных казакам.

3. Отменить постановления Сейма, ограничивавшие вольности и права казачества.

4. Упразднить должность полномочного представителя польского правительства в Запорожской Сечи.

Таким образом, П. Сагайдачному удалось добиться признания автономии казачьих территорий в административном и церковном управлении.

Окрыленный «честным королевским» Сигизмунда, Сагайдачный помчался из Варшавы прямо на фронт, где его уже ждала татарская засада с отравленной стрелой...

Султан Осман II возглавил империю после свержения янычарами его дяди султана Мустафы, в возрасте 14-ти лет. Во время Хотинской битвы ему было 17 лет. 2 сентября 1621 года, едва завидев королевскую армию, он приказал войскам вступать в битву прямо на марше. Султан поклялся не есть, пока турки не войдут в лагерь командующего польскими войсками королевича Владислава. Но битва затянулась на пять недель. К исходу дня 4 сентября, турки, убедившись в бесполезности своей артиллерии, начали отступать. Казаки ворвались в турецкий лагерь. Чтобы удержать его, они послали гонцов к коронному гетману Ходкевичу с просьбой прислать подкрепление, но гетман решил побережь польских солдат. Казакам пришлось оставить турецкий лагерь и свою богатую добычу. Запорожцы подняли бунт против поляков и хотели оставить их одних воевать против турок. Петр Сагайдачный понял, что часть атаманов во главе с Яковом Бородавкой ищут повод, чтобы выйти из этой войны. Это навсегда перечеркнуло бы все заключенные в Варшаве договоренности.

Была срочно созвана казачья рада на которой гетману Якову Бородавке были предъявлены обвинения в сговоре с турецким султаном. Я.Бородавка был казнен, и на его место избрали П.Сагайдачного. В результате

ожесточенного сопротивления казачьих полков, султан Осман вынужден был начать мирные переговоры. Христианская Европа была спасена от турецкого вторжения.

Обещания, данные Сагайдачному, король не выполнил. Более того, поляки обещали туркам разоружить запорожцев. Узнав об этом, запорожские казаки организованно ушли на Сечь. После Хотинской битвы казаки закрепились на подконтрольных им территориях и силой оружия отстаивали положения договора, заключенного Сагайдачным в Варшаве.

Возвращаясь в лагерь запорожцев после совещания в ставке гетмана Ходкевича, Сагайдачный попал в татарскую засаду и был ранен отравленной стрелой. Король прислал Сагайдачному в награду за спасение Речи Посполитой драгоценный меч, инкрустированный золотом и бриллиантами, с надписью на латыни: «Владислав кошевому Конашевичу под Хотином против Османа». На одной стороне меча было выгравировано изображение битвы античных воинов, а на другой – суд Соломона. Этим король хотел воздать дань уважения Сагайдачному как выдающемуся полководцу и дипломату. Отправленный в Киев в сопровождении королевского лекаря, Сагайдачный понимал, что скоро умрет. Он завещал все свое имущество Львовскому и Киевскому братствам, а также храмам и монастырям. Значительные средства им были также пожертвованы на сиротские приюты и госпитали. Перед смертью Сагайдачный написал королю два письма, в которых предупредил его, что сохранение территориальной целостности Речи Посполитой невозможно без гарантированного соблюдения прав и свобод его православных подданных: «Я, вашего королевского величества ноги смиренно обнявши, покорно и слезно прошу, чтобы творимые казакам бедствия и злоба высоким и грозным приказом вашего наияснейшего

королевского величества были запрещены и укрощены. Особенно чтобы уния у нас, с позволения вашего величества снесенная святейшим Иерусалимским Патриархом Феофаном, не возобновлялась и своих рогов не возносила. Имеют, думаем, отцы-иезуиты и все духовенство Римской Церкви кого к своей унии привлекать – те народы, которые вовсе не ведают и не верят в Христа, а мы, православные, древних святых апостольских и отеческих преданий и догматов без всякой унии придерживаясь, не отчаиваемся достигнуть спасения и вечной жизни. Сии два мои желания вашего слуги если исполнишь и детям своим прикажешь всегда соблюдать, то и панование их и целой короны в тишине... всегда пребудет».

Умер Сагайдачный 10 апреля 1621 года и был похоронен в Богоявленском соборе Киево-Братского монастыря. Фактически гетман Петр Сагайдачный подготовил почву для оформления независимости православного населения Речи Посполитой от власти иноверного государства. Завершить дело его жизни суждено было гетману Богдану Хмельницкому.

**«Эллино-словенский» период
киевской православной апологетики:
митрополит Иов (Борецкий),
Захария Копыстенский и Памва Берында**

Первым учебником русской истории можно считать «Палинодию», в которой ясно постулируется единство русского народа Западной и Восточной России. Галичанин иеродиакон Захария Копыстенский написал в 1622 г. знаменитый труд «Книга о вере единственной», «Книга о правдивом единстве православных христиан», «Палинодия, или Книга обороны», являющийся как антиуниатским богословским трактатом, так и фактически первым учебником русской истории. В «Палинодии» прославляется «мужество народа Российского», северная часть которого покорила Казань и Астрахань, а другая часть «яфето-росского поколения, в Малой России, выходече, татары и места турецкие на море Черном воюют» (В.Б. Завитневич «“Палинодия” Захария Копыстенского и ее место в истории западно-русской полемики XVI в.»).

В предисловии Захарии к киевскому «Часослову» 1617 г. сказано: «Се, правоверный христианине и всяк благоверный читателю, от нарочитых мест в России Кийовских, сиречь Лавры Печерския»... В 1624 году архимандрит Захария (Копыстенский) становится наместником Киево-Печерской лавры.

Подробно о Захарии пишет знаменитый галицко-русский писатель, политузник концлагеря для русских Талергофа (геноцид русских Карпатской Руси он описал в своей книге «Терезин и Талергоф»^{*} в сво-

^{*} <https://e-reading.mobi/book.php?book=1013632>

ем труде «Краткий очерк истории галицко-русской письменности»^{*} пишет он и о митрополите Иове (Борецком), собравшем всех православных русских апологетов Киевской «эллино-словенской» братской школе». Кроме того, митрополит Иов (Борецкий) создал полемическое сочинение против унии «Протестация и благочестивая юстификация», в котором прямо говорилось: «С Москвой у нас одна вера и богослужение, одно происхождение, язык и обычай». Митрополит Иов написал это сочинение в полной симфонии с гетманом Петром Сагайдачным, который тогда смиренно вместе с Войском Запорожским нес трехлетнюю епитимию, наложенную Патриархом Феофаном за участие в походе на Москву.

Иов Борецкий (1560-1631)

**Митрополит Иов
(Борецкий)**

Родился около 1560 года в Борче Перемышльского уезда в семье зажиточного мещанина Матвея. Учился в заграничных коллегиях, где изучил латинский и греческий языки. Вернувшись на родину, стал преподавателем и ректором братской эллино-латино-словенской школы во Львове.

В Киеве был рукоположен в священники. С 1615 г. был первым ректором Киево-Братской

школы. В 1619 г. он и его жена приняли монашество.

^{*} Лувен, 1968 г. https://www.e-reading.by/bookreader.php/1015350/Vavrik_-_Kratkiy_ocherk_Galicko-Russkoy_pismennosti.html

Иов был избран игуменом Михайловского монастыря в Киеве. Год спустя он занял кафедру Киевского и Галицкого митрополита, при содействии гетмана Петра Конашевича Сагайдачного.

Митрополит Иов Борецкий был отличным знатоком святоотеческих творений. Славился благочестием, благотворительностью и ученостью, а равно и своей пламенной защитой Православия против унии. Написал несколько замечательных полемических трудов: «Диалог о Православной вере», Острог, 1606; «Сетование о благочестии» (1628) – наставления православным, как держать себя во время гонений; «Апология», Киев, 1628, – уничтожение апологии перебежчика Мелетия Смотрицкого.

Литература: И.И. Малышевский: «Западная Русь в борьбе за веру и народность». Москва, 1903.

Захария Копыстенский (ум. 1627)

Род Копыстенских (Копыстинских, Копыстьянских) происходит из Галицкой Руси, села Копыстно Добромильского уезда. Михаил Копыстенский герба Лелива был Перемышльским епископом (1591-1610) и, вместе с Гедеоном, епископом львовским, и Ставропигиальным братством отверг Брестскую унию (1596). Адриан Вл. Копыстьянский (1883-1938) был видным историком.

Архимандрит Захария
(Копыстенский)

О происхождении Захарии Копыстенского нет точных данных. Известно только, что учился и учительствовал он во Львовской братской школе и вращался в кругу ученых Елисея Плетенецкого, Иова Борецкого, Исаии Копинского, Лаврентия Зизания Тустановского, Кирилла Ставровецкого, Степана Зизания Тустановского, Памвы Берынды. Встречался также с отшельниками Иоанном Вишенским и Иовом Княгиницким.

В 1616 г. Захария перешел в Киев, где издал под псевдонимом Азария «Книгу о вере» (1619) и написал талантливый полемический труд «Палинодия» (1622) против унии. Скончался в 1627 году.

Литература: Б.З. Завипихевич: «"Палинодия" Захарии Копыстенского и ее место в истории западно-русской полемики XVI и XVII вв.». Варшава, 1883.
(Такова ссылка В.Ваврика. Вероятно, он имеет в виду В.З. Завитневича – КФ)

Памва-Павел Берында (ум. 1632 г.)

Прибыл во Львов из Молдавии и поступил в братскую школу. Кроме школьных уроков, занимался страстно типографским делом. По поручению еп. Гедеоны Балабана исправлял книги, печатаемые в Стрятине и Крылосе возле Галича.

Берында охотно изучал литературу, сам сочинял стихи и 30 лет составлял по труду Лаврентия Зизания словарь «Лексикон словеноросский и Имен толкование» (Киев, 1627). Бе-

Памва Берында

рында сделался крупным ученым. Его работы отличаются обильной начитанностью и глубокой эрудицией. Год его рождения неизвестен, скончался в Киеве, как «протосингел от Иерусалимского патриаршего престола и архитипограф Россиян церкви» в 1632 году.

Литература: А.С. Петрушевич: “Dissertatio de microgussicis versionibus sacrae scripturae” (Львов, 1888).

От себя добавлю: В Киеве в 1627 г. «протосингел от Иерусалимского патриаршего престола и архитипограф Россиян церкви» ученый монах, подлинный энциклопедист того времени Памва Берында издает толковый словарь «Лексикон словенороссийский, или Слов объяснение». В нем «русская» речь (в послесловии к Киевской Постной Триоди 1627 г. Берында называет «просту мову» «российской беседой общей») противопоставляется народным диалектам – «волынской» и «литовской» мове. То есть именно западнорусский, российский православный филолог Памва Берында констатирует, вопреки демагогии украинизаторов и белорусизаторов, что «простая мова» – это русский литературный язык, язык и Западной, и Восточной Руси.

Святой митрополит Киевский, Галицкий и Малой России Петр Могила как отец русского высшего образования

Нет смысла повторять все, что написано о Петре Могиле, повторять все противоположные оценки его деятельности. О них можно судить по евангельским критериям – о древе судят по плодам. Прежде чем говорить о плодах, ответим на действительно серьезные претензии к Могиле.

Незаконный захват киевской кафедры и свержение законного киевского митрополита Исаяи (Копинского). Ответ: это плод болезненной «сделки» с властями Речи Посполитой в обмен на легализацию Православной Церкви. О договоренностях с Исайей играть в «доброе» и «злого» «следователей» свидетельствует участие Могила в навязанных королем переговорах

Св. митрополит Петр
Могила

с униатами о создании униатского «Киевского патриархата» во главе с Петром Могилой. Убежден, Могила сам инициировал развязанную отставленным митрополитом Исайей и западно-русскими монастырями кампанию против этого проекта, когда многие монастыри снимались с места и переезжали в Россию. Этот кризис был нужен Могиле в качестве

аргумента, чтобы похоронить этот проект: «я разве против, но паства не дает». И похоронил! А ситуацией воспользовался для того, чтобы создать уникальный монастырь – Академию, где монахи были преподавателями и богословских, и естественнонаучных дисциплин. Что касается «латино-немецкого» плена Киево-Могилянской академии, то этот «плен» – это действительная, а не мнимая вина Москвы, которая, обретя византийское преемство, должна была любыми путями заполучить ученых рухнувшей Византии или без них, но, изучив их опыт, создать собственные православные Академии и Университеты. А поскольку этого не произошло, Могила был вынужден использовать тот опыт, который был: Речь Посполитая и орден иезуитов создали великолепную систему образования, которая чуть не поглотила Православную Русь. И у св.Петра Могилы не было иного выхода, как «бить врага его же оружием» (прот. Георгий Флоровский). И Патриарх Никон перенимал опыт Петра Могилы, создавая из малороссов «Ртищевское училище» в Москве, но без «католического плагиата». Теперь о плодах. Из Киево-Могилянской академии вышли великие русские святые: владыки Иоасаф Белгородский, святой архиепископ Димитрий Ростовский, начинавший свое служение с Белой Руси (С 1677 по 1679 г. о.Дмитрий Туптало жил в Белой Руси, где был проповедником Слуцкого церковного братства и имел возможность общаться с белорусским епископом Ф. Василевичем и настоятелем вилен-

**Святитель Димитрий
Ростовский**

ского Свято-Духовского монастыря Климентом Тризной), креститель Сибири архиеп. Иоанн (Максимович) Тобольский и многие другие.

Нынешнее заведение, именующее себя «Киево-Могилянская академия» – это кощунственная пародия и прямая противоположность Академии св.Петра Могилы, бывшей оплотом русского национального самосознания, из которой вышли идеологи и строители Российской империи. Префект Киево-Могилянской академии Патриарший Местоблюститель митрополит Рязанский Стефан Яворский анафематствовал и писал текст анафемы гетману Мазепе, а ректор Киево-Могилянской академии принявший Православие голландец архимандрит Иннокентий (Гизель) написал первый фундаментальный учебник русской истории – киевский «Синописис, или Повесть о начале словенского рода». (Следует отметить, что идеология национально-политического единства Южной и Северной России была выработана в большей степени именно в Киеве.) Эта книга, написанная во второй половине XVII в., переиздавалась около 30 раз и стала первым учебным пособием по русской истории. Согласно «Синописису», «русский», «российский», «славянороссийский» народ – един. Он происходит от Иафетова сына Мосоха (имя последнего сохраняется в имени Москвы), и он «племени его» весь целиком. Именно «Синописис» утверждает главенство суздальско-владимирских князей после разорения Киева татарами..

По «Синописису», Россия – едина. Ее начальный центр – царственный град Киев, Москва – его законная и прямая наследница в значении общего «православно-российского» государственного центра. Весь русский народ един, и временное отделение его части от России в другие государства (Польшу и Литву) «милостью Божией» завершается воссоединением в единое «государство Российское»*.

* И.И. Лаппо. Идея единства России в Юго-Западной Руси. – Прага, 1929.

Опыт Киево-Могилянской академии и московского Ртищевского училища и Славяно-Греко-Латинской академии как цитаделей православного русского патриотического ученого монашества, являющегося альтернативой секулярной компрадорской квазиинтеллигенции, актуален и сейчас. С этой точки зрения гораздо эффективней развивать

Архимандрит Иннокентий
Гизель

в объединенных «духовно-светских вузах» все дисциплины – и догматику, и высшую математику. Поэтому введение в вузах богословских факультетов – архиправильный шаг.

Итак, Киево-Могилянская академия была идейным штабом русского воссоединения и преобразования Русского Царства в Российскую Империю. Ее выпускники создали всю систему русского духовного образования. Сначала архиепископ Лазарь (Баранович), которого Патриарх Никон видел первым Киевским митрополитом Московского Патриархата, нашел и продвинул двух великих русских святых, чье влияние на русскую и вселенскую церковную и имперскую жизнь огромны: это сначала талантливый игумен монастыря в Слуцке, великий интеллектуал, основатель православного русского театра, просветитель всей России архиепископ Димитрий (Туптало), святой архиепископ Тобольский Иоанн (Максимович), чей потомок Михаил Максимович доказал автохтонность терминов «Малороссия» и «Западная Русь», а чей потомок архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский Иоанн (Максимович) стал

величайшим святым XX в., обличителем либерализма и «украинства».

Преемник архиеп. Лазаря святой архиепископ Феодосий продолжал добиваться воссоединения Западно-русской Церкви с Московским Патриархатом и создал эталон для всех русских семинарий: «В 1692 году соседнюю Черниговскую епархию возглавил святитель Феодосий. В присутствии государей Иоанна V и Петра I ему было дано право служить в саккосе – особом архиерейском облачении, полагавшемся тогда только Патриарху и митрополитам. Этим подчеркивалось, что Черниговская кафедра – первая по чести среди архиепископий России... Архиепископ же Иоанн тем временем основал Черниговский коллегиум – славяно-латинскую школу для детей духовенства, дворян, мещан и казаков. Фактически это была первая семинария в России. Именно по образцу «Черниговских Афин» стали создаваться семинарии в других епархиях». Выпускники «Могилянки» поднимали русское знамя и крестили восток России: «Какими чудными мужами Церкви, которые все возникли из пределов Малороссии, утешил Господь Великую Россию в славные дни царствования Петрова!, – восклицал историк и путешественник XIX в. А.Н. Муравьев по поводу поставления в 1727 году на новообразованную Иркутскую кафедру еще одного северянина и выпускника киевской коллегии святителя Иннокентия. – Святители Иоанн Максимович и Филофей Лещинский на западе Сибири, Иннокентий Кульчицкий на востоке в одно время осияли светом христианства всю необъятную Сибирь... Сии три подвижника в Сибири, святитель Димитрий в Ростове, местоблюститель Стефан (Яворский, – Авт.) в столице, ревностный защитник Православия и достоинства иерархии, Лазарь и Феодосий в Чернигове, Варлаам в Киеве... Не часто повторяется столь утешительное явление в летописях церковных... Прибыв в Тобольск, новый митрополит направля-

ет миссию к хантам, манси, кетам, югам, селькупам и другим сибирским народностям. По свидетельству сибирского этнографа нач. XVIII в. (также малороссиянина) Г.И. Новицкого, святителю удалось обратиться в Православие даже одного из «князьков кошитских юрт», бывшего мусульманина, а также «окрестить более трехсот его соплеменников».

В 1714 году митр. Иоанн поставил настоятеля якутского Преображенского монастыря урожденного черниговца и также выпускника Киево-Братской коллегии архимандрита Илариона Лежайского во главе миссии в Пекин для духовного окормления албазинцев (потомков даурских казаков, принявших в 1680-х годах подданство китайского императора)... Ведь, как мы уже отмечали, самое действенное участие в воссоединении Русской Церкви после трех столетий вынужденного (ввиду литовской и польской оккупации) разделения принял святой Феодосий Черниговский. А его преемник на кафедре святой Иоанн Максимович оглашал анафему образцовому украинскому политику, грозя отлучением и тем, кто «окажет сочувствие к измене»*.

Итак, писал текст анафемы Мазепе и отлучения тех, кто «окажет сочувствие к измене», выпускник Киево-Могилянской академии митрополит Стефан Яворский, а оглашал – святой малоросс Иоанн (Максимович)! И эта анафема актуальна по сей день!

Поэтому невозможно не сказать пару слов также о русском гетмане Богдане Зиновии Хмельницком.

Нет смысла повторять сотни страниц, о нем написанных, но сказать надо главное:

1. На Переяславской раде не подписывались, вопреки, «мазепинской» пропаганде, никакие «федеративные» или «конфедеративные» договоры между «Украиной» и Россией, а принималась безоговорочная

* (https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=210278199597200&id=100018450630095)

Русский гетман
Богдан Хмельницкий

присяга Войска Запорожского на верность православному русскому царю навечно!

2. Нигде и никогда Богдан Хмельницкий не считал и не называл себя «украинцем», а русским – всегда и везде. Выражение «украина Малороссийская» означает «русский край».

3. Антагонист Богдана Иван Мазепа тоже не считал себя украинцем, такой самоидентификации тогда не было, он не боролся за независимость Украины так как такой идеи тогда не было, как и Украины как этнонима. Мазепа пошел на сделку с Карлом XII, чтобы получить в удел нынешнюю Витебскую область, об этом писал переболевший украинским сепаратизмом Николай Костомаров.

«Об этом в очерке Эдуарда Понарина

«Историческая действительность и националистическая пропаганда»

Украинская националистическая пропаганда сделала из гетмана Мазепы национального героя Украины. Утверждается, что гетман был не предателем, а борцом за независимую Украину; предавая Россию и Петра Великого, он-де стремился создать независимое украинское государство. Между тем Костомаров достаточно убедительно показал, что Мазепой руководили прежде всего личные корыстные интересы. Видев победы шведского короля Карла XII над русскими войсками, Мазепа предполагал поражение России и не без осно-

ваний считал, что гетманская Украина в этом случае перейдет под контроль польского союзника воинственного шведского короля, Станислава Лещинского, выдвинутого Карлом XII на польский престол вместо короля Августа II, союзника Петра Великого. В этих условиях Мазепе думалось, что верному подданному Петра Великого, каким до сих пор был гетман, не повезет на польской Украине. Своевременный переход на сторону Карла и Лещинского мог бы помочь Мазепе сохранить свое положение богатейшего магната и при новых властях.

Исторические источники не оставляют сомнений в том, что Мазепа вел подобные переговоры с польским правителем Станиславом Лещинским и Карлом XII. Целью Мазепы в этих переговорах было продать Украину Польше в обмен на вновь создаваемое княжество в Белоруссии, где бы Мазепа был полновластным князем, признающим формальную зависимость от польского короля. Вот как Густав Адлерфельд, камергер Карла XII и участник Северной войны, непосредственно вовлеченный в те события, описывает соглашение между Мазепой и Станиславом Лещинским:

“Solte die ganze Ukraine imgleichen die Herzogthlmer Severien, Kfow, Tschemikow und Smolensko wieder unter polnischer Herrschaft kommen und der Krone einverleibt werden, dahingegen versprach man dem Mazeppa zu seiner Vergeltung den Tirol ernes Fursten beizulegen auch ihm die Woiewodschaften Witepsk und Polotzk auf die Art wie der Herzog von Curland sein Land, besetzt zu uberlassen”.

«Вся Украина, включая княжества Северское, Киевское, Черниговское и Смоленское, должна вернуться под владычество Польши и оставаться под ее Коронай, за что Мазепа награждается титулом князя и получает

Витебское и Полоцкое воеводства с теми же правами, которые имеет Герцог Курляндский в своей земле».

Неудивительно, что Мазепа стремился скрыть содержание этого договора не только от русских властей, но и от своих казацких соратников, которым он выставлял свою любовь к матери Украине и верность Запорожскому Войску. Копия договора между Мазепой и Станиславом Лещинским была найдена в гетманской канцелярии, захваченной войсками Меншикова при взятии Батурина. На это указывают манифесты Петра Великого и универсалы гетмана Скоропадского. Достоверность информации, содержащейся в этих манифестах, можно было бы подвергать сомнению, но тот факт, что современный шведский источник (автор которого лично знал и вполне сочувствовал Мазепе) подтверждает наличие подобного договора, устраняет всякие сомнения по этому поводу. Кроме того, в польской исторической литературе этот факт считается сам собой разумеющимся. Например, Юзеф Фельдман, описывая политическую борьбу в Польше между Августом II и Станиславом Лещинским, симпатизирует последнему вследствие его антиабсолютистской и антирусской ориентации. Сильной картой Лещинского в борьбе с Августом, по мнению Фельдмана, был его договор с Мазепой о возвращении Украины Польше:

“W roku następnym [1708] emisariusz jego [Mazepy] zawarł traktaty z Karolem i Leszczyńskim, z pierwszym natury czysto wojskowej, z drugim politycznej. Cała Ukraina z Siewerszyna, Kijowszczyzna, Czernichowszczyzna Smoleńszczyzna powróciła do Rzplitej... Samemu Mazepie przyobecano nagrodę w postaci księstwa lennego na wzór Kurlandji, wykrojonego z wojwodztw witebskiego i połockiego”.

« В следующем [1708] году его [Мазепы] посланец заключил договоры с Карлом и Лещинским, с первым

чисто военного характера, со вторым политического. Вся Украина с Северщиной и Киевщиной, Черниговщиной и Смоленщиной должна была вернуться в Речь Посполитую. ... Самому Мазепе была обещана награда в виде удельного княжества вроде Курляндии, выкроенного из воеводств витебского и полоцкого».

Таким образом, Мазепа предавал не только Петра Великого или Россию, но и саму Украину. Предательская натура Мазепы проявилась и после его бегства в шведский лагерь. Камергер шведского короля Карла XII Густав Аддерфельд, вероятно, гораздо бы менее сочувствовал Мазепе в своих записках, если бы он знал о тайных переговорах между старым гетманом и Петром Великим, проводившихся за спиной Карла XII. На пути к шведам два украинских города захлопнули свои ворота перед старым гетманом, и Мазепа более не пытался искать поддержки украинского народа. Соединившись со шведами, Мазепа увидел, что шведские силы гораздо слабее, чем он думал, а после падения своей крепости Батурина окончательно понял, что он здорово просчитался. Это же поняли и те немногие, что последовали за гетманом. Один за другим они бежали от шведов и возвращались к царю Петру, пообещавшему амнистию всем вернувшимся до определенного срока. Среди вернувшихся был и миргородский полковник Данило Апостол.

Апостол привез с собой тайное устное сообщение от Мазепы: гетман раскаивается и просит прощения и позволения вернуться. За это гетман предлагает силами своих сердюков, находящихся в шведском лагере, выкрасть короля Карла и доставить его Петру. Таким образом, тяжелая война будет закончена одним ударом. Петр с энтузиазмом принял план Мазепы, но переговоры несколько затянулись. Предусмотрительный Мазепа, боясь за свою жизнь, требовал от Петра гарантий своей безопасности, подтвержденных некоторыми европейскими дворами. В конце концов, эти гарантии

были даны. И вот, Данило Апостол пишет письмо Ивану Мазепе о том, что переговоры между ним и канцлером Головкиным (представлявшим Петра Великого) успешно завершились. Копия этого письма опубликована Н. Костомаровым.

Однако тот факт, что переговоры затянулись, настоятельно гетмана и заставил искать его другого выхода из скверного положения, в которое он себя поставил. Не прекращая переговоров с Петром через Данилу Апостола, он пишет письмо к Станиславу Лещинскому, настоятельно побуждая его двинуть свои войска на гетманскую Украину. По-видимому, Мазепа, уже мало рассчитывая на помилование Петра, полагал, что свежие польские войска могут улучшить шансы шведских войск, казавшиеся ему скверными. Любопытно, что Мазепа называет Украину «отчиной» Лещинского (т.е. наследственным имением польского короля) и заканчивает свое письмо словами: “wierny poddany u sluga paupizszy Jan Mazepa Hetman” («верный подданный и слуга наинизший Ян Мазеппа, гетман»). Это еще раз подтверждает, что Мазепа отнюдь не собирался быть гетманом независимой Украины, иначе он не называл бы себя «подданным» польского короля.

На несчастье старого гетмана, русские драгуны перехватили посланца Мазепы к Станиславу и его письмо попало к Петру Великому. Узнав, что Мазепа, уже предав Карла Петру, повторно предал Петра Станиславу, разъяренный царь прекратил переговоры и отменил свое помилование Мазепе. Письмо же было немедленно опубликовано в манифесте гетмана Скоропадского с тем, чтобы разрушить всякие иллюзии о Мазепе у тех, кто их еще сохранял.

Оригинал письма, написанный Мазепой на польском языке с примесью латинских выражений, также опубликован в цитированном выше дореволюционном издании Костомарова*.

* <http://otechestvoua.org/main/200811/2029.htm>

Кочубей и Искра – герои воссоединения Руси!

Измена Мазепы – урок Москве: «элитам» – доверяй, но проверяй, своих людей не сдавай!

Я намеренно посвящаю очерк современного право-
славного историка-исповедника (она продолжает дело
Олеся Бузины по опровержению исторических фаль-

**Памятник Кочубею и Искре
в Киеве, уничтоженный
самозваной «УНР»
Грушевского**

сификаций и не боится репрессий) Неониллы Пасечник о том, что Мазепу анафематствовали именно западнорусские иерархи и о роли сданных Петром малороссийских русских патриотов Кочубея и Искры, дабы, наконец-то был извлечен исторический урок: доверять «лимитрофным элитам» нельзя, с ними нужно работать, вовлекать, направлять, но доверять нужно своим соотечественникам и не сдавать современных «кочубеев» и «искр». Символом

извлечения этого урока стало бы возрождение ордена Иуды (специально для Порошенко, Денисенко и прочих) и воздвижение памятников Кочубею и Искре в Москве, Минске и Донецке):

Проклятие Мазепы

«Слово перед проклятием Мазепы было произнесено митрополитом Стефаном Яворским в Московском Успенском соборе, 12 ноября 1708 г. И лишь спустя более чем полутора века, когда снова проявились колебания в вере, этот текст был опубликован в издании «Труды Киевской Духовной Академии» в 1865 г., (том 3).

**Митрополит Стефан
Яворский**

Проклятие, провозглашенное Мазепе тремя днями ранее в Глухове, по воле Государя Петра должно было повториться и в Москве. В Успенском соборе митрополиты Стефан Рязанский, Иларион Крутицкий, Сильвестр Нижегородский, Ефрем Суздальский и архиепископы Коломенский Антоний и Тверской Каллист, в присутствии царевича Алексея Петровича, бояр и чиновников, при стечении бесчисленного народа, при громе пушечном и звоне колокольном, совершили благодарственный молебен милующему Россию Господу по случаю избрания нового гетмана – Ивана Скоропадского. После молебствия провозглашена была изменнику Мазепе и его единомышленникам анафема.

Документы свидетельствуют о том, что митрополиту Стефану, как и царю Петру, нелегко было проклинать Мазепу. 10 годами ранее, посвящая Мазепе одну из своих проповедей, Яворский писал: «возвратившись с науки из польских сторон, такими от вель-

возможности вашей добродетели моего я обогащен благодарениями, что каков я есмь, что имею, что могу, все то вельможности вашей, аки моему источнику, моему солнцу, моему свету приписую». Впоследствии, будучи местоблюстителем патриаршего престола, митрополит Стефан иногда переписывался с Мазепою. В одной рукописи киево-софийской библиотеки есть письмо Яворского к Мазепе от 24 сентября 1707 года, по случаю смерти Митрополита Киевского Варлаама Ясинского. В этом письме Яворский называет Мазепу: “mie wielce miłosciwy Panie у Dobrodzieiu wielkii”. В слове перед проклятием Мазепы Яворский помянул добром прежние заслуги и доблести гетмана и тем сильнее обозначил глубину его падения.

Напомним, что более 20 лет был Мазепа Запорожским гетманом и пользовался гетманскою властью с такими полномочиями, каких не имел ни один из прежних и последующих гетманов за исключением Богдана Хмельницкого. «От Богдана до Ивана не було гетьмана», – гласит старинная малороссийская поговорка. Государь Петр I, вопреки своему крутому нраву, всячески поощрял Мазепу и после учреждения ордена св. Андрея Первозванного сделал его вторым кавалером этого ордена. Казалось бы, чего недоставало Ивану Степановичу Мазепе?

Ведь получил гетман во владение лучшие земли в Слобожанщине – там, в одной из деревень, позднее князь Рюрикович Бярятинский выстроит замечательный дворец в стиле французского классицизма. А рядом – в запустении и донныне стоят т.н. «каменные палаты Мазепы» в деревне Мазепино, хранящей имя предателя-гетмана. Рядом села Ивановское и Степановка – по имени и отчеству сбежавшего их владельца...

Нераскаянные грехи, и не только гордыни и честолюбия, влекли гетмана к падению... Он хотел быть самостоятельным владетельным князем, не обладая

знатностью происхождения, в то время, когда православные русские князья отказались от раздробленности в пользу единого Отечества. Мазепа же задумал отделиться от России, предав вековые стремления и усилия многих славных казаков – защитников Православия. Для этой цели он, подобно некоторым представителям польского инославного шляхетства, вступал в тайные переговоры сначала с королем польским Августом – союзником Петра, а потом и с неприятелем России в Северной войне, Карлом XII, королем шведским.

Как человек, возглавивший Запорожское казачество и имевший много врагов, Мазепа, не смотря на всю свою хитрость и изворотливость, не мог совершенно скрыть своих замыслов. Полковник Искра и генеральный судья Кочубей несколько раз предупреждали государя о преднамеренной государственной измене Мазепы. Напомним, что этому предшествовала измена Мазепой каноническим правилам Святой Апостольской Церкви.

Что на самом деле защищал судья Кочубей своим поступком и в чем не пожелал разобраться молодой монарх Петр I, отличившийся упразднением Патриаршества? Почему, словно «умыв руки», царь Петр отдал «доносителя» на казнь «жертве доноса»?

В дневнике государевом нет записи об этом событии... Могильная плита в Лавре сообщает больше: «Понеже нам страсть и смерть повеле молчати, / Сей камень возопиет о нас вещати, / И за правду и верность к Монарсе нашу / Страдания и смерти испиймо чашу.»

В опере «Мазепа» Чайковский создал сцену в темнице накануне казни судьи Кочубея. Палач, как будто бы и сам человек состоятельный, требует указать где находятся сокровища генерального судьи. С горечью старик Кочубей говорит об этих сокровищах: о своей

чести и чести дочери, отнятых у него Мазепой... Гетман посягнул на одно из христианских сокровищ – нарушил каноническое правило Православной церкви, согласно которому Мазепа не мог жениться на своей крестнице Марии Кочубей, дочери Василия Леонтьевича. Это важный момент православного мировоззрения, предполагающий определенные духовные взаимоотношения. Ведь именно по причине принятия крещения в Византии, в Царьграде, княгиня Ольга, бабка князя Владимира, крестившего впоследствии Русь, избежала, таким образом, брака с Византийским императором, ставшим ей крестным отцом, и вернулась в Киев.

Сейчас мы видим те же «мазепинские» попытки на Украине – нарушить канонические Церковные правила и «вытребовать» автокефалию для УПЦ, которая и без того имеет самостоятельность в управлении, предоставленную матерью Русской Православной Церковью.

В своем ежедневном журнале государь Петр I пометил прегрешения Черкасского гетмана Мазепы: «сын игумении Вознесенского монастыря, возведенного прямо напротив Святых Лаврских врат, позволил шведскому войску тайно пройти по болотистой части территории гетманской Украины с целью нападения на государево войско...» Когда же под Полтавой победа досталась царю Петру, Мазепа бежал в Турцию. По этому случаю царь сделал журнальную пометку: «Мазепа, будучи в Бендере, по некотором времени себя отравил. И тако приличную по делам своим Иудскую смерть получил».

Вспоминаются Пушкинские строки: «И сохранилась могила, / Где двух страдальцев прах почил: / Меж древних праведных могил / Их мирно церковь приютила.» А против Лавры вскоре вырос склад боеприпасов – арсенал – на случай войны с неприятелем...

По этой причине Вознесенский женский монастырь был разобран. Игуменю с сестрами перевели в Свято-Вознесенскую Флоровскую обитель на Подоле...

Но это будет потом, а тем временем Петр I-й, доверивший Мазепе главную распорядительную должность по возведению киевской крепости на Печерске за 3 года до Полтавской баталии, слишком был уверен в преданности Мазепы и счел обвинение клеветою. Обвинители Искра и Кочубей были выданы Мазепе, но вместо принесения покаяния и, как следствие, помилования Кочубея и Искры несчастным праведникам цинично отрубили головы в Борщаговке близ Киева...

Интересен вопрос о причине погребения Василия Леонтьевича Кочубея в Киево-Печерской лавре. Некоторые склонны считать, что это случилось потому, что «богат и славен» судья Кочубей и якобы он был лаврским благотворителем. Но ведь принято благодетелем Лавры считать как раз Мазепу – палача Василия Леонтьевича. Если обратиться к достоверным источникам, скажем, к «Поденным запискам царя Петра», т.е. его дневниковым записям, изданным историографом князем Михаилом Михайловичем Щербатовым в 1770 году, то мы увидим, что «Черкасский гетман Мазепа исполнял обязанности распорядителя работами по строительству фортификационных сооружений и церквей в Лавре» в отсутствие царя Петра. Сам Петр в течение года был инженером на этой грандиозной киевской стройке! А возведение «фортеции» финансировалось из государственной казны.

История казни Кочубея и Искры широко известна – поэты Пушкин и Мицкевич, композиторы Лист и Чайковский воспевали личную трагедию семьи Василия Леонтьевича... Почему тела державных мужей, казненных в Белой Церкви военно-полевым судом по обвинению в доносительстве, сочтенном клеветою, тотчас были преданы земле во святой Лавре? Вряд ли только лишь по причине конфискации в пользу палача

всех имений Кочубея – одного из самых состоятельных представителей казаческой старшины. Для погребения в древнейшей православной святыне необходимы добродетели. У генерального судьи они были... Этот Христоподражательный подвиг двух православных военных лишь приблизил развязку дела Мазепиново предательства.

Король шведский, надеясь на поддержку Мазепы, шел со своими войсками в пределы Малороссии, попутно заменив в Польше законного короля Августа на своего ставленника Станислава Лещинского. «Бес несет его сюда», говорил Мазепа, предчувствуя неблагоприятный исход дела. Это подтверждает слухи о том, что казаки считали Мазепу «характерником» – колдуном, умеющим менять свою личину.

Сегодня мы бы отметили наличие у Мазепы признаков харизматического лидера, вождя, обладающего абсолютной прозорливостью, «данной свыше», который выводится из-под всяких нравственных оценок его конкретного поведения и всей деятельности. Одним словом, лидера деструктивного культа или секты.

Чтобы усыпить осторожность русского правительства, Мазепа притворился лежащим на смертном одре и даже принял елеосвящение. Тем самым уподобился Гришке-Расстриге, ставшему впоследствии Лжедмитрием и погрузившему свое отечество в длительные времена Смуты...

Как только Карл вступил в Малороссию, Мазепа тотчас выздоровел и перешел на его сторону вместе с 3000 обманутых казаков, в результате чего в Малороссии возникла шаткость и колебание. Феофан Прокопович, бывший в то время ректором Киевской духовной академии, так изображает общее состояние умов: «Всюду смущение и междоусобие, и наступил темный мрак, и аки оная осязаемая мгла египетская не на воздухе, но в сердцах человеческих. Во тьме бо египетской не видит никто брата своего, якоже глаголет Писание,

но в лицо не видит. В сем же мраке изменническом не видит никто в сердце брата своего: так не возможно было знать, кто что думает, наш ли есть, или от сопротивных...».

Государь был сильно поражен изменою Мазепы. «Новый Иуда – Мазепа», писал он к одному из своих вельмож, «20 лет быв мне верен, при гробе стал изменник». Но Петр I был не такой человек, чтобы склониться под бременем неблагоприятных обстоятельств, не стараясь восторжествовать над ними. Об этом свидетельствует дневник Государя.

Город Батурин, где заперлись сторонники Мазепы в ожидании сдачи королю Карлу, был разорен и превращен в пепел князем Меншиковым. Что же касается самого Мазепы, то для того, чтобы сделать его презренным и отверженным в глазах всего православного народа, Петр I употребил средство, которое на сто лет ранее было употреблено Борисом Годуновым против 1-го самозванца Лжедмитрия, – именно церковное проклятие. Духовенство, собравшееся в Глухове, по требованию царя, предало анафеме Мазепу и его сообщников. Сделана была кукла Мазепы и после того, как с нее сняли гетманскую одежду и орден св. Андрея, она была повешена рукою палача. Для Мазепы специально был учрежден орден Иуды и водружен на чучело перед повешением. Этим символическим действием Петр I хотел показать, какой участи заслуживал Мазепа и какая судьба постигла бы его, если бы он имел несчастье попасться в руки царя.

Надо сказать, что Мазепа был напуган и деморализован до такой степени, что при отступлении войск короля Карла, скрываясь от преследования армией Петра, первым переправился через Днепр и «ушел в Турецкую область», оставив раненного соратника и не кого-нибудь, а самого короля Швеции на Правом берегу... Этим до конца обнажив свою душу вероотступника и предателя, которой овладел бес, приведший бывшего

гетмана к самоубийству и, как следствие, к преисподней. Последовали за своим харизматическим лидером также и души нескольких тысяч обманутых им Запорожских казаков... Царь Петр карал изменников расстрелом по приговору суда, как это произошло с еще одним предателем бригадиром Мильфелзом, служившим Государю, но перешедшим к шведам.

О Мазепе Петр получил сведения от Турецкой стороны, о чем есть дневниковая запись: «король Шведский с Мазепой изменником приехали поспешно к Турецкому городу Ачакову, но в тот город Паша их не пустил, опасаясь Султана. Поэтому спустя какое-то время поехали они в Бендеры, где и были приняты». Порта, подтвердив мирные соглашения с Петром, приняла решение конвоировать Карла из Бендер в Швецию, но без сопровождения изменников-казаков. Любопытно, что по отношению к еще одному изменнику – генерал-майору Ностицу, похитившему русскую военную казну, – поступили подобным образом: чучело его, как и Мазепино, было повешено. Так Государь искоренял дух предательства.

Трудно говорить об украинском «дне примирения» сегодня, когда в Киеве до сих пор не восстановлен памятник невинно убиенным жертвам клеветы – генеральному судье Василию Леонтьевичу Кочубею и полковнику Искре. Не так давно исполнилось 100 лет созданию этого самого позднего дореволюционного памятника, простоявшего самое короткое время... Современники отмечают подобие нынешних перипетий тем историческим событиям, когда опрометчиво, руками предателя, были казнены невинные государственные мужи. Очень символична и трогательна история создания памятника Кочубею и Искре – защитникам Православия от деструктивных сил XVIII в., погибшим от их действий. То, что произошло с генеральным судьей и военным деятелем 300 лет назад, мы сейчас наблюдаем в масштабах всей Украины... Только теперь

это называется «информационной войной», а в то время определялось очень точно – клевета. Предательство Мазепы, как и сейчас, привело к гибели многих русских людей... Поскольку шведские войска с помощью Мазепы силой привлекали гражданских людей Малороссии к работам на неприятеля. Незадолго до битвы под Полтавой Петр вынужден был приказать разорить Запорожскую Сечь, где скрывались изменники, но амнистия казакам, замешанным в предательстве, все-таки была объявлена. Так же миловали и в Польше шляхтичей, прибывших к восстановленному Петром королю Августу с повинной и просьбой о прощении.

О таких колеблющихся и непостоянных душах и говорил в своем слове «Трость ветром колеблема, то есть: непостоянство и жалостная измена гетмана Мазепы» митрополит Стефан Яворский: «Веял на нас ветер от бездны адской, хотяще нами поколебати и преклонити нас в различные грехопадения. Веял на нас ветер прещения мучительного, хотяще нас преклонити к неправде, к вероломству, к идолопоклонству, но на сия ветренные устремления твердыми и постоянными с Божиею помощию пребудем маслинами, умом никогда не поколеблемся».

*Неонила Пасичник,
информационно-просветительский Центр
«Надежда» при Киево-Печерской Лавре»*

Также логично поместить заметку Неонилены Пасеченик о первом Киевском митрополите Московского Патриархата Гедеоне Святополк-Четвертинском.

**Митрополит Гедеон
(Святополк-Четвертинский)
как символ воссоединения Русской Церкви
должен быть прославлен в лике святых**

«Малороссия, связанная с Москвой политически, в церковном отношении была подчинена Константинопольскому Патриарху, склонявшемуся к унии с Римом. Патриарх Московский болезновал душой о возвращении Киевской митрополии в лоно той Матери Церкви, которую святой равноапостольный Великий князь Владимир принял в качестве государственной религии. С 1683 года Патриарх Московский Иоаким настойчиво советовал избрать в Малороссии митрополита, поскольку Киевская кафедра пустовала уже более десяти лет. Было решено, что подходящим кандидатом мог быть епископ Луцкий Гедеон из княжеского рода Рюриковичей Святополк-Четвертинских – старший сын князя Захария Григорьевича Святополк-Четвертинского (ум. 1649), старосты Рациборского, подсудка Луцкого.

В 1685 году в Киеве состоялся собор для избрания митрополита, и в июле был избран Гедеон. В октябре новоизбранный митрополит с большой делегацией отправился в Москву. 8 ноября 1685 года Патриарх Иоаким возвел Гедеона в сан Киевского митрополита. 15 декабря митрополит Гедеон выехал из Москвы с царскими дарами и грамотой, по которой ему подчинялись Черниговский архиепископ и архимандрит Печерской лавры, до того находившиеся в подчинении Константинопольскому Патриарху и, фактически, принявшие папскую унию. Киевская кафедра была признана первоначальной в России. В мае 1686 года

благословил на переход Киевской митрополии под омофор Московского Патриарха и Константинопольский Патриарх Дионисий. Цари Иоанн и Петр Алексеевичи и царевна София подарили владыке Гедеону саккос и митру, усыпанную драгоценными камнями. Так осуществились справедливые чаяния православного польского дипломата Киселя из потомства Рюрика о соборности русского Православия. Митра владыки Гедеона (князя Святополк-Четвертинского) хранится в Историческом музее в Москве».

**Митрополит
Гедеон Святополк-
Четвертинский**

Неонила Пасичник

Канонизация митрополита Гедеона Святополк-Четвертинского необходима еще и потому, что антиправославные антирусские силы пытаются поставить под сомнение святое дело воссоединения Русской Православной Церкви в 1686 году, «отменить» историческое решение, когда Киевская и Малой России митрополия была передана Константинопольским Патриархом Дионисием Московскому Патриархату безоговорочно!

Отменить то, что сделано безоговорочно и навечно находится на канонической территории другой Поместной Церкви, Русской, Константинопольский Патриархат не может, даже если захочет: позиция канонов Церкви в этом вопросе непреклонна и не позволяет двойных толкований.

В связи с попытками оспорить великую дату 1686 года мы неоднократно доказывали и показывали безусловную каноничность и неотменимость навечной

передачи Киевской и Малой России митрополии Московскому, Великой, Малой и Белой России и всех Северных земель Патриархату*.

Посмотрите, насколько фальсификаторы церковной истории тщетно пытаются отрицать факт навечной передачи Киевской митрополии Московскому Патриархату в 1686 году и пользуются российским раскольником Лурье – ненавистником Русской Церкви. На эти фальсификации необходим молниеносный ответ русской церковно-исторической науки... **

Мы постоянно отвечаем фальсификаторам***.

Более того, Патриарх Дионисий, подписывая Грамоту о передаче Киевской митрополии Московскому Патриархату, о воссоединении Русской Церкви, вопреки лжи нынешних фальсификаторов истории, руководствовался не личными корыстными целями, а продолжал дело своих святых предшественников, создававших «Третий Рим» как преемника падающей Византии, как единственное подлинно независимое православное государство, и это актуально и сейчас, когда Россия им и является, а «киевская хунта» и «литвинствующие» круги Западной Руси являются орудием борьбы и с Россией, и с русским народом, и с Православием как таковым.

Константинопольский патриарх Дионисий Четвертый

* <https://jpgazeta.ru/v-moskve-otmetili-330-letie-obedineniya-pravoslavnyih-tserkvey-ukrainyi-i-rossii/>

** https://kompromat1.net/.../88073-gramota_patriarha_dionisija_

*** <https://www.youtube.com/watch?v=WEHgSGoA-5E>

**Идеолог русского воссоединения
Великой, Малой и Белой Руси
Патриарх Никон превратил Москву
в мало- и белорусский город**

Владимир Путин вернул России великого Патриарха Никона. Это абсолютно закономерно, ибо фигура Никона символизирует проект модернизации России на основе православной традиции и собственный геополитический проект лидерства Москвы в восточно-христианской цивилизации.

Владимир Путин уже вошел в историю как выдающийся церковный и государственный деятель, содействовавший великому и святому делу восстановления единства Московского Патриархата и Русской Зарубежной церкви.

На Рождество 2007 года Владимир Путин сделал другое великое дело, посетив Новоиерусалимский монастырь, великую, но заброшенную святыню вселенского и русского Православия – Новоиерусалимский монастырь, созданный великим, но оклеветанным Патриархом Московским, Великия, Малыя и Белья России Никоном, как икона первого Иерусалима

**Патриарх Великой, Малой
и Белой России Никон**

и как центр подготовки кадров для мирового Православия, «экспорта Православия», который является фундаментальным ресурсом России.

Обращение Владимира Путина к фигуре Патриарха Никона неслучайно, ибо фигура Никона символизирует проект модернизации России на основе православной традиции и собственный геополитический проект лидерства Москвы в восточно-христианской цивилизации.

Россия при Патриархе Никоне

При Никоне Россия стояла перед лицом ложных альтернатив – западной модернизации, которая означала бы растворение в глобалистических проектах, и национальной изоляции, превращении русских в «индейцев», гордящихся своей самостью, но проигрывающих технологическую гонку. В этой ситуации Россия неизбежно пала бы под натиском развивающихся технологически и политически конкурентов, а Русская Церковь проиграла бы в миссионерском соревновании с инославными христианами. Аналогии с современностью очевидны. Россия вновь у такой же развязки.

Именно Никон решил в XVII в. украинский и белорусский вопросы: благодаря его политической воле удалось преодолеть сопротивление «прагматичного» московского боярства, озабоченного, как правило, исключительно мелким купеческим интересом, вовсе не желавшего ссориться с Речью Посполитой, принять исторические решения о принятии малороссийских казаков под власть православного государя и начать освобождение Белоруссии от польско-литовских оккупантов. Это не менее актуальная история.

Патриарх Никон продолжает оставаться одной из самых нераскрытых фигур русской церковной истории. До сих пор часто встречается мнение, что Никон якобы был главным виновником трагического церковного

раскола в Русской Церкви. Но это на самом деле еще не самое главное обвинение. А главное в том, что Никон якобы пытался восхитить государственную власть и установить теократию. Из этого делается вывод, что «Церковь в России всегда управлялась князьями», а идея сильной Церкви, Церкви как субъекта истории и политики, является якобы католической. Церковь на Руси не управлялась князьями. Россия была ближе к идеалу симфонии, чем Византия. Московские митрополиты и Патриархи мирили князей, заставляли их строить единое Русское государство. Попытка нарушить симфонию со стороны Дмитрия Донского, пытавшегося поставить на московский престол «карманного» владыку «Митяя», провалилась, Дмитрий проиграл Церкви и стал святым. Иван Грозный, пока был в симфонии со св.Макарием, был Победоносцем, потом его «зашатало». Святители Филипп и Ермоген – символы сопротивления беззаконию во власти, а не борьбы с властью Патриарх Филарет (Романов) был блестящим соправителем страны. Но это была экстремальная ситуация ввиду малолетства государя и Никон не хотел быть никаким соправителем – обвинения в его адрес в желании «подсидеть» царя сфабриковал иезуит Лигарид, сам Алексей Михайлович даровал Никону титул Великого государя исключительно в духовных делах Никону хорошо было быть Патриархом, он не стремился заниматься компетенцией государства и это был вопрос веры: Никон исповедовал точное изложение Православной веры, святоотеческий взгляд на симфонию Церкви и государства, исключаящий как папоцезаризм, так и цезаропапизм. Пока Алексей Михайлович был с Никоном, Россия побеждала. Пока «Тишайший» был в освободительных походах, Никон, если бы поставил такую цель, захватил бы власть. Но такой цели у него не было, ее наличие – навет, клевета. Поэтому сильная Церковь, подлинная симфония – как раз в русской традиции. И третье обвинение еще более

абсурдно: это постановка Никона и Петра в один ряд, Никон – идеолог Московского Патриаршества, Петр – его враг. Другое дело, что если бы рядом с Петром во главе Церкви стояла такая фигура, как Никон, необходимая для государства модернизация происходила бы на основе традиции. Никон, в действительности, был носителем именно третьего пути – модернизации на основе традиции. Первый путь – традиции без модернизации – грозил и грозит превращением России в самобытную резервацию, которая легко будет сметена геополитическими конкурентами.

Модернизация без традиции – это растворение в глобалистском проекте, десакрализация и десуверенизация. Великий русский церковный историк митрополит Макарий (Булгаков) писал, что если бы Патриарх Никон не был низложен, церковного раскола бы не произошло. Великий русский отец Церкви митрополит Антоний (Храповицкий) утверждал, что Никон был первый единоведец, предлагавший Неронову примирение, в том числе и обрядовое. Сам митрополит Антоний – идеолог восстановления Московского патриаршества, считавший это делом своей жизни, почитатель Никона как святого, являлся главным инициатором и идеологом единоверия (создания старообрядческого крыла в рамках Русской Православной Церкви), рукоположивший единоверческих епископов, утвердивший единоверие в Уфимском крае, вернувший из раскола тысячи самых упертых староверов. Антоний прямо предлагал отдать единовецам один из крупнейших, чуть ли не кремлевских, московских соборов, дать церковной старине зеленый свет как силе, которая изгонит петровско-секулярное наследие из Церкви. В XVII веке провокаторы раскола – польско-католическая дипломатия, испугавшаяся потери Малороссии (Никон был идеологом и инициатором воссоединения Великой и Малой Руси) и ее агент, «митрополит» Паисий Лигарид – использовали против Никона протестантскую

цезаропапистскую идеологию. Читая его доносы и письма его единомышленника боярина Стрешнева царю Алексею Михайловичу о том, как опасна сильная Церковь, что Никон якобы «копает» под царя, невольно проводишь аналогии с широко известными в узких кругах антицерковными порталами, авторы которых пишут такие же политические доносы о том, что «Социальная концепция Русской Православной Церкви – это подкоп под государство», «Московская Патриархия и митрополит, ныне Патриарх, Кирилл готовят теократический переворот» и в противовес «слишком сильной» Церкви надо «создать и поддержать внутрицерковную оппозицию» и «альтернативное православие». Точно так же тогда враги Церкви и России, агенты Речи Посполитой нашли и создали оппозицию Никону и поддержали «альтернативное православие», создав трагическую проблему, которая не решена до сих пор.

Важнейшей целью клеветников, незаконно свергнувших Патриарха Никона, являлся срыв воссоединения Русской Православной Церкви, возвращения в

**Черниговский архиепископ
Лазарь (Баранович)**

ее лоно Западнорусской митрополии, созданной в рамках униатского проекта. Патриарх Никон готовил на пост западнорусского митрополита Московского Патриархата выдающегося православного интеллектуала архиепископа Черниговского Лазаря (Барановича).

Под это великое и святое дело Патриарх Никон стал, с полного согласия восточных Патриархов,

именовать себя Патриархом Великой, Малой и Белой России, вел тесную дружбу с Константинопольским Патриархом Паисием и Антиохийским Макарием, чей протодьякон Павел Алеппский написал свое знаменитое «Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию», где он опроверг все русофобские мифы Речи Посполитой и констатировал тот факт, что в Восточной и Западной Руси живет один народ – православный русский!

Под воссоединение Русской Церкви Патриарх Никон осуществлял и свои обрядовые реформы. Патриарх Никон и Лазарь (Баранович) готовили и продолжение Переяславской рады – воссоединение всех русских земель Великой, Малой, Белой, Черной, Червонной, Холмской и Подкарпатской Руси. Помощник архиеп. Лазаря архимандрит Иоаникий (Голятовский) работал над осуществлением проекта мирного решения западнорусского вопроса через «Кревскую, Люблинскую и Брестскую унии наоборот» – приход к власти в Речи Посполитой ставленника Москвы, который не только осуществил бы воссоединение всей Руси, но и вернул если бы не всех, то славянских латинян в Православие. Но оклеветание и свержение Патриарха Никона сорвало эти реальные планы, а воссоединение Русской Церкви отложило до 1686 года и его ключевым, воссоединения «застрельщиком»

Книга архидиакона Павла Алеппского «Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию»

**Святитель Черниговский
Феодосий**

стал ученик и преемник архиепископа Лазаря святой архиепископ Черниговский Феодосий.

Символично, что печальный собор низложил и Никона, и старообрядцев. Поэтому те, кто пропагандирует вмешательство светской власти в церковные дела, пишет политические доносы о мнимой опасности сильной Церкви, играет в «альтернативное православие», действу-

ет против России, может нанести такие рваные раны, которые еще 300 лет не излечатся. Неубедительны и попытки лишить Церковь статуса субъекта истории и общественного действия под благовидным обоснованием того, что ее дело – только спасать людей. Как раз для того, чтобы спасать людей, необходимо давать ясные объяснения, ясные цели, ясные перспективы, быть в авангарде, формировать общественное мнение, а не в арьергарде, вечно опаздывающими и догоняющими. Если Церковь не будет самостоятельным субъектом и эта субъектность не будет признанной (на юридическом языке это называется «корпорацией публичного права»), то она будет на обочине жизни народа, ее спасительная миссия будет ограничена узким кругом людей. Реальность такова: в нашем обществе Благая весть может быть донесена только с использованием современных информационных технологий, церковное воспитание, образование, миссия, апологетика – это не только духовная жизнь и порыв, это и система, имеющая свою материальную, организационную и информационную составляющую.

Церковь должна быть самостоятельной в своей внутренней жизни, потому что сама она решит проблемы эффективнее. Ведь неосторожное обращение со святыней может породить очень серьезные последствия. Например, в правой прессе в массовом порядке идут публикации о том, что «единоверия», даже единоверческого епископата недостаточно, что всю Русскую Церковь надо перевести на дониконовский обряд. Появление такой позиции закономерно, под ней подразумевается православная контрреформация как альтернатива обновленчеству, эта мера рассматривается как триумф и реванш русской традиции, утверждение лидерства России в Православном мире. Однако западнорусская традиция, которую Никон пытался склеить с великорусской (и это было необходимо для соединения Западнорусской Киевской церкви с Московским Патриархатом и воссоединения Великой, Малой и Белой России), – это такая же русская традиция. Кроме того, это может породить теперь уже «новообрядческий раскол». А ведь за 300 лет церковной жизни даже нелюбимое мной партесное пение стало тоже частью церковного предания, в эти века в Церкви просияли великие подвижники: преп.Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский, Феофан Затворник и многие, многие другие. Впрочем, партес и тому подобное не имеют к Никону никакого отношения это уже послепетровская история. Православная контрреформация – это вовсе не старообрядческая реставрация, это чаемый великими русскими богословами «неокаппадокийский синтез» – воцерковление и постановка на службу Церкви и ее миссии достижений человеческой мысли, культуры. Конечно, субкультура староверов должна найти свое достойное место в Московском патриархате.

Стараниями идеологов секуляризации страны идея Патриаршества Русской Церкви должна была быть забыта. И если бы не труды «никонианина» и, одновременно, «единовера, православного старообрядца»

Антония (Храповицкого), так могло бы и произойти. И надо быть неблагодарными потомками, чтобы об этом не задуматься. История с обрядовой реформой XVII в. должна быть избавлена от недобросовестных интерпретаций. Никон стоял перед проблемой интеграции западной половины Руси в общерусскую церковную жизнь. В Малороссии и Белоруссии не служили так, как считают идеалом старообрядцы. Но самоубийственно думать о том, что Западную Русь с первой русской столицей – Киевом – из-за этого не надо было воссоединять. Так же самоубийственно было откладывать воссоединение из-за обрядовых разногласий. Только в Западной Руси были православные богословские школы, и образованные кадры духовенства, без которых реализация никакой исторической миссии невозможна, были только там. Это московские князья XV в. виноваты в том, что не перекупили, не выкрали, не заманили в Россию интеллектуалов погибающей Византии, не создали вовремя свои богословские школы. Более того, Никон первым понял, что «перегнул» с насаждением западнорусского и греческого обрядов по всей Руси и примиряется со старообрядческим лидером о. Григорием Нероновым. И служит в Ново-иерусалимском монастыре по обоим обрядам. Автор «Истории Русской Церкви» митр. Макарий (Булгаков) называл Патриарха Никона «первым единоверцем» (то есть старообрядцем Московского Патриархата) и утверждал, что если бы не свержение Патриарха Никона, раскола бы не произошло. И действительно, «ревнителей» «втемную использовали сторонники унии и противники воссоединения России. Их победа над Патриархом Никоном отсрочила воссоединение Западной Руси до 1795 года, ведь именно Никон убедил царя вступить в войну с Речью Посполитой за Малороссию, боярство само было прозападным, не хотело «ссориться с Европой из-за каких-то “ватников”» и «боялось санкций». Никона «ушли», и борьба за Западную Русь

ослабла, а ликвидация вследствие падения Никона и отстаиваемого им принципа симфонии Церкви и государства одной главы двуглавого орла привела в итоге к секулярному крену в развитии России и, как следствие, к национальной катастрофе февраля 1917 года.

Обрядовые вопросы в напаках на Патриарха Никона являются не более чем поводом для развенчания идеи сильной Церкви. Если бы Никона не свергли, то в Русской Церкви развилось бы не только «двухобрядие», но и был бы возрожден богослужебный православный «западный обряд» – богослужение не отпадшей от Православия Римской Церкви. Потом – «армянский» для возвращения монофизитов в Православие. Это не домыслы и не фантазии: Никон построил в Воскресенском соборе Новоиерусалимского монастыря престол для Армянской Церкви – он планировал реальное ее возвращение к Халкидонскому Православию. Сейчас «западный обряд» возрождает в Русской Зарубежной Церкви епископ Иероним (Шоу), племянник Бернарда Шоу, и это облегчает приход в Православие многих европейцев и американцев, разочарованных в деградации своих конфессий: ЛГБТ-«священстве» и т.д.) Более того, историческая миссия Русской Церкви – это православное свидетельство в Китае, и там будет свой, китайский православный обряд, как в Японской Церкви Московского Патриархата уже есть японский.

В мае 2005 года исполнилось 400 лет со дня рождения Патриарха Великия, Малыя и Белыя России Никона. Этот юбилей не был отмечен должным образом, что по меньшей мере несправедливо. Значит, 415 летие со дня рождения Патриарха Никона в 2020 году должно быть отмечено достойно! Выдающийся русский богослов митрополит Антоний (Храповицкий) считал патриарха Никона самым выдающимся человеком в русской истории. Действительно, Никон является идеологом воссоздания православной цивилизации лидером которой является Россия, как субъекта

мировой истории и политики, лидером которой является Россия. Эта идея встретила сопротивление как западников, так и сторонников провинциальной версии русского национализма, а значит, пропагандирующих отказ от имперской миссии России и обрекающих ее на роль этнографической резервации, а резервации, как известно, проигрывают культурное и технологическое соперничество и оказываются в конечном итоге оккупированными.

Однако все проекты Патриарха Никона поражают своей гениальностью и масштабом. Это и создание подмосковной Палестины – комплекса Новоиерусалимского монастыря. Никон понимал, что не каждый русский человек сможет попасть на места искупительных страданий и воскресения Спасителя, и поэтому создал Новоиерусалимский монастырь как место, где бы русский человек мог увидеть, как происходили Евангельские события. Но Никон задумал для Новоиерусалимского монастыря еще одну важнейшую роль. В Воскресенском соборе до сих пор сохранились престолы для всех глав поместных Православных Церквей, чтобы они могли сослужить одновременно. Таким образом, Никон, создавал в Москве центр мирового Православия. В братию Новоиерусалимского монастыря бра-

Новоиерусалимский монастырь

лись представители всех православных наций: там готовились кадры для возглавления всех поместных Церквей и миссионеры для непросвещенных народов. По замыслу Никона, значение и влияние Нового Иерусалима было бы куда большим, чем Ватикана.

И действовать было можно только так. При всем героизме защитников Православия, в Западной Руси полонизация и окатоличивание делали свое дело. Незадолго до воссоединения с Россией в унию перешли крупнейшие православные апологеты: архиепископ Мелетий (Смотрицкий), автор знаменитого «Фриноса, плача Восточной Церкви», епископ Кирилл Транквиллион-Ставровецкий и наместник Киево-Печерской лавры Кассиан Сакович. Только решительное «православное контрастование» могло спасти ситуацию.

И сейчас Новоиерусалимский монастырь сохранился и может выполнять возложенную на него миссию.

Другие великие дела Никона

Никон создал еще несколько великих монашеских центров – Иверский Валдайский монастырь и Крестный монастырь на Кий-острове. И в Новоиерусалимском, и в Иверском монастырях трудились мастера из Белой Руси.

Монашеское вдохновение он видел в Афоне, и как символ связи России с монашеским государством он распространил на Руси почитание великой афонской святыни – Иверской Божией Матери (знаменитая Иверская часовня на Красной площади – детище Никона). И эта традиция стала родной в России. Помимо гигантского монастырского строительства, Никон строит Патриаршие Палаты в Кремле – символ симфонии, демонстрация идеи Москвы-«Третьего Рима» именно как православной, канонической по сути. Поэтому неправы те, кто обвиняет Никона в противопо-

ставлении идей России как «Третьего Рима» и «Нового Иерусалима». Одно из другого вытекает и сочетается в православном русском проекте. И сейчас Патриаршие Палаты в Кремле, как и все храмы и соборы Московского Кремля, несомненно, должны быть возвращены Церкви. При этом главная резиденция президента России также была, есть и будет в Кремле. Это важнейший смысловой шаг в возрождении симфонии Церкви и государства в России. Поэтому как промедление с возвращением Церкви храмов Кремля, так и провокационные разговоры о переносе столицы из Москвы являются ударом по смыслу Российской государственности, суверенитета страны.

Другой важнейший проект Патриарха Никона – воссоединение Малороссии и Белоруссии с Россией. Это целиком его заслуга. Патриарх Никон буквально заставляет московский Земский собор 1653 года принять петицию Богдана Хмельницкого и начать войну с Польшей. Ведь тогда политическая ситуация в России во многом напоминала нынешнюю. Противники ее исторической миссии и имперского пути самых разных политических ориентаций тогда добились того, что запорожские казаки десятилетиями просили принять их в Московское подданство, но получали отказ тех боярских кругов, которые считали воссоединение русских земель ненужным и обременительным. Имен-

Иверский Валдайский монастырь

но эти круги заключили фактически альянс с польской католической дипломатией и добились дискредитации и низложения Патриарха Никона. Идеологами этого низложения были тайный католик Паисий Лигарид, который олицетворял волю польских кругов, боящихся ликвидации унии и потери Малороссии, и московский боярин Симеон Стрешнев, либерал и сторонник «государственного контроля над Церковью». Именно такие люди, как Стрешнев, добивались создания «монастырского приказа» – говоря современным языком, «госоргана по делам религий». Именно они столкнули Патриарха с царем, убеждая последнего в том, что Никон якобы опасен для государства, что он стремится установить «теократию» и тому подобное, ибо если бы Никон хотел подмять государственную власть, то он бы это сделал, т.к. он фактически управлял Российским государством во время долгого отсутствия царя Алексея Михайловича, который возглавлял военные походы против Польши.

Но не собирался Никон захватывать государственную власть, а был он сторонником сильной Церкви,

Чудов монастырь

**«Политтехнолог
«воссоединения Великой,
Малой и Белой Руси
боярин Федор Ртищев**

сорботающей с государством в деле возрождения народа и внешней экспансии. Именно благодаря Никону в России появилось высшее образование, современная армия, сильная, в т.ч. церковная, экономика, расцвет культуры. Никон выписывает

из Белоруссии лучших мастеров, благодаря которым появляется великолепное московское барокко и знаменитая московская школа изразцов. Из Малороссии Никон приглашает в Москву именно представителей «эллино-словенской», а не «латино-польской» школы, во главе с иноком Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Дамаскиным Птицыным для создания «Русской Библии» на основе Септуагинты – греческого перевода (знаменитая русская Библия св. Геннадия Новгородского переводилась с Вульгаты). Сначала он отдает им Андреевский монастырь в Москве, где вместе с советником Алексея Михайловича Федором Ртищевым Никон создает по примеру Могилыанской академии Ртищевское училище – оно было «заточено» под подготовку православной политической элиты для воссоединения Западной и Восточной, Великой, Малой и Белой России. Но дальше – больше. Никон отдает ученым монахам из Западной Руси кремлевский Чудов монастырь, чтобы они именно там переводили с греческого Библию.

Почитание в России Иверской иконы Божией Матери, восстановление связи с Афоном – также заслуга Никона. Он строит знаменитую Иверскую часовню на Красной площади как символ связей Москвы и Афона: в Москве, на Никольской улице основывается Никольский Греческий монастырь. Из всего этого

никоновского синтеза выросла Славяно-греко-латинская академия.

Как известно, еще при царе Федоре Алексеевиче было восстановлено Патриаршее достоинство Никона, а Поместный собор 1917-18 гг., восстановивший Московский Патриархат, выехал всем составом в Новоиерусалимский монастырь, где у гробницы патриарха Никона была отслужена панихида (на этой могиле, по свидетельству монахов Новоиерусалимского

**Митрополит Антоний
(Храповицкий)**

монастыря, происходят чудеса). Поэтому мы считаем необходимым сослаться на великолепную статью митрополита Антония (Храповицкого) «Патриарх Никон России»*. Для «ищущих повода» специально поясню, что термин «реформатор» используется митрополитом Антонием совершенно не в «перестроечно-гайдаровском» контексте, который он не мог предугадать. Речь идет о восстановлении канонического строя управления Церкви.

В 1682 году царь Федор Алексеевич испросил у Восточных Патриархов реабилитацию Патриарха Никона и его посмертное восстановление в сани. И оно было получено. Константинопольский Патриарх Иаков написал канонический текст полной церковной реабилитации Патриарха Никона:

«Преподобныя памяти, возлюбленный брат наш, господин Никон, бывший Патриарх Московский и всея

* <http://www.pravoslavie.ru/2615.html>

Руссии, вместо воздаяния и мздовоздаяния, показания ради долгаго преподобничества и терпения, имеет прощение и разрешение от приключившагося ему соборного извержения, и да будет прощен в нынешнем веце и в будущем от Отца и Сына и Св. Духа, Святых и Живоначальных Троицы; восприяв же духовный хитон архиерейства, да примет, яко Патриарх, всегда церковное поминование, поминаем с прочими Патриархами Московскими во священных диптихах, и по всяким именованным временам священных церковных проследованиях безсумненно да считается въяве в сочисление прочих Патриархов Московских, Патриархом же; являемо и именуемо и поминаемое ни един да не сопротивится, подлинно тако да будет! Тем же во оправдание издадесе сие прощение его».

Восстановление доброго имени оклеветанного воссоединителя Руси Патриарха Никона началось по мере возвращения Романовской династии к идеалу симфонии Церкви и государства и русскому самосознанию – Патриарх Никон попадает в герои памятника Тысячелетию России в Новгороде Великом.

Бело- и малорусская Москва

Благодаря объективным и в особенности подстегнутым Патриархом Никоном процессам воссоединения русского народа Москва превратилась в столицу всей Руси, город, центр которого был отдан царем малороссам и белорусам. В Китай-городе появились Большой и Малый Черкасские переулки («черкасы» – так называли казаков), а за ними, в Белом городе – огромная Малороссийская слобода. Казаки, боровшиеся за воссоединение русского народа, законно имели в центре Москвы достойные дома, русские своих действительно не бросали. Пройдемся от Малороссийской улицы (Маросейки), мимо дворца гетмана Мазепы, пройдем к храму святого равноапостольного князя Владимира

в Старых садах, оттуда – ко дворцу думного дьяка Украинцева, к храму Св.Троицы в Хохлах. А подлинным памятником воссоединению России стало привлечение Патриархом Никоном в Москву белоруса Степана Иванова (Полубеса), который создает и обустроивает всю Москву изразцами – «глиняными фресками» из керамической плитки, кафеля, ранее использовавшегося в отделке печей. Точнее, Полубеса нашел и вывез в Москву освободивший Мстиславль от Речи Посполитой князь Алексей Трубецкой. Патриарх Никон дает ему шанс – Полубес создает грандиозные изразцовые иконостасы Новоиерусалимского монастыря, а потом украшает изразцом храмы Иверского-Валдайского, Иосифо-Волоцкого и Солотчинского монастырей, московские храмы в стиле малороссийского или нарышкинского барокко – уникального архитектурного стиля-символа воссоединения Руси: Успения в Гончарах, св. Григория Неокесарийского, Покровский собор в Измайлово, а мастера его школы украшают уникальный изразцовый дворец Крутицких и Коломенских митрополитов на Крутицком подворье. Все это сохранилось и является реальными памятникам воссоединения Руси, которые можно и нужно видеть своими глазами, создавать к ним паломнические маршруты и проводить экскурсии.

Патриарх Никон начал привлекать мастеров изразцового дела еще до Иванова-Полубеса, еще во время строительства Иверского Валдайского монастыря, – он готовил русское воссоединение и кадры для него давно и последовательно.

**Могилев – белорусский идейный
и технологический центр
воссоединения Запада и Востока Руси**

Помимо изразцовых дел мастеров из Могилевщины, Патриарх Никон, детально знакомясь с возмож-

ностями и настроениями западнорусских регионов, специально выписывает для Новоиерусалимского монастыря целые бригады резчиков из Могилева. Изразцы и резные иконостасы, «белорусская резь» стали «фирменным брендом» могилевских «цехов», фигура Степана Иванова (Полубеса), «изразцового гения», – лишь наиболее известная среди десятков выписанных Патриархом Никоном «рабочих воссоединения» из Могилева. Вообще Могилев как-то особенно ярко светится в системе русских координат. Это и фигуры великого русского святого и православного интеллектуала Могилевского архиепископа Георгия (Конисского), архиепископа Могилевского, затем Астраханского Митрофана – великого «патриархиста», ревнителя восстановления Московского и всей Руси Патриаршества на соборе 1917-18 годов, Могилев был ставкой царя-страстотерпца Николая II в Первую мировую войну.

Верхоспасский Собор в Московском Кремле

Из могилевского дворянства происходит род Старцевых – выдающихся русских архитекторов, творив-

ших в «стиле русского воссоединения» – московско-го или нарышкинского, барокко. Особенно знаменит и гениален Иосиф Дмитриевич Старцев, построивший знаменитый Крутицкий дворец, отделанный изразцом западнорусской школы, Верхоспасский собор в Кремле, московские храмы св.Николая на Болвановке, Воскресения на Пресне, трапезную Симонова монастыря. Все, кроме Воскресения на Пресне, сохранились, а вот грандиозные храмы Братского и Никольского монастырей в Киеве, были уничтожены большевистскими украинизаторами. В 1714 году Осип Старцев постригается в одном из московских монастырей.

**Крутицкое подворье в Москве –
триумф белорусского гения Осипа Старцева
и Степана Иванова (Полубеса)**

**Полоцкая Русь встречает московского царя.
Ревнитель воссоединения Русской Церкви
и защитник Патриарха Никона
архимандрит Игнатий (Иевлевич)**

Архимандрит Игнатий (Иевлевич), 1619 года рождения (25 сентября), родом из Могилева, из Оршанского повета Витебского воеводства, успешный медик и философ, получивший медицинское и богословское образование в Замойской академии, затем архимандрит Полоцкого Борисоглебского монастыря, скончался в Москве в год воссоединения Русской Православной Церкви – назревшей, полностью каноничной и не имеющей обратной силы передачи Константинопольским Патриархом Дионисием Киевской и Малой России митрополии (охватывавшей Малую и Белую Русь со Смоленском) Московскому, Великой, Малой и Белой России и всех Северных земель Патриархату, которую он готовил всю свою сознательную жизнь. Для таких людей, как архимандрит Игнатий, Православие, монашество, русское самосознание, единство с Москвой – это акт свободного личного православного русского выбора, ведь архимандрит Игнатий мог сделать отличную карьеру в Речи Посполитой, «жить и не париться».

Архимандрит Игнатий – преподаватель Киево-Могилянской академии, сооснователь Славяно-греко-латинской академии в Яссах, выдающийся апологет, богослов, философ, писатель, педагог и общественный деятель, политик Западной Руси. Активно готовит воссоединение Русской Церкви, переписывается по этому поводу с Патриархом Никоном, Федором Рти-

щевым, Симеоном Полоцким, противостоит униатам, создавшим эффективный иезуитский коллегиум и в Полоцке, и в Москве. Архимандрит Игнатий как мог, до последнего, «рискуя карьерой», ибо враги сидели и в Речи Посполитой, и дезинформировали русского царя, спасал от клеветы Патриарха Никона, написал из Полоцка, который тогда отстоять не удалось и он опять оказался в оккупации Речи Посполитой, отзыв о деле Патриарха Никона и речь царю Алексею Михайловичу, в которых он выступал против заочного суда и настаивал, что надо ответить на все обвинения (напечатана в III т. «Древней российской вивлиофики»).

Воссоединение Русской Церкви он готовит даже в условиях оккупации, наживая себе все новых и новых противников, но дискредитировать этого знаменитого человека, известного медика, богослова и педагога, было нелегко. При первой возможности о.Игнатий все делает и для национально-государственного воссоединения Запада и Востока Руси: в 1656 году он выступает с пламенной приветственной речью о воссоединении Западной и Восточной Руси, когда царь Алексей Михайлович по благословению Патриарха Никона освободил Полоцк от оккупации Речью Посполитой.

**Западнорусский филолог
Симеон Полоцкий –
идейный отец «глобальной русской унии»
Владимира Соловьева**

В миру – Самуил Петровский-Ситнянович. Начинал как униатский монах-базилианин. Затем в Киево-Могилянской академии принимает Православие, постригается с именем Симеон, сближается с архиепископом Лазарем (Барановичем) и архимандритом Игнатием (Иевлевичем), становится преподавателем в Полоцкой братской школе. Входит в доверие к Лазарю и Игнатию и по освобождении Полоцка царем Алексеем Михайловичем во время его пребывания там подарил ему сборник своих стихов. Лазарь, Игнатий и Патриарх Никон подвоха не увидели, более того, только радовались, что в Москве появится еще один их человек. Вначале Симеон делает все, как надо: учит царских детей риторике, поэзии, пишет сильную апологию воссоединения Руси «Орел Российский».

После этого Симеон начинает открыто пропагандировать «глобальную русскую унию пяти Патриархов во главе с Никоном и Римского Папы», центром которой становится Москва. В контексте миссии ар-

Симеон Полоцкий

химандрита Иоаникия Голятовского по приведению Речи Посполитой к Православию этот проект можно было повернуть как «унию наоборот»: в Москву, к Патриарху Никону, приезжают четверо Восточных Патриархов и Папа, который принимает православную догматику. Вот это было бы торжество Православия и «Третьего Рима»!

Но Симеон Полоцкий имел в виду совсем не это. Он настолько вошел в доверие к царю, что начинает преподавать в Приказе тайных дел, то есть в спецслужбе... астрологию и активно поддерживает Паисия Лигарида в его борьбе с Патриархом Никоном. Теперь стала ясна задача этого глубоко законспирированного высокопрофессионального агента Речи Посполитой – внедриться в «святая святых» русского церковного и национально государственного воссоединения Руси, к арх. Игнатию, архиеп. Лазарю и самому царю Алексею Михайловичу, стать его «антидуховником», поспорить с Патриархом Никоном, сорвать воссоединение, расколоть Русскую Церковь и дестабилизировать Россию. И ему это во многом удалось. Паисий Лигарид был так, «на подпевках», а Симеон попал очень глубоко – к царю и в спецслужбы. С воссоединением Русской Церкви и Руси боролись и борются униатизм и сатанизм!

Это история очень поучительна и поэтому достойна того, чтобы этот человек с раздвоенной личностью, в вере, фундаменте – антигерой и, одновременно, известный русский филолог, чьи работы по риторике легли в основу русского литературного языка, и апологет воссоединения России («Орел Российский») попал на страницы книги, посвященной святым и героям Западной Руси.

Более того, проект «глобальной русской унии» Симеона Полоцкого стал почвой для униатских теорий «двух легких» и для той же «глобальной русской унии»

философа Владимира Соловьева. Эти теории еретичны, но проект «антиунии» с принятием Папой православной догматики перед Всеправославным собором в Москве стал бы отличным ответом на формирующуюся ересь «фанариотского папизма» и униатский проект «Поместной украинской церкви».

В католической среде были стратегически мыслящие люди, которые понимали, что активная фабрикация католической, в первую очередь униатской стороной «мазепинской» «негативной идентичности» в случае ее провала приведет к резкому неприятию католицизма (в воссоединенной Руси «вспомнят все»), и русский католик князь Александр Волконский, тщетно пытаясь остановить самоубийственные действия своего конфессионального руководства, пишет одно из лучших опровержений «мазепинства». Его книга «Историческая правда и украинофильская пропаганда» должна быть настольный у каждого образованного человека*.

* <http://lifeinbooks.net/chto-pochitat/istoricheskaya-pravda-i-ukrainofilskaya-propaganda-aleksandr-volkonskiy/>

Западнорусские идеологи Российской империи и защитники ее православного выбора

В результате частичного воссоединения 1654 года уроженцы Киева и Львова, начиная с XVIII века, сделались хозяевами положения на церковном, научном и литературном поприще России – на рубеже XVIII в. в Русской Церкви было только два архиерея-великоросса. Именно западнорусские православные иерархи становятся идеологами Российской империи. Такое доминирование возможно только при одном условии – малороссы и белорусы считали себя русскими, Россию – своей страной и никаких обособленческих идей в их головах и близко не было, «из-под палки» так не бывает. Именно малороссы во главе с патриаршим местоблюстителем Стефаном Яворским писали текст анафемы Мазепе как Иуде, предателю всей России, в том числе Малороссии и Белоруссии. Владыки Стефан Яворский и Феофилакт Лопатинский пытаются остановить протестантский крен в имперской реформации Петра I, важной предпосылкой которого было отсутствие в руководстве Русской Церкви масштабной личности типа Патриарха Никона, генерировавшего глобальные православные миссионерские и геополитические проекты. Но в своих личных карьерных целях другой малоросс, Феофан Прокопович, поддерживает «протестантский крен», обосновывает ликвидацию Патриаршества и отправляет других малороссов – Стефана и Феофилакта – на дыбу. И все втроем они обосновывают преобразование и провозглашение Русского царства в Российскую империю,

300-летие которого мы будем светло праздновать в 2021 году. Умнейшая дочь Петра Елизавета понимает опасность «протестантского крена», в его преодолении ставит на малороссов и пытается восстановить Патриаршество во главе с великим малороссом святителем Арсением Мацеевичем. Пришедшая ей на смену Екатерина II не сразу воцерковляется и русифицируется и, пока антихристианская французская революция не напугала ее, она успела «наломать дров» с насаждением антихристианского вольтерьянства, немыслимого без уничтожения Церкви. Именно по этой причине она сажает святителя Арсения в тюрьму, но никакой «антиукраинской» подоплеки в этом нет, скорее – антирусская. Равно как и в ликвидации Запорожской Сечи: как писал идеолог «неомазепинства» В. Антонович, пытавшийся придать своим построениям хотя бы видимость объективности, писал о том, что даже если бы украинские нация и государство тогда существовали, они ликвидировали бы Сечь. Запорожская Сечь хороша для охраны границ и отражения государства от набегов, но вредна для любого государства с регулярной армией внутри него: она становится «параллельной» армии структурой внутри страны, то есть незаконным вооруженным формированием. Поэтому Екатерина отдает запорожским казакам, считавшим себя русскими, огромное пространство Кубани и Кавказа для занятия тем, в чем казаки эффективны, – охраной границ. «Мазепинские» и «литвинские» сепаратисты фальсифицируют историю, придумывая любым социальным конфликтам несуществующее этническое содержание. Так можно и стрелецкие казни, и забастовку рабочих Путиловского завода назвать «национальным конфликтом». В противовес насаждению вольтерьянства и масонства малороссийский инок Паисий Величковский поднимает волну возрождения монашеской практики Иисусовой молитвы, что приводит к попытке спасения России и русского народа путем появления старчества,

ученого монашества как альтернативы секулярной либеральной квазиинтеллигенции, «светской» «квазицеркви», ставшей ключевым орудием разрушения России. Вопреки «секулярно-протестантскому крену», российские императоры оставляют своих спецпредставителей по защите прав православного русского народа Западной Руси, оккупированной Речью Посполитой.

Архимандрит Мелхиседек Значко-Яворский, игумен Матренинского монастыря на Черкасчине, поднимает антипольское восстание гайдамаков за воссоединение с Россией, «за матушку Екатерину». Но «матушка Екатерина» была вынуждена дистанцироваться от «гайдамаков»: насчет «уманской резни» в России с ними никто не договаривался. Важно то, что никакого «украинства» там не было и быть не могло, находить его там – фальсификация.

Несколько факторов, таких как французская антимонархическая и антихристианская революция и, главное, наличие в российской имперской элите таких выдающихся личностей, как ставший фаворитом Екатерины князь Г. Потемкин-Таврический, приводят к охлаждению Екате-

Архимандрит Мелхиседек
Значко-Яворский

рины к вольтерьянству, антихристианству, запрету масонских лож, повороту в сторону Церкви и реализации таких важнейших православных русских проектов, как неовизантийский греческий проект Новороссии и воссоединение оккупированных Речью Посполитой западнорусских земель.

Создание и цели Новороссии были направлены

на освобождение Россией православных славян, греков и арабов от иноверных захватчиков. Новороссия была ключевым плацдармом для строительства православной Российской империи, создание Новороссии полными православными цивилизационными геополитическими смыслами. И знаменитый подвиг России по созданию, колонизации, индустриализации и урбанизации Новороссии не может быть должно оценен вне этого контекста. А подвиг этот велик. К моменту создания Новороссийской губернии на большей части ее территории было буквально Дикое поле, земля без оседлой жизни, только в Восточной Новороссии, на Донбассе, земли русских донских казаков были обжитыми и цивилизованными, да Запорожская Сечь, территория русских казаков, которым матушка Екатерина предложила огромные российские границы на Кубани и Кавказе обживать и охранять, веру Православную отстаивать и насаждать, то есть делать то, что они делали всегда. В ликвидации Запорожской Сечи не было вообще никакого национального подтекста, это была православная русская Сечь, которая, оказавшись не на границах, а внутри России, с появлением эффективной регулярной армии потеряла смысл. Так вот, в эпоху Николая I, население Новороссии приблизилось к двум миллионам человек, проводилась грандиозная индустриализация, возникал Донбасс как промышленное сердце России, создавались южные столицы Российской империи: Екатеринослав и Херсон, порты и культурные центры, такие как Одесса с Новороссийским императорским Университетом. Что важно, Новороссия заселялась выходцами из великорусских губерний, совсем немного – из левобережной Малороссии, но в основном великорусских. В Новороссии великорусские крестьяне освобождались от крепостной зависимости: Новороссии были нужны свободные и энергичные люди – строить города, дороги, заводы, верфи. Есть трогательная история об основании горо-

да Николаева, когда в день венчали до 60 пар – крепостных девиц из Костромской губернии ставили на плацу у кафедрального собора, приводили к ним солдат из Калужской, те выбирали невест и венчались. Империя освобождала их от крепостной зависимости и солдатского тягла, давала достойные земельные наделы – строить Новороссию! То есть Новороссия – это великорусская, а не малороссийская земля!

Все было элементом ключевой цели. Новороссия с ее новыми городами, заводами и портами – это плацдарм России для освобождения православных Балкан, Константинополя и Святой Земли от иноверного ига. На эту тему, пророчески анализируя будущее, митрополит Антоний (Храповицкий) писал сто лет назад, что Сирия – вот место для русского хлебопашца и ремесленника, и вот теперь Башар Асад делает русский языком образования в Сирии.

Вернемся в Новороссию. Еще при императрице Елизавете Петровне основана Славяно-Сербия на русской земле донских казаков – Луганщине, где позже Владимир Даль писал свой знаменитый словарь «живого великорусского языка». Славяно-Сербия – это земля для того, чтобы уничтожаемые Османской империей православные братья-сербы временно переселились сюда, отдышались, оставили в безопасности семьи и отправились освобождать православную Сербию!

При Екатерине в Приазовье создается Новая Греция, греки на русской земле создают город Пресвятой Богородицы Мариамполь, то есть Мариуполь, и заселяют Приазовье, чтобы, как и сербы, из православной русской Новороссии сделать плацдарм для освобождения союзной православной России православной Греции. Греческая топонимика появляется и в Южной Новороссии – например, город Овидиополь под Одессой. А чтобы укрепить союз православных народов во главе с православной Россией, в Новороссии создают-

ся столичные города, «южные столицы» Российской империи – Екатеринослав и Херсон. Корабельный цех России – Николаев строится для освобождения православных Балкан и нового Воздвижения Креста над Святой Софией! Создается и «южная Пальмира Российской империи» – Одесса. Одесса – это не только город промышленности и торговли, но и *русской культуры Новороссии!* Здесь создается *Новороссийский императорский университет!*

Пророком Новороссии стал святой митрополит Херсонский Иннокентий, который проповедует сакральные православные цивилизационные смыслы русских Таврии и Новороссии прямо в окопах русско-турецкой войны и сообщает эти смыслы по всей земле Новороссии.

Воином Новороссии стал Александр Суворов, при котором был основан новороссийский город Тирасполь, стратегическая точка старта освобождения православных молдаван, славян и греков.

Другое святое дело, осуществленное Екатериной, это воссоединение в 1795 году большинства западно-русских земель – Белой, Черной Руси, Подолии и Волыни с Россией.

Святитель Иннокентий
Херсонский

Положение православных русских на этих землях стало окончательно невыносимым. За робкое миссионерство (именно робкое миссионерство: это была попытка остановить массовый католический прозелитизм среди русских) был арестован **епископ Переяславский Виктор (Садковский)**, местом пребывания которого был Слуцк.

**Епископ Переяславский
Виктор (Садковский)**

Свое служение епископ Виктор начинал в великом православном западнорусском центре – Могилеве. К сожалению, при Екатерине секулярное наследие было огромным и российская аристократия была в большинстве своим денационализирована и расцерковлена, такие люди, как Потемкин, были в меньшинстве и это привело к колоссальным провалам в политике России. Так, из-за сословной солидарности аристократии вместо того, чтобы вернуть в отчий дом русские земли Холмской, Червонной и Подкарпатской Руси, Россия приобрела себе обузу и «троянского коня» в виде Польши да еще стала заигрывать с ее агрессивно антиправославной аристократией. Если шанс 1795 года был бы использован полностью, то никакого «украинства» и «литвинства» не появилось бы никогда: не было бы для этого плацдарма.

Но воссоединение русских земель 1795 года преобразило Екатерину, воцерковило и русифицировало ее. Она энергично поддерживает исповедника Виктора (Садковского), ставшего

Свое служение епископ Виктор начинал в великом православном западнорусском центре – Могилеве.

К сожалению, при Екатерине секулярное наследие было огромным и российская аристократия была в большинстве своим денационализирована и расцерковлена, такие люди, как Потемкин, были в меньшинстве и это привело к колоссальным провалам в политике

**Киевский митрополит
Самуил (Миславский)**

архиепископом Минским. Он возвращает в Православие полтора миллиона западных русских и, несмотря на то, что великий «русский пророк» М. Коялович считал, что можно и нужно было вернуть больше, архиепископ Виктор достоин канонизации как исповедник и равноапостольный.

Митрополит Киевский Самуил (Миславский), вернувший в Православие полтора миллиона русских Подолии и Волыни, достоин канонизации не менее.

Другом Екатерины II становится великий сын Западной Руси Могилевский архиепископ Георгий Конисский.

Западнорусский апостол святой Могилевский архиепископ Георгий (Конисский)

Родился в Нежине, закончил Киево-Могилянскую академию с «особым отличием», стал ее профессором, знатоком древних и европейских современных языков. Написал драму «Воскресение мертвых», которой восхищался Пушкин, писал стихи на русском, польском и латинском языках. Григорий Конисский преподает риторику, в монашество постригается с именем Георгий. Становится зав.кафедры философии, профессором, затем ректором Киевской духовной академии, выросшей из той, настоящей православной русской «Могилянки».

**Святой архиепископ
Георгий (Конисский)**

Но затем русский Синод отправляет Георгия «на фронт» – на те западнорусские земли, что еще были оккупированы Речью Посполитой. В 1755 году Георгий становится Могилевским архиепископом, единственным православным епископом Белоруссии. Православие было жестко подавляемо на этих землях – только широкое международное признание архиепископа Георгия как поэта, драматурга и философа помешало

властям Речи Посполитой ликвидировать Могилевскую епархию. И Георгий организует мощное «Православное русское сопротивление», проводит «деуниатизацию сознания», запрещая обливательное крещение, создает Могилевскую духовную семинарию и готовит там подобных себе разносторонне образованных пастырей, способных противостоять отлично вышколенным католическим миссионерам.

И этим он приближает великий день освобождения западнорусских земель 1795 года – этого, как и возвращение Таврии и создание Новороссии, святого и великого дела, сделавшего императрицу Екатерину Великой, за что ей простятся такие грехи, как «посадка» святителя Арсения (Мацеевича) и насаждение «секулярного тоталитаризма», этой бомбы, заложенной под Россию. Екатерина в итоге это поняла и максимально помогала св. Георгию возвращать в Православие миллионы людей Западной России.

Но с воссоединением с Россией беды православных Западной Руси, к сожалению, не заканчиваются. Расцерковленная и денационализированная петербургская аристократия знать ничего не хочет о Западной Руси, она симпатизирует аристократии польской, которая пользуется этим и давит православное русское возрождение Западной России. Более того, фабрикует фальшивки, «фейки», на которые Санкт-Петербург, за редким исключением, смотрит сквозь пальцы. Одним из таких «фейков» является «История русов», манифест будущего «украинства», с которым пытались связать имя малороссийского дворянина православного русского святителя Георгия (Конисского).

Публикуется опровержение польской фальшивки – т.н. «Истории русов» – «сатанинской «библии» украинского сепаратизма. Автор этого качественного разоблачения – современный киевский историк Борис Рудницкий. Для Белоруссии это фактурное разоблачение

крайне важно по двум причинам. 1. По таким же лекалам фабрикуются мифы «литвинской самостийности» с целью отделения белорусов от русских. 2. Украинские сепаратисты пытаются приписать авторство «Истории русов» великому святому Белой Руси Могилевскому архиепископу Георгию Конисскому, выдающемуся борцу с тем, ради чего фабриковалась «История русов» – с унией, с «гуманитарными технологиями» Речи Посполитой. Святитель Георгий – убежденный православный ревнитель, миссионер, русский патриот, и публикуемая работа раз и навсегда закрывает любые попытки опорочить имя святителя и навязать миф о его авторстве этой фальшивки.

**«Исторія русовъ или Малой Россіи*» –
первая программа украинизма,
написанная поляками для казачьих дворян**

«История русов», несмотря на свое название, давно уже признана политическим памфлетом, замаскированным под историю малороссийского казачества, и занимает особое место в истории возникновения политического украинства.

Д. Дорошенко писал, что «История русов» получилась не научным историческим трудом, а политическим памфлетом; она очень мало пригодилась для научного исследования украинского прошлого, но помогла пробуждению национальной мысли».

Этот труд оказал на развитие украинства определяющее влияние, и его идеи стали на долгие годы основой идеологических догм политического украинства.

Сторонники украинства пели и поют дифирамбы этому произведению. О ее значении для украинского

* Ссылки и страницы из этого сайта «ИСТОРИЯ РУСОВЪ ИЛИ МАЛОЙ РОССІИ» <http://litopys.org.ua/istrus/istrus.htm>

национализма свидетельствует множество посвященных ей работ ученых, философов, украинских историков, литературоведов, этнографов, культурологов и украиноведов XIX в.: О. Бодянского, М. Драгоманова, О. Лазаревского, М. Максимовича, М. Маркевича, М. Костомарова, П. Кулиша, И. Срезневского; исследователей XX – началу XXI в.: О. Апанович, И. Борщак, Л. Винара, М. Возняка, Л. Горенко, В. Горского, М. Грушевского, О. Грушевского, Т. Гунчака, О. Гуржия, Я. Дашкевича, В. Денисюка, И. Денисюка, Д. Донцова, Д. Дорошенко, С. Ефремова, М. Зерова, М. Кашубы, З. Когута, И. Лысяк-Рудницкого, Ю. Луцкого, Е. Маланюка, Т. Мацкива, Ю. Мицика, О. Мишукова, Д. Наливайко, О. Оглоблина, О. Прицака, Н. Полонской-Василенко, О. Путра, М. Слабченко, О. Стронецкого, М. Сулимы, П. Федченко, З. Хижняка, П. Хропко, В. Шевчука, М. Яценко и др.

Как только ее не называли украинофилы:

«исторической легендой Украины», «политическим трактатом, внедренным в историческую форму» (И. Борщак);

«Первым в XIX в. документом, в котором ясно проведена украинская автономистическая идея., («История русов»...». – Драгоманов («Чудацкие думки»));

«анонимным манифестом украинского патриотизма» – (И. Лысяк-Рудницкий);

«народной исторической думой» (М. Максимович);

«политическим памфлетом» (Д. Дорошенко, Ю. Луцкий);

«историческим синтезом» (Д. Чижевский);

«вечной книгой независимости украинского народа» (Н. Полонская-Василенко); «эпохальным произведением», «одной из величайших памяток украинской духовности, политического и исторического мышления» (В. Шевчук);

«работой малороссийских юристов» (О. Прицак);

«последовательным поборником соборности казачьей Украины» (О. Мишуков);

«одной из виднейших памяток самообороны» – В. Шевчук; и т.п.*

В. Антонович-Джидай в свое время также подвергся влиянию этой истории. Он также считал казаков сословием, в котором сохранились остатки древнерусского уклада. Поэтому, когда он издал в 1863 г. акты о казаках *«за 1500-1648 гг.»*, то представил казаков как потомков древнеславянской общины, которые до Люблинской унии жили под властью Гедиминовичей; уния, дескать, разрушила общину и привела к закрепощению, а реформы Батория (реестр) разделили казачество; восстания же казаков (начиная от Лебеды) были борьбой за общинные начала. Теория подвергалась критике, в частности Максимовичем. Но потом сам Антонович характеризовал эту свою попытку как неудачную.

Итог влияния этой «Истории...» подвел Николай Костомаров, всю жизнь занимавшийся историей Украины: только на склоне лет он пришел к заключению, что в «Истории русов» *«много неверности и потому она, в оное время переписываясь много раз и переходя из рук в руки по разным спискам, производила вредное в научном отношении влияние, потому что распространяла ложные воззрения на прошлое Малороссии»*. Также он отмечал: *«Мне значительно повредило доверие, оказанное таким мутным источником, как “История русов”»*.** Особенно ясно видно влияние этого опуса на Костомарова в его монографии о Мазепе.

* Горенко Л.И. «История русов» как источник культурологических рецензий 80-х годов XVIII – первой половины XIX столетия.

** Костомаров Н.И. Письмо в редакцию «Вестник Европы», т. IV, авг. 1882 г. Костомаров Н.И. Автобиография. К: Изд-во Киевского государственного университета «Львбедь», 1990.

Авторство «Истории русов»

Парадоксально, но автор такого эпохального произведения постеснялся назвать свое имя. А ведь его заслуга в деле оформления будущей «украинской» идеи, как родоначальника, стоит выше деятельности всех идолов украинства.

Сегодня уже установлено, что ни Георгий Конисский, русский культурный и церковный деятель, поэт, автор поэтики, драм, философ, ни Г. Полетька, ни другие помещики-казаки отношения к ее написанию не имеют.

Произведение оставило много тайн, над которыми ломали головы многие ученые, но разгадать их и до сегодня не удалось. Для определения автора надо дать ответы на вопросы: идеологию какой среды он отражал, где и когда произведение было написано, и каковы его источники?

Так как украинофильство возникло на польской культурной и политической почве, то логично предположить, что и данный труд основывается на польской исторической школе того времени.

Не удивительно, что восхищенный этим произведением известный польский ученый В. Мацейовский, перевел фрагменты «Истории русов», и следы ее влияния заметны в произведении Б. Трентовского «Choniann».

Необходимо отметить основные моменты, которые бросаются в глаза при чтении этой «Истории». Это упоминания славян, сарматов, русов, мосхов, доброго польского короля, злых русских-москалей и сентенций, которые не встречаются в казацких летописях, а также прямые фальсификации исторических фактов.

Анализ польских исторических трудов, националистических идей, их освободительных лозунгов, политических идеологем и пр., которыми жило польское

общество в то время, указывает на их тесную связь с идеями «Истории руссов». Ее содержание и идеи, время появления, выбор источников для ее написания, способ ее легализации – все указывает на работу польских конспираторов – шовинистов, которые пользовались трудами и идеями польских и европейских историков.

Правда, и С. Родин в своем анализе отмечает ее польскую направленность, но трактует ее как результат ополячивания русского автора.

О содержании исторических трудов по истории Руси польских и иностранных историков и ученых мы можем прочитать у Д.Наливайко в работе «Глазами Запада...». Из нее становится понятно, почему в Польше пошло увлечение сарматизмом, русами и мосхами, которые упоминаются в «Истории русов».

Сюжет «Истории русов»

«История русов» подает картину исторического развития Малой Руси от древних времен до **1769** года. Согласно общей концепции автора «Истории русов», московские князья – такие же русские князья, как и Великий князь Владимир Святой. С переименованием Царства Московского в Российское оно стало именоваться «Великою Россиею», а земли русских княжеств, находившихся вне ее, – «Чермою и Белою Русью», эти «обе Руси вместе названы тогда Малою Россиею».

Содержание «Истории русов»:

Книга состоит из 3 частей.

Часть I состоит из Предисловия и Глав I-V.

Автор «Истории русов» пишет, что **«История Малой России до временъ** нашествия на нее Татаръ, съ Ханомъ ихъ Батьемъ, **соединена съ Исторією всея Россіи, или она-то и есть единственная Исторія Россійская»**. Т.е. История России вне Малой Руси уже не относится к истории русского народа.

Описывается история Малой России от первого гетмана Лянцкоронского до гетмана Богдана Хмельницкого и похода польского короля Яна Казимира в Малороссию.

Часть II состоит из Глав I – V.

Описывается история Малой России от подписания Зборовского трактата и до ссылки в **Сибирь гетмана Самойловича**.

Часть III состоит из Глав I – V.

Описывается история Малой России от избрания Мазепы гетманом до царствования Екатерины II.

Заканчивается книга 1769 годом, началом русско-турецкой войны 1768-1774 годов.

В книге **«История русов»** история Руси и русов, а в главах, посвященных событиям начиная с конца XVII века, – также «Малой Руси – Малороссии» излагается с позиций воспевания казачьего прошлого, оплакивается утраченная «казачья вольность».

По присоединении к Литве в Малороссии сидели наместники-князья «из русской породы», а когда «пресеклась мужская линия Князей Русских», их преемниками явились выборные **«Гетманы Русские»**, преемство которых «История русов» ведет до Богдана Хмельницкого включительно. Утверждается, что казачество – военное сословие Малороссии, соответствующее польской шляхте и русскому шляхетству, то есть дворянству. А если это так, оно должно было держать в своих руках судьбы своей страны и власть «правительства» в ней. Это-то казачество и вступило в **1654** году в договор с царем Алексеем Михайловичем. Оно выговорило себе и **«своей стране»**, а не запорожскому войску, определенные права и автономии Малороссии, в которой оно было правящим классом. Этот договор

был закреплен присягою московских послов «от лица Царя и Царства Московского о вечном и ненарушимом хранении условленных договоров»*. Центральная фигура «Истории русов» – Богдан Хмельницкий, которого подают как государственного деятеля, который освободил Русь и возвратил ей «независимость», а **акт 1654** года рассматривается мифическим автором как предательство.

Также автор уделяет значительное внимание восстаниям русов против польской власти (в том числе выступлениям русских шляхтичей Северина (Павла) Наливайко и атамана Острянина (Якова Остряницы)), сопротивлению Брестской унии, гетманству Ивана Мазепы, описывает взятие Батурина, Полтавскую битву, казни казаков в Лебедине, аресты казаков и старшин, трагическую судьбу гетмана Полуботка и Гетманщины.

В дальнейшем автор освещает главные события **эпохи Петра I, поведение И. Мазепы**, установление и деятельность Малороссийской коллегии (с **1765 г.**) и назначение П. Румянцева генерал-губернатором.

И вот все эти события автор преподнес как историю **некоего казачьего государства** и с позиции философии польского сарматизма постарался согласовать ее с польской ягелоннской идеей.

Польские следы. Идеология ИР. Польское название «История русов»

Русь и русы

Название этой «Истории...» ставит в тупик современных украинских историков. Антирусская «История русов» упорно держится «москальского» названия. Автор ведет полемику с каким-то школьным деятелем, которым «**въ одной учебной исторійкѣ**» выводится

* Иван Лаппо. Происхождение украинской идеологии Новейшего времени.

на сцену изъ Древней Руси, или нынѣшней Малоросіи, новая нѣкаясь земля при Днѣпрѣ, **названная тутъ Украинною**, а въ ней заводятся Польскими **Королями новыя поселенія и учреждаются Украинскіе козаки**; а до того сія земля будто была пуста и необитаема, и Козаковъ въ Руси не бывало».

Но все объясняется просто, если взять во внимание, что за триста лет польского господства на территории появилась многочисленная прослойка польско-русской шляхты – русского дворянства, перешедшего в католичество и породнившегося с польской знатью. Появилась теория единства польско-русского народа: “Gente Ruthenus natione Polonus” – народ русский нации польской.

В то время все население Южной Руси называлось русинами, и в **XVI в.** была русская школа в польской литературе. Ее родоначальниками были выходцы из смешанных дворянских польско-русских семей, которые не отрекались от своих русских корней.

Начало этому направлению в польской литературе **XVI в.** положил выходец из Галицкой земли – Станислав Ореховский (Ожеховський)-Роксолан (**1513-1566**), сын мелкого польского шляхтича «герба Oksza», прибывшего из Западных земель Польши в XIV в. на Русь, ибо «притягивала урожайная земля, и **женился на русинке** и получил в собственность село Ориховницю».

Этой русинкой, родившей Станислава, была дочь священника русского – Ядвига Баранецкая, и ей, матери своей, Станислав «обязан близкими отношениями с русинами, пониманием их интересов».

В Западной Европе его величали «**рутенским (руским) Демосфеном**», сравнивали с Цицероном. Родился он в г. Перемышле. После школы продолжал образование в Краковском, а затем в Венском университетах. После переезда в Виттенберг (**1529**) попал

под влияние Мартина Лютера. В своих трудах выражал симпатии к Православию, оставаясь католиком. В книжке «*Baptistum Ruthenorum*» («Крещение русинов») развивал **идею унии католической и Православной** Церквей. Он неоднократно подчеркивал важность для государства сохранения принципов толерантности и установления равных прав для всех подданных монарха без разницы веры. На упреки католиков о православном происхождении его матери он отвечал, что это вера родителей, где каждый человек имеет право подражать ей. Папские запреты, навязывание людям веры силой рассматривал он как явление хуже, чем турецкая угроза, поскольку турки, захватывая территории, не запрещали исповедовать свою веру, тогда как римская Церковь в Польше лишала жителей этого права и распространяла самую коварную ложь. В своих работах С. Ореховский гордился своей принадлежностью к «русинам», считал себя **русского народа нации польской** – “**Gente Ruthenus natione Polonus**”, и призывал короля защищать Русь от татар, выступал в защиту Руси от турецко-татарских вторжений.

Ему принадлежит фраза «**Ruthenorum me esse et libenter profiteor**» – **«Я из русских, о чем говорю охотно и с гордостью»**. Свои произведения часто подписывал двойной фамилией – «Ореховский-Роксолан» или «Ореховский-Русин».

«Я русин, – писал он, – и этим горжусь и охотно об этом заявляю, помня о своем роде и русскую кровь, о месте, где родился и вырос». Нет ни одного произведения и письма, в которых бы Ореховский-Роксолан не счел нужным напомнить о своем русинском происхождении, о том, что **он представитель русского народа польского государства, а не поляк**. Одновременно с уважением он относился к другим народам, называл дикарями, ничтожествами, бесстыдник тех, кто пытался натравить русина на поляка, а поляка на русина. При каждом удобном случае Станислав

Ореховский-Роксолан напоминал королю о злочлечениях родного народа, убеждал короля стать защитником Руси, заботиться о приверженности русского, прислушиваться к его просьбам.

Свои труды Ореховский писал на латыни и частично на польском языке, который только входил в обиход в качестве литературного и государственного.

Как защитник шляхетских привилегий и идеологии, он последовательно доказывал, что реальная свобода граждан – шляхты (кроме крепостных. – авт.) возможна только за счет правовых регламентаций власти.

Само общество он разделял на шесть состояний: **короля, шляхту, ксендзов, купцов, ремесленников и крестьян.** Ореховский отмечал, что управление государством может принадлежать только трем первым состояниям, поскольку они свободные граждане, хозяева, тогда как три последних состояния полезны, слуги, отмечая при этом, что только согласие состояний является условием любой идеальной жизни. Кстати, именно эта идея является ведущей в концепции высшей касты, «лучших людей» Д. Донцова. Ореховский стал видным деятелем культуры эпохи Возрождения, творчески используя и пропагандируя античное наследие: произведения Гомера, Платона, Аристотеля, Демосфена, Аристофана, Цицерона. Поддерживал отношения с выдающимися гуманистами и культурно-образовательными деятелями Западной Европы, где Ореховского-Роксолана называли «русинским Демосфеном», «современным Цицероном». Владел древне-греческим, древнееврейским, латинским, большинством западноевропейских языков, хорошо знал польский и русский языки.

Значительными произведениями Ореховского-Роксолана считаются «О турецкой угрозе» (две речи “Turcica I et Turcica II”) на латинском языке, изданная краковским издателем Гиеронимом Виктором в 1543 и 1544 гг., «О целибате» (“Epistula de coelibata”),

«Отступничество Рима» (“*Lepudium Romee*”), «Напутствие польскому королю Сигизмунду Августу» (“*De inettitutione regis Polonie*”), «Хроника» (“*Annalles*”), в которой изложил историю Польши, «Речь на похоронах Сигизмунда I» (“*Oratio habita in Aunere Sigismundi*”), «О естественном праве» (“*Die jura naturale et gentium*”). Эти работы пользовались популярностью в Западной Европе, неоднократно переводились. Отдельные работы переиздавались в Польше в 1805 и 1891 гг. **Умер в Перемышле в 1566 г.**

К русскому народу относил себя и поэт **Павел Русин** (ок. **1470-1517 гг.**). Польские исследователи трактуют его как **польского литературного и культурного деятеля**. Учился в Краковском (с 1491 г.) и Грейфсвальдском (Германия) университетах. В последнем (с 1499 г.) работал бакалавром свободных искусств. В **1506 г.** переехал в Краковский университет, где преподавал римскую литературу. Некоторое время учительствовал в Венгрии. Писал стихи на латыни. Впервые опубликовано в изд.: “*Pauli Crosnensis Rutheni atque Ioannis Visliciensis Carmina*, ed. W. Kruczkiewicz. Cracoviae, 1887”.

Павел Русин, католик, издал в **1509** в Вене сборник своих стихов с длинным названием «Павла Русина из Кросна, магистра свободных искусств и очень приятного поэта, панегирики к божественному Владиславу, найзвитяжнишому королю Паннонии, святому Станиславу, знаменитому епископу и мученику Польши, и много других песен в дополнение, составленных не без большого удовольствия».

В Элегической пентаметре к Деве Марии, чтобы прогнала лютую чуму» поэт подробно описывает чуму, утверждая, что если не придет на помощь Богородица, на свете не останется ни одной живой души.

Русская школа в ренессансной польской литературе связана также с поэтами Себастьяном Кленовичем и Шимоном Шимоновичем.

Они были создателями польских сонетов, в которых цитировали русинские песни, использовали русинские сюжеты.

Себастьян Фабиан Кленович (польск. Sebastian Fabian Klonowic; Klonowicz; ок. **1545 – 29 августа 1602, Люблин**) – польский писатель последней эпохи «золотого века».

Заведовал Академией в Замостье, был войтом и бурмистром в Люблине. Писал по-латыни и по-польски. На латыни написана «Roxolania» (**1584**) – описание Червонной Руси гекзаметром (на польский язык оно переведено Л. Кондратовичем).

Шимон Шимонович (1558-1629) родился во Львове, окончил Краковский университет. Написал сборник «Идиллии», «Крестьянки» и др.

Сегодня слово “ruski” в польском языке носит ругательный характер и потому удалено из литературной лексики. Его можно встретить только при описании реалий земель нынешних Украины и Белоруссии в прошлых веках.

Поляки принципиально признавали русами только население Волыни, Подолии и польской Украйны, Белой Руси, Красной Руси, но не русских московитов-москвичей, москалей России.

Население Московского государства поляки всегда называли по-латыни «москалями» и «московитами» (в переводе с польско-латинского – «москвичи» – авт.), или позже «россиянами» (“rosjanie”), а Россию – Московией. Это повелось еще с тех пор, когда научным языком Польши был латинский язык, – до XVI в.

Именно борьбой за наследие Киевской Руси объясняется упорное нежелание поляков признавать за Москвой русское происхождение. Поляки и сегодня считают, что «россияне» не могут иметь отношения к русским землям польских кресов. Этническая граница россиян проходит по западным границам бывшей

Речи Посполитой, то есть по восточным границам нынешней Белоруссии и по Днепру.

Для автора «Истории...» принципиально и название местного населения – русы. Он называет население русами и не признает украинцев, что ставит сегодня в тупик как украинофилов, так и их противников. Дело в том, что название местного населения русами было важной частью традиционных польских освободительных идеологических постулатов, которых все поляки, если они патриоты, обязаны были придерживаться. Малейшие отступления от этих догматов вызывали резкую отповедь и порицание отступников. Неудивительно, что под анонимными «школьными писателями», скорее всего, подразумевался Т. Чацкий, украинская версия которого встретила негативную оценку со стороны автора «Русов». И, как видно из трудов польских историков, население будущей Украины они, следуя исторической правде, называли русами.

«Мосхи»

Великороссы для поляков с XVI в. – это «мосхи» – **«моски»**, которые ведут свою родословную от польского историка **М. Меховиты**. Народ этот, в отличие от других перечисленных, произошел не от князя Руса, внука Афетова, и называли его не **«по Князю Русу**, Роксоланами и Россами, а по Князю **Мосоху, кочевавшему** при рѢкѢ МосквѢ и давшему ей сие название, Москвитами и **Мосхами**: отъ чего впослѣдствии и Царство ихъ получило название Московскаго и наконецъ Россійскаго.

Но часть Славянской земли, отъ рѢки Дуная до рѢки Двины и отъ Чернаго моря до рѢки Стыра, Случи, Березины и Донца, и СѢви лежащая, получила название Русь, а народъ, на ней живущій, названъ Русами и Русняками вообще».

Московиты, или мосхи из кочевой орды, ничего не имеют общего с русами Литвы, и история их государства, получившего название Московского, совершенно отлична от истории государства русов.

После раздела и присоединения Польши к России говорить об **москах-мосхах** открыто поляки не рисковали, но в своем кругу и в Галиции, в литературе это явно и скрыто утверждалось. В «Истории русов» были использованы и прямые указания, и приемы умолчания по этому вопросу. Автор «Истории русов», как и все поляки, **знает Русь только в Литве и Польше**.

Поэтому, в полном соответствии с польской традицией, название «русских» автор сохраняет только за жителями Малороссии-Руси, присваивая остальным имя «московцев», а России – «Московии».

От Укров до Украинцев

По мере ополячивания шляхты и появления после Люблинской унии 1569 года польской Украины на новых восточных границах, начали появляться теории об особом народе польской Украины – украх.

Основатель Кременецкого лицея Фаддей Чацкий в книге “O naswisku Ucrainy i początku kosaków” – выводит **украинцев от укров**, которые были будто бы дикой славянской ордой (“horda barbarzynskich Slowian”), пришедшей на Днепр из Заволжья в первые века н.э.

А украинцами для поляков в то время были только те поляки, которые проживали на польской Украине. В польской литературе возникла так называемая «украинская школа», представители которой воспевали казачество, Волынь, Подолье и Украину как часть польской территории, выдавая при этом ее жителей за особую ветвь польской нации. Появился даже специальный термин – «третья уния» – поэтическая.

Ярким представителем такого поколения польских укрофилов был Ф. Духинский, который придумал

теорию о «туранцах». Вот как о нем пишет И.Л. Рудницкий: «Францишек Генрик Духинский **родился в 1816 г.** в обедневшей польской шляхетской семье на Правобережной Украине. Учился в средних школах в Бердичеве и Умани, которые принадлежали орденам кармелитов и василан соответственно.

В 1834 году поселился в Киеве, где на протяжении следующих двенадцати лет зарабатывал на проживание учительствованием в семьях польских аристократов. В автобиографическом отступлении в одном из своих произведений Духинский отмечал, что в юности наибольшее влияние на него имело польское восстание, которое взорвалось в **1830-1831 гг.**, т.е. когда ему было только тринадцать лет. Но, писал он, «с того времени живем войной [против России] и Русью [т.е. Украиной]». Он был твердо убежден, «что Русь (Украина) – это более сильная и доблестная Польша и что [будущее] польское восстание не будет иметь успеха, если не начнется на Руси (Украине)».

В 1846 г. он нелегально выехал из Российской империи. Прибыв в Париж, Духинский сблизился с «некоронованным королем польской эмиграции» князем Адамом Чарторыйским. Духинский принадлежал к кружку «украинских» сотрудников князя Чарторыйского. Двумя другими членами кружка были Михаил **Чайковский (1804-1886)** и **Ипполит Терлецкий (1808-1888)**. Как и Духинский, они происходили из правобережной польско-украинской шляхты и придерживались выразительной украинофильской ориентации.

Во время революции **1848** года Духинский был представителем Чарторыйского в Италии, а также ездил в Сербию. В **1849 г.** он прибыл в Стамбул, где оставался вплоть до **1855-го**. Именно тогда, в **1849 г.**, у Духинского возникла идея создать украинский журнал, который оказывал бы содействие **украинско-польскому сотрудничеству** против России.

Тем не менее, князь Чарторыйский отказался поддерживать этот план.

Духинский объяснял польско-русский конфликт с расовой точки зрения. Для него Польша представляла арийскую расу, а Московщина-Россия – туранскую.»*.

Русь, по его словам, представляет простую ветвь, разновидность народа польского; у них одна душа, одна плоть, а язык русский (польский суржик) – только диалект, провинциальное наречие польского языка. Русь – это галицкие русины и малороссы, которые только и достойны называться русским именем, тогда как современные русские присвоили это имя незаконно и в старину назывались московитами и москалями. Именно Духинский является автором теории не только «туранства», но и «москальства» великороссов. Последних он ни за что не хотел называть русскими и требовал, чтобы они «*nie Rosyanami, nie Ruskiemi, nie Rusinami, a prosto Moskalami zwani byli*», ибо «*Moskale uzywaja (используют) nazwy Rosyan, Rusinow, Ruskich, jako jednej z glownych broni (орудий) przeciwko (против) Polsce*»**.

Автор «Истории русов» задолго до Н. Костомарова называет русин «нацией малороссийской», а в качестве одного из признаков неродства русских и малороссов приводит абсурдный аргумент, что вера русов и русских разная: «А вер у них (москалей-мосхов. – авт.) столько, сколько слобод и в них домов, а нередко и в одном доме несколько их вмещается, и одно **семейство от разноверства не может вместе ни пить, ни есть из одной посуды**».

При этом «москальи» считались не славянами. И этого предрасудка придерживались многие видные польские писатели, историки, поэты, в частности А. Миц-

* Иван Лисяк-Рудницький. Францішек Духінський та його вплив на українську політичну думку.

** «Do zradu narodowego powstania», Pisma Franciszka Duchinskiego, том III, стр. 283-4, Rapperswyl, 1901-1904.

кевич. Так, по делу Кирилло-Мефодиевского братства в **1847 г.** проходил дворянин-славянофил Чижов, который за границей встречался с А. Мицкевичем и вел с ним дискуссии на темы славянства. О чем он оставил в своем дневнике записи. Прочитав их, следователи сделали следующий вывод: «Напротив того, с Мицкевичем Чижов имел не столько дружбы, сколько споров, ибо Мицкевич в своих лекциях о славянских племенах **вовсе не упоминал о русских**, а Чижов несколько раз ходил к Мицкевичу именно с тем, дабы доказать, что, рассуждая **о славянах**, несправедливо и невозможно забывать о столь могущественном племени, **как русские**».

Эти воззрения сохранились в части польского общества и украинских националистов до сегодняшнего дня.

Такое же неприятие автора и к обозначению Руси Украиной. Он принципиально отвергает название украинцев, усматривая в его использовании слепое следование «бесстыдным и злобным Польским и Литовским баснословцам», коими намеренно «выводится на сцену из Древней Руси, или нынешней Малороссии, новая некая земля при Днепре, **названная ... Украиной**».

Украиной и украинцами поляки называли только поляков, проживающих вдоль Днепра. Это была такая же область, как и Волынь и Подолия.

В договорах и «привилеях», которые подписывала Польша с Литвой, фигурировала только Правобережная Русь, которая добровольно входила в состав Литвы. В них не упоминалась Украина. Поэтому размещать там вместо нее польскую Украину, которой не было в Литве, означало отдать название Русь России. А следовательно, признать Россию наследницей Древней Руси. А это означало перечеркнуть условия Люблинской унии и отказаться от наследия Литовского кня-

жества на земли Руси, отречься от польской политико-исторической традиции.

А если признать еще и русинов Юго-Западного края украинцами, термином, которым назывались местные поляки, тогда, само собой разумеется что единственными наследниками русской Литвы становятся москали, жители России.

1. История Киевской Руси

Автор «Истории русов» **в изложении** истории Киевской Руси снова следует **польской исторической традиции**. Автор, в стиле польского историка М. Меховиты, также излагает ее кратко. Как пишет Д. Наливайко в «Трактате о двух Сарматиях» (“Tractatus de duabus Sarmatiis Asiata et Europea”, 1517) Меховита дал только **общий схематичный очерк истории Киевской Руси, к тому же не свободный от неточностей и искажений. Но при всем этом этот очерк стал заметной вехой в процессе знакомства Западной Европы с историей Киевской Руси, привнеся определенную концепцию.** Суть ее в том, что история Киевской Руси связывается Меховитой с Южной Русью, т.е. с исторической областью ВКЛ, и выступает как ее непосредственная история, но не относится к России»!

Поэтому автор «Истории русов» пишет, что **«История Малой России до времени** нашествия на нее Татаръ, съ Ханомъ ихъ Батыемъ, **соединена съ Исторією всея Россіи, или она-то и есть единственная Исторія Россійская».**

И следует сказать, что этой же исторической модели придерживались многие авторы западноевропейских литературных памятников XVI-XVII вв., которые писали о восточнославянском мире: экскурсии в историю Киевской Руси появлялись в них обычно не в главах о «Московии», а в разделах о «Руси», т.е. о ВКЛ.

«Трактат о двух Сарматиях» Меховиты оставался на Западе одним из важнейших и самых распространенных источников о Южной Руси.

Сведения из раздела «О движении» будут повторяться во многих западных описаниях, реляциях, трактатах, космографиях т.д. вплоть до второй половины XVII ст. Даже в таких относительно поздних изданиях, как «Трактат о Польском королевстве» Ж. Лабурера, как космография итальянского историка и писателя Н. Бизаччиони или аналогичная работа английского ученого П. Гейлина, нетрудно найти прямые заимствования из произведения Меховиты*.

В свою очередь, работы польских историков легли в основу важного направления польской политики, которое получило название ягеллоновского. Это еще раз указывает на польскую основу в написании этого произведения.

2. Поэтому, как всякий польский историк, автор всю «Историю русов» свел к истории казаков Малой Руси.

Польское казакофильство есть феномен, который объединяет не только литературу, политическую программу и фантазирование, но и **зародыши национализма и нациотворчества.**

Это также в духе польской исторической традиции. Ведь Московиты, по польской версии, к Руси не имели отношения. А «кровные» полякам южнорусские казаки, возникшие во времена Польско-Литовского государства, в свою очередь, воспринимались поляками, как неотъемлемая часть польской истории.

Хотя автор и утверждает, что поляки не имеют отношения к появлению казаков, но признает, что «**Равно и мнѣніе Польскихъ историковъ, приписующихъ заведение Козаковъ ихъ Королямъ, касается только до холостыхъ Запорожскихъ Козаковъ, собравшихся въ низу Днѣпра изъ Рускихъ охотниковъ, о коихъ**

* Там же.

Исторія пространно повѣствуетъ». До этого казацкие летописи скромно писали о казаках, но не обо всем народе русов.

Утверждая происхождение названия казаков, автор снова пользуется трудами польских историков. «Такимъ образомъ и Рускіе воины назвались конные Козаками, а пѣшіе стрѣльцами и **сердюками**, и сіи названія суть собственныя Рускія, отъ ихъ языка взятыя... а Козаки и Козаре, по легкости ихъ коней, уподобляющихся **козъему скоку**» (стр.19-20). Такой вывод названия казаков от коз также присущ польским историкам.

Поляки (Павел Пясецкий и Коховский Иероним Веспасиан) первыми выдвинули эту версию, находя сходство в созвучии слов «**козак**» и «**коза**», объясняли, что казаками назывались те люди, которые на своих лошадях были быстры и легки, как козы*.

Эта польская версия получила распространение среди европейцев. Так, у Жана Расина, великого французского драматурга эпохи классицизма (1677 г.) вызвали

* Piasecki Paweł *Chronica gestorum in Europa singularium*, вид. 1648 с. 172.

<http://www.pbi.edu.pl/show.php?pub=41409&page=1>.

Павел (Пясецкий) – епископ перемышльский (1579-1648), иезуит, автор известного сочинения на латинском языке "Chronica" (1645 год). (*Chronica gestorum in Europa singularium*). Польский перевод его вышел в Кракове в 1870 году; на русском языке отрывок из "Chronica" напечатан в "Русском Архиве" и полное извлечение о Смутном времени – в "Памятниках древней письменности", т. 68, 1887 год (перевод архимандрита Леонида).

Коховский Иероним Веспасиан (Kochowski), герба Нечуя (Nieszuja) – известный польский поэт и историк (1630-1699), образование получил в иезуитской коллегии в Сандомире и в Краковской академии; служил на военной службе, потом был подкоморием краковским; получил от короля Яна-Казимира почетный титул историографа (urzuwilejowany historyjograph). Писал по-польски и по-латыни. Важнейшие произведения Коховского: а) поэтические – "Niegróz nujase pro żnowanie" (Крак., 1674, 1681 и 1859), "Fraszki" (то же), б) прозаические: "Annalium Poloniae climacter I" (Крак., 1683, 1688 и 1698 гг.; есть польский перевод) и др. Исторические труды Коховского, помимо своего непосредственного значения, представляют значительный интерес для ознакомления с состоянием польской научно-исторической мысли в XVII в. Лучшее исследование о Коховском – Грабовского, в "Studyi nad literatur. polsk. XVII i XVIII w." (Варшава, 1871).

интерес запорожские казаки и их происхождение. Среди черновиков его исторического произведения сохранился фрагмент, где он толкует этот вопрос, опираясь на рассматриваемый выше «Трактат о Польском королевстве» Ж. Лабура. Объясняя этимологию слов «запорожские казаки», он говорит, что слово «казак» происходит от славянского слова «коза», а «запорожец» – от слова «пороги» (les escueils).

Казачество для таких польских мыслителей и деятелей конца XVIII и начала XIX ст., как **Коллонтай и Сташиц, Немцевич и Лелевель, было не только весомой составной** частью истории давней Речи Посполитой, но и центральным, поучительным субъектом ее истории. Основная причина упадка Польши, ее разделов и ее окончательного исчезновения с карты Европы виделась ими не в жесточайшем гнете шляхтой русского крестьянского населения и казачества, а в неразумном, несправедливом отношении к свободолюбивой козатчине, в превращении естественного союзника в упорного врага.

Увлечение казачеством было повсеместным в польском обществе и наблюдалось даже у магнатов. Так, **князь Август Яблоновский**, стал «**князем Николаем**» и носил хохол, организовал своих крепостных в малое казацкое войско (которое после восстания **1831 года** разоружила и распустила русская армия).

Михал Чайковский, как и его современник Духинский, определенной мерой и Генрик **Жевуский**, говорят о возможности **какой-то новой** (и потом – таки осуществленной) **польско-украинской политической формации** на территории Правобережной Украины*. Все эти идеи потом были положены в основу создания новой нации – украинцев.

Представителями провинциальной польско-украинской литературы с казачьим направлением были поэ-

* Rudnytsky Ivan L. Franciszek Duchinski and His Impact on Ukrainian Political Thought // Essays in Modern Ukrainian History. – Cambridge, Mass., 1987. – P. 187-201.

ты: **Е. Галли, М. Гославский, О. Гроза, М. Езерский, Т. Заборовский, Е. Изопольский, Т. Кшивицкий, Т. Олизаровский, Т. Падура, которых сегодня стыдливо замалчивают историки украинской литературы.**

Но выпячивание роли казачества в истории Руси было необходимо автору по нескольким причинам. Во-первых, таким образом он уходил от проблемы исчезновения русского дворянства на территории Южной Руси.

Затем надо было доказать юридическое право казаков на договоры с Польшей как правопреемников политики Литовского княжества, и для этого автор должен был возвести их в дворянское и рыцарское достоинство. Иначе на каком основании польская шляхта снизошла до переговоров с ними в дворянской Польше? Не могли же польские короли вести дела с «быдлом» и разбойниками, которых они четвертовали, сажали на колы, жгли на кострах?! Здесь автор превзошел все мыслимые рамки приличия. Но что не сделаешь, чтобы обелить и спасти Польшу!

С другой стороны, это была лесть казачьей верхушке, которой предлагали в будущем устроиться в Польше на правах шляхты. А накануне польского восстания 1831 года она должна была понять, что Польша сделала выводы из прошлых ошибок. К тому же автору необходимо было внушить им, что они почти что великие государственные деятели, которые имели вес в Польше и среди других государств.

Польский историк Папроцкий впервые сравнивает казаков с рыцарями в **произведении 1575 г.** И с тех пор это сравнение гуляет по всем козакофильским произведениям и было взято за основу в «Истории русов». Как Тацит в свое время противопоставлял германцев римлянам, так и Папроцкий пытался образумить свою шляхту своими произведениями. **Новая жизнеутверждающая среда, по его мнению, это – рус-**

ская, казацкая. Погрязшие во внутренних распрях поляки, по его словам, и не подозревали, что много раз были спасены от гибели этим окраинным русским рыцарством, отражавшим, подобно крепостному валу, напор турецко-татарской силы. Не надо удивляться пропаганде русской среды, так как поляки считали русов ветвью поляков. **Папроцкий** восхищается доблестью этого рыцарства, его простыми крепкими нравами, готовностью постоять за веру, за весь христианский мир.*

«Духовенство, выходя изъ рыцарства по избраніи достойныхъ, отдѣлялось только на службу Божию, а по земству имѣло одно съ ними право», «**Рыцарству же Рускому, віосками и околицами мѣшкающему, мѣти права свои и свободы на добра и набытѣя зупельне, якъ се установлено шляхетному Рыцарству Польскому, зъ якимъ едночитися** тымъ, якъ зъ равными», «Воеводства Рускія зъ **рицерствомъ** и народомъ тутешнимъ поставляемъ» (стр.8) и т.д.

Будь казаки шляхтичами с незапамятных времен, зачем бы им было в **XVII и XVIII** веках добиваться шляхетского звания?

3. Сарматы и Мосхи. Философия сарматизма

При чтении «Истории русов» бросается в глаза, что автор – ярый приверженец *польской* идеологии сарматизма. Он применил политическую платформу сарматизма для казачьих дворян так, чтобы она не противоречила ягеллоновской политической традиции, а значит, и польским интересам.

В Польше с **конца XVII до XIX века** был период так называемого «сарматизма» – идеологии шляхетских традиционалистов, нашедшей свое выражение

* «Do Polakow». Перепечатано П. Кулишем в приложении ко II т. его «Истории воссоединения Руси», из редкого издания, вышедшего в Кракове в 1575 г.

в идейно-литературном направлении, известном под названием «**сарматизм**» (от античного наименования Польши – «Сарматия»). Отождествлять славянский мир с сарматами было принято еще в раннем Средневековье, на основании трудов Птолемея. «Благодаря огромному авторитету «Географии» Птолемея наиболее распространенным ренессансным названием юга Восточной Европы было «Сарматия», в которую включали еще Польшу, Литву и «Татарию»; за ее западную границу считалась граница Польши с Германией, а восточная ее граница терялась в беспредельности азийских степей. Вдобавок, снова-таки за Птолемеем, Сарматия разделяли на Европейскую и Азийскую, разграничивая их Танаисом (Доном), который считался границей между континентами».

В основе сарматизма лежало возвеличение шляхты, безоговорочная защита шляхетского духа, шляхетских «доблестей», шляхетского господства, превознесение Польши.

Однако отношения польского «сармата» и его республики не касались и, даже более того, не «снисходили» до простолюдинов. Шляхта старалась не иметь ничего общего со своими «хлопами», и выводила свои родословные от сарматов.

Характерными чертами этой идеологии были идеализация устройства Речи Посполитой (в частности, права «либерум вето», исключение любой мысли о возможности его изменения), самодовольство, восхваление шляхты как сословия, якобы представляющего **весь народ**, нетерпимость к другим религиям, народам, пренебрежительное отношение к чужим странам, к «чужим» наукам.

Сарматизм представлял собой догматически-мифологическую основу, на которой сформировалась национальная идеология польского дворянства. Поиск исторических корней и древних предков приводил не только к идеализации «золотого века», но и к освя-

щению политической традиции, которую польские «сарматы» выводили из римского республиканского устройства. Это было выгодно и политически, ведь сарматы древнее русов из «Повести временных лет».

Для польского «сармата» иерархия элементов национальной самоидентификации выстраивалась в сфере отношений «шляхтич – государство»: это идеалы «золотой вольности», шляхетской чести, сословной избранности, слитые воедино с национальной религией – польским католицизмом. В это время родились такие выражения, как **«Польша держится беспорядком»** и **«при королях саксонских ешь, пей и распускай пояс»**.

Народ осознавался как «гражданское общество» шляхтичей-сарматов, наделяемое феодально-сословными чертами. Именно этот «народ» имел полное право считать большую часть своих соплеменников «хлопами», «быдлом», «песьей кровью». Даже поляк-иезуит Петр Скарга, один из разработчиков польского проекта-унии, яростный гонитель и ненавистник Православия и русской народности, признавал, что нигде в мире помещики не обходятся более бесчеловечно со своими крестьянами, чем в Польше. «Владелец или королевский староста не только отнимает у бедного хлопа все, что он зарабатывает, но и **убивает его самого**, когда захочет и как захочет, и никто не скажет ему за это дурного слова».

Со второй половины XVII в., когда явственно обозначается упадок Речи Посполитой, сарматизм становится способом маскировки собственной слабости. Идеями сарматизма проникнута вся литература второй **половины XVII в.**

«История русов» переполнена упоминаниями о сарматах, сарматских князях и т.п.: «Народъ Рускій... отъ единого корене **Славянского альбо Сарматского произшедшій**», «отъ одной крови нашей Сарматицкой, пороженцы». «Восточныхъ

Славянь называли..., Полуденныхъ Сарматами по острымъ ящуринымъ глазамъ съ прижмуркою», «истиннымъ Рускимъ Княземъ нашимъ, завоевавши ихъ своей несытости, привлащали и подчинили истинныя съ древнихъ вѣковъ земли и провинціи **Сарматскія** альбо Козацкія, наши Рускія» «утвержденіе за нимъ **потомственного Гетманства**, съ титуломъ и достоинствомъ владѣтельнаго **Князя Сарматскаго**», «Народъ Рускій и земля его... Зборовскимъ трактатомъ положеннымъ, да пребудутъ вольными, отъ самихъ себя и правительства своего зависимыми и въ совершенной **едности и равенствѣ съ народами Польскими**, яко отъ единого съ ними племени **Сарматскаго** происходящими», «признается онъ самовластнымъ Княземъ Рускимъ или **Сарматскимъ**», «Хмельницкаго провозгласилъ его Княземъ **Сарматскимъ** и Гетманомъ Козацкимъ», «Юрія Хмельницкаго, бывшего нѣсколько разъ въ Малоросіи Гетманомъ, и объявилъ его Княземъ **Сарматскимъ** или **Малоросійскимъ** и Гетманомъ Козацкимъ», «отослали обратно въ Эдикуль Цареградскій, изъ котораго, по времени, произведенъ онъ изъ Князей **Сарматскихъ** пономаремъ Греческой церкви» и т.д.

Это только казаки «отъ насъ, **Савроматовъ** и Русовъ уродившись», ««извѣстные всему свѣту, Славяне или **Савроматы** и Русы», для него есть народъ русский, рыцари и т.п., но не русские крестьяне.

Но «Литовская Метрика» русские летописи, польские хроники и прочие источники **даютъ в достаточной мере ясную картину происхождения подлинного литовско-русского дворянства, чтобы у исследователей не могъ возникнуть соблазнъ вести его генезисъ отъ запорожцевъ, а родословную техъ отъ сарматовъ.**

Такое упоминание сарматовъ присуще историкамъ польской исторической школы, которые разрабатывали теорію происхождения славянъ и польской шляхты

от сарматов. Поэтому уравнивания сарматов польских и славянских, автор фактически соглашается, что казачи также принадлежат к польскому высшему сословию, которое ведет родословную от сарматов.

Во многих ренессансных источниках сарматами называли вообще славян, и Сарматия у них выступает, собственно, своеобразным синонимом Славянства.

Особенно интересным явлением в этом плане было «Скифское путешествие» **Помпония Лета**, которое состоялось в **1479-1480 гг.** Основатель и руководитель Римской академии Помпоний Лет принадлежит к величайшим фигурам среди итальянских гуманистов **XV ст.**

В «скифское путешествие» Помпоний Лет отправился весной **1479 г.** из Кракова на берега Днепра и по дороге, которая проходила вдоль реки, достиг Черного моря. От Днепра Помпоний Лет повернул восточнее, объехал берега Азовского и Черного морей, побывал в Тане, а на родину возвратился через Константинополь и острова греческого Архипелага.

У Помпония Лета славяне также выступают под именем сарматов. Но он расходится с традицией, называя Сарматией лишь земли от Одера до Днепра: «**Сарматия начинается** от Одера и тянется к Бористену. Собственно, **настоящие сарматы – это поляки и литовцы**, хотя в Сарматии живут и **скифы** (так Лет называет русов. – Д. Н.), тем не менее, их по ошибке называют вандалами, так как когда-то они служили их полководцам. В пределах Сарматии говорят семерыми языками, из которых наиболее распространенный **скифский**, который называют **рутенским**, а наименее – летонский (т.е. литовский. – Д.Н.)». Принимая за Сарматию Польско-Литовское государство, Помпоний вместе с тем правильно отмечает, опираясь на опыт, что наибольшая ее часть заселена «рутенцами», и их он называет «скифами».

Но Европа знакомилась с восточнославянским миром в основном из «**Трактата о двух Сармати-**

ях» (“Tractatus de duabus Sarmatiis Asiata et Europea”, **1517 г.**) польского ученого – гуманиста **Матвея** с Мехова, или **Матвея Меховского, или Меховиты**.

Современные польские ученые небезосновательно говорят, что трактат Меховиты знаменовал качественно новый этап в истории знакомства Западной Европы с Восточной, что он положил начало ее научной географии, особенно ее северной части (см. 776; 882; 901; 945).

Написан он был латинским языком, потому что в Польше в то время польского литературного языка еще не было, и научные труды писались на латыни.

Он издавался за пределами Польши, в разных странах Западной Европы, переводился на западные языки и на продолжительное время стал одним из главных источников для западноевропейских авторов, которые писали о Восточной Европе.

Кроме его первых, краковских, изданий **1517 и 1521 гг.**, были парижское издание **1532** года, базельские **1522 и 1537 гг.**, венецианское **1542** года; включали его и в латиноязычные сборники. В немецком переводе произведение Меховиты выходило в **1518 и 1534 гг.**, в итальянском – в **1531 и 1562 гг.**, помещен он был и в последнее издание «Второго тома плаваний и путешествий» Рамузио.

Все свидетельствует о большой популярности «Трактата о двух Сарматиях» на Западе XVI ст. и о доступности его для западных ученых, писателей, купцов и вообще просвещенных людей.

На протяжении XVI и первой половины XVII ст., т.е. до появления «Описания Украины» Г. Боплана, «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховиты оставался на Западе одним из важнейших и наиболее распространенным источником о Руси. Сведения из раздела «О Руси» повторяются во многих западных описаниях, реляциях, трактатах, космографиях и т.п. вплоть до второй половины XVII ст. Сам Матвей Мех-

ховита на Руси не бывал, но опирался на информацию, которая поступала оттуда непосредственно в Польшу. В Западной Европе трактат Меховиты оказал глубокое влияние и вызвал острую и продолжительную полемику. Широкий отклик он имел также в других странах Запада, в частности в Италии.

В ономастике Восточной Европы **Матвей Меховита**, вслед за западными гуманистами, придерживался птолемеевской традиции, но Польшу он вывел за границы «Сарматии», называя ее, вслед за Энеем Сильвием, «Вандалией». «Европейская Сарматия» у него – это фактически вся Русь в давних ее границах с близлежащей Прибалтикой.

Он поделил «европейскую **Сарматию**» на «**Русь**» и «**Московию**», включив в «Русь» украинские и белорусские земли, которые тогда входили в Польско-Литовское государство. Соответственно, «русами» или «рутенцами» он называет лишь население Южной Руси и Беларуси, а **население Московского государства** выступает у него под названием «**москов**» или «**московитов**».

«В Европейской Сарматии, – говорится в трактате, – **есть области русов** или рутенцев, литвинов, **москов** и прочие, что прилегают к ним, между реками Вислой на западе и Танаисом на востоке» (66, с. 48).

Землям Руси в основном посвящен первый раздел второй части трактата под характерным заголовком «О Руси, ее округах, больших богатствах и всем, что там есть». В нем М. Меховита описал географию Южной Руси, ее флору и фауну, естественные богатства, занятия населения, ее «основные провинции»: Галицию (которую он называет «Русью» в узком значении слова), Волынь и Подолье, причем к последней провинции он, как и другие польские географы эпохи Возрождения, отнес все Правобережье.

Внимания заслуживают краткие сведения Матвея Меховиты о казаках, которые свидетельствуют, что уже

в начале **XVI ст. казачество** становилось заметным явлением в жизни Польско-Литовского государства. Следы его влияния можно увидеть в «Истории русов» при упоминании сарматов, русин, мосхов и т.п.

Вторым выдающимся явлением в ознакомлении Запада с восточнославянским миром была книга С. Герберштайна «Заметки о Московии» (**1549 г.**). Хотя эта книга появилась в печати значительно позднее, между ней и произведением Меховиты существует тесная связь. Своим реноме известного путешественника и ученого (уже в **1518 г.** его прославляли в стихах в этой ипостаси) Герберштейн подтвердил истинность географических выкладок Меховиты и тем самым в значительной мере оказывал содействие победе правды над авторитетом. С другой стороны, трактат польского ученого послужил ему не только одним из важных источников, а и незаурядным стимулом к написанию его «**Заметок о Московии**».

Произведение Герберштейна интересно и тем, что в нем видим первую на Западе попытку описания и характеристики украинских казаков. Он их называет «черкассами» – именем, которое в XVI-XVII ст. было принято в Москве. «**Черкассы**, которые живут по Бористену, – писал Герберштейн, – **суть русичи** и отличаются от тех черкасов, что живут в горах возле Понта (т.е. от черкесов. – Д. Н.)» (там же, с. 157).

Герберштейн называл **черкассами только казаков**, это следует из того, что в его книге описывается Сиверщина, Волынь и Киев, он не знает Украины, и нигде их население он не называет черкассами, оно для него просто русины или русичи. Черкассы Герберштейна – это **казацкие поселения** на Днестре южнее Киева, центром которых в то время было город Черкассы, будущая польская Украина.

В середине **XVI ст.** описания южнорусских земель появляются в ряде западных космографий: **Й. Боемия, С. Мюнстера, Ф. Бельфоре, А. Теве** и других.

Наиболее авторитетным и наиболее употребляемым источником для этих изданий **XVI ст.** послужил все тот же «**Трактат о двух Сарматиях**» Матвея Меховиты.

Произведение немецкого космографа Й. Боемия «**Обычай, законы и обряды разных народов**» вышло в **1520 году** и потом много раз переиздавалось в разных странах (149, с. 173-177, с. 182-184). В нем на основании «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховиты написаны разделы о Руси (Малороссии) («*De Russia sive Ruthenia*») и о Московском государстве («*Moscovia*»). В середине XVI ст. появился также итальянский перевод космографа Й. Боемия (Венеция, 1566 г.).

Самыми популярными среди изданий этого типа были «**Космографии**» немецкого ученого-гуманиста **XVI ст.** С. Мюнстера. «Космография» Мюнстера больше десяти раз выходила на немецком языке, дважды на латинском (**1554 и 1559 гг.**), трижды на французском (**1552, 1556, 1565 гг.**), дважды на итальянском (**1558 и 1575 гг.**); кроме того, в 1554 году она вышла на чешском языке и в 1558 – на английском. Историк географии Й. Левенберг говорит, что в XVI ст. она выдержала 24 издания (880, с. 250). Словом, ее роль в распространении географических знаний в ренессансной Европе была очень значительной.

Относительно описания Руси, т.е. Малороссии: оно у **Мюнстера** почти исключительно основывается на **трактате М. Меховиты**. Отсюда в его «Космографии» и толкование «Руси» и «Московии» как разных географических и этноисторических реальностей.

С пребыванием Генриха Валуа на польском троне связано также латиноязычное описание Польского королевства, составленное известным польским историком того времени М. Кромером. Произведение М. Кромера «**De origini et rebus gestis polonorum**» издано в **1555 г.** Появилось оно в **1577 г.** в Кельне, и там же переиздано через год.

В этой **книге Кромер** описывает лишь Галицию, отмечая ее естественные богатства, а также отличия

в языке и религии. О «греческой религии» в целом говорит он сдержанно, особенно делая ударение на том, что «греки лишь в немногих вещах от нас различаются, и эта разность скорее в обрядах и обычаях церковных, чем в основах веры» (274, с. 66-67). В этой книге Кроммер также указывает на Русь (**Сарматию**) как на праотчизну славян и пишет, что «поляки – **народ славянский и сарматский**, который когда-то вышел из **Сарматии** и, прибыв на реку Вислу в пределах Германии, где давно **жили венеды и вандалы**, здесь поселились, расширив границы своих поселений далеко на запад и север» (там же, с. 1).

Вместе с тем, стремясь исторически обосновать принадлежность Галиции и других русских земель к Польскому королевству, **Кроммер утверждает**, что в давние времена они принадлежали Польше, потом на несколько веков были утрачены (речь идет об эпохе Киевского государства и независимого Галицко-Волынского княжества. – Д.Н.), «но не более, как два века назад (т.е. в середине XIV ст. – Д. Н.) были снова возвращены Польше» (там же, с. 3). Эти идеи, которые, собственно, были не чем другим, как попыткой исторического «обоснования» экспансии польского феодализма на Русь, развернутое выражение нашли в более ранней многотомной работе Кроммера «De origine et rebus gestis Polonorum».

Алессандро Гваньини принадлежит «**Описание Европейской Сарматии**» («Carmatiae Europaeae Descriptio») Впервые изданное в Кракове в **1578 г.**, это произведение несколько раз переиздавалось на латыни в Польше и других европейских странах, выходило в переводах на немецком (**1582 г.**), итальянском (во втором томе «Плаваний и путешествий» Рамузио, **1583 г.**) и чешском (**1590 и 1602 гг.**) языках*.

* Д. Наливайко. Глазами Запада: Рецепція України в Західній Європі XI-XVIII ст. КИЇВ – «Основи» – 1998. <http://litopys.org.ua/ochyma/ochbibl.htm>

Как известно, о **Сарматии** и славянах писал и польский граф **Ян Потоцкий** (1761-1815). В конце **1795 года** в Париже свет увидел его труд «Историко-географические фрагменты о Скифии, Сарматии и славянах» («Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et le Slaves»).

Сарматизм проявляется, и когда автор упоминает малороссийских крестьян. Народ для него – это только казаки, которых он выводит «отъ насъ, **Савроматовъ** и Русовъ уродившись и изшедши, и заедино съ початку съ самовласною братією нашею, **Савроматами и Русами бывши**, иногда Каинъ на Авеля, на Русовъ альбо **Савроматовъ**, власную съ древности природную **братію свою**» (стр.69), и родственные полякам – «братію нашу, Роксоляновъ, въ невольническое подданское». Но крестьян, как для всякого поляка, у автора не существует.

Поэтому русские крестьяне, которые сыграли решающую роль в войнах Хмельницкого и вхождении Малой Руси в Россию, у него вовсе не присутствуют на исторической арене. Это также соответствует польской традиции того времени и входит в противоречие с демократическими взглядами европейских просветителей, которые отводили главную роль в истории народу.

Автор «Истории русов», вероятней всего, является последователем основателя новой польской историографии Адама **Нарушевича (1733-1796)**. Адам Нарушевич был сторонником идей «**сарматизма**». Он также выводил **славян от сарматов**. Возникновение социального неравенства этот историк объяснял с помощью распространенной тогда «**теории завоевания**», согласно которой **славянские племена** покорили местное население и стали привилегированным сословием **рыцарства-шляхты**, в то время как автохтонное население превратилось в подневольное. Он видел причины ослабления Польского государства

в переходе от польского к немецкому праву, которое оказалось более выгодным для крупных землевладельцев и привело к **ограничению власти короля**.

Об этом писал и автор «Истории русов»: **«Вельможи Польские, сии министры правления народного, обуевающие всегда власть Королевскую»**.

Для государства, считал Нарушевич, это имело отрицательные последствия, поскольку вместе с ослаблением королевской власти нарушилось равновесие между сословиями. А.Нарушевич принадлежал к числу сторонников конституционной монархии. Он противопоставил теологической концепции истории рационалистические принципы ее понимания. Главный труд Нарушевича **«История польского народа»** (7 томов) начал выходить в **1780 г. со второго тома**. (Первый том вышел из печати **только в 1824 г.**). Через всю работу, как и в «Истории русов», проходила **идея сильной монархической власти**, призванной обеспечить равновесие между сословиями, гарантировать порядок в государстве. **Вину за ослабление и упадок Польши он возлагал на магнатов**, обвиняя их в произволе, анархии, жадности.

У Нарушевича было много последователей. Все они в той или иной мере стремились продолжить его дело, распространяя его идеи в польском обществе.

Как видим, идеи «Истории русов» полностью совпадают с взглядами А.Нарушевича на историю Польши.

5. Русь и Польша добровольно воссоединились

Автор «Истории» категорически против того, чтобы признать Россию наследницей Руси, потому что ставится под сомнение еще один очень важный ягеллоновский постулат поляков: **Литва-Русь и Польша добровольно воссоединились**, который они ис-

пользовали в споре за эти земли с Россией. Ведь поляки упор делали на то, что Литва-Русь объединилась с Польшей в качестве самостоятельного государственного субъекта на трактатах и условиях, суть которых заключалась «в сих достопамятных словах: «Принимаем и соединяем, яко равных к равным и вольных к вольным».

Об этом автор напоминает постоянно: «Въ **1435 году** Марта 7 дня, привилегією своею тако узакониль: **«Воеводства Рускія зъ рицертвомъ и народомъ тутешнимъ поставляемъ и утверждаемъ на тыхъ правахъ, привилегіяхъ и вольностяхъ, якія имъ одъ отца нашего поставлены и утверждены при зъединоченю добровольномъ Руси и Литвы зъ Державою Польскою».**

Следующее соединение состоялось и в результате Люблинской унии, которым особо дорожили поляки: «Народъ Рускій, бывъ въ соединеніи, первѣе съ Княжествомъ Литовскимъ, потомъ и съ Королевствомъ Польскимъ, не былъ никогда отъ нихъ завоеваннымъ и имъ раболѣпнымъ, но, яко союзный и единоплеменный, отъ единого корене **Славянскаго альбо Сарматскаго** произшедшій, **добровольно соединился** на одинакихъ и равныхъ съ ними правахъ и преимуществахъ, договорами и пактами торжественно утвержденныхъ, а протекція и храненіе тѣхъ договоровъ и пактовъ и самое состояніе народа ввѣрены симъ помазанникамъ Божіимъ, Свѣтлѣйшимъ Королямъ Польскимъ, яко же и Вашему Королевскому Величеству, **клявшимся въ томъ при коронаціи предъ самимъ Богомъ, держащимъ въ десницѣ своей вселенную и ея царей и царства»** (стр.36-37).

Автор дает название вымышленному им договору, как собранию «вольностей и привилегий малороссиян» – « Пакт Конвента», по аналогии с тем, который был подписан **в 1574 году с Генрихом Валуа** поль-

ской шляхтой, и обрамляет его соответствующей неправдивой исторической легендой: «сие постановление от времени до времени каждым королем при коронации подтверждено было».

Тезис о добровольности соединения с Польшей автор «Истории» старается подчеркивать, где только можно. Так, в этом контексте он упоминает и Яна Собеского, который присоединил Левобережную Русь в **1683 г.** с согласия казаков.

Этот тезис добровольности единения является одним из важных политических положений для польской шляхты и подчеркивается в «Истории русов».

О. Мончаловский пишет о позиции поляков в Галичине по вопросу единства поляков и местных русских: «Польскій **rząd narodowy** даль украинофиламъ такой отвѣтъ: Польскій народъ и народное правительство считаютъ Русь краемъ, соединеннымъ съ Польшею на основаніи религіозной, національной и политической равноправности. Какъ законный наслѣдникъ Польши передъ ея раздѣломъ, народное правительство опирается на историческое право и считаетъ Русь соединенною съ Польшею и Литвою на принципѣ равноправности. Польша, Русь и Литва должны соединить свои усилія въ цѣли освобожденія отъ ига».*

По этой причине автор и против названия Украина. Ведь Украина не фигурирует ни в одних польских договорах и исторических документах. Подчеркивая эту добровольность соединения Руси и Польши, автор тем самым намекает, что «мосхи» из России захватили ее и русинов силой, незаконно. Следовательно, необходимо бороться против оккупантов. Скрытый призыв к этой борьбе красной нитью проходит через всю «Историю»,

* Мончаловский Осип: Литературное и Политическое Украинофильство. Описание очевидцем и активным участником политической жизни самостийнического и русского движений в Галиции с 1840-ые по 1890-ые годы. Источник: Отпечатка изъ «Галичанина», ЛьВОВЪ, 1898. Типографія Ставропигійскаго Института. См. Dz. Polski 1890 н-рѣ 352

в виде описания зверств русских и ласковых гуманных польских королей, которые противостоят жадным магнатам.

То, что эта «добровольность» польского происхождения, и один из основных аргументов, который использовали поляки во все время для обоснования своего присутствия на Руси, свидетельствует и письмо польских шляхтичей Подольской губернии, которые обратились к царю в **1862 г.** с просьбой присоединить Подолье к Царству Польскому. Аргументом была та же добровольность присоединения Руси к Польше и о родственном народе русин: «Русь, соединенная с Польшею торжественным и добровольным люблинским договором, целыми поколениями принимала формы родственной цивилизации». Слово в слово, повторяя «Историю русов».

К тому же если признать, что Россия правопреемница Руси, то незачем освобождаться от России: Польша соединилась с ней добровольно!

И этого положения о добровольном единстве Руси и Польши поляки придерживались вплоть **до 1921 года**, когда Киев оккупировали войска Ю.Пилсудского. Но они пришли не оккупировать, а вернуть земли польской Руси-Украины в лоно Польши, с которой «Народъ Рускій... союзный и **единоплеменный**, отъ единого корене Славянскаго альбо Сарматскаго произшедшій, добровольно соединился». А недалекий Петлюра и его «убогие» украинцы думали, что они союзники Польши.

6. Gente rutheni, natione poloni – народ русский польской нации

Следующий политический постулат, который использовался польской элитой, – это концепция **“gente Rutheni, natione Poloni”** (отношение к «роду

русинскому», но одновременно и к «польской политической нации»).

Еще в XVI веке в польской культуре сложилось убеждение, что земли и народы к востоку от Варшавы – это своего рода «польская Америка», и населены они «восточными индейцами». Святой долг поляка заключается в освоении этих земель, их окультуривании, а также в крещении аборигенов (Православие христианством не считалось). Эта позиция часто перерастает в осознание своего долга продолжать просвещать русинов, нести им свет с Запада, не оставлять в невежестве и уж тем более в лапах страшного Востока.

И автор «Истории русов» последовательно придерживается этого тезиса. А началось это трогательное единение, по его версии, через династический брак польской королевы Ядвиги и литовского князя Ягайла (**1386**), когда вместе с Польшей и Литвой объединилась и Малороссия «*под древним названием Руси*». «Привилегія Короля Казимира Великаго, въ 1339 году, Марта 17-го дня состоявшаяся, такого содержания: «Обачивши утыски и фрасунки люду Рускаго, ..., обороняемъ и приврочуемъ людъ той къ Держави и Королевству нашему Польскому на вѣчныя времена, яко **жъ есть онъ намъ единоплемень, отъ одной крови нашей Сарматицкой, порожонцы**» (Стр. 9-10).

«Народъ Рускій, бывъ въ соединеніи, первѣе съ Княжествомъ Литовскимъ, потомъ и съ Королевствомъ Польскимъ... но, яко... **единоплеменный, отъ единаго корене Славянскаго альбо Сарматскаго произшедшій**» (стр.36).

Это отражено и в приводимом письме «Павла *Наливайко*, и отъ него со всѣми чинами и войскомъ, чрезъ депутата и посланника своего, полковника Лободу, послана къ Королю, Жикгимунту Третьему»: «покрову найяснѣйшаго **Короля и отца нашего** и просимъ **найуниженнѣйше Монаршаго** респекту и подтверждения правъ нашихъ и выбора; а мы завше гото-

вы есьмы проливать кровь нашу за честь и славу Вашего Величества **и всей наци!**» (стр.37).

Богдан Хмельницкий пишет к королю: «я умываю руки предъ народомъ и всѣмъ свѣтомъ, что нимало неповиненъ есмь въ крови сей Христианской **и единоплеменничей**», «И такъ **единоплеменные ему** (народу русскому – авт.) **Поляки** не только не познавали **единокровной брати своей**, Савроматовъ, но не признавали даже его и за создание Божие» (стр.80).

Но когда Б.Хмельницкий признает и народ России единокровным, то автор вынужден обозвать казаков «народом Малороссийским»: «Его державѣ, единовѣрной и **единоплеменной съ народомъ Малороссийскимъ**». Но в конце концов он впадает в полное противоречие, потому что Б.Хмельницкий признает кроме поляков еще и державу Россию «единоверной и **единоплеменной**»: «на сие предъложение объявилъ Воеводѣ мнѣние свое, на самой честности и справедливости основанное, что воевать съ Христианскою державою, народу его и ему самому единовѣрною и **единоплеменною**, и воевать еще за **чужія** претензіи, почитаетъ онъ за тягчайший грѣхъ предъ Богомъ» (стр.87).

В такой убежденности в единоплеменности поляков и русин автор «Истории русов» был не одинок.

О таком же родстве пишется в договоре польской шляхты, который поляки предложили подписать Выговскому: «1-я. Народ Русский... по статьям, Зборовским трактатом положенным, да пребудет вольным, от самих себя и правительства зависимым, и в совершенном единстве с народами Литовским и Польским, **как от одного племени с ними Сарматского все три сии народа происходят**».

Польские поэты через 200 лет также придерживались версии кровных народов Польши и Руси.

Поэт-поляк В. Высоцкий писал в поэме «Ляшка» еще в **1883 г.**, об общей борьбе поляков и запорожцев против татарских набегов, а главной идеей было

польсько-русинское **кровное** единство на польской «нашей **Украине**»:

Хай віднині **наша Україна** (Пусть отныне **наша** Украина),

В якій **покрєвні осіли народи** (В которой **кровные** осели народы),

Буде **святинею братства і згоди** (Будет святыней **братства** и согласия).

Политика современной Польши является, во-первых, очередным шагом по восстановлению своего патронажа над польскими «кресами» (восточными окраинами), а во-вторых – продолжением цивилизаторской миссии по отношению к своим бывшим «**chlорам**».

7. Автор, как всякий польский патриот, был ревностным почитателем правления польских королей

Король в «Истории русов» описан верным отцом единоплеменной нации русов и поляков, старается усмирить неразумную шляхту и помочь рыцарству русскому – казакам. Так, С. Баторий – отец им родной, «**патриотъ**» и «отецъ челоувѣчества»:

«Король Баторий во всѣхъ отношениях къ Рускому воинству и народу былъ такой **патриотъ**, каковымъ почитался у Римлянъ Императоръ Тить, сынъ Веспасиановъ, т. е. **другъ** и **отецъ челоувѣчества**. Онъ правотою своею и кротостию вселилъ во **всѣ народы Королевства своего духъ единства и братскаго согласія**. Не слышно было между ними никакихъ споровъ ни о породахъ, ни о преимуществахъ, и ниже о религіяхъ, умы народные часто возмущающихъ. Самое даже Духовенство, склонное обыкновенно къ преніямъ и присвоенію себѣ правомыслія, подобилося тогда агнцамъ непорочнымъ **златаго вѣка**».

Но всем современникам было известно, что Батория избрали на польский престол под давлением турецкого султана. Недаром Г. Штаден, немец-«опричник», бывший при дворе Ивана IV, писал, что «...турецкий султан [посадил] в Польше королем Стефана Батория...», а в Вене его открыто называли «вассалом турецкого султана».

Поэтому Баторий всячески пытался подавить всякие выступления казаков против турок и татар.

Автор преднамеренно забывает сказать, что именно «патриотъ» С. Баторий, по требованию турецкого султана, приказал схватить подольского атамана Ивана Подкову, который защищал южные рубежи Польши от набегов татар, и казнить его в Варшаве.

Вот как выгораживает польского короля автор «Истории русов»: «Гетманъ, по долгомъ отлагательствѣ, убѣжденъ былъ, наконецъ, просьбами и клятвами Волоховъ принять у нихъ Государское достоинство и вступить для того въ городъ. По совершеніи учрежденныхъ на таковъ случай обрядовъ и празднествъ, Подкова остался на правленіи Государства Волошкаго, а войска Малоросійскія при Полковникахъ и другихъ чинахъ отпустилъ въ Малоросію, съ благодарственною грамотою ко всѣмъ Чинамъ и Козакамъ за ихъ къ нему благоволеніе и усердіе. При себѣ оставлялъ Подкова Козаковъ съ двадцать, самыхъ къ нему приверженныхъ, а съ прочими разставался, какъ съ родными, въ слезахъ и сѣтованіи. Но какъ только сіи выступили въ свои жилища, то получили извѣстіе о смерти Гетмана. Воротившіеся съ тѣломъ его Козаки рассказали, что онъ убитъ предательски: одинъ вельможа, запросивъ Государя въ загородный свой домъ крестить младенца, имѣлъ **тамъ готовыхъ убійць изъ прежнихъ мятежниковъ**. Они, напавъ на Подкову **нечаянно въ самомъ домѣ**, отрубили ему голову топоромъ, положила ее на порогъ, а съ нимъ убили одного Старшину и двухъ Козаковъ Малоросійскихъ. Тѣло Подковы съ го-

ЛОВОЮ погребено Козаками съ честью въ Каневскомъ монастырѣ».

На самом деле в сентябре **1577 г.** Иван Подкова с отрядом запорожских казаков захватил Яссы, столицу Молдавского княжества, и провозгласил себя вольдарем, т.е. правителем Молдавии; несколько раз он разбил сброшенного им Петра, но последнего поддерживали турки, на его стороне был и польский король Баторий, бывший вассал турецкого султана. Подкове пришлось уходить на Запорожье, и по дороге его гостеприимно пригласил к себе **брацлавский воевода князь Збаражский**, который имел тайный приказ короля схватить казацкого предводителя. **Подкова был отправлен во Львов**, и там ему отрубили голову по приказу Стефана Батория. Это было общеизвестным фактом, поэтому и поляки, и зарубежные авторы осуждали убийство Баторием смелого борца с татарами и турками.

О действиях Подковы, который с казачьим отрядом захватил Молдавское княжество, докладывали начиная с января **1578 года** в своих донесениях из Варшавы папские нунции Лаурео и Калигари. В этих реляциях отражен весь ход событий этой драматической истории казацкого предводителя, до трагического финала включительно. Извещая о смертной казни Подковы в донесении за декабрь **1578 года**, Калигари отметил, что эта смертная казнь, содеянная на угождение туркам, произвела на всех плохое впечатление*.

Как поступок, который позорит Польское королевство, трактует эту смертную казнь Ф. Тальдуччи, агент тосканского герцога в Польше, в своем донесении графу Кончини делла Пенна...** В своей реляции Тальдуч-

* Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. – СПб, 1907. – Тт. 1-2. стр.59.

** Макушев В.В. Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы к славянской истории // Приложение к 16 поэтому Записок императ. Акад. наук. – СПб, 1870. с. 5-6

чи также сообщает, что смертная казнь Подковы вызвала негодование у населения Львова, и король был вынужден принять дополнительные меры, вызвать к городу войска и закрыть городские ворота.

Так что казнь Подковы королем была общеизвестным фактом, и автор знал это. Но он упорно проводит мысль о короле-отце. Поэтому и в упоминании о Павле? Северине Наливайкѣ, который пишет Сигизмунду III, он приводит слова: «Королю, Жикгимунту Третьему»: «покрову найяснѣйшаго **Короля и отца нашего** и просимъ **найуниженнѣйше Монаршаго** респекту». И это вовсе не похоже на письмо добровольно и равно соединившегося представителя рыцарства и государства.

Для Б.Хмельницкого король также его «пан», а не равноправный партнер по договору. Накануне **1656** года он пишет, что поднял восстание «не безъ вѣдома и позволенія **пана нашего**, найяснѣйшаго Королевскаго Величества, Владислава Четвертаго, который **року 1633...**»

И далее автор пишет, что этот король «Владиславъ Четвертый, **извѣстный Руский патриотъ**, ходатайствовавший нѣкогда за войска Руския у Короля отца своего» (стр.59).

Автор пишет, что Б.Хмельницкий как государственный деятель из реестровых сотников воюет не против короля и своего пана, которого он казакам тронуть не велит, а против магнатов, которые нарушили волю короля: «что подъятое мною оружіе и пролитая имъ многая кровь Христіанская есть дѣло рукъ нѣкоторыхъ **магнатовъ Польскихъ**, противящихся власти найяснѣйшаго Короля, сего **помазанника Божія** и милостивѣйшаго **отца нашего**, и слѣдующихъ тиранскимъ своимъ склонностямъ и вымысламъ на **пагубу народа Рускаго**» (стр.80).

Как видим, короли польские для автора – это отцы, паны, патриоты казацкие. Но это, в свою очередь, полностью перечеркивает утверждения о казаках как о на-

роде, который «соединился на одинакихъ и равныхъ съ ними правахъ и преимуществахъ» с поляками.

Таким образом, чтобы доказать версию польских историков, что польский король «народу былъ такой **патриот**, каковымъ почитался у Римлянъ Императоръ Титъ, сынъ Веспасиановъ», автор целенаправленно искажает и фальсифицирует факты.

К тому же сами поляки, по словам автора, души не чаяли в казаках: «Отъ сего времени Поляки, обращаясь часто съ войсками Малоросійскими и почитая ихъ храбрость и мужественный характеръ, завели съ ними тѣсную и искреннюю дружбу и служили многие изъ нихъ въ полкахъ Малоросійскихъ, поставляя себѣ за честь, даже знатное шляхетство, именоваться Козаками». Это положение автор дословно взял из «Анналов Малой Руси...» **француза Ж.Б.Шерера**: «Храбрые козаки добыли себе такую славу, что самые знаменитые поляки добивались чести быть ихними гетьманами».

8. Следующий постулат: осуждение Брестской унии

Автор «Русов», как всякий польский патриот, после развала Польши всячески отрещивается от этого польского проекта и осуждает эту унию. В этом нет ничего удивительного. С самого начала по этому вопросу в польском обществе не было единства. Особенно противилась этому польско-иезуитскому проекту православная шляхта и магнаты. После казацких войн и раздела Польши в польском обществе ширилось понимание, что этот шаг сыграл свою роль в гибели Польши. **Польский историк Пясецкий также** говорит, между прочим, о вредном влиянии иезуитов на польское королевство, чем приобрел многочисленных врагов.*

* Piasecki Paweł Chronica gestorum in Europa singularium, вид. 1648 с. 172. <http://www.pbi.edu.pl/show.php?pub=41409&page=1>

Павел (Пясецкий) – епископ перемышльский (1579-1648), иезуит, автор известного сочинения на латинском языке "Chronica" (1645 год). (Chronica gestorum in Europa singularium)

Поэтому автор не упоминает роль поляков в этом проекте и всю вину перекаладывает на «**Папу Климента VIII**». Таким образом, ненависть к польской шляхте и королю переводилась на римских священников, которые этой унией нарушили былую любовь. Был найден враг, на которого можно все свалить. Иезуитов, которые принимали активное участие в разработке польского проекта – унии и подготовке сепаратных соглашений, он не упоминает. Виновными выставляются православные митрополиты-перебежчики: «и въ его (Сигизмунда III) время началась извѣстная оная эпоха ужаса и губительства для обоихъ народовъ, Польскаго и Рускаго, эпоха, умолченная по **Исторіямъ, или легко въ нихъ описанная, но которая, потрясши Польшу до самаго основанія, и колебавши ее болѣе ста лѣтъ, низринула, наконецъ, въ бездну ничтожества.**

Это значитъ Уния, выдуманная въ Римѣ Папою Климентомъ VIII и принесенная какимъ-то Польской породы Прелатомъ, Михайломъ Кунинскимъ. Она явилась здѣсь въ лисьей кожѣ, но съ волчьимъ горломъ».

Но не только автор «Истории русов» был такого мнения об унии. Поляк Каетан Козмян также, считал козацкое восстание одним из трагических последствий религиозной нетерпимости и преследований*, и **Станислав Сташиц** у “**Przestrogi dla Polski**” также говорит об отчуждении козаков, как об одной из основных причин упадка Польши**.

Борьба за веру добровольно соединившихся с Польшей казаков среди шляхты вызывала понимание, главное, чтобы не акцентировалось внимание на борьбе казаков и крестьянства против польской шляхты, как своих угнетателей, что противоречило бы тезису идил-

* Koźmian Kajetan. Pamiętniki. Poznań, 1858. 1. S. 26.

** См. раздел, отведенный магнатам: Do panów, czyli możnowładców (Pisma filozoficzne. Kraków, 1954.1. S. 225).

лии единства казаков и шляхты, а значит, и поляков и русов как одной нации.

Поэтому все беды Польши польский автор «Истории», патриот Польши, в стиле историка А.Нарушевича **выводит** от магнатов, Папы Римского и священников, которые управляли Польшей, «а отъ другаго Короля, Сигизмунда, посвятившаго себя изъ малолѣтства въ санъ духовный и изъ кляштора въ Короли призваннаго, и совѣмъ власть оная упала, а присвоили ее **себѣ вельможи или магнаты Королевства** и Духовенство Римское, державшие Короля за одну проформу».

Исходя из утверждения единства и братства родственных народов поляков и русин, автор «Истории русов» старается всякие социальные выступления казаков и крестьян против польской шляхты путем фальсификаций представить как выступления в защиту веры и против униатства, что было распространенным удобным объяснением таких восстаний среди польских историков.

В этом отношении показательно описание восстания Наливайко. О польском авторстве свидетельствует и имя Наливайко – Павел, когда в русской традиции он Северин. К тому же дату пленения Наливайко он берет из труда француза Ж.Б.Шерера: **«Поляки схватили его в 1597 г. вместе с полковником Лебедой и каким-то Мазепой недалеко от Дубно, возле городка Солоница. Всех трех привезли к Варшаве, где они были сожжены в медном быке»***

Но даже эта жестокость шла от римского духовенства, а не от кротких и любящих русин поляков: «Сие жестокое и безчеловѣчное варварство выдуманно **Римскимъ Духовенствомъ** по правиламъ и мастерству ихъ священной инквизиции, а произвели его въ такое безстыдное дѣйствие **вельможи Польские**».

* Шерер, Жан-Бенуа. Літопис Малоросії, або Історія козаків-запорожців та козаків України, або Малоросії: Пер. з фр. В.В. Коптілов – К.: Укр. письменник, 1994.

Также и версия о жестокой казни Наливайко не лишена оснований. О том, что поляки увлекались изощренными пытками и казнями, пишет и польский шляхтич Маскевич в своем дневнике: «**1619 г. 15 ноября.** Пекарского заковали в железа и, по решению сената, приговорили к смерти. Казнь происходила таким образом: посадили его вместе с палачами в телегу, запряженную четвернею, на высоком, нарочно устроенном сидалище, чтобы всем было видно, и повезли из крепости по городу, чрез вал, Краковское предместье и рынок к Новомясту. При въезде на вал, в Краковском предместье, в рынок и в Новомясто палач рвал его раскаленными клещами. Потом взвели на приготовленное в Новомясте возвышение, связали руки на спине, положили навзничь на сковороду, наполненную серою, и жгли медленным огнем, раздувая его мехом. После того свели с возвышения, выпрягли лошадей из телеги и привязали их постромками к рукам и ногам преступника, чтобы разорвать его. Но как долго не могли этого сделать, то один палач надрубал ему жилы секирою, а другие погоняли лошадей, и таким образом вырвали правую ногу. Наконец положили его самого с оторванными членами на костер и сожгли»^{*}.

9. Союз казаков и поляков

Вопрос о «привилегиях» и сказочном «золотом веке», прерванном 1654 годом, едва ли не самый важный для «Истории русов», важный до такой степени, что ее творец вообще не брезгует самым бесстыдным обманом, преподносит под видом общеизвестных исторических фактов совершенно фантастические сюжеты^{**}. Впоследствии Т. Шевченко описал эту эпоху в идиллических тонах в своих стихах: «Когда мы были козаками...»

* Дневник Маскевича 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 1. СПб. 1859 г.

** Сергей Родин: "Химера". Историческое расследование.

Чтобы доказать **тезис о счастливом союзе малороссийских казаков** (о крестьянах речь не идет) с поляками, о якобы имевшихся у них «вольностях, правах и привилегиях», утраченных как раз в результате воссоединения Малороссии с остальной Россией, создается очередной миф.

Приводимый автором текст Зборовского трактата, будто бы гласит: русский Народ, «яко из веков вольный, самобытный и незавоеванный», отныне «ни от кого, кроме самого себя и правительства своего независим». Указывается и точная дата подписания договора: **7 сентября 1649** года.

На самом деле никакого трактата в природе не существовало, а была челобитная казаков и «объявление милости Его Королевского Величества Войску Запорожскому на пункты, предложенные в их челобитной», подписанной королем **Яном Казимиром 9 августа 1649 г.**

Текст этого документа не имеет ничего общего с тем, который приводится в «Истории русов». Ни о каком народе нет в нем речи и в помине, договор оставляет «при всех старинных правах» только **реестровое казачество**, число коего определяется в **40 тысяч** человек. Православной шляхте король обещает «все должности и чины в воеводствах **Киевском, Брацлавском и Черниговском**». А вот важный вероисповедный вопрос об отмене унии оставляет на усмотрение польского сейма (с легко предсказуемым отрицательным результатом).

Сочиненный автором текст о якобы имевших место освобождении русского народа «от всех притязаний и долегливостей Польских» и «добровольных договорах и пактах», которые Малороссия якобы имела с соседними государствами, является чистейшим вымыслом, преследующим вполне очевидную цель: это проект варианта будущего союзного договора Польши с казачеством накануне **восстания 1830 г.**

С этой же целью был выдуман автором текст **Гадячского договора**, якобы подписанного Юрием Хмельницким в **1657 г.** и толкующего все о тех же фантастических «стародавних правах, привилегиях и вольностях» казаков, прирожденном их «шляхетстве».

Но здесь же автор приводит пассаж, который указывает на то, что и он, и сами поляки вовсе не ведали о равенстве казаков с поляками: «Правительство Польское, издавна запрещавшее и возбранявшее выборы Гетмановъ Малоросійскихъ, умыслило, наконецъ, держать въ войскѣ Малоросійскомъ **Наказныхъ Гетмановъ** изъ старшинъ ихъ Генеральныхъ и Полковниковъ, **каковъ покажется преданнѣйшимъ на сторону Польскую**, дабы удержать тѣмъ войска сіи отъ запрещенныхъ имъ выборовъ» (Стр.59).

10. Особое место занимает в «Истории русов» описание восстания Б. Хмельницкого

Трактовка деятельности Хмельницкого, как и вся современная украинская версия истории казачества, берет начало с «Истории русов».

«История русов» не прибегая к прямой лжи, перерабатывает все с ног на голову. Б. Хмельницкого изображают не как очередного обиженного просителя привелеев у короля польского, а как великого государственного деятеля, который берет города, назначает гарнизоны и гуманно относится к полякам. С. Родин в своей работе «“Химера”. Историческое расследование» подробно описывает все несуразности и подтасовки исторических фактов.

Доказывая свою версию добровольного соединения Руси и Польши, автор старается скрыть факт нежелания южнорусов быть под Польшей и поэтому всячески затушевывает роль России в это время. С этой целью многочисленные просьбы Хмельницкого о присоединении к России превращаются в его интерпретации

в прямо противоположный смысл: оказывается, все шесть лет войны именно Русское правительство уговаривало гетмана соединиться на любых условиях с его стороны. По версии автора, с этой целью уже в начале 1649 г. отражено в Малороссию специальное посольство во главе с князем Алексеем Трубецким и боярином Пушкиным. «По наказу Царскому, соглашали послы оные Хмельницкого, чтобы с народом Русским и войском соединился он в Царство Московское на таких условиях, какие им заблагорассудятся; а Царь готов, между прочим, признать его, Хмельницкого, с потомством владетельным земли тоя князем».

Но надо помнить, что **до 1569 года** казачество было явлением малозначимым для Польши, оно жило в «диком поле», на степной окраине, вся же остальная Малороссия управлялась литовскими наместниками, которые использовали казаков для охраны своих границ. Гетман – предводитель польского войска, а не казачества, но отнюдь не правитель области, он лицо военное, а не государственно-административное. Такого же взгляда придерживалась и старшина. Они рассматривали себя только как военное сословие Южной Руси и этого положения придерживались в переговорах с царскими послами в Переяславле в дни присоединения к Московскому государству. Поэтому верховной административной властью в крае считалась отныне власть царская. Ни в одной челобитной, ни в одном разговоре нет и намека на желание продолжать управление территорией и брать на себя ответственность за ее развитие. Два года спустя, после Переяславской рады, Павел Тетеря, посол Хмельницкого, уверял в Москве думных людей, будто Войско Запорожское желает, «чтобы всеми городами и месты, которые в Запорожском Войске, владеть одному царскому величеству».

Но автор «Истории русов», льстя казачеству, возносит его выше московского царя. Поэтому, по его версии Хмельницкий едва ли не в приказном порядке требует

со стороны России немедленного объявления войны Польше, но не с целью помочь малороссийскому народу освободиться от поляков (потому что, по версии автора, они соединились добровольно), а по идиотскому поводу, «чтобы народ Малороссийский узнал прямо и убедился об усердии к нему народа московского, воюющего в помощь его поляков», и здесь чванливость польского автора вылезла наружу: «а второе, чтобы малороссияне, увидев могущество народа московского, переменили те о нем мысли, кои имели о слабости его во время владения поляками городом Москвою и почти всем Царством сим» (11).

Здесь необходимо обратить внимание на то, что в Восточной Европе Австрия, Швеция, Пруссия, Турция находились в очень сложных условиях. Турция воевала с Австрией, поэтому и та, и другая заинтересованы были использовать отряды казаков, которые находились в турецком тылу, в своих целях.

Такая же ситуация сложилась в отношениях между Польшей и Швецией. Пруссия, которая находилась в вассальной зависимости от Польши, заинтересована была в ее ослаблении, поэтому всячески избегала оказывать ей помощь. А Ватикан, наоборот, призывал всех помочь Польше, чтобы сохранить свой униатский проект.

Именно от этих стран посланцы и посредники навещали к Б. Хмельницкому с предложениями о сотрудничестве, чтобы привлечь его на свою сторону. Одна Россия выжидала прояснения ситуации, не вмешиваясь в события. Москва не горела особенным желанием присоединить к себе Малороссию. После смутного времени она не была готова к войне с Польшей, поэтому отказала в этом Киевскому митрополиту Иову Борецкому, отправившему в **1625 г.** посольство в Москву, не спешила отвечать согласием и на слезные челобитные Хмельницкого, просившего неоднократно о подданстве.

Но Б. Хмельницкий уже понял, что без помощи южнорусского населения, которое стремилось уйти в Рос-

сию, ему не удержаться на своем месте при помощи одних казаков. Не поможет ни польский король, ни турецкий султан. Поэтому он вынужден был просить Россию принять его и казачество в подданство.

Итальянец **М. Бизаччиони** в «Истории гражданских войн последнего времени», которая писалась в **1651-1654 гг.**, писал о принятии гетманом подданства русского царя и истолковал его как акт отчаяния Богдана Хмельницкого, покинутого его союзником, крымским ханом (там же, с. 407). Как отмечает итальянский историк, в такой ситуации казацкий гетман «согласился пустить тирана в свой дом и не заслуживает прощения».

За это простить такого великого деятеля, как Хмельницкий, автор, как и всякий поляк-католик, не мог и потому чисто с польских позиций устами анонимных казаков обзывает гетмана Хмельницкого «зрадцею и предателем **отечества**». Но отечеством казаков была Польша.

Хотя все было с точностью до наоборот. Именно за сговор с поляками казаки и «сиромы»-крестьяне объявили Б.Хмельницкого предателем.

Хмельницкий прислал послание с предложением о мире, как ляхи сразу же прислали своих комиссаров и подписали его. Вот статьи настоящего соглашения.

*Войско казацкое **должно состоять лишь из двадцати тысяч человек.***

*Казаки могут проживать **лишь в Киевском воеводстве**, да и то лишь на королевских землях.*

*Ни **Брацлавское**, ни **Черниговское воеводство казаков не будут иметь.***

*Вся **сиромы** отныне снова должна **оставаться в подданстве.***

*Все **прибыли господские господам следует возвратить.***

Чигирин остается за казацкой булавой.

Вера православная и духовенство должны быть нетронутыми. Кто взял или присвоил церковные сокровища и пожитки, должен возвратить их.

Без разрешения короля казацкому гетману запрещается вести переговоры с зарубежными монархами.

Г. Грабянка так описывает мнение народа о договоре Хмельницкого с поляками в Белой Церкви в **1654 г.**: «а когда же они **перед сиромою прочитали статьи мира** и дошли к пунктам, где говорилось, что казаки должны отступить от татар, где значилось, что войска казацкого должно быть **только двадцать тысяч**, то волной поднялось недовольство, поднялся шум. Казаки кричали: «Это так ты, гетман, миришься с ляхами? Орду предаешь и нас хочешь отдать ляхам на мучение? И прежде чем это произойдет, сам наложишь головой вместе с ляхами!»

И обступила сирома со всем войском Белоцерковский замок, решила комиссаров и Хмельницкого перебить.

И воцарились посреди народа тоска и горе, и росло недовольство на гетмана Хмельницкого, который, после того как Господь подарил казакам победу над ляхами, **снова отдал Украину ляхам в неволю и заставил народ украинский такое поругание от ляхов терпеть. Слышал о всем том и Хмельницкий, слышал и молчал, ждал на благоприятный час, когда** можно будет за все то поквитаться, а народу приказал идти из городов, приказал бросать все нажитое и отправляться на Полтавщину, а также за границу **в Большую Россию** и там селиться городами. Вот с того времени и ведут свое начало **Сумы, Лебедин, Харьков, Ахтырка** и все слободы вплоть до Дона. Заселяли их казаки»*.

* Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки / Пер. – К.: Т-во «Знання» України, 1992.

Как видим, русских – «сирому», крестьян, государственный деятель Хмельницкий снова отдал полякам в подданство, а магнатам возвращал их земли.

Для обоснования польского постулата о том, что решение Переяславской рады явилось фатальной исторической «ошибкой», автор наполняет свой труд лживыми рассказами о якобы творимых русскими в присоединенной Малороссии жестокостях и грабежах, чему московская власть всемерно способствовала и даже поощряла «разорявшие народ воинские команды, прохожие и квартировавшие, коих поступки с народом здешним умалены были мало чем от нашествия татарского и других неприятелей. Десяток солдат разгонял прежде целые деревни, а капральство их потрясало самые города и местечки». Чистая ложь, ни одного случая в истории такого не было. Косвенно это служило оправданием тех гетманов, которые вероломно нарушили присягу и предали русского царя.

В Переяславле в **1654 г.** происходило не заключение договора между двумя государствами, а безоговорочная присяга казачества Войска Запорожского царю московскому, своему новому суверену на условиях, выработанных еще в Польше, поэтому они касались только незначительной части населения Южной или Нижней Руси – казачества. Но крестьяне, которым надоели польские притеснения, охотно принимали государственный порядок России.

Роман Ракушка Романовский, известный под именем Самовидца, описывая в своей летописи переяславское присоединение, с особым старанием подчеркнул его всенародный характер: «По усией Украине увесь народ с охотой тое учинил».

Это же подтверждает Драгоманов: «Только не надо забывать, что Украина утратила свою политическую автономию, по крайней мере, на половину из-за своих сыновей. Уже в первые годы после воссоединения с Москвой чернь посполита и казацкая с самым Запо-

рожем, мещане и часть духовенства, держась монархических идеалов, шли против автономных тенденций казацкой старшины и высшего духовенства и подрезали те тенденции между 1657 и 1663 гг.»*.

Поэтому М. Драгоманов и писал: «А с другой стороны неверно привязывать украинские автономистичные тенденции к **Переяславскому договору 1654 г.**, от которого **уже в XVII в. клочки остались**. Старая Гетманщина, упраздненная **Екатериной II**, занимала **всего 2,5 губернии**, – а украинский народ живет целиком **в 9 губерниях**, и еще в частях 5, и в двух, что в Царстве Польском – значит, украинскому народу нечего делать теперь «з козацкою республикой» **XVII и XVIII вв.**, о которой печется г. Шузулька и его корреспондент»**.

Запорожская Сечь действовала в то время как автономная казацкая территория. Этот статус Запорожья был закреплен в довольно странной статье в Андрусовского соглашения 1667 года, по которой оно должно находиться как под протекторатом русского царя, так и под протекторатом польского короля. Впрочем, это «двоевластие» длилось недолго, где-то в середине 70-х гг. оно стихийно было ликвидировано вследствие решительного отказа запорожских казаков зависеть от короля Польши и повиноваться ему. Сложилась такая ситуация, что «запорожский совет и лично Иван Сирко, как кошевой атаман, отвергали любые предложения польских послов, заявляя, что они будут выполнять поручения только с санкции российского царя» (444, с. 47). Итак, переход Запорожской Сечи под «единоличную» протекцию русского царя прошел стихийно, «снизу», т.е. по инициативе самих запорожских казаков.

* М. Драгоманов Чудацьки думки про українську національну справу. Подається за окремим львівським виданням 1892 р. http://ukrstor.com/ukrstor/dragomanov_dumkix.htm

** Критика М. Драгоманова первый номер львовской «Правды» за 1874 год. <http://www.dragomanov.info/krytyka-pravdy.html>

Такое же отношение поляков и к временам Богдана Хмельницкого. И автор «Русов» был не одинок среди польских писателей. В «Богдане Хмельницком» (1822) поэт Тимона Заборовского, так же как и в «Истории», Хмельницкий – просвещенный вождь, который борется за свободу Украины и ... Польши – против тирании магнатов. Так же дается общая славянофильская программа, определяется историческая реальность «святой» мести угнетенного народа (Хмельницкий – воплощение Божьего гнева) и звучит грусть по поводу «братоубийственного» конфликта между русинами и поляками.

Талантливый историк-романтик Кароль Шайноха (пол. Karol Szajnocha; 1818 в Комарно – 10 января 1868 г.), публицист и писатель из чешско-польской семьи, родом из г. Комарно (Галичина), красиво нарисовал польскую культурную миссию на восточных окраинах Польши. Для Шайнохи Хмельнитчина была расплатой исторической Немизиды (или, по терминологии самого Шайнохи, – Opatrności, Провидения), за угнетение козачества **после восстания в 1638 г.**, и поддержанное магнатами и всей шляхтой против всех усилий короля-рыцаря Владислава.

На самом деле же предательство Б. Хмельницкого и казаков южнорусских крестьян обесценило важность тех событий в глазах народа. Козачество в XVI-XVIII ст. не сумело объединить русский народ Южной Руси в его борьбе против социального и национального гнета. В силу своих корыстных устремлений оно оказалось неспособным к масштабным историческим проектам, в отличие от Разина, Пугачева и др.

Поэтому ни ярких речей или проповедей, ни литературных произведений, никаких вообще значительных документов, отражающих дух и умонастроения той эпохи, Хмельнитчина не оставила.

11. Россия и Малороссия

При каждом удобном случае автор старается поносить Россию, при этом вкладывая идеи польской пропаганды в уста Богуна, Крымского хана и пр.: «Ханъ съ жаромъ укоряль Гетмана за соединеніе его съ Московіею...**Войны же съ Московіею суть неизбѣжны и безконечны для всѣхъ народовъ, ибо,** несмотря на то, что она недавно вышла изъ владѣнія Татарскаго, единственно по случаю междоусобій Татарскихъ, которымъ и теперь есть данница, несмотря, что въ ней всѣ чины и народъ **почти безграмотны и множествомъ разновѣрствъ** и странныхъ мольбищъ сходятся съ язычествомъ, а свирѣпостію превосходятъ дикихъ, несмотря, говорю, на невѣжество и грубіянство, припомнить надобно привязчивость ихъ за самыя мѣлочи и бредни, за которыя они вели сумазбродную и **долголѣтнюю ссору и войны со Шведами** и Поляками, замѣтивъ въ перепискахъ съ ними нѣчто въ словахъ нескладное, за что и между собою они **безпрестанно дерутся и тиранствуютъ**, находя въ книгахъ своихъ и крестахъ что-то неладное и не по праву cadaго.

Припомнить надобно жадность ихъ къ властолюбію и притязаніямъ, по которымъ присвоиваютъ они себѣ даже самыя царства, **имперіи Греческую и Римскую**, похитивъ на тотъ конецъ Государственный гербъ царствъ оныхъ, то есть орла двуглаваго, по наслѣдству, будто, Князю ихъ Владиміру, бывшему зятемъ царю Греческому Константину Мономаху, принадлежащаго, **хотя тотъ Владиміръ былъ дѣйствительно Князь Рускій Кіевскій**, а не Московскій, отъ Скифовъ происходящій» (стр.135-136). И кто поверит, что это мысли крымского хана? Это полностью польские аргументы в споре с русским царем за право новить титул короля Руси.

Каждый, кто хоть немного знаком с современными догмами украинских националистов, увидит, что они и сегодня пользуются аргументами крымского хана, а на самом деле польских шовинистов, когда порочат Россию. Так, Новогрудский каштелян Василий Копоть еще до хана **заявил в 1632 г.**, что «Существуют народы, поклоняющиеся верховной власти, как Богу, где граждане живут подобно скотам и где напрасно было бы искать свободных людей и со свечкою». Под народами поляки понимали только шляхту-дворянство.

Также автор, чтобы доказать претензии поляков на Русь, следуя в рамках **догматов ягеллонской идеи**, старается затушевать роль России в политических процессах времен Б.Хмельницкого и последующих временах руины на территории Южной Руси. Ведь это опровергало «безмежную» любовь казаков-русинов к полякам, к тому же показывало авторитет России в глазах казаков и гуманизм царского правительства к вороватым и продажным гетманам без роду и племени.

С этой целью автор «Истории русов», чтобы не упоминать роль России в этих событиях, снова пошел на явные фальсификации. Так, он приурочил смерть гетмана Многогрешного к моменту его ареста за измену, и сообщает следующее: в августе **1671 г.** в битве с Дорошенко и приведенными им турками гетман был тяжело ранен. «В **1672 г.**, Февраля 7-го дня, Гетман Многогрешный от ран своих умер и с великими почестями, военными и церковными, в Батурине погребен. Все чины и народ с чистосердечным сокрушением оплакивали сего достойного их начальника». В реальности же никакой битвы с Дорошенко не было.

В феврале **1672 г.** Демьян Многогрешный жил и здравствовал, а в марте казачья старшина при помощи стрельцов арестовала «сего достойного начальника», обвинив в измене и тайном умысле переметнуться на сторону турецкого султана. Затем в апреле этого же года скованного гетмана привезли в Москву, а в мае,

после проведенного следствия и суда, приговорили к смертной казни, замененной по Царской милости ссылкой в Сибирь, в г. Селенгинск. Год смерти Многогрешного неизвестен, но еще **в 1688 г.**, т.е. спустя шестнадцать (!) лет после торжественных похорон, устроенных ему «Историей русов», он был жив и управлял государеву службу.

Такой же прием замалчивания участия России как имеющей на это законное право династической наследницы, в делах Малороссии был использован при упоминании Петра Дорошенко. Запятнав себя многочисленными изменами, он, ввиду народного возмущения, должен был **в 1676 г.** сложить с себя звание гетмана правобережной Малороссии и отдаться под волю левобережного гетмана Ивана Самойловича. Последний, согласно версии «Истории русов», «по убедительным просьбам сослал Дорошенко на его родину, в город Сосницу, где он, под присмотром и поручками, жил до своей смерти». Как видим, Самойлович показан здесь как самостоятельный правитель казаков, неподвластный России. И Россия не имеет отношения к Малороссийским делам.

В реальности же после оставления своего гетманства, турецкий вассал Дорошенко был вызван в Москву и здесь «жестоким» царским правительством был оставлен на жительство вместе с семьей. **В 1679 г.** даже отправлен «на каторгу» воеводой в Вятку, в которой пробыл три года, а затем снова вернулся в Москву, где и скончался **9 ноября 1698 года...**

Конечно, если писать правду, то такое отношение к гетьманам было бы совсем непонятно и не увязывалось с описанием предыдущих «зверств» русских во времена союзника России Б.Хмельницкого. А здесь такая мягкость и гуманность к явным изменникам и жуликоватым гетманам.

Автор всячески подчеркивает мифическую самостоятельность казаков и неблагодарность Моско-

вии к ним: «Ибо извѣстно всему свѣту, что **народъ Рускій съ своими Козаками**, бывъ сначала народомъ самодержавнымъ, т. е., отъ самаго себя зависимымъ, подъ правленіемъ Князей своихъ или **Самодержцевъ**, соединялся потомъ съ Литвою и Польшею для сопротивленія съ ними противъ Татаръ, ихъ раззорявшихъ, но **послѣ, за насиліе и неистовства Поляковъ**, освободившись отъ нихъ собственною своею силою и храбростію, соединился съ Московіею добровольно и по одному единовѣрству, и, сдѣлавъ ее таковою, какова она теперь есть, отъ нея **попираемъ и озлобляемъ нынѣ безсовѣстно и безстыдно**». (стр.210).

На самом деле в этом скрытый призыв к выходу из состава России, которая якобы не ценит их заслуг.

12. События Шведской войны

Польская русофобия и сарматизм польской шляхты проявляются при описании событий Шведской войны.

В дальнейшем все украинофилы именно эпизодами из этой войны, взятыми из «Истории русов», будут обосновывать свою ненависть к русским. А Н.Костомаров будет использовать их в своем труде «Мазепа».

Автор в духе польской украинской литературной школы всячески обеляет польских союзников, изменивших русскому царю. В чередѣ этих измен – отступничество Мазепы занимает центральное место и его-то прежде всего автор и стремится обелить. С этого труда и стал формироваться и использоваться образ Мазепы-патриота (в польском понимании. – авт.). Дабы показать, что население Малороссии вполне разделяло взгляды гетмана-иуды, сочиненную от имени Мазепы прокламацию автор инсценирует собранием «со многими чиновниками воинскими и гражданскими», на котором якобы эта прокламация обсуждалась.

У автора не хватает слов, чтобы расписать террор царя в отношении местного населения. Сравнить этот террор можно разве что со зверствами Тамерлана или Батыевым погромом. Побоявшись напрямую обвинить царскую персону, автор, продолжая традиции польских иезуитов, выбрал для своих измышлений Меншикова, ближайшего его фаворита. Как известно, впервые Меншиков был выставлен врагом Мазепы в письме княгини Анны Дольской. Это из ее письма Мазепа узнал об «интригах» Меншикова против него. В том письме она предупреждала его от того москаля, который «копает под ним яму, и убравши его, сам хочет стать гетманом». С тех пор этот эпизод из операции иезуитов по вербовке Мазепы становится основой для оправдания поведения Мазепы, а Меншикова «назначают» его врагом.

Князь Меншиков, например, после взятия гетманской резиденции Батурина и жестокой расправы над гарнизоном «ударил на граждан безоружных и в домах их бывших, кои немало в умысле мазепинском не участвовали, выбил всех их до единого, не щадя ни пола, ни возраста, ни самых сущих младенцев. За сим продолжался грабеж города от войска, а их начальники и палачи занимались, между тем, казней перевязанных сердюцких старшин и гражданских урядников. Самая обыкновенная казнь их была живых четвертовать, колесовать и на кол сажать».

Не менее эффектно расписано и завершение «батуринаского погрома»: город сожжен дотла, «тела избитенных христиан и младенцев брошены на улицах и стогнах града ... на съедение птицам небесным и зверям земным», а Меншиков, «обремененный бесчисленными богатствами и сокровищами городскими и национальными», двинулся дальше «жечь и разорять все, ему встречавшееся, обращая жилища народные в пустыню».

Равной участи подвержена была большая часть Малороссии. Разъезжавшие по ней «партии воинства Царского сжигали и грабили все селения без изъятия, и по праву войны, почти неслыханному, Малороссия долго еще курилась после пожиравшего ее пламени».

Но дело тем не кончилось. По указанию Петра был произведен дополнительный розыск и «премногие чиновники и знатные казаки, подозреваемые в усердии к Мазепе ... преданы различным казням в местечке Лебедине ... Вины их изыскивались от признания их самих, и тому надежным средством служило препохвальное тогда таинство – пытка», производимая «степенями и по порядку, – батожем, кнутом и шиною, т.е. разжженным железом, водимым с тихостью или медленно-стью по телам человеческим, которые от того кипели, шкварились и воздымались». Так было умерщвлено и казнено до 900 человек, хотя «число сие может быть увеличено».

Описание жестокости русских войск в отношении мазепинских пособников полностью антиисторическое. Все было с точностью до наоборот, о чем свидетельствуют как указы Петра I, так и его деяния. Петр простил казачью верхушку – изменник Апостол впоследствии стал гетманом, а сам Меншиков, перед войной хлопотавший о присвоении Мазепе графского титула, переживал за здоровье Мазепы.

Но все дело в том, что свои сведения автор черпал из материалов антирусской пропаганды европейских стран, которые развернули в то время кампанию клеветы на Россию.

О разрушении Батурина писали европейские газеты, куда сведения поставляли европейские дипломаты, агенты и наемники шведов, сами шведы в своих реляциях, мемуарах и исторических работах.

Англичанин лорд Витворт сообщал своему правительству, что после перехода Мазепы на сторону шведов «его резиденция город Батурин немедленно

был взят и сожжен, и свыше семи тысяч человек было убито независимо от возраста и пола»*. Прусский посол Кайзерлинг извещал в отчете от 28 ноября 1708 г., что царь приказал Меншикову захватить и уничтожить Батурина и тот это сделал в жесточайшим варварским способом, не пощадив ни женщин, ни детей.**

Об этом же рассказывала австрийская газета «Wienerisches Diarius» за 2-4 января 1709 г., здесь же она писала и о том, что Мазепа осужден заочно к смертной казни, а его манекен по приказу царя повешен на виселице***.

В связи с уничтожением Батурина и «резней» гражданского населения без разности пола и возраста, **французские и голландские газеты** не жалели слов, рассказывая об ужасных царских репрессиях под выразительными заголовками: «Ужасная резня», «Осквернение Украины», «Целая Украина купается в крови», «Женщины и дети на острии сабель» (460, с. 73). «Все жители Батурина без учета на возраст и пол вырезаны, так требуют нечеловеческие обычаи московитов», – писала одна из газет (там же)****.

Во французских газетах *Gazette de France, Paris Gazette, Mercure Historique et Politique, Lettres Historique, La Chef du Cabinet* и других на первой странице виднелись такие заголовки как «страшная резня», «руина Украины», «убийство женщин и детей мечом», «все жители Батурина без разности пола и возраста уничтожены», «так поступают бесчеловечные москвитины», «вся Украина в крови, Меншиков показал ужас московского варварства».

* Whitworth Ch. An account of Russia as it was in the year 1700 – Strawberry Hill, 1758. с. 26.

** Крупницький Б. З донесень Кайзерлінга 1708-1709 pp. // ПУНІ. 1939. Т. 47. с. 27-28

*** Мацьків Т. Гетьман Іван Мазепа в західноєвропейських джерелах 1687-1709. Мюнхен, 1988. с. 86.

**** Дмитро Наливайко. Глазами Запада: Рецепція України в Західній Європі XI-XVIII ст. КИЇВ. «Основи», 1998. <http://litopys.org.ua/ochyma/ochbibl.htm>

После битвы при Полтаве «Газет де Франс» за 29 сентября 1709 г., пишет: «страшный царь, жаждущий крови на Украине».

Но такие зверства, выписанные из французских газет, вступают в явное противоречие с поведением местного населения, которое активно участвует в истреблении «кротких путешественников»-шведов, а не «москалей». Как писал Самовидец, «Тогожь года Шведа вездѣ на квартирахъ малороссіяне били тайно и явно, а иныхъ живыхъ къ государю отвозили».

Поэтому следующий момент, который обнажает нутро польского шляхтича у автора, – это откровенно выражаемая ненависть к русским, которая органично сочетается у него с высокомерным презрением и с такой же жгучей ненавистью к самому «малороссийскому народу». В свое время и Пушкин заметил, что у автора «сердце дворянина». Но ничего и здесь удивительного нет. Автор – ярый приверженец польского сарматизма. Согласно этой идеологии, народ – это шляхта. А простые крестьяне – это быдло.

Поэтому, чтобы доказать гуманность шведов и зверства русских, автор вынужден выставлять идиотами крестьянское население во время шведского нашествия: крестьяне полностью были на стороне Петра и оказывали героическое сопротивление шведам. В его изображении нет народа более глупого и дремучего, чем «малороссияне». Своих «приятелей, союзников и благодетелей», кротких путешественников, шведов они ненавидят с чисто дикарской непримиримостью и бесчеловечно истребляют по совершенно ничтожным причинам: во время русско-шведской войны «народ здешний уподоблялся... диким американцам или своенравным азиатцам», «Каждый Шведъ выученъ быть отъ начальства своего говорить по-Руски сіи слова къ народу: “Не бойтесь! Мы ваши, а вы наши!” Но не смотря на то, народъ здѣшній уподоблялся тогда дикимъ Американцамъ, или своенравнымъ Азіятцамъ. Онъ, выходя изъ засѣкъ своихъ и убѣжищъ, удивлялся крото-

сти Шведовъ, но за то, что **они говорили** между собою **не по-Руски** и нимало **не крестились**, почиталъ ихъ нехристями и невѣрными, а увидѣвши ихъ **ядущихъ** по пятницамъ **молоко и мясо**, счелъ и заключилъ **безбожными бусурманами и убиваль вездѣ**, гдѣ только малыми партиями и по одиночкѣ найти могъ, а иногда забиралъ ихъ въ плѣнъ и представлялъ къ Государю» (стр.210). Т.е. не освобождали свою землю от захватчиков, а просто убивали добрых шведов, как не похожих на себя.

А русским, которые якобы их «презирают», «избивают», «угнетают», они оказывают всяческое содействие. Поэтому такое отношение автора к малорусскому народу – это ненависть шляхтича-поляка к простолюдинам-«хлопам», которые посмели участвовать в войне против оккупантов-шведов и против предателя Мазепы на стороне ненавистных польской шляхте москалей.

Но очевидцы пишут совсем по-иному о поведении шведов. Так, например, немец **Бардили** утверждает, что временами отношение шведских войск к русскому населению было открыто враждебно: «...Подполковник Функ приказал в городке Терны **убить тысячу вражеских** козаков, сам городок сжечь, чтобы вызвать у населения страх, так он поступил и в Недригайлове», – пишет Бардили. Сжигание сел и городков, умерщвление пленных козаков, а то и местного населения вместо страха и смирения вызвало партизанское движение против шведов. Поэтому автор не испытывает удивления, что воззвание (манифест) Карла XII от 27 ноября 1708 г. к казакам, чтобы те переходили на шведскую сторону, не дало ожидаемых результатов. Это подтверждает в своих воспоминаниях и Г. Адлерфельт*.

* Немец Бардили с 1703 г. был полевым капелланом вюртембергского принца Максимилиана Эмануэля, с 1708 г. – командира шведского полка драгун. Будучи капелланом, Бардили бывал в полевой квартире Карла XII и, как сам пишет в дневнике, «не одно слышал и видел». Бардили упоминает, что видел и Мазепу. Вернувшись домой, он получил должность профессора истории в коллегии в Штутгарте и умер 29 августа 1740 г.

Поэтому автор впадает в явное противоречие, когда описывает жестокость русских войск, от которых население уходит под руку тех же русских бояр: «И сіи войска... руйновали **свою невинную братію, Роменцевъ, прямо какъ неприятелей своихъ.** Жилища ихъ были раззорены и сожжены, скоть отогнать и розданъ по армии, какъ добычный, и все приведено въ запусѣнне, **а народы тамошние сильнѣйшіе, пробѣгая сквозь руки своихъ гонителей, удалялись на рубежи Великоросійскіе, подъ протекцію великихъ тамошнихъ Бояръ,** и оселили собою знатныя слободы: Юнаковку, Михайловку, и премногія другія, извѣстныя по нынѣ подъ названіемъ «Вольныхъ Черкасовъ».

Сведения об участии казаков в строительстве Петербурга, каналов и укреплений Шевченко взял в основном из «Истории русов», которую он знал в рукописи еще с конца 30-х годов и называл, вслед за А. Бодянским, «Летописью Конисского»: «Они осушали непроходимые болота и рыли каналы для прохода водных судов в Санкт-Петербург, город новопостроенный Государем на свое имя в самых Северных болотах, при устье реки Невы, который созидан весь почти на сваях и насыпи и был могилой многочисленного народа, погибшего от мокроты, тягости и стужи»*.

13. Скрытая месть казачеству

Но, несмотря на великое уважение к казакам, автор не может удержаться от скрытой мести казачеству, когда описывает их жестокость по отношению к русинскому населению, которое бежало от них под защиту «жестоких» русских воевод на Слобожанщину, т.е. не поляки вынудили его уходить на территорию России: «Послѣдній же ударъ надъ ними совершили едиnorodные и единовѣрные ихъ братія, Козаки Малоросійскіе, ужасавшіеся дѣль рукъ своихъ».

* История русов. – М., 1846. – с. 224.

«И только одни Запорожцы, бывъ отъ многихъ лѣтъ становищемъ или Сѣчею въ срединѣ почти степей Татарскихъ, т. е. въ устьѣ Днѣпра и Буга, не знали, кому достаются они, и пристали къ Орлику, а съ нимъ и Татарами Крымскими и Бессарабскими дѣлали многіе набѣги и раззоренія въ Малоросіи, а паче въ Заднѣпріи, **отмщевая народу за его имъ непослушаніе и сопротивленіе**» (Стр.219).

14. Скрытый враг Православия

Автор между строк пытается очернить и Православную Церковь, когда говорит, что у них много вер и почти в каждом доме своя и упоминает полумесяц на кресте, как символ наследия прошлого угнетения татарами-мусульманами.

Хотя каждый православный знает, что символика православного накупольного креста вполне раскрывается для осмысления в литургической динамике, так как почти все элементы храмовой символики в разных местах богослужения усваивают себе разные значения.

«И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце, – говорится в Откровении Иоанна Богослова, – под ногами ее луна» (Апок. 12;1).

Православная церковь так поясняет: эта луна знаменует купель, в которой Церковь, крестившаяся во Христа, облачается в Него, в Солнце правды.

Полумесяц – это еще и люлька Вифлеемская, принявшая Богомладенца Христа; полумесяц – это чаша евхаристическая, в которой находится Тело Христово; полумесяц – это корабль церковный, ведомый Кормщиком Христом;

полумесяц – это и якорь надежды, крестный дар Христа;

полумесяц – это и древний змий, попираемый Крестом и полагаемый как враг Божий под ноги Христа.

В якорном кресте (его изображения встречаются на стенах катакомб ранних христиан) соединились два символа: крест и **полумесяц**, что аллегорически отражает сюжет рождения Христа из тела Марии: эмблемой Марии считают полумесяц (одновременно символ надежности и устойчивости). Якорный крест понимали и как сочетание водной и огненной стихий, из синтеза которых, согласно многим традиционным учениям, возник мир.

Автор также бросает тень на православных священников, намекая на использование ими магических обрядов во время предания анафеме Мазепы. Кто хоть немного читал рассказы о магических ритуалах, тот должен был сразу понять, что православные священники не чуждались их: «По окончаніи краткихъ торжествъ выбора и утвержденія Гетманскаго открылось тамъ же, въ Глуховѣ, новое явленіе, до того еще въ Малоросіи не бывалое, явленіе страшное, названное сопутницею Мазепѣ въ адъ. Многочисленное духовенство Малоросійское и, ближайшее къ границамъ здѣшнимъ, Великоросійское, нарочито собранное въ Глуховъ, подъ начальствомъ и инспекторствомъ извѣстнаго Епископа, Прокоповича, и составившее, изъ себя, такъ названный, помѣстный соборъ, въ 9-й день того жъ Ноабря, предало Мазепу вѣчному проклятію или анафемѣ. Мрачное торжество сіе совершалось въ каменной Николаевской церкви, въ присутствіи Государя и при многочисленном собраніи чиновниковъ и народа. Духовенство и клирики были въ черномъ одѣяніи, и всѣ со свѣщами чернаго цвѣту. Портретъ Мазепы, висѣвшій до того среди города на шибеницѣ, влеченъ былъ по городу палачами и втянутъ внутрь церкви. Духовенство, окружа его, прочитывало и воспѣвало нѣкоторые псалмы изъ Священнаго Писанія, потомъ, провозгласивъ и нѣсколько повторивъ: “Да будетъ такой-то Мазепа проклятъ!”, оборотило на портретъ его возженные свѣчи, а кли-

рики, повторяя то же самое пѣніемъ, оборачивали и они свѣчи свои ничкомъ. Начальствующій Епископъ ударилъ при томъ концемъ жезла своего въ грудь портрета, со изреченіемъ: “Анаѳема!”» (стр.212-213). Этого никак не мог написать православный.

Выводы.
«История русов» –
проект взаимоотношений казаков
и Польши

Автор «Русов», делая упор на описании добровольного присоединении Руси к Польше, описывая деяния Хмельницкого, поведение Мазепы, фактически предлагает казачьим дворянам идеологическую канву написания их истории, а заодно и платформу для будущего сотрудничества казаков с Польшей накануне восстания 1831 года. Это проект казачьей истории, и видение автором их будущей государственной деятельности в составе Польши, приманка для выхода из России казачьего дворянства.

В «Истории русов» автором проведена сознательная, согласно единому идейному замыслу, фальсификация и интерпретация фактов и событий, которая основывалась на польском сарматизме и взглядах польских историков на события времен восстания Хмельницкого и до 1767 года и не должна была противоречить ягелонской идее.

Истории о появлении
«Истории русов»

Время появления «Истории русов» приходится на интенсивную подготовку поляков к восстанию. Основной формой организации польских заговорщиков в то время были масонские ложи. Планы восстания

вынашивались польскими тайными обществами с 1820-х годов. Местные заговорщики пытались установить контакты с декабристами, затем – рассчитывали на затруднения, которые вызовет в России война с Турцией (1828 г.). А в 1829 году, решив воспользоваться намеченным на весну коронованием польской короной императора Николая I, запланировали убить русского царя. Но всем этим планам не суждено было сбыться.

В первые годы девятнадцатого столетия друг за другом создаются – одна из крупнейших лож – **киевская ложа «Соединенных славян»**, впоследствии передавшая свое название и символику тайному обществу, в Борисполе – **«Общество малороссов»**, в Житомире – **«Рассеянный мрак»** и ложа **«Тамплиеров»**, в Полтаве – **«Любовь к Истине»**. Над образованием полтавской ложи особенно активно потрудился некто Михаил Николаевич Новиков (1777-1822), двоюродный племянник одного из отцов-основателей русского масонства Н.И. Новикова.

Заметную роль в полтавской ложе играли Михаил Иванович Муравьев-Апостол (1793-1886) и генерал от артиллерии Владимир Андреевич Глинка (1790-1862), в будущем – начальник горных заводов Уральского хребта. Как тут не обратить внимание на то, что первый был потомком отважного, но весьма ненадежного, как союзника гетмана Войска Запорожского Даниила Петровича Апостола (1654-1734), а второй происходил из знатного польского рода Глинок? Кроме них в ложу входили крупный землевладелец, полтавский уездный и губернский предводитель дворянства, действительный статский советник Семен Михайлович Кочубей (1778-1835) и Иван Петрович Котляревский (1769-1838), писатель, поэт, переводчик, сочинитель известной театральной пьесы «Наталка-Полтавка» (1819 г.), первый автор, чьи произведения на украинском языке читали в России.

После Новикова ложу возглавил Василий Лукич Лукашевич (1787-1866), сын генерал-майора Л.М. Лукашевича, впоследствии – статский советник, Переяславский поветовый (уездный) маршал. В 1826 году он был арестован, пребывал в Петропавловской крепости, а после освобождения по Высочайшему повелению жил у себя в имении под Борисполем под надзором губернатора края. На следствии М. Бестужев-Рюмин однозначно утверждал, что целью деятельности этой логи было «присоединение Малороссии к Польше». Более того, Лукашевич активно контактировал с представителем польского магнатского рода Ходкевичей, «полагая его значащим членом польского общества, предлагая присоединиться к оному (к масонскому братству – Г.П.) и соединить Малороссию с Польшей». Сам же Бестужев-Рюмин отзывался о Лукашевиче крайне нелестно: он «нравственности весьма дурной, в губернии презираем, и я слышал, что общество его составлено из людей его свойства».

Ложа «Соединенных славян» возникла в 1818 году в Киеве, возглавил ее польский помещик Валентин Росцишевский. Управляющим мастером логи был другой поляк – Франц Харлинский, в число ее членов входили многие другие поляки-землевладельцы: Иосиф Проскура, Шимановский, Феликс Росцишевский.

«Общество соединенных славян» было образовано на основе «Общества первого согласия» в начале 1823 года в Новоград-Волынской, в недрах 2-ой армии. Его основателями являлись офицеры, братья А.И. и П.И. Борисовы, а идейным вдохновителем выступил политический ссыльный польский шляхтич Ю.К. Люблинский. В общество входили небогатые офицеры, мелкие чиновники и служащие.

Юлиан Казимирович Люблинский (1798-1873) родился в семье обнищавшего шляхтича, дворянина Волынской губернии Казимежа Мотошновича. Учился в Каменецком лицее, с 1819 по 1821 гг. являлся воль-

нослушателем отделения администрации и права Варшавского университета.

О «Соединенных славянах». Основными документами общества являлись незначительные по объему «Правила общества соединенных славян» и «Клятвенное обещание». В них в самой общей форме содержалась идея добровольного объединения славянских народов и соседних с ними в федеративной республике, в состав которой должны были войти Россия, Польша, Богемия, Моравия, Сербия, Молдавия, Валахия, Далмация, Хорватия, Венгрия и Трансильвания. По проекту верховная власть в республике принадлежала бы собранию представителей всех республик. У каждого народа подразумевалась своя конституция на демократических принципах с учетом национальных особенностей. Одним из пунктов программы общества также была борьба с крепостничеством и деспотизмом. К осени 1825 г. общество насчитывало около 50 человек, среди которых были русские, малороссы, поляки.

Наиболее деятельными из них являлись, кроме братьев Борисовых, И.И. Горбачевский, В.А. Бечаснов, М.М. Спиридов и др. Конкретные задачи в программе не указывались, что вызывало недовольство наиболее активных членов общества. По предложению С.И. Муравьева-Апостола и М.П. Бестужева-Рюмина в сентябре 1825 года «Общество соединенных славян» слилось с Южным обществом. Позднее некоторые из его членов участвовали в подготовке восстания в Черниговском полку*.

История появления «Истории русов»

Отдельного рассмотрения требует и история появления «Истории». Надо отметить тщательную работу

* Георгий Павленко. Декабристы, польские националисты и украинские самостийники

по конспирации автора, и способа предания гласности «Истории русов». Есть две версии ее появления – О.М. Бодянского и А. Лазаревского.

Первая версия появилась от Бодянского.

Осип (Ио́сиф) Макси́мович Бодя́нский (укр. *Осип Макси́мович Бодя́нський*;) 31 октября (12 ноября) 1808 г. (также встречается – 3[15] ноября 1808 г.), м. Варва, Лохвицкий уезд, Полтавская губерния, Российская империя – 6 (18) сентября 1877, Москва, Российская империя).

Версия издателя О.М. Бодянского, когда он планировал напечатать «Историю Русов» в 1846 году, полностью построена на мнимой причастности Г. Конисского к этому пасквилью. Рукопись ему прислал А. Ханенко.

О.М. Бодянский явно лукавит, когда сообщает в предисловии такие сведения о ее происхождении: «Г. Полетика, депутат малороссийского шляхетства, отправляясь в Комиссию по составлению нового уложения, “имел надобность необходимую отыскать отечественную историю”, по каковой причине обратился к Георгию Конисскому, архиепископу Белорусскому, природному малороссу, который и дал ему летопись, “уверяя архипастырски, что она ведена с давних лет в кафедральном могилевском монастыре искусными людьми”. Если верить Бодянскому, то получается, что впервые эта рукопись попала к Г. Полетике от Г. Конисского.

Архиепископ Георгий (в миру – Григорий Осипович Конисский; 20 ноября 1717, Нежин, Черниговский полк, Русское царство – 13 (24) февраля 1795, Могилев, Российская империя) – епископ Русской Православной церкви, архиепископ Могилевский, Мстис-

лавский и Оршанский. Философ, педагог, богослов и общественный деятель Речи Посполитой, а затем Российской империи.

Письмо Г. Конисского к Г. Полетике в 1782 г. было, но оно сопровождало посылку с польскими историческими книгами. Об этом пишет А. Шевчук: «Г. Конисский только передал Г. Полетике готовое произведение. Кстати, это именно фиксируется в предисловии к «Короткой летописи», изданной В. Рубаном, но, понятно, не «Историю русов» он передавал Г. Полетике, а только «Короткую летопись», которая, в свою очередь, стала одним из источников «Истории русов», что доказано учеными несомненно».

Григорий Андреевич Полетика из казаков, (1725, Ромны, Лубенский полк, Российская империя – 7 декабря 1784, Санкт-Петербург, Российская империя) – российский писатель, лексикограф, переводчик с немецкого и латинского языков, член Петербургской Академии наук. С 1764 по 1773 год служил инспектором в Морском кадетском корпусе.

Как видно, эта версия сфабрикована О.Бодянским и не вызывает доверия.

Вторую версию озвучил А. Лазаревский, который передавал рассказ одного из потомков известного казацко-гетманского рода А. Ханенко (1816-1895), о том, что впервые рукопись «Истории русов» была найдена около 1828 года в библиотеке г. Гринева Стародубского уезда при описи гриневской усадьбы И. Безбородько, когда она переходила от князя Лобанова-Ростовского к князю Голицыну.

**Лазаревский Александр
Матвеевич** (20 июня 1834, село
Гиривцы, Конотопский район,
Сумская область – 13 апреля 1902
(67 лет), город Киев).

Нашли рукопись два члена одного из стародубских судов (О. Гамалия и С. Лайкевич, также известные казачьи фамилии в Стародубе), которые описывали гриневское имение в 1828 г. Они показали эту рукопись черниговскому губернскому маршалку С. Шираю, который сделав из него копию, вернул оригинал в гриневскую библиотеку.

Усадьба Безбородько в с. Гриневе

(Степан Михайлович Ширай (1761-1841) – генерал-майор, черниговский губернский предводитель дворянства).

С копии С. Ширая делали для себя копии и некоторые стародубские помещики.

Одну из первых копий сделал для себя А. Ханенко и отослал ее О. Бодянскому, когда он планировал напечатать «Историю русов»* в 1846 г.

Как подчеркивает А. Лазаревский, С. Ширай также послал копию «Истории русов» и Д. Бантыш-Каменскому, но неполную. Оригинал «Истории русов, или Малой России» к нему не дошел.

Такова версия А. Лазаревского, которому ее якобы рассказал А. Ханенко через десятки лет. Т.е. книга попала к Бодянскому от А. Ханенко. О. Бодянский почему-то побоялся озвучить версию Ханенко, хотя в ней ничего криминального нет. Но в этом случае, читатель уже не будет доверять неизвестному автору так, как известному Г. Конисскому.

Версию А. Лазаревского косвенно подтверждает письмо декабриста Александра Федоровича фон дер Бриггена к Кондрату Рылееву в 1825 году.

Александр Федорович Бригген (16 августа 1792, Санкт-Петербург – 27 июня 1859, Санкт-Петербург) – полковник, участник Отечественной войны 1812 года, масон и декабрист, член «Союза благоденствия» и «Северного общества».

* Лазаревский Александр. Киевская старина. – 1891. – Т. 33. – № 4. – С. 97-116. Лазаревский А. Отрывки из семейного архива Полетик [I. «Происхождение Полетик. Сведения о жизни Григория Андреевича Полетики». II. «Шесть писем разных лиц о библиотеке Г.А. Полетики: 1) Письмо Г.А. Полетики к президенту адмиралтейской коллегии Голенищеву-Кутузову с просьбой о продолжении отпуска и с известием о гибели своей библиотеки, 1771 г.; 2) Письмо могилевского архиепископа Георгия Конисского к Г.А. Полетике, при посылке польских исторических книг», 1782 г.; III. «Догадка об авторе «Истории русов»»]

Масон, член ложи «Петра к Истине» (Peter zur Wahrheit) с 1814 года. Ритор ложи. Сотрудник «Военного журнала», издававшегося в 1816-1819 годах, органа «Общества военных людей», организованного при штабе гвардейского корпуса. Задачами общества были обобщение и популяризация опыта Отечественной войны и зарубежных походов. Редактором его был Ф.Н. Глинка.

«В 1825 году, до обнаружения заговора декабристов, Бригген вышел в отставку, имея чин полковника, и начал готовиться к поездке с семьей за границу. Он уже получил заграничный паспорт и перевел почти все свое состояние в гамбургский банкирский дом Ливио, когда внезапная болезнь жены лишила его возможности двинуться в путь. Вскоре банкирский дом Ливио прекратил платежи, и Бригген совершенно разорился, а после событий 14 декабря он был привлечен к суду, обвиненный в том, что, состоя членом тайного общества, знал о замыслах Якубовича, сообщил о них князю Трубецкому, но не донес правительству.

Действительно, Бригген был издавна членом Северного общества и хорошо знал о делах всех тайных обществ, но не придавал им серьезного значения. Приказ об аресте на него был выдан 3 января 1826 г., а 10 января арестован в имении своего тестя в селе Понуровка Стародубского уезда вместе с братом своей жены Александром Михайловичем Миклашевским.»

Понуровка (Пануровка, Поноровка) – село, Стародубского района Брянской области, в 27 км к югу от Стародуба, на реке Ревне. Центр Понуровского сельского поселения (включает села Азаровка, Буда-Понуровская, Демьянки и Курковичи). Впервые упоминается в 1669 г. как раскольничья слобода (первое поселение старообрядцев в Стародубщине), с 1680-х годов владение полковника С.И. Самойловича,

с 1687 – гетмана Мазепы, с 1693 – Миклашевских, построивших здесь на рубеже XVIII-XIX веков замечательный усадебный комплекс. В XVII-XVIII веках входило в полковую сотню Стародубского полка.

«Описание старой Малороссии», А.М. Лазаревский, 1888 год: «Село Понуровка при реке Ревне, поселено при Рославце раскольниками, которые затем были удалены отсюда Семеном Самойловичем, взявшим это село в свое владение; затем Понуровкой владел и брат его Яков, а с 1687 года она находилась в личном владении Мазепы до 1693 года, когда была отдана Михайлу Миклашевскому. В роде последнего Понуровка осталась до последнего времени. По первой переписи Малороссии 1723 года – казаков нет; крестьян Миклашевского грунтовых 82 двора и бобылей 30 хат. В 1781 году по распоряжению графа Румянцова, перед открытием наместничеств, было сделано статистическое описание Малороссии, по которой в селе числилось – казаков нет; крестьян Миклашевских 102 двора, 116 хат и бездворных 12 хат».

В письме, написаном из села Понуровки Стародубского уезда, из имения его тестя генерала М. Миклашевского, сообщается: «Я буду прикладывать усилия прислать Вам, насколько возможно, материалы из малороссийской истории, имею в виду, достать такую историю, написанную современником Г.Конисского А. Худорбою, она неизвестна, ибо только один экземпляр ее существует в доме, в котором жил Худорба. Эта история ценится здесь наравне с историей Конисского, ставят ей в недостаток, что она очень вольно и против правительства нашего написана. Доставши ее, я велю сделать с нее два списка, один для Вас, а другой для себя».

(Архип Худорба жил в селе Комани, Новгород-Сиверского уезда, умер припл. в 1799-1810 гг.) От Понуровки до с. Комань расстояние около 80 км. С. Комань под Новгород-Северским знаменито тем, что, по не-

которым сведениям, по одной из версий, в нем на военном совете, на котором присутствовал Богун, при попытке его арестовать он был застрелен 27 февраля 1664 года.

Как следует из слов Бриггена, «Истории» Г. Конисского и Худорбы – это разные произведения. Бригген пишет с чьих-то слов о ее ценности и недостатках и о том, что она написана А.Худорбой, который к этому времени умер. Сам он ее не видел и ссылается на дом, в котором жил Худорба.

И «История» Г.Конисского, скорее всего, – это «Краткая летопись...» Рубана, она была общеизвестна и К.Рылееву, и Бриггену (Бригген говорит о ней без объяснения, как об общеизвестном труде), она уже ценилась здесь, и в ней не было ничего против правительства! Но «История Г. Конисского» (а это была «Краткая летопись» Рубана) отличалась от «Истории» А. Худорбы лояльностью к правительству и в ней Худорба не упоминается.

Из слов Бриггена становится понятно, что «История» Худорбы существовала в одном экземпляре и хранилась в доме Худорбы в Комани за 80 км от Понуровки. И ее владельцы каким-то образом знакомили с ней местных дворян, которые ее ценили. Не разрешая ее переписывать – в «одном экземпляре».

Поэтому «Историю Худорбы» можно с уверенностью считать «Историей русов», в которой его предок является одной из центральных фигур во время восстания Хмельницкого.

Как видно из биографии Бриггена, обстоятельства помешали ему выполнить свое обещание.

Таким образом, мы видим, что, во-первых, для подлога О.Бодянским была использована реальная ссылка Рубана на участие Полетики и Безбородько в его истории в предисловии к «Краткой летописи...»: «записки сии короткие летописные с 1506 по 1734 год... достал я от преосвященного Георгия, епископа Могилевско-

го, а дополнены они были по 1776 год «нынешним киевским господином полковником, который находится при его императорском величестве для принятия чолобитных Александром Андреевичем Безбородьком, мужем в знании отечественной истории известным и способным, к диеписанию достаточно уталаненным».

Скорее всего, это натолкнуло тайных авторов «Истории» на мысль, что ее надо «обнаружить» именно в имени А. Безбородько, бывшего канцлера России.

Таким образом, Бодянский использовал для легализации «Истории русов» Худорбы письмо Конисского к Полетике, которое относилось к «Краткой летописи» Рубана.

Во-вторых, авторство приписали архиепископу Георгию Конисскому, православному священнику, который по определению не мог написать такой пасквиль. Это вполне похоже на месть православному епископу в духе иезуитов.

Не мог написать его и Г. Полетика. Стилль его произведений и отношение к русскому государству это исключает. Но то, что она написана на русском языке того времени, указывает на то, что авторы тщательно и всесторонне готовили свой памфлет как произведение местного дворянского казачества.

На сегодня неизвестно другое произведение на эту тему, которое можно отнести к антиправительственным и антирусским, кроме «Истории руссов». Но в самой «Истории русов» нет ничего против существующего правительства (книга заканчивалась на 1767 г.). В ней были выведены негативные персонажи: Меньшиков и русские воеводы, зверства русских. А значит, под антиправительственным подразумевалось – против русских! Поэтому и поостереглись организаторы передать ее Бриггену накануне восстания, чтобы не оттолкнуть декабристов раньше времени от поляков.

Вероятно, владельцы произведения страховались от возможности найти автора через переписчиков, если

бы правительство захотело выйти на его след, и поэтому тянули время.

Поэтому Бригген и говорит, что он будет «прикладывать усилия». Ведь для него не было проблемой заплатить за переписку книги.

Далее, упоминается только один экземпляр и упоминание авторства умершего к этому времени А. Худорбы. А это означало, что авторство пытались скрыть и что историю только начали распространять. Переписать грамотно целую книгу, чтобы не выдать автора, непросто! Или ссылка на один экземпляр – это повод, чтобы не дать ее в руки русского офицера?

Следующий вопрос: среди кого ценилась «История Худорбы», которая в одном экземпляре и не известна остальным любителям старины? Она читалась в коллективе, или передавалась тайно только доверенным лицам?

Кто сообщил Бриггену об одном экземпляре, ее ценности и недостатках, про авторство А. Худорбы и хранении ее в доме Худорбы как семейной реликвии? От Понуровки до Комани было около 80 км. По тем временам это было значительное расстояние. И Бригген так ее и не увидел.

Или был сделан пробный экземпляр, чтобы с его помощью определить реакцию местных казачьих помещиков на предлагаемую польскую версию казачьей истории и после успеха среди них запустить ее в публику?

Теперь о казаках Худорбах. Как пишет А. Шевчук, «ряд удивительных фактов заставляет нас сравнивать это произведение Худорбы именно с «Историей русов». Оказывается, анонимный автор ее проявляет немалый интерес именно к истории рода Худорбы и не раз пользуется возможностью, чтобы поднять этот род и его заслуги, и это при том, что Худорбы ничем не отмечались в истории Украины». Т.е. очевидно, что по-

томки Худорбы имели отношение к истории появления «Истории русов». И просто так включить его предков в историю повествования «Истории русов» авторы не могли.

После известий о французских похождениях автора, его знакомства с диковинами Египта интересны факты из биографии Худорбы, которые помогут установить его связь с просветителями Франции и культурой Египта.

Вот как пишет о нем В. Шевчук: «Коротко об Архипе Худорбе. Он жил в селе Комани Новгород-Северского уезда и был шептаковским сотником.

Худорбы – старый казацкий род, который выводил себя от Михаила Кондратовича Худорбая (Худорбия – татарин. – авт.) – знатного военного товарища, но имело ли это исторические основания, неизвестно.

Известно лишь, что Худорбы были казаками в Комани, даже подпомощниками, которыми они записаны в актах Румянцевской ревизии 1767 года. Один из них был в чине военного товарища – это был Михаил Емельянович Худорба, уроженец Комани. У него были сыновья Архип, Афанасий (был корнетом), Владимир – значковый товарищ.

Архип Худорба родился между 1748-1750 годами. Был сотенным канцеляристом, во время Румянцевской комиссии записанный «аттестованным в сотенные новгородские старшины».

С 1769 года он – сотенный есаул и, как такой, убыл в том году в Турецкий поход. В 1769-1773 годах воевал во Второй армии, был при разорении города Дубоссары, при осаде и взятии Бендер, взятии Перекопской линии и Перекопа.

В 1773 году его назначили сотенным атаманом, а с 1777 года о нем писали, что он «в комплекте при полке находится». Знаем, что его представили к чину секунд-майора. Очевидно, со Стародубским карабинерным полком принимал участие в походах А. Суворова.

В 1789-1791 году в последний раз записан как премьер-майор в дворянских реестрах.

В 1799 году Худорбе было дано русское дворянство; возможно, это произошло еще при жизни Архипа.

О. Оглоблин допускает, что он умер в 1799 году. Род Худорбы был известен на Новгород-Сиверщине в XIX – начале XX столетия».

Как видно из биографии, никакого знакомства с культурным наследием Европы не наблюдается. В юности он не был дворянином, а значит, не мог учиться в университетах.

Но, как недавно установлено, в основу «Истории Русов», была положена одна из версий «Краткой истории» Рубана, воспроизведенная в работе француза Шерера. Скорее всего, для этой версии была использована история создания Рубаном «Краткой летописи...» в 1777 г.

Она кратко подавала картину исторического развития Руси от древнейших времен, а затем очень подробно освещала казачий период до второй половины XVIII ст., в частности, до 1769 года.

Французы в это время внимательно изучали историю казаков. Готовились к войне против России. Французский историк Эдуард Дрио писал о планах Наполеона: *«Он думал поднять казанских татар; он приказал изучить восстание пугачевских казаков; у него было сознание существования Украины... Он думал о Мазепе... Поднять революцию в России – слишком серьезное дело! Наполеон не без боязни остановился перед грозной тайной стеной...»* По распоряжению Наполеона Бонапарта в московских архивах велись поиски сведений о пугачевском бунте. Сохранились наброски императорского манифеста к крестьянству. Было написано несколько исторических трудов по истории малороссийского казачества.

К тому же, как сегодня установлено, он знал Вольтера, которого цитировал, видел «египетские мумии».

Т.е. он должен был быть во Франции, Египте, Петербурге после египетского похода Наполеона, что из биографии А. Худорбы не следует.

Поэтому А.Худорба никак не мог написать это произведение. Как и его потомки, которые не оставили после себя ничего выдающегося из печатных произведений. Но то, что они принимали участие в его переписывании, – это очень может быть. С большой степенью вероятности можно допустить, что именно эта комановская «История русов» Худорбы была подброшена, а затем «найдена» в усадьбе А. Безбородько в с. Гриневе, всего в 20 км от с. Понуровки.

Европейский след

Критики и исследователи «Истории русов» отмечали широкий европейский взгляд автора на свободу человека. А это было совсем не характерно для вчерашней казачьей верхушки, которая только, только дорвалась до дворянству и держала в крепостной зависимости своих бывших казаков и крестьян.

На это обратил внимание и М. Драгоманов: «Если автор не любил московских порядков, то в целом не как узкий украинский националист, а как защитник прав человека (ср. речь, что он вкладывает в уста Павла Полуботка перед Петром I на с. 229-230) и выразитель новейшей европейской культуры – и заметно, что его отображение московских порядков опережает именно те, которые высказывали великорусские же либералы и «западники»*. Это вступает в противоречие с тем, что Пушкин заметил у автора «сердце дворянина».

Но сочетание риторики о свободе с крепостническим сердцем было присуще в то время только польской шляхте. Под свободой народа поляки понимали свободу сарматской шляхты, но не своих «хлопов».

* М. Драгоманов. В защиту неизвестного покойника автора «Истории Руссов» // Порядок. 1881. № 128.

И многие французские прогрессивные писатели, обманутые риторикой польской шляхты, после посещения Польши, быстро убеждались в непреодолимой пропасти между свободолюбивой риторикой псевдodemократических шляхтичей и их отношением к своим крестьянам.

Также и последующее развитие украинофильства в украинство не обнаруживает в себе ни следов вольтеризма, ни следов его развития после появления «Истории русов». Оно твердо держалось реакционных форм устройства общества и было пропитано крепостничеством и русофобией.

Поэтому «опередить» русских либералов в риторике могли только польские шовинисты-эмигранты, которые традиционно имели связи с Парижем, познакомились там с идеями просветителей, но понимали свободу как свободу шляхты-сарматов по отношению к власти, а своей риторикой ввели в заблуждение большую часть западных и русских демократов. Также были и русские дворяне, которые заводили переписку с французскими просветителями. Но они не имели отношения к проблемам Южной Руси.

О знакомстве автора с европейской политической культурой свидетельствуют упоминания слов «революция» (это могло произойти после Французской революции 1789-1794 гг.) и «патриот» (с. 122). «Подъ охраненіе національнаго присяжнаго архиваріуса, которья со многими вторыми національными документами... или правительства и по навѣтамъ антипатріотовъ народныхъ» (стр.123).

Также автор не чужд и славянофильству. А это могло произойти после публикаций чешских «будителей» в частности Яна Коллара, родоначальника панславизма в поэзии, который ввел термин «славянская взаимность» в историческую лексику в начале 1820-х гг. в поэме «Дочь Славы». На понятия «нация» и «патриот» Коллар перенес высокие гуманистические принципы,

включив тем самым славянскую национальную проблематику в область философской и социологической мысли. «Дочь Славы» представляется как историко-филологический трактат о славянстве в его настоящем, прошедшем и будущем и как наиболее яркое выражение идеи славянской взаимности. Поэма сделалась как бы евангелием всеславянства. Впечатление, произведенное ее появлением в печати на современников, было чрезвычайное. Это видно по той массе стихотворений, явившихся в подражание «Дочери Славы».

Также автор упоминает **египетские мумии**, как что-то общеизвестное и привычное для него: «видь изсохшій и **близкій къ Египетскимъ муміямъ**» (стр. 228).

Веским доказательством написания ее поляками, стало открытие в Киеве И.Я. Дзиры в 2007 г. Оказывается, в России во времена Наполеона, появилась французская история Малороссии редкого издания на французском языке. Это были «Анналы Малороссии, или История запорожских и украинских казаков» Ж.-Б. Шерера, которые были напечатаны в Париже в 1788 г. [Annales de la Petite-Russie; ou histoire des cosaques-saporogues et des cosaques de l'Ukraine, ou de la Petite-Russie. Par *Jean-Benoit Scherer*. Paris, 1788.]

Как установил И.Я. Дзира, «те отрывки из “Истории русов”, которые приводились некоторыми учеными как доказательство авторства Григория Полетики, на самом деле были взяты автором “Истории русов” из книги Шерера».

Об этих заимствованиях пишет и А.Шевчук: «Во-первых: автор, безусловно, использовал “Краткую летопись”, изданную В. Рубаном и дополненную А. Безбородько, эти заимствования многочисленны, и их заметили исследователи».

Но, как видим, А.Шевчук, как и предыдущие исследователи ошибался, когда считал, что автор «Исто-

рии русов» пользовался «Краткой описью», изданной В. Рубаном в России.

И.Я. Дзира установил, что «список “Летописец о Малой России или сокращенная история о козацких гетманах и о всем случившемся и примечания достойном в Украине”, составленный в 1813 г. и хранящийся в Институте рукописей НБУ им. В.И. Вернадского, не является списком “Краткой описи Малой России” В.Г. Рубана и А.Безбородько 1777 года, а есть дословным перевод II тома “Анналов” Шерера 1788 года.

Об опосредствованном влиянии компиляций 30 – 80-х гг. XVIII ст. на «Историю русов» свидетельствует использование неизвестным автором “Анналов Малой России” Ж.-Б.Шерера (последний во II томе своей книги напечатал один из списков “Короткого описания Малой России” Рубана).

Кроме непосредственных текстуальных заимствований, на страницы «Истории русов» попали идеи французского просвещения предреволюционной поры».*

Таким образом, из этого следует, что автор часто бывал в Париже во времена Наполеона, пользовался не книгами, изданными в России, а французскими источниками. Это напрочь перечеркивает участие в авторстве кого-либо из среды так называемых «автономистов». В этой среде, тем более среди таких талантливых, как автор, такие произведения распространялись еще до их опубликования. Об этом свидетельствует и сама история появления «Истории русов», которая с 1828 года и до ее издания начала распространяться в рукописном виде. Тем более, что именно эти «казачки» и были авторами подобных произведений.

* Дзира І.Я. Козацькі літописи 30-80-х рр. XVIII століття як історичне джерело та пам'ятки української історіографії. Автореферат на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук. Київ – 2007. (Шерер, Жан-Бенуа. Літопис Малоросії, або історія козаків-запорозжців та козаків України, або Малоросії: Пер. з фр. В. В. Коптілов – К.: Укр. письменник, 1994).

К тому же частое упоминание «славянства», свидетельствует о знакомстве автора с польскими масонскими ложами. А из этого следует, что «История» писалась после 1818 г., когда они получили широкое распространение в России.

Поэтому автор никак не мог быть из среды помещиков-казаков.

Авторство «Истории русов» принадлежит польским конспираторам-историкам, которые в ней впервые изложили идейную платформу и программу казачьего автономизма в составе Польши. Целью этого произведения было создать из казачьего дворянства Малороссии союзников для польских повстанцев. Для этой программы они использовали идеи польской исторической школы, польскую идеологию сарматизма и зарубежные антирусские материалы. Часто речи, вложенные авторами этого произведения в уста казачьим деятелям и татарам, не требуют даже анализа для выявления своего польского и иностранного происхождения..

Вся идеологическая направленность этого произведения свидетельствует о том, что автором был поляк, который не проживал в «восточных крессах» Польши.

Версия истории написания «Истории русов»

Историю создания этого памфлета можно представить таким образом. Книга «Краткое описание Малороссии» В.Г. Рубана и А. Безбородько, изданная после второго раздела Польши в 1777 году в Петербурге, а с ней и список труда Г. Полетики попадают к Ж.-Б. Шереру в Петербурге, где он был на дипломатической работе. Он их использовал почти дословно во втором томе своих «Анналов».

Почти в то же время и француз Лезюр по указанию Наполеона начинает писать «Историю казаков», которую закончил в 1814 году (Париж, 1814 г.).

Затем «Анналы Малой России» Ж.-Б. Шерера в бурную революционную эпоху, время разделов Польши и наполеоновских войн, попадают в Юго-Западный край, или их привозит автор «Истории». С них делают перевод в 1813 году под названием «Летописец о Малой России, или Сокращенная история о козацких гетманах и о всем случившемся и примечания достойном в Украине», который исследователи приписывают Г.Полетике или как «опосредствованным доказательством относительно авторства А. Безбородько».

Автор берет материалы из этого перевода или непосредственно из «Анналов» для написания «Истории русов». Из этого следует тот вывод, что автор «Русов» не знал русского издания труда Рубана и Безбородько, который был известен среди казацкого дворянства Черниговщины на русском языке! Иначе зачем ему использовать французское издание или переводить с французского? Также автор слабо знает историю Наливайка, называя его Павлом, а не Северином. Судя по тексту «Истории», автор был поляк-историк, мало знакомый с историей казачества польской Украины и не связанный с малороссийским дворянством.

И, судя по всему, был коллектив, который дал ему заказ, а затем привлек к этому делу и родственников казака Худорбы, отблагодарив их внесением в текст «Истории» ложных сведений об их предке. Книга готовилась как агитационный материал для привлечения на сторону польских конспираторов потомков казачьего дворянства накануне восстания. И первоначально предполагалось использовать наследников Худорбы для легализации этой истории. Но поражение декабристов и последовавшие запрет масонских лож и аресты масонов вынудили изменить первоначальный план.

Похоже, что авторами была разработана следующая схема легализации этой книги, которая не оставляла указаний на ее авторов, а рукопись не подлежала цензуре.

Все было тщательно продумано. Для прикрытия были использованы те лица, которые уже упоминались в «Краткой летописи...» Рубана: Г.Конисский, А. Безбородько, Г. Полетика. Удачно выбрано место, в котором «случайно» нашли рукопись – архив Канцлера России А. Безбородько, который увлекался историей и к этому времени умер (1799 г.) и труды которого о Малой России были известны.

Чтобы придать достоверность этой версии, автором «Истории» сделали по той же причине православного архиепископа Г.Конисского, соавтора А.Безбородько. Еще до официального издания, когда она распространялась в рукописи, был пущен слух, что автором является Коннисский. Поэтому Бодянский только зафиксировал эти сведения в предисловии.

Теперь о непричастности к ее написанию лиц, которые ее нашли. Вполне логично, что это могли быть случайные люди, которые делали опись архива А. Безбородька и нашли там подброшенную «Историю». Но, возможно, один из них или оба были масонами местной ложи и подбросили ее в документы А. Безбородько. Ведь первоначально рукопись была в одном экземпляре в доме потомков А. Худорбы, который к тому времени также умер.

Информацию мы узнаем не от них, а от третьих лиц через много лет, хотя время популярности ее пришлось на тот момент, когда нашедшие ее лица были живы.

Автор «Русов».

Где искать автора «Истории русов»

А. Шевчук в своем анализе «Неразгаданные тайны «Истории русов» приводит все версии ее авторства. Но среди образованной части казачьего дворянства того времени кто мог бы написать ее, никто не подходит для авторства этого памфлета. Одни не проходят интеллектуальный критерий, другие не разделяют

взглядов автора на события и отношения к России. Это и не удивительно, ведь взгляды автора не соответствуют менталитету малороссийского казачьего дворянства того времени. Для них вершиной устремлений и смыслом жизни было сравняться с польской шляхтой или русским дворянством. О другом они и не мечтали, даже во время наибольших своих военных достижений с Польшей.

Только неприятие и презрение к ним польской шляхты, а также давление простого русского народа заставили принять их подданство России. Ни о каком самостоятельном государстве, своем особом народе они в принципе не могли и подумать. Вершина их организации это территориальная атаманщина, которая прислуживает какому-либо государству: Польше, Турции, России. В России они получили все, к чему веками стремились их предки, – иметь дворянство и имения.

Как подчеркивает профессор Л. Шкляр, «потеряв собственное традиционное право, а вместе с тем и национальную правовую культуру, украинцы (малороссы. – авт.) вынуждены были приучаться жить по нормам и регламенту других национальных правовых ценностей, традиций и норм, которые являются сконцентрированным проявлением национального характера, национального менталитета, и так чужой исторический опыт общественной жизни приспособили к собственным условиям и формам другого этнического культурного опыта»*.

Поэтому вполне логично, что потомки казацкой верхушки, которые привыкли служить польскому королю, торговаться за привилегии, и грабить своих, не способны были написать для себя такую идеологическую программу, какой является «История русов».

* Шкляр Л.С. Феномен української культури: методологічні засади осмислення / [Відп. ред.: В. Шинкарук, Є. Бистрицький]. – К.: Фенікс, 1996. – с.275.

Другое дело – автор «Русов». Это сторонник государственного устройства по принципу Польского королевства, но с правильной шляхтой и сильным королем. Он превозносит польских королей, осуждает непомерные амбиции шляхты, критически относится к унии и поведению деятелей польской католической Церкви, осуждает нарушение договоров отдельными польскими магнатами.

Он польский писатель, возможно историк из Правобережья, так как не знал русских левобережных историй казачества. Хорошо знал русский и французский язык. Был сторонником трактовки свободы шляхты и сарматизма, последователем польского историка А. Немцевича*.

На протяжении всей «Истории», он не упоминает русских крестьян, которые сыграли решающую роль в борьбе Б.Хмельницкого с поляками. Для него «лыцарское» казачество и есть народ, как и польская шляхта. Единственное упоминание малороссийского народа – это во время Шведской войны. Но там народ ведет себя подобно дикарям и идиотам, которые не могут найти общий язык с цивилизованными шведами.

Он, как католик, красочно живописует идиллию правления Папы Римского и православных иерархов. Тщательно скрывает свое негативное отношение к Православию русских.

Делает намек на использование православным духовенством черной магии во время анафемы Мазепе. И критикует иезуитов.

Он член масонской ложи.

* Немцевич (Niemcewicz) Юлиан Урсын [16.2.1757-1758). Скоки, близ Бреста, – 21.5.1841, Париж], польский писатель. Был адъютантом Т. Костюшко. Участник Польского восстания 1830. В литературном наследии Немцевича выделяются политическая комедия «Возвращение депутата» (1790), романы «Лейбе и Сюра...» (1821), «Ян из Тенчина» (1825), мемуары «Дневники моих времен» (1823-25). Из «Исторических песен» Немцевича (опубликованы в 1816 г.) К.Ф. Рылеev, высоко ценивший их, перевел думу «Глинский».

В начале «Истории» он всячески подчеркивает славянство поляков и русин, но без русских: «Народъ Славянскій, произшедшій отъ племени Афета, предѣловъ Славянскихъ», «Славянскимъ языкомъ называемые», «Славянское тамо жительство», «иноплеменные Славянамъ народы», «Славянскую землю», «войны Славянъ съ Печенѣгами», «междоусобныя самихъ Славянъ брани», «часть Славянской земли», «в предѣлахъ Славянскихъ», «отъ племень Славянскихъ», «воиновъ Славянскихъ» и т.д.

Это было новым в то время и присуще польским масонским ложам, «Обществу объединенных славян». Князь Адам Чарторыйский на посту руководителя русской внешней политики открыто провозгласил панславизм одним из средств возрождения Польши.

Он всячески подчеркивает единокровность поляков и русин, концепцию “*gente Rutheni, natione Poloni*”, и противопоставляет их россиянам. Такое мнение сохранилось у поляков до сего дня.

Это позволило ему использовать казачьих помещиков бывшей Гетманщины: для переписывания и тиражирования труда и внедрения его в русское общество.

Автор, или его помощники, знал потомков А.Худорбы, которые приняли участие в переписывании произведения и во время подготовки рукописи к введению в публичный оборот вставили фамилию своих предков в «Историю русов». И, вероятно, с самим автором разговаривал Бригген о летописи Худорбы, но тот поостерегся ему, русскому офицеру, показать труд, направленный якобы против русского правительства.

По самой подаче исторического материала автор «Истории русов» – поляк, патриот Польши, разделял все постулаты патриотической ягеллоновской идеи и идеологии сарматизма.

Писатель, историк, сторонник Ю. Немцевича. Он часто бывал во Франции, знал египетские древности, писал в промежутке 1799-1825 гг.

Поэтому его необходимо искать среди польских писателей и историков того времени. При исследовании стиля изложения современными методами это возможно установить.

Перефразируя С. Ефремова, можно утверждать, что автором «Истории русов» был высокообразованный представитель польской интеллектуальной элиты, воспитанный на французской литературе XVIII ст. и идеях «вольтерьянства», знаток трудов Ю. Немцевича, владеющий вполне языком Державина, Жуковского и А. Безбородько.

Можно сказать, что с появлением «Истории русов» завершается этап усилий поляков привлечь в свои ряды казачьих помещиков Малороссии посредством масонских лож. Но эта книга стала историко-философским основанием для зарождения политического украинства».

Митрополит Иосиф (Семашко) – «Моисей белорусского народа»

Этот великий святитель, чьего церковного прославления ждет вся, и Западная, и Восточная Русь, ведь он не только вернул к истине Православия полтора миллиона человек, но и разбудил колоссальную созидательную энергию православного русского народа Западной Руси, возрождая такой эффективный и актуальный инструмент его самоорганизации, как православные церковные братства, частично сохранившиеся в лоне униатства – этого проклятия Западной Руси. Великий Иосиф (Семашко) разбудил великую плеяду православных русских просветителей-«западнорусистов»: Кояловича, Бедновича, Чистовича, Григоровича, Завитневича, Григоровича, Харламповича, приютил в Литовской Руси беженцев-будителей Православия и русского самосознания Галицкой Руси о.Иоанна Наумовича и Якова Головацкого, которые в Вильне присоединяются к Православию. Я намеренно обращаю внимание на настойчивость митрополита Иосифа (Семашко) в его русском национальном самосознании, которое ему, как и необходимость активной православной миссии и справедливого решения униатского вопроса, приходилось доказывать и в Санкт-Петербурге, где многие смотрели и досмотрелись на «просвещенную Европу», забыв о том, что западнее Смоленска живет православный русский народ. О катастрофичности ситуации расцерковления и денационализации российской элиты свидетельствует тот факт, что современник Семашко, великий русский историк, ревнитель воссоединения русского народа Михаил Погодин, чей домик на Пого-

динской улице в Москве должен стать музеем и клубом русского воссоединения, после поездки в Галицкую Русь называл себя «Колумбом открывшим Америку» – наличие двух миллионов русских за пределами России. Это же надо было так хорошо забыть о миллионах своих соотечественниках, не слышать карпаторусских

**Митрополит Иосиф
(Семашко)**

просветителей уже тогда свидетельствовавших в столице России о Подкарпатской Руси: М.Балудянского, И.Орлая, затем Ю.Венелина, ставшего воспитателем в славянофильской семье Аксаковых.

Митрополит Иосиф Семашко родился 25 декабря 1798 года в семье униатского священника на Киевщине. В звании магистра закончил Главную униатскую семинарию при Виленском университете. В 1822 году Семашко назначается членом униатского департамента Римо-католической коллегии при российском правительстве. Вскоре он стал играть там главную роль и благодаря его стараниям этот департамент, до того времени подчиненный католикам, обрел полную самостоятельность и равноправие с Римо-католической коллегией, что фактически выводило униатскую церковь из-под непосредственной опеки римо-католиков.

В 1829 году Иосиф Семашко стал Мстиславльским епископом. Уже тогда, прекрасно изучив церковную историю, фактически пришел к православному исповеданию и стал убежденным сторонником единства западной и восточной ветвей русского народа. «Несколько столетий русский народ этого края находился в польской неволе. В это время с помощью унии его лишили не только древней Православной веры, но и по-

кушались на русский язык, и с течением времени не только отдельные люди, преимущественно грамотные, но и целые приходы в различных монастырях, забывая молитвы своих предков, начинали молиться польски», – писал владыка Иосиф.

И. Семашко добился невмешательства государства во внутрицерковные дела, подчеркивая, что процесс возвращения униатов в Православие – длительный и деликатный. Сам Семашко разработал подробный план действий. Он состоял в постепенной делатинизации богослужения и обряда.

Процесс начался с униатских духовных школ, где Семашко вместо польского и латыни переводит обучение на русский и церковнославянский языки. Латинство, как навязанная религия, не принималась простым народом, поэтому введение православного богослужения встречалось с энтузиазмом, и Иосиф Семашко приобретал все больше сторонников среди униатов. Естественно, польско-католические круги были в бешенстве.

12 февраля 1839 года в Неделю Торжества Православия, в Полоцке собрались униатские епископы Иосиф (Семашко), Антоний (Зубко), Василий (Лужинский), представители приходского духовенства и мирян. Они постановили обратиться от имени всей униатской церкви государства Российского к Святейшему Синоду Греко-Православной Российской Церкви и императору Всероссийскому с просьбой принять их в лоно Святой Православной Церкви.

В единогласно принятом постановлении указывается, что их предки «силою чуждого преобладания подчинены власти Римской церкви», и подчеркивается свое желание «жить с этой минуты вместе с доверенными нам верующими одной жизнью со святыми восточными православными Патриархами и в подчинении Святейшему Российскому Синоду».

13 марта этого же года Святейший Синод вынес решение: «Епископов, духовенство и верующих грекокатолической Церкви объединить с Православной Церковью Всероссийской». 25 марта, в Великий Четверг, император Николай I написал: «Благодарю Бога и принимаю». А на специально отлитой к этому событию медали были замечательные слова: «Отторгнуты насильем (1596), воссоединены любовью (1839)».

Следует еще раз подчеркнуть необходимость канонизации св. Иосифа (Семашко) и объявить 12 февраля и 13 марта – днями воссоединения, общецерковными праздниками Русской Православной Церкви.

Мощным шагом к канонизации митрополита Иосифа (Семашко) как святого равноапостольного и столпа современной западнорусской мысли стали замолчанные в СМИ прошедшие в Минской духовной академии декабрьские 2017 года чтения, посвященные «Моисею Белорусского народа» – митрополиту Иосифу (Семашко).

Одни только имена докладчиков свидетельствуют о том, что западнорусская православная мысль жива, плодоносит и успешно опровергает фальсификации «литвинской» теории: о.Вассиан (Змеев), ныне представитель Московского Патриарха при Болгарском, о.Александр (Романчук) – автор фундаментального «Жизнеописания митр. Иосифа (Семашко)», В. Петрушко из Свято-Тихоновского богословского университета в Москве, автор крайне актуальной книги «Истоки иерархии украинских автокефалистов», где он ясно доказывает, что никакого апостольского преемства у них нет, А. Гронский, А. Бендин – автор книги о великом русском государственном деятеле графе М.Н. Муравьеве-Виленском. Это же современные классики западнорусской, общерусской православной мысли. Эти чтения – мощный шаг к прославлению святого равноапостольного митрополита Иосифа (Семашко)

и торжеству «русского триединства». Великая, Малая и Белая Русь – вместе есть Святая Русь!

Чтобы описать нынешнее состояние западнорусской православной мысли, воспроизведем пост-релиз «семашковских чтений» и прокомментируем основные доклады:

«В Минской духовной семинарии прошли X чтения памяти митрополита Иосифа (Семашко)*».

7 декабря 2017 года в Минской духовной семинарии состоялись X чтения памяти митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко) (1798-1868) и всех его сподвижников, потрудившихся в деле воссоединения белорусских униатов с Матерью-Церковью.

Мероприятие прошло в формате международной научно-практической конференции «Митрополит Литовский и Виленский Иосиф (Семашко): личность в контексте эпохи».

Работа форума началась с заупокойного молитвенного поминовения митрополита Иосифа и всех духовных лиц, потрудившихся в деле воссоединения униатов с православными. Заупокойную литию в Трехсвятительском семинарском храме совершил представитель Патриарха Московского и всея Руси в Белорусском экзархате архимандрит Вассиан (Змеев) в сослужении заведующего кафедрой библеистики Минской духовной семинарии профессора протоиерея Виталия Антоника, первого проректора МинДС протоиерея Андрея Цигеля, преподавателей семинарии в священном сане.

В начале пленарного заседания 6 декабря протоиерей Андрей Цигель от имени ректора Минской духовной семинарии архиепископа Новогрудского и Слонимского Гурия огласил приветствие участникам форума. С приветственным словом к участникам конференции, учащим и учащимся Минской духовной семинарии обратился архимандрит Вассиан (Змеев).

* <http://www.patriarchia.ru/db/text/5083137.html>

В ходе пленарного заседания выступили:

протоиерей Александр Романчук, заведующий кафедрой церковной истории Минской духовной семинарии, кандидат богословия – «Митрополит Иосиф (Семашко) как церковный руководитель»*;

Н.Ю. Суховая, научный руководитель Центра истории богословия и богословского образования богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, доктор исторических наук, доктор церковной истории – «Проекты и деяния митрополита Иосифа (Семашко) в области духовного образования»**;

Д.А. Карпук, доцент, заведующий аспирантурой Санкт-Петербургской духовной академии, кандидат богословия – «История Брестской унии и униатства в кандидатских диссертациях выпускников Санкт-Петербургской духовной академии (XIX-XXI века)»***.

7 декабря работа конференции продолжилась в двух секциях.

Первая секция проходила под руководством доктора церковной истории В.И. Петрушко, профессора Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, и протоиерея Алексея Хотеева, преподавателя.

* Важно обратить внимание в трудах и о. Александра Романчука, и других объективных исследователей жития и трудов равноапостольного митрополита Иосифа на грандиозный масштаб и пастырскую ревность в святом деле возвращения полутора миллионов белорусов в Православие и ясную, основанную на фундаментальных исторических познаниях митр. Иосифа его убежденность в том, что белорусы – это русские. – К.Ф.

** Чрезвычайно важный доклад, так как православное духовное образование было необходимо православному русскому народу Западной Руси после его уничтожения Речью Посполитой и в первые десятилетия после освобождения Россией, когда образование в Западном крае из-за «низкопоклонства перед Западом» части российской элиты было отдано на откуп польским колонизаторам, которые, подавляя православное русское самосознание, насаждали и фабриковали «мазепинство» и «литвинство». – К.Ф.

*** Очень важная тема, тем более что преподавателями Санкт-Петербургской Духовной Академии были такие столпы «западнорусизма», как проф. М. Коялович, И. Чистович и др. – К.Ф.

давателя Минской духовной семинарии, заместителя председателя Синодального отдела религиозного образования и катехизации Белорусской Православной Церкви, магистра исторических наук, аспиранта исторического факультета Белорусского государственного университета.

С докладами выступили:

В.И. Петрушко – «Эволюция взгляда епископата Киевской митрополии на унию в преддверии Брестского собора 1596 года»^{*};

протоиерей Дарий Циолка, настоятель прихода Всех Святых в Кожухове Вроцлавской и Щецинской епархии Польской Православной Церкви, доктор богословия – «Латинизация Униатской церкви в Речи Посполитой в XVIII веке как самая первая причина возвращения к Православию»^{**};

иерей Алексей Хотеев – «Записки митрополита Иосифа (Семашко) как исторический источник»^{***};

иерей Дионисий Руснак, vikарий прихода Рождества Пресвятой Богородицы в поселке Мельник (Подляшское Воеводство), Варшавско-Бельской епархии Польской Православной Церкви – «От унии к Православию. Униатские приходы Белостокской области в период церковных реформ епископа Иосифа (Семашко)»^{****};

Л.В. Левшун, доктор филологических наук, консультант и член Исторической комиссии Издательского совета Белорусской Православной Церкви – «Это не-

^{*} Очень важный доклад, иллюстрирующий униатские корни и следствия проекта отдельной Западнорусской митрополии. – К.Ф.

^{**} Важная тема, доказывающая, что католическая сторона подписывает «унии» и прочие договоренности лишь для того, чтобы их не выполнять. – К.Ф.

^{***} Очень важный доклад о русском национальном самосознании митр. Иосифа (Семашко). – К.Ф.

^{****} Очень важный доклад о православном русском самознании народа Холмской Руси. – К.Ф.

обходимая обязанность моя...» (1 Кор. 9:16): гомилетическое наследие митрополита Иосифа (Семашко)*;

игумен Антоний (Гуринович), благочинный Свято-Духова мужского монастыря города Вильнюса (Литва) – «Материальные свидетельства жизни и деятельности митрополита Иосифа, хранящиеся в Литовской епархии»**;

К.В. Шевченко, филиал Российского государственного социального университета в городе Минске, доктор исторических наук, профессор – «Грекокатолическая церковь в Угорской Руси в XIX веке как орудие мадьяризации карпатских русинов»***;

протоиерей Александр Романчук – «Оценка деятельности митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко) в современном белорусском дискурсе»****.

Вторая секция проходила под руководством Н.Ю. Суховой и доктора исторических наук А.Ю. Бендина, профессора кафедры богословия и истории Церкви ГУО «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» Белорусского государственного университета.

Участники секции представили доклады:

А.Ю. Бендин – «Место Православной Церкви в реформаторской политике графа М.Н. Муравьева (1863-1865 гг.)»*****;

А.Д. Гронский, доцент Минской духовной академии, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики

* Очень существенный доклад о важности качественных православной проповеди и миссии. – К.Ф.

** Доклад важен как свидетельство о православной русской истории Вильны. – К.Ф.

*** Важнейший доклад о Подкарпатской Руси как православном русском крае. <http://www.pravoslavie.ru/put/podvizhnik/apkarpat.htm>

**** Этот доклад опровергает антиправославные, русофобские и антибелорусские нападки на апостольскую деятельность митр. Иосифа. – К.Ф.

***** Это ценнейшая апология православного русского губернатора Западной Руси графа М.Н. Муравьева-Виленского. – К.Ф.

и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, кандидат исторических наук – «Повстанческие репрессии против мирного населения Северо-Западного края в 1863 году»*;

протоиерей Павел Бубнов, преподаватель Минской духовной академии и семинарии, кандидат богословия – «Вклад митрополита Иосифа (Семашко) в сохранение Сынковичского храма»;

протоиерей Георгий Пшенко, ученый секретарь Минской духовной семинарии, кандидат богословия – «Жировичи: памятные места, связанные с именем митрополита Иосифа (Семашко)»;

С.М. Восович, доцент кафедры гуманитарных наук Брестского государственного технического университета, кандидат исторических наук – «Возрождение братского движения в Полоцкой епархии в 1860-х годах»**;

иерей Александр Гриб, клирик Богородице-Рождественского ставропигиального женского монастыря города Гродно, магистрант Минской духовной академии – «Возрождение братского движения в западных губерниях Российской империи после восстания 1863-1864 годов»***;

Е.С. Попеленко, сотрудник Витебского епархиального управления, магистр исторических наук – «Униатские духовные школы как проводник идей Православия в начале XIX века»****;

Е.П. Дмитрук, послушница Богородице-Рождественского женского монастыря города Бреста: «Право-

* А это ценнейшее доказательство антинародного, антибелорусского, «террористически-геноцидного характера «польского восстания». – К.Ф.

** Этот доклад – ценное свидетельство о народном, массовом характере западнобелорусского православного движения. – К.Ф.

*** Ценное свидетельство о народном, массовом характере западнобелорусского православного движения. – К.Ф.

**** Важное свидетельство искусственности унии, державшейся только путем государственного насилия в Речи Посполитой и Австро-Венгрии. – К.Ф.

вые методы насаждения Брестской церковной унии 1596 года среди мещан»*;

П.Е. Бартков, студент 4-го курса Витебской духовной семинарии – «Толкование Священного Писания в проповедях святителя Георгия (Конисского)»**.

Минская духовная семинария***».

Проведение «семашковских чтений» приблизило час общецерковного прославления митрополита Иосифа (Семашко) как святого равноапостольного, нанесло невосполнимый удар по униатско-литвинской идеологии. В ответ ее адепты пытаются заблокировать защиту о.Александром Романчуком докторской диссертации, «отрезать» о.Вассиана (Змеева) от белорусских дел, представить фигуру пропагандиста русофобских антибелорусских идей о. Сергия Лепина как «голос Белорусского Экзархата». Координацией деятельности сил, стремящихся к расчленению Русской Православной Церкви, в Москве занимается сотрудник «Карнеги-центра» С.Чапнин, который пропагандирует технологии отделения Киевской митрополии от Московского Патриархата, ретранслирует их разработчиков К.Говоруна и А.Драбинко, который, как мы видим, не намерен приносить покаяние, как этого потребовал от него Синод УПЦ. Судя по текстологическим совпадениям, более чем вероятно, что вместо покаяния он устами Чапнина, рекламировавшего Драбинко еще в бытность отв.редактором «Московского церковного вестника», оклеветал и Синод УПЦ, и Московский Патриархат, и Сербского Патриарха Иринея, жестко осудившего и Патриарха Варфоломея, и режим

* Крайне актуальный материал о преемственности насадителей унии и униатско-автокефалистских проектов Малороссии и Белоруссии XVII-XXI вв. – К.Ф.

** Всякая популяризация великого западнорусского святого Георгия (Конисского) крайне важна. – К.Ф.

*** Официальный сайт БПЦ / Патриархия.гу

Порошенко, назвав их врагами православных славянских народов за попытку реализовать антиправославный униатский проект «Единой поместной украинской церкви». Чапнин откровенно пишет, что вслед за УПЦ от Московского Патриархата должен быть отделен и Белорусский Экзархат.

Но Патриарх Кирилл, безусловно, предельно ясно понимает, что малейшие уступки драбинкам, лепиным и чапниным приведут к фабрикации «сибирской», «поморской» «казахьей», «дальневосточной» «наций» и «автокефалий» «под чутким руководством Константинопольского Патриархата», и намерен противодействовать адекватно этим угрозам.

2018-ый – год 220-летия со дня рождения и 150-летия со дня смерти митрополита Иосифа (Семашко) – «Моисея белорусского народа», выведшего его из тьмы униатско-польского заблуждения к свету Православия и окончательного воссоединения белорусов с остальным православным русским народом. Поэтому именно в этом году православные обязаны сделать все для канонизации святого равноапостольного митрополита Иосифа (Семашко) и доведения правды о воззрениях этого и других великих пророков Западной Руси, подлинных белорусских патриотов, убедительно свидетельствовавших о том, что белорусы – это самобытная, но неотъемлемая половина, сердцевина русского народа, Белоруссия – это Западная Россия, а те, кто пытается сфабриковать миф о том, что белорусы не русские, – это антибелорусские антинационалисты, уничтожающие то, на чем Белая Русь стояла веками!

Несмотря на титанические усилия по окатоличиванию, насаждению унии, расколу с остальной Русью, православная Западная Россия жила и выпестовала своих святых и пророков. Жизнь и дела наиболее выдающихся из них мы рассмотрим подробнее. Повторим сведения о подвиге св.Афанасия Брестского.

Святой игумен Афанасий (Филиппович) – выходец из кругов западнорусской аристократии. Получил блестящее образование в иезуитской коллегии в Вильне. Затем был приглашен польским королем быть воспитателем, как потом оказалось, одного из Лжедмитриев. Узнав об этом, будущий игумен был потрясен. В знак покаяния в том, что он, хотя и по неведению, был использован против св. Православной Церкви и России, он принимает монашество и становится борцом за Православие. Афанасий избирается игуменом монастыря св. Симеона в Бресте. Это был бесстрашный человек, нелюбимый. «...Чтобы настоящая греческая вера всемерно почиталась, проклятая же уния была унижена и обращена в ничто» – вот его программа действий.

18 сентября 1648 года после пыток св. Афанасий был расстрелян поляками. Он проклинал унию, даже стоя над своей могилой.

Знамя св. Афанасия, несмотря ни на какие гонения, народ Белой Руси нес до победы – воссоединения с остальной Россией. Это знамя несли такие выдающиеся православные иерархи, как Климент (Тризна), Сильвестр (Волчанский), Гедеон и Сильвестр (Четвертинские), Арсений (Берло), епископ Виктор (Садковский), прошедший за попытку православной миссии много времени в польских застенках и освобожденный только под давлением России, святитель Георгий Конисский (как и св. Афанасий и св. Леонтий (Филлипович), уже канонизированный Русской Церковью). Но наиболее выдающимся борцом за Православие на западе был Виленский митрополит Иосиф (Семашко). Этот человек, по сути, равен святому равноапостольному князю Владимиру и мы, православные христиане, просто обязаны ходатайствовать о его канонизации.

Из Червонной Руси – в «Черную»

О. Иоанн Наумович и Яков Головацкий –
великие беженцы из Червонной Руси

Апостольское служение митр.Иосифа (Семашко), возвращение униатов всколыхнуло творческую мысль Западной Руси. В Вильну стали стекаться гонимые в подъяремной Галицкой Руси православные русские патриоты. В эти годы в Вильну переселились бежавший из Австрии Яков Головацкий, знаменитый русский этнограф и лингвист, и «пророк Галицкой Руси о.Иоанн Наумович. Галицкая Русь называлась Червонной, то есть Красной, а западная Белоруссия – Черной. Поэтому исход столпов русской Галиции из Червонной Руси в Черную символичен.

Яков Головацкий родился в 1814 году в Галицкой Руси, закончил униатскую семинарию во Львове, затем был главой кафедры русского языка во Львовском университете. Некоторое время Головацкий был его ректором. Начиная со студенческой скамьи Головацкий собирает малороссийский и червоннорусский фольклор. Вместе с Маркианом Шашкевичем и Иваном Вагилевичем они образуют знаменитую «русскую тройку», в 1837 году выпускают сборник народных песен «Русалка Днестровая».

Яков Головацкий

В 1847 г. уже ставший униатским священником, Головацкий издает в городе Лейпциг свое знаменитое сочинение «Zustande der Russinen in Galizien». По словам известного галицко-русского просветителя О.А. Мончаловского, эта книжка была первой политической брошюрой в Червонной Руси и «произвела такое впечатление на немцев и поляков, что они ее нарочно покупали, чтобы уничтожить, вследствие чего тогдашние русские семинаристы по ночам списывали с уцелевших экземпляров и рассылали списки на провинцию». В 1867 году Головацкий принимал участие в Московском славянском съезде, на котором произнес речь, посвященную общерусскому национально-культурному единству. Эта речь послужила предлогом для Австрии начать гонения на Якова Федоровича, в результате которых он переселяется в Россию – в Вильну, тогдашний культурный центр Западной (Белой) Руси. В Вильне Головацкий обрабатывает и издает свой главный труд – четырехтомник «Народные песни Галицкой и Угорской Руси», который издается Московским обществом истории и древностей Российских». В 1884 году Яков Федорович издает «Географический словарь западнославянских и югославянских земель и прилежащих стран», а затем единственный в своем роде «Славянский географический словарь» – уникальное собрание славянских названий (дело в том, что во времена многочисленных оккупаций разных славянских земель ограниченное количество названий – городов, рек и т.д. – переименовывалось), а затем «Славянский топографический словарь».

Значение Я.Ф. Головацкого в истории развития общерусской литературы в Галицкой и Западной Руси – огромно: обнаружением своего капитального труда «Народные песни Галицкой и Угорской Руси» он обратил внимание на народное творчество галицко-русского населения, доказав, что оно не только было, но и осталось во всех отношениях русским; выпуском

в свет «Географического словаря славянских земель» он познакомил русское образованное общество с необъятной территорией, занятой славянством. Головацкий был «живым мостом» между подъяремной Карпатской Русью и остальной Россией.

Россия в лице Головацкого демонстрировала солидарность с Карпатской Русью, единственной тогда отделенной русской землей. Головацкий был награжден Уваровской премией, золотой медалью Русского Географического общества. Вопреки утверждениям «самостийников» о том, что якобы «Москва угнетала малороссийскую культуру», именно в Москве издавались уникальные этнографические сборники Головацкого и Максимовича, именно в единой и единокровной Москве они читались и пользовались успехом.

В Вильне Я.Ф. Головацкий со всей семьей принимает Православие и приходит в Русскую Православную Церковь. Чин присоединения совершил епископ Антоний (Зубко), викарий владыки Иосифа (Семашко).

В 1888 году Я.Ф. Головацкий умирает. Его смерть оплакивает вся Россия, но Западная – в особенности. Отдать долг почившему прибыл и генерал-губернатор И.С. Коханов, и командующий войсками И.С. Гонецкий, множество интеллигенции.

Похоронен Головацкий на Свято-Евфросиньевском кладбище в Вильне. Русские галичане прислали венок с надписью на белой ленте «Своему Ломоносову от Червонной Руси».

Фигура Головацкого важна и как свидетельство того, что Галицкая и Подкарпатская Русь в то время стояли на почве национально-культурного единства всей Руси. Русское национальное возрождение и процесс возвращения униатов в Православие настолько перепугали Ватикан и Австро-Венгрию, что они развязали кровавый геноцид. В 1914 году был создан концентрационный лагерь Талергоф, куда на пытки и смерть отправлялись все считавшие себя русскими и сочув-

ствовавшие Православию. Было уничтожено около 60 тысяч человек, более 100 тысяч бежало в Россию. В ответ на общерусское движение австро-венгерские власти создали партию «украинцев-мазепинцев». Как она создавалась? Например, студенты Черновицкого университета под угрозой ареста и лишения всяких шансов на карьере должны были давать подписку следующего содержания: «Обязуюсь никогда не называть себя русским, а украинцем и только украинцем». В то время как за Православную веру и русское имя Галицкая Русь шла в концлагерь и на виселицы, «мазепинцы-самостийники» строчили доносы: «Известно ли Вашей Экселенции, что в Галиции есть много русофильских бурс (общежитий) для учащейся молодежи ... Каковы виды на успех войны, ежели в армии, среди офицеров, так много врагов – «русофилов»? Известно ли Вам, что среди галицкого населения шляется много «русофильских» шпионов? Что намеряет сделать Ваша Экселенция на случай войны, чтобы защититься перед «русофильскою» работою, которая в нашем народе так распространяется?», – такую писал докладную Австрийскому военному министру Кость Левицкий, лидер «Украинского клуба», в 1912 году. Комментарии излишни.

О. Иоанн Наумович –
«Галицко-русский Иосиф (Семашко)»

Невозможно пройти мимо крупнейшей фигуры не только Галицкой Руси, но и всей России, зачинателя Православного возрождения, исповедника и просветителя Иоанна Григорьевича Наумовича (1826-1891).

Сын учителя начального училища, Иван Наумович родился 26 января 1826 года в Козлове Камень-Бугского уезда. Окончив Львовский университет, сна-

о. Иоанн Наумович

чала проникся идеями полонофильства и даже пытался завлекать русскую крестьянскую молодежь в Польский легион. Однако крестьяне раз и навсегда выбили из головы Наумовича польские идеи.

– Кажется, вы – русская детина. Вам приличнее держаться с родным народом, чем служить его врагам, – заявили односельчане*.

И всю свою жизнь Наумович посвятил своему народу. И.Н. – один из талантливых и плодовитых галицко-русских писателей. Как выразитель идейных стремлений галицко-русского народа, он видел его спасение от гибели и польской неволи – в единстве со всем русским этносом. В 1866 г. Наумович заявил в Сейме: «Панове, вам не уничтожить Руси, она была, есть и будет! Все ее племена составляют один могучий русский народ, сходства нашего языка с языком остальной Руси не уничтожит никто на свете: ни законы, ни сеймы, ни министры»**. Тогда же Наумович основывает многочисленные клубы трезвости, так как сознательное спаивание галицко-русского народа стало мощным экономическим рычагом лишения его земли. Винная монополия находилась в руках у иудеев, они же в основном содержали сельские корчмы и скупали наделы спившихся крестьян. Это привело к тому, что в начале XX века на Буковине практически не осталось русских землевладельцев***.

* В.Г. Ваврик «Краткий очерк».

** Ф.Ф. Аристов «Карпато-русские писатели. Москва, 1916 г.

*** Екатерина де-Витте «Путевые впечатления. Буковина и Галичина». Киев, 1904 г.

Наумович создает также просветительское «Общество им. М. Качковского», которое открыло более одной тысячи читален, библиотек и кооперативов. Девизом общества было: «Наука», в его задание входило распространение в народе правдивых знаний о русской Церкви, литературе, культуре, государстве. Венцом его деятельности стал открытый переход прихода о.Иоанна Наумовича в селе Гнилички в Православие в 1882 году. Сразу после этого австрийские власти устраивают политический процесс – «дело Ольги Грабарь». Наумович арестован и судим за государственную измену. Римский Папа персонально отлучил Наумовича от костела. Вышедши из тюрьмы, Наумович, лишенный сана и прихода, присоединяется к Св.Православной Церкви и переселяется в Россию, в «мать городов русских» – Киев, где получает приход на Борщаговке*, в котором продолжал свою работу как писатель и журналист в духе Хомякова, Аксакова, Погодина, Киреевского, Данилевского и других славяно-русских православных патриотов. Наумович разработал план эвакуации подвергающихся геноциду православных русских галичан на Кубань. Он внезапно скончался в Новороссийске, осматривая место будущих поселений. Есть версия, что он был отравлен униатскими «фабрикаторами украинства». Он был действительно более чем опасен для них, ибо стал настоящим народным вождем Галицкой Руси: тысячи людей шли к Наумовичу даже за житейскими советами.

Похоронен он в знаменитой Аскольдовой могиле в Киеве, отданной нынешними «мазепинцами» униатам.

* http://ruskline.ru/analitika/2015/12/09/molis_trudis_trezvis_uchis

**Русский народный губернатор
граф Михаил Николаевич
Муравьев-Виленский
как эталон для «путинской мобилизации
национальной элиты»**

Гродненский, Минский и Виленский генерал-губернатор. Подробно описал его выдающуюся созидательную деятельность в Северо-Западном крае известный современный «западнорусист» А.Ю. Бендин в своей книге «Граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский – усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи»*. Если бы на нашей Родине все было нормально, то графа Муравьева-Виленского просто ставили бы в пример как губернатора, который делает то, что обязан делать каждый государственный служащий, – укреплять государство, государствообразующий русский народ, Русскую Православную Церковь, бороться с тем и с теми, кто этому противостоит. Но проблема в том, что тогда вся «прогрессивная элита», зачастую за бюджетные средства, стала травить Муравьева как «вешателя» и т.д. Дело в том, что Муравьев выбивался из шаблона государственного деятеля, который тогда насаждался: он «посмел» поддерживать свои государство, народ и Церковь. Судите сами. После воссоединения большинства западнорусских земель с Россией в 1795 году петербургская аристократия старалась максимально задобрить польскую, сочувствовала ей, а не русским «хлопам», по-современному – «ватникам». При Александре I ситуация принимает катастрофический харак-

* <https://yadi.sk/i/ZQENdMZ3NAryG>

тер: польский реваншист Адам Чарторыйский становится ключевой фигурой Российской империи и планомерно ее уничтожает, получив контроль над образованием в Западной Руси, где создает сотни «поветовых» польских школ, Харьковский коллегиум и Уманский базилианский лицей, где за бюджетные деньги Российской империи готовятся кадры последовательных русофобов, – первые «украинцы» из польских реваншистов

**Виленский губернатор
М.Н. Муравьев-Виленский**

в Харькове появляются раньше, чем во Львове, а в Уманском лицее Франциск Духинский фабрикует и пропагандирует расистскую теорию о неславянском происхождении великороссов. При этом положение православного русского населения Западной Руси, как писали многие западнорусисты, было хуже, чем при Речи Посполитой. Польские реваншисты понимают, что если «здесь и сейчас» они не решат русский вопрос любыми средствами, то их восстание будет обречено. Поэтому в Малороссии «куют украинство», а в Белоруссии проводят политику полной колонизации без переходных форм, потому что там не было такого сильного антипольского элемента, как казачество. Война с «просвещенной Европой» 1812 г. не разбудила Санкт-Петербург в западнорусском и вообще в русском вопросе – французский остается языком питерской аристократии, обер-прокурор Синода Голицын насаждает уничтожающую Православное вероучение «тео-

рию ветвей», на которые, якобы, разделилась Церковь. Польский реваншист Адам Мицкевич заражает мифом о «незалежной Малороссии» даже раннего Пушкина... Только декабристское и польские восстания частично будят Петербург – появляется граф Уваров с «Православием, Самодержавием, Народностью», он ставит на Киевский университет св.Владимира «пророка Малороссии» Михаила Максимовича, Пушкин преображается благодаря ссылке в Святогорский монастырь, появляется феномен графа Муравьева-Виленского. «Вешатели» в его истории – польская аристократия, «каленным железом» выжигавшая Западную Русь, а граф Муравьев – ее робкий защитник, которому «стреляет в спину» почти весь петербургский «элитный класс», который на руках носит Шевченко и знать ничего не желает о Западной Руси и презирует интересующихся Западной Русью московских славянофилов, реально борющихся за право носить бороды и русские вышиванки. А.Хомякова издали в России только после его смерти, а русофобской и антиправославной макулатуры выпустили тонны. При Александре III была кроткая «Русская весна», но проблема в том, что ее идеолог К. Победоносцев «замораживал» все: и «их», и «нас». В итоге заморожен оказался и проект православного русского развития, в том числе возрождения Патриаршества. При царе-мученике Николае II русских Карпатской Руси поддерживали сам царь-мученик, митр. Антоний (Храповицкий), граф В. Бобринский, проф. Ф. Аристов, премьер П. Столыпин, лучшие люди «Союза русского народа» типа В. Шульгина, автора настольной книги «Украинствующие и мы»*.

Архиепископ Антоний (Храповицкий), находясь на Волынской кафедре, превратил Волынь в неприступную крепость «Союза русского народа», рукоположил

* https://royallib.com/book/shulgin_vasiliy/ukrainstvuyushchie_i_mi.html

выдающихся карпаторусских священников Алексия (Кабалюка) и Максима (Сандовича), православное русское возрождение Карпатской Руси пошло грандиозными темпами: сотни сел принимали Православие, более 400 крестных Ходов с Карпат прорывалось на Пасху в Почаевскую лавру и на самом взлете под давлением «европейских партнеров» Петербург переводит Антония в Харьков, а в ответ на этот очередной самоубийственный компромисс «европейские партнеры» только наращивают карательные политические процессы против православных карпатороссов, все обильнее финансируют «мазепинскую» партию.

Маловато на фоне дружного хора либеральной элиты, «валившей» страну, царя, Церковь. А что касается нелиберальной, то «Союз» парализовал себя внутренними «разборками», а граф Дурново вообще предлагал карпатороссов «слить», но карпатороссы «сливаться» не хотели и пошли на крест – в концлагерь для русских «Талергоф». Результат известен. «Сухой остаток»: если деяния графа Муравьева-Виленского не сделать идеалом при подготовке государственных кадров в России и не изучать его деятельность как когда-то труды Ленина и не выучить вышеописанные уроки истории, то нас ждет «февраль», «октябрь» и на этот раз – Апокалипсис.

**«Русская весна»
императора Александра III.
Помпей Батюшков и православное
возрождение Западной Руси**

Как я уже отмечал, в Санкт-Петербурге всерьез думали, что западнее Смоленска никаких православных русских нет, столицу очень слабо разбудили и европейская война с Россией 1812 года, такая же Крымская война, и первое польское восстание. Весь польский мыслящий и образованный класс был мобилизован на уничтожение православной Западной Руси, на фабрикацию «украинства» и полное ополячивание Бело-

Помпей Батюшков

руссии, на дезинформацию Санкт-Петербурга в западнорусском вопросе, тем более что влиятельные «элитные» «про-европейские» круги тогдашней российской столицы сами «обманываться были рады», их православный русский вопрос только раздражал. И только польский террористический антиправославный антирусский мятеж 1863-64 годов по настоящему разбудил Санкт-Петербург, там наконец-то поняли, что дальше – «не отси-

даться» и наконец-то вспоминают о миллионах православных русских соотечественников Запада России. Но этого не произошло бы, несмотря ни как какие вызовы и уроки истории, если бы к власти не пришел лучший православный русский император Александр III. И Министерство внутренних дел находит и мобилизует имеющихся специалистов по Южной и Западной Руси. Таким специалистом оказался бывший вице-губернатор Ковно Помпей Батюшков, который заведовал при ковенском губернаторе учебною частью северо-западных губерний. Затем в течение двух с половиной лет он служил помощником попечителя Виленского учебного округа. Потом отзывается в Петербург и в 1857-1867 годах служит вице-директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий при Министерстве внутренних дел.

И вот, после законного подавления очередного антиправославного антирусского террористического мятежа в Петербурге вспоминают о Южной и Западной Руси и Батюшков получает команду «вперед» – ехать с группой помощников в Белоруссию и Малороссию и находить, изучать и поддерживать там все православное русское. В 1865-1867 годах Помпей Николаевич Батюшков руководил Церковно-строительным комитетом в Западном крае, в результате деятельности которого было построено более двух тысяч православных церквей. Его задачей было не только храмостроительство, но и организация работы группы ученых, которая объездила всю Западную Русь для того, чтобы найти все о ее православно русском прошлом и настоящем, «закатанном в асфальт» польско-католическими оккупантами: «Интерес к изучению Западной Руси у российского столичного общества пробудился во второй половине XIX в. после работ историка Михаила Кояловича, а также после польского мятежа 1863 года, в ходе которого открылось, что Западная Русь вовсе не поль-

ский край, а там проживает угнетаемый польскими помещиками русский народ – молчаливый, но верный Православию и Русскому Царю. И тогда в рамках предпринятой Министерством внутренних дел программы исторических исследований ученые объездили все уголки Западного края. Они находили и документировали руины древних православных храмов, по крупицам собирали документы, свидетельствующие “...о былом процветании русских народных начал в Западном крае при удельных русских и литовских князьях, о деятельности знаменитых православных братств и поборников русской культуры”^{*}.

В 1868 году Батюшков стал попечителем Виленского учебного округа и через год был назначен членом консультативного совета при министре просвещения Д. Толстом. Затем по личному указанию императора Александра III, ставшего его «куратором» по развитию «Русской весны» на всю территорию России, – отозван в Москву помощником Председателя Миссионерского общества митрополита Иннокентия (православное миссионерство, в том числе в Западной Руси, было осознано как национально-государственная задача), одним из руководителей Славянского комитета и строительства храма Христа Спасителя. Затем – отзывается в Санкт-Петербург, где и в должности действительного тайного советника и умирает.

История православного русского чиновника и миссионера Помпея Батюшкова, брата русского поэта Батюшкова, востребованного в итоге самим Императором, является для нас, современных специалистов по Южной и Западной Руси, свидетельством, что такое востребование в итоге наступает, но неужели для того, чтобы русская столица проснулась, нужен еще один «майdan», на этот раз – в Минске?

^{*} Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. <https://zapadrus.su/bibli/istfbid/1535-belorussiya-i-litva-istoricheskie-sudby-severo-zapadnogo-kрая.html>

Доскональнейший исследователь
Западной Руси и крестный отец
Михаила Булгакова
профессор Николай Петров

**Профессор
Николай Петров**

И все время после «мобилизации» Помпей Батюшков изучает и издает уникальные материалы по Южной и Западной Руси. Он находит профессора Киевской духовной академии Николая Ивановича Петрова, который пишет, а Батюшков издает серию трудов по Западной России, приуроченную к 900-летию Крещения Руси:

«Холмская Русь. Исторические судьбы Русского Забужья – Н.И. Петров (издатель П.Н. Батюшков)»*. В этой

уникальной книге профессор Петров обосновывает включение Холмской Руси в состав непосредственно Российской империи, ее исключение из царства Польского, что планировалось великим православным русским императором Александром III и было осуществлено царем-страстотерпцем Николаем II усилиями Холмского архиепископа Евлогия (Георгиевского).

Труде «Волянь. Исторические судьбы Юго-Западного края. – Н.И. Петров (издатель П.Н. Батюшков)» профессор Петров пишет: «В настоящее время к числу

* <https://zapadrus.su/bibli/istfbid/271-2011-02-19-01-04-02.html>

важнейших задач русского государства и общества в отношении к Волыни относится и та, чтобы представить в ясном свете коренные начала русской народности и Православия, развивавшиеся на Волыни в первый период ее истории, обозначить сторонние и наружные наслоения на коренной пласт местного русского населения, наложенные на него литовским и особенно польским владычеством, и ослабить их действие и, наконец, провести в сознание различных слоев местного населения мысль о необходимости и неизбежности полнейшего объединения этой окраины России с другими коренными ее частями».

Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края

Петров писал в этой части завершающей трехтомник православного русского пробуждения Западной России: «...ни в одном центральном учреждении Империи не имелось точных сведений по статистике и этнографии западных губерний России. Русская историческая литература и периодическая печать того времени верили на слово источникам польского происхождения, иногда апокрифическим, часто измышленным и всегда тенденциозным. Извращая бытовые данные и тем отрицая самобытность древних элементов Западной Руси, польская печать, а за нею и русская, в известной ее части, не признавали неоспоримых народных прав России на западные ее окраины»*.

Помимо «досконального» трехтомника о Западной России, ревнитель исконной русскости Южной и Западной Руси профессор Петров открыл в Киевской духовной академии общество ревнителей правды об

* <https://zapadrus.su/bibli/istfbid/1535-belorussiya-i-litva-istoricheskie-sudby-severo-zapadnogo-kraya.html>

исконном русском прошлом Юга и Запада Руси «Общество преп. Нестора Летописца», популяризовал наследие малороссов-созидателей Российской империи архиеп. Феофана (Прокоповича) и преподавателя Киевских духовных школ Митрофана Довгалецкого. Петров диссертацию защитил по теме «О происхождении славяно-русского “Пролога”» – произведения русской киевской письменности. Профессор Петров – крестный отец Михаила Афанасьевича Булгакова.

Русский национальный пророк Михаил Коялович

Единомышленником и продолжателем дела митрополита Иосифа (Семашко) и выдающимся сыном Западной Руси был Михаил Осипович Коялович (1828-1891). Родился Михаил Осипович в местечке Кузницы Гродненской губернии. Отец Кояловича – православный священник, товарищ святителя Иосифа (Семашко). Коялович и продолжал всю свою жизнь дело этого великого иерарха – возрождение Православия и Западной Руси. Коялович заканчивает Санкт-Петербургскую духовную семинарию и академию.

Вся научная деятельность Михаила Осиповича посвящена доказательству духовного, культурного и этнического единства Запада и Востока Руси. Подвиг стояния за Православную веру описан им в следующих сочинениях: «Литовская церковная уния» (1862 г.),

**Михаил Осипович
Коялович**

«Лекции о западнорусских братствах» (1862 г.).
Защите идеи единства русского народа от Бреста до Владивостока посвящены следующие его труды: «Документы, объясняющие историю Западной России и ее отношение к Восточной России и Польше», и, конечно же, «Лекции по истории Западной России».

Показательно, что сам термин «Западная

Россия», ее русское национальное самосознание обосновываются и защищаются именно белорусом, а не уроженцем Москвы или С.-Петербурга. По мысли Кояловича, вся история этого края – это русская история, здесь живет русский народ, местное белорусское наречие – это «мост» между малороссийским и великорусским наречиями. Коялович практически первый перешел к изучению истории русской национальной самоидентификации. Собственно, «История русского самосознания» – это его последний труд, крайне актуальный сегодня. В нем Коялович опровергает не только «украинство» и «литвинство», но и современных русских «бесправославных квазинационалистов», пытающихся по лекалам «украинства» сфабриковать такой «антиправославный национализм», утверждая, что у русских не было своего национального самосознания, было только религиозное и государственное, а вот национальное, дескать, они сейчас придумают. Труд Кояловича по истории именно русского национального самосознания, которое наиболее острым было именно в Западной Руси, эти домыслы опровергает. Вместе с Аксаковым Коялович – активнейший член «Славянского общества» и ревнитель освобождения южных славян. Для жителей Западной Руси, которые знали и помнили многовековую оккупацию, эта солидарность естественна.

Ну а программный труд Михаила Кояловича «Лекции по истории Западной России» так и не издан в России достойным тиражом, так и не стал настольной книгой для элит Москвы и Минска, но пока не поздно, должен, так как ключевая идея этой великой книги должна быть уяснена, урок истории выучен наизусть: небрежение западнорусским вопросом в Великороссии и историей Западной Руси приводит к появлению украинского и белорусского «ягеллоновских» сепаратизмов.

Еще одна ключевая тема Михаила Кояловича и всей вдохновенной им великой плеяды «западнорусистов» – это тема западнорусских православных церковных братств. Эта тема предельно актуальна не только потому, что эти братства были оплотом «Православного сопротивления» и русского национального самосознания, но и потому, что православные братства Западной Руси – это пример православного русского гражданского общества. Насколько оно было грандиозным и эффективным в Западной Руси, свидетельствуют труды Кояловича и тот факт, что равноапостольный митрополит Иосиф (Семашко) возродил более 400 братств, форма которых сохранялась и под унией. Благодаря этому в Белоруссии не было революций и если бы православные братства так же покрывали Москву и Санкт-Петербург, как Белую Русь, никакого «февраля-октября» 1917 года не произошло бы. Такое общество нужно и сейчас построить на территории всей исторической Руси, вернуть тему гражданского общества, украденную антироссийскими антиправославными силами.

Базовые труды Михаила Кояловича:

1. Коялович М.О. «История русского самосознания». – Мн., 1997. – 687 с.
2. Коялович М.О. «Литовская церковная уния». СПб., 1859. – Т.1. – 315 с.
3. Коялович М.О. «Литовская церковная уния». СПб., 1861. – Т. 2. – 442 с.
4. Коялович М.О. «Чтения о церковных западнорусских братствах». // «Шаги к обретению России» / М.О. Коялович. – Мн., 2011. – 752 с.

Михаил Коялович – знаток русского менталитета. Он очень метко охарактеризовал белорусскую ветвь русского народа как «посредническую» между великороссами и малороссами. Вникая в тексты Кояловича, начинаешь понимать «посредническую» психологию

Александра Лукашенко. Но, понимая психологию, необходимо учитывать одно ключевое обстоятельство. Малороссы – это русские, и посредничество заключается в примирении «русских князей», в преодолении «неофеодальной раздробленности». Но православные русские Галицкой Руси уничтожены в Талергофе и верх там взяли русофобские униаты, отрекшиеся от своего русского прошлого, «убившие русского в себе» и делающие это вокруг, по сути – новая «квазинация», самоутвердившаяся на крови мучеников Талергофа. Эта «негативная идентичность» не может быть нейтральной, русофобия – это ее единственное содержание. В Белоруссии не было своего «Талергофа», нет своей Галиции, и поэтому в Великую Отечественную войну в Белоруссии было мало нацистских коллаборантов, но много партизан, являющимися продолжателями «православного русского сопротивления» – православных братств. Поэтому, пока уния и Галиция контролируют православные Малороссию, Новороссию и Подкарпатскую Русь, посредничество невозможно. А вот когда перестанут – оно будет необходимо, да еще и под знаменами великого Кояловича!

Коялович, безусловно, является одним из крупнейших русских и славянских историков мирового уровня, но, к сожалению, его наследие практически не доступно нашим современникам, а в Белоруссии и в Велико-россии нет даже улиц в его честь. Надеемся, что этот досадный пробел будет восполнен.

Ученый миссионер о. Иоанн Флеров –
«певец» православных братств
Западной Руси как православного
русского гражданского общества

**Книга о. Иоанна Флерова
о православных церковных
братствах**

Западной России», изданный в 1857 году в Санкт-Петербурге*.

Магистр Санкт-Петербургской духовной академии и главный редактор тогдашней миссионерской газеты «Дух христианина» о. Иоанн Флеров глубоко изучил вопрос православных братств Западной Руси, понял их значение в деле православной миссии и русского национального сознания и построения православного русского гражданского общества и написал по этому поводу обстоятельнейший подробнейший труд «О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в Юго-

* <https://zapadrus.su/bibli/arhbib/1623-ioan-flerov-o-pravoslavnykh-tserkovnykh-bratstvakh-protivoborstvovavshikh-unii-v-yugo-zapadnoj-rossii-chast-ii-otdelenie-ii-glava-i.html>

**Неуслышанное послание
профессора Чистовича:
если историей Западной России
не занимаемся мы, то ей занимаются другие
и создают «украины»...**

Историк Церкви, государства и философии из Санкт-Петербургской академии Иларион Чистович «услышал» Михаила Кояловича. Он написал о мало-российских иерархах в Российской империи, боровшихся с влиянием протестантизма, таких как Тверской архиепископ Феофилакт Лопатинский, или как Феофан Прокопович, бывший проводником этого влияния. Это труды:

«Решиловское дело: Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский» и «Феофан Прокопович и его время».

**Профессор
Иларион Чистович**

Одновременно Чистович пишет фундаментальные труды по западнорусскому вопросу, в которых проводит Аксиому – небрежение к западнорусскому вопросу и истории Западной России приводит к тому, что нашей русской историей начинают заниматься антирусские «грантоеды». Поняв это, Чистович пишет «Пятидесятилетие (1839-1889) воссоедине-

ния с Православной Церковью западно-русских униатов: обзор событий воссоединения в царствование имп. Николая I» и главный свой фундаментальный труд «Очерк истории Западно-русской Церкви»*, в котором в результате тщательного разбора источников доказывает аксиоматические идеи о том, что сама идея отдельной от Москвы западнорусской митрополии носит униатский характер, все, что кричит «прочь от Москвы», приводит к унии, а наоборот, москвоцентризм – это «оборона Православия»

Но, к сожалению, Чистович не был услышан. После смерти Александра III «Русская весна» уже так последовательно не поддерживалась, а за дело фальсификации западнорусской истории взялись австрийские «грантоеды» В. Антонович и М. Грушевский, который просто брали фигуры и события русской истории и переименовывали их в «украинские». В Санкт-Петербурге все это лоббировали «кадетские профессора» Корш и Милюков. Им нужно было любой ценой «валить Рашку». И они ее свалили.

* https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Chistovich/ocherk-istorii-zapadno-russkoj-tserkvi/

**Григорий Киприанович –
«Глыба» Западной Руси,
«птенец гнезда Семашкова»**

Талантливый ученик «апостола Западной Руси» митрополита Иосифа (Семашко), отправленный им учиться в Санкт-Петербургскую академию. Он отучился, вернулся и сторицей вернул усилия, вложенные в его образование, написал множество трудов о Западной Руси и ее православном русском деле. Важнейшие литературные труды Г.Я. Киприановича: в журнале «Заря» (1871 г.) ряд статей под заглавием «Очерки политической и домашней жизни греков в средние века»;

в «Православном Обозрении» (1875 г., №7 за июль, стр. 378-407; №8 за август, стр. 533-572): «Жизнь и учение богомилов по Паноплии Евфимия Зигабена и другим источникам», – кандидатская диссертация; в «Виленском Вестнике» (1876 г.) и отдельно ряд исторических очерков: Русская цивилизация в Литве до Гедимина; в «Церковном Вестнике» (1878 г.) и отдельно: «Судьбы религиозно-церковной жизни в западной Руси и Литве, –

**Книга Григория
Киприановича**

речь на торжественном акте по случаю 50-летнего юбилея Литовской Духовной Семинарии»; «Старший соборный протоиерей И. Семашко, отец митрополита Иосифа» (1892 г.); «Сорокалетие польского восстания 1863 года и его итоги» (1903 г. № 20, 21); «Римский католицизм в западной России, – исторический очерк» (1904 г. № 23); в «Христианском Чтении» (1900 г., март): «К истории воссоединения униатов, – речь, сказанная в актовом зале Санкт-Петербургской Духовной Академии пред защитой магистерской диссертации, под заглавием: “Жизнь митрополита Иосифа Семашки”». Отдельно изданные книги: «Очерк жизни и деятельности Иосифа Семашки, митрополита литовского», Вильна, 1894 г., стр. 146; «Исторический очерк Православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древности до настоящего времени», Вильна, 1899 г., издание, 2-е, стр. 304 (см. о нем у профессора И. Любарского в «Историческом Вестнике» 1899 г., стр. 701-703, а равно в «Русском Вестнике» 1901 г., «Церковных Ведомостях» 1899 г., «Литовские Епархиальные Ведомости» и др.). Самым обширным трудом Киприановича является «Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского; и воссоединение западнорусских униатов с Православною церковью в 1839 г.»; о первом издании, доставившем автору степень магистра богословия и удостоенном от Священного Синода премии митрополита Макария (в 1000 рублей), следут также добавить, что профессор П.Н. Жукович признал сочинение заслуживающим премии графа Уварова. Кроме того, Г.Я. Киприанович помещал в разное время, начиная еще со школьной скамьи (с 1866 г.), небольшие статьи исторического содержания, рецензии и исторические документы с объяснениями их в «Литовских Епархиальных Ведомостях», «Виленском Вестнике», «Памятной книжке Виленской губернии», в «Путеводителе по г. Вильне» и других.

По указу Священного Синода 31 декабря 1907 года Г.Я. Киприанович назначен членом издательского комитета при Виленском Свято-Духовском братстве и при издаваемом последним журнале «Вестник Виленского братства», где состоит постоянным сотрудником, как и в «Виленском Вестнике», но еще печатает статьи («Из северо-западного края», «Из Вильны», рецензии) в «Прибавлениях к Церковным Ведомостям» и в «Московских Ведомостях»

Как видим, православные братства, возрожденные митрополитом Иосифом (Семашко), особенно Виленское Свято-Духово, Могилевское Богоявленское, делают свое православное русское дело – и Северо-Западный край становится оплотом Православной веры, русского самосознания и Российского государства. Причем настолько крепким, что германская авантюра с созданием «Белорусской Народной Республики» оказалась полным «пшиком», а большевики, чтобы убить Западную Русь, провозгласили ее «полигоном атеизма» и проводили более жесткие, чем в других регионах, меры по искоренению Русской Православной Церкви.

**Профессор Владимир Зенонович Завитневич
вернул русскому народу
Манифест его воссоединения –
«Палинодию» Захарии Копыстенского**

Родился в Узденском районе Минской области. Ученик Михаила Кояловича и его продолжатель в Санкт-Петербургской духовной академии, профессор Киевской духовной академии Виктор Завитневич совершил свой главный научный подвиг – вернул русскому народу Манифест его воссоединения – «Палинодию» Захарии Копыстенского – Киево-Печерского архимандрита. Причем он на основе источников доказал, что «Палинодия» – это не поэтическое, а научное произ-

**Профессор
В.З. Завитневич**

ведение. Следовательно то, что великороссы, малороссы и белорусы являются одним народом, является не пропагандой, не «благочестивой легендой», а научным фактом. Об этом – главный труд Владимира Завитневича.

В «Палинодии» прославляется «мужество народа Российского», северная часть которого покорила Казань и Астрахань, а другая часть «яфето-росского поколения, в Малой России, выходеце», «татары и ме-

ста турецкие на море Черном воюют» (В.З. Завитневич «“Палинодия” Захария Копыстенского и ее место в истории западно-русской полемики XVI и XVII вв., «Соч.: «Палинодия» Захарии Копыстенского и ее место в истории западнорус. полемики XVI-XVII вв.»: Дис. Варшава, 1883; «О значении западно-рус. богословско-полемич. лит-ры кон. XVI и нач. XVII вв. и месте занимаемом в ней “Палинодией” Захарии Копыстенского (Речь перед публ. защитой дис. на степ. магистра богосл.)». Завитневич считал «Палинодию» богословским трактатом и литературно-полемическим памятником, носящим научный характер. Он видел в «Палинодии» образец богословской мысли окрепшей греко-славянской школы и называл это сочинение пограничным, написанным в период перехода западнорусской полемической литературы первоначального периода к новому периоду, ориентированному на разъяснение теоретических богословских вопросов»*.

Владимир Завитневич – последователь А. Хомякова и его биограф. Его докторская диссертация и двухтомник «Алексей Степанович Хомяков» (т. I, Киев, 1902, докторская диссертация), где В.З. Завитневич отмечает, что «авторитет Хомякова как богослова среди славянофилов был так высок, что его мнение служило им критерием для проверки своих собственных мнений. Пробуждение в русском обществе религиозного сознания побуждало искать ответы на многие жизненно важные вопросы в учении Православной Церкви»**.

Важен и его «православно-политический» труд «Владимир святой как политический деятель».

Завитневича нужно считать и крупным русским археологом, «копавшим» славянские поселения.

Но академический корпоративизм толкает Завитневича на путь поддержки секуляризации Духовных Школ и он входит в противоречие с духовным лиде-

* http://www.pravenc.ru/text/182435.html#part_3

** http://ruskline.ru/analitika/2012/06/01/aleksej_stepanovich_homyakov_18041860

ром «западнорусской исторической школы» Волынским архиепископом Антонием (Храповицким) и, к счастью, проигрывает ему. Это и предательство идеи сторонника воцерковления науки Хомякова, последователем которого был владыка Антоний.

Но из-за этого малодушия после русской национальной катастрофы 1917 года Завитневич, чтобы, выжить, идет путем конформизма, становится первым советским белорусоведом и идет работать в НАНУ к главному историческому фальсификатору М. Грушевскому. Завитневич не отрекается от общерусских убеждений, но Грушевский, в научном и во всех прочих отношениях будучи ничтожеством, использует найденные Завитневичем факты русской истории и ее деятелей, цинично переписывает их как «украинских». Исповедники же шли на смерть за Христа, Его Церковь и общерусское единство. Приведем свидетельство о Херсонском священномученике протоиерее Иоанне (Скадовском). На допросе в НКВД на вопрос «Как вы относитесь к дореволюционной России?» он ответил следующее: «Украинцы и русские всегда составляли единое целое. Украинцы и русские – один народ, одна нация, и выделять Украину в какой бы то ни было форме из общего целого нет никаких оснований».

Бог судия Владимиру Завитневичу, но его ревность о «Палинодии» забыть нельзя. При этом его слабость не слишком его спасла: Грушевский и ленинские большевики создавали «нации» украинцев и белорусов и поэтому даже могила Владимира Завитневича не сохранилась.

**Архиепископ Минский и Бобруйский
Михаил (Голубович) –
ревнитель «западнорусизма»**

«Западнорусистами» называют ревнителей единства Великой, Малой и Белой Руси, трудившихся на ниве Православного возрождения Южной и Западной России, считавших малороссов и белорусов самобытными, но неотделимыми от русского народа его ветвями. Кратко служение архиепископа Михаила выглядит так:

«Михаил Алексеевич Голубович родился 8 ноября 1803 года в селе Высокое Брестского уезда Гродненской губернии в семье униатского священника. С 1816 по 1823 год учился в Слуцкой гимназии на Гроднен-

**Архиепископ Минский
и Бобруйский Михаил
(Голубович)**

щине, затем продолжил учебу в Главной духовной семинарии при Виленском университете. По окончании семинарии в 1828 году получил степень магистра богословия. Тогда же был рукоположен во священника (тоже униатского). В ноябре 1827 года Михаил Голубович назначается инспектором и профессором Литовской духовной семинарии в Жировичах. С 10 февраля 1829 года – доктор богословия кано-

нического права, диссертацию защищал в Виленском Императорском университете. Оставаясь преподавателем догматического богословия и церковной истории в семинарии, он был назначен членом Литовской униатской консистории, а с 1835 года ее вице-председателем. Тогда же был возведен в сан протоиерея. Уже в те годы он активно участвовал в подготовке перехода униатов в Православие, много ездил по приходам.

12 февраля 1839 года в неделю Торжества Православия в Полоцке состоялся собор всех трех униатских епископов, – Иосифа (Семашко), Василия (Лужинского) и Антония (Зубко) – и 21 человека других высших духовных лиц. Собор принял акт из двух пунктов. В первом провозглашалось единство с Православной Церковью и прошение о подчинении Униатской церкви Святейшему Синоду Русской Православной Церкви, во втором соборяне просили императора Николая I содействовать скорейшему присоединению униатов к Православию. К Соборному акту были приложены обязательства 1305 священников и монахов, после принятия акта их количество выросло до 1607.

Под актом Полоцкого собора подписался и протоиерей Михаил и был принят в общение с Православной Церковью. В том же году 27 июня пострижен в монашество, а 29 июня возведен в сан архимандрита Бытенского Петропавловского монастыря, а чуть позже рукоположен во епископа Пинского, викария Литовской епархии. В январе 1840 года он становится епископом Брестским, викарием Литовской епархии.

С 1848 года начинается наиболее значительный период его жизни и церковной деятельности, продолжавшийся в течение 20 лет, когда он возглавлял Минскую епархию. На Минскую кафедру епископ Михаил был назначен 1 марта 1848 года. Предстояло сделать очень много. Состояние Минской епархии было очень сложным, имелось много проблем, главными из которых было положение дел в приходах, присоединенных

из унии. Большого внимания требовали и монастыри. Но, несмотря ни на что, как говорил митрополит Иосиф (Семашко), *«преосвященный сумел выполнить долг православного иерарха и в то же время привлечь к себе расположение образованных людей без различия исповедания и национальности. Плодами такого отношения его к людям, кроме приобретения им всеобщей любви, было то, что многие из польских помещиков Минской губернии жертвовали на православные храмы деньги и строительные материалы.»*

19 апреля 1853 года он был возведен в сан архиепископа Минского и Бобруйского. Архиепископ Михаил, будучи местным уроженцем и очень образованным человеком, прекрасно разбирался в церковном устройении и многое сделал для укрепления Православия в Минской епархии. Благодаря его усилиям в Минской епархии в 1860-е годы было построено около 20 каменных и около 60 деревянных храмов. Он явился инициатором возведения в Минске на Сторожевском кладбище церкви святой равноапостольной Марии Магдалины.

Владыка с особым вниманием относился к развитию просвещения, устройству духовных училищ. Он был первым, кто созвал в 1865 году собрание благочинных своей епархии для обсуждения вопросов религиозного воспитания и нравственности. Его примеру последовали епископы других епархий. Его стараниями были заведены церковные училища в каждом приходе. По отчету самого преосвященного, таких церковно-приходских школ в Минской епархии насчитывалось более пятисот, в которых обучалось 11 тысяч учащихся. С 1868 года начали издаваться «Минские Епархиальные Ведомости» – официальный епархиальный печатный орган. Архиепископ перевел на польский язык «Пространный катехизис» митрополита Филарета.

Архиепископ Михаил заботился и о социальном служении, взяв за основу такого служения дух церков-

ной соборности. Во время его пребывания на Минской кафедре начали возрождаться православные братства. При нем в 1865 году было создано Минское Николаевское братство, а вскоре Слуцкое Николаевское братство.

23 января 1868 года, согласно поданному прошению, архиепископ Минский и Бобруйский Михаил был уволен на покой с пребыванием в Жировичском монастыре. Скончался 6 марта 1881 года и был погребен в Явленской церкви Жировичского Свято-Успенского монастыря*.

Принципиально то, что архиепископ Михаил был убежденным сторонником «западнорусизма» и максимально поддерживал это базовое направление белорусской мысли. Остановимся подробнее на «западнорусистах», точнее – носителях «православной русской нормы».

* Александр Медельцов (по материалам книги «Правящие архиереи Минской епархии». Минск, 2003).

Археограф
«Великия, Малыя и Белья России»
Петр Бессонов

Родился в Москве, закончил историко-филологический факультет Московского императорского Университета. Затем работает в Вильне, потом в Харькове. Как филолог-славист открыл в России имя хорватского русофила Юрия Крижанича, продолжал болгароведческие исследования московского карпаторосса Юрия Венелина, бывшего воспитателем детей в семье Аксаковых. Автор подробнейшего исследования «Белорусские песни». Отметим, что те, кто действительно глубоко и серьезно изучал малороссийские и белорусские культуру и фольклор, как Бессонов, Максимович, Карский, приходили к выводу о том, что они – русские.

**Ксенофонт Говорский –
выдающийся «западнорусист»
и опровергатель «украинства»**

*«Пронырливый лях почуял
в этом деле для себя поживу»*

Первый белорусский археолог. Но до этого он преподавал идиш и иврит в Брестской униатской семинарии, затем принимает Православие, защищает кандидатскую в Санкт-Петербургской духовной академии и возвращается на Западную Русь преподавать в Полоцкой семинарии и поднимать западнорусские археологические исследования.

Здесь он и вносит грандиозный вклад в издание документов, свидетельствующих о русском прошлом

Ксенофонт Говорский

Малороссии Белоруссии: «В начале 50-х годов Г. занимался археологическими разысканьями в Полоцке и его окрестностях, результаты которых изложил в статье: «Письмо в Имп. Археологич. Общество от 18 июня 1852 г. («Витеб. Губ. Ведомости» 1852 г., № 32) и «Поездка (14 сент. 1852 г.) из г. Полотска по направлению так называемой Ольгердовой дороги и археологические Разыска-

ния в окрестностях г. Полотска» («Записки Имп. Русского Археологич. Общества» 1853 г., т. 5, перепечатано в «Витеб. Губ. Ведомостях» 1860 г., №№ 5-7 и 9). 20 марта 1852 г. был избран в члены-корреспонденты Имп. Русского Археологического Общества, которому, кроме вышеупомянутых письма и статьи, сообщил ряд документов для истории Северо-Западного края. В 1857-1858 гг. Г. редактировал неофициальную часть «Витебских Губернских Ведомостей» и напечатал здесь ряд актов и документов XVI и XVII веков из правительственных и частных архивов, относящихся до Западного края, со своими примечаниями и объяснениями (1858 г., №№ 3-8, 12-14, 19, 20, 22-28, 35, 38), и несколько статей, которые впоследствии большей частью перепечатал в своих журналах «Вестник Юго-Западной и Западной России» и «Вестник Западной России»: «О введении, распространении и судьбе кальвинизма в Белоруссии» (1858 г., №№ 12 и 3; В. Ю.-З. и З. Р. 1863-64 г., № 10), «Алфавитный список некоторых дворянских фамилий, ныне существующих в Западных губерниях России, в особенности же в Белоруссии, предки коих были православными митрополитами, архиепископами, епископами, архимандритами, игуменами, настоятелями и настоятельницами православных монастырей и протоиереями соборов, в разных местах Литвы, Белоруссии и России, с присовокуплением краткого биографического очерка большей части сих лиц» (1858 г., №№ 15-18; В. З. Р. 1864-5 г., №№ 3 и 4), «Об изменении бывшими униатами церковных греческих обрядов на латинские. Примечания к декрету и указу Сигизмунда III, напечатанному в № 25 (1858 г., №№ 26-28, 33 и 36), «Опровержение так называемой Апологии евреев-витеблян» (1858 г., № 37), «Исторические сведения о Полотском Софийском соборе. С двумя отрывками из неизданной Истории Полотской епархии. I. Взгляд на состояние униатской церкви со времени возвращения к России Белоруссии.

П. Иосафат Кунцевич, Полотский униатский архиепископ. С приложениями» (1858 г., №№ 39-52; 2-й отрывок перепечатан в В. Ю.-З. и З. Р. 1862-3 г., №№ 1-2, остальное в 1863-4 г., № 8), «О начале христианства в бывшем Полотском княжестве и начале учреждения Полотской епархии, отрывок из неизданной истории Полотской епархии» (1859 г., № 2), «О Полотских православных епископах, от начала Полотской епархии до времени унии» (1859 г., №№ 4-7, 10-13), «Виленская Остробрамская чудотворная икона Божией Матери» (1859 г., № 20), «Историческое описание Полотского Борисоглебского монастыря» (1859 г., №№ 42-51; В. З. Р. 1864-5 г., № 5), «Археологические разыскания в окрестностях г. Полоцка» (1860 г., №№ 11 и 12; В. Ю.-З. и З. Р., 1863-4 г., № 2). В конце 50-х годов Г. безуспешно хлопотал о получении места архивариуса Витебского архива. Переселившись в Киев, Г. стал издавать под своей редакцией с июля 1862 г. ежемесячный журнал «Вестник Юго-Западной и Западной России». Год считался от июля до июля. В августе 1864 г. издание журнала, переименованного в «Вестник Западной России», было перенесено в Вильну. С 1867 г. год стал считаться с января. С 1870 г. журнал вследствие тяжелой душевной болезни Г. велся Ив. Эремичем, который в предыдущем году подписывал книжки журнала в качестве «редактора-сотрудника», и прекратился в 1871 г. на 4-й книжке. Журнал Г. был посвящен исключительно борьбе с полонизмом и католичеством и защите западнорусской народности и Православия; он отличался крайней нетерпимостью ко всему польскому и крайним же консерватизмом. Вся история Западного края, по словам А.Н. Пыпина, рассматривалась Г. только с точки зрения польской интриги и католического засилья. Журнал боролся и с украинофильством, которое считал ветвью польской интриги (в особенности напал на Шевченко и Костомарова), и с просвещением, которое вел от дьявола. Г. считал себя выразителем

русской мысли по отношению к польскому вопросу и даже инициатором этого вопроса в России и был сторонником системы управления, проводимой М.Н. Муравьевым. В журнале печатались документы и статьи по истории Западного края, повести, стихотворения и публицистические статьи; сотрудниками были Кулиш, Сементовский и др. Из статей самого редактора-издателя, кроме вышеупомянутых, напечатаны здесь: «Жизнь преподобной княжны полоцкой Евфросинии с историческим описанием основанного ею Полоцкого девичьего Спасо-Преображенского монастыря» (1862-3 г., №№ 11 и 12), «Униатский митрополит Иосиф Вельямин Рутский» (1863-4 г., № 9), библиографические заметки о книге «Церковно-историческое и статистическое описание Варшавской епархии» (1865 г. №2). Статья «Иосафат Кунцевич, полоцкий униатский архиепископ» издана была также отдельно в Вильне в 1865 г. и, по словам автора, во французском переводе в Берлине в 1866 г. В «Виленском Вестнике» 1867 г., № 65, напечатано объяснение Г. по обвинению в получении субсидии на издание «Вестника Западной России». Г. умер 17 июня 1871 г. 60-ти лет и погребен в Вильне на Евфросиниевском кладбище. А.Н. Пыпин, «История русской этнографии», IV, 90-100; Брокгауз-Ефрон, «Энциклопед. Словарь», XIV, 651; Геннади, «Справочн. словарь о рус. писателях»; «Календарь» Гатцука на 1872 г., стр. 245; Епископ Иосиф, «Виленский православный некрополь», 128; «Киев. Старина» 1882 г., т. II, 235-238 (письмо Г. к архиепископу Могилевскому Анатолию Мартиновскому), 1884 г., № 6, стр. 213, 219, 220 («Из посмертных бумаг Могилев. архиепископа Анатолия Мартиновского»); «Труды Киев. Дух. Академии» 1887 г., стр. 395; «Известия Импер. Рус. Археологич. Общества», т. IV (списки членов общества). Н. Чулков. (Половцов)*.

* Источник: https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia/Говорский,_Ксенофонт_Антонович

Понятно, что Пыпин тщетно пытается поставить под сомнение главные выводы Ксенофонта Говорского, а именно: все попытки отделения Малороссии и Белороссии от России являются польской католической интригой. Говорский приводит в доказательство этой аксиомы источники, изданные в «Вестнике Юго-Западной России», затем в «Вестнике Западной России». Эти актуальные труды должны быть переизданы. Ксенофонт Говорский помогал галицким русским и обличал «историософскую ересь украинства». В письме к Якову Головацкому он писал: «У нас в Киеве только теперь не более пяти упрямых хохломанов из природных малороссов, а те (прочие) все поляки, более всех хлопотавшие о распространении малорусских книжонок. Они сами, переодевшись в свитки, шлялись по деревням и раскидывали эти книжонки; верно прытливый лях почуял в этом деле для себя поживу, когда решился на такие подвиги».

**О. Иоанн Григорович –
продолжатель дела
св. Георгия Конисского**

Один из самых плодовитых белорусских археографов. Его отец – ученик св. Георгия Конисского, преподаватель риторики в основанной им Могилевской семинарии. Сам Иван Григорович, учась в Могилевской семинарии, стал ревнителем изучения русских летописей, документов, отрицающих какую бы то ни было национальную отдельность Малороссии и Белоруссии от России. По протекции его отца, известного гомельского протоиерея, государственный канцлер Российской империи Николай Румянцев материально помогает Григоровичу в Санкт-Петербурге, где он заканчивает

О. Иоанн Григорович

Духовную академию, после чего он возвращается в Гомель, рукополагается и изучает западнорусские исторические источники, свидетельствующие о русском самосознании его жителей. «Гомельский период (1820-1829) был необычайно плодотворным в деятельности И.И. Григоровича. Работая над «Белорусской иерархией», он одновременно искал и копировал касающиеся белорусской истории акты и грамоты,

которые находились в архивах Могилевских духовной консистории и семинарии, монастырских (мстиславских, оршанских, могилевских) архивах. В своих поисках он не ограничивался чисто конфессиональными вопросами, а подбирал и копировал документы, в которых отражалась политическая и социально-экономическая жизнь Белоруссии. Из таких материалов и сложился первый в белорусской науке археографический сборник «Белорусский архив». В 1824 году были изданы первые части «Актов Западного края» и «Белорусского архива древних грамот». 6 апреля, на Пасху, Н.П. Румянцев писал из Москвы И.И. Григоровичу: «Примите вместо красного яйца первый напечатанный лист Архива белорусских грамот...».

В 1826 году умер опекун и вдохновитель многих научных программ, хозяин Гомеля Н. Румянцев. Через три года Григорович был переведен из провинциального Гомеля в губернский Витебск и назначен ректором духовных училищ, цензором проповедей, а позже и учителем Закона Божьего в Витебской гимназии. С 1831 года он в Петербурге – протоиерей лейб-гвардии Финляндского полка.

В 1835 году из печати вышли подготовленные И. Григоровичем и с его предисловием сочинения белорусского архиепископа Георгия Конисского. Это издание было хорошо принято при дворе. Император Николай I за поднесенный ему экземпляр подарил автору золотые часы.

Через год при Министерстве народного просвещения России была образована археографи-

ческая комиссия для издания древних исторических памятников. И. Григоровича, как знатока белорусских древностей, в 1837 году приняли в члены комиссии и уже через год назначили ее главным редактором. Это означало, что теперь он, практически самостоятельно, мог определять издательскую политику. Итогом его работы здесь стали четыре тома «Актов Западной России». Григорович готовил все сам, подбирал документы, писал предисловия. Чтобы дать активному археографу больше времени для научной работы, его перевели в придворное ведомство, назначив священником церкви Аничкова дворца в Петербурге.

В тот период времени была начата его работа над «Словарем белорусских наречий». Предполагалось воссоздать в этом научном труде всю жизнь Западного края (верования, знания, связь с другими славянскими народами). Однако завершить работу не удалось. Выдающийся белорусский историк, археограф и языковед Иван Иванович Григорович умер 1 ноября 1852 года. Похоронен на Волковом кладбище в Петербурге*.

Однако цитируемый Н.С. Борисенко не уточнил самое главное. О.Иоанн Григорович успел показать в начатом «Словаре белорусских наречий» тот факт, что все они являются неотделимой частью русского языка. То обстоятельство, что «Акты Западной России», документально опровергающие любые попытки отделить белорусский народ от русского, показывающие антинаучный характер этих попыток, до сих пор не переизданы и не изучаются в школах и вузах, иначе как преступлением против русского народа назвать нельзя.

* http://mogilev-region.gov.by/page/grigorovich_ivan_ivanovich

Платон Жукович

Выдающийся враг Русской Церкви и России Шептицкий известен всем, а его не менее выдающийся фундаментальный критик и преемник М. Кояловича Платон Жукович – практически никому.

Уроженец Брестской области, закончил Кобринское духовное училище, затем Виленскую духовную семинарию, после чего поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, откуда он вышел выдающимся православным русским мыслителем, «апостолом «западнорусизма», учеником профессоров Михаила Кояловича и Василия Болотова, более того – преемником М. Кояловича по кафедре в Санкт-Петербургской Духовной академии Платон Жукович – опровергатель

Платон Жукович

униатства, «украинства», «литвинства», практически первым в России «забивший в колокол» об опасности «белорусинства», аналога «мазепинства» и «нового стиля», разоблачитель «анти-апостола» русофобии и «украинства», идеолога геноцида русских Карпатской Руси Львовского униатского митрополита Андрея Шептицкого. Это последний канонизирован Римско-католической Церковью, его имя окру-

жено почетом и славой, а его безупречный по аргументации и приводимым источникам разоблачитель, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии Платон Жукович замолчан, не переиздан, забыт так, что утеряна его могила: ленинский большевизм убивал «западнорусизм». Но почему мы сейчас не вспоминаем этого базового антипода Шептицкого? Вот объективная характеристика взглядов и список трудов Платона Жуковича:

«Научные интересы Ж. сложились в студенческие годы под влиянием профессоров Троицкого и в особенности Кояловича. Главной темой исследований Ж. стала история Западнорусской митрополии в XVI-XVII вв. и церковная жизнь Западного края в кон. XIX – нач. XX в. Его дис. «Кардинал Гозий и Польская Церковь его времени» (СПб., 1882) посвящена начальным периодам Реформации, Контрреформации в Польше. Ж. показал, что польское католич. духовенство, несмотря на высокое положение в гос-ве, в 1-й пол. XVI в. не могло препятствовать проникновению в Польшу протестант. идей, что стало следствием сословной вражды между духовенством и усиливавшимся протестантски настроенным дворянством, развития в Польше национального движения под влиянием гуситства и гуманистических идей, распространявшихся из Зап. Европы, прежде всего из Германии, а также моральной распушенности католич. духовенства. Протестант. группы различных направлений умножились в Польше при Сигизмунде II Августе, но их раздоры и объединение консервативной части католич. духовенства вокруг еп. Станислава Гозия привели к тому, что католикам удалось не допустить консолидации польск. Протестантов и взять перевес над Реформацией в правление Стефана Батория. 17 янв. 1883 г. Ж. был удостоен степени магистра богословия за это сочинение в его расширенном варианте (магист.речь Ж.: О Реформации в Польше // ХЧ.1883.Ч.1.С.465-471; публ. перера-

ботанной и дополненной 3-й главы диссертации см.: «Христианское исповедание католической веры», изданное от имени Петровского синода 1551 г. // Там же.1885.Ч.1.С.642-669;Ч.2.С.50-81, 293-334).

По окончании СПбДА Ж. преподавал арифметику и географию в Полоцком ДУ(1881-1883). С 13 окт. 1883 до 2 марта 1884 г. занимал должность помощника смотрителя Виленского ДУ, со 2 марта 1884 г. преподавал церковную историю в Литовской ДС и в Виленском жен. уч-ще Духовного ведомства.

Ж. первым среди отечественных историков обратился к истории образования в Западном крае, находившемся преимущественно в руках униатов и римо-католиков. Католич.образованию в Вильне Ж. посвятил статьи: «Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803-1832 гг.)» (Там же. 1887. Ч.1. С.237-286; отд. отт.: СПб., 1887), «О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии» (ХЧ.1888.Ч.1.С.367-409, 556-595), а также отзыв об опубликованном в Вильне отчете ректора С.-Петербургской римско-католич. Академии Ф.А. Симоназа 1887/88 уч. г. (*Academia Caesarea Romano-Catholica Ecclesiastica Petropolitana anno academico. 1887-1888* // Литовские Ев.1888. №11; отд.отт.:Вильна, 1888). В статьях «Сенатор Новосильцев и Виленский профессор Голуховский (эпизод из истории Виленского университета 1823-1824)» (ИВ.1887.Т.29. №9.С.603-619), «Попечитель Новосильцев в сетях базилианской интриги» (Литовские Ев. 1888. № 39.С.333-334), «Первый русский попечитель Виленского учебного округа (Новосильцев)» (ХЧ.1892.Ч.1.С.362-398) Ж. проанализировал отрицательное, на его взгляд, влияние католичества и польского элемента в Виленском учебном округе. По оценке Ж., Виленский ун-т при имп. Александре I стал центром полонизации в Западном крае в большей степени, чем при польск. владычестве. Ж. ратовал за

создание в Вильне высшего православного духовно-научного просветительного центра, в т.ч. и «для общего укрепления и прояснения православно-русского народно-государственного самосознания» (Записка о духовной академии в Вильне.СПб., 1914.С.22).

8 окт. 1891 г. совет СПбДА единогласно избрал Ж. доцентом кафедры рус. гражданской истории на место умершего 23 авг. 1891 г. проф. Кояловича (Ж. произнес речь на похоронах последнего).16 сент. 1894 г. Ж. был избран экстраординарным, 7 мая 1901 г. – ординарным профессором СПбДА. Неоднократно выходили литографированные издания лекций Ж. по рус. гражданской истории. В протоколах совета СПбДА (прил. К ХЧ) напечатаны отзывы Ж.о научно-лит. деятельности архиеп. Димитрия (Самбикина), на докт. диссертацию В.З. Завитневича (А.С. Хомяков. К., 1902.Т.1), на 17 магист. диссертаций: С.Г. Рункевича (История Минской архиепископии. СПб., 1893; отд. отт. отзыва:СПб., 1896), А.В.Ярушевича (Ревнитель Православия князь Константин Иванович Острожский (1461-1530) и православная Литовская Русь в его время.Смоленск, 1897), Г.Я.Киприановича («Жизнь Иосифа Семашки». Вильна, 1897 (2); отд. отт. отзыва:СПб., 1899), К.В. Харламповича (Западнорус. правосл. школы XVI и нач. XVII в. Каз., 1898; отд. отт. отзыва:СПб., 1902), П.С. Смирнова (Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898), А.А.Завьялова (Вопрос о церковных имениях при имп. Екатерине II. СПб., 1900), Д.И. Абрамовича (Исслед. о Киево-Печерском патерике.СПб., 1902) и др. Ж. написал ок. 50 рецензий.

13 апр. 1901 г. ученому была присуждена степень д-ра церковной истории за соч. «Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.)». Эту публикацию предваряли работы Ж.: «Борьба против унии на современных ей литовско-польских сеймах (1595-1600)» (СПб., 1897) и «К вопросу о виновности экзарха Никифора... в ту-

рецьком шпионстве» (ХЧ.1899.Ч.1.С.573-590). Продолжением исследования данной темы стала серия из 6 выпусков «Сеймовая борьба... (с 1609 г.)», опубликованных в ж. «Христианское чтение» в 1903-1912 гг. (отд. отд.: Вып. 1: (1609-1614 гг.). СПб., 1903; Вып. 2: (1615-1619 гг.), 1904; Вып. 3: (1620-1621): Восстановление иерархии. 1906; Вып. 4: (1623-1625). 1908; Вып. 5: (1625-1629). 1910; Вып. 6: (1629-1632). 1912). В ходе исследования Ж. использовал большой неизвестный архивный материал, в частности польск. документы, хранившиеся в С.-петербургской Публичной б.; впол. они были переданы в Польшу и погибли во время второй мировой войны.

В 1-м разд. работы Ж. остановился на принятии в 1573 г. «Варшавской религиозной конфедерации», провозгласившей свободу совести в Польше. Ж. установил роль некоторых католич. деятелей в подготовке унии, в т. ч. кард. Ипполита Альдобрандини (впол. папа Климент VIII). Причины соглашения правосл. епископов в Белзе 20 июня 1590 г. о принятии унии с католической Церковью Ж. видит исключительно в личных амбициях архиереев. К 1595 г. относятся первые протесты против унии, исходящие, по словам Ж., от «передового шляхетского класса». Ж. подробно рассмотрел процесс подготовки универсала кор. Сигизмунда III Вазы о соединении «людей греческой веры» с Римской Церковью, изданного 24 сент. 1595 г., и протест против него участников правосл. Брестского Собора 1596 г. (см. Брестские Соборы) во главе с экзархом К-польского Патриарха Никифором, вскоре незаконно арестованным польск. властями и мученически скончавшимся в заключении (1599). 2-й разд. труда Ж. посвящен событиям церковной и гражданской истории Зап. России в 1595-1600 гг.: Брестскому Собору 1596 г. (см. Брестская уния 1596 г.) и причинам неудачи православных в борьбе с унией на сеймах 1596 и 1597 гг. 3-й разд. посвящен событиям 1601-1609 гг., когда сей-

мы признали право на существование и постепенное восстановление правосл. церковной иерархии, что было вызвано во многом внешнеполитическими трудностями Польши (по мнению рецензента С.Т. Голубева (Отзыв о сочинении проф. П.Н. Жуковича «Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковною унией до 1609 г.») (СПб., 1901). СПб., 1904), Ж. преувеличил положительные итоги данного периода для православных). Ж. рассмотрел процесс формирования общественного взгляда, отвергавшего преемство униат. иерархии по отношению к иерархии древнерус. Киевской митрополии. Ученый отметил, что после 1610 г. проявляется заинтересованность вопросами веры со стороны казачества, роль которого в церковных делах в дальнейшем возрастала.

Поставив своей целью охарактеризовать борьбу правосл. дворянства на сеймах против унии и глубоко раскрыв эту тему, Ж. вышел за ее рамки, фактически осветив очень важные вопросы жизни Западно-русской митрополии. Историк опубликовал решения Брестского Собора 1591 г. – важнейший источник о состоянии правосл. общества перед унией, протестацию 1621 г., стоявшую у истоков всей правосл. полемической лит-ры 20-х гг. XVII в., материалы для истории Киевского и Львовского Соборов 1629 г., содержащие важные сведения об отношении разных слоев правосл. общества к планам «примирения» Церквей, выдвигавшимся властями Речи Посполитой. Работы Ж., в первую очередь его цикл исследований «Сеймовая борьба...», стали продолжением и развитием выводов, сделанных Голубевым в исследовании, посвященном митр. св. Петру (Могила), 1-й том которого увидел свет в 1883 г., когда Ж. начинал свою научную деятельность (Голубев С.Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. К., 1883-1898. 2 т.). В работе Голубева было сделано много для характеристики положения правосл. Церкви и правосл. общества прежде всего

в центре митрополии – Киеве. В исследовании Ж. наряду с характеристикой действий правосл. дворянства налицо весьма содержательные характеристики действий православного духовенства, а с 1620 г. и правосл. иерархии в защиту Церкви и православного населения Польско-Литовского гос-ва. Как работа Голубева, так и исследования Ж. содержат обильный материал, характеризующий политику власти по отношению к православным в самых разных ее аспектах.

В 1893-1901 гг. Ж. являлся сотрудником «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» и написал ряд статей для этого издания. Принимал участие в составлении 2-го тома ПБЭ (1901). С 16 апр. 1904 г. состоял в Комиссии по разбору и описанию Архива Святейшего Синода. 11 авг. 1911 г. уволен с должности ординарного профессора СПбДА за выслугу лет, впоследствии числился сверхштатным ординарным профессором. В 1912 г. избран почетным членом СПбДА, в 1916 г. – заслуженным профессором академии, членом правления. Со времени открытия в 1910 г. общества духовной и материальной взаимопомощи бывших питомцев СПбДА входил в его совет и являлся товарищем председателя.

После 1912 г. Ж. обратился к изучению истории Церкви в Новое время, в частности во 2-й пол. XVIII в., на основе материалов имп. Публичной б-ки и Архива Синода. В «Журнале Министерства народного просвещения» ученый в 1914-1916 гг. опубликовал ряд статей, посвященных управлению, суду, сословному составу населения и школьному делу в Зап. России в царствование Екатерины II Алексеевны и общему состоянию края при имп. Павле I Петровиче (Управление и суд в Зап. России в царствование Екатерины II // ЖМНП. 1914. № 2. С. 264-315; №3. С. 88-120; № 4. С. 314-355; №5. С. 1-60; Сословный состав населения Зап. России в царствование Екатерины II // Там же. 1915. № 1. С. 76-109; № 2. С. 257-321; № 5. С. 130-178; Школьное дело

в Зап. России в царствование Екатерины II // Там же. № 12. С. 296-344; Зап. Россия в царствование Павла I // Там же. 1916. № 6. С. 183-226; № 8. С. 207-263; № 10. С. 186-275). По поручению Комитета для устройства празднования 300-летия Дома Романовых Ж. редактировал юбилейное изд. «Россия под скипетром Романовых: Очерки из русской истории за время с 1613 по 1913 г.» (СПб., 1912), вышедшее тиражом 1 млн экз. Ж. подготовил также популярный очерк «Смутное время и воцарение Романовых» (М., 1913). Статьи Ж. публицистического характера выходили в «Церковном вестнике», «Виленском вестнике» и др.

Ж. являлся почетным членом имп. Археологического института, действительным членом имп. Рус. исторического об-ва и состоявшей при об-ве особой Комиссии для обсуждения мер, касающихся порядка сохранения местных архивных материалов, членом имп. Московского археологического института им. имп. Николая II, Русского географического об-ва, Русского библиологического об-ва, Об-ва библиотек-ведения, почетным членом Полтавской церковной историко-археологической комиссии, пожизненным членом Владимирской губернской ученой архивной комиссии. В 1915 г. принимал участие в составлении издания, посвященного 50-летию Русского исторического общества, и написал главы «Основание, состав и собрания общества», «Научно-издательская деятельность общества». С 1903 г. работал в качестве члена-основателя в Галицко-Русском благотворительном об-ве в С.-Петербурге. В 1916 г. избран почетным членом Холмского правосл. братства. Проявил себя как активный деятель Западнорусского товарищества, 2 белорус. ученых сообществ.

В янв. 1915 г. Ж. был командирован обер-прокурором Синода В.К. Саблером в занятую рус. войсками Галицию с целью подготовить законопроект о правосл. причтах в условиях начавшегося процесса воссоеди-

нения с правосл. Церковью местных униат. приходов. В докладах «Об общем положении церковных дел в Галиции» (Пг., 1915) и «Об униатском приходском духовенстве в Галиции» (Пг., 1915) Ж. признал недостаточно интенсивным переход униат. приходов в Православие в 3 галицких епархиях (к 1 марта 1915 присоединился 81 приход из 1874), несмотря на естественный, исходивший от народа характер воссоединительного движения. По мнению Ж., гонимые австр. властями рус. силы в Галиции, прежде всего духовенство и интеллигенция, не получили должной поддержки рус. военно-гражданской власти, «всецело поглощенной заботами о соблюдении принципа корректности в отношении всех вероисповеданий», что превратилось в практическом своем осуществлении «в противодействие успехам Православия» (Об общем положении церковных дел в Галиции. С. 2). Не учитывались местные церковно-бытовые особенности, как и то, что, по словам Ж., «так называемое украинство (мазепинство) имело в Галиции в крестьянском населении широкое распространение», поскольку поддерживалось денежными субсидиями от краевого галицкого и центрального австр. правительства и из прусской казны. Соединение «украинства» и униатства, осуществлявшееся, в частности, митр. Андреем Шептицким, представлялось Ж. особенно опасной для рус. власти тенденцией. Ж. последовательно выступал сторонником «русского народного единства», укрепления связи Зап. Руси с общерус. гос. центром. В «Записке о духовной академии в Вильне» (СПб., 1914) Ж. указывал, что «врагами единства России в наши дни готовится еще новая для нее опасность – так называемое белорусинство по подобию малорусского украинства. Пока это только еще нарождающееся явление, но дальнейшему его развитию готовы уже всячески помогать и поляки, и украинцы» (С. 21-22).

В конце жизни Ж. вернулся к вопросу о землевладении в Северо-Западном крае, к-рый он затронул еще в речи, произнесенной 17 февр. 1895 г. на акте в СПбДА, – «О русском землевладении в Северо-Западном крае со времени присоединения его к России» (СПб., 1895). Его работа «Инвентарный вопрос и начало крестьянской реформы в Белоруссии» была предназначена для сб. «Белоруссия» (1917) Белорусского вольно-экономического об-ва, членом которого ученый состоял. Ж. описал период с 1839 до 1857 г. – начало реформ. Для Белорусского об-ва Ж. в последние месяцы жизни составил библиографию по белорус. истории (на основании изд.: Finkel L., Sawczycki H. Bibliografia historyi polskiej. Kraków, 1891. Cz. 1; 1895. Cz. 2; 1906. [Cz. 3]; Dodatek 2. Zesz. 1: Obejmujący lata 1901-1910. Kraków, 1914), завершив выписки накануне кончины. В 1916 г. Ж. трудился в комиссии Гос. думы по делам православной Церкви. В 1917-1918 гг. историк принимал участие в работе всех сессий Поместного Собора Православной Российской Церкви. Будучи членом комиссии по вопросу о введении нового стиля, Ж. придерживался мнения о невозможности немедленного перехода на григорианский календарь.

30 нояб. 1918 г. Ж. был избран членом-корреспондентом АН по Отделению рус. языка и словесности. По возвращении из Москвы в Петроград 10 янв. 1919 г. Ж. обратился в Публичную б-ку с просьбой определить его на службу в бывш. б-ку СПбДА, 23 янв. был назначен на должность «начинающего научного сотрудника» в Рукописном отделении, 1 мая назначен научным сотрудником. В том же году Ж. скончался, его могила утрачена. Б-ка ученого в 1921 г. была приобретена для Минского ун-та, в устройстве которого Ж. принимал участие; в наст. время находится в фондах Гос. б-ки Белоруссии.

Ист.: РНБ ОР. Ф. 341. Д. 468; Ф. 354. Д. 55; Ф. 558. Д. 86, 120, 121; Ф. 574. Оп. 2. Д. 65; Ф. 874. Оп. 1. Д. 33; ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Д. 63, 64.

Соч.: Письмо Яна Абрамовича виленскому воеводе Х. Радзивиллу 10 дек. 1593 г. // Виленский вестн. 1897. №221; Брестский Собор 1591 г.: (По новооткрытой грамоте, содержащей деяния его) // ИОРЯС. 1907. Т. 12. Кн. 2. С. 45-71 (отд. отт.: СПб., 1907); Кн. Константин Константинович Острожский в борьбе с церковной унией // ПрибЦВед. 1908. № 8. С. 353-362; Несколько мыслей о западнорусских церковных делах // ЦВ. 1908. № 3. С. 69-72; Жизнеописание митр. Иосифа-Вельямина Рутского, составленное митр. Рафаилом Корсаком, и сочинение Рутского об улучшении внутреннего состояния униатской Церкви // ХЧ. 1909. Ч. 2. С. 1089-1108; Протестация митр. Иова (Борецкого) и других западнорусских иерархов, составленная 28 апр. 1621 г. // Статьи по славяноведению. СПб., 1909. Вып. 3 (отд. отт.: СПб., 1909); Полтавская битва и Польша // ЖМНП. 1909. №6. С. 353-386; Казацкий разгром и Куруковский договор 1625 г. // ХЧ. 1909. Ч. 1. С. 515-532, 769-789; Первый польский сейм после Куруковского разгрома казаков // Там же. Ч. 2. С. 907-932; О неизданных сочинениях Иосафата Кунцевича // ИОРЯС. 1910. Т. 14. Кн. 3 (отд. отт.: СПб., 1910); Начало научной разработки Ватиканского архива Академией наук // ПрибЦВед. 1910. № 2. С. 173-192; № 3. С. 334-351; Материалы для истории Киевского и Львовского Соборов 1629 г. // ЗИАН. 1911. Т. 8. № 15 (отд. отт.: СПб., 1911); Записка об открытии духовной академии в Вильне // Вестн. Виленского правосл. Св.-Духовского братства. 1914. № 5. 2-япаг. С. I-V; Пятидесятилетие высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода, 1868-1915. Пг., 1915. С. 333-335 [автобиогр.].

Лит.: Проводы П.Н. Жуковича // Литовские Ев. 1891. № 46; Извеков Н., свящ. История Литовской духовной семинарии. Вильна, 1892. С. 434, 485; Гомолицкий И., свящ. Пятидесятилетний юбилей прот. Николая Жуковича // Литовские Ев. 1900. № 1/2. С. 5-6; Тридцатилетний юбилей проф. П. Н. Жуковича // ЦВ. 1911. № 36. Стб. 1115-1117; Пальмов И. С. Записка об ученых трудах

проф. П.Н. Жуковича // ИАН. 1919. Сер. 6. № 1. С. 6-7; Тураева Е.Ф. П.Н. Жукович: (Некролог) // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 597-599; Бенешевич В. Н. Скорбная летопись // РИЖ. 1921. № 7. С. 234; Харлампович К. В. Платон Николаевич Жукович: (Биограф. нарис) // Українська АН. Зап. Іст.-філол. відділу. 1925. Кн. 6. С. 247-258; Сенько П.Н. Русские церковные деятели – члены Академии наук. СПб., 1995. С. 178-179, 258; Матвеева И. Г., Опалинская М.А. Российская Публичная библиотека – Государственная Публичная библиотека в Ленинграде, 1918-1930. СПб., 1999. С.286-287; Теплова В.А. П.Н. Жукович (1857-1919 гг.): Становление историка: (К 150-летию со дня рождения) // <http://sobor.by/zhukovich.htm>.

Свящ. Александр Берташ, Г.Э. Щеглов»

Западнорусский народный учитель Александр Миловидов

Этот убежденный последователь Михаила Кояловича, закончив курс Московской Духовной Академии, стал под руководством С. Рачинского народным учителем. Затем – хранителем в Виленском публичном музее древностей, где занимался поиском, разбором и публикацией архивных источников Западной Руси, членом Императорского общества истории и древностей Российских. Пишет более 50 работ на тему русской идентичности Западной России, является примером для современного учительства. Вот основные труды Миловидова: «Освобождение крестьян Северо-Западного края и поземельное устройство их при графе М.Н. Муравьеве / А.И. Миловидов. – Вильна: Тип. Св.-духов. братства, 1901. – 56 с.

Старопечатные славяно-русские издания, вышедшие из западнорусских типографий XVI-XVIII вв. Москва, 1908).

Описание старорусских печатных книг виленской публичной библиотеки, Вильна, 1908

Русский календарь в Северо-Западном крае, его история и значение. Вильна, 1908.

Пятидесятилетие «Виленского вестника» русской редакции. Вильна, 1914.

Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки. Его история и состав (1910).

Статьи А.И.Миловидова:

О положении Православия и русской народности в Пинском удельном княжестве и городе Пинск до 1793 года (1894).

Современные попытки папы Льва XIII к соединению церквей и ответ на них восточных православных иерархов (1896).

Св. священномученик Макарий, митрополит Киевский и всея Руси (1897).

Церковно-археологические памятники города Пинска (1898).

Из переписки гр. М.Н. Муравьева об улучшении материального быта православного духовенства в Северо-Западном крае: по поводу исполнившегося 35-летия (1899).

Заслуги графа М.Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае (1900).

Меры, принятые графом М.Н. Муравьевым к ограждению православного населения от латино-польской пропаганды в Северо-Западном крае (1900).

Пинский Богоявленский второклассный монастырь (по поводу исполнившегося столетия его существования) (1900).

Из бумаг архиепископа минского Антония Зубко (по поводу исполнившегося столетия со дня воссоединения западно-русских униатов) (1900).

Освобождение крестьян Северо-Западного края и поземельное устройство их при графе М.Н. Муравьеве (1901).

Государственное значение всероссийских патриархов (1901).

Исторические основы латино-польской политики в Северо-Западном крае (1901).

Виленский центральный архив (1902).

Виленская публичная библиотека (по поводу 35-летия ее существования) (1902).

Устройство общественного быта крестьян Северо-западного края при графе М.Н. Муравьеве (1902).

Краткий исторический очерк Виленской публичной библиотеки (по поводу 35-летия ее существования) (1903).

Современная летопись: прошлое и современное положение археографии в Северо-Западном крае (1904).

Педагогические воззрения Императрицы Екатерины II и влияние их на реформу духовной школы (1905).

Русский календарь в Северо-Западном крае. 1883-1908 (К 25-летию «Виленского Календаря») (1907).

Русский календарь в Северо-Западном крае, его история и значение: историко-библиографическая справка по поводу 25-летия «Виленского календаря», с указателем помещенных в нем статей (1908).

Старопечатные славяно-русские издания, вышедшие из западно-русских типографий XVI-XVIII вв. (1908).

Описание славяно-русских старопечатных книг Виленской Публичной библиотеки (1491-1800 гг.) (1908).

Академик-художник Иван Петрович Трутнев: юбилейное издание по поводу 50-летия художественной деятельности И.П. Трутнева, насадителя русского искусства в Северо-Западном крае (1908).

Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки: его история и состав (1910).

Распоряжения и переписка гр. М.Н. Муравьева относительно римско-католического духовенства в Северо-Западном крае (1910).

О современных задачах внешкольной просветительной деятельности западно-русских братств (1910).

Из истории Виленской Публичной Библиотеки (1911).

Памяти И.П. Корнилова, как основателя русской национальной школы в Северо-Западном крае (к столетнему юбилею рождения И.П. Корнилова) (1911).

Торжество закладки исторического храма-памятника в Вильне и значение этого памятника (1911).

Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при гр. М. Н. Муравьеве (1913).

Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864 г. г. в пределах Северо-Западного края. Ч. 1. Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 по май 1863 г. (1913).

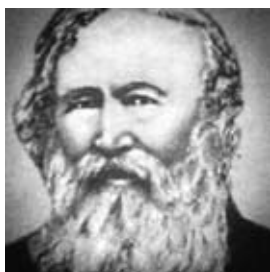
Виленский храм-памятник в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых и в память князя К.К. Острожского (ко дню освящения храма 9-го мая 1913 г.) (1913).

К 50-летию русской Вильны (1914).

Перечень боевых столкновений русских войск с польскими повстанцами в кампанию 1863-1864 гг. в пределах Северо-Западного края, с указанием времени, места боев, численности и командного состава русских и повстанческих отрядов, равно и потерь с обеих сторон (1915)*».

* https://ru.wikipedia.org/wiki/Миловидов,_Александр_Иванович

**Иван Носович –
ревнитель белорусской самобытности
и лингвистического единства
Западной и Восточной России**

Иван Носович

Крупнейший этнограф Белоруссии. В 1812 году окончил духовную семинарию в Могилеве, работал учителем, инспектором Оршанского, ректором Мстиславского и Могилевского духовных училищ (1813-1822), заведующим, смотрителем, преподавателем Динабургской гимназии, Молодечненского, Свентянского дворянских училищ (1822-1843).

Для сбора фольклорного и этнографического материала объехал Минскую, Гродненскую и Могилевскую губернии, издал «Белорусские пословицы и поговорки», «Сборник белорусских пословиц», «Белорусские пословицы и загадки» «Белорусские песни», не успел издать «Собрание белорусских слов по алфавиту» «Алфавитный указатель старинных слов». Но главный его труд: «Слоуник беларускай мовы» 1870 года, из которого ясно следует, что нет никаких причин к выделению белорусской мовы в отдельный от общерусского литературный язык. – Носович был убежденным «западнорусистом» и получал за свои труды Уваровские и Демидовские премии. Жизнь и труды Ивана Носовича являются свидетельством того, что подлинная белорусская и малороссийская самобытность являются не разрушением, а укреплением общерусского единства.

Певец Витебской русской земли Алексей Парфенович Сапунов

Авторитет этого досконального знатока Витебской русской земли был настолько незыблем, что его, депутата Третьей Государственной думы, не тронули даже большевики, которые уничтожали «западнорусизм» и насаждали «белорусизм как антирусский сепаратизм», несмотря на то, что Алексей Сапунов и не думал своего «западнорусизма» стесняться. Судите сами: «(15 марта 1851, с. Усвяты, Суражский у., Витебская губ. – 2 октября 1924, Витебск), историк, археолог, археограф, краевед.

Алексей Парфенович Сапунов родился 15 марта 1851 года в селе Усвяты Суражского уезда Витебской губернии в семье небогатого купца и крестьянки. Учился в Витебской мужской Александровской гимназии, которую окончил в 1869 г. После окончания гимназии А.П. Сапунов поступил в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет. В 1873 г. А.П. Сапунов окончил университет в звании кандидата университета с предложением остаться для работы на кафедре. Однако болезнь глаз и обязательство отработать министерскую стипендию вынудили Сапунова вернуться в Витебск. Стипендия Министерства народного

Алексей Сапунов

образования обязывала Алексея Сапунова отработать определенный срок в учебных заведениях Виленской учебной округи. Молодой педагог стал преподавать древние языки в той же Витебской гимназии, где учился сам. На этом месте Алексей Парфенович проработал почти 23 года.

Первая публикация А.П. Сапунова – очерк под названием «Исторические сведения про Витебский замок» – появилась в «Памятной книжке Витебской губернии на 1881 год». Первый том «Витебской старины» вышел из печати в 1883 году и имел шумный успех. Издание, которое вышло в провинции, было замечено в столице и крупных научных центрах страны. В 1885 году из печати вышел очередной том «Витебской старины», посвященный истории войн Московской державы с Великим Княжеством Литовским и Речью Посполитой. Следующий том был посвящен религиозной истории Придвинского края.

В 1892 году по инициативе Евдокима Романова и благословению архиепископа Полоцкого и Витебского Антонина в городе Витебске было создано церковно-археологическое древлехранилище. Владыка Антонин поручил заниматься организацией музея Алексею Парфеновичу Сапунову и священнику Николаевского кафедрального собора Василию Говорскому. Первые экспонаты для древлехранилища Романов и Сапунов собрали после посещения витебских городских церквей: Благовещенской, Ильинской, Петропавловской и церковью Маркова монастыря.

В 1896-1901 гг. Алексей Парфенович Сапунов жил в Москве, работал помощником инспектора студентов университета. Вернувшись в Витебск, в 1901-1917 гг. был секретарем губернского статистического комитета, в 1911-1923 гг. преподавал в Витебском отделении Московского археологического института и в институте народного образования. В 1913 г. удостоен звания профессора.

14 октября 1907 года Алексей Парфенович Сапунов стал депутатом III Государственной думы. В высший законодательный институт Российской империи 106 избирателей Витебской губернии выбрали 6 депутатов, в числе которых был секретарь губернского статистического комитета Алексей Сапунов. Выборы состоялись в Витебске. После этого Сапунов был освобожден от должности секретаря статистического комитета Витебска.

9 июня 1912 года III Государственная дума перестала существовать. Алексей Сапунов снова вернулся в Витебск. 31 августа 1909 года была создана в Витебске научная архивная комиссия (ВНАК). Ее организаторами были: преподаватель Витебской духовной семинарии М.М. Богородский и советник губернского правления В.С. Арсеньев (в 1915-1917 гг. – псковский вице-губернатор). Сапунов участвовал в работе этой комиссии.

После революции 1917 года А.П. Сапунов стал советским служащим – возглавлял статистический отдел исполнительного губернского комитета. Помимо этого, Сапунов продолжал читать лекции в Витебском отделении Московского археологического института.

С 1 января 1922 года, согласно распоряжению Главного управления архивными делами о сокращении штатов Витебского губархива, был «освобожден от должности архивариус А.П. Сапунов с переводом его на сдельную оплату труда».

Летом 1924 года Сапунова как специалиста музейного дела пригласили на собрание знатоков музеев в Витебске, где планировалось обсудить проблемы спасения экспонатов существующих в городе музеев. Из-за тяжелой болезни А.П. Сапунов не смог присутствовать на этом собрании.

Совет Народных Комиссаров БССР 1 октября 1924 года назначил профессору А.П. Сапунову пожизненную пенсию по ставке ответственного работника

наивысшего разряда тарифной сетки (100 рублей в месяц). Однако 2 октября 1924 года А.П. Сапунов умер. Похоронили Алексея Парфеновича на Тройчанском кладбище, которое до наших дней не сохранилось.

За более чем 40-летнюю научную деятельность А.П. Сапунов подготовил и издал почти 50 книг и брошюр. Он является автором такого же количества статей, помещенных в научных сборниках, журналах и газетах. Наиболее известные его работы получили высокую оценку не только в России, но и в Англии, Франции и Германии. Многочисленные труды были посвящены его родным местам: «Усвяты (местечко Витебской губернии)», «Список населенных мест Витебской губернии», «Река Западная Двина» и др. Научная деятельность Сапунова была высоко оценена современниками. В 1896 году за рецензию на книгу германского историка Ф. фон Кейслера «Конец первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII веке» А.П. Сапунов был удостоен золотой Уваровской медали Российской академии наук. Одна из улиц Витебска носит имя Алексея Парфеновича Сапунова».

**Дмитрий Скрынченко –
идеал деятельного
православного мирянина –
политика Западной Руси**

Духовное чадо митрополита Антония (Храповицкого), «яркий реакционер и пламенный контрреволюционер», православный политический лидер русских национально-патриотических сил Северо-Западной России.

Закончил Воронежскую духовную семинарию и Казанскую Духовную академию, где духовно сблизился с ее тогдашним ректором епископом Антонием (Храповицким), который превратил ее в «центр профилактики украинского и белорусского сепаратизмов», сам будучи «пламенным реакционером и ярким контрреволюционером», ревнителем возрождения русского Патриаршества, искал и подбирал кадры себе подобных. Таким кадром был Дмитрий Васильевич Скрынченко. Из Казани через Пермь и Тверь (видимо, по благословию еп. Антония) Скрынченко перебирается в Минскую духовную семинарию, где начинает масштабное миссионерско-патриотическое служение. Он становится редактором «Минских епархиальных новостей», где с 1905 по 1912 год он публикует более

Дмитрий Скрынченко

100 статей в поддержку созыва русского церковного собора и избрания Патриарха, активного участия православных миссионеров и патриотов на выборах в Государственную думу, выступает за реформы духовного образования в духе «миссионерского патриархизма» вл. Антония (Храповицкого), в противовес проектам проф. Завитневича «автономии Духовных Школ» от иерархии, равно как и попытки которой, секуляризация в Духовных Школах, привели к участию семинаристов в революционных беспорядках. Затем, одновременно с «Минскими епархиальными ведомостями», в 1910-12 годах Скрынченко возглавил газету «Минское слово», ставшую рупором православных русских патриотов Западной Руси. Скрынченко принимает огромное участие и становится секретарем первого съезда православных братств Западной Руси в Минске, организатором второго – в Вильне и третьего – братства Животворящего Креста Господня – в Минске. Возрождение православных братств стало мощным фактором укрепления русского национального самосознания Западной Руси. Активную патриотическую миссию Дмитрия Скрынченко поддерживает Минский епископ Михаил (Темнорусов).

Скрынченко пытался «воцерковить и национализировать» местных «октябристов», но вскоре убеждается, что даже «либеральные государственники» ведут Россию к краху, покидают их и возглавляет минское отделение «Всероссийского национального союза». Губернатор Эрдели закрывает «Минское слово» – поворот значительной части власти к либералам и «слив» православных русских патриотов закончился для власти и России «февралем», но православные русские элиты сопротивлялись этому до последнего. Скрынченко переезжает к вл. Антонию (Храповицкому) в Житомир, на Волынь, которую архиепископ превратил в «Миссионерскую крепость» «Союза русского народа», отождествлять который с антисемитиз-

мом просто неисторично. Будучи одним из лидеров «Союза русского народа», Антоний (Храповицкий) является автором самой проникновенной проповеди против этнического антисемитизма. Так, в прочитанной в Житомире проповеди, посвященной **кишиневскому погрому**, он сравнил его участников с Иудой и дикарями-каннибалами. Приехав на Волынь посвящает себя главному – православной миссии и борьбе с «мазепинской ересью». Волынь и Киев были центрами такой борьбы, центрами русского православного патриотизма. В 1912-1913 гг. Д.В. Скрынченко преподавал в Мариинской гимназии Житомира, сотрудничал с «Волынским словом». По благословению архиепископа Антония в 1912-19 годах Скрынченко проживает в Киеве и основным его делом является борьба с «мазепинством». Скрынченко преподавал во II Киевской классической гимназии. Здесь он занимался проблемами педагогики как церковной, так и светской школы, результатом чего стала книга «Русская национальная школа». Был действительным членом Киевского клуба русских националистов, принимал деятельное участие в развенчании «ереси украинства». В начале Первой мировой войны пишет и издает книгу «Украинцы», где разоблачает «мазепинцев» как «пятую колонну» Центральных держав, а не только Германии и Австро-Венгрии. К сожалению, мне нигде не удалось найти эту уникальную книгу, содержащую наверняка полную информацию об и так известном финансировании Парвусом «Союза освобождения Украины» и «виртуальной», но публично прогерманской колониальной «Белорусской народной республики».

Скрынченко активно сотрудничает с газетами «Киев» и «Киевлянин».

Затем он активно участвует во Всеукраинском церковном соборе 1918 г., где непримиримо борется с украинизацией богослужения и униатским проектом автокефалии УПЦ, голосует за избрание Антония (Хра-

повицкого) митрополитом Киевским и Галицким. После ареста петлюровцами митр. Антония и его изгнания в 1919 году Скрынченко покидает Киев и помогает в Сербии строительству Русской Зарубежной Церкви. В Киеве и Сербии он сближается с выдающимся борцом с «мазепинской ересью» В.Шульгиным и вместе с ним продолжает эту борьбу в эмиграции.

Соратником Скрынченко в Киеве был главный редактор «Киевлянина» и активист «Всероссийского национального союза», после революции 1917 года – активист «Беспартийного блока русских избирателей», победившего украинских сепаратистов на выборах во «Всеукраинское Учредительное Собрание» в 1917 году, и движения «Малая Россия» Василий Шульгин. Шульгин поплатился за свое участие в «февральской революции» своим 12-летним заключением во «Владимирском центре» (несмотря на свою лояльность СССР и веру в русификацию большевиков). Но оправдание Шульгина – в его яркой, хлесткой и аргументированной критике «украинства» в его книге «Украинствующие и мы», долженствующей стать настольной у каждого человека, пытающегося действительно разобраться в мало- и белорусском вопросе*.

* https://royallib.com/book/shulgin_vasiliy/ukrainstvuyushchie_i_mi.html

Минский и Могилевский епископ Михаил (Темнорусов)

Это архиерей известен как яркий миссионер и патриот Белой Руси, строивший на ней оплот православной, самодержавной России. Во всем поддерживал «западнорусистов», православные братства и Д. Скрынченко, ревнитель прославления великого малороссийского святого Иоасафа Белгородского:

«1895 год – ректор Могилевской духовной семинарии. 6 августа 1897 года хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. Хиротония состоялась в С.-Петербурге в Александро-Невской лавре. С 22 сентября 1899 года – епископ Минский и Туровский. 14 мая 1911 года возведен в сан архиепископа. Как член Священного Синода подписал послание Св. Синода об открытии 4 сентября 1911 года мощей Св. Иоасафа. Скончался 29 мая 1912 года»*.

* Источник: <http://ortho-rus.tk/articles/arhierei-6946.html>

Слуцкий епископ святой Иоанн (Поммер)

В 1912-м году викарием Минского епископа Михаила становится ректор Виленской духовной семинарии

Священномученик Иоанн
(Поммер)

православный латыш Иоанн (Поммер), миссионер и помощник бедных слоев населения. После национальной катастрофы 1917 года архиепископ Иоанн Поммер становится митрополитом Латвийской Православной Церкви Московского

Патриархата. В 1934-м году неизвестные запытают архиепископ Иоанна до смерти, сжигают его, привязав к двери на его даче. Попытки «повесить» его смерть на большевиков не особенно убедительны, они тогда были заняты уничтожением Церкви в СССР. А вот строителям пронацистской антирусской этнократической Латвии архиепископ Иоанн мешал: он отстаивал Латвийскую Церковь в Московском Патриархате (тогда Константинопольский Патриархат захватывал епархии Русской Церкви в Прибалтике, Зап. Европе, США и с помощью обновленческого раскола – в самой России) и, будучи депутатом Сейма, выступал за двухобщинную двуязычную Латвию. В общем, у латышских нацистов, идейных предков нынешних латвийских властей, был мотив к «устрашающему устраниению» святого мученика архиепископа Рижского Иоанна (Поммера).

**«Мракобес, миссионер, националист»
профессор Константин Харлампович**

Родился в селе Рогачи западнее Бреста, в Холмской Руси. Прошел типичный западнорусский путь: Виленская семинария – Санкт-Петербургская академия. Далее – Казанская академия, куда потом приходит организатор «православного миссионерского контрнаступления» в Западной Руси епископ Антоний (Храповицкий). Он и в Казани проводит миссионерский съезд, направляет в Белую и Малую Русь Дмитрия Скрынченко и задействует на этом направлении профессора Харламповича, который пишет свою главную, фундаментальную, великую книгу «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь»*.

Ключевые идеи и смыслы этой книги, которые современные интерпретаторы пытаются выхолостить: это влияние было определяющим, грандиозным и русским – никакой «украинской идентичности» в Малороссии не было, созидание великой Русской Церкви и идея сильной миссионерской Церкви во главе с Патриархом – результат воссоединения

Проф. К. Харлампович

* Казань, 1914. <http://library.ruslan.cc/types/books/малороссийское-влияние-на-великорус/>

Руси. Ликвидация Патриаршества и «пленение» и паралич Церкви – путь к нигилизму и революции. Как и все «западнорусисты», Харлампович занимался историей православного русского гражданского общества – церковных братств. Харлампович являлся Харлампович являлся членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, которое советской властью было объявлено «средоточием отсталых и реакционных элементов, миссионеров, шовинистов и националистов». Его высылают на Юг Сибири, откуда ему удалось перебраться в УССР, поскольку его избрали членом Академии наук Украины, где он продолжает развенчивать «украинство» и работает над продолжением «Малороссийского влияния на великорусскую церковную жизнь», за что в 1928 году нарком просвещения УССР Микола Скрыпник, тоталитарный большевистский украинизатор (и вместе с В. Чубарем и Л. Кагановичем – организатор «голодомора» бывшего, на самом деле формой украинизации, ибо намеренно «выкашивались» малороссийские губернии с сильным «Союзом русского народа» (Воынь, Полтава)), выгоняет Харламповича, и в 1932 году тот умирает в забвении.

Ученик великого Кояловича Афанасий Ярушевич

Типичное западнорусское начало: сын виленского псаломщика Винцента Ярушевича заканчивает Виленские духовные училище и семинарию и оттуда отправляется в Санкт-Петербургскую духовную академию к Михаилу Кояловичу. Закончив ее, преподает в Вильно, Смоленске, затем – в Молодечне, в учительской семинарии, после ее эвакуации и закрытия возвращается в Смоленск, где после национальной катастрофы 1917 года умирает в 1924 году в неизвестности.

Став в Санкт-Петербургской духовной академии учеником двух великих русских национальных пророков из Белой Руси Михаила Кояловича и Платона Жуковича, Ярушевич пишет главную работу своей жизни: «Ревнитель Православия, князь Константин Иванович Острожский (1461-1530) и православная Литовская Русь в его время», в которой он на основании источников доказывает что в Литовской Руси жил православный русский народ, стремившийся к воссоединению с Московской Русью, а князь Константин Острожский был вынужден воевать с Москвой, поскольку занимал в Великом княжестве Литовском высокопоставленное положение и в случае прямой измены и вооруженного выступления против власти лишился бы возможности легально создавать Православное русское сопротивление и срывать готовившуюся проклятую унию.

**Иван Лаппо –
рыцарь Литовской Руси
и Единой и Неделимой России**

Род Лаппо – из литовской русской аристократии, не предавшей Православия, когда другая часть литовской русской аристократии его предала, такие, как Лаппо, много столетий служили Русской Православной Церкви и России. Отец Лаппо Иван был руководителем отдела канцелярии Обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода, его сын Иван закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1901 году защитил магистерскую диссертацию на тему «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория».

В дореволюционный период он пишет работы по истории Литовской Руси:

«Земский суд в Великом кн. Литовском XVI в.» (Журнал министерства народного просвещения, 1897);

Профессор Иван Лаппо

«Подкоморский суд в Великом кн Литовском XVI-XVII вв.» (Журнал министерства народного просвещения, 1899);

«Гродский суд в Великом кн. Литовском XVI в.» (Журнал министерства народного просвещения, 1908);

«Великое княжество Литовское за время от за-

ключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория» (т. I; СПб., 1901);

«Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик» (Юрьев, 1911);

«Полоцкая ревизия 1552 г.» (М., 1905);

«Описание Полоцких владычных, монастырских и церковных земель ревизорами 1580 г.» (М., 1907);

«Похищение государственной печати Великого княжества Литовского в 1581 г.» (Сборник статей в честь В.И. Ламанского);

«Современное состояние науки русской истории и задачи ее университетского преподавания» (Юрьев, 1906);

«Речь на торжественном акте Императорского Юрьевского университета, посвященном чествованию 300-летнего юбилея Царствующего Дома Романовых» (ib., 1913);

«К истории сословного строя Великого княжества Литовского. Конные мещане Витебские в XVI столетии» (Сборник статей в честь В.О. Ключевского);

«Постановления трех виленских съездов 1587 г.» (Сборник статей в честь С. Ф. Платонова);

«Лимитации господарского дворного суда великого княжества Литовского в эпоху пред учреждением Главного Литовского Трибунала» (Сборник статей в честь Д. А. Корсакова);

«К вопросу об утверждении литовского Статута 1588 года» (Сборник статей в честь М. К. Любавского. Петроград, 1917. – С.130-171);

«К истории панского класса в Великом княжестве Литовском» (М., 1915);

«Литовская метрика» («Русская Историческая Библиотека», XXVII-XXX)*.

После революции оказывается в пражской русской эмиграции, сближается с Иваном Ильиным и, как на-

* https://ru.wikipedia.org/wiki/Лаппо,_Иван_Иванович

стоящий православный литовский русский, весь свой колоссальный багаж знаний бросает на борьбу с «украинством» (как ни пытались, создать белорусские «нацию и самостийничество» не получалось – на этом фронте Лаппо не с чем было бороться, любую такую попытку он бы мгновенно и академично дезавуировал). Впрочем, в борьбе с «украинством» Белая Русь также находилась в центре его научного внимания. В тот период Лаппо пишет:

«Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом». – Прага, 1924;

«Происхождение украинской идеологии Новейшего времени». Ужгород, 1926. Изд. Общества им. Александра Духновича, выпуск 28.

«Идея единства русского народа в Юго-Западной Руси в эпоху присоединения Малороссии к Московскому государству». – Прага, 1929.

«Россия и славянство». – Ужгород, 1930, 36 с.

Подкарпатская Русь особенно чтит русского литвина Ивана Лаппо, ибо литовский русский князь Федор Кориатович спас Православие и русскую идентичность за Карпатами.

Главная мысль Лаппо: идеология национально-политического единства Южной и Северной России была выработана в большей степени именно в Киеве. Лаппо пишет: «Венцом ее стал знаменитый киевский «Синописис», написанный предположительно Киево-Печерским архимандритом Иннокентием Гизелем (во второй половине XVII в.). Эта книга переиздавалась около 30 раз и стала первым учебным пособием по русской истории. Согласно «Синописису», «русский», «российский», «славянороссийский» народ – един. Он происходит от Иафетова сына Мосоха (имя последнего сохраняется в имени Москвы), и он «племени его» весь целиком. Именно «Синописис» утверждает главенство суздальско-владимирских князей после разорения Киева татарами.

По «Синопису», Россия – едина. Ее начальный центр – царственный град Киев, Москва – его законная и прямая наследница в значении общего «православно-русского» государственного центра. Весь русский народ един, и временное отделение его части от России в другие государства (Польшу и Литву) «милостью Божией» завершается воссоединением в единое «государство Российское»*.

**Митрополит Елевферий
(Богоявленский)**

Как Завитневич вернул русскому народу «Палинодию», так Лаппо – «Синопис»!

Затем Иван Лаппо возвращается в Вильну, в Университет вероотступника Витовта, и в Вильне вместе с выдающимся иерархом Виленским митрополитом Елевферием (Богоявленским) отстаивает на своей «прародине» – Литовской Руси – православное русское дело.

Митрополит Елевферий окормляет тогда русские западноевропейские приходы, либеральная часть которых предает Мать-Церковь и вместе с митрополитом Евлогием (Георгиевским) уходит в раскол в Константинопольский Патриархат, который тогда вероломно поддержал созданный Львом Троцким обновленческий раскол в СССР. Но в Русской Церкви под руководством митрополита Елевферия остались такие выдающиеся православные русские люди, как Владимир Николаевич Лосский. В Париже в противовес либеральному

* И.И. Лаппо. Идея единства России в Юго-Западной Руси. – Прага, 1929.

«константинопольскому» институту преп. Сергия был основан великим православным русским богословом и ревнителем Московского Патриархата Владимиром Лосским и Виленским митрополитом Елевферием православный институт св. Дионисия Ареопагита. Они также активно возрождали «православный Западный Обряд» – обряд, «православную мессу» древней Латинской Церкви, тогда еще не отпавшей в ересь. Западный обряд значительно облегчает западноевропейцам переход в Православие, и эта миссия митр. Елевферия должна быть возрождена!

Белая Русь и Русь Подкарпатская. Антон Будилович как символ их и общерусского единства

Православные русские Западной России испокон веков спасали Подкарпатскую Русь. В XIV в. это сделал «Гедиминович» князь Федор Кориатович, спасавшийся в Подкарпатской Руси от униатской измены в Руси Литовской и создавший в Мукачево автономное православное русское княжество. Антон Будилович – белорусский воин общерусского единства, в XX в. породнился с Подкарпатской Русью, став зятем великого карпаторусского просветителя Адольфа Добрянского-Сачурова.

Великий сын православного русского народа Антон Будилович родился в Гродненской губернии. Он – сын православного священника села Комотово Гродненского уезда Гродненской губернии. Брат Александра Семеновича Будиловича. После польского восстания 1863 года, в ходе которого его отец-исповедник получил от бунтовщиков польских террористов и убийц русского народа Западной Руси, смертный приговор как «слишком русский», семья изменила фамилию с полонизированного «Будзиллович» на русский вариант «Будилович». История семьи Будиловичей свидетельствует о глубоких и стойких православных убеждениях народа в западной части Белой Руси.

Антон Будилович пошел по классическому пути западнорусского образования. Сначала – в Жировицком духовном училище, после поступил в Литовскую духовную семинарию. Окончив средние классы семинарии, поступил в 1864 году на историко-филологический

факультет Санкт-Петербургского университета. В 1868 году он окончил университет, где его научным руководителем был ревнитель общерусского единства проф. И. Срезневский, в 1869 году Будилович стал приват-доцентом славянских наречий в Петербургской духовной академии, а с 1870 года преподавал в Петербургском историко-филологическом институте. В 1871 году он защитил магистерскую диссертацию «Исследование языка древнеславянского перевода “XIII слов Григория Богослова” по рукописи Императорской Публичной библиотеки XI века» и отправился в научную командировку по славянским странам. По возвращении из экспедиции в 1875 году он поступил на должность ординарного профессора Историко-филологического института выдающегося малоросса князя Безбородко в Нежине. В 1881 году его назначили в Императорский Варшавский университет ординарным профессором русского и церковнославянского языка, с совмещением должности декана историко-филологического факультета. С 1890 по 1892 г. он был ректором Варшавского университета.

В 1892 году он был назначен ректором Императорского Юрьевского университета. 18 мая 1901 года Будиловича назначили членом Совета министра народного просвещения, а в 1905 году он стал председателем Особого совещания по вопросам об образовании инородцев. Писал статьи – апологии общерусского единства.

Антон Семенович активно участвовал в деятельности петербургского Славянского благотворительного общества, в котором он состоял товарищем председателя. Жестко отстаивал славянофильские идеи и теорию своего учителя Ламанского о культурном единстве греко-славянского мира. При этом главной темой Будиловича были ценности и интересы русского народа, его воссоединение. Он основал Галицко-русское общество и являлся первым его председателем. С Галицкой Русью его связывало и то, что он женился на дочери

великого просветителя Прикарпатской Руси и Подкарпатской Адольфа Добрянского-Сачурова Елене. Другая дочь Добрянского Ольга мать известного русского ученого-реставратора Игоря Грабаря, стала жертвой политического процесса австро-венгерских властей против галицких русских, сфабрикованного по доносу «мазепинцев», – «дела Ольги Грабарь» и жителей села Гнилички, перешедших в Православие. Будилович лоббирует, издает Добрянского в Санкт-Петербурге, уже полупарализованном либералами типа академика Корша, поддерживавшего Грушевского. Будилович пытается пробить «занавес молчания» и противостоять попыткам карпатских русских.

Во время либерального антироссийского бунта 1905-1907 годов Будилович вступил в первую монархическую партию России – «Русское собрание», а в 1906 году стал издавать «Окраины России» – газету, посвященную ситуациям на пограничных территориях империи. К труду по изданию «Окраин России» вскоре присоединился Николай Дмитриевич Сергеевский, также выдающийся русский юрист и публицист. Он также стал на свои личные средства издавать приложение к газете Будиловича – «Библиотеку “Окраин России”». В конце 1907 года из Украинного отдела Русского собрания по инициативе Будиловича, Сергеевского и генерала А.М. Золотарева выделилось «Русское украинное общество», основной задачей которого являлось противодействие «мазепинскому» сепаратизму и поджогу антирусских настроений среди инородцев. Они бы легко опровергли и белорусское самостийничество в форме сепаратизма, но оно было настолько ничтожным, что опровергалось наряду с «мазепинством». С 1 января 1908 года Будилович стал редактором-издателем газеты «Московские ведомости», сменив на этой должности В.А. Грингмута. В газете печатались многие крупные консервативные авторы того времени, в особенности члены «Союза русского народа»

и Русского монархического собрания. При Будиловиче «МВ» стали рупором карпаторусского вопроса, в качестве корректора был приглашен галичанин Василий Иванович Янчак, который собирал многочисленных авторов из Галицкой и Подкарпатской Руси по этой теме. Не забывалась и тема православных балканских славян. Скончался Антон Будилович в 1908 году, похоронен в некрополе Александровской Лавры.

Фигура тестя Антона Будиловича Адольфа Добрянского-Сачурова настолько велика, что замолчать ее будет грехом.

**Единомысленники
в борьбе за дело единства Руси
и родственники
Антон Будилович
и Адольф Добрянский**

Адольф Добрянский-Сачуров
6(18) декабря 1817 – 6(19) марта 1901 года

Выдающийся карпаторусский ученый и общественный деятель, принадлежащий к плеяде «карпаторусских будителей», зачинатель движения за возвращение униатов в Православие.

Добрянский получил два высших образования – философское в Кошицах (1833 г.) и Ягре (1834 г.) и юридическое – в Ягре (1836 г.). Он формально был униа-

том, однако его подлинные религиозные взгляды представляются весьма интересными: при своем формальном униатстве Добрянский исповедовал православную догматику. Это выразалось и во множестве фактов его личной жизни, и в общественной деятельности, и в статьях на богословские темы. Будучи сам униатом, он всегда предпочитал посещать богослужение православное. Некоторых детей своих он крестил в православных церквях. Во время же поездки по России он с особенным чувством посещал наши храмы и монастыри. Он же был двигателем того вероисповедного движения между западными славянами, которое привело к образованию православных общин между венским и чехами, а также на юге между словинцами и хорватами. (Ф. Аристов. Карпаторусские писатели. М., 1916, стр.210-211.). Добрянский пытался пересмотреть всю логику унии – сделать ее не мостом от Православия к католицизму, а наоборот – сначала отстоять церковнославянский язык и чистоту восточного обряда, а затем вернуться и к православной догматике, «почему и считал полезным ратовать как бы за унию в беседах с католическими словинцами или чехомораванами, переманивая их к возврату сначала к обрядам и организации, а затем уже к догматам кирилло-мефодиевской Церкви» (Ф. Аристов, стр.210). Таким образом, Добрянский ставил задачу вернуть в Православие весь славянский мир, в том числе традиционно католические Чехию, Хорватию и Словению,

**Великий карпаторусский
«будитель»
Адольф Добрянский**

серьезно готовил для этого почву, воспитывая целую генерацию интеллигенции в православном славянофильском духе, справедливо полагая, что сам акт перехода в Православие будет эффективен только тогда, когда наберется «критическая масса» православно мыслящих священников и мирян, тогда он будет массовый, всенародный, а не единичный.

Именно такой стратегии придерживался знаменитый галицко-русский священник Маркелл Поппель, внесший огромный вклад в дело воссоединения холмских униатов и архиепископ Могилевский Иосиф (Семашко), который вел дело воссоединения белорусских униатов деликатно, но неуклонно, в течение многих лет.

Тогда же, в университете, Добрянский сформировался как православный славянофильский деятель и лидер славянского студенчества. После окончания учебы был госслужащим Австро-Венгерской империи. Во время нахождения в Чехии Добрянский познакомился с В.В. Ганкой и другими деятелями Славянского возрождения. В 1848 году мадьярские власти предпринимают первую попытку физически устранить Добрянского, вследствие чего он переезжает во Львов, находившийся под непосредственной австрийской юрисдикцией.

Во Львове Добрянский становится активным деятелем галицко-русского движения, принимает участие в работе «Головной русской рады». В 1849 году его назначают гражданским комиссаром при русском войске – 3 корпусе генерала Ридигера, одного из предков нынешнего Патриарха Московского и всея Руси Алексия (тогда Россия направила союзной Австрии воинский контингент для подавления венгерского восстания). Генерал Ридигер высоко ценил Добрянского как специалиста по Карпатской Руси и русского патриота, а командующий русской армией в Карпатах граф Паскевич подарил ему два драгоценных пистоле-

та. Адольф Добрянский был награжден также русским орденом св. Владимира 4 степени и медалью «За усмирение Венгрии и Трансильвании».

После подавления венгерского восстания Добрянский бад назначен на важные административные должности в Ужгороде, что позволило ему развернуть широкомасштабную деятельность по возрождению Угорской Руси. Он добился назначения русских чиновников, ввел в делопроизводство русский язык, русские надписи на улицах, способствовал возрождению русского самосознания среди карпатских русинов. Это не могло не повлечь реакции мадьярских сил, стремившихся к полной ассимиляции карпатороссов. Добрянский был уволен с этой должности. Затем официальная Вена, в свою очередь боявшаяся усиления мадьярского элемента в империи, даровала Добрянскому в 1858 г. рыцарское достоинство с прибавлением у фамилии «Сачуров» по наименованию купленного им села.

В 1861 году Добрянский избирается депутатом венгерского Сейма, однако мадьярские власти добиваются аннулирования результатов голосования. В 1867 г. он уходит в отставку с госслужбы, чтобы полностью посвятить себя карпаторусским делам. В 1865 г. Адольф Добрянский вновь избирается депутатом венгерского Сейма, где пребывал по 1868 год. 13(25) ноября 1868 г. он произносит в венгерском парламенте свою знаменитую речь по поводу законопроекта о народностях, в которой он утверждает автохтонность русских в Венгрии, их паритетное участие в становлении венгерской государственности и необходимость предоставления им равных прав.

В 1871 году мадьярские националисты в центре Ужгорода нападают на коляску и наносят тяжелые раны сыну Добрянского Мирославу – целью покушения был сам Адольф Добрянский. После покушения Добрянский не мог более открыто посещать собрания

угрорусских обществ и организаций, вдохновителем деятельности которых был. В 1871 году прекращает свою деятельность русская газета «Свет», в 1872 – ее преемник «Новый свет».

В 1875 году Добрянский посещает Россию, где был принят государем-цесаревичем Александром Александровичем, который поддержал Добрянского, К.П. Победоносцевым, М.Н. Катковым, И. Аксаковым и мн. другими.

Основные произведения

А. Добрянского-Сачурова:

«Проект политической программы для Руси австрийской» (1871 г.).

В «Проекте» автор доказывает необходимость автономии для всей австрийской Руси, превращения ее в единый субъект Австрийской федеративной империи. Добрянский утверждает, что при изложении программы необходимо исходить из того соображения, что русский народ, живущий в Австрии, является «только частью одного и того же народа русского, мало-, бело- и великорусского, – имеет одну с ним историю, одни предания, одну литературу и один обычай народный» (стр.9-10). Это национально-культурное единство русского народа не в силах нарушить даже сепаратистская деятельность «украиноманской» партии, которая, по мнению автора, когда убедится в невозможности воскресения Украины в пределах монархии Австрийской, должна будет солидарно трудиться со «всею интеллигенциею нашей» (Ф.Ф. Аристов, «Карпаторусские писатели», М. 1916, стр.164-165).

«Патриотические письма» (1873 г.). В этой опубликованной в галицко-русской газете «Слово» серии публикаций Добрянский критически разбирает феномен «украинофильства». Российское украинофильство Добрянский характеризует не как национальное,

а как социальное движение, порожденное недовольством малороссийских казаков крепостным правом. С отменой крепостного права Добрянский считает этот вопрос исчерпанным, а единство русского народа – восстановленным. Исторические, лингвистические и тем более политические конструкции «украиноманов» Добрянский считал вздорными и вредными. Во второй части, посвященной «малорусскому движению в Австрии», Добрянский задается целью: «во-первых, точно и всесторонне определить наши австрийско-русские и общерусские задачи и, во-вторых, найти новые пути для достижения лучших и счастливейших отношений», «из истории предыдущих столетий давно уверились мы в национальном единстве всех русских отраслей», а потому даже находясь под властью Габсбургов и исполняя обязанности австрийских граждан, мы должны трудиться для осуществления общерусских задач» (Ф. Аристов, стр.167).

«О западных границах Подкарпатской Руси, со времен св. Владимира» (1880). В этом труде Добрянский утверждает, ссылаясь на Начальную летопись и этнографические данные, что «древняя Русь простиралась до самого Кракова, который был построен на почве искони русской».

Добрянский, сам оставаясь греко-католиком, последовательно проводил линию, направленную на постепенное возвращение униатов в лоно Православной Церкви. В рамках этой стратегии он добивался автономии карпаторусских греко-католиков от епархиальных властей Венгрии и отстаивал церковнославянский язык и восточнохристианские традиции: внешний вид и право на брак священнослужителей, максимальное сопротивление латинизации. Этим вопросам посвящены составленные Добрянским «Ответ угро-русского духовенства Пряшевской епархии своему епископу» (1881) и «Апелляция Папе от имени угро-русского ду-

ховенства Пряшевской епархии по вопросу о ношении униатскими священниками бороды» (1881).

В 1881 году по просьбе галицко-русской интеллигенции Добрянский переезжает из своего имения в Чертежном во Львов, чтобы возглавить галицко-русский лагерь. Крестьяне села Гнилички, где служил отец Иоанн Наумович – выдающийся галицко-русский просветитель, переходят в Православие. В ответ власти предпринимают контрмеры: арестовывают 11 человек, в том числе Добрянского и его дочь Ольгу Адольфовну (по мужу Грабарь) в январе 1882 года. Ольга Адольфовна также перешла в Православие. Им было предъявлено обвинение в государственной измене и предлагалось предать их смертной казни. Однако после яркой речи Добрянского подсудимые были оправданы (все 11 человек). Когда 17(28) июля 1882 г. Добрянский вышел из здания суда, его встретила приветственными криками многотысячная толпа народа.

Однако Добрянский был вынужден переехать в Вену. Венский период его жизни является одним из самых плодотворных. Добрянский раскрывается и как идеолог православного панславизма, имея в виду следующее – великороссы, малороссы и белорусы составляют единый народ; в конечной степени все славянские народы составляют единый мир, общим языком для всех славян являются церковнославянский и русский, общей религией – исключительно Православие. Ученики Добрянского пошли еще дальше и выдвинули тезис о единой славянской нации. Эта идея была изложена в адресе от венской славянской молодежи от 6(18) декабря 1886 года:

«Мы, представители всех славянских племен, Русские, Сербы и Хорваты, Чехи и Словаки, Болгары и Словенцы, мы Славянская молодежь: исповедуем с Вами и за Вами.

Есть лишь один более чем 100-миллионный славянский народ, и представляет он собою отдельный и са-

мостоятельный славянский мир. Мы желаем с Вами его объединения и единства.

Славянский народ живет своею собственною жизнью и имеет свою самостоятельную, более чем тысячулетнюю культуру.

Соединятся опять все Славяне в своей славянской народной святой Православной церкви, завещанной им Равноапостольными Святыми Кириллом и Мефодием, Просветителями Славян. Бросят также Славяне чуждое романо-германское письмо и возвратятся к своей славянской азбуке.

Все мы высоко держим знамя высокообразованного нашего старославянского языка и, считая его общим нашим достоянием, завещанным нам предками нашими, мы вместе с тем желаем иметь общим один живой славянский язык». Под документом – подписи: 40 русских, 7 болгар, 26 сербов, 14 словаков, 23 хорвата, 24 словенца и 66 чехов. Всего 200 подписей. (Ф.Ф. Аристов, стр.175).

Свои взгляды на общеславянский язык Добрянский сформулировал в своей работе «Взгляд на вопрос об общеславянском языке» (1888), указав на то, что все славяне, кроме поляков, признают необходимость духовного объединения всех ветвей славянского народа, именно посредством общеславянского языка, каковым по общему согласию, должен быть язык русский.

С другой стороны, Добрянский был горячим поборником сохранения языка церковнославянского в богослужении славян, а отчасти и в духовной их литературе, по историческому его значению и по близости к этимологическим основам славянской речи. В постепенном же распространении между латинствующими греко-славянами кирилловской графики он видел одно из важных условий их сближения с письменностью славян православных, а вместе как бы внешний барьер против слияния с народами Запада, аналогичный юлианскому календарю в счислении времени.

Неудивительно, что Добрянский был непримиримым врагом языкового раскола в среде ветвей русского народа. Возникновение и распространение у малорусов и червонноруссов особого образованного языка, как бы плеонастического дублета для языка Пушкина и Гоголя, он считал предательской изменой и вековым преданием русского народа, и кровным интересам как этого народа, так и всего греко-славянского мира (Ф. Аристов, стр. 215).

В это же время Добрянский пишет новые труды, в их числе «Апелляция И.Г. Наумовича» (1883 г.), в которой пытается защитить отлученного от римокатолической Церкви о. Иоанна Наумовича за приверженность «схизме», и противопоставляет упадку галицко-русской греко-католической Церкви, корень которого он видит в латинизации, цветущее состояние Церквей Православных. «При таком положении дел никто, вероятно, не удивлялся бы, если русские униаты, не без основания приписывающие догматической унии угрожающую опасность лишиться установлений церкви греческой и потерять, сверх того, свою национальность, для предотвращения такой, угрожающей им нравственной смерти, бросили самую унию, давно уже возвратились в лоно греко-восточной Церкви» (Ф. Аристов, стр.178).

В работе «О современном религиозно-политическом положении Угорской Руси» (1885) Добрянский прямо советует своим землякам не ждать помощи от Рима, «всегда наказывавшего русский народ за верность ему», и вообще от «чересчур уж гордого, но, тем не менее, отжившего век свой дряхлого Запада». Далее Добрянский утверждает, что в случае продолжения политики латинизации возвращение галицких и угорских русских в Православие станет неизбежным и в открытую призывает читателей к этому шагу, что в условиях католической Австро-Венгерской империи было неслыханной дерзостью: «прекращения опеки в делах

Церкви (речь идет об опеке иноплеменной власти) можно достигнуть только путем воссоединения нашей Церкви с Православной, греко-восточной». Если предлагаемый Добрянским собор галицко – и угрорусских униатов, призванный противостоять латинизации, не будет создан, «мы не будем виноваты, если весь народ наш последует примеру двенадцати миллионов своих братьев (речь идет о воссоединении белорусских и холмских униатов), чтобы в воссоединении с Православием найти вечный и прочный путь к своему спасению». Эта книга была в Австрии запрещена (Ф. Аристов, стр.180).

В книге «Наименование австро-угорских русских» (1885) автор на основании лингвистического, филологического и исторического анализа показывает идентичность понятий «русин», «русский», «русский», «российский». Это полемический труд против официальной «австро-украинской» пропаганды утверждавшей, что названия «русский», «рутенский» относятся только к Галичине и Малороссии, а «российский» и «русский» – только к великороссам. Однако Добрянский иллюстрирует несерьезность подобных утверждений и вновь декларирует этническое, языковое и национально-культурное единство всех русских народностей: «Добрянский-Сачуров констатирует, что все русские люди Австро-Угрии и России называют себя в мужском роде «русин», «русак», или «русский», в женском роде только «руска», и каждый из них «утверждает, что говорит «по-русски», нисколько даже не подозревая того – если его этому не учили в школе, – что филологи и этнографы стараются разделить друг от друга велико-, мало-, бело-, червонно- и черноруссов» (Ф.Ф. Аристов, стр.181).

Адольф Добрянский является также автором важного церковно-политического манифеста-статьи «В день праздника св. великомученика Димитрия» (1886), в котором утверждает, что св. Мефодий был ар-

хиепископом автокефальной славянской Церкви, однако после его смерти немецкое духовенство и поддерживавшее его моравское правительство не допустили назначения преемника Мефодия, которым должен был стать Агафон-Горазд. Угорская Церковь до конца XII в. также была православной, уния была заключена только в конце XII в. при короле Беле III. Таким образом, Православная Церковь является автохтонной для всего славянского мира, для всей Восточной и даже Центральной Европы, а католицизм – навязанным немецким владычеством.

Добрянский предлагал создание общеславянской федерации в следующей форме: славянские государства присоединяются к России на федеративных началах.

Кроме того, Добрянский был респондентом многих славянофильских деятелей в России, таких как, например, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев. По их просьбе он занял принципиальную позицию против российских либералов-западников и сторонников реформации Церкви. Он из Галичины полемизировал с ними. Речь идет о работах «Календарный вопрос в России и на Западе» (1894 г.), «Плоды учения гр. Л.Н. Толстого» (1896 г.) и «Суждение православного галичанина о реформе русского церковного управления, проектируемой русскими либералами нашего времени» (1899 г.). В «Календарном вопросе» Добрянский не только утверждает правоту сторонников юлианского календаря на основании детального изучения календарного вопроса в контексте церковной истории, но и утверждает, что юлианский календарь «в отношении простоты, легкости и практичности до сих пор остался непревзойденным», а также озвучивает очень смелое, но глубоко православное суждение, что римская Церковь от папского ига «может избавиться только путем возвращения к здоровым традиционным основаниям

Церкви Христовой, т.е. посредством воссоединения с Православной Церковью» (Ф.Ф. Аристов, стр.200).

Статью Добрянского «Плоды учения гр. Л.Н. Толстого» Святейший Синод Православной Российской Церкви переиздал в двух книжках. Помимо блестящей богословско-философской критики Толстого с православных позиций, Добрянский рассматривает опасность толстовства в конкретной историко-политической перспективе. Обличая пацифизм и непротивленчество Толстого, Добрянский называет его врагом славянской идеи, утверждает, что толстовство может обернуться поражением славянства в неизбежной грядущей славяно-германской войне.

В «Суждении православного галичанина» Добрянский разбирает критику деятельности Св. Синода и российских духовных семинарий со стороны Н. Дурново. Добрянский защищает авторитет Святейшего Правительствующего Синода Православной Греко-Российской Церкви, выступает против попыток антицерковной агитации, указывает на опасность как католической, так и штундистской пропаганды, особенно подчеркивает опасность распространения в России «того безразличного отношения к религии, которое давно уже известно в Западной Европе под названием “бесконфессийности” или “вневероисповедности”» (Ф. Аристов, стр. 206).

Адольф Добрянский-Сачуров скончался 6(19) марта 1901 года. Похоронен в селе Чертежное в Угорской Руси. На похороны, которые сопровождалось крестным ходом, прибыло множество народа со всей Австрийской Руси.

Запад Белой Руси – Холмская и Лемковская Русь

Символ самой Западной «Лемковской Руси» –
святой отец Максим Сандович

Эту русскую землю предала прозападная, забывшая русский язык Санкт-Петербургская аристократия XVIII в. и передала ее в царство Польское. Православный русский император Александр III Великий имел намерение вернуть Холмскую Русь в Россию без подчинения царству Польскому, но не успел. Однако Российская империя успела вернуть в Православие холмских униатов, поддержав равноапостольного священника Маркелла Попеля. Православные епархии Холмской Руси в 1920-е годы за взятку правительства

Священномученик
Максим Сандович

Польши были уведены в раскол Константинопольским Патриархатом и только после Победы 1945 года Польская Православная Церковь получила законную автокефалию. Холмская Русь активно сопротивлялась украинизации. Лидером «Православного Русского сопротивления», расстрелянным по доносу «мазепинцев», был святой мученик о.Максим Сандович из западнорус-

ского города Горлицы. Максим Сандович родился в униатской семье, из гимназии он уезжает в Крехов, в базилианский монастырь. Там он разочаровывается в униатстве и уезжает в Россию, в Почаевскую лавру, где принимает Православие. В Почаеве молодой Сандович был представлен архиепископу Волынскому Антонию (Храповицкому). Он стал «аввой» молодого лемка, который рукополагается аввой Антонием, возвращает в Православие лемковский русский народ и умирает со словами «Да здравствует Святое Православие, да живет Святая Русь». Его убийство привело к обратному эффекту – православному русскому восстанию и созданию в Горлицах «Русской народной республики лемков». Лемковская республика была уничтожена «мазепинцами», было расстреляно более 400 православных и униатских священников, все учителя. Но русские «лемко-союзы» еще долго существовали в США, пока после Великой Отечественной войны костяк нацистской бандеровской агентуры не был перевербован ЦРУ США, и тогда началась насильственная украинизация

О. Максим с соратниками карпаторусским православными исповедниками Семеном Бендасюком и др.

лемков США. Но на современной Холмской Руси свято чтут память о.Максима Сандовича, в Польше, пострадавшей от бандеровского нацизма, от «волынской резни», лемков уничтожить не дают. В Горлицах действует лемковская радиостанция «ЛемФМ», внук святого мученика Максима Сандовича Михаил в течение XX в. был одним из лидеров самой Западной Руси – Холмской:

Неизвестная
«Западнорусская» Польша

«В мае 2001 года Сретенский монастырь посетили гости из Польши. В состав делегации Польской Православной Церкви, прибывшей в Москву, входили отец Григорий Мисиюк из Белостока, Михаил Сандович, внук священномученика Максима Сандовича, протоиерей Виталий, настоятель Краковского прихода Успения Пресвятой Богородицы. Они рассказали нам о жизни православных в Польше.

– Отец Григорий, Вы служите в Белостокской епархии Польской Православной Церкви, в тех землях, где много коренного православного населения. Расскажите, пожалуйста, о жизни православных в Польше.

Отец Григорий: Что касается Белосточины, в нашей епархии в 90-е гг. возобновилась монастырская жизнь в Супрасльской лавре, здания которой были заняты униатами, а затем католиками. Несмотря на различные трудности, лавра была восстановлена. Там сейчас живет 20 монахов. Сейчас восстановлен взорванный в 1944 году немецкими войсками храм, построенный еще в XVI веке. На нем уже есть купола, совершались первые литургии. Из этого монастыря вышло уже три епископа.

Возобновилась жизнь и в Красностоцком монастыре. Правда, он теперь находится не в Красностоке, где все монастырские здания заняты католиками, а в Белоостоке. Это женский Пречистенский монастырь. В нем находится Красностоцкая икона Божией Матери. Монахини занимаются рукоделием, шьют облачения, вышивают плащаницы, хоругви.

Есть еще монастырь на Святой горе Грабарке. Он начал действовать после Второй мировой войны. Когда границы нашей Церкви изменились, многие монастыри остались в Белоруссии или на Украине, а те, которые остались на территории Польши, были закрыты, разрушены и их не разрешали восстанавливать. В те годы монахини из разных мест нашли пристанище на Святой горе Грабарке, где был основан Марфо-Мариинский монастырь.

Есть еще знаменитый Яблочинский монастырь, в котором в свое время служил и занимался научной деятельностью святой исповедник Патриарх Тихон. Наша Церковь очень гордится этим эпизодом своей истории.

Кроме того, на юге Польши в Уйковицах основан совсем новый Кирилло-Мефодиевский монастырь. Его основали люди, пришедшие к Православной Церкви. Они с молитвой строили своими руками стены этой обители.

Есть еще один монастырский дом – в Войнове, где раньше жили старообрядцы, которые сейчас уехали в основном в Германию. Там находится церковь, в которой молились и православные, и старообрядцы, которые хотели иметь православного священника. В этом месте сейчас создан монастырский дом, который из окрестностей привлекает представителей диаспоры, вывезенных в 1946-47 гг. из Холмщины и Подляшья во время репрессий только за то, что они были православными.

У нашей Церкви есть своя духовная семинария в Варшаве, которая занимается подготовкой к учебе в высших духовных учебных заведениях. Действует также Христианская духовная академия, предназначенная для священников, которые после окончания семинарии желают продолжить свое богословское образование, и для лиц, желающих стать преподавателями закона Божия. Надо сказать, что закон Божий в нашей стране преподается в школах. Во всех приходах, где есть значительная часть православного населения в общеобразовательных школах, помимо законоучителей Католической Церкви, есть и православные законоучителя.

– Отец Григорий, в России очень немногие знают о том, что в юрисдикции Польской Православной Церкви находится Православная Церковь Португалии, осуществляющая миссионерскую деятельность на территории Португалии, Испании и Бразилии. Расскажите, пожалуйста, об этом.

Отец Григорий: В Рио-де-Жанейро православная епархия имеет свою духовную школу. Причем занятия в ней ведутся не только по субботам и воскресеньям, но и в будние дни. В ней сейчас числится около 800 человек студентов, которые сами из любви к Православию приходят на занятия.

Есть очень хороший студенческий хор, который в Португалии пел во время архиерейской литургии. Его специально приходили слушать даже католики. Песнопения исполнялись на португальском языке, а за основу были взяты хорошо знакомые нам распевы, распространенные как в России, так и в Польше. У Португальской Церкви есть четыре монастыря, приюты для детей и школы. Важно, что в такой искони католической стране, как Испания, сейчас действует уже около 36 приходов. Два епископа сейчас окормляют Испанию и Бразилию.

– *Михаил Максимович, расскажите, пожалуйста, о жизненном подвиге Вашего деда. Как его почитают в Польше, и что его имя значит для православных лемков?*

Михаил Сандович: Сейчас в Польше осталось около 60 тысяч лемков, и половина из них – это потомки тех лемков, которые в свое время вернулись в Православие. Поворот к Православию в 20-е годы XX века у лемков начался, можно сказать, с того момента, когда свщм. Максим Сандович отдал жизнь за Русь и Святое Православие. Это произошло 6 сентября 1914 года. Очень многие с первых же дней после его расстрела и на протяжении 80 лет почитали его святым. Его фотографии хранились во многих храмах и в домах на Лемковщине. Все с нетерпением ждали момента его прославления и принятия решения о его канонизации. Когда в 1994 году этот момент настал все были очень счастливы, потому что никогда не сомневались, что когда-нибудь это произойдет. Для православных лемков это очень важное событие, потому что это стало свидетельством той духовной силы, которая дала лемкам веру в то, что они смогут существовать как православный народ. Возвращение лемков к вере своих отцов явилось важным моментом в истории этого народа.

Сейчас у лемков в Польше есть две общественные организации. Мы много работаем с молодежью, у нас есть хорошие связи со многими русинами в Закарпатье, в Словакии, в Венгрии, в Америке, и нам очень хотелось бы использовать связи с русскими, которые знают, кто такие русины, и знают, что карпатороссы всегда были связаны с Православием. Многие этого просто не знают: им неизвестна наша история. Поэтому мы рады, что смогли приехать сюда, в Москву, и встретиться с нашими друзьями.

Память о жизни и подвиге священномученика Максима нам очень дорога, потому что он присоединился

к сонму новомучеников и исповедников XX века, которые отдали свои жизни за святое Православие.

– Скажите, пожалуйста, а сколько православных приходов среди лемков и в каких епархиях ППЦ проживает лемковское население?

Михаил Сандович: В 1945 году многие лемки были перевезены на западную Украину. В 1947 г. была проведена акция «Висла», в ходе которой произошло выселение лемков с их земель, на которых они проживали сотни лет. Православные лемки сочувственно относились к России. Они не были ни бандеровцами ни, ОУНовцами. Многие служили в Красной армии, многие в Польском Людовом войске. Они вместе защищали Польшу от гитлеровцев. Во время войны, когда пришла дивизия СС «Галиция», лемки не хотели иметь с этим ничего общего.

Сейчас лемки рассеяны – в основном они находятся во Вроцлавско-Щечинской епархии. Там большой центр в Легнице. Кроме того, сейчас многие вернулись и проживают в Перемышльско-Новосондетской епархии, которую возглавляет владыка Адам, – это на юге Польши. Среди нас в этой делегации находится отец Евгений Цибульский. Он служил на лемковских приходах. У него в храме во Вроцлаве сделан прекрасный витраж, посвященный священномученику Максиму.

– Отец Евгений, расскажите пожалуйста о церковной жизни в вашей епархии. Мы слышали, что в вашем храме помимо иконы священномученика Максима Сандовича еще очень почитается благоверная княгиня Елизавета Федоровна.

Отец Евгений: Да, это правда. У нас есть почитаемая икона свщм. Максима. В нашем приходе есть карпатороссы. Много смешанных браков. Мы все очень почитаем этого святого. Я был на канонизации в Горлицах,

где священномученик Максим пострадал за Православную веру.

У нас особо почитается и святая преподобномученица великая княгиня Елизавета. Недалеко от Вроцлава близ Чешской границы мы приобрели в 1989 году здание Михайловского храма, в котором была дача одного врача. Мы только что слышали рассказ о том, что в алтаре собора Сретения Владимирской иконы Божией Матери была при советской власти устроена столовая. То же самое было и в нашем Михайловском храме. Там нет пока дома для паломников, но молодежь приезжает и пожилые люди тоже. Посещают большие группы паломников. Мы ходатайствовали о приобретении приходского дома и помещений для богадельной деятельности. Мы надеялись на помощь Божию, и хотя и с большим трудом, но это нам удалось. Сейчас нам осталось выплатить только небольшой долг. Этот дом посвящен преподобномученице Елизавете.

В нашем храме свв. Кирилла и Мефодия во Вроцлаве богослужение совершается преимущественно на польском, греческом и церковнославянском языках ввиду того, что много смешанных семей. Наша епархия находится в управлении архиепископа Иеремии.

– Расскажите нам, пожалуйста, о торжествах канонизации священномученика Максима, происшедших в Горлицах. Как это было? Много ли собралось людей?

Отец Евгений: Были наши архиереи во главе с тогдашним главой Польской Церкви блаженнейшим владыкой Василием. Из Словакии прибыл владыка Николай, приехали архиереи с Украины, а также карпаторусские иерархи из Америки. Тысячи верующих собрались из всех окрестных мест: лемки, белорусы, украинцы, поляки, словаки.

– В каком году это было?

Михаил Сандович: В 1994 – на 80-летие со дня мученической кончины отца Максима. В Горлицах построена церковь, которая считается памятником мученической кончины Максима Сандовича.

Лемковская Голгофа

Лемковская Голгофа Село, в котором он родился, и в котором жили его предки называется Ждыня. Там на кладбище, где он похоронен, находится особый памятник – Три креста. В народе его называют «лемковская Голгофа». Его мощи находятся в гробу, который мы не открывали. В Ждыню приходят паломники, молодежные группы. Они всегда молятся в этом месте, где захоронен священикомученик Максим. Там же находится старая деревянная церковь, которой более 200 лет. В этом храме он сам пел, а его отец Тимофей Сандович служил псаломщиком. Сандовичи – это семьи священников и псаломщиков из поколения в поколение.

Хотелось бы там в будущем построить обитель. Мы думали о том, чтобы там был Почаевский скит. Лемки еще в 20-е годы хотели так устроить, но тогда это не удалось. Все же среди лемков живет надежда, что когда-нибудь это произойдет.

*С гостями из Польши беседовали
Кирилл Фролов и Андрей Шестаков**

Полное жизнеописание святого отца Максима Сандовича и Лемковской Руси – в работе Андрея Поповкина «Моя политика – Евангелие...»

«Они – русские и православные. В этом вся вина подсудимых»**.

* <http://www.pravoslavie.ru/39941.html>

** http://pravoslavnye.ru/analitika/2014/09/08/moya_politika_evangelie/

Академик Евфимий Федорович Карский

Феномен Евфимия Карского свидетельствует об одном принципиальном факте. А именно: чем более тот или иной ученый любит и погружается в историю, самобытность, этнографию, лингвистику белорусов, тем он более на основании научных, исторических и лингвистических фактов убеждается в том, что эта самобытность – русская, и тем более он становится убежденным «западнорусистом», то есть русским патриотом из Западной Руси, сторонником национального воссоединения русского народа. Соответственно, фабрикатерам отделения и противопоставления малороссов и белорусов великороссам ответить по существу на приводимые «западнорусистами» факты невозможно, так что они стремятся замолчать и/или уничтожить «западнорусистов». Так пытались делать ленинско-троцкистские отделители белорусов от великороссов, раскольники и губители православного русского народа.

Академик Е. Карский

Биография академика Евфимия Федоровича Карского

«Евфимий Карский родился 20 декабря 1860 года (1 января 1861) в селе Лаша Гродненского уезда Гродненской губернии. Отцом его был дьячок местной

церкви Федор Новицкий, а матерью – девушка из причетнической семьи Карских. Под ее фамилией и был записан ребенок, так как он родился без официально зарегистрированного брака (Федор Новицкий на тот момент еще не достиг 18 лет – минимального брачного возраста в большинстве губерний Российской империи). Начальное образование Ефим Карский получил в приходском училище села Ятра, в церкви которого на тот момент служил его отец. В августе 1871 года по инициативе отца Евфимий (под отцовской фамилией, Новицкий) поступил в Минскую духовную семинарию. По окончании семинарии он поступил (уже под фамилией Карский, записанной в метриках) в Нежинский историко-филологический институт, где изучал славяно-русскую филологию под руководством профессора Р.Ф. Брандта.

Окончив институт в 1885 году, Карский начал преподавать во 2-ой Виленской гимназии. В это время он начал собирать этнографический материал (в этом ему помогали родители), и печататься в научных журналах. В 1877 году Евфимий Карский женился на дочери священника Софье Николаевне Сцепуржинской. В гимназии он проработал до 1893 года, в котором его зачислили преподавателем русского языка в Варшавский университет, а через год назначили экстраординарным профессором на кафедру русского и церковнославянского языков. В 1901 году он был избран членом-корреспондентом Императорской Российской Академии наук. В 1902 году Карский стал деканом историко-филологического факультета. В 1903 году Карский предпринял этнографическую экспедицию по Белоруссии, в ходе которой было собрано немало материала для исследований и по итогам которой был издан первый том главного труда ученого – полномасштабной научной работы «Белоруссы», заслужившей впоследствии название «энциклопедии белорусоведения». В 1905 году Карский стал ректором Варшавского университета. Должность ректора Карский занимал

до 1910 года. Также с 1905 по 1917 год он был главным редактором журнала «Русский филологический вестник». В 1916 году его избрали действительным членом Академии наук.

Помимо фундаментальной книги «Белорусы», большое значение имеют труды Карского по истории русского языка, славянской палеографии – «Славянская кирилловская палеография» и др., а также его деятельность по изданию древних памятников. Им были изданы многие древнейшие памятники с их палеографическим и лингвистическим анализом: «Листки Ундольского», «Лаврентьевская летопись», «Русская правда» и др.

Из важнейших трудов Карского можно еще назвать: «К истории звуков и форм белорусской речи» (Варшава, 1893; магистерская диссертация); «К вопросу о разработке старого западно-русского наречия» (Вильна, 1893); «Два памятника старого западно-русского наречия: лютеранский катехизис 1562 г. и католический катехизис 1585 г.» («Журнал Министерства народного просвещения», 1893, август); «О языке так называемых литовских летописей» (Варшава, 1894); «Западнорусские переводы Псалтири в XV-XVII веках» (Варшава, 1896); «Из лекций по славянской Кирилловской палеографии» (Варшава, 1897); «Западно-русское сказание о Сивилле пророчице по рукописи XVI века» (Варшава, 1898); «Русская диалектология»; «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи».

В 1917 году Карский стал профессором Петроградского университета. С 1920 года он редактировал «Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук». В 1922 году стал действительным членом Института белорусской культуры (теперь Национальная академия наук Белоруссии), а в 1929 году – членом Чешской академии наук. Также работал директором Музея антропологии и этнографии.

При советской власти Карский не единожды терпел невзгоды из-за своих убеждений. Так, уже в 1919 году

он снят с должности профессора в Минском педагогическом институте как человек с неблагополучной «политической физиономией», в этом же году он подвергся аресту. Взгляды ученого раздражали как большевиков, так и белорусских националистов, так как он не считал белорусов отдельной национальностью, а рассматривал белорусскую народность как часть единого русского народа, наряду с великоруссами и малоруссами, а белорусскую речь – как наречие общерусского языка. Он также скептически относился к насильственной белорусизации, проводимой советской властью. Все это привело к ухудшению положения Евфимия Федоровича в советской науке. По возвращении Карского из научной командировки 1926 года, совершенной им в славянские земли, в прессе была развязана кампания по его шельмованию. Появились статьи, в которых Карский назывался «черносотенцем», «шовинистом», «осколком царского режима», в вину ему ставилось то, что он в своем отчете о командировке назвал Львов «старым русским городом», отмечал лучшую благоустроенность Западной Белоруссии (находившейся под властью Польши) по сравнению с Советской Белоруссией, то, что за границей он якобы входил в контакт с белогвардейцами и т. п. В 1927 году на закрытом заседании ЦК КП(б)Б было вынесено решение поставить вопрос об исключении Карского из Академии наук. Карский пытался оппонировать критикам, но его опровержения не печатали. Он подвергался давлению со стороны партийного научного сообщества, а в 1929 году был снят с должности директора Музея антропологии и этнографии.

Восстановиться на прежних позициях Карскому так и не удалось – 29 апреля 1931 года он скончался. Похоронен на Смоленском православном кладбище Ленинграда*.

* <https://zapadrus.su/zaprus/strbel/131-2010-09-20-20-18-43.html>

Династии Белой Руси. Отец и сын, Лукьян и Иван Солоневичи

Иван Солоневич нес знамя Белой Руси и Единой, Неделимой России по всему миру.

Иван Солоневич родился в Гродненской области в семье сельского учителя, где, по его признанию, царили православные консервативные русские устои. Солоневича, Будиловичи – семьи с крайнего запада Руси везде там – православные русские устои. И в Галицкой Руси, были такие же православные русские устои, но их уничтожили путем унии и геноцида. Белой Руси просто повезло больше – она вернулась в Россию. Поэтому Белая Русь в Великую Отечественную войну ушла в русские партизаны, а бывшая Галицкая – в нацистские коллаборанты.

И. Солоневич с детства рос православным русским патриотом, имперцем, монархистом. Православный русский монархизм привил Ивану отец – простой сельский учитель Лукьян Михайлович Солоневич.

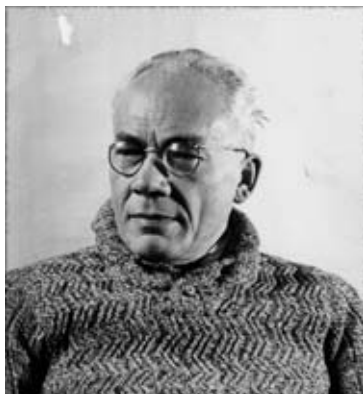

Лукьян Солоневич

Лукьян Солоневич становится издателем массовой талантливой газеты издателем газеты «Северо-Западная жизнь» – рупора идей православного русского возрождения Западной Руси. В 1902-м году Гродненским губернатором становится Петр Сто-

лыпин, который оказывает и газете, и Солоневичу серьезную материальную поддержку, не говоря уже о поддержке идейной и политической. Уже став премьер-министром, Столыпин оказывает русским При- и Подкарпатской Руси не только моральную, но и, как обязательно государство Российское, серьезную материальную поддержку. А для поддержки русского большинства в Белой Руси Столыпин вводит русские курии на выборах, это было продиктовано реальностью откровенно антирусских погромов и иных способов политического и экономического сдерживания православного русского большинства Западной Руси. В 1912 году Лукьян Солоневич начинает издавать еще одну общерусскую газету «Белорусская жизнь», а Иван становится его первым помощником. Затем Иван Солоневич поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, где учится вместе с Николаем Гумилевым, параллельно развивает в Минске русские журналистику и спорт, а в 1915 году становится главным редактором и издателем «Северо-Западной жизни», переехавшей из Гродно в Минск. Потом Солоневич, при своей близорукости, призывается на фронт, но по указанной причине комиссуется и восстанавливается в Университете, подрабатывая журналистикой и по убеждениям помогает русской контрразведке. После захвата власти большевиками вступает в Белую армию, как и его брат Борис, работает на ее спецслужбу «Осваг». Солоневич уходит в Киев, где участвует в «Союзе освобождения России», затем он делает русское дело в Одессе и его освобождают из ЧК, так там работал его симпатизант, который выкрал улики из дела. Солоневич легализуется в Советской России как пропагандист спорта, коим он действительно был, затем совершает побег в Финляндию. Его жизнь в эмиграции сложна и достаточно одинока, полна коллаборационизма. Не оправдывая его, следует отметить, что нацисты запретили Солоневичу заниматься журналистской деятельностью. Затем

Солоневич оказывается в Латинской Америке, где издает как свои монархические манифесты («Народная монархия»), так и газету «Наша страна», которая противостоит сильной в обеих Америках нацистской бандеровской униатской диаспоре, перевербованной от «Абвера» ЦРУ. То, что любая искренняя деятельность по обличению безбожной

Иван Солоневич

атеистической идеологии и практики СССР заканчивается в эмиграции участием в борьбе американских спецслужб с Россией как таковой, поняли многие русские эмигранты, как, например, Николай Иванович Ульянов. Это был питерский историк, попавший под сталинские репрессии за то, что сожалел о своих русофобских текстах по «борьбе с русским шовинизмом», написанных под диктовку партийной русофобской «бухаринской» линии затем оказавшийся в эмиграции через угон нацистами в трудовой лагерь (он совершил побег из нацистского плена и добрался к жене в деревню в Ленинградской области, которая была затем захвачена нацистами). «В 1953 году он был приглашен Американским комитетом по борьбе с большевизмом в качестве главного редактора русского отдела на радио «Освобождение» (находившееся в ведомстве Координационного центра антибольшевистской борьбы, основанного Мельгуновым). Но через три месяца Ульянов оставил эту работу, так как понимал, что в тех условиях борьба против советского режима была неотделима от борьбы с Родиной»*.

* Багдасарян В. Э. Николай Иванович Ульянов, Журнал «История и историки», 2001, № 1.

И Ульянов посвящает жизнь развенчанию «украинства», пишет «Происхождение украинцев и великороссов в свете сепаратистской “науки” («Единая Русь (edrus.org)), «Русское и великорусское» (angelfire.com), где справедливо обвиняет коммунистическую историографию в искусственном и сознательном сужении термина «русский», выталкивание из него малороссов и белорусов, и главный плод своей жизни – настольную для

**Николай Александрович
Ульянов**

всякого действительно стремящегося разобраться в мало- и белорусском вопросе книгу «Происхождение украинского сепаратизма»*. Книга безупречной аргументации, у «нацистско-бандеровско-црушной» диспоры не было и не могло быть никаких аргументов против изложенного в ней, и поэтому тиражи скупались и уничтожались. Посему эта и подобные ей книги должны изучаться в школьной программе Великой, Малой и Белой Руси, и никак не меньше.

* https://lib.rmvoz.ru/bigzal/ulyanov_nikolay_proishozhdenie_ukrainskogo_separatizma

Великий русский государственный Петр Столыпин – сын Белой Руси!

Свое детство этот великий сын России, помимо Подмосковья, провел в родовом имении Колноберж Ковенской губернии, его отец купил дом в Вильне, отрок – Столыпин в младших классах учился этом городе. Затем Орловщина, Санкт-Петербург, университет. Молодой Столыпин становится предводителем Ковенского дворянства и главой Ковенского мирового суда. Прослужил в Ковно 13 лет, после чего стал гродненским губернатором.

Несмотря на подвижническую деятельность графа Муравьева-Виленского, русское (белорусское) население оставалось сельским. Города были преимущественно польскими и еврейскими. Великие русские патриоты не были антисемитами, Столыпин открывает Гродненское еврейское училище, но главная стратегия Столыпина ясна – укрепить русский народ на русской земле. Поэтому Столыпин реализует программу развития крепких хуторских хозяйств, создает русские курии для политизации русского православного большинства и контрреволюционной деятельности, поддержива-

**Гродненский губернатор
Петр Столыпин**

ет русскую прессу, талантливых русских журналистов и политиков вроде династии Солоневичей. В Гродно Столыпин профилактует революцию, чтобы эффективно бороться с ней в Саратове и далее – во всей России, Великой, Малой и Белой. Столыпин понимал значение Южной и Западной Руси и потому предлагал перенести столицу Российской империи в «мать городов русских» и «колыбель ее крещения» – в Киев. Однако поскольку святая Церковь «перевезла» первую русскую кафедру в Москву и падающая Ромейская империя именно ее сделала своим преемником, то столица пусть всегда остается в Москве. Но поскольку Белая Русь не предала православный русский выбор, ряд столичных функций нужно передавать Минску по мере наполнения Союзного государства реальным содержанием, а Киеву – после неизбежного воссоединения. А введенный великим Патриархом Никоном титул Патриархов Московских, Великой, Малой и Белой России логично восстановить «здесь и сейчас»!

Великий Патриархист Западной Руси епископ Митрофан (Краснопольский)

Родился в Великороссии, закончил Воронежскую семинарию, затем – Киевскую духовную академию, отсюда – в Иркутск миссионером

В 1902-м году архимандрит Митрофан назначен ректором Могилевской духовной семинарии, где начал активнейшую миссионерскую и патриотическую деятельность по возвращению и мобилизации кадров православных миссионеров и патриотов для избавления от «церковных» либералов, миссиофобов и проходимцев, ибо бездействие в этом вопросе привело к участию семинаристов и профессоров духовных школ в революционном отступничестве. В Могилевской семинарии ничего подобного не было. Архимандрит Митрофан поддерживает и развивает великое Могилевское Богоявленское братство, отстаивавшее Православие и русское самосознание много веков, еще во времена Патриарха Никона отбиравшее в Москву кадры православного русского воссоединения. 11 февраля 1907 года состоялось рукоположение о.Митрофана во епископа Гомельского, vicария Могилевской епар-

**Епископ Могилевский
Митрофан**

хии, наместника Могилевского Братского монастыря. Затем епископ Митрофан избирается депутатом III Государственной думы и становится депутатом правых фракций, защитником Церкви и православного русского большинства Белой Руси. Епископ Митрофан решительно, и с кафедры, и с трибуны Государственной думы, борется с таким злом, как уния, «мазепинство» и пьянство. 9 ноября 1912 года становится епископом Минским и Туровским. В Минске епископ Митрофан проводит съезд православных братств Западной Руси и встречи солидарности с гонимыми православными русскими Подкарпатской Руси во главе с иеромонахом Алексием (Кабалюком), монахинями и крестьянами сел Иза, Лучки, Теребля и многих других, целыми селами переходившими в Православие, не стеснявшимися своего русского национального самосознания. За это их судили на двух «Мармарош-Сигетских процессах», подвергали массовым пыткам.

В Первую мировую войну епископ Митрофан развернул широкую благотворительную деятельность по оказанию помощи мирным жителям, оставшимся без крова, из мест, захваченных врагом, а также по организации епархиальных лазаретов для раненых воинов. Архипастырь часто ездил на фронт для поддержания морального духа русского воинства и не раз попадал под вражеский обстрел, проявляя в таких ситуациях чудеса выдержки и спокойствия. За особую деятельность по обстоятельствам военного времени епископ Митрофан 14 мая 1916 г. был награжден орденом Св. Александра Невского.

Затем он переводится на Астраханскую кафедру, где совершает миссионерские подвиги, обличает революцию и как условие спасения страны после падения православной монархии выдвигает проект восстановления Патриаршества. На соборе 1917-18 гг. годов архиепископ Митрофан сосредотачивается на двух ключевых проблемах:

1. Борьбе с униатским проектом автокефалии Киевской митрополии, продвигавшимся тогда «отцом историософской ереси украинства» и геноцида русских Подкарпатской Руси Львовским униатским митрополитом Андреем Шептицким и его агентурой из «Украинской Центральной рады» и «Союза освобождения Украины», финансировавшихся, как и ВКП(б), Германией и небезызвестным Парвусом. В противовес этому архиепископ Митрофан выступил с предложением в противовес униатскому проекту украинской автокефалии ограничиться небольшой автономией для УПЦ, значительно меньшей, чем сейчас, и в противовес большевистской украинизации и поддержки раскола «УАПЦ» отмененной святым Патриархом Тихоном.

2. Архиепископ Митрофан вместе с архиепископом Антонием (Храповицким) становится на соборе ключевым ревнителем восстановления Патриаршества и ревнителем реабилитации идеолога воссоединения Великой, Малой и Белой Руси Патриарха Никона. Против восстановления Патриаршества было Временное правительство, его министр исповеданий А. Карташев, которые устраивали «епархиальные съезды», где свергали «реакционных» архиереев, устраивали «демократию» в монастырях и т.д. Идеолог восстановления Патриаршества в Русской Церкви митрополит Антоний (Храповицкий) был фактически арестован: его долго держали в Валаамском монастыре, можно сказать, под домашним арестом. Пока Антоний был в таком положении, борьбу за восстановление Патриаршества вели архиепископ Митрофан и Иларион (Троицкий), тогда только ставший молодым епископом и они противостояли компрадорскому антипатриархистскому «либеральному болоту». Противники восстановления Патриаршества, будущие организаторы обновленческого раскола, во главе с главным редактором «Церковно-общественного вестника» проф. Борисом Титлиновым

на несколько месяцев парализовали восстановление Патриаршества и работу собора. А ведь митрополит Антоний предлагал сначала восстановить Патриаршество, избрать Патриарха и затем решить все актуальные вопросы. Если бы собор открылся раньше и Патриархом избрали бы митр. Антония (Храповицкого), то этот волевой миссионер свернул бы безбожным большевикам шею и «октября» бы не произошло. Митрополит Антоний боролся за возрождение Патриаршества с начала XX в., и невосстановление Патриаршества – это роковая ошибка царской власти, которая и привела к «февралю», к падению Церкви и России.

Но, вопреки саботажу либералов-миссиофобов, Собор принял ряд важнейших решений, в их числе восстановление Патриаршества, которое было осуществлено уже после большевистского переворота Патриархом стал святитель Тихон, потому что набравший большинство при голосовании за кандидатуры Патриарха митрополит Антоний (Храповицкий) был бы немедленно расстрелян большевиками и по сути бескомпромиссный, но более дипломатичный св. Тихон был на тот момент безальтернативен.

Собор принял ряд важных постановлений по организации приходских общин, призвал всех православных христиан записываться в приходы. Это и сейчас необходимо, но, чтобы восстановить канонический территориальный принцип организации приходов, они должны быть созданы в каждом микрорайоне наших городов и в каждом селе.

Собор принял крайне актуальное Определение об отношении к светскому Российскому государству («Определение о правовом положении Православной Российской Церкви»), согласно которому его Глава и ключевые деятели должны быть православными.

Митрополит Антоний для того, чтобы переломить ситуацию на соборе в пользу восстановления Патриаршества, привез делегацию собора в Новоиеруса-

лимский монастырь, где братия засвидетельствовала 143 засвидетельствованных случая молитвенной помощи оклеветанного агентурой Речи Посполитой идеолога воссоединения Великой, Малой и Белой России Патриарха Никона, и митр. Антоний переломил этим ситуацию в пользу восстановления Патриаршества. Сторонники митрополита Антония, такие как св. архиепископы Митрофан (Краснопольский) и Иларион (Троицкий), называли себя «православными патриархистами».

Одновременно митрополит Антоний, будучи сторонником канонизации Патриарха Никона, добился создания старообрядной иерархии Московского Патриархата и справедливо считал раскол 1666 года не следствием «книжной sprawy» Патриархов Филарета, Никона, св. Дионисия Радонежского, а следствием иезуитской интриги Паисия Лигарида и Речи Посполитой, не желавших воссоединения Великой, Малой и Белой России. Вслед за великим русским церковным историком митрополитом Макарием (Булгаковым), митр. Антоний называл Патр. Никона «первым единоверцем», «первым православным старообрядцем», достигшим перемирия с таким старообрядческим лидером, как Григорий Неронов, и верно считавшим, что, если бы иезуиты не столкнули Никона с царем и он остался бы Патриархом, никакого раскола бы не произошло. Восстановление старообрядной иерархии вместе с реабилитацией Патриарха Никона – «метод» митр. Антония (Храповицкого) настолько актуален, что он и раскол со староверами преодолет, и обрушит «крединский солдатово-муравьево-лурьитский» проект создания из «Рогожки» противовеса Московскому Патриархату и Патриарху.

Великий православный патриархист наших дней Патриарх Кирилл реализует канонические миссионерские императивы собора 1917-18 гг. по созданию миссионерских евхаристических приходских общин,

митрополий и необходимого огромного количества новых епархий (паралич Церкви, малочисленность русских епархий и отсутствие Патриаршества были ключевым фактором катастрофы России 1917 г.). Синод Русской Церкви утвердил Праздник Отцов собора 1917-18 гг., а предстоящий Архиерейский собор Русской Православной Церкви в ноябре 2017 г. в честь столетия восстановления «Великой, Малой, Белой России, Северных Земель и “Третьего Рима”» Патриаршества станет торжеством православного патриархизма.

Документы

1. «Определение о правовом положении Православной Российской Церкви» <http://www.fudel.ru/opredelenie-o-pravovom-pologenii-pravo.../>
2. Митрополит Антоний (Храповицкий), «Патриарх Никон и Россия (<http://www.pravoslavie.ru/2615.html>)
3. «О правовом положении Православной Российской Церкви». Определение Поместного собора 1917-1918 гг.

Впоследствии большевики жестоко расправились со святителем Митрофаном.

**Епископ Могилевский
Стефан (Архангельский) –
великий слобожанский и белорусский
миссионер и контрреволюционер**

Духовным наставником святого мученика архиепископа Митрофана был ревнитель миссионерства и бескомпромиссный противник революции и отделения Южной и Западной Руси от России епископ Стефан, пришедший в Могилев из Северной Руси, Слобожанщины, где он был викарием Харьковской епархии. Большинство его трудов посвящено важности активного проповедничества, миссионерства, православной русской политики и апостольскому наследию св.архиепископа Херсонского Иннокентия (Борисова), духовно обосновавшего русские Крым и Новороссию:

**Епископ Могилевский
Стефан**

поведничества, миссионерства, православной русской политики и апостольскому наследию св.архиепископа Херсонского Иннокентия (Борисова), духовно обосновавшего русские Крым и Новороссию:

- «К каноническому устройству российской поместной Церкви». СПб., 1906;
- «Мысли Иннокентия архиепископа о величии и благоденствии России». 2-е изд., Могилев, 1907;
- «Православно-христианское нравственное учение по сочинениям Иннокентия, архиепископа Херсонского». В 2 т. Могилев, 1907;

- «Слово... в день памяти прп. Серафима Саровского». Могилев, 1906;
- «Старо-Харьковская Куряжская обитель и ее Георгиевско-Петропавловский храм. (1673-1903)». Харьков, 1904;
- «Таинства и обряды Православной церкви». Харьков, 1904;
- «Речь... пред молебном по случаю выборов представителей Могилевской губернии в Государственную думу». Могилев, 1906.).

С 29 апреля 1904 года – епископ Могилевский и Мстиславский. Как и большинство епископов Южной и Западной Руси, как и св. киевский Владимир (Богоявленский) и его предшественник Флавиан (Городецкий), св. Бежецкий епископ Аркадий (Остальский), св. Херсонский архиепископ Прокопий (Титов), св. Черниговский епископ Пахомий (Кедров), Минский Михаил и многие другие, занимал строгую православную монархическую контрреволюционную общерусскую позицию по важнейшим вопросам общественно-политической жизни, обличал как лжецов тех, кто фабриковал теории о нерусскости Западной Руси и агитировал за ее отделение от России. Его слова: «Обличайте беззаконников, умоляйте колеблющихся, учите исполнению заповедей Божиих и законов гражданских...»

После учреждения Государственной думы епископ Стефан пытался внести православные основания в порядок выборов, полагая служить особые молебны перед голосованием (и был полностью прав), чтобы не допустить в государственную власть противников Церкви и Отечества.

Принципиальное внимание епископ Стефан уделял организации и развитию духовных школ епархии.

В 1909 году владыка Стефан принимал участие в Съезде русских людей в Москве, председательство-

вал при открытии съезда и был председателем отдела по школьным вопросам.

Вручая новопоставленному епископу Митрофану архиерейский жезл, епископ Стефан сказал и сейчас актуальные слова о разного рода «драбинках, говорунах, лепиных, ельпидифорах, эммануилах, лурье, солдатовых, дудченках, самохваловых, ветошниковых и прочих чапниных»: «Дух тьмы воздвиг против Церкви Христовой и врагов внутренних из самих недр Церкви. – Это все более и более распространяющееся неверие нашей интеллигенции. Это антихристианский дух в науке, искусствах, печати, законодательстве и направлении культуры. Это так называемое неохристианство, а в действительности новое, на христианской почве, язычество с его неизбежным и отвратительным культом плоти. Это явившееся в наше смутное время политического брожения так называемое церковное обновленчество. Вот враги Церкви внутренние, подкапывающиеся под самые ее основы. К глубокому прискорбию, в число их стали некоторые служители Церкви и богословской науки и готовы продать свою Матерь – Православную Церковь протестантству и масонству, если не за сребреники Иудины, то за чечевичную похлебку – суетную славу людей передовых и прогрессивных. Яд отравы своих церковно-анархических писаний они разливают по всей Православной Руси, стараясь заразить им не только верных сынов Православной Церкви, но, если возможно, и самих пастырей и готовящееся к служению Церкви наше юношество. О, Иудино предательство! Воистину домашний внутренний враг сей еще опаснее внешних врагов! Ввиду такого-то именно положения пастырей Церкви, как агнцев среди волков, ты и призываешься теперь на совместную со мной апостольскую стражу в Церкви Могилевской... Пойдем же вместе на то делание, которое доселе я совершал один».

Первоиерарх Русской Церкви митрополит Петр (Полянский)

После смерти святого Патриарха Тихона большевистская власть до 1943 года не давала избрать нового Московского, Великой, Малой и Белой России Патриарха. В этой ситуации по каноническому указу Патриарха Тихона церковная власть передавалась Патриаршим Местоблюстителем, которые один за другим отправлялись в тюрьмы и расстреливались. Все они, как и Патриарх Тихон, прославлены Русской Церковью в лике святых. Одним из них был тайно назначенный святым Патриархом Тихоном по решению собора епископов митрополит Петр (Полянский), который, находясь в заключении, не соглашался с политикой компромиссов с советской властью, которую был вынужден вести его им же назначенный заместитель и друг митрополит Сергей (Страгородский). Бескомпромиссный святитель Петр был расстрелян.

Одним из послушаний святителя Петра было смотрительство в Жировицком духовном училище на Белой Руси, ко-

**Святой мученик
митрополит Петр**

торое он превратил в оплот миссионерства и трезвеннического движения, стал почетным мировым судьей слонимского округа. В этот период святитель Петр знакомится с будущим Патриархом Тихоном – тогда архимандритом Яблочинского монастыря в Холмской Руси. В 1920 году, уже после западнорусского периода, Патриарх Тихон предложил ему принять постриг, священство и епископство и стать его помощником в делах церковного управления в условиях репрессий большевиков против Церкви, когда епископство отнюдь не сулило почет и безбедную жизнь. Предложение принял, сказав при этом своим родственникам: «Я не могу отказать. Если я откажусь, то я буду предателем Церкви, но когда соглашусь, – я знаю, я подпишу сам себе смертный приговор». Решение о постриге Петр Полянский принял в конце 1919 или даже начале 1920 года. Был пострижен в монашество в честь святителя Петра, митрополита Московского, и рукоположен во священника митрополитом Сергием (Страгородским).

Петр был Местоблюстителем Патриаршего Престола. А сам святой Патриарх Тихон, друг святителя Петра, также непосредственно связан с Западной Русью: на протяжении многих лет он был, как и великий Иосиф (Семашко), Виленским митрополитом.

Святой Патриарх Тихон. Западнорусский период

После окончания Санкт-Петербургской духовной академии в 1888 г. Василий Белавин был отправлен в родную ему Псковскую духовную семинарию преподавателем. Ученики его очень любили, как и все, с кем он встречался (это было особенностью его жизни).

В 1891 г. он был пострижен в монашество с именем Тихона в честь любимого им святителя Тихона Задонского. Вскоре его рукоположили в сан иеромонаха и направили в Холмскую духовную семинарию (Варшавской епархии), где он стал сначала инспектором, а затем ректором. На 33-м году жизни, в 1897 году, совершилась его хиротония во епископа Люблинского, викария Варшавской епархии.

**Архиепископ Литовский
и Виленский Тихон**

Церковная жизнь на месте нового служения епископа Тихона сильно осложнялась острыми национальными и религиозными распрями. Владыка Тихон никогда не прибегал к аргументам «с позиции силы», что не мешало ему успешно защищать Православную веру. Об этом периоде его жизни ярко вспоминает митрополит Евлогий (Георгиевский): «Архиман-

дрит Тихон был очень популярен и в семинарии, и среди простого народа. Местные священники приглашали его на храмовые праздники. Милый и обаятельный, он всюду был желанным гостем, всех располагал к себе, оживлял любое собрание, в его обществе всем было приятно, легко. Будучи ректором, он сумел завязать живые и прочные отношения с народом, и этот же путь он указал и мне. В сане епископа он еще более углубил и расширил свою связь с народом и стал действительно для Холмщины «своим» архиереем. Мне постоянно во время поездок по епархии приходилось слышать самые сердечные отзывы о нем духовенства и народа»*. Важно отметить, что Тихон не был аполитичен, он отстаивал позицию православного русского народа и в Холмской Руси, и везде – на Ярославской кафедре он становится почетным председателем местного отделения «Союза русского народа».

Находясь на Североамериканской кафедре, активно поддерживал карпатороссов, их переход из унии в Православие – соответственно, и в Холмской Руси, и в США активно опровергал «украинство» как униатский геополитический проект. В 1912 году стал Виленским владыкой. На Виленской кафедре также активно поддерживал Западную Русь, духовно помогал русской армии в Первую мировую войну.

* <http://www.pravoslavie.ru/41953.html>

**Митрополиты Пантелеимон (Рожновский),
Алексий (Громадский)
и Вениамин (Новицкий)
и иерархи Белоруссии и Малороссии –
крест борьбы с униатским и нацистским
проектом белорусской и украинской
«автокефалий»**

Тема положения Церкви в Западной Руси в период Великой Отечественной войны является чрезвычайно важной и является предметом спекуляций с противоположных сторон – как со стороны «самостийных» апологетов нацистского коллаборационизма, так и со стороны части нецерковных патриотов, обвиняющих

**Митрополит Пантелеимон
(Рожновский)**

в коллаборационизме тех иерархов Русской Церкви, которые использовали легальное положение Русской Церкви для срыва нацистских планов по отделению от нее малороссийских и белорусских епархий, которые осуществлялись с целью окончательного раскола и уничтожения русского народа и Российского государства. Поэтому действия Минского митрополита Пантелеимона (Рожновского), Киевского Алексия (Громадского),

архиепископа Вениамина (Новицкого) и большинства их единомышленников коллаборационизмом считать нельзя.

Естественно, нацисты пытались разыграть «церковную карту» в своих целях уничтожения России и русских, используя факт тотальной атеистической политики властей СССР по уничтожению Русской Православной Церкви.

В Белоруссии эта политика была особенно жесткой. Сталин перед войной пошел на частичную и ограниченную реабилитацию русской истории, на закрытие «Союза воинствующих безбожников». Но продолжалось уничтожение Церкви, которое в Белой Руси носило особенно тотальный характер: например, в Витебске не осталось ни одного храма, как, впрочем,

**Архиепископ Вениамин
(Новицкий)**

**Митрополит Алексей
(Громадский)**

и в остальных областях БССР. Не остановлена была программа создания отдельных от русской украинской и белорусской «наций». Если Русская Православная Церковь подвергалась уничтожению, то ленинские большевики создали и поддержали направленные против нее обновленческий и автокефалистский раскол на Украине (создан при Петлюре, но по-настоящему поддер-

жан большевиками). В Белой Руси сепаратизм был настолько ничтожен, что даже на автокефалистский раскол не хватило, единственное, на что хватило, – на авантюру с попыткой провозглашения автономии белорусских епархий в 1923 году во главе с архиепископом Мелхиседеком (Паевским), но Патриарх Тихон и Патриарший Местоблюститель Петр (Полянский) очень умно ликвидировали эту авантюру. Они заявили Мелхиседеку, что не признают никакой автономии, а его считают протоепископом Русской Церкви. Мелхиседек согласился, так как и он, и его духовенство на самом деле не желали никакой автономии и пошли на эту авантюру под давлением большевиков.

Ситуацией с практически полным уничтожением Русской Православной Церкви в Белоруссии воспользовались нацисты – они легализовали Церковь и оставшихся в живых ее священников, но на условиях отделения от Русской Православной Церкви.

И Белорусский митрополит Пантелеимон (Рожновский) сумел отстоять Белую Русь в Русской Православной Церкви, вопреки всем адским усилиям нацистов.

Митрополит Пантелеимон, как настоящий русский белорус и православный поляк (по отцу), против католической Речи Посполитой сохранял верность Русской Православной Церкви и единству великороссов, малороссов и белорусов действительно в адских условиях! В СССР Русскую Церковь уничтожали, уничтожали и в Польше (это неудивительно: кто вырастил «украинство»?), где молодой епископ Пантелеимон выступил против раскола («Польской автокефалии»), организованного польским режимом и Константинопольским Патриархатом, объявившим тогда Русской Церкви и святому Патриарху Тихону самую настоящую войну, признав созданный Троцким обновленческий раскол в СССР, захватывая епархии Русской Церкви в Прибалтике, Финляндии, Западной Европе, США, провозглашая себя «православным» аналогом Римского Папы, что является нарушением Православного вероучения.

Жизнь митрополита Пантелеимона является примером верности Русской Православной Церкви и жертвенного миссионерства. В 1895 г. он стал слушателем миссионерских курсов при Казанской духовной академии и уличным миссионером – ходил по селам, глухим деревням, разнося крестики, бумажные иконки, Евангелия и духовную литературу. По окончании курсов 15 сентября 1897 года был пострижен в монашество в Казанском Спасо-Преображенском монастыре и рукоположен во иеромонаха.

Все это делалось при поддержке тогдашнего ректора Казанской духовной академии и вслед за ним иеромонах Пантелеимон отправляется на Волынь и в Белую Русь:

«В 1904 году – настоятель Загаедского монастыря Иоанна Милостивого Волынской епархии в сане архимандрита.

В 1905 году – настоятель Витебского Маркова Свято-Троицкого монастыря и благочинный монастырей Полоцкой епархии. За семь лет служения здесь привел вверенную ему обитель в цветущее состояние как с внешней, так и с внутренней стороны.

2 июня 1913 года был хиротонисан во епископа Двинского, викария Полоцкой епархии. Хиротония была совершена епископами Полоцким Владимиром, Гдовским Вениамином и другими в Успенском соборе Витебска. Местом пребывания викарного епископа был определен Полоцкий Богоявленский братский монастырь. С 3 ноября по 18 декабря 1913 года временно управлял Полоцкой епархией.

В 1917 году выступил со статьей в «Полоцких епархиальных ведомостях», в которой показывал, что ненависть мирян против духовенства и враждебность клириков против своих епископов происходят от еще ранее наступившего религиозного охлаждения и безразличия к Церкви и ее Таинствам. В таких условиях

достаточно самой незначительной пропаганды, чтобы вызвать эту ненависть*.

С 15 августа 1917 по 20 апреля 1918 года, в связи с отъездом в августе 1917 года Полоцкого епископа Кириона (Садзаглишвили) в Грузию, принимал участие в работе Поместного собора Православной Российской Церкви в качестве управляющего Полоцкой епархией. Узнав о бесчинствах большевиков, разоривших архиерейский дом и вошедших в алтарь Никольского собора в Витебске, спешно покинул Москву, приехал в Витебск и 24 февраля 1918 года возглавил молебен в кафедральном Никольском соборе перед простреленной иконой Христа Спасителя. В последующие месяцы 1918 года безуспешно обращался в Витебскую ЧК с прошениями об освобождении невинно заточенных лиц. Затем в 1918 году был вынужден покинуть свою епархию и поселился в Дерманском Троицком монастыре, на территории, подконтрольной полякам.

В конце 1920 года Патриархом Тихоном был назначен на новообразованную Пинскую и Новогрудскую епархию. В 1921 году, когда западная часть Белоруссии оказалась в составе Польши, польский министр исповеданий пригласил к себе Белорусских иерархов и официально заявил им от лица польского правительства о необходимости автокефального церковного устройства. Архиереи торпедировали этот проект, поставив условием согласия выразили получения благословения на это Патриарха Тихона. Патриарх Тихон справедливо был непримиримо против: когда польские власти пытались навязать Варшавской митрополии автокефалию, святитель Тихон сделал уполномоченному по польским делам в Москве следующее заявление:

«...Перед Генуэзской конференцией полномочный по польским делам в Москве вновь явился к Патриарху

* Это он отстаивал по примеру своего учителя «патриархиста» архиепископа Антония (Храповицкого) Догмат о Церкви и защищал православный епископат от организованных с подачи «Временного правительства» антииерархических обновленческих революций во многих епархиях. – К.Ф.

разведать, как последний отнесется к новой затее, все в том же направлении: отторгнуть православное население от Русской Церкви.

– А что, Ваше Святейшество, – спросил полномочный, – что, если собирающиеся в Варшаве епископы объявят автокефалию?

Патриарх встал, оперся руками о стол и сказал:

– А если они осмелятся самочинно объявить автокефалию, то я у них, как сынов противления, отыму и автономию»*.

После этого епископ Пантелеимон, бывший среди приглашенных, получил возможность приступить к управлению епархией.

В 1922 году присутствовал на архиерейском соборе в Варшаве**, на котором обсуждался вопрос об образовании автокефальной Польской Православной Церкви***. На соборе он заявил протест против незаконных действий членов собора. Отказался подписать конкордат с польскими властями о положении Православной Церкви в Польше и так называемые «Временные правила об отношении Церкви к государству», составленные на основе указанного конкордата****.

По окончании Собора польскими властями был насильственно удален из епархии и сослан в Мелецкий монастырь на Волыни под надзор настоятеля. Там его поместили в маленькой келье и препятствовали священнодействовать. Не выслали его за границу потому, что он был поляк по происхождению (по отцовской линии), а его родной брат был членом польского правительства. Находясь в Мелецком монастыре, владыка

* Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве Высшей Церковной Власти 1917-1943, М. Св.-Тихоновский богословский Ин-т, 1994, стр.191. И отменил автономию Киевской митрополии, данную собором 1917-18 годов, а в Белорусии инспирированную большевиками и, вероятно, властями Польши такую попытку пресек. – К.Ф.

** Созванном под давлением и по сценарию властей Польши. – К.Ф.

*** Против чего выступало большинство Церкви и православного русского народа Холмской Руси. – К.Ф.

**** Ценой которого было участие в смертном грехе раскола. – К.Ф.

не оставил своей деятельности, а, сколько мог в своем положении, вел борьбу за сохранение в Церкви юлианского календаря*. Несмотря на запреты, он совершал богослужения.

В 1925 году, по ходатайству архимандрита Тихона (Шарапова)**, Патриарх Тихон возвел его в сан архиепископа. В 1928 году его перевели в Дерманский монастырь, а в 1930 году – в Жировичскую обитель, где он пребывал до 1939 года.

Для деревни приезд архиерея был большим событием. Его встречали торжественно. Очень скоро своей общительностью, доступностью, простотой и любовью он покорила сердца местных жителей. Сохранилось много воспоминаний о его служении тех лет***.

Владыка Пантелетмон обладал приятным баритоном, голос был громкий. Его проповеди отличались продолжительностью, как и его богослужение. Когда он служил, то в храм шел с народом, образуя своего рода крестный ход, с песнопениями. Девочки специально собирали цветы (зимой – цветную бумагу) и посыпали на его пути перед Литургией.

Он очень любил детей, раздавал им подарки. Во время своих прогулок с собой носил в карманах конфеты для них; а если конфет не было, то раздавал монеты для их покупки. На Рождество Христово устраивал в своих покоях праздничную елку для детей. Дети всегда приходили поздравлять его на Рождество и на Пасху, читали ему стихи и пели песни, некоторые из которых были специально посвящены владыке.

Отличался он и милосердием: однажды владыка разулся и отдал свои сапоги босому нищему. В иной

* В автокефалистском расколе немедленно началось разрушение Предания и капитуляция перед латинской ересью. – К.Ф.

** Верного Русской Церкви. – К.Ф.

*** То есть православный русский народ западных Белоруссии и Малороссии, не признал автокефалистский раскол и украинизацию. – К.Ф.

раз – снабдил бедную семью деньгами, узнав, что те не ходят в храм, стесняясь бедной одежды.

Простота, кротость, духовная настроенность и в то же время каноническая стойкость сделали имя владыки авторитетным среди всего населения межвоенной Польши. В 1936 году архиепископ Пантелеимон, в связи с враждебной деятельностью римо-католиков в отношении Православия, на вопрос польской газеты «Dziennik Wileński» смело ответил о тяжелом положении Православной Церкви в Польше:

«...православные (в прессе) ни разу не названы своим именем, но постоянно называются схизматиками и даже говорится, что Святая Обитель (Жировичская) теперь в руках наследников грабителей – схизматиков. Между тем так выразиться не только некультурно, но и высшей степени обидно для всех, о ком это говорится, и грешно».

Живя в Жировичском монастыре, писал религиозно-нравственные сочинения, часть которых была издана в типографиях Литвы. Владимир Гриненко так вспоминал о писаниях владыки:

«Небольшие брошюры и листовки святителя... поспевали всегда в самые тяжелые минуты переживаемых православными гонений и делали свое благое дело. Эти послания к народу из-за стен монастыря были не обычными проповедями. В них не было призыва к борьбе с насилием, или напоминания властям о безнравственности их действий, или обличения не устоявших или соблаздившихся, или каких-либо мрачных пророчеств... Нет. Он разъяснял народу всю красоту, всю силу, все духовное обаяние Православия. Не делая никаких сравнений с иными исповеданиями, он показывал народу ценность его веры такую, какова она и была на самом деле... Он приводил яркие примеры исповедничества среди наших святых всех исторических времен Руси и России, разъясняя, почему они поступали именно так, а не иначе, жертвуя

подчас и жизнью исключительно только за Сладчайшего Иисуса, даровавшего нам через апостолов Своих Православие, нерушимо оставшееся до сих пор, прошедшее через множество испытаний. Плененный святитель пленял души православных их же Православием. В его словах свет немеркнувший разгорался и разгорался. И никакая «национализация Церкви», новый стиль, а затем униатизация и католизация не прививались к среде народной... Никто не мог запретить по существу смиренную и высокодуховную христианскую проповедь архиепископа Пантелеимона. Его врожденная тактичность здесь была на высоте. В то же время проповедь эта глубоко проникала в народное сознание. Это особенно было заметно при встречах святителя с народом...» (епископ Пантелеймон не боялся говорить о русскости западных Белоруссии и Малороссии, оккупированных Польшей).

По занятии Советским Союзом западной Белоруссии и Украины – он вышел из монастырской ссылки (из-под ареста. – КФ) и начал устраивать церковную жизнь в новых условиях. Вскоре он направил в Московскую Патриархию прошение принять его и возглавляемые им приходы вместе с духовенством в юрисдикцию Московской Патриархии и назначить правящим архиереем Пинской и Новогрудской епархии. Одновременно писал в Москву, что он также принимает под свое архипастырское окормление Гродненскую епархию, которая осталась без архиерея после бегства епископа Саввы (Советова). Указом Московской Патриархии от 17 октября 1939 года за № 613 был назначен на Пинскую и Новогрудскую кафедру, а также ему был дан титул Белорусского экзарха Московской Патриархии, с поручением возглавить церковное управление в Западной Белоруссии. В том же году владыка Пантелеимон дважды был вызван в Москву и имел собеседования с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием. По свидетельству епископа Митрофана (Зноско-Боровского), по возвращении он «с радостью

на лице говорил о Свете Христовом, излучающемся из сердец богомольцев, народа-страдальца... Пантелеимон рассказал следующее, им лично в те посещения Москвы пережитое: “Наш м. Сергий – это пленник безмолвный. Молитесь о нем и о всей страдалице Церкви. Церковь пленена, но враги Христа боятся Ее и в Ее поверженном состоянии”».

В июле 1940 года освобожден от должности Западно-Белорусского экзарха и назначен правящим архиереем новосозданной Гродненской и Виленской епархии... По примеру митрополита Иосифа (Семашко) он организовал другое управление в духовном центре епархии – Жировичском монастыре.

В 1940-1941 годах именовался архиепископом Гродненским и Барановичским.

В 1941 году, после того как митрополит Николай (Ярушевич) в силу военных действий не мог больше управлять церквами Западной Белоруссии, митрополитом Сергием (Страгородским) был вновь назначен экзархом Белоруссии с титулом Минский и Белорусский. Его кафедральным собором стал Преображенский в Минске*.

В марте 1942 года собором Белорусской Православной Церкви был возведен в достоинство митрополита с титулом «священноархимандрит Свято-Успенской Жировичской обители». Немецкие оккупационные власти посредством Белорусской рады требовали объявления автокефалии и национализации Церкви. Но владыка, вопреки их желаниям, оставался верным Московскому Патриархату. Из-за этого в мае немецкий генеральный комиссариат отстранил его от управления Белорусской митрополией, и 2 июня 1942 года

* То есть он не сотрудничал с нацистами, а был оставлен священноначалием на территории, оккупированной противником, как «партизан под легальным прикрытием». То же самое можно сказать о митрополитах Алексии (Громадском), Вениамине (Новицком), об о. Гаврииле Костельнике и большинстве духовенства УПЦ и Белорусских епархий Русской Церкви. – К.Ф.

автомобиль с чинами из СД увез митрополита и его келейника в Ляды, где он находился до поздней осени. На зиму он был перевезен в город Вилейку, где жил под надзором немецких властей (то есть под арестом).

В апреле 1943 года архиерея пришлось привезти в Минск для возглавления Белорусского собора и подписания его актов.

7 июля 1944 года, ввиду приближения Советской армии, белорусских иерархов, некоторых против их воли, вывезли в Германию. Железнодорожный состав, в котором насильно вывозили на Запад митрополита Пантелеимона, наскочил на партизанскую мину. Весь состав сильно пострадал, кроме вагона митрополита. Когда митрополит Пантелеимон проезжал поездом через Слоним, он пытался бежать из вагона, чтобы вернуться в Жировичский монастырь и там ожидать прихода советских войск. Но немецкая охрана заставила его снова сесть в вагон и ехать на Запад*.

Тактика митрополита Пантелеимона по срыву нацистского плана отрыва белорусских епархий от Русской Церкви, обуславливать раскол, т.н. «автокефалию БПЦ», заранее невыполнимыми условиями (принял поставленные ему условия с оговоркой, по существу полностью противоречащей им: отделение может состояться только после того, как Белорусская Церковь организуется, созреет для автокефалии и будет признана в таковом качестве – Матерью-Церковью, всеми поместными Церквями, а не только Константинопольским Патриархатом – условия, фактически отменявшие автокефалию и оставлявшие, хотя и номинально, Белорусскую Церковь в ведении Московского Патриархата), была плохой, «на грани фола», но единственной возможной в условиях нацистской оккупации.

Более того, возвращенный в Минск для подписания обращений контролируемого нацистами «собора» об автокефалии БПЦ, митрополит сделал так, что эти об-

* <https://drevo-info.ru/articles/16585.html>

ращения никому не были отправлены, то есть похоронены, – в мае 1944 года каноничный собор епископов Белой Руси признал решения т.н. «Всебелорусского Церковного собора» незаконными, так на него не были допущены владыки Пантелеимон и Венедикт (Бобковский).

После ареста митрополита Пантелеимона оставшиеся на свободе епископы, такие как Филофей (Нарко) и Венедикт (Бобковский) продолжали тактику сохранения единства Русской Православной Церкви и срыва нацистского плана автономии и автокефалии Белорусского Экзархата: обманывая врага, они откладывали провозглашение автокефалии в связи с невозможностью это сделать в отсутствие находящегося под фактическим арестом митрополита Пантелеимона.

В качестве доказательства отсутствия у белорусского епископата какого-либо иного национального самознания, кроме русского, служит тот факт, что владыки Пантелеимон, Филофей и Венедикт в эмиграции стали епископами Русской Православной Церкви Заграницей, бескомпромиссно борющейся с «мазепинством» и антибелорусской идеей отделения белорусов от великороссов. А группка настоящих нацистских коллаборантов устроила микроскопическую раскольническую группировку под «крышей» Константинопольского Патриархата, чем свой раскол не легитимировала, а делегитимировала Константинопольский Патриархат.

Белорусы, как неотрекшаяся часть русского народа, в подавляющем большинстве пошли в партизаны, из белорусских коллаборантов нацистам не удалось, ибо их было очень мало, создать аналог ОУН-УПА, так как в Белой Руси не было плацдарма для такого создания типа Галичины – убитой и «перекодированной» Галицкой Руси, поэтому белорусских священников, сохранивших верность Русской Православной Церкви, убивать боялись. В отличие от Малороссии, где такой плацдарм в виде Галиции был. Практически неизвест-

ной для современного читателя является тема массовых репрессий против духовенства и мирян Украинской Православной Церкви Московского Патриархата со стороны адептов украинского автокефалистского раскола. Во время Великой Отечественной войны сотни православных священников (это признает даже раскольнический автор Тимофей Миненко, пытающийся сохранять видимость объективности*), в том числе митрополит Киевский Алексей (Громадский), епископ Мукачевский Мануил (Тарнавский), были зверски замучены и убиты террористами из ОУН-УПА с непосредственного благословения лидеров т.н. «Украинской автокефальной Церкви». Священников Волыни и Полесья за отказ уходить в раскол сбрасывали вниз головой в колодцы, пытали. Современный церковный историк Михаил Шкаровский писал о сотнях убитых пастырей. Нацисты пытались распространить раскол УАПЦ и на Белую Русь. Лжепатриарх УАПЦ Мстислав Скрышник лично донес в Гестапо на киевского православного русского патриота Александра (Вишнякова), расстрелянного вместе с евреями в Бабьем Яру:

«Будучи украинской националистической организацией, Церковная рада в интересах автокефалии развязала настоящий террор против канонических православных священников.

Войдя в канцелярию Рады, Гавриил Вишняков обратился к находившемуся там священнику с просьбой разузнать о судьбе отца. Тот яростно обрушился на него: «Вон отсюда! Ты, сын москальского попа! Вон, а то будет тебе то же, что твоему отцу!» (цитата из рассказа Гавриила Вишнякова).

Юноша спросил у секретаря, кто с ним разговаривал, ему ответили: «Это архимандрит Мстислав».

Да, это был тот самый Мстислав, который уже в наше время стал «знаменем» самостийности и пре-

* <http://svavva.ru/istoriya/ob-otnosheniyax-mezhdu-ukrainskoj-avtonomnoj-pravoslavnoj-cerkovyu-i-ukrainskoj-avtokefalnoj-pravoslavnoj-cerkovyu-v-gody-nemeckoj-okkupacii.html>

емственности в движении за автокефалию, и в 1989 г. был провозглашен «первоиерархом» УАПЦ.

Из воспоминаний давнего сотоварища Мстислава Скрыпника – лжемитрополита Феофила: «О, это страшный человек. Это бандит в епископском клубу. Он из тех, кто может убить, удавить человека, если он станет ему препятствием. Епископ Мстислав – доверенное лицо из администрации Поликарпа Сикорского. Он племянник Петлюры, его адъютант по фамилии Скрыпник. В келейном разговоре с Мстиславом я с какой-то боязнью спросил его об унии с Римокатолической Церковью. А он мне отвечает: «Уния? А почему бы и нет? Разве те, кто пошли на унию с Римом что-либо потеряли? Пусть с чертом, лишь бы не с Москвою, но об этом еще рано говорить» [История Русской Церкви, кн. 9, с.279].

Правду о гибели отца Гавриил Вишняков узнал от владыки Пантелеимона в декабре 1941 г. Со слезами на глазах владыка сказал: «Ваш отец, архимандрит Александр Вишняков, расстрелян немцами в Бабьем Яру 6 ноября 1941 г.»

«Честна пред Господом смерть преподобных Его»
(прокимен)

6 ноября 1941 г. Угрюмый осенний день. Скорбной дорогой смерти под немецким конвоем и под надзором украинских полицаев шла в Бабий Яр колонна измученных, избитых, голодных людей. Это были военнопленные красноармейцы, евреи, подпольщики. Были в этой колонне и православные священники, приговоренные к смерти по доносам немецких дружков – украинских националистов, бандеровцев, которых «благословили» на их предательскую деятельность автокефалы-самостийники.

Среди смертников был и архимандрит Александр. Рассказ о его трагической смерти записан по свидетельству очевидцев, чудом избежавших смерти.

«Колонну» разделили. Священников отвели вперед по краю обрыва. Архимандрита Александра вытолкали из общей группы и отвели метров за 30. Несколько автоматчиков бесстрастно и четко расстреляли группу священников. Затем украинские полицаи в вышитых сорочках и повязках на рукавах подошли к о.Александру. Его заставили раздеться донага. В это время он спрятал в рот свой нательный крестик. Пытались распять батюшку на этом кресте, но у них не получилось. Тогда вывернули ему ноги, и колючей проволокой за руки и за ноги все же распяли его на кресте. Затем облили бензином и подожгли. Так, горящим на кресте, его сбросили в обрыв. Немцы в это время расстреливали евреев и военнопленных».

Так мученически окончил свой земной путь верный друг Христов архимандрит Александр.

Через физические мучения, душевные страдания и испытания пронес он свой крест и, будучи на кресте распят, вознес его, как символ победы Православия*.

Все они должны быть прославлены в лике святых, особенно митрополит Вениамин (Новицкий), своим исповедничеством, подобно св. Марку Эфесскому, сорвавший унию, навязанную нацистами, заставившими митрополита Алексия (Громадского) подписать решения срежиссированного нацистскими оккупантами «Луцкого собора» об объединении канонической УПЦ и раскольнической УАПЦ**.

Более чем вероятно, что нацистские коллаборанты, профессионалы спецслужб Третьего рейха бандеровцы, как это ни парадоксально звучит, были настолько сильны в руководстве СССР, в «клане» криптобандеровца Хрущева, что «достали» владыку Вениамина в СССР, посадив на 15 лет. Собственно, именно эта группа была инициатором сворачивания политики примире-

* http://www.pravoslavie.ru/put/sv/arch_alexandr.htm

** прот. Олег Трофимов, «Автокефальные наследники убийц Святой Руси». <http://www.odigitria.by/2016/07/13/avtokefalnye-nasledniki-ubijc-svetochej-svyatoj-rusi/>

ния Церкви и СССР и новых антицерковных гонений. Исходя из этой, только на первый взгляд кажущейся невероятной, версии, подлинная цель репрессий против митрополита Вениамина – месть за срыв униатско-нацистского проекта автокефалии УПЦ.

Жизнеописание митрополита Вениамина:

«Родился в семье священника. С детства полюбил церковную жизнь, особенно пение. Бабушка Стефанида, когда ему было всего только три года, называла его не иначе как «мой архиерейчик».

В 1914 году окончил Слуцкое духовное училище, после чего поступил в Минскую духовную семинарию.

Прервал учебу в связи с гражданской войной, во время которой в 1919-1921 гг. был учителем в селе Печураны Минской губернии.

В 1921-1928 годах – псаломщик Дарьевского прихода Пинской епархии.

В 1924 году окончил Виленскую духовную семинарию, после чего поступил на православный богословский факультет Варшавского университета, который окончил в 1929 году.

15 сентября 1928 года был пострижен в монашество с именем Вениамин в Успенской Почаевской лавре. 25 декабря 1928 года рукоположен в сан иеромонаха.

**Архимандрит –
белогвардеец
и антифашист
Александр (Вишняков),
расстрелянный нацистами
по доносу украинских
автокефалистских
раскольников**

С 15 июля 1929 – правитель дел и член Духовного собора Почаевской лавры.

В марте-октябре 1931 – настоятель собора в городе Острог Волынской епархии, затем вновь вернулся в Почаевскую лавру.

17 мая 1934 года возведен в сан архимандрита.

В 1936-1937 гг. – настоятель Покровской церкви города Львова.

В 1937 году защитил магистерскую диссертацию на тему «Об изменяемости канонов Православной Церкви» (которая была «каноническим манифестом» против раскольнической «польской автокефалии» и откровенной ереси «папизма» Константинопольского Патриархата. – КФ.).

С июня 1937 – преподаватель лаврской монашеской школы в Успенской Почаевской лавре.

Обладая большой культурой церковного пения, организовал великолепные православные хоры в Почаевской лавре, в Остроге, Львове и других местах, что оказало положительное влияние на местное униатское население. Вместе с архимандритом Пантелеимоном (Рудыком) основал миссионерскую школу по подготовке кадров для деятельности в среде униатов.

После присоединения Западной Украины к СССР сделал то, что было невозможно в Польше, – покинул польский «автокефальный раскол» и перешел в каноническую Церковь Московского Патриархата*.

С 15 июня 1941 года – епископ Пинский и Полесский, викарий Волынской епархии.

Жил в Почаевской лавре. Во время оккупации Украины немецкими войсками, несмотря на давление сторонников церковной автокефалии, вошел в состав Украинской автономной Церкви, канонически связанной с Московским Патриархатом. В августе 1941 – се-

* Вероятно, был знаком с о. Гавриилом Костельником и готовил возвращение галицких униатов в Православие, совершенное во главе с о. Гавриилом на Львовском соборе 1946 г. – К.Ф.

кретарь собора епископов, прошедшего в Почаевской лавре и определившего статус автономной Церкви.

С августа 1942 года – епископ Полтавский и Лубненский. По его инициативе был восстановлен Полтавский Крестовоздвиженский монастырь, организованы пастырские курсы, открыты многие приходы. При отступлении немцев из Полтавы был ими принудительно эвакуирован, но, спрыгнув с поезда, вернулся в Почаевскую лавру.

После освобождения Украины советскими войсками в мае 1944 года был арестован в Почаеве и доставлен в тюрьму в Киев. По обвинению в сотрудничестве с оккупантами был приговорен к 15 годам лишения свободы (виновным себя не признал, зная, что ему мстят за срыв нацистско-униатского плана создания «Украинской поместной Церкви»), в 1945-1955 гг. находился в лагере на Колыме. В 1955 срок заключения был снижен до 10 лет.

В 1955-1956 гг. работал бухгалтером в Магаданской области.

Управление епархиями в России

С 22 ноября 1956 года – епископ Омский и Тюменский. Воспрепятствовал разрушению Софийского собора и ансамбля Архиерейского дома в Тобольске, пожертвовав на их реставрацию деньги из епархиальных средств.

12 февраля 1958 года возведен в сан архиепископа.

С 21 февраля 1958 года – архиепископ Иркутский и Читинский, временно управляющий Хабаровской епархией.

Посетил практически все приходы, находящиеся в его ведении, несмотря на обширность управляемых им епархий. При объезде Иркутской епархии попал под сильное радиационное облучение, из-за чего у него

началась лучевая болезнь: выпали все волосы и искривилась шея.

В 1970 году, в преддверии Поместного собора (1971), внес предложение об отмене принятого под давлением властей Архиерейским собором 1961 года положения Устава, лишавшего настоятелей права управления хозяйственными делами прихода*.

С 31 мая 1973 года – архиепископ Чебоксарский и Чувашский. За короткий период заслужил уважение прихожан как своей духовной жизнью («ободрял духовно тысячи проходящих к нему скорбящих людей»), так и административными способностями, проявлявшимися, несмотря на тяжелую болезнь. При нем был полностью отреставрирован кафедральный Введенский собор, налажен церковный хор, все приходы замещены священниками, а для епархиального управления приобретен дом.

Часто проповедовал, в своих поучениях приводил, в частности, научные аргументы, находя в них подтверждение церковно-богословским истинам. Отличался кипучей энергией, избегал роскоши, в пище всегда был воздержанным, вина почти не употреблял. Посылал свои денежные средства нуждающимся: ежемесячно он посылал около двадцати переводов бедным.

Отпевание его 18 октября 1976 года возглавил архиепископ Куйбышевский и Сызранский Иоанн (Снычев)**. Был погребен во Введенском кафедральном соборе Чебоксар***.

По сути, подвиг белорусского духовенства Русской Церкви и УПЦ МП, белорусских и малороссийских партизан в Великую Отечественную войну являлся

* Этот исповеднический антихрущевский демарш осуществлен мит-рополитом Вениамином и из принципиальных канонических позиций, и, вероятно, из знания того, что он был оговорен и посажен с подачи хрущевских криптобандеровцев за срыв униатско-нацистского плана автокефалии УПЦ и ее объединения с криптуннатскими раскольниками. – К.Ф.

** Великий русский патриот нашего времени. – К.Ф.

*** [https://ru.wikipedia.org/wiki/Вениамин_\(Новицкий\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Вениамин_(Новицкий))

продолжением народного дела Западной Руси, «Православного русского сопротивления» западнорусских братств. Чтобы яснее понять, с чем и с кем они сражались – процитируем высказывания идеологов Третьего рейха по русско-славянскому вопросу. Гитлер: «Наша политика в отношении народов, населяющих широкие просторы России, должна заключаться в том, чтобы поощрять любую форму раскола». «Для них, для славян, никакой гигиены, никаких прививок – только водка и табак». Борман: «Система здравоохранения не нужна. Рождения у славян нежелательны. Они должны использовать контрацепцию и практиковать аборты, и чем больше, тем лучше».

Из плана «Ост» главного имперского управления безопасности Германии: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Дело заключается скорее в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... Прежде всего надо предусмотреть разделение территории, населенной русскими, на отдельные политические районы с собственными органами управления... Решающее значение в данном вопросе заключается в том, чтобы эти районы административно не подчинялись властям, которые будут созданы в русских центральных областях...

Нужно также подумать об отделении в административном отношении Северной России... В центральных районах России политика должна быть направлена на разъединение и обособленное развитие указанных областей. Русскому горьковского комиссариата должно быть привито чувство, что он чем то отличается от русского тульского комиссариата. Нет сомнений в том, что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей является одним из средств борьбы с усилением русского народа».

**Епископ Митрофан (Зноско-Боровский) –
русский пастырь Белой Руси,
борец с «мазепинством» и «литвинством»**

Происходит из западнорусской священнической династии, из поколения в поколение стоящей на позициях безусловного единства Великой, Малой и Белой Руси. Отец – священник Константин Зноско – в 1907-14 гг. служил в Свято-Николаевском Братском храме города Брест-Литовска; во время Первой мировой войны – священник 8-го Финляндского стрелкового полка, награжден тремя орденами и золотым наперсным крестом на георгиевской ленте. Мать епископа умерла от тифа, когда ему было девять лет, и дальнейшее его воспитание взяла на себя старшая сестра Ольга.

В 1922 году семья репатрировалась из РСФСР в

**Епископ Митрофан
Зноско-Боровский**

Польшу, где отец Константин вновь был назначен на должность настоятеля Свято-Николаевского Братского храма в Бресте и являлся законоучителем русской гимназии и начальной школы.

Окончил русскую гимназию в Бресте, учился на богословском факультете Варшавского университета. На втором курсе резко выступил против политики властей Польши по украинизации Церкви,

которая стала происходить в результате ее ввода властями Польши и Константинопольским Патриархатом в автокефалистский раскол, в результате чего был вынужден уйти из Варшавского университета. В 1932 году перевелся на богословский факультет Белградского университета, который окончил 5 марта 1935 года, там он близко сошелся и обрел единомышленника в лице подвижника, будущего святого иеромонаха (затем епископа и архиепископа) Иоанна (Максимовича), такого же обличителя «мазепинства» и «белорусского «самостийничества». Белградский богословский факультет был в то время оплотом православной догматической и экклезиологической мысли, Русской Зарубежной Церкви, опровержения «ереси украинства» и «белорусского самостийничества», которое было настолько ничтожным, что никто и представить себе не мог, что белорус может не считать себя русским.

Окончив белградский богословский факультет, Митрофан Константинович вернулся в Польшу и, сдав соответствующие экзамены и удовлетворив все требования богословского факультета Варшавского университета, был удостоен ученой степени магистра богословия.

Митрофан Зноско находился в Польше и был рукоположен во священника в раскольнической тогда Польской Православной Церкви, причем рукополагал его Александр Иноземцев, ставший ключевой фигурой нацистского раскола УАПЦ, адепты которого в рядах «бандеровцев» и «мельниковцев» сотнями убивали священников канонической Украинской Церкви Московского Патриархата. Об отсутствии у УАПЦ законной иерархии и о неканоничности тогдашней Польской Церкви пишет известный российский историк Церкви В.И. Петрушко*.

Неканоничность своего положения и твердую волю к воссоединению с Матерью-Русской Православной Церковью о. Митрофан указывал сам: «... Радость,

* http://pstgu.ru/scientific/newest/news_hist_RPC2/2014/03/30/52048/

возможно, о том, что закончилось томительное пребывание в неканонической автокефалии Православной Церкви в Польше, радость от сознания, что и мы не только прикоснемся теперь к ранам изъязвленного Тела Матери-Церкви, но и разделим, как Ее верные чада, участь Ее. Пострадать вместе с Матерью, за нее пострадать, – что может быть выше этого подвига?.. Дивное ответное слово Владыки. Он зовет всех к подвигу, к подвигу Любви – к Богу, к Церкви... в ней и только в ней наше спасение. Краткое его слово, но какой силы исполнено! Родная Мать-Церковь, как радостно быть с Тобою в страданиях Твоих...»*.

Такой вынужденный коллаборационизм укорял совесть о. Митрофана и в эмиграции он обретает каноничность в Русской Зарубежной Церкви, которая в условиях перевербовки спецслужбами США «бандеровцев» и белорусских коллаборантов борется с ними и отстаивает общерусское единство. Более того, как и святой иерарх РПЦЗ Иоанн Максимович, о. Митрофан являлся даже гораздо более решительным, чем св. Иоанн (Максимович), ревнителем воссоединения Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви. Овдовев, принимает монашество и становится епископом Русской Зарубежной Церкви и еще более активно выступает за ее воссоединение с Московским Патриархатом.

* https://azbyka.ru/otechnik/Mitrofan_Znosko_Borovskij/v-zashitu-pravdy/

**«Православное русское сопротивление»
раскольническоуниатской
«Польской автокефалии».**

**Жировичский монастырь как центр
«Православного русского сопротивления»**

На землях Белой, Холмской Руси и Волыни, «подаренных» антиправославным униатским режимом Петлюры, создателя раскола УАПЦ, Польше, развернулось широкомасштабное «Православное русское сопротивление» униатскому проекту властей тогдашней Польши «Польской автокефалии» – отторжения от Русской Церкви западных епархий Белой и Малой Руси путем взятки признавшему обновленческий раскол в СССР Константинопольскому Патриархату.

Уния и ее «приводной ремень», малороссийский и белорусский автокефалистские и автономистские проекты, всегда насаждались путем террора против канонической Русской Православной Церкви. Как известно, Петлюра «по заказу» идеолога «украинства»

Жировичский монастырь

и геноцида карпатороссов Львовского униатского митрополита Андрея Шептицкого арестовал и поместил в униатском монастыре в Галиции выдающихся православных иерархов и миссионеров: Киевского митрополита Антония (Храповицкого), Холмского архиепископа Евлогия (Георгиевского), Почаевского наместника и лидера «Почаевского миссионерского братства» и волынского, самого большого в Рос-

**Епископ Тихон
(Шарапов)**

сии, «Союза русского народа» архимандрита Виталия (Максименко) – так он им отомстил за православное русское возрождение Карпатской Руси, утопленное Шептицким и «мазепинским» меньшинством в крови. В числе арестованных был и антиуниатский «антимазепинский» почаевский миссионер о. Тихон (Шарапов), который, оказавшись на свободе, организует массовое «Православное русское сопротивление» на землях Малой и Белой Руси, вновь попавших в «Речь Посполитую», в Жировичском монастыре в Белой Руси.

«Одним из очагов церковного сопротивления автокефалии и предшествовавшему ее провозглашению переходу на новый календарный стиль стал Успенский Жировичский монастырь, настоятелем которого в 1922-1924 гг. являлся архимандрит Тихон (в миру Константин Иванович Шарапов) (1886-1937).

Будучи уроженцем г. Тулы, будущий жировичский настоятель в шестнадцатилетнем возрасте поступил послушником в Свято-Макариевскую пустынь Тульской епархии, где по прошествии двух лет принял ино-

ческий постриг. В 1911 г. он был переведен в Успенскую Почаевскую лавру, пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. В 1912 г. состоялась иерейская хиротония Тихона (Шарапова), после которой он получил назначение на должность помощника редактора журнала «Русский инок», а через два года возглавил редакцию журнала.

Начало Первой мировой войны коренным образом изменило жизнь Почаевского насельника. Распоряжением епископа Кременецкого Дионисия (Валединского) (1876-1960), викария Волынской епархии, в августе 1914 г. иеромонах Тихон был командирован в Галицию для участия в деле воссоединения униатов. В сентябре того же года священнослужитель был зачислен в санитарный отряд Государственной думы, а в апреле 1915 г. его прикомандировали к 177-му Изборскому пехотному полку. Не ограничиваясь исполнением обычных священнических обязанностей, он организовал полковое православное братство Христа Спасителя. В 1916 г. священнослужитель был награжден орденом св. Владимира с мечами, орденом св. Анны с мечами и золотым наперсным крестом, а в декабре 1917 г. удостоился благословения Всероссийского поместного собора и патриаршей грамоты. После заключения Брестского мирного договора и выхода России из войны архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий (Георгиевский) (1868-1946) направил иеромонаха Тихона на служение в подворье Почаевской лавры в г. Здолбунове (ныне райцентр Ровенской области, Украина). В кратчайшие сроки священнослужитель организовал на базе подворья Здолбуновское православное братство в честь Пресвятой Богородицы, за что был награжден патриаршей грамотой. К 1919 г. братство стало центром антиуниатской миссии в регионе, успешность которой во многом была обусловлена изданием редактируемого иеромонахом Тихоном миссионерско-апологетического журнала «Православие». В том же

году деятельность братства обратила на себя внимание руководства Украинской народной сепублики, по распоряжению которого иеромонах Тихон (Шарапов) был заключен под стражу и сослан в греко-католический базилианский монастырь в местечке Бучача Тернопольского округа. На протяжении нескольких месяцев он разделял свое заключение с пребывавшими под арестом в этой же обители митрополитом Киевским Антонием (Храповицким) (1863-1936), архиепископом Волынским Евлогием (Георгиевским) (1868-1946), епископом Чигиринским Никодимом (Кротковым) (1868-1938) и архимандритом Виталием (Максименко) (1873-1960). Поражение петлюровских войск в ходе боевых действий гражданской войны позволило бучачским узникам получить свободу и вернуться к церковному служению. По возвращении в Здолбунов иеромонах Тихон продолжил свою активную миссионерскую деятельность.

После заключения Рижского мирного договора (1921) и присоединения западной части Волыни к Польской республике Здолбуновское братство стало центром сопротивления тенденциям по автокефализации православной митрополии в Польше. На соборе православных епископов, открывшем свою работу 24 января 1922 г. в Варшаве, были приняты «Временные правила об отношении правительства к

Автономной Православной Церкви в Польше». В этом документе, подготовленном Министерством исповеданий и народного просвещения Польской республики, предусматривалась возможность широкого вмешательства государства в вопросы церковной жизни. Принятие «Временных правил» создавало условия для подготовки провозглашения автокефалии православной митрополии в Польше. Не согласившись подписать «Временные правила», епископ Пинский и Полесский Пантелеимон (Рожновский) (1867-1950) и епископ Белостокский Владимир (Тихоницкий) (1873-1959), управляющий Гродненской епархией, заявили о своем желании сохранить каноническое единство с Русской Православной Церковью. Составив письменный протест, они передали его Святейшему Патриарху Московскому и Всероссийскому Тихону (Беллавиному) при посредстве иеромонаха Тихона (Шарапова), который в январе 1922 г. инкогнито совершил поездку в Москву. Одним из средств укрепления позиций противников польской автокефалии было принятое 24 января /6 февраля 1922 г. Святейшим Патриархом Московским и Всероссийским Тихоном (Беллавиным) и Священным Синодом Православной Российской Церкви решение о наделении Здолбуновского Божородичного братства ставропигиальным статусом, а его председателя иеромонаха Тихона саномархимандрита.

Развитие польского автокефального проекта побудило сторонников канонического единства с Русской Православной Церковью предпринять попытку консолидировать свои силы для организации сопротивления церковному сепаратизму. По представлению управляющего Гродненской епархией епископа Белостокского Владимира (Тихоницкого) Святейший Патриарх Тихон и Священный Синод своим постановлением № 185 от 8 февраля 1922 г. назначили архимандрита Тихона (Шарапова) настоятелем Свято-Успенского Жировичского монастыря. В этом назначении просматривает-

ся попытка превратить древнюю белорусскую обитель, регулярно посещавшуюся православными паломниками, в центр противодействия польской автокефалии. Вскоре после переезда в Жировичи распоряжением епископа Владимира архимандрит Тихон был назначен благочинным монастырей Гродненской епархии и исполняющим обязанности благочинного приходов Бытеньского

округа Гродненской епархии. Этим назначением значительно усиливались позиции архимандрита Тихона, который получал возможность распространять свою деятельность за пределы Жировичского монастыря.

Возглавив Жировичский монастырь в столь непростое время, архимандрит Тихон (Шарапов) практически сразу заявил о себе как о принципиальном стороннике сохранения единства Русской Православной Церкви. С целью привлечения на свою сторону православного населения он переписывал от руки и распространял среди верующих текст изданной в 1922 г. листовки Синода Русской Православной Церкви Заграницей, в которой подвергались резкому осуждению действия церковных и светских властей по подготовке польской автокефалии. Подобные действия настоятеля Жировичской обители на протяжении нескольких месяцев находили поддержку со стороны правящего архиерея и совершались в русле общепархиальной политики. Так, 14-15 июля 1922 г. состоялся съезд представителей духовенства и мирян Гродненской епархии, принявший постановление о принципиаль-

ном осуждении идеи польской автокефалии. Однако определением Священного Синода православной митрополии в Польше от 12 октября 1922 г. епископ Белостокский Владимир (Тихоницкий) за противодействие автокефалии был отстранен от управления Гродненской епархией. Временным управляющим епархией Синод избрал епископа Луцкого Алексия (Громадского) (1882-1943), викария Волынской епархии, который 21 апреля 1923 г. был утвержден в должности и получил титул епископа Гродненского и Новогрудского. Отношения архимандрита Тихона с новым гродненским архипастырем складывались непросто, причиной чему были их расхождения во взглядах на вопрос о перспективах церковной жизни в польском государстве. Через месяц после отстранения епископа Владимира (Тихоницкого) от управления епархией архимандрит Тихон (Шарапов) был освобожден от должности исполняющего обязанности благочинного Бытеньского округа, а 19 июля 1923 г. – от должности благочинного монастырей Гродненской епархии.

Резкое обострение взаимоотношений настоятеля Жировичского монастыря с епархиальной властью и руководством митрополии наметилось после того, как 12 апреля 1924 г. собор епископов православной митрополии в Польше принял решение о переводе церковного месящесловия на новый стиль. Отказавшись признать каноничность данного постановления и продолжив совершение богослужений по старому стилю, архимандрит Тихон (Шарапов) первое

время стремился избежать открытого конфликта со священноначалием митрополии. В своих письмах и сообщениях епископу Алексию (Громадскому) он пытался убедить правящего архиерея в том, что календарная реформа не будет принята народом и породит церковные нестроения. «Назначенные благочинные (...) об этом не донесут, запуганные так не поступают, и, т.о., Синод и Архиереи правды не узнают, а если и узнают, то, м.б., слишком поздно, когда лицом к лицу столкнутся с гневом народным. (...) Но скрывать правду я не мог, не считаю нравственным даже. Предупредить грядущее легче, нежели врачевать уже поступившись», – писал архимандрит Тихон управляющему Гродненской епархией. Помимо переписки с епископом Алексием (Громадским), настоятель Жировичского монастыря установил «большую переписку» о календарном вопросе с Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей митрополитом Антонием (Храповицким), которого лично знал со времени совместного пребывания в Почаевской лавре. Одновременно с этим архимандрит Тихон организовал составление обращения к митрополиту Варшавскому и всея Польши Дионисию (Валединскому) от лица православного населения Слонимского уезда с протестом относительно проведенной календарной реформы.

Стремление архимандрита Тихона (Шарапова) сохранить употребление старого стиля в церковной жизни вызвало негативную реакцию священноначалия православной митрополии в Польше, которое рассматривало деятельность настоятеля Жировичской обители как «нецерковное и антииерархическое выступление». Одновременно с церковным руководством на ситуацию в Жировичах обратили внимание представители светской власти, усмотревшие в действиях архимандрита Тихона антигосударственные мотивы. Резолюцией епископа Гродненского и Новогрудского Алексия (Громадского) №2174 от 17 июля 1924 г.,

положенной на рескрипте Министерства исповеданий и народного просвещения Польской республики №4208/811 от 30 июня 1924 г., архимандрит Тихон был устранен от должности настоятеля Жировичского монастыря. Предвидя подобное развитие событий, он сознательно избрал путь сопротивления календарной реформе, которую считал недопустимой и антиканоничной. Еще до смещения с настоятельской должности архимандрит Тихон в одном из своих сообщений управляющему Гродненской епархией писал: «Может быть, мои дни сочтены, но считаю долгом говорить правду до конца, как бы истина ни была горька».

Пойдя по пути непризнания решений Священного Синода православной митрополии в Польше в вопросах литургического календаря и автокефалии, архимандрит Тихон отказал епископу Гродненскому и Новогрудскому Алексию в праве налагать на него канонические прещения. Свою позицию отстраненный настоятель Жировичского монастыря объяснял тем, что назначение на должность он принял от Святейшего Патриарха Московского и Всероссийского Тихона, каноническую верность которому продолжает сохранять, чего нельзя сказать о членах Священного Синода православной митрополии в Польше. Реагируя на развивающееся противостояние, епископ Алексей (Громад-

ский) издал распоряжение № 2405 от 23 июля 1924 г., в котором запретил архимандрита Тихона в священнослужении и проповедании Слова Божия.

На следующий день, 24 июля 1924 г., в Жировичский монастырь прибыл новоназначенный наместник игумен Исидор (Лонгинов), который был недружелюбно встречен прихожанами монастыря. Воспринимая архимандрита Тихона (Шарапова) как ревностного хранителя православных устоев, местные жители с недоверием восприняли его преемника, которого подозревали в неблагонадежности и готовности передать Жировичскую икону Божией Матери полякам-католикам. Недоверие в отношении наместника дошло до того, что люди на протяжении двух суток попеременно дежурили в Успенском соборе обители, оберегая почитаемую ими святыню. В ночь на 26 июля чудотворная икона была похищена из собора. Как выяснилось впоследствии, икону вынесли инокиня Дария (Мелешко) и монах Гермоген, спрятав ее сперва в доме бывшего преподавателя Жировичского духовного училища М.Я. Цебрикова, а затем в доме местного жителя Пашкевича. В ходе проведенных полицией розыскных мероприятий икона была найдена и 1 августа возвращена в Успенский собор. Тем временем архимандрит Тихон находился на Воьлини, где в Дерманском монастыре и Здолбуновской Богородичной церкви призывал верующих к сопротивлению календарной реформе.

Вернувшись в Жировичский монастырь 3 августа 1924 г., архимандрит Тихон (Шарапов) после богослужения обратился к верующему народу. В своем слове он осудил календарную реформу, заявил о незаконности своего отстранения от должности настоятеля и непризнании епископа Алексия (Громадского) в качестве управляющего Гродненской епархией. В качестве каноничного священноначалия он признавал лишь Святейшего Патриарха Тихона и отстраненного от управления Гродненской епархией двумя годами ра-

нее архиепископа Владимира (Тихоницкого). Назначение игумена Исидора наместником обители архимандрит Тихон считал незаконным, в силу чего именовал последнего самозванцем. Однако пренебречь указом о запрещении в священнослужении он некоторое время не решался. Стремительно нараставшее напряжение между но-

воназначенным наместником и местным верующим населением, следовавшим за архимандритом Тихоном, достигло своего предельного развития к 6 августа 1924 г. В этот день во дворе монастыря собралось около 100 человек, которые вызвали к себе игумена Исидора и под угрозой физической расправы потребовали от него возвращения к совершению богослужений по старому стилю. Лишь только вмешательство полиции предотвратило возможное столкновение между прихожанами и поддерживавшей наместника частью монашеской братии.

Помимо местного населения и монахинь Красно-стокского монастыря, некоторые из которых с 1918 г. проживали при Жировичской обители, поддержку архимандриту Тихону оказал сенатор В.В. Богданович. Прибыв в Жировичи 8 августа 1924 г., он проводил встречи с местным населением и собирал подписи, убеждая людей не принимать введение нового стиля и новое руководство обители в лице игумена Исидора. Ощувив моральную поддержку со стороны сенатора, архимандрит Тихон (Шарапов) принял решение приступить к совершению богослужений вопреки наложенному на него запрету в священнослужении. Ме-

стом молитвенного собрания последователей бывшего настоятеля стали кладбищенская Свято-Георгиевская церковь и располагавшаяся под монастырской колокольной часовня. Согласно информации, содержащейся в рапорте игумена Исидора на имя управляющего Гродненской епархий, за два дня пребывания В.В. Богдановича в Жировичах архимандрит Тихон «так повлиял на темное окружающее население, что не только миряне, но и монахи и монахини не ходят к монастырским службам, считая его ставропигиальным Патриаршим Архимандритом и Настоятелем Жировичского монастыря». В последующие дни число сторонников архимандрита Тихона стремительно расширялось, по причине чего оппозиционные настроения распространились за пределы Слонимщины. Уже 18 августа 1924 г. представители православного населения Слонимского, Волковысского и Барановичского уездов направили протестное обращение митрополиту Варшавскому и всея Польши Дионисию (Валединскому).

Расширение церковной оппозиции, центральной фигурой которой к концу лета 1924 г. стал архимандрит Тихон (Шарапов), вызвало обеспокоенность со стороны как церковных, так и гражданских властей. Налагая резолюцию на прошение представителей православного населения Слонимского уезда о прощении бывшего настоятеля Жировичского монастыря, епископ Алексей (Громадский) 6 августа 1924 г. написал: «...архим[андрит] Тихон сделал все от него зависевшее, чтобы не оказалось ровно никакой возможности к его защите перед властями – светскою и духовною».

На заседании Священного Синода православной митрополии в Польше, проходившем 20 августа 1924 г., было отмечено, что отстранение архимандрита Тихона (Шарапова) от настоятельства в Жировичском монастыре с последующим запрещением в священнослужении явилось следствием его антигосударственной настроенности. «Архим[андрит] Тихон не упускает

ни одного случая, чтобы выразить свою ненависть к польским властям, что он в начале мая допустил в храме публичные выступления светских лиц агитационного характера и что он сам деморализовал местное православное население агитацией против польской государственности», – отмечалось в протоколе синодального заседания. Решением Священного Синода архимандрит Тихон был уволен с должности настоятеля Жировичского монастыря с сохранением запрещения в священнослужении и проповеди. Более того, «имея в виду крайне вредную деятельность архимандрита Тихона в Жировичском монастыре, опасную для жизни Церкви и мира церковного», и учитывая его желание вернуться в родной город Тулу, Синод принял решение о направлении соответственного представления в Министерство исповеданий.

Несмотря на суровые синодальные определения, бывший настоятель Жировичского монастыря продолжил свою деятельность. Преследуя цель нейтрализации церковной оппозиции, близкой к архимандриту Тихону (Шарапову), епископ Алексей (Громадский) в сентябре 1924 г. предписал проживавшим в Жировичах инокиням Красноостокского монастыря Дарии (Мелешко), Пелагии (Бануль) и Марии (Бурак) безотлагательно переехать в Гродно и поступить в распоряжение настоятельницы местного Рождество-Богородичного монастыря. Одновременно с этим наместнику Жировичской обители игумену Исидору (Лонгинову) предписывалось приня-

тие всех возможных мер для пресечения совершения богослужений архимандритом Тихоном. Исполняя распоряжение настоятеля обители, игумен Исидор предпринял попытку закрыть Свято-Георгиевскую кладбищенскую церковь, в которой собирались последователи бывшего жировичского настоятеля. Однако верующие сорвали замок и богослужения в храме возобновились.

Окончательное прекращение деятельности архимандрита Тихона (Шарапова) и нейтрализация сформированной им церковной оппозиции произошли благодаря вмешательству гражданских властей. 15 октября 1924 г. староста г. Слонима и заместитель Новогрудского воеводы прибыли на автомобиле в Жировичи и увезли бывшего настоятеля в Варшаву, предоставив последнему возможность забрать с собой все необходимые вещи. Провожали архимандрита Тихона инокини Красностокского монастыря, которые проигнорировали распоряжение правящего архиерея и оставались со своим духовным отцом вплоть до его выдворения из обители. Уже через два дня, 17 октября 1924 г., архимандрит Тихон был депортирован за пределы Польской республики в Германию.

После высылки из Польши архимандрит Тихон (Шарапов) проживал при бывшей посольской Свято-Владимирской церкви в Берлине. В декабре 1924 г. он установил переписку со Святейшим Патриархом Тихоном по вопросу переезда на постоянное место жительства в СССР. Направив обращение в Народный комиссариат иностранных дел, Предстоятель Русской Православной Церкви добился получения советской въездной визы для бывшего настоятеля Жировичского монастыря. Вскоре после переезда в Советский Союз архимандрит Тихон вошел в ближайший круг доверенных лиц Святейшего Патриарха Тихона. 5 марта 1925 г. он был избран епископом Гомельским с наделяния правами попечения о православных христианах

Польши, сохраняющих верность Святейшему Патриарху Московскому. Архиерейская хиротония архимандрита Тихона (Шарапова) состоялась 22 марта 1925 г. в Москве.

Период пребывания епископа Тихона в Гомеле оказался непродолжительным, но весьма плодотворным. Благодаря высокому нравственному авторитету и принципиальной позиции архипастыря в кратчайшие сроки была нейтрализована деятельность обновленческого раскола в регионе. Совершая объезды приходов, епископ Гомельский Тихон призывал верующих к возвращению в Патриаршую Церковь, а обновленческих клириков принимал в каноническое общение только после принесения ими публичного покаяния.

Эффективное противодействие епископа Тихона (Шарапова) обновленческому расколу не могло не вызывать обеспокоенности у лиц, ответственных за реализацию советской религиозной политики. Инспирированное органами ОГПУ церковное разделение имело своей конечной целью ослабление позиций Русской Православной Церкви и подавление политически нелояльного духовенства. Стремительное восстановление позиций Патриаршей Церкви на Гомельщине повлекло за собой арест епископа Тихона, осуществ-

вленный уже в мае 1925 г. по обвинению в «активной контрреволюционной пропагандистской деятельности» управляющего Гомельской епархией. Во время следствия его сперва направили в тюрьму г. Могилева, а затем в Москву, где освободили из-под стражи под подписку о невыезде. Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ СССР от 21 мая 1926 г. епископ Тихон (Шарапов) был приговорен к трем годам пребывания в исправительно-трудовом лагере с заменой на высылку в Казахстан на тот же срок. В последующие годы он неоднократно подвергался арестам и осуждению по обвинению в контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации. Пребывая в заключении и ссылках, епископ Тихон стремился контролировать церковную жизнь Гомельской епархии, направлял в свой кафедральный город архипастырские послания и распоряжения. В июле 1936 г., после окончания срока очередной ссылки, епископ Тихон (Шарапов) получил назначение на должность управляющего Алма-Атинской епархией, а в следующем году был возведен в сан архиепископа и по совместительству назначен управляющим Петропавловским викариатством Омской епархии. Последний арест архиепископа Тихона был произведен 21 августа 1937 г. Алма-Атинским горотделом НКВД по обвинению в руководстве «алма-атинской антисоветской монархической террористическо-повстанческой организации церковников», шпионаже и антисоветской агитации. Одновременно с этим в следственных материалах Гомельского горотдела НКВД БССР архиепископ Тихон фигурировал как организатор и руководитель «гомельской подпольной контрреволюционной фашистско-повстанческой организации церковников», а его переписка с гомельской паствой была интерпретирована как письменное руководство этой организацией.

Постановлением Тройки при УНКВД СССР по Алма-Атинской области от 17 октября 1937 г. архиепископ

Тихон (Шарапов) был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 10 ноября 1937 г. Решением Генеральной прокуратуры Республики Казахстан от 30 сентября 1990 г. архиепископ Тихон был полностью реабилитирован.

*Слесарев Александр Валерьевич,
кандидат богословия, доцент,
проректор по научной работе
Минских духовных академии и семинарии.*

*Церковно-исторический альманах «ΧΡΟΝΟΣ» №2
2015 г. стр 137-186*

*Использованы фотографии с сайта Синодального отдела по делам монастырей и монашеству Белорусского Экзархата Московского Патриархата**.

Данная статья приведена почти полностью по нескольким причинам. Конечно, она является аргументом за канонизацию архиеп. Тихона (Шарапова). Следует обратить внимание и на тот факт, что митрополит Алексей (Громадский), который боролся с архим. Тихоном, в итоге понял его правоту, вернулся в лоно канонического Православия, став Киевским митрополитом Украинской Церкви Московского Патриархата, и принял мученическую смерть от раскольников-автокефалистов и «мельниковцев» – нацистских коллаборантов. Статья показывает, что именно Русская Православная Церковь спасла историческую Россию и русский народ. Ее уничтожали и насаждали «украинство» и «белорусское самостийничество» и власти «новой Речи Посполитой», и советские большевики, власть которых пытался воцерковлять мученик архиепископ Тихон (Шарапов), понимая, что другой России нет.

* <https://zapadrus.su/zaprus/tradbl/1612-protivodejstvie-arkhimandrita-tikhona-sharapova-vvedeniyu-novogo-stilya-i-provozglasheniyu-avtokefalii-pravoslavnoj-tserkvi-v-polshe-1922-1924-gg.html>

Смертный грех Платона Латышенко

Такое мирское имя архимандрита Смарагда (Латышенко), лишённого сана и монашества за убийство Варшавского митрополита Георгия (Ярошевского) – зависимого от польских властей лоббиста польского автокефалистского раскола.

Архимандрит Смарагд – уроженец Литовской Руси. Закончил Виленскую духовную семинарию, затем Санкт-Петербургскую академию, служил на Западной Руси в селе Заноричи. Потом переезжает на Холмскую Русь, где становится ревностным «антимазепинским» антиуниатским миссионером, ректором Холмской духовной семинарии, Синод по просьбе Холмского архиепископа Евлогия (Георгиевского) определил его быть епископом. Но отступление русской армии сломало эти планы. После падения и расчленения России ар-

**Архимандрит Смарагд
(Латышенко)**

химандрит Смарагд возвращается к ректорству в Холме и организует Православное сусское сопротивление Холмской Руси политике польской власти по «мазепизации» русских и отделению холмских пархий от Русской Церкви. Святой Патриарх Тихон полностью поддерживает о. Смарагда и Русский Синод определяет ему быть епи-

скопом в Холмской Руси с титулом викария Минской епархии и обязывает Виленского архиепископа Елевферия с другими западнорусскими епископами совершить эту хиротонию. Но коррумпированный польскими властями Варшавский митрополит Георгий (Ярошевский) блокирует эту хиротонию и оказывает на всех противников раскола жесткое давление. Тогда архимандрит Смарагд решается на убийство предателя Церкви Русской и убивает его из револьвера, преподнося это убийство как способ спасти Русскую Церковь Холмской Руси от раскола и спасти таким образом Православие. То, что архим. Смарагд пошел на смертный грех убийства митрополита-отступника, является свидетельством того, какой огромной была степень неприятия идеи отторжения западнорусских епархий от Русской Церкви и «мазепизации» православного русского народа западных областей Белой и Малой Руси. Смарагд со смирением отнесся к церковному и гражданскому наказанию, тем более что усилиями православных русских адвокатов срок Латышенко был сильно сокращен. Но грех, тем более смертный, оправдать нельзя, да и делу единства Русской Церкви он только навредил. На место убитого Георгия поставили еще худшего митрополита Дионисия (Валединского) – нацистского коллаборанта, покровителя раскола УАПЦ, новостильника, – словом, Иуду. Если бы архимандрит Смарагд не совершил смертный грех убийства, то стал бы епископом и вместе с такими исповедниками и миссионерами, как о.Тихон (Шарапов), много бы мог сделать для канонического Православия и русского дела в Западной Руси. Так что грех и душе – смерть, и делу – помеха.

**Архиепископ Серафим (Остроумов) –
мученик, просветитель Холмской Руси,
враг либерализма**

Одним из ярких миссионеров и защитников православного русского дела на на самом западе Белой Руси, на Руси Холмской, был будущий архиепископ Серафим (Остроумов). До Холмской Руси святой обличитель «мазепинства» митрополит Владимир (Богоявленский) поставил о. Серафима в Московскую духовную академию противостоять либеральной профессуре, разлагавшей величайшую русскую духовную школу. Но либеральная профессура победила и отцы Серафим (Остроумов) и Иосиф (Петровых) были вынуждены покинуть МДА. И оправились отстаивать Православие и русское дело Западной Руси.

**Архиепископ Серафим
(Остроумов)**

С 1906 года – наместник Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря Холмской епархии, помощник архимандрита Иосифа (Петровых). С 1907 года – настоятель этого монастыря и заведующий Яблочинской второклассной школой с церковно-учительскими курсами. О. Иосиф (Петровых), затем митрополит, исповедник, бескомпромиссный критик

политики митрополита Сергия (Страгородского) по сохранению Церкви в СССР. И сторонники, и критики митр. Сергия, в том числе митр. Иосиф, прославлены в лике святых новомучеников и исповедников Русской Земли.

Со 2 февраля 1908 года – архимандрит состоял благочинным монастырей Холмской епархии. О. Серафим превратил Яблочинский монастырь в центр умной молитвы, миссии, народного русского образования и хозяйственной деятельности.

В 85 километрах от монастыря был открыт его филиал в Дратовском лесу, посвященный св. пророку Илье, там были возведены церковь и школа. При монастыре действовали гостиница и чайная для паломников, работали аптека и медицинская амбулатория. Монастырь бесплатно кормил обедами нищих.

Кроме церковно-приходской школы, при монастыре работали две одноклассные школы, ремесленная школа с интернатом, а с 1911 года – и сельскохозяйственная школа, знакомившая учеников с сельхозмашинами, огородничеством, садовничеством, лесничеством, разведением домашних животных, производством и переработкой молока, бортничеством. В 1914 году в разных монастырских и примонастырских школах училось более 400 учеников.

В монастыре были приняты монашеские правила св. Василия Великого в противовес униатскому миссионерскому «ордену св. Василия Великого», члены которого максимально мимикрировали под Православие с целью их максимального соращения в унию и, с помощью «мазепизации», отрыва от русского народа. Зимой для монахов организовывались специальные занятия, во время которых углублялись знания таинств, служб, истории и аскетизма. Монахи активно занимались миссионерской деятельностью. Отцы Серафим и Иосиф делали из них «православный ученый

миссионерский монашеский орден» по технологии аввы митрополита Антония (Храповицкого).

31 августа 1909 года архимандрит Серафим был освобожден от обязанностей настоятеля и назначен миссионером-проповедником Холмской епархии. Однако уже 8 декабря это назначение было отменено, и архимандрит вернулся на свою прежнюю должность.

28 января 1914 года стал ректором Холмской духовной семинарии.

Был председателем Холмского епархиального училищного совета, редактировал также издаваемые епархией газеты «Холмская церковная жизнь» и «Народная газета».

3 апреля 1916 года рукоположен во епископа Бельского, викария Холмской епархии.

Позже – епископ Орловский, затем Смоленский. Расстрелян большевиками.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) в Западной Руси

Великим радетелем прав православного русского народа Западной Руси был архиепископ Евлогий (Георгиевский), ученик великого «аввы» Юго-Западной Руси митрополита Антония (Храповицкого), превратившего Волынь в «миссионерскую крепость “Союза русского народа”».

С 1905 года Евлогий – епископ Холмский и Люблинский. Он превращает Холмскую Русь в центр православной миссии и русского возрождения. Служит, проповедует, ищет и рукополагает активных мирян, создает православные СМИ, такие как «Холмская церковная жизнь» с «Народным листком», «Братская беседа», «Холмская Русь».

Приходские братства были объединены в Холмское Богородицкое братство, что активизировало их деятельность (в частности, братство открыло собственную типографию). По инициативе и при участии владыки были созданы Холмское женское благотворительное общество, Народно-просветительное общество Холмской Руси, Холмская архивная комиссия. Епископ Евлогий

**Архиепископ Холмский
и депутат Государственной
Думы России Евлогий**

председательствовал на ежегодных съездах, созывавшихся для обсуждения различных вопросов церковной и общественной жизни.

Также он уделял принципиальное внимание строительству в Холмской Руси «православного русского народного социального капитализма», соучреждает Холмское сельскохозяйственное общество взаимного кредита, товарищество для покупки и парцелляционной распродажи имений православным земледельцам, Русское сельскохозяйственное общество Холмщины и Подляшья для улучшения крестьянского хозяйства.

Избирается депутатом III Государственной думы, где готовит законопроект о передаче Холмской Руси из царства Польского в Россию (Выдвинул в Думе предложение о выделении Холмской Руси из царства Польского, которое получило вид законопроекта, принятого в 1912 году, – закона об учреждении Холмской губернии из частей Люблинской и Седлецкой губерний и изъятии ее территории из Привислинского края (царства Польского)). Активно полемизировал и боролся с антироссийскими силами, готовившими «февраль 1917 года», депутатами, представлявшими «Польское коло», Конституционно-демократическую партию и левые фракции, которые решительно возражали против сокращения территории царства Польского. В ходе обсуждения законопроекта апеллировал к общественному мнению, привлекая его на сторону православного русского народа Холмской Руси. В результате в Холмской губернии (ее официальное учреждение состоялось в 1913 г.) значительную роль с самого начала ее существования стала играть Холмская епархия Русской Церкви под руководством владыки Евлогия. Являлся одним из членов-учредителей Русского окраинного общества в 1908 году.

Здравые попытки вл. Евлогия нивелировать негативные последствия принятого под руководством ли-

беральных элит указа царя-страстотерпца Николая II «О началах веротерпимости» (выступал против расширения прав старообрядцев, предоставления им права проповеди, возражал против законопроекта о свободе перехода из одного вероисповедания в другое (30 мая 1909); был сторонником государственной поддержки церковно-приходских школ), развязавшего руки раскольникам и сектантам, но не позволившего Русской Церкви избрать Патриарха и миссионерски «профилактировать» революцию, были заблокированы либеральным лобби. Оно противодействовало многим инициативам архиепископа Евлогия, депутата русских национальных монархических фракций, и приблизило этим час падения России.

Когда под давлением «европейских партнеров», испугавшихся грандиозных масштабов православно-го русского возрождения Галицкой и Подкарпатской Руси, Санкт-Петербург отозвал архиепископа Антония (Храповицкого) с Волынской кафедры, Антонию удалось добиться назначения преемника в лице своего ученика архиепископа Евлогия, который продолжил его дело (за что его возненавидело «мазепинское» либеральное лобби в Санкт-Петербурге и униатололюбивые церковные либералы «антипатриархисты» типа о. Георгия Щавельского) и возглавил борьбу с униатским проектом автокефалии УПЦ после убийства по навету ее адептов убийства Киевского митрополита Владимира (Богоявленского) и добился избрания своего учителя Антония (Храповицкого) Киевским митрополитом. За что и попал с ним под «петлюровский» арест с подачи антипода митрополитов Антония и Евлогия, виновного в первом геноциде XX в. – массового уничтожения карпатороссов, Львовского униатского митрополита Андрея (Шептицкого). Именно за все это богоборцы и русофобы дали владыке Евлогию уничтожительную, с их (но блестящую с нашей) точки зрения, характеристику: «Во главе всей затеи с Холмщиной

стоял депутат III Думы и признанный глава всего думского духовенства епископ Люблинский и Холмский Евлогий – умный, энергичный и беззастенчивый демагог, одна из самых зловещих фигур воинствующего национализма^{*}. Это главное в жизни и деятельности митрополита Евлогия старательно замалчивают современные компрадоры, которые рекламируют чудовищную ошибку митрополита Евлогия, когда он под влиянием либеральных кругов парижской русской эмиграции, с которыми он «рубился» в Госдуме, предал то и тех, что и кто описаны выше, и ушел в раскол Константинопольского Патриархата, поддерживавшего всех раскольников, в том числе созданных Троцким «обновленцев». Потом митрополит Евлогий горько каялся в этом грехе и после Великой Победы 1945 года вернулся в Московский Патриархат!

^{*} (История СССР с древнейших времен до наших дней. М.: Издательство «Наука», 1968, Т. VI, стр. 365 (автор раздела – А.Я. Аврех).

**Наступательный миссионер,
«Иосиф Семашко» Холмской Руси
епископ Маркелл (Попель)**

Равноапостольный иерарх, вернувший холмских униатов в Православие, достоин прославления.

Родился в древнем русском городе Галиче, закончил классические гимназии в Станиславе и Бучаче, философский факультет в Черновцах, получил униатское богословское образование во Львове и Вене. Затем преподавал русский язык во Львове, стал униатским священником, был убежденным русским галичанином.

С молодых лет был литератором, автор трагедии «Немира», опубликованной в первой общерусской «антимазепинской» газете в Австрии «Зоря галицкая»,

**Епископ Полоцкий
и Витебский Маркелл
(Попель)**

там же публиковал свои исследования о певце Бояне (персонаже «Слова о полку Игореве»), напечатанного в венской газете «Вестник». Как и позднее, о. Гавриил Костельник, постепенно начал работу по возвращению всей Галицкой Руси в Православие, написав ряд богословских работ в защиту восточного богослужебного обряда. Среди его трудов: «Нравственное богословие», «Литургика»,

«Сто образков» (сто примеров из природы для чтения юношества). В 1865-1866 издавал во Львове народную религиозно-нравственную газету «Неделя».

Постепенство в спасительном деле возвращения в Православие претило о.Маркеллу, и для решительного ускорения процесса он переселяется в Россию и становится администратором греко-католической Холмской епархии. Он занял эту ключевую должность с целью вернуть всю Холмскую Русь в Православие, что и произошло 28 мая 1875 года.

С 8 июля 1875 года Маркелл – епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии. Его главной задачей, как и прежде, являлась активная наступательная православная миссия.

Следующая область служения – Подолия, где за век до того равноапостольный киевский митрополит Самуил (Миславский) вернул подольских и волынских униатов в Русскую Православную Церковь. И здесь – наступательная миссия.

Епископ Маркелл поощрял проповедническую деятельность подведомственных ему священников (сам много проповедовал и опубликовал около 60 своих слов, речей и бесед в «Подольских епархиальных ведомостях»), открытие церковно-приходских школ и создание из их учеников певческих хоров.

Затем – миссия в Белой Руси.

В 1882-м году Маркелл – епископ Полоцкий и Витебский. За время управления этой епархией открыл 172 церковно-приходские школы, активно создавал хоры певчих, стимулировал введение общего хорового церковного пения. В каждой церкви епископом было предписано вести богослужебный журнал, в который записывать темы для проповедей, затем проверявшие епархиальным архиереем. В 1887 году основал в Витебске братство во имя святого равноапостольного князя Владимира в миссионерских целях. В первый

же год в состав братства вступили до пятисот человек, обязанностью которых было деятельное православное благовестие. Но из-за ущербной синодальной системы равноапостольный миссионер и герой Западной Руси был отозван с «западнорусского фронта» на канцелярскую работу в Санкт-Петербург. Таким образом, отсутствие деятельного Патриаршества и миссионерский паралич Церкви были едва ли не главными факторами крушения России. Этот урок истории надо выучить!

Митрополит Николай (Ярушевич) – белорус во главе русской церковной дипломатии

Митрополит Николай (Ярушевич) – белорус, его отец – протоиерей Дорофей Филофеевич Ярушевич (2 декабря 1860 – 22 сентября 1930), потомственный священник, белорус, настоятель ковенского Александро-Невского собора, энергичный и просвещенный человек, владелец большой библиотеки. Впоследствии законоучитель Введенской гимназии в Санкт-Петербурге, затем Ксенинского института; в 1920-е служил священником в Киевском подворье на Васильевском острове – на подворье Киево-Печерской Лавры, как бы символизируя своим жизненным путем единство Великой, Малой и Белой Руси. 28 октября 1940 года патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) издал Указ об образовании Западного Экзархата (то есть присоединенных к СССР западных областей Украины и Белоруссии) в составе Волынской, Тернопольской, Галицкой, Гродненско-Виленской и Полесской епархий. Сам архиепископ Николай становился экзархом и главой

Митрополит Николай
(Ярушевич)

Волынско-Луцкой епархии с центром в Луцке, занимается возвращением в каноническую Церковь отпавших в польский «автокефалистский раскол». С 15 июля 1941 года – митрополит Киевский и Галицкий, экзарх Украины. 2 ноября 1942 года указом Президиума Верховного Совета СССР назначен членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. В марте 1944 года выехал на фронт (в гражданской одежде) для передачи Красной армии танковой колонны имени Дмитрия Донского, сооруженной на пожертвования верующих Русской Православной Церкви. В 1943 году был ключевым участником встречи митрополитов Сергия, Алексия и Николая, где были приняты решения об ограниченной свободе Русской Церкви, ибо без духовной мобилизации и реабилитации Русской Церкви и истории победить в Великой Отечественной войне было невозможно. Митрополит Николай был идеологом попытки «воцерковления СССР» и его преобразования в «Российскую империю 2.0», что сохранило бы всю нашу страну великой, единой и неделимой. Пиком «воцерковления СССР» и его трансформации в «Российскую империю 2.0» должно было стать Московское всеправославное совещание 1948 года, призванное утвердить законную роль Московского Патриархата как духовного лидера православного мира. Митрополит Николай стал главой Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата и убеждает митрополита Евлогия (Георгиевского) вернуться в лоно Матери-Церкви. Также в Московский Патриархат возвращается большая группа великих иерархов Русской Православной Церкви Заграницей (и этим начинается великое воссоединение Русской Церкви, апогеем которого стало подписание Акта о каноническом общении РПЦ и РПЦЗ 17 мая 2007-го года), таких как китайский митрополит Виктор (Святин), великий миссионер и монархист ми-

**Святой архиепископ
Серафим (Соболев)**

трополит Нестор (Анисимов), передавший образ Державной Божией Матери от святого Патриарха Тихона адмиралу Колчаку, и великий ревнитель православного учения о симфонии и Патриарха Никона архиепископ Серафим (Соболев), который в своем главном труде «Русская идеология»^{*} предупреждал о том, что нарушение принципа симфонии (говоря современным языком – стратегического партнерства)

Церкви и государства является катастрофичным для России.

Приглашенный Патриархом Алексием I и митрополитом Николаем, возглавивший подготовку текстов Всеправославного совещания 1948 года архиепископ Серафим занялся в Москве выдающейся миссионерской деятельностью и рукоположил во священный сан Всеволода Шпиллера, ученики которого в наше время основали крупнейший церковный вуз – Свято-Тихоновский богословский институт. В 1946-49 гг. это было возможно, но в 1949 году православный державный имперский разворот Сталина и «русской партии» в элите СССР, проект «преобразования СССР в православную Российскую империю», авторами которого были Патриарх Алексей I, митрополит Николай (Ярушевич), св. архиепископ Серафим (Соболев), был остановлен, элита «III интернационала» победила и Хрущев был предрешен.

^{*} https://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Sobolev/russkaja-ideologija/

Московское совещание 1948 года не выполнило своих стратегических задач, потому что поворот Сталина к Церкви был тактическим («Савл» так и не стал «Павлом»), и поэтому на Балканах он поддерживала тогда Тито, уничтожавшего русофильскую Сербскую Церковь, и греческих коммунистов, нападавших на Церковь Элладскую и эти обстоятельства мешали законному духовному лидерству Русской Церкви. Этой ситуацией не замедлили воспользоваться США, привезя на самолете президента Трумэна в Стамбул Афинагора, ставшего при их поддержке Константинопольским Патриархом. Русская Церковь в ситуации временного послабления, а не полноценного взаимодействия с великим государством, не смогла в полной мере реализовать свой грандиозный потенциал, и этот исторический урок должен быть выучен сейчас и симфония Русской Церкви и Российского государства должна стать необратимой и несокрушимой.

Великий проект духовного лидерства Московского Патриархата был сорван «хрущевско-бандеровским лобби» в ЦК, недовольным Львовским собором Русской Православной Церкви, принесшим справедливое возмездие историческому врагу Православной Руси – унии, породившей «историософскую ересь украинства». Именно эта элитная сила добилась отставки митрополита Николая и его более чем вероятного отравления: это была месть за его публичные обличения новых хрущевских антицерковных гонений. Именно Хрущев отвечал при Сталине за малороссийскую политику, и наверняка с его подачи был надолго «посажен» митрополит Вениамин (Новицкий), сорвавший в 1943 году нацистско-униатский проект «Поместной украинской Церкви», а карпатороссам во главе с их духовным вождем святым архимандритом Алексием (Кабалюком), умолявшим И. Сталина принять Карпаторусскую республику в РСФСР, было отказано.

И не один я указываю на роковую роль «красного бандеровца» Хрущева, пытавшегося уничтожить Русскую Православную Церковь и создать «Великую Украину», в недопущении мирного возвращения России на свой православный державный путь и в ее продолжающемся расчленении ныне:

«... По разным данным, реабилитированные националисты смогли уже в 70-х годах возглавить райкомы, областные исполнительные комитеты. Немалая часть смогла получить должности в министерствах и ведомствах Юго-Западной, Западной и Центральной Украины. Согласно советским партийным архивам, к 80-м годам прошлого века сотрудниками райкомов и обкомов партии на Западной Украине стали лица украинской национальности, которые в течение 1955-1959 гг. получили реабилитацию. Причем доля таких сотрудников была существенна и достигала в разных районах страны от 35 до 50 процентов».

(«Источник: «Что стало с бандеровцами после хрущевской амнистии?»)

Захвату власти в СССР идейными наследниками «красного бандеровца» Хрущева пытались воспрепятствовать белорусские партизаны во главе с Петром Машеровым.

**Витебские новомученики –
ревнители единства
Западной и Восточной Руси.
Протоиерей Николай Околович**

Витебск – уникальная жемчужина Белой Руси, город, вероятно, основанный святой равноапостольной княгиней Ольгой, связанный с именами святого благоверного князя Александра Невского и православного русско-литовского князя Ольгерда, центр православного русского восстания против духовного и национального порабощения унией и Речью Посполитой: витебцы, доведенные «униатским террористом» Иосафатом Кунцевичем до крайности, описанной великим православным русским правозащитником Лаврентием Древинским, были вынуждены пойти в его отношении на «крайние меры».

Витебск сыграл ключевую роль в крещении Ольгерда и Литовской Руси. Важным фактором принятия Ольгердом Православия и стремления преобразить Жмудь в Русь был его брак с витебской княжной Марией Ярославной. Это прагматическое намерение не противоречит аксиоме о Божьем Промысле в крещении Ольгерда, как не противоречит ему фактор желания князя Владимира жениться на ромейской принцессе Анне, ставший одним из факторов принятия решения Владимиром о православном крещении. До крещения и Владимир, и Ольгерд были лютыми мучителями христиан, Ольгерд – святых виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. После Крещения и тот, и другой преобразились. Но предательство Православия князем Ягайлой раскололо Литовскую Русь и приоста-

О. Николай Околович

новило преобразование Жмуди в Русь, что сделало Москву безальтернативной русской столицей. Великий витебец А.П. Сапунов писал: «Белорусская народность – одна из основных народностей русского племени; следовательно, сама мысль о белорусском сепаратизме, по меньшей мере, неуместна. Напротив, упрочение национального самосознания среди белорусской массы несомненно поведет к теснейшему единению ее с остальной Русью»*.

Витебск – это город, как и вся Белая Русь, практически уничтоженной в конце 1930-х годов церковной жизни. Новомученики всей Белой Руси, и Витебщины в особенности, были глубокими и образованными противниками отделения Белой Руси от Великой и обоснованно видели в подобных попытках униатскую и/или богоборческую интригу.

Великим пастырем, новомучеником Витебской земли является протоиерей Николай Околович.

Вот вехи его жития:

Вот вехи его жития:

Витебское духовное училище

«Год поступления 1873 – Год окончания 1877

Витебская духовная семинария

Год поступления 1877 – Год окончания 1883

Окончил Духовную семинарию по I разряду.

* <https://eadaily.com/ru/news/2018/07/05/nasha-kniga-udar-po-belorusskim-nacionalistam-i-ukrainskim-samostiynikam>

Московская духовная академия

Год поступления 1883 – Год окончания 1887,

магистрант

В 1883-1887 гг. учился в Московской Духовной Академии.

За свой миролюбивый нрав товарищами по учебе именовался «Николай Миротворец».

Служение

Витебская губ., г.Полоцк,

Полоцкая духовная консистория

Должность столоначальник Духовной консистории

Год начала 1887 День начала 6 Месяц начала 10

Год окончания 1887 День окончания 4 Месяц окончания 12

Витебская губ., Полоцкий у.,

г.Режица (Латвия, г.Резекне)

Должность противораскольничий миссионер Полоцкой епархии

Год начала 1887 День начала 4 Месяц начала 12

Год окончания 1888

На должность противораскольничьего миссионера Полоцкой епархии Николай Околович был назначен Преосвященным Маркеллом (Попелем), епископом Полоцким и Витебским, управляющим Полоцко-Витебской епархии в 1882-1889 гг.

В соответствии с новым назначением Николай Околович переехал в г.Режица (Резекне) – центр компактного проживания старообрядцев.

Занимая эту должность, он познакомился с Витебским губернатором князем Василием Михайловичем Долгоруким.

17 января 1888 г. Николай женился на внучке епископа Маркелла (Попеля) Александре Михайловне Децикевич, дочери протоиерея Михаила Кирилловича Децикевича (в 1871-1875 гг. он являлся администратором Холмской епархии).

Рукоположение

диакон

1888 *Месяц 1*

Кто рукоположил

епископ Полоцкий и Витебский Маркелл (Попель)

иерей

1888 *День 2 Месяц 2*

Кто рукоположил

епископ Полоцкий и Витебский Маркелл (Попель)

Служение

Витебская губ., Полоцкий у.,

г.Режица (Латвия, г.Резекне)

диакон, иерей

Год начала 1888

Год окончания 1889 День окончания 4 Месяц окончания 3

Витебская губ., г.Полоцк,

Никольская домовая церковь

Полоцкого кадетского корпуса

иерей

Должность настоятель, законоучитель Полоцкого кадетского корпуса

Год начала 1889 День начала 4 Месяц начала 3

Год окончания 1907 День окончания 19 Месяц окончания 7

Одновременно о.Николай являлся членом Полоцкого епархиального попечительства, председателем

Совета Полоцкого церковнобратства, председателем Полоцкого уездного отделения училищного совета.

15.08.1897 г. он был награжден Святейшим Синодом грамотой и Библией «За особое усердие и ревность в деле благоустройства местных церковно-приходских школ».

На Первом Миссионерском съезде, проходившем в Витебске 5-10 июня 1901 г., священник Николай Околович был единогласно избран председателем и утвержден в этой должности Преосвященным Тихоном (Никаноровым), епископом Полоцким.

В семье о.Николая и Александры Михайловны было четверо детей: два сына и две дочери.

В 1906 г. о.Николай Околович серьезно заболел. В 1907 г. болезнь стала сильно прогрессировать, и по требованию врачей он был вынужден переменить климат, переехав на служение в Воронеж.

Воронеж,

Воронежская духовная семинария

иерей, протоиерей

Должность ректор духовной семинарии

Год начала 1907 *День начала* 19 *Месяц начала* 6

Год окончания 1912 *День окончания* 21 *Месяц окончания* 12

С 19.06.1907 г. по 21.12.1912 г. о.Николай был ректором Воронежской духовной семинарии и главным редактором «Воронежских епархиальных ведомостей».

С 14.10.1908 г. до отъезда из Воронежа о.Николай Околович был председателем Воронежского епархиального миссионерского совета.

Он участвовал в деятельности 14 культурно-просветительских и благотворительных учреждений, в семинарии его трудами были устроены: обсерватория, биологическая и электрическая станции, оранжерея.

Был также главным редактором газеты «Воронежские епархиальные новости», где печатал свои лите-

ратурные труды, миссионерские отчеты, проповеди, некрологи.

В 1911 г., по инициативе о.Николая Околовича, в Воронеже были учреждены педагогические и миссионерские курсы для преподавателей церковно-приходских школ и приходского духовенства.

В Воронежской Семинарии трудами о.Николая были организованы обсерватория, биологическая и электрическая станции, оранжерея.

Был возведен в сан протоиерея.

В мае 1910 г. в Полоцке, во время перенесения из Киева мощей св.преподобной Евфросинии Полоцкой, Николай Околович встретился и познакомился лично с митрополитом Антонием (Храповицким).

В декабре 1912 г. протоиерей Николай был назначен законоучителем Двинского реального училища.

Из свидетельства Воронежского епархиального миссионера Льва Захаровича Кунцевича:

«...Под председательством протоиерея Николая Околовича Миссионерский совет работал плодотворно и оживленно. Приходится пожалеть об уходе из Воронежа почтенного миссионерского деятеля, отличавшегося необыкновенной отзывчивостью и сердечностью, согревавшей членов Совета и объединявшей их в одну семью, работавшую во имя дела без разделений и партий...»

Витебская губ., г.Двинск

(Латвия, г.Даугавпилс)

протоиерей

Должность законоучитель Двинского реального училища

Год начала 1912 *Месяц начала* 12

Год окончания 1917

С декабря 1912 г. по октябрь 1917 г. о.Николай был законоучителем в Двинском реальном училище.

В июле 1916 г. встречался с митрополитом Антонием (Храповицким) в Харькове.

В течение многих лет о.Николай был редактором «Полоцких епархиальных ведомостей», где печатал многие свои труды – больше тысячи страниц миссионерских отчетов, проповедей, некрологов.

**Витебская губ., Невельский у.,
с.Комша (Комшаны)**

протоиерей

Год начала 1917

Год окончания 1917

В 1917 г. – священник в Комшанской церкви Невельского уезда

**Могилевская губ., Гомельский у.,
г.Речица, реальное училище**

протоиерей

Должность законоучитель реального училища (до октября 1917 г.), преподаватель

Год начала 1917 День начала 8 Месяц начала 10

Год окончания 1919 День окончания 9 Месяц окончания 5

Во время Первой мировой войны протоиерей Николай переехал в г.Речица, куда было эвакуировано Двинское реальное училище. Семья в это время проживала в г.Кузнецке (Россия).

В Речице был единогласно избран секретарем объединенных педагогических собраний местных и эвакуированных учебных заведений, участвовал в реформировании учебных заведений всех типов в единую советскую трудовую школу. В 1-й Речицкой советской школе 1-ой ступени преподавал в старшем пятом классе все предметы, кроме рисования и новых языков.

3 марта 1919 г. уволен с преподавательской работы согласно закону о недопущении духовенства к занятию должностей в школах.

Проживал в г.Речица до мая 1919 г.

После окончания немецкой оккупации в мае 1919 г. он покинул Речицу и уехал в Витебск.

Витебск, Николаевский кафедральный собор
протоиерей

Должность настоятель (с 1922 г.), руководитель пастырской школы при соборе

Год начала 1919 *Месяц начала* 5

Год окончания 1922

С мая 1919 г. о. Николай служил в Николаевском кафедральном соборе в г.Витебске.

В мае 1919 г. Витебская духовная семинария была уже закрыта.

По благословию архиепископа Иннокентия (Ястребова) и с разрешения гражданских властей к 1919 г. при Николаевском кафедральном соборе г. Витебска начала действовать пастырская школа под руководством о. Николая Околовича.

Одновременно началось чтение лекций по Закону Божьему в советских трудовых школах 2-й ступени и для взрослых. Лекторами были священник Николай Околович и бывший ректор Витебской Духовной Семинарии протоиерей Сергей Артоболевский.

Протоиерей Николай Околович был лектором в старшей группе.

Он преподавал историю религий, общую и русскую церковную историю, а также основное, нравственное и догматическое богословие.

В этот же период о.Николай продолжал противосектантскую миссионерскую деятельность, с миссионерскими целями ездил в места проживания сектантов.

В 1922г. о. Николай был назначен настоятелем Николаевского кафедрального собора.

К Николаевскому собору были приписаны также Успенский собор, архиерейская церковь Архангела Михаила и больничная Скорбященская церковь.

В это время разгорелась кампания по «изъятию церковных ценностей».

Церковные ценности были реквизированы как в Николаевском соборе, так и в приписанных к нему церквях.

Благодаря мудрому поведению о.Николая сама «передача» ценностей прошла достаточно мирно, а в Успенский собор были возвращены изъятые литургические сосуды, что позволило вновь совершать богослужения.

Награды

грамота Священного Синода и наградная Библия

Год награждения 1897 День 15 Месяц 8

Кем награжден Священный Синод Был награжден грамотой «За особое усердие и ревность в деле благоустройства местных церковно-приходских школ»

Аресты

Витебск

Год ареста 1922

В 1922 г. о. Николай был арестован по подозрению в организации народных волнений и пикетов, препятствовавших изъятию церковных ценностей

Осуждения

././1922

Обвинение «организация препятствий изъятию церковных ценностей»

Приговор 1 год лишения свободы (условно)

Условно осужден на 1 год лишения свободы

Места заключения

Витебск, тюрьма

Год начала 1922

Год окончания 1922

Находился под стражей в течение двух недель, после чего был освобожден.

Вскоре амнистирован.

Служение

Витебская губ., Полоцкий у., с.Новики

протоиерей

Должность настоятель

Год начала 1922 *Год окончания* 1924

Витебский епархиальный совет, избранный в 1919 г., поддерживал Патриарха Тихона.

В 1921 г., согласно постановлению административного отдела Витебского горсовета, епархиальный совет был расформирован. В 1922-1925 гг. в Витебске действовало и было официально зарегистрировано только обновленческое епархиальное управление, единое как для сторонников Патриаршей Церкви, так и для обновленцев.

Через него производились все назначения священнослужителей с получением разрешения на служение от местных органов власти.

Поскольку вследствие ареста о.Николай потерял место своего служения, ему пришлось принимать новое назначение от обновленческого епархиального управления.

До осени 1924 г. о. Николай служил в церкви д. Новики и был настоятелем Комшанской церкви.

Одновременно он являлся уполномоченным Витебского епархиального управления по Невельскому уезду.

Витебская губ., Невельский (Витебский) у.,

с.Комша (Комшаны)

протоиерей

Должность настоятель, уполномоченный Витебского епархиального управления по Невельскому уезду

Год окончания 1924

Месяц окончания 10

В 1924 г. и 1927 г. обновленческий митрополит Иосиф (Кречетович) и обновленческий архиепи-

скоп Александр (Щербаков) письменно предлагали о.Николаю Околовичу перейти в обновленчество, принять архиерейский сан и Полоцкую епархию.

Ответом на это предложение был отказ.

Мудрость, врожденный такт, стремление разрешить конфликт мирным путем позволили ему служить в церкви в это сложное время.

Благодаря таким высоким личностным качествам о.Николай пользовался признанием даже со стороны обновленческой иерархии.

Витебским епархиальным советом и Высшим Церковным советом 1 июня 1924 г. он был награжден митрой.

Витебск, Ильинская церковь

протоиерей

Должность настоятель, благочинный церковей г.Витебска

Год начала 1924 *Месяц начала* 10

Год окончания 1931

Вплоть до ареста в 1931 г. о.Николай являлся настоятелем Ильинской церкви г. Витебска.

На этом месте служения он проявил себя ревностным и бесстрашным служителем Патриаршей Церкви, готовым к жертвенным поступкам.

В июле 1929 г. после закрытия Николаевской (батальонной) церкви о. Николай Околович принял в Ильинскую церковь весь приход этого закрытого храма во главе со священником Игнатием Иосафатовым.

Предчувствуя приближение времени испытаний, с 1928 г. по 1931 г. протоиерей Николай служил в Ильинской церкви ежедневно.

В 1929-1931 гг., во время пребывания на Витебской кафедре архиепископа Николая (Покровского), протоиерей Николай был назначен благочинным городских церковей Витебска.

О.Николай был верным помощником своему правящему архиерею архиепископу Николаю в деле возрож-

дения закрытых приходов и возвращения приходов из обновленческой юрисдикции (раскола. – КФ).

Благодаря этой деятельности из обновленчества вернулось более 50 приходов.

Протоиерей Николай часто возглавлял торжественные богослужения во вновь открывшихся церквях. Так, в частности это было в церквях с.Дорогокупово и с.Ужлятино, когда на богослужение собралось до десяти тысяч человек.

Были также торжественно освящены церкви в деревнях: Старое Село, Кабищи, Бескатово, Юровичи.

В этот период протоиерей Николай Околович стал важнейшей фигурой в уврачевании внутрицерковных расколов в Витебске.

В 1929 г. Совет народных комиссаров РСФСР рассмотрел проект о церковной автономии управления Белорусской Церкви.

Награды

митра

Год награждения 1924 День 1 Месяц 6

Кем награжден Витебский епархиальный совет и Высший Церковный совет (обновленческие)

митра

Год награждения 1928

Кем награжден

митрополит Сергей (Страгородский)

Аресты

Витебск

Год ареста 1931 День ареста 24 Месяц ареста 4

Был арестован Витебским Окротделом ГПУ и заключен в витебскую тюрьму.

Осуждения

Особое совещание при Коллегии ОГПУ

14/07/1932

Обвинение «антисоветская и антиколхозная агитация»

Статья ст.72, 76 УК БССР

Приговор из-под стражи освободить, 3 года лишения права проживания в 12-ти пограничных пунктах и Уральской обл. с прикреплением к определенному месту жительства

Архив УКГБ РБ по Витебской обл. Д.15759-П.

Обвинялся в антисоветской и антиколхозной агитации.

На допросе 13.01.1932 г. он засвидетельствовал, что за 5 месяцев 1930 г. через Витебский исправдом прошло около 80 священников, осужденных за неуплату налога.

14.07.1932 г. – постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ – он был освобожден из-под стражи, лишен права проживания в 12 пунктах и Уральской области с прикреплением к месту жительства на 3 года

Места заключения

Витебск, тюрьма

Год начала 1931

День начала 24

Месяц начала 4

Место пребывания после освобождения из тюрьмы неизвестно

Кончина

1934

умер в ссылке

По свидетельству его сына, Петра Николаевича Околовича, протоиерей Николай Околович скончался в ссылке в 1934 г. Место его смерти и погребения неизвестны.

Сам сын о. Николая Петр Николаевич Околович был арестован и расстрелян в 1937 г.

Канонизация

Священномученик протоиерей Николай Околович

Дата 03/11/2007

Кем канонизирован Синод Белорусского Экзархата, Определение от 3 ноября 2007 г.

Кто представил Белорусский Экзархат».

Опубликовано в каталоге святых новомучеников и исповедников Русской Церкви, собираемом Православным Свято-Тихоновским богословским институтом*.

На что в житии св. Николая Околовича следует обратить особенное внимание?

1. Пламенное миссионерство грандиозных масштабов.

2. Духовное ученичество у равноапостольного епископа Маркелла Попеля, вернувшего к Истине Православия русских Холмской Руси и потому достойного канонизации.

3. Духовная связь с великим миссионером и Патриархом митрополитом Антонием (Храповицким).

4. Миссия в Латгалии – древнем западнорусском балто-славянском крае (служба в г. Режице, переименованной латышскими дерусификаторами в Резекне

* http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/spc_1_foto/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxlITYZCF2JMTdG6Xd0idC5Wce-yXeeieuuWeCQUXULWs00Be8eieuoZceXbTcGZeu-yPnAn9XJyDHtyPnAn9XI

и в Двинске, переименованном могильщиками русско-го народа в Даугавпилс), входившем в Витебскую и Полоцкую губернии, центром которого был русский город Двинск (нынешний Даугавпилс). Смешны претензии нынешнего латвийского пронацистского режима к большевикам, подарившим им огромные территории Исторической Руси. Ныне в «демократической» Латвии, помимо репрессий против миллионов русских, запрещено даже упоминание о Латгалии и латгальском народе. Православный русский народ должен восстановить свою историческую память и хотя бы на географических картах восстановить историческую топонимию Новороссии, Малороссии, Южной Сибири, Белой и всей Западной Руси, Латгалии.

5. Богоборцы – ленинские большевики в качестве важного элемента атеизации поддерживали обновленческий раскол и пытались оторвать белорусские и малороссийские епархии от Русской Православной Церкви с помощью их автономизации как первого шага к автокефализации. В 1923 году такая попытка, осуществленная прогерманскими проуниатскими деятелями «БНР» (связкой «Шептицкий-Грушевский») и ленинскими «белорусизаторами» типа Коласа провалилась благодаря исповедничеству святого Патриарха Тихона. Но в 1929 году она была повторена теперь уже сталинскими «белорусизаторами», но провалилась благодаря стойкости митрополита Сергия (Страгородского), шедшего на компромиссы лишь до определенных рамок. Посягательство на единство и целостность Русской Православной Церкви было вне этих рамок!

6. Итак, выделение белорусов и малороссов в отдельные антирусские «проекты» это принципиальная часть не только его униатизации, но и атеизации, духовного убийства русского народа.

**Святой Владимир Еленевский –
Витебский исповедник, мирянин,
юрист, русский патриот**

Есть ложное представление о святости как о недосяжимом идеале, об обожении, являющемся смыслом жизни православного христианина («Бог стал человеком, чтобы человек стал богом» – св. Григорий Богослов), как о чем-то не имеющем отношения к реальности. Эти штампы опровергаются житием современного витебского святого юриста-следователя Владимира Еленевского:

«Святой исповедник Владимир Еленевский родился в 1874 году на Витебщине в семье протоиерея. Окончил Витебскую духовную семинарию и юридический факультет Императорского Юрьевского университета (Тарту, Эстония). Трудился судебным следователем Витебского окружного суда. Одновременно активно участвовал в жизни Церкви, применяя свои профессиональные знания на пользу Православия.

В 1918 году был избран от мирян в состав Епархиального совета Полоцко-Витебской епархии. Во время изъятия церковных ценностей открыто выступал против ограбления церковей богоборческой властью. В 1922 году Владимир Еленевский был арестован и приговорен к лишению свободы со строгой изоляцией на один год и последующим запретом работать следователем в течение трех лет.

По освобождении в 1926 году Еленевский вновь избран в Епархиальный совет Полоцко-Витебской епархии. Вера и личное мужество отличали его от мно-

гих, пытавшихся спасти жизнь в обновленчестве. Даже обновленцы называли Владимира Еленевского «думой тихоновцев», отдавая должное его авторитету.

В 1929-1931 гг. Владимир Еленевский как опытный юрист оказал неоценимую помощь в возобновлении закрытых ранее приходов и их возвращении из обновленчества. С его деятельным участием более 50 приходов вернулось в лоно Патриаршей Церкви.

Мудрость и профессионализм юриста, сопряженные с горячей верой, позволили Владимиру занять твердую позицию в неравном диалоге с богоборческой властью и использовать все законные средства для сохранения и укрепления Православной Церкви на Витебщине.

1 июня 1931 года Владимир Еленевский был арестован и помещен в витебскую тюрьму за мнимую принадлежность к «Истинно-православной церкви», подстрекательство к массовым волнениям и антисоветскую агитацию. На допросах признавал себя убежденным верующим и отрицал связь с обновленцами. 14 июля 1932 года В.Н. Еленевского освободили из-под стражи с условием высылки на три года.

По окончании срока ссылки Владимир Еленевский вернулся в Витебск инвалидом 2-й группы. Состояние здоровья не позволяло полноценно работать, поэтому приходилось терпеть полуголодное существование. В 1944 году он переехал в Минск и до 1948 года трудился юристом в Минском епархиальном управлении.

**Святой исповедник
Владимир Еленевский**

В 1949 году Владимир Еленевский вернулся в Витебск. Он состоял в переписке и имел личные встречи с митрополитом Минским и Белорусским Пителимом (Свиридовым), по просьбе которого написал очерк по истории противостояния обновленческому расколу в Витебской епархии в 1920-1930-е годы.

Прожив долгую жизнь, проявив, вопреки внешним скорбным обстоятельствам, исповедническое стояние в Православной вере, Владимир Еленевский скончался в Витебске 8 апреля 1954 года. Реабилитирован 12 сентября 1989 года прокуратурой Витебской области. Определением Синода Белорусского Экзархата от 4 ноября 2007 года исповедник Христов Владимир прославлен в числе Собора Белорусских святых*.

Следует отметить, что в 1943 году святой исповедник Владимир Еленевский, как и большинство православных христиан, не стал с «фигой в кармане» относиться к богоборческой советской власти, сделавшей Владимира инвалидом, но вынужденной в условиях военной угрозы повернуться лицом к Русской Православной Церкви и ценностям русского патриотизма, а активно трудился над восстановлением церковной жизни в Белой Руси.

* <http://blagovit.by/vladimir/>

Витебские православные миряне,
борцы за общерусское единство
Борис Бялыницкий-Бируля,
Федор Григорович и Георгий Полонский

Эти исповедники Православной веры пока не прославлены в лике святых, но то, что они внесены в каталог новомучеников и исповедников Свято-Тихоновского богословского института, позволяет надеяться на их скорую канонизацию :

«Бялыницкий-Бируля Борис Андреевич

Год рождения 1875

Место рождения

Витебская губ., Витебский у., с.Королево
член Священного Собора, член Витебского Епархиального управления. Родился в семье землевладельца. Его отец Андрей Симплицианович с 1863 г. являлся действительным членом Статистического комитета Витебской губ., а также заведовал единственной ме-теостанцией в губернии.

ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ [до 1917 г.] [2]

Образование

Новороссийский университет

Места проживания

Витебск

Год начала 1902

Год окончания 1917

Окончил университет и в 1902 г. поступил на должность кандидата в Витебском окружном суде, а в 1905 г. стал секретарем Витебского окружного суда.

С 1908 г. Борис Андреевич служил городским судьей 1-го участка Витебска, а с 1912 г. – губернским земским гласным от Витебского уезда и гласным Витебской городской думы. С июня 1917 г. Борис Андреевич работал уже не в судебном ведомстве, а юрисконсультom в союзе домовладельцев.

Служение

Священный собор Российской Православной Церкви 1917-1918 гг.

Должность член Священного собора от Полоцкой епархии

Год начала 1917 Год окончания 1918

В июле 1917 г. он был избран делегатом от мирян Полоцко-Витебской епархии на Поместный собор Российской Православной Церкви.

Места проживания

Витебск

Год окончания 1918

Борис Андреевич работал преподавателем законовeдения и состоял в Витебском городском учительском союзе.

После принятия 20 января 1918 г. Декрета об отделении Церкви от государства реакцией простых людей на этот закон был грандиозный крестный ход, прошедший в Витебске в праздник Сретения Господня – 15 февраля 1918 г. В нем участвовало до 10 тысяч человек.

17 февраля 1918 г. около 500 человек собралось в Архиерейском доме на религиозные чтения. Был прочитан доклад на тему «О житейских невзгодах и как с ними бороться».

После окончания доклада несколько красногвардейцев вошли в Архиерейский дом и открыли беспo-

рядочную стрельбу, в результате чего в нескольких местах была прострелена икона Спасителя.

В ночь с 17 на 18 февраля 1918 г. по распоряжению ревкома были арестованы ключарь Витебского кафедрального Николаевского собора протоиерей В. Томковид и эконом Архиерейского дома протоиерей о. Иоанн Овсянкин. В поисках пулемета, якобы установленного на соборной колокольне, красногвардейцы обыскали квартиры арестованных, Архиерейский дом и Крестовую домовую церковь, но ничего не нашли.

Тот факт, что красногвардейцы в шапках, с оружием в руках вошли в алтарь и прикасались к святыням, вызвал всеобщее возмущение и побудил к действиям в защиту веры.

Белорусский полк взял на себя охрану Николаевского собора и Архиерейского дома.

5-й Сибирский и Литовский полки потребовали от ревкома прекратить нападения на церкви.

Рабочие и служащие железной дороги собрались на митинг, на котором составили обращение в адрес ревкома, потребовав наказать виновных в незаконном обыске Архиерейского дома и кощунстве в Крестовой церкви.

Борис Андреевич принял активное участие в съезде духовенства Полоцко-Витебской епархии, сделав 14 июня 1918 г. доклад на тему «О положении Церкви при новых условиях жизни». Главной мыслью докла-

**Бялыницкий-Бируля
Борис Андреевич,
участник Собора
1917-1918 гг.**

(рис. Богдановича)

да была объединительная роль Церкви, как никогда проявившаяся во времена испытаний.

В итоге Борис Андреевич был избран сверхштатным членом Витебского епархиального управления, что было знаком признания его церковных заслуг

Аресты

Витебск

Год ареста 1918 День ареста 8 Месяц ареста 7

Обвинение при аресте «подозрение в контрреволюционных действиях»

8 июля 1918 г. в Витебске в числе других священнослужителей были арестованы деятельные организаторы православной жизни в Витебске – член Витебского епархиального управления делегат Поместного Собора Борис Бялыницкий-Бируля и член церковно-народного попечительства при Николаевском кафедральном соборе председатель Витебской городской думы врач престарелый Федор Григорович.

Они были помещены в витебскую тюрьму.

Основанием для ареста явилось заявление председателя Витебского Губисполкома о существовании Белорусской рады в г. Витебске.

Вскоре был арестован делегат Поместного собора и одновременно председатель приходского совета Христо-Рождественской церкви Георгий Полонский, будучи уполномочен епископом Пантелеимоном ходатайствовать перед ГубЧК об освобождении арестованных.

22 июля 1918 г. епископ Двинский Пантелеимон (Рожновский), сознавая, что ему также грозит арест, тем не менее, письменно обратился с ходатайством в Губ ЧК об освобождении невиновных.

В Губернскую ЧК также поступали многочисленные ходатайства от коллективов предприятий и организаций с просьбами об освобождении арестованных.

В одном из таких ходатайств, составленном от имени 800 человек, входящих в кондукторский проф-

союз железной дороги, Георгий Полонский, Борис Бялыницкий-Бируля и Федор Григорович именуются выдающимися общественными деятелями города Витебска.

Епископ Двинский Пантелеимон обратился также к св. Патриарху Тихону с просьбой оказать содействие в освобождении членов собора от Полоцкой епархии, о чем было сообщено на соборе.

27 июля 1918 г. Витебская ГубЧК заявила о существовании в Витебске контрреволюционной организации, членами которой якобы являлись арестованные Борис Бялыницкий-Бируля, Георгий Полонский и Федор Григорович.

Осуждения

Витебская Губернская ЧК

12/09/1918

Приговор – высшая мера наказания – расстрел

Обвинения предъявлено не было. В своем заявлении в Витебскую ЧК 10 августа 1918 г. Борис Андреевич засвидетельствовал о том что он невиновен:

«Пятая неделя проходит как я заключен в тюрьму и до сих пор меня не допрашивают и не объявляют, за что я арестован... Я никогда не позволял себе выходить из пределов законности и поэтому я уверен в своей невиновности перед властью. Как член Всероссийского Поместного собора, я принимал деятельное участие в устройении Православной Церкви».

В своем совместном обращении на имя Витебской ГубЧК Борис Бялыницкий-Бируля, Федор Григорович и Георгий Полонский утверждали:

«Мы страдаем совершенно невинно за чужие грехи, а, может быть, и по клевете.

Нам очень тяжело нести страдания за то, чего мы никогда не делали...».

К осени 1918 г. стало ясно, что арестованных освободить не намерены.

Места заключения

Витебск, тюрьма

Год начала 1918 День начала 8 Месяц начала 7

Год окончания 1918 День окончания 12 Месяц окончания 9

Кончина

1918 День 12 Месяц 9

расстрел

Место Витебск, около Духовского оврага

Место захоронения Витебск, урочище «Мазурино»
на окраине города, братская могила

Несмотря на отсутствие предъявленного обвинения, в ночь с 11 на 12 сентября 1918 г. Федор Григорович, Борис Андреевич Бялыницкий-Бируля и Георгий Иванович Полонский были расстреляны.

На 169-м заседании собора было объявлено, что расстреляны члены собора Бялыницкий-Бируля Б.А. и Полонский Г.А., «которые были взяты заложниками в ответ на убийство Урицкого и ранение Ленина».

Из местной газеты «Голос бедняка»:

«В ночь с 11-го на 12 сентября Чрезвычайной Комиссией расстреляны гр.гр. Григорович (доктор), Полонский и Борис Бялыницкий-Бируля обвиняемые в контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации в деревнях.

Это ответ красного Витебска на убийство тт. Володарского и Урицкого и на покушение на Великого учителя – т.Ленина»*.

Потомок Бориса Бялыницкого-Бирули Константин Бируля-Маянский является главой «Союза православных граждан Казахстана», современным православным русским правозащитником, много делает для популяризации правды о Белой Руси и православном русском Витебске.

* <http://kuz3.pstbi.ru/bin/nkws.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTcGZfSmFf8LUseVyAH7yV8Kfc5tjOLciB5sxDbtjOLciB>

Вместе с Борисом Бялыницким-Бирулей был расстрелян православный ревнитель и известнейший врач, лечивший всю городскую бедноту, Федор Григорович. Григорович, как русский патриот, отказался участвовать в сепаратистской «Белорусской народной раде» и в противовес ей принял активное участие в общерусском «Белорусском Народном Союзе». Дети Федора Григоровича стали активными православными ревнителями русской эмиграции, обличителями попыток отделить белорусов от русских.

**Витебский исповедник
Иван Григорович**

Третьим расстрелянным был Георгий Иванович Полонский, председатель приходского совета витебской церкви Рождества Христова, миссионер, церковный активист и обличитель попыток отделения Белой Руси от России.

**Витебский исповедник
православный активист
Георгий Полонский**

Замечательное жизнеописание витебских страстотерпцев было опубликовано Константином Бирулей-Маянским на портале «Союза православных граждан Казахстана». В этой публикации отмечено, что витебские рабочие активно выступали против гонений на Русскую Церковь и единство русского народа:

«Витебские страстотерпцы

Протоиерей Владимир Горидовец*

Для церковной жизни Витебска, как и для всей Церкви в пределах новообразованного Советского государства, 1918 г. стал переломным. 20 января 1918 г. Совет народных комиссаров принял декрет об отделении Церкви от государства. Одним из первых событий в Витебске, в котором отразилось отношение новой власти к религии, стало разорение красногвардейцами Витебского архиерейского дома, домово́й крестовой церкви, квартир священнослужителей витебского Николаевского кафедрального собора.

Красногвардейцы в шапках, с оружием в руках вошли в алтарь крестовой церкви, прикоснулись к святыням. Это вызвало всеобщее возмущение и побудило к действиям в защиту веры со стороны населения и регулярной армии.

Белорусский полк взял на себя охрану Николаевского собора и Архиерейского дома, 5-й Сибирский и Литовский полки потребовали от революционного комитета прекратить нападения на церкви. Рабочие и служащие железной дороги собрались на митинг, на котором составили обращение в адрес революционного комитета, потребовав наказать виновных в незаконном обыске Архиерейского дома и кощунстве в Крестовой церкви. Викарный Двинский епископ Пантелеимон (Рожновский), осуществлявший управление Полоцко-Витебской епархией, срочно покинул Москву, где участвовал в работе Поместного собора Русской Православной Церкви, приехал в Витебск и 24 февраля 1918 г. возглавил молебен в кафедральном Николаевском соборе перед простреленной иконой Христа Спасителя.

* <http://spgk.kz/prot-vladimir-goridovets/10-vitebskie-strastoterptsy>

10 июля 1918 г. была принята первая советская конституция, в которой духовенство и монашествующие названы нетрудящимися слоями населения и лишены избирательных прав. Тогда же, летом 1918 г., активно начала осуществляться политика «красного террора», жертвами которой стали многие представители православной Церкви. 8 июля 1918 г. в Витебске был арестован член епархиального управления, делегат Поместного собора Борис Андреевич Бялыницкий-Бируля*. Основанием для его ареста явилось заявление председателя Витебского губисполкома о деятельности в Витебске Белорусской рады** и заявление от 27 июля 1918 г. о существовании в городе «контрреволюционной организации». 8 июля был арестован также член церковно-народного попечительства при Николаевском кафедральном соборе, бывший действительный тайный советник и председатель Витебской городской

* Борис Андреевич Бялыницкий-Бируля (1875-1918 гг.), с 1905 г. являлся секретарем Витебского окружного суда, с 1908 г. городской судья 1-го участка Витебска, с 1912 г. губернский земский гласный от Витебского уезда и гласный Витебской городской думы, с июня 1917 г. юрисконсульт в союзе домовладельцев. Был избран делегатом от мирян Полоцко-Витебской епархии на Поместный собор Российской Православной Церкви. В 1918 г. работал преподавателем законоведения и состоял в Витебском городском учительском союзе, принял активное участие в съезде духовенства Полоцко-Витебской епархии, после чего был избран сверхштатным членом Витебского епархиального управления.

** Летом 1917 года в Белоруссии активизировались «белорусские» «национальные» силы, которые провели 2-й съезд белорусских национальных организаций и приняли решение добиваться автономии Белоруссии в составе России. На съезде была сформирована Центральная рада, которая после октября 1917 г. была преобразована в Великую Белорусскую раду. 25 марта 1918 года в Минске Рада провозгласила независимость Белоруссии.

Территория новопровозглашенного государства включала Могилевскую губернию и части Минской, Гродненской, Виленской, Витебской и Смоленской губерний. Республика не сложилась в самостоятельное государство, не получила международного признания. (Это была сфабрикованная германскими кругами, униатским митрополитом Андреем Шептицким и его протее, «создателем Украины» М. Грушевским попытка создать подобное УНР зависимое от внешних сил сепаратистское лимитрофное образование. – К.Ф.) К середине февраля 1919 г. на территории Белоруссии была установлена советская власть.

думы, военный врач в отставке, преподаватель Витебского учительского института Федор Иванович Григорович*. Поводом для ареста послужило то обстоятельство, что Григорович, будучи председателем Витебского комитета «Белорусского народного союза» (общественная организация, созданная 17 марта 1917 г.) отказался от присоединения к Белорусской народной раде – учреждению, имевшему исключительно политические задачи.

Вскоре на имя председателя Комиссии по борьбе с контрреволюцией (ВЧК) поступило обращение от прихожан витебской Христо-рождественской церкви, подписанное в том числе настоятелем протоиереем Фантином Капустинским и председателем приходского совета Георгием Полонским**. В этом документе доктор Григорович был охарактеризован как «уважаемый всеми старец, «патриарх» Витебска, человек честной жиз-

* Федор Иванович Григорович (8 февраля 1853 г. – 1918 г.), доктор медицины (утвержден в этом звании конференцией Военно-медицинской академии в 1889 г.), с 1888 г. младший врач 163-го Ленкоранского пехотного полка в Витебске, в 1892 г. утвержден старшим врачом 41-й артиллерийской бригады в Витебске, в 1894 г. награжден орденом св. Анны III степени, в 1902 г. награжден орденом св. Станислава II степени. В декабре 1904 г. назначен на должность главного врача 88-го запасного полевого госпиталя. Во время русско-японской войны служил главным врачом 29-го Харбинского сводного госпиталя, в 1905 г. награжден орденами св. Анны II степени и св. Владимира IV степени. С января 1906 г. старший врач 41-й артиллерийской бригады в Витебске, в 1912 г. вышел в отставку. С 1912 г. председатель Витебской городской думы, с 17 сентября 1912 г. штатный врач и преподаватель гигиены в Витебском учительском институте. С весны 1917 г. председатель Витебского комитета Белорусского народного союза. См.: Архивная справка Российского государственного военно-исторического архива №1504 от 4 августа 2005 г.

** Георгий Иванович Полонский (1890-1918 гг.), кандидат юридических наук, в 1914-1915 гг. исполнял обязанности земского начальника на участках Витебского и Лепельского уездов, в октябре 1915 г. мобилизован на военную службу; в феврале 1917 г. переведен в управление воздушного флота Двинского округа, в чине обер-офицера. В июле 1917 г. был избран делегатом от мирян Полоцко-Витебской епархии на Поместный собор, в апреле 1918 г. вернулся из Москвы в Витебск, избран штатным членом Витебского епархиального управления.

ни и высоких нравственных качеств, известный всему населению не только как отличный врач, но и как чуткий, отзывчивый на горе человек, оказавший многим людям в тяжелые минуты нравственную поддержку... для которого заключение в тюрьме в его возрасте [66 лет. – В. Г.] равносильно смертному приговору»*. 14 июля 1918 г. епископ Пантелеймон (Рожновский) уполномочил Георгия Полонского ходатайствовать об освобождении арестованных, ручаясь за их невиновность. Здание Витебской Губернской ЧК располагалось через дорогу от Николаевского собора. Перейдя дорогу, Полонский был арестован при входе в здание ЧК.

22 июля 1918 г. епископ Пантелеимон обратился в Витебскую ЧК с прошением: «В единодушии с витебским населением я умоляю об освобождении уважаемых витебских граждан Григоровича, Бирули и Полонского, которые напрасно томятся в тюрьме, будучи привлечены по недоразумению или же по чьему-либо недобросовестному доносу. Эти лица чужды какой-либо деятельности, направленной против советской власти... поэтому я не могу думать, что станут понапрасну мучить неповинных людей. Моя всегдашняя забота – поддерживать среди населения спокойствие и мир. Поэтому, зная, насколько уважаемы населением Григорович, Бируля и Полонский, я еще раз умоляю во имя справедливости, милосердия и правды освободить заключенных и возвратить больных страдальцев их измученным семьям»**. В Губернскую ЧК поступали многочисленные ходатайства от коллективов предприятий и организаций с просьбами об освобождении арестованных. В одном из таких ходатайств, составленном от имени 800 членов кондукторского про-

* Архив УКГБ Республики Беларусь по Витебской области, д. 24818-П. По свидетельству витебчанки Е.Н. Прудниковой, записанному от ее внучки Л.С. Бредихиной, население Витебского уезда знало Григоровича как доброго доктора, безвозмездно лечившего неимущих.

** Архив УКГБ Республики Беларусь по Витебской области, д. 24818-П.

фессионального союза железной дороги, Полонский, Бялыницкий-Бируля и Григорович были охарактеризованы как общественные деятели Витебска, а Григорович назван доктором, пользовавшимся «особенным уважением как доступный врач беднейшего населения города и, в частности, железнодорожников»*.

В Губернскую ЧК обращались и сами арестованные, остававшиеся в неведении относительно причин своего ареста.

Бялыницкий-Бируля писал: «Пятая неделя проходит, как я заключен в тюрьму, и до сих пор меня не допрашивают и не объявляют, за что я арестован... Я никогда не позволял себе выходить из пределов законности, и поэтому я уверен в своей невинности перед властью. Как член Всероссийского Поместного собора... я принимал деятельное участие в устройении православной Церкви». Выдержка из обращения Григоровича: «Не чувствуя за собой никакой вины... и чувствуя себя больным... прошу... предъявить мне скорее обвинение и... выпустить на поруки из тюрьмы до суда». О своей невинности свидетельствовал Полонский: «Двадцать шесть дней я нахожусь в заключении и до настоящего времени не знаю, за что я арестован и в чем меня обвиняют. Заключение в тюрьме для меня крайне тяжело по двум причинам: во-первых, я не чувствую за собой никакой ни уголовной, ни политической вины; во-вторых, здоровье мое ухудшается с каждым днем... После перенесенного брюшного тифа, осложнившегося сердечными припадками... нуждаюсь в продолжительном отдыхе и лечении для восстановления сил... Во время столкновения на религиозной почве в Витебске на Соборной площади в феврале 1918 года... я, едва двигаясь после болезни, пришел на собрание и в горячей речи призывал собрание к миру, любви и спокойствию, ибо таковы должны быть поступки христиан». В своем совместном обращении в Губернскую ЧК

* Там же.

арестованные утверждали: «Мы страдаем совершенно невинно за чужие грехи, а, быть может, и по клевете. Нам очень тяжело нести страдание за то, чего мы никогда не делали»*.

По воспоминаниям Федора Владимировича Григоровича, внука Федора Ивановича, В.Е. Кинович, супруга Федора Ивановича, ездила к академику И.П. Павлову, с которым Григорович вместе учился в Медицинской академии, и просила помочь в освобождении мужа. Академик Павлов обратился к В.И. Ленину, и в Витебск пришло подписанное Лениным указание об освобождении Федора Ивановича. Однако, по-видимому, распоряжение пришло слишком поздно. Несмотря на отсутствие обвинения, в ночь с 11 на 12 сентября 1918 г. Феодор Иванович Григорович, Борис Андреевич Бялыницкий-Бируля и Георгий Иванович Полонский были расстреляны. Эта казнь была одной из первых акций в ходе новой волны «красного террора», объявленной в постановлении Совнаркома от 5 сентября 1918 г. как ответ на происшедшие 30 августа 1918 г. покушение на председателя Совнаркома В.И. Ленина и убийство председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого. Сообщение о казни витебчан было опубликовано 16 сентября 1918 г. в местной газете «Голос бедняка» под заголовком «Ответ на белый террор»: «Это ответ красного Витебска на убийство Володарского**, Урицкого и на покушение на великого учителя Ленина»***. О расстреле было объявлено на 169-м заседании Поместного собора****. Отзываясь на кровавые акции «красного террора», святой Патриарх Тихон

* Там же.

** В. Володарский (настоящее имя – М.М. Гольдштейн) в 1918 г. являлся комиссаром печати, пропаганды и агитации. Был застрелен эсером-боевиком 20 июня 1918 г.

*** Ответ на белый террор: Только цветочки – ягодки впереди // Голос бедняка. (Витебск). 1918. 16 сентября.

**** Информационное письмо Государственного архива Российской Федерации №470-Т от 28 апреля 2005 г.

в послании к Совету народных комиссаров от 7 ноября 1918 г., в связи с 1-й годовщиной октябрьской революции, писал: «Все взявшие меч мечом погибнут [Мф. 26, 52]. Это пророчество Спасителя обращаем мы к вам, нынешние вершители судеб нашего Отечества, называющие себя «народными» комиссарами... Реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды... Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью часто без всякого следствия и суда... Казнят не только тех, которые перед вами в чем-либо провинились, но и тех, которые... заведомо ни в чем не виноваты, а взяты лишь в качестве «заложников», этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные не только им не единомышленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждениям»*.

27 мая 2005 г. Ф.И. Григорович, Б.А. Бялыницкий-Бируля и Г.И. Полонский по ходатайству Витебской епархии были реабилитированы прокуратурой Витебской области.

Священник Владимир Горидовец.»

* Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти: 1917-1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 149.

Белорусский партизан
Петр Машеров.
Мог ли этот «Савл»
стать «Павлом»?

Пересказывать биографию школьного учителя, партизанского командира и успешного руководителя БССР Петра Машерова нет смысла: она хорошо известна. Малоизвестными являются факты введения уроков или даже университетов нравственности для трудящихся Белой Руси*.

Петр Машеров

«Основы православной культуры» при Хрущеве в «цитадели атеизма» – БССР – были невозможны. И Машеров был здесь коллаборантом, иначе бы не удержался бы «наверху». «В работах о Евфросинии Полоцкой, Смотрицком, Зизании проявились отдельные отголоски внеклассового объективизма, идеализации отдельных богословов как выдающихся просветителей»**.

«Борьба с религиозными предрассудками – это часть нашей работы по формированию научного мировоззрения у всего народа, это борьба за судьбы людей,

* Петр Машеров. Эпоха и судьба. К столетию со дня рождения», М. ФНКАБР, 2017.

** Машеров П.М. О дальнейшем повышении действенности идейно-политической работы в свете решений XXIV съезда КПСС»; в книге Машеров П.М. Избранные речи и статьи. – Минск, «Беларусь», 1982. – С. 180.

**Митрополит Никодим
(Ротов)**

попавших в сети духовного дурмана, за чистоту представлений и идеалов каждого советского человека»*.

К сожалению, при нем продолжалась политика превращения БССР в «первую атеистическую республику».

Все предположение в том, что в условиях «подковерного» противоборства с «хрущевобандеровской» элитой и ее продолжателями «партизанская» элитная груп-

пировка могла пойти на диалог с Церковью, услышать сигнал от митрополита Никодима. И в этом диалоге главное – начать, Святая Церковь многих Савлов сделала Павлами.

И тема нравственных университетов могла быть и была поводом к такому диалогу. И через «нравственные университеты аккуратно приносить православную этику в массы – возможно. Мне не удалось разыскать содержание этих нравственных уроков, но сама по себе идея то глубоко православна. Значит, белорусские партизаны были альтернативой «хрущевобандеровцам» и «элитным» «системным либералам», которые, как предполагают, и устранили Машерова. Вообще само явление массового белорусского партизанского движения – это продолжение «Православного русского сопротивления» западнорусских братств,

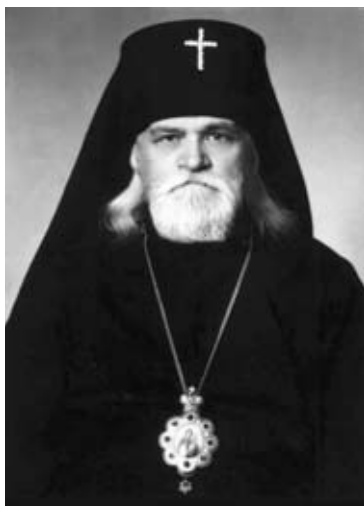
* Машеров П.М. «О мерах по выполнению постановления ЦК КПСС «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии»; в книге Машеров П.М. Избранные речи и статьи. – Минск, «Беларусь», 1982. – С. 209.

а их антипод – бандеровцы – это детище унии и ее плодов – «мазепинства» и «литвинства». Если бы белорусские партизаны во главе с Петром Машеровым возглавили СССР, пошли бы они на примирение с Церковью? Ведь со стороны Церкви преемник митрополита Николая (Ярушевича) на посту Главы ОВЦС духовный наставник нашего Патриарха Кирилла митрополит Никодим (Ротов) продолжал миссионерскую политику «воцерковления СССР и социализма», в его лице церковная рука Петру Машерову с его Университетами нравственности была протянута. Вспомним, что святой равноапостольный император Константин своим Миланским эдиктом просто прекратил гонения на Церковь, а дальше она все сделала сама – воцерковила империю и дала ей новую, осмысленную жизнь. Вот китайские коммунисты реабилитировали совсем не марксистскую фигуру Конфуция –, мог бы «Генсек Машеров» так же сделать «культовой» фигуру ученого белорусского митрополита Георгия (Конисского)? Может, тогда бы мы сейчас писали книги о Марсе как канонической территории Московского Патриархата вместо того, чтобы тратить время на опровержение «бандеромазепинских» и «неолитвинских» бредней?

Это не более чем предположение, этот шанс мог быть и не использован, но, пусть и небольшой, он был.

**Архиепископ Ермоген (Голубев) –
«Жировичский отшельник»
и ревнитель единства Великой,
Малой и Белой Руси**

С Белой Русью связана и незаурядная фигура архиепископа Ермогена (Голубева), прямо выступавшего против «хрущевско-бандеровской» политики уничтожения Церкви и пытавшегося «катехизировать» тех, кто сместил Хрущева – Брежнева, Подгорного, – в надежде на то, что с Хрущевым уйдет и план уничтожения Церкви. В разгар же хрущевской антицерковной политики вл. Ермоген добивался строительства храмов в Средней Азии, где тогда служил. Под давлением властей ему пришлось оставить кафедру и остаток своих

**Архиепископ Ермоген
(Голубев)**

дней он провел в Белоруссии, где делал все, чтобы не допустить ее превращения в «атеистическую республику»; его письма Брежневу, пусть небольшой, но все же эффект имели по принципу «капля камень точит». Брат архиепископа Ермогена Владимир еще до национальной катастрофы 1917 года был активистом общества по борьбе с «мазеповщиной», киевского «Двуглавого Орла», так что архиеп. Ермоген тоже

был ревнителем единства Великой, Малой и Белой Руси. Тем более, что 10/23 июля 1922 года митрополитом Михаилом (Ермаковым), Патриаршим Экзархом Украины, он возведен в сан архимандрита и назначен киевским епархиальным миссионером.

18 октября 1926 года назначен настоятелем Киево-Печерской лавры, которая в то время насчитывала 600 с лишним человек. В связи с занятием всех лаврских храмов обновленцами, а остальных – поддерживаемых большевиками раскольниками из УАПЦ богослужения совершались в то время в Ольгинской церкви на Печерске в Киеве. Братией Лавры управлял до 1931 года года включительно.

Как известно, в ответ на вмешательство Константинопольского Патриарха Мелетия в Польшу и учинение им там автокефалистского раскола и большевистской политики украинизации и насаждения раскола УАПЦ Святой Патриарх Тихон ликвидировал автономию УПЦ, данную Собором 1917-18 годов, и сделал Украину Экзархатом. Патриаршие Экзархи Михаил (Ермаков) и Константин (Дьяков) стали святыми мучениками, большевиками и автокефалистскими раскольниками, а Ермоген – их учеником.

**Минский митрополит
Антоний (Мельников) –
заложник атеистов**

Фигура Минского митрополита Антония (Мельникова) является противоречивой и трагической. Образованный, талантливый иерарх, он дважды стал «орудием уничтожения Церкви», когда ставил свою подпись под навязанными ему атеистическими властями антицерковными решениями. Первый раз, когда закрывалась Жировичская семинария, второй, когда, став Ленинградским митрополитом, снимал с

**Митрополит Минский
Антоний (Мельников)**

поста ректора Духовной Академии архиепископа Выборгского Кирилла, нынешнего русского Патриарха, который еще на посту ректора питерских духовных школ был последовательным миссионером и миссию которого пытались остановить.

Ссылка архиепископа Кирилла стала агонией «госатеизма» и очередным упущенным шансом руководства СССР. Ведь дату 1000-летия Крещения Руси нужно было использовать для мобилизации общерусского ядра Российского государства,

для «профилактирования» «мазепинства» и униатства и спасения Исторической России от расчленения.

Этот урок истории должен быть выучен, и в год 1030-летия Крещения Руси, когда униаты и «мазепинцы» штурмуют крепость Русской Церкви, в ответ должно начаться «миссионерское контрнаступление» Русской Церкви, возглавляемой «главнокомандующим миссионером» Патриархом Кириллом.

Объективности ради следует отметить, что митрополит Антоний (Мельников) исповедовал свои западнорусские взгляды в своей работе о роли Жировичской обители в жизни западнорусских епархий. Само именование епархий «западнорусскими» в тех условиях было «манifestацией западного русизма».

**Почетный Экзарх Белой Руси
митрополит Филарет (Вахромеев)
против расколоучителя Филарета (Денисенко)**

Преемником митрополита Антония стал митрополит Филарет (Вахромеев), при котором государственный атеизм кончился, но началось расчленение Исторической России. Митрополит Филарет в 1990-е годы противостоит насаждению антирусской псевдоидентичности. Митрополит Филарет поддерживает возрождение «западнорусизма», при нем появляется проект «Западная Русь» (www.zapadrus.su). И если Киевский митрополит Филарет (Денисенко), который до предательства отстаивал единство Руси, ее и Церковь предал, то Минский митрополит Филарет ее единство отстаивал и отстаивает и вместе со всей Русской Церковью предал Киевского Филарета анафеме.

**Митрополит Филарет
(Вахромеев)**

Заслугой митрополита Филарета является также блокирование серьезных попыток режима Шушкевича возродить в Белой Руси унию, автокефалистский раскол под «крышей» Константинопольского Патриархата и насаждение «литвинизации» и автономно-автокефалистских идей в Белорусском Экзархате, носителями которых являются фигуры типа прот. Сергия Лепина и ряда других, одного из которых, прот. Шрамко, митр. Филарет законно запретил в служении, сняв запрет после его, будем надеяться, искреннего, покаяния.

**Яков Трещенок и «западнорусизм»
от Михаила Кояловича
до Валентины Тепловой
и Льва Криштаповича**

Один из возрождателей «западнорусизма», бывший, кстати преподавателем у Александра Лукашенко. С 1996 года – доцент кафедры восточнославянской и российской истории Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова.

Другим выдающимся возрождателем западно-русской мысли являлся профессор И.В. Оржеховский, развенчавший как антибелорусскую символику «литвинской» Беларуси С. Шушкевича, его вдова В.А. Теплова – выдающийся представитель современного «западнорусизма» – подлинно национальной, православной русской мысли Белой Руси. Валентина Теплова вернула великое наследие митрополита Иосифа (Семашко), Михаила Кояловича, Платона Жуковича, Антона Будиловича, Илариона Чистовича и других великих «западнорусистов», описанных и неописанных в этой книге, это великое и актуальное наследие развивают такие пастыри и миряне, как Патриарший Экзарх митрополит Минский Павел, архиепископ Витебский Дмитрий, архимандрит Вассиан (Змеев), прот. Александр Романчук, Л. Криштапович, А. Гронский, А. Бендин,

Яков Трещенок

И. Зеленковский, А. Геращенко, Н.М. Сергеев, К. Шевченко, К. Аверьянов-Минский, Э. Мирсалимова и другие подлинно национально мыслящие люди Белой Руси.

**Митрополит Минский
Павел**

**Архиепископ Витебский
Димитрий**

И.В. Оржеховский

В.А. Теплова

**Архимандрит Вассиан
(Змеев)**

Прот. Александр Романчук

Л. Криштапович

А. Гронский

А. Бендин

И. Зеленковский

А. Герашенко

Н.М. Сергеев

К. Шевченко

К. Аверьянов-Минский

Э. Мирсалимова

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Единство русского народа Запада и Востока Руси – неоспоримый факт. В этой связи следует обратить внимание, что «самостийников», «иосафатовцев», «мазепинцев», «литвинов», «гитлеровцев» и прочих – менее всего следует называть «националистами» и «патриотами». Здесь испокон веков живет русский народ, а нации «литвинов» никогда в истории не существовало. Следовательно, подобные идеи и силы, их реализующие, – антинациональны. Менее всего эти прозападные силы следует считать демократическими. Если они, не дай Бог, придут к власти, то от них не следует ждать терпимости к западнорусской культуре и самосознанию. Очевидно, что лишение народа исторической памяти будет производиться радикальными методами (характерный пример – беспрецедентный погром Православия «мазепинцами» в соседней Галичине в последние годы). Это будут гонения на коренной для Белоруссии русский язык, на Русскую Православную Церковь, на историческую науку, ибо историческая правда является препятствием для отделения Белоруссии.

Такой же смешной является попытка утверждать, что великороссы не являются русскими, а «украли» русскую самоидентификацию у «украинцев» и белорусов. Если «украли», то почему «они» не пытаются

ее вернуть, не борются за нее? Потому что «они» отреклись от нее, что и показано в этой книге. Как и тот факт, что Московская Русь – это преемница Древнерусского государства, «Русь свободная» – не попавшая в оккупацию Речи Посполитой, и Западная Русь веками стремилась к воссоединению с ней.

Соответственно, единственным национальным, патриотическим, единственно неколониальным является путь общерусского единства.

Мы – единый народ и должны жить в единой стране, в Союзном государстве России и Белоруссии. Единая, сильная Историческая Россия сможет стать влиятельным и подлинно суверенным государством. Только в случае воссоединения русского народа оно будет подлинно суверенным, способным проводить действительно независимую внутреннюю и внешнюю политику, только единая общерусская культура может быть «конкурентоспособной» в мире, а единая Русская Православная Церковь – обеспечить духовное возрождение. Иного пути нет.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

«Православное сопротивление», русское гражданское общество Западной Руси и русское воссоединение

Почему в книге так много Малой, Червонной и Подкарпатской Руси?	5
Куликовская битва – праздник единства Восточной и Западной России, Руси Московской, Руси Волынской и Руси Литовской!	10
Ягайло – «демон русской истории»	14
Православный русский князь Андрей Ольгердович – «Антиягайло»	15
Великие ревнители единства Русской Церкви митрополиты Киевские, Московские и всея Руси Киприан и Фотий	17
Этническое единство восточных и западных русских	26
Гонения на Церковь и геноцид русского народа на западе Исторической России	32
«Россия как “Третий Рим” и “удерживающий”». Историческая справка	36
Униатские корни проекта отдельной от Москвы западнорусской митрополии и проектов автокефалий в Малой и Белой Руси. Почему Вильна не стала русской столицей?	43

О визите делегации Константинопольского Патриархата к Порошенко и его жалких попытках испортить великий праздник Крещения Руси	58
Святые виленские мученики как символ и знамя общерусского единства	81
Борьба Вселенской Церкви за единство Церкви Русской	84
Воссоединение Восточной и Западной России	107
Идеологический реванш «как бы несуществующей Речи Посполитой»	111

ЧАСТЬ II

Святые и пророки Западной Руси

Святитель Кирилл Туровский	185
Святая Ефросинья Полоцкая как символ русского единства	198
Полоцкая Русь до Твери. Святитель Симеон Полоцкий	210
Первый идеолог разворота Руси от Запада и евразийской интеграции Киевский и всея России митрополит Кирилл III	213
Волынянин создает Москву как столицу. Святой митрополит Киевский, Московский и всей России Петр	215
Галичане и волыняне начинают, а «северские русины» продолжают «евразийский разворот» Руси. Митрополит Алексей, Северская Русь и «черниговская православная группировка» в Москве	220

Литовский русский князь – основатель Подкарпатской Руси. Князь Федор Кориатович	232
Русский первопечатник Франциск Скорина	275
Петр Тимофеевич Мстиславец как символ единства Восточной и Западной Руси	280
Православный русский гетман Литовской Руси Григорий Ходкевич	282
Диакон Иоанн Федоров – «москаль во Львове»	284
Князь Константин Острожский (1526-1608): «с волками жить – по-волчьи выть». Вынужденный коллаборационизм как цена за спасение русских Церкви и народа	288
Русский «коллаборант» Адам Кисель	295
План и контрплан. Создание Московского «Третьего Рима», Великой, Малой и Белой России и всех Северных Земель Патриархата, воссоединение Руси и строительство «катехонической» Православной империи и «контрплан» – Кревская, Люблинская, Брестская унии, Смута в России и ликвидация Православной Руси	314
Святой игумен Афанасий (Филиппович) – символ Православного русского сопротивления ...	336
«Неполиткорректный» русский святой Иоанн Вишенский	340
Православные братства Западной Руси	343
Виленское Св.-Троицкое православное братство создано идеологом «Третьего Рима»	345
Стефан и Лаврентий Тустановские (Зизани)	347
Православный русский политик и проросащитник Лаврентий Древинский	353

«Покаявшийся АТОшник XVII в.» гетман Петр Сагайдачный	357
«Эллино-словенский» период киевской православной апологетики: митрополит Иов (Борецкий), Захария Копыстенский и Памва Берында	378
Святой митрополит Киевский, Галицкий и Малой России Петр Могила как отец русского высшего образования	383
Кочубей и Искра – герои воссоединения Руси!	394
Митрополит Гедеон (Святополк-Четвертинский) как символ воссоединения Русской Церкви должен быть прославлен в лике святых	404
Идеолог русского воссоединения Великой, Малой и Белой Руси Патриарх Никон превратил Москву в мало- и белорусский город	407
Полоцкая Русь встречает московского царя. Ревнитель воссоединения Русской Церкви и защитник Патриарха Никона архимандрит Игнатий (Иевлевич)	427
Западнорусский филолог Симеон Полоцкий – идейный отец «глобальной русской унии» Владимира Соловьева	429
Западнорусские идеологи Российской империи и защитники ее православного выбора	432
Западнорусский апостол святой Могилевский архиепископ Георгий (Конисский) ..	440
Митрополит Иосиф (Семашко) – «Моисей белорусского народа»	536
Из Червонной Руси – в «Черную»	548

Русский народный губернатор граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский как эталон для «путинской мобилизации национальной элиты»	554
«Русская весна» императора Александра III. Помпей Батюшков и православное возрождение Западной Руси	558
Доскональнейший исследователь Западной Руси и крестный отец Михаила Булгакова профессор Николай Петров	561
Русский национальный пророк Михаил Коялович	564
Ученый миссионер о. Иоанн Флеров – «певец» православных братств Западной Руси как православного русского гражданского общества	568
Неуслышанное послание профессора Чистовича: если историей Западной России не занимаемся мы, то ей занимаются другие и создают «украины»... ..	59
Григорий Киприанович – «Глыба» Западной Руси, «птенец гнезда Семашкова»	571
Профессор Владимир Зенонович Завитневич вернул русскому народу Манифест его воссоединения – «Палинодию» Захарии Копыстенского	574
Архиепископ Минский и Бобруйский Михаил (Голубович) – ревнитель «западнорусизма»	577
Археограф «Великия, Малыя и Белья России» Петр Бессонов	581
Ксенофонт Говорский – выдающийся «западнорусист» и опровергатель «украинства» ...	582

О. Иоанн Григорович – продолжатель дела св.Георгия Конисского	587
Платон Жукович	590
Западнорусский народный учитель Александр Миловидов	602
Иван Носович – ревнитель белорусской самобытности и лингвистического единства Западной и Восточной России	606
Певец Витебской русской земли Алексей Парфенович Сапунов	607
Дмитрий Скрынченко – идеал деятельного православного мирянина – политика Западной Руси	611
Минский и Могилевский епископ Михаил (Темнорусов)	615
Слуцкий епископ святой Иоанн (Поммер)	616
«Мракобес, миссионер, националист» профессор Константин Харлампович	617
Ученик великого Кояловича Афанасий Ярушевич	619
Иван Лаппо – рыцарь Литовской Руси и Единой и Неделимой России	620
Белая Русь и Русь Подкарпатская. Антон Будилович как символ их и общерусского единства	625
Запад Белой Руси – Холмская и Лемковская Русь ...	640
Академик Евфимий Федорович Карский	649
Династии Белой Руси. Отец и сын, Лукьян и Иван Солоневичи	653

Великий русский государственный Петр Столыпин – сын Белой Руси!	657
Великий Патриархист Западной Руси епископ Митрофан (Краснопольский)	659
Епископ Могилевский Стефан (Архангельский) – великий слобожанский и белорусский миссионер и контрреволюционер	665
Первоиерарх Русской Церкви митрополит Петр (Полянский)	668
Святой Патриарх Тихон. Западнорусский период	670
Митрополиты Пантелеимон (Рожновский), Алексий (Громадский) и Вениамин (Новицкий) и иерархи Белоруссии и Малороссии – крест борьбы с униатским и нацистским проектом белорусской и украинской «автокефалий»	672
Епископ Митрофан (Зноско-Боровский) – русский пастырь Белой Руси, борец с «мазепинством» и «литвинством»	692
«Православное русское сопротивление» раскольническо-униатской «Польской автокефалии». Жировичский монастырь как центр «Православного русского сопротивления»	695
Смертный грех Платона Латышенко	712
Архиепископ Серафим (Остроумов) – мученик, просветитель Холмской Руси, враг либерализма	714
Митрополит Евлогий (Георгиевский) в Западной Руси	717
Наступательный миссионер, «Иосиф Семашко» Холмской Руси епископ Маркелл (Попель)	721

Митрополит Николай (Ярушевич) – белорус во главе русской церковной дипломатии	724
Витебские новомученики – ревнители единства Западной и Восточной Руси. Протоиерей Николай Околович	729
Святой Владимир Еленевский – Витебский исповедник, мирянин, юрист, русский патриот	744
Витебские православные миряне, борцы за общерусское единство Борис Бялыницкий-Бируля, Федор Григорович и Георгий Полонский	747
Белорусский партизан Петр Машеров. Мог ли этот «Савл» стать «Павлом»?	761
Архиепископ Ермоген (Голубев) – «Жировичский отшельник» и ревнитель единства Великой, Малой и Белой Руси	764
Минский митрополит Антоний (Мельников) – заложник атеистов	766
Почетный Экзарх Белой Руси митрополит Филарет (Вахромеев) против расколоучителя Филарета (Денисенко)	768
Яков Трещенок и «западнорусизм» от Михаила Кояловича до Валентины Тепловой и Льва Криштаповича	769
Заключение	773

Кирилл Александрович
ФРОЛОВ

С В Я Т Ы Ё
И П Р О Р О К И
БЕЛОЙ РУСИ

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 24,5.
Тираж 1000 экз.

«Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru